

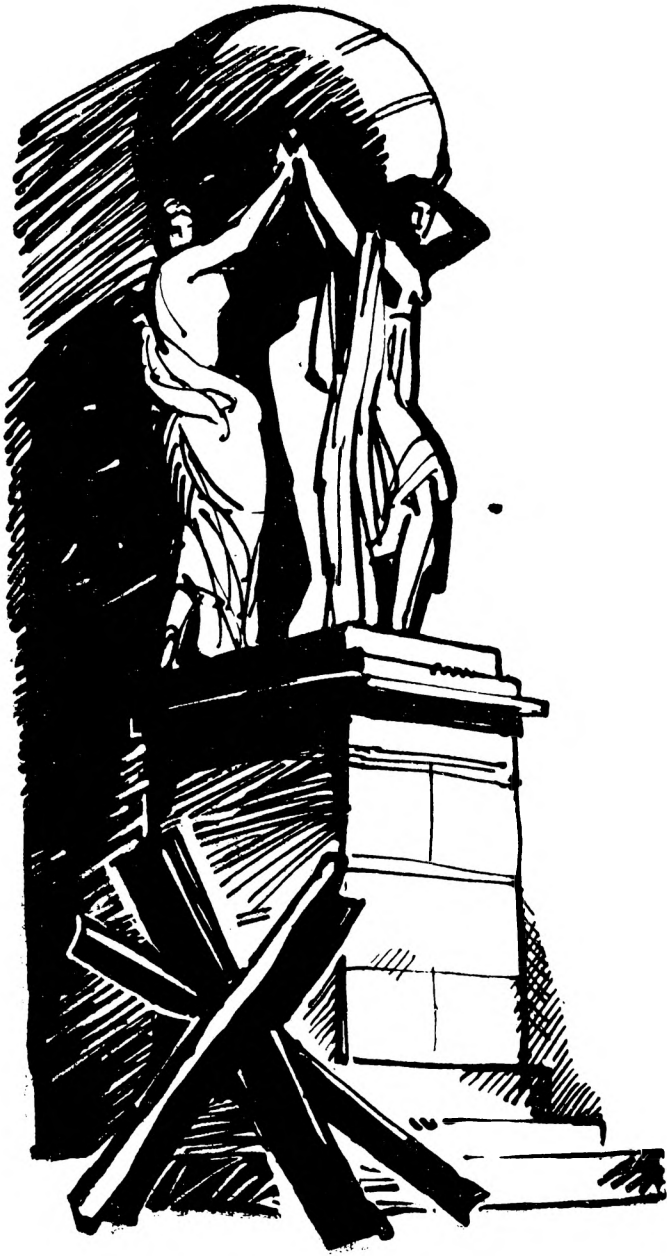

Павел Лукницкий

**СКВОЗЬ
ВСЮ
БЛОКАДУ**

Табел Лукницкий

**СКВОЗЬ
ВСЮ
БЛОКАДУ**

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА
ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА-1975**

Л $\frac{70302-064}{068(02)-75}$ 171-75

ЧУДО, ПОРАЗИВШЕЕ МИР

Город-герой Ленинград и вся наша страна в январе 1974 года отметили важную историческую дату — 30-летие со дня полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады.

В памяти народа навсегда остались незабвенные страницы долгих дней борьбы. Чудо, поразившее мир, предстало во всем блеске славы. Казалось непонятым, как город, который должен был слабеть с каждым днем, не только не слабел, а все больше и больше подымался в силе и могуществе.

Гитлеровское командование направило против Ленинграда удар огромной силы. Ненавидя все советское, стремясь его истребить, делая ставку на моральное подавление нашего народа, фашисты, естественно, должны были прежде всего обратить свои хищные взоры на Ленинград — славу России, колыбель Октябрьской революции. Ведь здесь были заложены основы Советского государства, Красной Армии. Это город старой рабочей гвардии, светоч национальной культуры, город, на который с любовью смотрели все свободолюбивые народы мира. Его заслуженно называли арсеналом социалистической индустриализации. Он обеспечивал новостройки пятилеток машинами, станками, оборудованием. Мощные электростанции, нефтяные промыслы, угольные копи оснащались руками ленинградских рабочих. Это он создал в свое время первый советский трактор, первый советский блюминг, турбины для первенца электрификации — Волховской гидроэлектростанции.

Город на Неве — это ключ к Северу. Отсюда идут пути к Белому морю и Ледовитому океану, в Арктику, которую мы сделали обжитой областью страны. Немцы хотели отнять у нас этот ключ к Северу. Овладение Ленинградом превратило бы Балтийское море в немецкое море, лишило бы нас Балтийского флота, чрезвычайно окрылило бы белофинских союзников Гитлера и дало бы возможность фашистам наступать на Москву вдоль Октябрьской железной дороги, угрожая отрезать Север от остальной России.

Манили фашистских бандитов и богатства великого города. Здесь Гитлер хотел устроить свои армии на теплую и сытую зимовку.

На защиту колыбели революции вместе с ленинградцами поднялась вся страна — поднялась, чтобы дать бой врагу, объявившему миру, что он сотрет город Ленина с лица земли. Настало время яростной борьбы, которая продолжалась 900 дней и закончилась полным разгромом гитлеровских армий.

О событиях этих незабываемых суровых дней борьбы, о подвигах советских патриотов на Ленинградском фронте написано много. Но книга Павла Николаевича Лукницкого «Сквозь всю блокаду» имеет свое, особое значение.

П. Н. Лукницкий с первых дней войны встал вместе с другими писателями-ленинградцами в ряды армии, был участником и свидетелем грандиозной драматической эпопеи родного города, пережил всю осаду. День за днем он вел подробные дневниковые записи, которые и помогли ему создать настоящую живую хронику событий блокадного Ленинграда.

Автор книги постоянно бывал на всех участках фронта, наблюдал боевую работу стрелков, танкистов, артиллерии, кораблей и морской пехоты, снайперские подвиги. Хорошо знакомы ему тяжелые Синявинские бои и прорыв блокады, взятие Шлиссельбурга и подвиг защитников крепости Орешек. Встречал он и первый поезд, пришедший в Ленинград с Большой земли. Он очевидец и тех событий, когда наша армия, взломав кольцо блокады и перейдя в решительное наступление, сокрушила полчища гитлеровских захватчиков, а остатки их погнала на Юго-Запад.

Описывая драматическую первую зиму блокады, автор, обращаясь к будущим историкам, подчеркивает, что бесчисленные

дневники ленинградцев будут «драгоценнейшими уцелевшими документами». Они расскажут «о девушках-комсомолках... которые ходят из дома в дом, неся бескорыстную помощь людям, таскают ведрами воду из Невы, Фонтанки, Мойки, спасают муку из горящих пекарен, оставаясь голодными сами; увозят на саночках полумертвых людей в больницы». Расскажут «о шоферах, привозящих в Ленинград по ладожской трассе хлеб; о слесарях, отпиливающих на улицах города запалы у пятисоткилограммовых невзорвавшихся бомб; о дикторах радиокомитета, всегда, что бы ни случилось, остающихся у микрофона; о подростках, что в ледяных цехах изготавливают прилипающими к металлу руками пулеметы и автоматы; о сторожах и дворниках, наборщиках и сиделках, пожарных и телефонистках, милиционерах и композиторах — обо всех, чьи исполинские нечеловеческие усилия поддерживают чуть теплящуюся жизнь города-великана!..»

В книге и идет речь именно об этих простых людях — доблестных защитниках Ленинграда, сердца которых составили несокрушимую для врага линию укреплений.

Заслуга автора также в том, что он называет имена тех, кто сдержал первый натиск врага, кто остановил на всех направлениях его удары, устремленные на Ленинград, кто был героем больших и малых битв. Надо, чтобы советские люди знали эти имена. Такие подробности нужны, потому что в них отражается дух времени и память для будущего.

У Лукницкого стиль скромного, правдивого рассказчика, который сжато говорит о значительном и главном, но эта сжатость только подчеркивает драматичность и важность того, о чем он повествует.

Какие бы сцены, на фронте и в городе, ни описывал автор, в них звучит великая вера в победу. Чувство нравственного здоровья охватывает вас, когда вы читаете о том, как город-фронт постепенно, даже в самые трудные дни продолжающейся блокады, начинает жить, как полагается большому городу, в котором работают и театры, и школы, и больницы, и музеи.

Красной нитью через всю книгу проходит мысль о вдохновляющей роли партии. Она неустанно помогает городу и фронту, организует действия защитников Ленинграда, учит их бороться с трудностями и побеждать врага,

Год от года пополняется литература о бессмертном подвиге Ленинграда. И в ней всегда почетное место будет занимать книга Павла Лукницкого «Сквозь всю блокаду», просто и правдиво повествующая о великом подвиге защитников города Ленина.

Николай ТИХОНОВ

1941

Глава первая

НАЧАЛО

(Ленинград. 22—27 июня 1941 г.)

22 июня 1941 года

С утра, не включая радио, работал дома. Обратил внимание, что очень уж упорно гудят самолеты. Включил радио — было два часа дня. Услышал сначала сообщение ПВО о введении угрожаемого положения. Оно повторилось дважды. «Учебная тревога, что ли?» Но ровно в два — речь, уже обошедшая мир, записанная на пленку. Первое впечатление: ощущение, будто, нарушив космическое равновесие, темная, враждебная масса ворвалась в атмосферу Земли. И вслед за сумятицей мыслей сразу ясность: всё мое личное, неразрешенное, беспокоившее до сих пор, — с этой минуты незначительно и для меня не важно. Его нет, будто оно смыто внезапной волной. И мгновенное решение: мое место — в строю, немедленно, сегодня же!..

В волнении спешу к телефону, звоню в «Правду»: «Я в вашем распоряжении. Чем могу быть полезен?» Ганичев в ответ: «Напишите корреспонденцию о Ленинграде».

Сообщив в Союз писателей, что хочу немедленно ехать на фронт и прошу включить меня в первый список мобилизуемых, занялся поручением «Правды».

Пишу о спокойствии города Ленина, спокойствии особенном — выдержанном и строгом. О зеленеющих, как и вчера, садах и скверах, в которых по-прежнему резвятся дети. О лицах прохожих. О народе, толпящемся у репродукторов. О решимости, о том, что сегодня фашизм подписал себе смертный приговор...

«...Семнадцатилетняя девушка, дежурная пункта ПВО, сидит у подъезда большого дома на улице Щорса. Девушка только что проверила познания своей подруги, которая сменит ее, и теперь ведет разговор: «Смотрю я на небо — видите, серебряные „ястребки“? Всё время слежу за ними. И, знаете, душа спокойна: узнают теперь лицемеры проклятые, какие у нас „ястребки“!»

Сегодня — воскресный день. Но, едва узнав о вероломном нападении фашистов, каждый ленинградец спешит связаться со своим заводом, предприятием, учреждением: он ждет распоряжений, он готов в любую минуту примкнуть к своим братьям, уже ведущим войну. Те, кто получил ответ, что свой воскресный день могут провести, как обычно, не меняют задуманной еще накануне, до войны, программы отдыха. По серебрящейся в лучах солнца Неве бегут пароходики к Парку культуры и отдыха. На стадионе играют в футбол и теннис. Устье Невы бороздят белопарусные яхты. Кино и театры работают, как всегда... Но каждый ленинградец полон мыслей о своем долге. Каждый проверяет себя: всё ли сделано им, чтоб быть безусловно готовым к бою?..»

И еще я пишу о бесстрашии, мужестве, твердости, единодушии, о великих традициях ленинградцев, о том, как вели себя они в прошлых, достойно пережитых испытаниях... Я закончил статью словами: «Каждый знает: война с вероломным врагом будет победной».

Корреспонденция моя называется «На боевых постах» и уже передана в Москву по телефону.¹

Ночь на 23 июня

До сих пор мне было совершенно не важно, что окна квартиры обращены на запад, до сих пор не приходилось и думать о том, куда именно обращены окна.

Но нынче ночью завывли сирены, зачастили, надрывая душу, гудки паровозов и пароходов, отрезая эту белую ночь от всех прошлых ночей, когда нам спалось бестревожно. И хотя все звуки тревоги скоро замолкли и ночь была до краев налита тишиной,

¹ Опубликована в «Правде» 25 июня 1941 г. (Здесь и дальше примечания автора.)

нная эпоха, в которую мы вступили, сказывалась уже и в том, что из своего окна смотришь не во двор, не на корпус противоположного дома, а сквозь него гораздо дальше — на Запад.

Наталья Ивановна присела на подоконник, молча глядела из окна, мерно дыша прохладным, прозрачным воздухом белой ночи. Ее думы, наверное, были точь-в-точь те же, что и мои.

В строгой, через силу спокойной тишине слух старался уловить только легкое комариное звучание — где-то безмерно далеко. И воображение переносило меня от разрушенной Герники к изуродованным кварталам Ковентри и к тому, что случилось меньше суток назад в Минске, в Одессе, в Киеве... Я пытался представить себе: как это бывает? Вот так: сначала легкое комариное жужжание в тихом, спокойном воздухе, потом звук нарастает, близится, потом одуряющий гул — и сразу свист, грохот, дым, пламя, и для многих это — последнее, оборванное болью и тьмой впечатление.

Сейчас в небесах — утренняя заря. Попробую точно записать впечатления этой ночи. Я облокотился на подоконник и думал: где сию минуточку находятся, черные в белой ночи, немецкие бомбардировщики? Над вековыми, дремлющими в ночных испарениях лесами? Над полями, пахнущими свежим сеном, полынью, мятой? Над тихими, белесыми, отражающими светлые небеса водами Балтики? Сколько их, этих немецких бомбардировщиков? Тысяча или один? Где наши самолеты? Летят по прямой к ним навстречу или уже пересекли им путь и уже кружат и бьются? И сколько наших на каждый вражеский?

И пока там, в воздухе, происходит бой, всё будет длиться здесь, в Ленинграде, эта ждущая тишина, всё будет напряженным биение миллионов сердец. Наверное, не я один, наверное, тысячи ленинградцев в эти тревожные минуты думают о Кремле. Там, в Кремле, уже, конечно, всё знают, по слову оттуда с аэродромов поднимаются в воздух всё новые и новые самолеты...

Тишина... Прекрасная белая ночь под глубокими, светлыми небесами. Каждый предмет на знакомом дворе словно омыт этой чистой ночью. Внизу — грузовик, оставленный на ночь живущим напротив шофером, поленицы дров, бульжник, вчера поутру подметенный дворниками... Гула неприятельских самолетов всё нет...

О себе ли я думаю? Меньше всего о себе, о законченном мною романе (он, конечно, уже не будет печататься в журнале с июльского номера). Я думаю о заводах, которые останутся, чтоб потом повернуть свои станки на войну; о полях, на которых не будут сжаты рожь и пшеница; о гигантских стройках — они замрут на том кирпиче, что был положен вчера; о мирном, творческом труде миллионов людей — он сегодня оборван; о горе, которое сожмет миллионы сердец, но будет преодолено нашим мужественным народом...

Значит, правильны были стихи, написанные мною в начале 1938 года:

...Нет, не в столетьях этому черед.
Всего лишь — в годах! И душа томится.
Я слышу гром: сминая грозы лета,
То мчатся дикарей мотоциклеты,
Я чую запах: то горит пшеница.
Я вижу женщины окровавленный рот
И зверя в каске, что над ней глумится!..

О чем только не передумашь, чего не вспомнишь в такую ночь!

Пока есть время думать. Может быть, через пять минут я уже буду бегать по этому двору, тушить огромный пожар, вытаскивать раненых из-под обломков?

А ведь многие уже кончили сегодня войну! Уже мертвы, уже совершили свой подвиг!..

...Так размышлял я, облокотившись на подоконник. А Наталья Ивановна вдруг сказала:

— Пойдем к Лихаревым, посидим у них. Если станут бомбить, не хочу рушиться с пятого этажа, хочу лучше с четвертого.

И улыбнулась. А я рассмеялся. И мы пошли по соседству — к Лихаревым.

А потом раздался торжествующий переливчатый звук фанфар.

Первый в Ленинграде отбой воздушной тревоги. Первая победа наших летчиков в первом бою за Ленинград!¹

И застеклевившую заморозившую город белую ночь раздробили гудки помчавшихся автомобилей, голоса пешеходов, оживленные, доносящиеся даже сюда — до моего пятого этажа...

Так будет и с сердцем, объатым тревогой. Оно будет ждать и дождется победных звуков отбоя великой войны!

На гигантских стройках после войны будут выложены те кирпичи, которые не были выложены сегодня. Труд каждого человека, не заверченный сегодня, понадобится народу и будет завершен им после войны. Мой роман будет издан после войны. А самое главное: то время — п о с л е в о й н ы — для нас наступит! Гитлер, напав на Советский Союз, совершил не только величайшее преступление, но и величайшую глупость, ошибку, которая падет карою на его голову и на отравленный фашизмом народ Германии.

Многие пробовали, да не получалось.

Ибо нас победить н е л ь з я!

---

¹ «...Ленинградцы вступили в бой с фашистской авиацией в первый же день войны. В ночь на 23 июня орудия батареи, которой командовал старший лейтенант Пимченков, меткими залпами сбили бомбардировщик «Юнкерс-88». Из 12 бомбардировщиков, шедших на Ленинград со стороны Карельского перешейка, гитлеровцы на подступах к городу потеряли 5. После этого памятного для фашистов налета они в течение месяца не появлялись над городом...» (Я. Кекало, Советские зенитчики. М., Воениздат, 1959, стр. 51).

23 июня

Я хотел уехать на фронт сегодня, но списки Союза писателей будут оформлены только завтра.

25 июня

Еду в Петрозаводск, назначен корреспондентом армейской газеты «Во славу Родины». Разговаривать по поводу назначения не приходится, но я было рассчитывал, что поеду на запад, а не на север.

Где-то в одном поезде со мной едут писатели Л. Рахманов, И. Бражнин и Б. Кежун. Получили назначение в Мурманск.

Как раскидает война моих родных и друзей?

Мой отец, военный инженер, — в кадрах флота. Он будет там, где будет его воинская часть — Высшее инженерно-техническое училище ВМФ. Он — профессор, начальник кафедры. И, кроме того, фортификатор, строит сейчас портовые укрепления. А значит, сфера его деятельности — Балтика и Ленинград.

Помнить отца я всегда буду таким, каким вчера видел его, прощаясь. Вот, похудевший за последний год, после смерти моей матери, серебряноволосый, с никогда не покидающим его хорошим цветом лица, глубокий уже старик, он ходит в своем военноморском кителе дивизионного инженера по балкону первого этажа, смотрит грустными голубыми глазами на меня, — я удаляюсь от его дома, по улице Щорса, с рюкзаком за плечами, оборачиваюсь, чтобы махнуть ему еще раз рукой... Всегда живой, спокойный и рассудительный, он прощался со мной на этот раз без лишних слов и советов. Всё ведь и так понятно!..

Наталья Ивановна — честный, прямой и искренний человек, с которым я никогда не ссорился, мой добрый и навсегда мне преданный друг. И я всегда буду сознавать это. У неё нет специальности, ей будет трудно... Чем могу, буду помогать ей.

Андрей... Ну, инженеру-химику работа везде найдется. Моего брата, вероятно, мобилизуют, станет начником какой-нибудь воинской части. А может быть, признают нужным оставить его в Ленинграде, на заводской работе? Его специальность — пластмассы; заменители металлов понадобятся везде!..

Знаю одно: каждый из нас выполнит свой долг перед Родиной — в любых обстоятельствах — до конца!

26 июня

Полдень. Лежу на узкой, боковой багажной полке пассажирского вагона скорого поезда — место, взятое вчера с бою и отвоеванное у тюков и чемоданов. Душно. Спал, скорчившись и привязавшись ремнем к трубе отопления. Вагон переполнен комсоставом: кадровым — в форме и запасным — в чем придется.

Значит, правильны были стихи, написанные мною в начале 1938 года:

...Нет, не в столетьях этому черед.
Всего лишь — в годах! И душа томится.
Я слышу гром: сминая грозы лета,
То мчатся дикарей мотоциклеты,
Я чую запах: то горит пшеница.
Я вижу женщины окровавленный рот
И зверя в каске, что над ней глумится!..

О чем только не передумашь, чего не вспомнишь в такую ночь!

Пока есть время думать. Может быть, через пять минут я уже буду бегать по этому двору, тушить огромный пожар, вытаскивать раненых из-под обломков?

А ведь многие уже кончили сегодня войну! Уже мертвы, уже совершили свой подвиг!..

...Так размышлял я, облокотившись на подоконник. А Наталья Ивановна вдруг сказала:

— Пойдем к Лихаревым, посидим у них. Если станут бомбить, не хочу рушиться с пятого этажа, хочу лучше с четвертого.

И улыбнулась. А я рассмеялся. И мы пошли по соседству — к Лихаревым.

А потом раздался торжествующий переливчатый звук фанфар.

Первый в Ленинграде отбой воздушной тревоги. Первая победа наших летчиков в первом бою за Ленинград!¹

И застеклевившую заморозившую город белую ночь раздробили гудки помчавшихся автомобилей, голоса пешеходов, оживленные, доносящиеся даже сюда — до моего пятого этажа...

Так будет и с сердцем, объатым тревогой. Оно будет ждать и дождется победных звуков отбоя великой войны!

На гигантских стройках после войны будут выложены те кирпичи, которые не были выложены сегодня. Труд каждого человека, не заверченный сегодня, понадобится народу и будет завершен им после войны. Мой роман будет издан после войны. А самое главное: то время — п о с л е в о й н ы — для нас наступит! Гитлер, напав на Советский Союз, совершил не только величайшее преступление, но и величайшую глупость, ошибку, которая падет карою на его голову и на отравленный фашизмом народ Германии.

Многие пробовали, да не получалось.

Ибо нас победить н е л ь з я!

---

¹ «...Ленинградцы вступили в бой с фашистской авиацией в первый же день войны. В ночь на 23 июня орудия батареи, которой командовал старший лейтенант Пимченков, меткими залпами сбили бомбардировщик «Юнкерс-88». Из 12 бомбардировщиков, шедших на Ленинград со стороны Карельского перешейка, гитлеровцы на подступах к городу потеряли 5. После этого памятного для фашистов налета они в течение месяца не появлялись над городом...» (Я. Кекало, Советские зенитчики. М., Воениздат, 1959, стр. 51).

23 июня

Я хотел уехать на фронт сегодня, но списки Союза писателей будут оформлены только завтра.

25 июня

Еду в Петрозаводск, назначен корреспондентом армейской газеты «Во славу Родины». Разговаривать по поводу назначения не приходится, но я было рассчитывал, что поеду на запад, а не на север.

Где-то в одном поезде со мной едут писатели Л. Рахманов, И. Бражнин и Б. Кежун. Получили назначение в Мурманск.

Как раскидает война моих родных и друзей?

Мой отец, военный инженер, — в кадрах флота. Он будет там, где будет его воинская часть — Высшее инженерно-техническое училище ВМФ. Он — профессор, начальник кафедры. И, кроме того, фортификатор, строит сейчас портовые укрепления. А значит, сфера его деятельности — Балтика и Ленинград.

Помнить отца я всегда буду таким, каким вчера видел его, прощаясь. Вот, похудевший за последний год, после смерти моей матери, серебряноволосый, с никогда не покидающим его хорошим цветом лица, глубокий уже старик, он ходит в своем военноморском кителе дивизионного инженера по балкону первого этажа, смотрит грустными голубыми глазами на меня, — я удаляюсь от его дома, по улице Щорса, с рюкзаком за плечами, оборачиваюсь, чтобы махнуть ему еще раз рукой... Всегда живой, спокойный и рассудительный, он прощался со мной на этот раз без лишних слов и советов. Всё ведь и так понятно!..

Наталья Ивановна — честный, прямой и искренний человек, с которым я никогда не ссорился, мой добрый и навсегда мне преданный друг. И я всегда буду сознавать это. У неё нет специальности, ей будет трудно... Чем могу, буду помогать ей.

Андрей... Ну, инженеру-химику работа везде найдется. Моего брата, вероятно, мобилизуют, станет начником какой-нибудь воинской части. А может быть, признают нужным оставить его в Ленинграде, на заводской работе? Его специальность — пластмассы; заменители металлов понадобятся везде!..

Знаю одно: каждый из нас выполнит свой долг перед Родиной — в любых обстоятельствах — до конца!

26 июня

Полдень. Лежу на узкой, боковой багажной полке пассажирского вагона скорого поезда — место, взятое вчера с бою и отвоеванное у тюков и чемоданов. Душно. Спал, скорчившись и привязавшись ремнем к трубе отопления. Вагон переполнен комсоставом: кадровым — в форме и запасным — в чем придется.

Много женщин, едущих в части: телеграфистки, санитарки, врачи...

Многие спали стоя, сидя. Тем не менее обстановка мирная, разговоры самые будничные, будто все едут в обычные командировки. В вагоне есть и дети. Поезд идет хорошо, но запаздывает. Никаких признаков войны за окнами. Молодое, северное — в болотах и лесах — лето. Тепло, мирно. Не слышно ни одного самолета.

Спал крепче, чем в Ленинграде. Как-то непривычно успокоены нервы, настроение отличное, хотя от жесткой полки и болят бока. Чувство уверенности, какая-то крылатая бодрость духа.

Все провожающие — большая толпа — были сдержанны, спокойны, у кого украдкой появлялись слезы, тот старался смахнуть их скорей. Как непохоже это на обычное представление о проводках уезжающих на фронт! Когда одна старушка, припав к столбу, предалась слезам, ей сердито сказали: «Нечего тут панику наводить, отойдите в сторону!» Грубо, конечно, но характерно! Нескольким женщинам отвели старуху.

В вагоне пьют лимонад. В одном отделении тихо играют в карты. Многие спят.

Таким же выдержанным, готовым встретить опасность лицом к лицу был Ленинград в первые четыре дня войны. Несколько суматошным был только день 22 июня. Однако никаких признаков растерянности или испуга, кроме обывательских очередей в магазинах, я не заметил. Очереди большие были и у сберкасс; в первый день не хватало денег, привозили из банков, выплачивали; на второй день — приказ: выдавать не больше двухсот рублей в месяц.

Толпы провожающих с первого же дня — у сборных пунктов по городу. И тут, однако, все чувства сдержанны: люди долга, сознающие свое достоинство, умеют быть внешне спокойными.

За это спокойствие люблю наш народ!

До моего отъезда воздушная тревога объявлялась четыре раза. Две из них были вчера. За устройство убежищ в городе жакты только берутся.

До меня эти тревоги еще как-то «не доходят»...

27 июня. Петрозаводск

Приехал в Петрозаводск, в штаб 7-й армии, вчера. И сегодня я уже в военной форме. Получил шинель, гимнастерку, брюки, белье, сапоги, плащ-палатку, пилотку, флягу и котелок. На малиновых моих петлицах — две шпалы. Странно называться «интендантом второго ранга»: какое отношение к интендантству имеет военный корреспондент? Но такое звание мне и многим писателям было присвоено как командирам запаса, по приказу К. Е. Ворошилова, еще в 1940 году.

...С 27 июня по 13 августа я находился в 7-й армии, стойко оборонявшейся в лесах и болотах Карелии. Работал там в армейской газете «Во славу Родины» вместе с писателями Г. Холоповым, В. Друзиным, В. Владимировым. В этой же армии находились Б. Лихарев и Г. Фиш. Каждый из нас имел свое назначение. Участвуя в боях, которые в районе Ухты вели пограничники и 81-й стрелковый полк 54-й дивизии, я давал свои первые фронтовые корреспонденции, которые публиковались в армейской дивизионной печати и в газетах Петрозаводска.

Я тогда еще не знал, не думал, что эти события в далеких карельских лесах имеют прямое отношение к Ленинграду. А между тем...

«...Отдельная «Карельская армия», которой командовал начальник генерального штаба, в составе пяти пехотных дивизий, двух егерских бригад и одной кавалерийской бригады должна была продвинуться севернее Ладожского озера к Онежскому озеру, с тем чтобы впоследствии наступать между озерами к реке Свирь и с этого рубежа принять участие в общем наступлении на Ленинград...»¹

Немногочисленные сражавшиеся здесь части нашей 7-й армии вместе с пограничниками, сдерживая врага в июле и в августе, не только воспрепятствовали развитию его наступления на Ленинград, но и поставили его в трудное положение. Тот же немецкий военный историк вынужден это признать:

«...Не лучше было положение 3-го финского корпуса, наступавшего на Лоухи и Кемь... он не продвинулся дальше Кестеньги и Ухты...»²

В районе Ухты я находился в передовых частях почти до середины августа. Неожиданно вызванный телеграммой Политуправления фронта, 14 августа я вернулся в Ленинград и сразу же был назначен специальным военным корреспондентом ТАСС — Ленинградского отделения.³

---

¹ К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М., Изд-во иностр. лит., 1956, стр. 189.

² Там же.

³ В 1942 году я стал спецвоенкором ТАСС (центрального) по Ленинградскому и Волховскому фронтам, уже — с тех пор — независимым от Ленинградского отделения.

УДАР С СЕВЕРНОЙ СТОРОНЫ

Полковой ордена Ленина. Полковник В. А. Трубачев и его люди

(Ристаллати — Кирконпуоле. 29 июня — 4 августа 1941 г.)

4 июля немцы овладели Ригой, 5-го взяли Остров, 9 июля — Псков, а потом после тяжелых боев до середины августа застряли у лужских, спешно построенных нами рубежей.

А с северной стороны непосредственная опасность для города возникла в первые же дни войны. 29 июня немецко-финские войска на границе, расположенной в каких-нибудь полутора-двухстах километрах от Ленинграда, внезапно нанесли свой первый удар. И если бы не героизм пограничников и передовых частей Красной Армии, отразивших этот первый удар в момент, когда наши войска еще не были мобилизованы, то расстояние до Ленинграда враг мог бы преодолеть за какие-нибудь три часа. Во всяком случае, на это рассчитывал Гитлер в своих планах blitzkriega.

Но вот что получилось на участке границы между Ристаллати и Кирконпуоле...

В тяжелейшие для Ленинграда дни середины сентября 1941 года я трое суток провел на позициях 461-го полка 142-й стрелковой дивизии, которая надежно укрепилась на последней перед Ленинградом оборонительной линии. Полковник В. А. Трубачев, командовавший полком с начала войны, только что получив звание Героя Советского Союза, став генерал-майором, в эти дни был назначен командиром 2-й гвардейской дивизии (ДНО¹), его должность занял майор И. Ф. Гражевич.

461-й стрелковый полк был награжден орденом Ленина, ордена в полку получили сорок шесть человек. И это значило: командирам и бойцам было что рассказать о действиях полка за прошедшее с начала войны время. Многие ли части Красной Армии удостоены были столь высокой награды в первые месяцы войны?

---

¹ Встречающиеся в тексте сокращения, принятые в годы Великой Отечественной войны, разъяснены на стр. 473.

Три дня ходил я по ротам полка, работая то в землянках, то на пнях под соснами, то на болотных кочках, на мху. И записал десятки рассказов о том, как эти роты отражали первый натиск вражеских бригад. И вот такая картина совершенного полком подвига раскрылась передо мной...

ПОЛКОВОЙ ОРДЕН ЛЕНИНА

29 июня — первый день нападения финских войск на нашу границу по всему Карельскому перешейку. Конечно, никакого объявления войны не было. Враг напал внезапно. На том участке границы, что протянулся между населенными пунктами Риста-лахти и Кирконпуоле, силы врага в семь-восемь раз превосходили наши.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы представить себе, на что надеялся враг, совершая внезапное нападение крупными силами именно здесь.

Северо-восточнее Кексгольма и Элисенваары, то есть стыка Ленинградской области с Карело-Финской ССР¹, тянется между озером нашей государственной границей с Финляндией узкий, километров тридцать шириной, коридор, по которому проходит железная дорога, соединяющая Сортавалу с Кексгольмом. Леса и болота изрезаны здесь десятками мелких озер самых причудливых очертаний. Между озерами, в узеньких, извилистых перешейках, встают гранитные гряды и холмы, поросшие вековыми соснами. Сквозь сосны, ели, ольховник проглядывают голые и замшелые скалы и синие пятна воды, вдруг охватываемые непролазными топами. Это именно та местность, о какой говорится, что здесь сам черт играл в свайку.

Линия границы, проходя перед селами Кирконпуоле и Риста-лахти, пересекает такие озера, лесистые гряды, ущелья, скалы, холмы.

Нападая на этот участок границы, противник рассчитывал: прежде чем советское командование мобилизует резервы и подбросит подкрепления, распахнуть мгновенным крешким ударом дверь на советскую территорию, в один-два дня пересечь тридцатикилометровую полосу коридора между границей и Ладожским озером и, дойдя до Ладоги, наглухо закупорить расчлененный надвое коридор;

тем самым разобщить Карело-Финскую ССР и Ленинградскую область (Карельский перешеек) и, значит, отрезать, блокировать и уничтожить соседнюю, 168-ю стрелковую дивизию 7-й армии и все другие части Красной Армии, расположенные с северной стороны коридора — в районе Сортавалы;

¹ Ныне — Карельская АССР.

затем, направив удар к югу и юго-востоку, в не заполненные войсками наши тылы, стремительно обрушиться на Карельский перешеек, дойти до Шлиссельбурга и Невы на всем ее протяжении и, сомкнувшись здесь с немцами, ворваться в Ленинград с севера и с востока.

Смысл «блицудара» был именно в том, чтобы опередить мобилизацию нами резервов и подброску подкреплений с юга, по Карельскому перешейку, использовав момент, когда отрезанные на севере наши части окажутся парализованными.

Но промедление во всякой битве — смерти подобно. Выиграть время для нас значило:

1. Успеть вывести в порядке войска из опасного нам района Сортавалы.

2. Насытить ими рубежи Карельского перешейка, и в частности старый укрепрайон.

3. Поддержать их новой, мобилизованной, вооруженной силой, резервами, противопоставив которые финнам, мы сделали бы оборону Ленинграда с севера и востока надежной.

4. Обескровить вражеские полчища, прежде чем они дойдут до решающих рубежей.

Время было дороже всего!

На участке Ристалаhti — Кирконпуоле протяженностью в двадцать два километра мощному удару противника мы могли противопоставить лишь совсем небольшие силы. Здесь находились: 461-й стрелковый полк 142-й дивизии (полковника Мукульского), четыре погранзаставы 102-го погранотряда (старшего политрука Гарькавого), 334-й конноартиллерийский полк (полковника Кривошеевко) да в тылу несколько батарей 577-го гаубичного артиллерийского полка.

Против этих частей, по данным дивизионной разведки и показаниям пленных, были брошены финско-немецкие войска в семь-восемь раз большей численности (3-я и 7-я пехотные бригады, 28-й и 48-й пехотные полки, 14-й и 15-й артполки, инженерные и другие части 2-го армейского корпуса).

В труднодоступной местности разыгралась битва, которая без решающего успеха для финнов продолжалась пять недель. На левом фланге участка, в районе Кирконпуоле, все пять недель сражались 3-й батальон 461-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта И. И. Шутова и 1-й артдивизион 334-го полка старшего лейтенанта Г. А. Андрейчука. За пять недель непрерывных боев батальон Шутова с дивизионом Андрейчука не отошли от границы. На правом фланге роты полка за те же пять недель боев отошли не больше чем на пятнадцать километров.

Пять недель держал границу 461-й полк! В эти пять недель за спиной полка, между ним и Ладожским озером (а также на различных судах по озеру), прошли многие крупные, выводимые

с севера наши части, вывезены были ценности, различное оборудование.

Время было выиграно. Замысел врага сорван!

И только 4 августа, когда на линии Элисенваары были подготовлены новые рубежи, полк Трубачева вместе с горсткою пограничников и артиллеристы полка Кривошеенко получили приказ отойти. До середины августа берег Ладоги здесь оставался в наших руках. За это время рубежи на Карельском перешейке между Кексгольмом и линией Шлиссельбург — Ленинград были заняты выведенными из-под Сортавалы частями и новыми формированиями. Потерпев огромные потери в боях, обескровленные финские войска, заняв Кексгольм, а затем перейдя к концу августа озеро Суванта-Ярви и Вуоксинскую систему, уже ничего больше не могли сделать. Увидеть Неву им не пришлось. Полного окружения Ленинграда не получилось. В наших войсках — незыблемая уверенность: никакая новая попытка наступления финнов уdatся не может.

Конечно, было бы неверным приписывать этот результат только одной какой-либо нашей части — дивизий или тем паче одному полку. Многие полки дрались с превосходящими силами врага столь же стойко и самоотверженно. Так, например, комбат Шутов свидетельствует, что его сосед слева, батальон 701-го полка, находившийся от него в семи километрах, тоже держался отлично и отошел от границы только 3 августа. Столь же упорно дрались правые, входящие в состав 7-й армии, соседи — подразделения 3-го погранотряда и 168-й стрелковой дивизии полковника А. Л. Бондарева. Эта дивизия до 13 августа вела упорные бои за Сортавалу и только в дни 16—20 августа была по приказу эвакуирована на судах Ладожской военной флотилии на остров Валаам, сохранив больше десяти тысяч человек своего состава и всю тяжелую артиллерию.

Но заслуга полка В. А. Трубачева и артиллеристов Г. Д. Кривошеенко бесспорна. И вот почему 461-й полк награжден орденом Ленина, а его командир Василий Алексеевич Трубачев получил звание Героя Советского Союза.

К званию Героя Советского Союза представлен пограничник, старший политрук А. Гарькавый, в прошлом опытный участник борьбы с басмачеством в Средней Азии.¹ Орденом Ленина награжден полковник Георгий Дмитриевич Кривошеенко, орденами Красного Знамени — И. И. Шутов, командир артдивизиона Г. А. Андрейчук и многие другие бойцы и командиры. Среди них высшей награды — звания Героя Советского Союза — удостоен и красноармеец-пулеметчик А. И. Заходский, который 1 июля при попытке финнов прорваться и окружить 3-й батальон Шутова на перекрестке дорог перебил — один — сто пятьдесят фашистов, а

¹ Иные одна из пограничных застав на этом участке названа именем Алексея Гарькавого.

потом, не видя больше врагов, взял на плечо пулемет да две еще не расстрелянные ленты и усталой походкой хорошо потрудившегося человека спокойно побрел по дороге в Кирконпуоле, к своему батальону.

Командир дивизии полковник Мокульский был награжден орденом Красного Знамени и произведен в генерал-майоры.

Ну, а кто такой Шутов? Откуда у него те качества, которые помогли ему так командовать батальоном?

В полку он один из немногих «стариков», служит в нем с первого дня его формирования (полк тогда имел другой номер). Еще до войны, получив под свое командование батальон и став коммунистом, Шутов в 1939 году впервые участвовал в боях. В лютый декабрьский мороз его батальон под станцией Рауту наступал на финские рубежи по минным полям, прорвал оборону противника и затем действовал в тылу врага, открывая дорогу для всего наступающего полка. Второй ожесточенный бой Шутов провел, прорывая в том же декабре линию Маннергейма у Кивиниеми. Ему удалось организовать переправу на понтонах под ураганным артиллерийским и минометным огнем из дотов и под ружейно-пулеметным огнем. Два ордена Красного Знамени остались у Шутова напоминанием о тех отлично проведенных боях.

А жизнь свою он начинал в Свердловской области, работал в совхозе. С 1930 года — армия, комсомол, пехотное училище в Киеве, звание лейтенанта, должность начальника школы младших командиров. Одно время был командиром парашютно-десантного подразделения, совершил немало прыжков.

Храбрый сам, Шутов воспитывает храбрость и в своих людях и особенное внимание обращает на пулеметчиков. Из двадцати трех награжденных первым указом за бои под Кирконпуоле людей его батальона — тринадцать пулеметчиков, в их числе и Герой Советского Союза Александр Заходский!..

Биография комбата Шутова проста и обыкновенна, но он именно из тех людей, каких у нас много и какие принесут нам победу в Отечественной войне...

ПОЛКОВНИК В. А. ТРУБАЧЕВ И ЕГО ЛЮДИ

Пожалуй, для правильного понимания всего, что совершенно 461-м полком, следует чуть-чуть подробнее охарактеризовать его командира, того, чьи крутая воля и ясный ум пронизывали и направляли поступки каждого из людей полка как до этих боев, так и в самих боях.

Каков собою полковник Трубачев? Ну, если давать обычные определения, то нужно сказать о росте — выше среднего, о ладной скроенности; если говорить о цвете глаз, то они серые... Но дело совершенно не в этих ничего не значащих определениях,

А вот входит командир, который еще никогда не встречался с ним, и Трубачев, расхаживающий по комнате, поворачивается к нему. И вошедший, еще не разглядев Трубачева, испытывает странное чувство, что вдруг, словно бы попав под насквозь просвечивающий его луч, он уже весь мгновенно изучен взглядом Трубачева, от которого не укроется ничто.

— Только двух людей с такими глазами, — сказал мне один майор, — я и видел за всю войну. А вообще он человек крайне сдержанный, говорит негромко, спокойно, жестами не разбрасывается, но чувствуешь, что так держится он не от отсутствия горючести, а потому, что умеет управлять собой... Таков он в начале разговора всегда. А когда разойдется, то и сила выражений, и живость лица, и энергия словно срываются с тормозов, и вы видите перед собой человека здорового, сильного, в котором кипучая жизнь перехлестывает через все преграды условностей.

Я помню, как перед ним стоял провинившийся лейтенант, которого нужно было не просто отчитать, а проучить так, чтоб другим неповадно было. Трубачев говорил спокойно. Сжатый кулак его лежал на столе. Чувствовалось, что вот сейчас Трубачев крепко ударит кулаком по столу, — это было неминуемо, так шел разговор. Я следил за кулаком, не отрывавшимся от стола, — он так и не поднялся, энергия Трубачева осталась подчиненной его сдерживающей воле. Украдкой глядел на этот прижатый к столу, неподвижный кулак и бледный, испуганный лейтенант. Ему стало бы, наверное, легче, если б командир полка кричал на него, а такое безупречное беспристрастие было попросту невыносимым.

Мне кажется, столь же пронзительным взором просматривал всегда полковник Трубачев весь свой полк, все закоулки его быта. И людям было давно известно — нет возможности что-либо укрыть от своего командира, — а потому они и не пытались заниматься даже в мелочах обманом. Полковник все видел, все знал и всем управлял, как считал нужным и правильным, и не было препятствий, с которыми не справилась бы его воля.

Авторитет Трубачева был непререкаем и непоколебим. А его подтянутость, выдержанность, его манера держаться, вся его внешность являлись в полку образцом для подражания — и не потому, что он сам хотел этого, а потому, что у всех в полку было стремление к самовоспитанию и каждому в будущем мечталось стать таким же, как Трубачев.

Отсюда и исходили вера людей в своего командира и вера Трубачева в свой полк.

А потому в решительный час все были уверены и в себе и в своих соседях, особенной в этот час становилась сама земля, на которой должен быть остановлен и разбит враг!

Сегодня связисты подробно излагали мне эпизоды, свидетельствующие о личной храбрости Трубачева, который в первых боях,

проверяя и организуя связь, сам ходил с ними с фланга на фланг под огнем автоматов, пулеметов и минометов, — при этом он продолжал по проводам командовать всем полком. Наблюдая сам перебежки финнов, он сообщал штабу и подразделениям о возникающей то здесь, то там опасности окружения и быстрыми мерами успевал вовремя предупредить его...

А вот что сегодня рассказал мне начальник артиллерии полка капитан К. Ф. Викентьев:

— В середине августа назначенный командиром одной из рот третьего батальона старший лейтенант Головченко в районе Ранкала удерживал со своей ротой голую каменистую высоту, по которой финны долбили минометами. Каждый час, даже каждая минута владения этой высотой имели исключительное значение для всей дивизии. Полковник Трубачев был поставлен перед необходимостью даже пожертвовать людьми ради выигрыша времени.

Головченко держал высоту сутки, пока все люди не были перебиты. Головченко имел телефонную связь с Шутовым и командиром полка. Между Головченко и полковником шел в моем присутствии такой разговор по проводу:

«У меня осталось пятнадцать человек...»

«Держать высоту!»

«Осталось пять человек...»

«Держать высоту!..»

«Два человека и я...»

«Держать высоту!»

«Я один...»

«Держать высоту!»

Шутов стал доказывать полковнику, что оставлять там дальше Головченко бессмысленно, и полковник приказал отходить.

Головченко отошел на сто метров и был убит.

А я помню другой случай, когда Трубачев, этот человек с железной волей, заплакал, не стыдясь своих слез.

Это было, когда он получил приказ отойти за рубеж Суванта-Ярви. «Я клянусь, что могу хоть год держать этот рубеж!.. Ведь это же прекрасный рубеж!.. Разрешите мне не отходить!..» Но высшие стратегические соображения требовали отхода, и приказ был подтвержден: надо было выровнять линию фронта. И Трубачев, сказав: «Есть», прижал ладони к лицу, и по его пальцам побежали слезы... Ну и вы понимаете, как потом дрался полк? Прямо скажем: эти слезы финнам стоили большой крови!

О том, как дрались другие люди полка, по записям, сделанным мною, можно написать книгу!

461-й стрелковый полк с горсткою пограничников и поддерживающая их артиллерия не дали врагу распахнуть дверь в узкий коридор между государственной границей и Ладожским озером.

После первых, продолжавшихся десять суток, боев эта дверь

только чуть-чуть приоткрылась, но не была сломана. Село Кирконпуоле оказалось той дверной петлей, стальной осью которой стал 3-й батальон Шутова.

Бросая новые силы, ломаясь в эту дверь все упрямее, финны и через три и через четыре недели боев не сумели ее сломать, только приоткрыли немного: правый фланг полка отошел на пятнадцать километров.

Но батальон Шутова по-прежнему держался в Кирконпуоле, давая возможность и время правофланговым частям дивизии и другим дивизиям отходить медленно, с боями, в порядке, обороняясь, от рубежа к рубежу, выводя свою материальную часть из-под удара.

И только когда почетная задача батальона была полностью выполнена и он в ночь на 4 августа получил приказ отступать к Элисенвааре, то, уже окруженный полностью, он, прорвав все боевые порядки финнов, прошел двадцать пять километров и вместе с артиллерией прибыл на новый рубеж — в Элисенваару.

Здесь полковник Мокульский, командир 142-й дивизии, дал батальону отдых.

Когда батальон 29 июня вступил в бой с 7-й пехотной бригадой и инженерной ротой финнов, в нем было триста человек. Через пять недель непрерывных боев, 5 августа, в Элисенваару вышел сто пятьдесят один человек.

Полк Трубачева за все эти пять недель потерял одну треть своего состава. 3-я и 7-я пехотные бригады финнов, 28-й, 48-й и другие их полки вместе с подходившими позже подкреплениями потеряли в боях на участке Кирконпуоле — Ристалахти от девяти до десяти тысяч человек.

Это значит — примерно в десять раз больше!

Вот почему действия полка Трубачева, пограничников Гарькавого и поддерживавших их артиллеристов нельзя назвать иначе, как прекрасным подвигом!

...После боев на рубеже Элисенваары, когда противник прижал наши части прикрытия к берегу Ладоги, 142-я дивизия получила приказ вместе с другими частями грузиться на баржи, пароходы и корабли Ладожской военной флотилии и выходить к новому рубежу — в район озера Суванта-Ярви.

ВРАГ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

(Ленинград. 14—25 августа 1941 г.)

14 августа. Ленинград

Огромный, шестиэтажный дом на улице Щорса, года три назад выстроенный управлением Свирьстроя. В этом доме, в первом этаже, — квартира моего отца. Я охотно согласился на просьбу отца «базироваться» пока у него, тем более что моя квартира пустует и заниматься хозяйством в ней некому, как и в тысячах других квартир, где женщины, отправив мужей на фронт, эвакуировав детей, сами пошли на окопные работы или живут на казарменном положении в госпиталях, на оборонных предприятиях, на разных краткосрочных курсах или на объектах ПВХО.

Ленинград обычен и многолюден и ничем внешне не отличается от того, каким я видел его, уезжая на третий день войны. Только у вокзала очередь эвакуируемых да почти нет автобусов. В продуктовых магазинах все выдается теперь по карточкам.

20 августа

Все вспоминаются мне последние полтора месяца, проведенные в 7-й армии.

Забор на Подгорной улице Петрозаводска, что накануне бомбежек красили в веселый голубой цвет. И наивные бумажные полоски на стеклах окон, какие наклеены были там, какие вижу теперь и на окнах всех домов Ленинграда. Бросившаяся в контратаку с наганом в руке и упавшая с простреленной грудью, убитая наповал девушка Зина Богданова (а я помню и счастливый смех этой веселой девушки, работавшей в типографии нашей газеты «Во славу Родины»)... Езда верхом под огнем «кукушек». Бои в круговой обороне, когда трескотня ружейных выстрелов и пулеметной стрельбы облежала меня со всех сторон и когда разрывы гранат концентрическими кругами надвигались вплотную и вновь отдалялись, а от разрывных пуль врага крошились в лесу мелкие веточки и кустарничек... Бомбы, падающие в лес с низко пролетающих самолетов. Горячий ствол винтовки, выхваченный мною

из рук убитого пулей моего соседа по окопчику, который мы вдвоем рыли так торопливо. И кровь — кровь минуту назад живого человека — на моей руке, на моей щеке... И многое, многое другое, что кажется сейчас почти фантастическим в этой странно пахнувшей мирным временем, хорошо обставленной городской квартире!..

Уже десять раз наши летчики бомбили Берлин, и потерь у нас почти нет, а попытки немцев бомбить Москву терпят неудачу — только малая часть их самолетов прорывается к столице. О, Гитлер даже в своем логове уже чувствует нашу силу! То ли будет еще!..¹

Посол США Штейнгард и англичанин Крипс на днях совещались в Москве с нашим главным командованием... Это — тоже очень многозначительно...

Война только еще разворачивается!

24 августа

Как быстро изменилась обстановка в Ленинграде за последние десять дней. 14 августа, когда я приехал в Ленинград из Петрозаводска, казалось, что Луга и Кингисепп окажутся последним рубежом — их не возьмет и дальше не сунется враг.

С тех пор как 9 июля наши войска оставили Псков и немецкие танковые части устремились к Луге и Новгороду, главным барьером перед фашистами, рвущимися к Ленинграду, стала Лужская оборонительная линия, которую ленинградцы и жители области создали в считанные дни круглосуточным напряженным трудом, под непрерывными бомбежками с воздуха, под артиллерийским и минометным обстрелом, под огнем пулеметов, направленным с летящих на бреющем полете вражеских самолетов.

Лужская оборонительная линия протянулась почти на три сотни километров по фронту, и как бы ни было мало наших частей, они удерживали ее полтора месяца. За эти полтора месяца Ленинград успел сделать многое...

Незадолго до моего приезда в Ленинград немцы огромными силами начали новое наступление.² Упорные бои на Лужском рубеже длились неделю. Наши войска дрались за каждый клочок земли, но силы были слишком неравны. 12 августа немцы прор-

---

¹ «Первый налет на Москву был совершен в ночь на 22 июля 1941 года. Шло более двухсот немецких бомбардировщиков, группами по 15—20 самолетов. После первого же донесения, поступившего от поста ВНОС из Вязьмы, наши истребители поднялись в воздух, а зенитчики изготовились к бою. Вражеские самолеты на подступах к Москве были рассеяны, зенитчики сбили 10, а летчики-истребители — 12 самолетов врага. Только одиночным вражеским бомбардировщикам удалось прорваться к столице... В следующем налете на Москву, в ночь на 23 июля, из 200 вражеских самолетов было сбито 15, а во время третьего налета, в ночь на 24 июля, из 140 самолетов к Москве прорвались лишь два, но и они были сбиты огнем зенитной артиллерии». (Я. Кекало. Советские зенитчики, стр. 31.)

² 8 августа 1941 года.

вали Лужскую оборонительную линию, хлынули к Кингисеппу и к ленинградским пригородам, 14-го взяли Кингисепп. Три дня назад мы оставили Чудово, а судьба Луги, оказавшейся в глубоком мешке, мне неизвестна...

...Я ненадолго прерываю изложение, чтобы ныне, публикуя дневник, вставить сюда одну мою более позднюю, но весьма необходимую именно здесь запись. Это запись рассказа И. Д. Дмитриева, сделанная мною в Луге в 1944 году.

С командиром партизанских отрядов, руководителем штаба Лужского районного партизанского движения Иваном Дмитриевичем Дмитриевым я встретился под Лугой в февральские дни 1944 года и пробыл несколько дней у него в 9-й партизанской бригаде — он был в это время ее комиссаром. Бригада выходила из лесов в только что освобожденную Лугу, в которой гремели взрывы от заложенных фашистами мин замедленного действия.

До войны И. Д. Дмитриев был первым секретарем Лужского райкома и горкома партии.

Худощавый, высокий, немного сутулый человек с умным, усталым, спокойным лицом, И. Д. Дмитриев принял меня тепло и радушно. В его партизанском штабе я чувствовал атмосферу какой-то особенной искренности и простоты отношений между людьми, чистыми душой и сердцем, гордыми своей непреклонностью и своими делами, сдружившимися за два с половиной года тяжелейшей жизни в лесных походах. Этим людям будет посвящена отдельная глава моего дневника, а пока приведу здесь только краткий рассказ И. Д. Дмитриева об августовских днях 1941 года в Луге.

«...Началась война. Мы не предполагали, что немцы придут в Лугу. Дней через пять-шесть меня вызывают в обком партии, говорят, что нужно готовить людей для работы в тылу врага.

— Неужели возможно, что здесь придется?..

— На войне все возможно.

Немцы подошли к границам Лужского района 12 июля 1941 года. Перед этим несколько раз бомбили Лугу. Не обошлось, естественно, без паники — народу у нас было много! В Луге основных жителей насчитывалось тридцать тысяч, а к этому времени собралось больше ста — бежали сюда из других районов. Задача — эвакуировать! В горкоме партии люди порастерялись. Приехали работники обкома, ликвидировали горком, взяли все на себя. Занялись эвакуацией деревень и ценностей города и района.

Успели эвакуировать все общественное стадо, ни одной коровы, ни одной свиньи не осталось в районе, много личного скота колхозников эвакуировали, много коней. Вывезли обе МТС, не оставили ни одного трактора. Из города эвакуировали два завода — абразивный и тигельный, оборудование и рабочих-специалистов. Они давно уже работают в Златоусте. Вывезли электростан-

цию, все запасы продовольствия, горючего, все ценности. Немцам оставили в городе только несколько тонн отрубей, соли и в других магазинах детские игрушки. Когда немцы ворвались, то вывесили воззвание: вот, мол, жители Луги и района живут плохо, а, дескать, в Пскове хорошо, «ваше же руководство отправило все жидам-большевикам, они — ваши враги, живут в лесах, помогите их поймать и наказать...»

Сулили награды. За мою голову — тридцать тысяч рублей, четыре гектара лучшей земли, две коровы, табак, вино. Это — если живым приведут, а если захватят мертвым, то половину перечисленного!..

...Занимаясь эвакуацией и другими вопросами, начали мы строить оборонительные сооружения. До пятидесяти тысяч человек рыли противотанковые рвы — надо было успеть до подхода немцев. Еще пятьдесят тысяч человек приехали на подмогу из Ленинграда.

Построили четыре линии оборонительных сооружений: первую — южнее Луги, километров за пятнадцать — двадцать. Вторую — перед самой Лугой, в полутора километрах. Третью — в Толмачеве, четвертую — в деревне Долговка. Для обороны Луги была прислана свежая дивизия 177-я (полковник Машошин), потом еще две стрелковые — 235-я (генерал-майор Лебедев) и 111-я (полковник Рогинский, ныне генерал-лейтенант) и танковая дивизия (подполковник Родин, ныне генерал-лейтенант). Все они входили в 41-й корпус, которым командовал генерал-майор Астанин (я видел его две недели назад). Этот корпус держал Лугу с 12 июля по 24 августа.

Позже в журнале «Большевик» я читал: впервые немцев удалось задержать в трех местах: здесь — под Лугой, на Днепре — под Днепропетровском, и... назван был еще какой-то город.

Корпусу помогали мы, партизаны, и гражданские люди. Нередко на слабый участок бросал я по несколько сот человек — раз, например, для того, чтобы отбить психическую атаку.

Пленный офицер показал, что для этой атаки была снята дивизия из-под Парижа. Мы дня за два узнали, подготовились. Подбросили еще батальон, и моих четыреста, из тех, кто готовился стать партизанами, и много пулеметов.

Я в этом деле участвовал. Немцы шли колоннами, в рост, не стреляя. (Я по «Чапаеву» знал, но не думал, что так в самом деле бывает.) Именно так! Высокие, здоровые, кричат: «Рус, сдавайся!», не стреляют.

Подпустили мы их не стреляя на пятьдесят метров. Командовал Машошин. Условлено было: сигнал, когда подойдут на пятьдесят метров. Самое жуткое в моей жизни — это было так лежать!

Мы, рассыпавшись, лежим. Идут! А сигнала нет. И вот-вот растопчут... Выдержали! Ураганный огонь — и каша у них! Назад ушло два-три десятка человек. Сзади через полчаса вторая колонна. И так — до трех раз.

Всех положили. Несколько тысяч!

Нам это помогло. Десять дней не предпринимали они никаких атак.

Заняли мы оборону по линии деревень: Городец, Поддубье, Бор, Креня — предполье. Каждый день — схватки. Без боя ни метра не отдавали! Полтора месяца шли двадцать километров. Лугу не сдали бы. Но... 15 августа была занята Батецкая, в обход, 17 августа — Оредеж, в конце августа — Тосно и Любань. Нас стали обходить с другой стороны. 7—8 июля заняли Струги, Ляды и 12 июля — Осмино. Затем вышли к Волосову в начале августа и стали перерезать единственную дорогу — Варшавскую.

19 августа в районе Сиверской и Выры дорога была перерезана. 41-й корпус оказался в кольце.¹ Пришлось Лугу отдать, отошли без боя.

24 августа Красная Армия покинула Лугу, вместе с ними я. Они — вправо, я — в лес, влево, со своими.

Если бы здесь тогда не задержали мы немца на эти полтора месяца, то не исключена возможность, что он ворвался бы в Ленинград!..»

...Продолжаю изложение записи моего дневника от 24 августа 1941 года.

...Враг ведет концентрированное наступление с трех сторон: в лоб — на Красное Село и Гатчину; в обход Ленинграда — вдоль линии Октябрьской железной дороги и с севера — по Карельскому перешейку.²

Отгоним ли мы от Ленинграда врага? Устремится ли он назад в панике, преследуемый и добываемый нашими частями? Или... Не хочется думать об этом...

Вчера он долбил город Пушкин. Обстреливал артиллерийским огнем Гатчину. Позавчера высаживал в Любани парашютный десант. Несколько дней назад повредил большой железнодорожный мост у Званки, жег Новгород. День за днем положение наше усложнялось и ухудшалось. Три дня назад оно казалось критическим: 21 августа прозвучало в эфире обращение Ворошилова, Жданова и Попкова. На фронт устремляются новые массы народного ополчения, а сотни тысяч ленинградцев еще более напряжен-

¹ Многие части 41-го корпуса, попав в окружение, долго пробивались из него с ожесточеннейшими боями, голодали и терпели лишения в лесах. К середине сентября уцелевшие люди несколькими крупными группами вышли из окружения. Генерал-майор А. Н. Астанин вывел одну из этих групп к станции Погостье в конце сентября.

² В первых числах сентября 1941 года, уточняя план внутренней обороны города, Военный совет определил три наиболее опасных направления, на которых противник мог наносить главные удары: северное (Сестрорецк — Белоостров), южное (Колпино — Пулковое) и юго-западное (Красное Село — Урицк). Опасными районами также были признаны Ладожское озеро, Ржевка и Финский залив. (А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 107.)

по стали трудиться над созданием оборонительных рубежей у стен города и подготовкой к обороне самих городских кварталов.

Станет ли враг применять газы? (Под Лугой захвачены немецкие снаряды, начиненные химическими отравляющими веществами.) Станет ли уничтожать ленинградское население и сам город бешеными воздушными бомбардировками? Или нам удастся предотвратить это?

Весь последний месяц продолжается эвакуация населения, заводов, фабрик, музейных и других ценностей. Всех, кто нужнее в тылу, всех, без кого можно обойтись при обороне города, эвакуируют в глубокий тыл. Эшелоны уходят в Казахстан и Ташкент, на Урал, в Сибирь... Эвакуированы уже сотни тысяч людей... Но в Ленинграде остается несколько миллионов.

Ленинград готов ко всему. За последние дни почти все магазины города оделись в двойные дощатые щиты, в ящики, засыпанные землей, превращающие эти магазины в бомбоубежища и, может быть, в газоубежища. Гостиный двор, обшитый так по всем аркам своих галерей, стал похож на древнюю крепость. Все сады, скверы, парки изрыты, превращены в соты бомбоубежищ. Треугольный скверик, что виднеется передо мною за остекленной дверью, весь в холмиках таких сооружений, зияющих узкими дверками.

Весь день слышу гудение самолетов — здесь, на Петроградской стороне, они мелькают в небе, ныряя в грозовые облака, патрулируя, охраняя нас...

Вчера сообщалась сводка потерь за два месяца войны. У обеих сторон потери огромные, хотя наши и меньше. Только в такие дни, какие теперь настали, можем мы спокойно повторить цифру погибших наших самолетов, сообщенную сводкой, — 4500... Пусть немцев погибло больше, пусть бы их погибло еще в десять раз больше, но наших, наших хороших русских людей, наших летчиков, бесстрашных, чудесных, погибло много тысяч!.. А сколько жертв предстоит еще?..

Никто из нас, живущих в эти дни в Ленинграде, не знает, что будет с ним завтра, даже сегодня, даже через час... Но население в массе своей сохраняет напряженное спокойствие и выдержку, каждый делает свое обычное дело, каждый внутренне приготовился ко всему, — может быть, придется своими руками защищать за улицей улицу, за домом дом...

Восемьдесят ленинградских писателей пошли в народное ополчение. Другие находятся в различных частях Красной Армии и на кораблях Балтфлота. Первым из ленинградских писателей, который погиб в бою, был Лев Канторович — еще в Петрозаводске дошла глубоко опечалившая меня весть об этом. Он дрался с фашистскими автоматчиками на пограничной заставе и был убит. Здоровый, крепкий, веселый, талантливый, он, конечно, написал бы еще много хороших книг. Он был храбр, любил жизнь и поэтому пошел в бой, Мы не забудем его... Таких, как он, людей

нынче миллионы, и многие десятки тысяч из них сражаются на нашем фронте. Всё население города полно единым стремлением — отстоять Ленинград..

Впрочем, есть и иные люди. Есть люди, которые стремятся бежать, как крысы с корабля, находящегося в опасности. Один такой, к сожалению, нашелся даже в среде писателей — на днях Правление Союза писателей исключило его из членов Союза за дезертирство. Как будет он глядеть нам в глаза после войны? Разве когда-нибудь общее презрение к нему забудется? Или после войны наш гнев уляжется и, обретя всепрощение, сей человечка снова будет ставить свою фамилию на титулах толстых книг?.. Во всяком случае, если я уцелею, то уже никогда ему не подам руки!

А вот Вячеслав Шишков, которого я встретил вчера на улице, в момент, когда Решетов уговаривал его, старика, уехать, заявил решительно, что никуда не уедет, потому что свой город любит..

Мой отец? Он знает, что шестидесятипятилетний возраст помог бы ему освободиться от службы в Высшем инженерно-техническом училище ВМФ, где он профессорствует, и от других служб. Но ни на минуту он не подумал об этом. Он хочет быть там, где нужен.

Вместе с академиком Б. Г. Галеркиным вступил он в бригаду научно-технической помощи промышленным предприятиям по ликвидации строительных аварий и последствий воздушных налетов. Он дежурит в штабе бригады, выезжает на места поражений, консультирует строительство бомбоубежищ. Его доля инициативы и личного участия вкладывается в создание огневого пояса перед Колпином — например, корабельными броневыми плитами укрепляются огневые точки.

В ночь на 22 августа отец получил приказ перейти на казарменное положение, и я весь вечер помогал ему собирать тот минимум необходимых вещей, с которыми он не должен расставаться ни при каких обстоятельствах — в казарменном ли, в походном ли положении. Человеку его возраста нелегко переносить все тяготы боевой обстановки. Но он состоит в кадрах флота, в нем развито чувство долга, и о себе самом он совершенно не думает.

К моему успокоению, на следующий день, в связи с тем, что обстановка перестала быть критически угрожающей, ему разрешили вернуться домой. Позавчера ночью он несколько часов подряд шил себе из куска материи рюкзак (в городе рюкзак сейчас, конечно, не купишь). Если потребуется, он отправится в Званку: ему пришла в голову идея построить, на случай если будет разрушен мост через Волхов, железнодорожную переправу по плотине Волховской ГЭС. Вчера он добился свидания с Попковым и доложил ему свои соображения, сказав, что руководство этой постройкой мог бы взять на себя: как один из помощников

главного инженера Волховстроя в прошлом, он хорошо представляет себе все возможности.

В ожидании оформления меня в ТАСС я работаю в городе — по заданиям редакций и издательств пишу рассказы, очерки, брошюры, газетные статьи и корреспонденции. Бываю в воинских частях, госпиталях и всюду, где не требуется предъявления фронтového пропуска, которого у меня пока, до оформления в ТАСС, нет...

25 августа

Заходил к А. А. Ахматовой. Она лежала — болеет. Встретила меня очень приветливо, настроение у нее хорошее, с видимым удовольствием сказала, что приглашена выступить по радио. Она — патриотка, и сознание, что сейчас она душой вместе со всеми, видимо, очень ободряет ее.

УДАР С ЮЖНОЙ СТОРОНЫ

На Пулковском направлении. Последние числа августа

(Конец августа 1941 г.)

НА ПУЛКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

20 августа немецкий танковый корпус прорвался к Красногвардейскому (Гатчинскому) укрепрайону. 21 августа в эфире прозвучало известное обращение Ворошилова, Жданова и Попкова. В эти дни «остатки наших стрелков и моряков сражались на подступах к Гатчине. Напрягая все усилия, вводя в действие новые танки, бросая авиацию, противник вышел на дорогу к Пушкину и Пулкову. Но, несмотря на обход, наши части у Куттузи и Кемерязи держались за каждый клочок земли. На помощь шли уже части из Пушкина. Фашисты получили чувствительный удар в свой правый фланг.

В районе к югу от Пушкина наша дивизия окружила и уничтожила пехотный полк противника и развивала удар всё далее на юго-запад. Эта помощь пришла своевременно. Наши утомленные части, сражавшиеся без отдыха и смены почти три недели, воодушевляемые задачей отстоять город Ленина, перешли в наступление своим правым флангом. Ряд деревень был отбит Красной Армией после ожесточенных рукопашных схваток...»¹

Но по всему фронту немцы всё-таки наступали. Многие наши дивизии попадали в труднейшее положение, окруженные гитлеровцами и уничтожаемые их превосходящими силами.² Враг приближался к Ленинграду.

Многое рассказывали люди, выходившие из окружения. Их рассказы были сбивчивы, неопределенны, изобиловали недомолвками, иногда преувеличениями. Но уже спустя недели три —

¹ «Краткий обзор боевых действий на Ленинградском фронте за два года Великой Отечественной войны». Сб. «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза», т. 1, Л., Госполитиздат, 1944, стр. 404.

² «В 23 часа 29 августа был получен приказ о взрыве всех сооружений (Кивгисеппского. — П.Л.) укрепленного района. В ночь на 30 августа остатки защитников укрепленного района численностью 1800 человек, с 24 орудиями, 73 станковыми пулеметами, через леса и болота начали выход из окружения и соединились с войсками фронта в районе Волговицы». (А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады, стр. 100, по архивным данным.)

месяц, когда эти люди оказывались в заново сформированных частях, отстоявших свои позиции, когда фронт стабилизировался, «успокоился», рассказы испытавших окружение людей приобрели ясность, точность, определенность...

Вот что в ноябре 1941 года под Сестрорецком рассказал мне помощник командира 3-го полка Кировской дивизии народного ополчения военинженер второго ранга Александр Павлович Павлушков:

«...Вместе с некоторыми моими товарищами я вступил в истребительный батальон. Перевели нас на казарменное положение. Но мы еще долго ходили на службу с винтовками и со всей амуницией.

10 июля из Ленинграда ушли части народного ополчения, в частности 3-й Дзержинский полк. Нас, истребителей, готовили для работы в немецком тылу, и мы еще задерживались в городе.

12 июля мне позвонили на службу, сказали — объявлена боевая тревога по истребительному отряду. Я не предполагал, что придется сразу же ехать на фронт, и даже не зашел домой, не захватил второго патронташа. А когда пришел в отряд, то узнал, что обстановка под Новгородом тяжелая. Нам предложили взять по четыре гранаты, выбрать лучшие винтовки и к ним по сто двадцать патронов.

Всё происходило так быстро, что успел только позвонить жене: «Принеси патронташ!» Через полчаса пришли бабушка, дочка и внучка и проводили меня. Мы — походной колонной от Ленэнерго на вокзал. Собралось много — из всех районов. Вечером, перед тем как нам сесть в поезд, приехал Капустин, секретарь горкома, и сообщил, что мы едем на усиление стрелковых подразделений.

На другой день, 13-го, мы были в Новгороде, а 14-го, пройдя пешком от Шимска тридцать километров, сидели в окопах, на передовой. Я был среди двадцати товарищей: нам дали право пойти группами из одного учреждения. Я — из треста № 2 «Спецгидропроекта». Все двадцать — коммунисты, большинство инженеров, — были зачислены в 3-й батальон 835-го сп бойцами.

До переднего края мы уже ползли под минометным и ружейным огнем. Приползли вечером, в 11 часов. Неопытные, неприспособленные. Один среди нас был участником финской кампании. Он дорогой нас наставлял: «В первую очередь найдите себе каску!..» На опушке леса мы собрали себе каски и лопатки, стали окапываться. Когда наутро освоились, картина кругом для первого знакомства была жуткая: трупы, лежавшие уже по нескольку дней, народ измученный, засыпали стоя. Немцы лезли, нужно было вести непрерывное наблюдение. И нам, новичкам, было просто непонятно: как так можно? Мы перед тем день шли, а кроме того, почти четверо суток находились без пищи. Меня с бойцом сразу же заставили подобрать трупы и закопать под минометным обстре-

лом. Разложившиеся трупы!.. То у человека нет головы, то отдельно ноги... Приходилось не только стаскивать трупы, но и устанавливать, кто такой, и подбирать вооружение.

Собравшись ползком, поодиночке, перелезая из окопа в окоп, обсудили мы всё и решили, что пора действовать, раз нас послали на укрепление. Вызвали командира роты, потребовали порядка. Вскоре наладили мы дежурство, сон, подъем по тревоге. Неприятны были грубость да еще отношения между кадровыми и некадровыми частями. Сначала кадровики смотрели на нас высокомерно, без всякого на то основания, и это не дало им возможности сразу оценить людей, мешало использовать и силы и обстановку: надеяться, мол, нельзя... Но когда увидели нас в деле, отношение к нам стало исключительно хорошим и со стороны командиров и со стороны бойцов. Это было приятно чувствовать.

На первом нашем рубеже мы находились девятнадцать дней. Были моменты, когда батальон пытался бежать под натиском немцев и когда отдельные коммунисты брали на себя командование и удерживали подразделения. И всё же в итоге рубеж держали. Именно мы на этом рубеже остановили движение немцев силой своего 835-го полка. Это было впервые на всем участке, и что всего более знаменательно — полк сформирован из приписного состава, только командир полка подполковник Кибальчич был кадровым, он служил до войны преподавателем пехотного училища.

Через девятнадцать дней мы переменили позицию, снова держали оборону, в общем, славно участвовали в бою тридцать пять дней беспрерывно. Приехавший к нам К. Е. Ворошилов дал приказ: полк считать героическим.

Многих мы потеряли. Из двадцати моих сослуживцев погибли на моих глазах четверо, а где остальные — неизвестно. Многие были представлены к правительственным наградам. (Думаю, что ничего с наградами не вышло потому, что вскоре полк был разбит и все документы, кроме партийных билетов, пропали. Я даже не знаю, существует ли теперь этот полк.) Я был представлен к ордену за то, что дважды вывел большие группы с материальной частью из окружения. И в один критический момент, когда был разбит КП роты, принял командование ротой, и удалось удержать наш рубеж. Это было у разъезда Кчоры, немцы ходили шесть раз в атаку против нас. Мы лежали на этом рубеже два дня под жестоким минометным огнем. С утра минометный огонь усиливался (артиллерии не было), приближался, и мы чувствовали, что немцы готовят атаку. Сам я ходил два раза в разведку, обнаружил, что на правом фланге они подтянули минометы и поставили броневики. Я хорошо знаком с геодезией, поэтому сообщил артиллеристам местоположение этих броневиков и минометов. Они были через несколько часов уничтожены.

Немцы атакуют нас так: подходят автомашины, на наших глазах высаживается из каждой человек по двадцать пять, капрал

их выстроит в полный рост, скомандует — и они, винтовки наперевес, идут вперед: «Рус, сдавайся!» Думаю, что были пьяные, — галдеж, крики на немецком языке. Мы их подпустим метров на семьдесят и чесанем так, что просто истребление было! Били их ручными пулеметами, станковыми, полуавтоматами — уходили немногие.

Так продолжалось до шести раз, через каждые час-полтора. Тактика была у них: кто-то всегда наблюдал, как разворачивается бой. Поэтому после каждой атаки было все труднее сидеть в окопах, так как минометный огонь становился всё эффективнее — они открывали наши гнезда, видели нас. На пятой атаке они подкатили один танк. Он стал нас расстреливать в упор. Мы сообщили артиллеристам о местонахождении танка, но — непонятная история! — артиллерия начала бить по нас. Немецкие мины рвутся в двух — пяти метрах, а тут еще и наша артиллерия, и мы в открытых окопах!

Перед шестой атакой обстановка: КП роты разбит, командир роты убит, командир взвода, сзади меня в десяти метрах, убит. А наблюдатели кричат: «Усилить внимание, повторяется атака с фланга!» Командовать было некому. Помощник командира взвода, сержант (раненый затем), растерялся, особенно когда с левого фланга сообщили, что у нас, у пулеметчиков, осталось по одному диску. А патронный пункт был разбит.

Я собрал товарищей: «Надо держаться любыми средствами, уходить некуда!» Послали последних связных. Перед тем шесть связных не могли дойти до КП батальона: кто убит, кто ранен, это потом выяснилось. Я послал товарища своего: положение критическое, надо идти. А по цепи команду: «Приготовить гранаты! Патроны сейчас принесут!» Вот в таких условиях удалось отбить шестую атаку. Было уже темно. По крикам определили, что было больше атакующих. Патроны принес на себе один из наших бойцов в самый последний момент. И немцы перестали атаковать нас!

Характерно: на третьей или на четвертой атаке они пытались распропагандировать нас, выступил какой-то на русском языке, что, мол, у них больше людей и техники, предлагал сдаться. Распространялся до тех пор, пока пулеметчик не дал очередь, и тогда они пошли в атаку.

За такие дела полк получил звание героического. Командование армии отнеслось к нам со вниманием, да и нужен был отдых: в отделениях оставалось по пять человек! Нас отвели на отдых, весь полк, и впоследствии мы единым полком уже ни разу не выступали, а выступали разрозненными батальонами в тех местах, где было тяжело. Так мы — 3-й батальон — были брошены на поддержку 3-го Дзержинского стрелкового полка.

Восемь километров шли сутки, потому что нас сопровождало около пятнадцати немецких самолетов, с утра до вечера бомбили нас. Под елочки ляжем, два шага пройдем, опять ляжем, За сутки

не было ранено или убито ни одного человека, хотя немцы были абсолютными хозяевами воздуха, — мы не имели ни зениток, ни авиации. Думаю, 200—300 бомб они сбросили. Улетали, заправлялись и снова летали, долго утюжили нас самолетами, бомбили несколько дней, удивительно неэффективно.

К этому мы настолько привыкли, что в последние сутки я пять часов спал под бомбежкой, в окопчике шестьдесят сантиметров глубиной, укрывшись палаткой, — спал до утра. Они один залет — бомбы, второй — пулеметы, и заправляются уходят. И так беспрерывно. Потом стали каруселью ходить.

Когда убедились, что этим нас не выкурить и мы не уходим из окопов, пустили самолеты без бомб, но, очевидно, с громкоговорителями, усиливающими шум мотора, особенно во время пикировки. И без бомбежки утюжили линии окопов, даже не стреляя пикировали. Спускались так низко, что можно было видеть летчиков. Шум был невероятный, и он заставлял всех лежать на земле, в окопах, потому что через час-полтора уже изматываешься от ожидания бомбы или пулеметной очереди... И только потом мы установили, что им нужно было прижать нас к земле, чтоб дать возможность своим частям незаметно к нам подойти.

Неумение разгадать эту тактику привело нас к беде. Когда они кончили утюжку и мы поднялись из окопов, то у немцев уже были установлены станковые пулеметы, в ста пятидесяти — двухстах метрах от нас. А отдельные группы автоматчиков отрезали нам дороги в расстоянии тридцати — сорока метров. Последовали наш неизбежный отход и большие потери. Немцы били разрывными пулями. Боевые порядки нарушались, враг вклинился в стыки между ротами и взводами, мы были рассеяны, всё так перемешалось, что мы не знали пункта сбора.

Так был прорван весь фронт. Отступали мы только лесом, пешим порядком, а немцы наступали, как правило, на мотоциклах и машинах. Лесов они страшно боялись. При неопределенном местоположении пункта сбора наши марши, естественно, очень сильно затягивались, и, когда мы подходили к какой-нибудь деревне, оказывалось, что она уже занята немцами. Шум моторов противника всё время сопровождал нас.

То, что мы были отдельным батальоном, приданным 3-му полку, привело к смешению нашей группы с бойцами и командирами 3-го полка. Эта группа была, конечно, не боевой частью, потому что при отступлении значительная часть автоматов и пулеметы оказались потеряны — и не то что брошены, а, например: бежал пулеметчик, был ранен, а я уже нес винтовку приятеля и, не зная пулемета, не мог им воспользоваться. Другой пулеметчик убит — пулемета не подберут. Или раненого увозят вместе с пулеметом...

Стадное чувство страха — очень сильная вещь. Я сам бежал и убеждал себя остановиться и остановить других. И останавливать удавалось, когда быстро создавался какой-то коллектив, кото-

рый поддерживал. А так — нужно быть очень сильным человеком, чтоб при обстреле в упор, когда все бегут, остановиться и остановить других, — надо для этого обладать настоящим мужеством...

Шли долго. Хлеба не было. Пили воду из колеи дороги, питались ягодами, грибами. Когда пришли в Пушкин, я пытался разыскать свой полк или уйти в свою дивизию. Командование 3-го полка этого сделать мне не разрешило (я был рядовой боец). А после переформирования меня назначили сюда, на командную должность — по положению занимаю должность строевого капитана...»

В моем дневнике есть запись подробного рассказа старшего врача 49-го танкового полка 24-й танковой дивизии Валентины Ивановны Рагозы о том, как этот полк (вместе с дивизией, в составе 41-го стрелкового корпуса) выходил из окружения, в котором оказался под Лугой. Передаю здесь только самую суть событий, изложенных в этой записи.

С десятых чисел июля полк оборонял Лугу. К 18 августа, при отступлении от города Луга, выяснилось, что полк взорвал мост через реку Лугу у Толмачева и на пути к Сиверской был окружен немцами. Они переправились через реку в другом месте и перерезали впереди полка, у деревни Ящера, дорогу на Сиверскую и Гатчину. В окружении оказался и весь 41-й корпус.

С 18 по 21 августа полк под деревней Сорочки отражал атаки противника, затем по приказу выходил на восток: колесные и боевые машины — по настильной дороге, а люди — пешком, болотами. Вышли к деревушке Луги, и здесь 27—28 августа сорок пять самолетов подвергли нас жесточайшей непрерывной бомбежке. Материальная часть и обозы 24-й дивизии были взорваны и сожжены.

По болотам и лесам подразделения всего 41-го корпуса пробились с боями к пункту сбора — деревне Сусанино. К этой деревне 12 сентября выбрался и личный состав 49-го танкового полка. С 25 августа ни хлеба, ни соли, ни других продуктов, ни табаку, ни свежей воды, ни медикаментов не было. Обстреливаемый днем и ночью, полк нес на носилках множество раненых. Наших пикировали фашистские самолеты, полностью господствовавшие в воздухе. Здоровые люди прикрывали раненых собою и все дни отдавали им свой голодный паек — по 150 граммов конины в сутки, а сами питались ягодами.

Навстречу корпусу, чтобы открыть ему выход из окружения, пробивалась 90-я стрелковая дивизия. Она была уже в трех километрах от 49-го танкового полка, но сомкнуться с нею полку не удалось, и 14 сентября он получил приказ выходить из окружения мелкими группами самостоятельно. Прошел обходным маршем еще тридцать километров, форсировал реку Ордеж и шоссе на дорогу. После четырехсуточной «утюжки» самолетами, уничтожающих обстрелов из минометов и танковых пушек полк потерял большую часть людей. Остатки полка через Кобралово и

Антропшино 17 сентября вышли в Павловск, но в этот день здесь, как и в Пушкине, уже были немцы. Из Павловска объединившимся мелким группам удалось с боем вырваться и пробиться дальше, к нашим частям.

Так выходили из окружения и все части 41-го стрелкового корпуса.

ПОСЛЕДНИЕ ЧИСЛА АВГУСТА

27 августа. Ленинград

Со вчерашнего дня движение по городу прекращается в десять вечера и начинается в пять утра.

Сегодня, говорят, враг вплотную подошел к Гатчине, положение Ленинграда очень трудное и опасное, но пока что жизнь в городе идет нормально. Я убежден, что Ленинград не может пасть, но не менее убежден, что в ближайшие дни начнутся бомбежки.

29 августа

Четыре дня назад занята Любань, три дня назад мы оставили Новгород, вчера фашисты ворвались в Тосно. Навстречу немцам, с севера, по Карельскому перешейку, вдоль Финского залива и по берегам Ладоги напирают финны. Цель фашистов ясна: хотят окружить Ленинград.

31 августа

В южной стороне и на Карельском перешейке разрозненные наши части с боями все выходят из окружения. Смотреть на истощенных, обессиленных, раненых людей, когда они достигают наконец Ленинграда, тяжело. Многие из них, пробиваясь, дрались из последних сил. Других, ушедших партизанить в тыл врага, мы увидим не скоро. Есть среди испытавших горечь окружения и люди деморализованные, но таких немного, большинство полны чувства мести, разъярены, вновь рвутся в бой. Всех вышедших из окружения переформируют, включают в свежие части и сразу же направляют на фронт.

Жарко. Кировский проспект, всегда такой чистый, теперь запылен, замусорен. По проспекту медленно тянется обоз — это вошедшая в город после отступления воинская часть. У перил набережной Карповки стоят несколько подвод. Красноармейцы спускаются к реке, котелками, ведрами зачерпывают воду. Толпа — человек сорок — пятьдесят — молча и сосредоточенно смотрит. Наконец кто-то сверху кричит:

— Браток, ты что грязную воду пьешь? Заходи во двор!

И то, что в центре благоустроенного города (в любом доме — водопровод!) люди берут воду из грязной речушки, вызывает чувство тоскливого недоумения...

О чем повсюду в Ленинграде идут разговоры? Множество тем, неведомых до войны, сотни новых, ставших привычными, общепонятными терминами! Разговоры о школьниках, собирающих повсюду бутылки, необходимые для заполнения их горючей смесью, — миллион зажигательных противотанковых бутылок! О новом виде взрывчатки, именуемой синалом; о захваченных у немцев снарядах с химическими отравляющими веществами; о партизанских отрядах и полках, о подпольных партийных группах и истребительных батальонах, отправляющихся в тыл к немцам; о маскировке городских объектов, производящейся под руководством архитектора Н. В. Баранова; о песке, завозимом сотнями грузовиков во все городские дома, чтобы гасить им немецкие «зажигалки»; об эвакуации детей, о трудовой повинности и военном обучении всех трудящихся; о санпостах, о донорах, о группах самозащиты, об аварийно-восстановительных полках и батальонах в системе МПВО; о курсах танкистов на Кировском заводе и всяческих других курсах, о рабочих отрядах, об усилении охраны, о строительстве во всех районах города оборонительных рубежей, о новых гвардейских дивизиях народного ополчения, об артпульбатах и о баррикадах, о дзотах и дотах в углах домов на перекрестках улиц, о варежках и рукавицах, о щипцах для зажигательных бомб, о пойманных там и здесь фашистских шпионах, об экономии электроэнергии, топлива и продуктов питания... Это все — деловые, торопливые, энергичные разговоры, за которыми видны напряженные, быстро текущие дела, сливающиеся в один шумливый, гигантский поток.

Жизнь в городе содержательна, кипуча, в ней чувствуется накал великого народного единства.

КРАЙНЕЕ НАПРЯЖЕНИЕ

За последние дни. Танки под Сестрорецком. Подходит морская пехота. От Тернока до Каменки. Еще восемь дней в городе

(4—12 сентября 1941 г.)

5 сентября 1941 года финны взяли город Олонец, 7-го, в районе Лодейного поля, подошли к реке Свирь.

7 сентября немцы начали фронтальное наступление на Ленинград. Главный удар был направлен на Кипень—Ропшу—Красное Село,

В районе Мги после пятидневных ожесточенных боев немцам удалось выйти к южному берегу Ладожского озера и 8 сентября взять Шлиссельбург (Петрокрепость). С этого дня Ленинград оказался в кольце блокады. Крепость Орешек в горле Невы до конца войны осталась за нами. В ночь на 9 сентября немцы пытались переправиться на правый берег Невы, но были раз навсегда остановлены здесь морской пехотой, подразделениями 115-й стрелковой дивизии и рабочими истребительными отрядами. 10 сентября массированный налет немецкой авиации был совершен на район Красного Села, и оборонительные работы здесь пришлось прекратить. Сильнейшему полуторачасовому налету в вечер того дня подвергся и Ленинград. На четвертый день предельно напряженных боев, 12 сентября, мы были вынуждены оставить Дудергофские высоты и Красное Село. В тот же день на реке Свирь нашим частям пришлось отдать врагу Подпорожье, а на Карельском перешейке накануне нами оставлен был Белостров.

К этому дню немцы потеряли в боях за Ленинград 170 000 солдат и офицеров, около 500 орудий и 500 танков.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

4 сентября. Ленинград

Был в ТАСС и в Политуправлении фронта.

Наши войска встречают наступающих немцев гневными контрударами, сами наступают от Колпина на юг и юго-запад, подошли к Саблину, в районе Ям-Ижоры и Красного Бора окружили не-

сколько немецких полков. Немцы закопали танки в землю, превратили их в неподвижные огневые точки.

Но узловая станция Мга оставлена нами 30 августа,¹ и это значит: железнодорожная связь Ленинграда со всей страной перерезана. И еще: сегодня в городе впервые легли снаряды дальнобойной артиллерии немцев... Немцы били со стороны Тосно.

Сегодня туманный, облачный день. Всю ночь слышалась отдаленная канонада. Раз стрельба занялась где-то поближе, гул доносится с верхнего течения Невы. Вчера над городом летал фашистский самолет, за ним охотились наши. В ночь на вчерашний день — воздушная тревога, вчера — еще две. А перед тем несколько дней никаких тревог не было.

Разговоры о разбомбленной, несколько раз занятой фашистами Мге по всему городу. Слышал, что от взятых было Любани и Тосно немцы отброшены. Поскольку никаких официальных сообщений о том, что происходит под стенами города, пока нет, население, естественно, питается слухами. Слухи, конечно, полны вранья, верить большей части рассказываемого не следует, но тот факт, что бои идут всюду за городом, что никакие дальние поезда никуда не ходят и Ленинград не имеет железнодорожного сообщения с другими городами, представляется несомненным.

Жизнь в городе тем не менее протекает нормально, никакой паники не наблюдаю. С позавчерашнего дня сбавлена норма выдачи хлеба: те, кто получал 400 граммов, теперь получают 300. Два дня назад исчезли из продажи папиросы, включены в карточную систему спички: три коробка в месяц.

Вчера в газете сообщение об эвакуации Таллина, а позавчера в Ленинград вернулась группа писателей, доставленных в Кронштадт на военных судах, на транспортах, увозивших из Таллина воинские части. Рассказы об этом писателей. Кажется, погибли вместе с транспортом писатели Ф. Князев и Ю. Инге. Впрочем, может быть, их спасли, пока, во всяком случае, они не объявились.

С 23 августа Северный фронт разделен на Ленинградский и Карельский. Карельский перешел к 23-й армии отнесен к Ленинградскому фронту, а 7-я армия и вообще все части за Ладожским озером и рекою Свирь — к Карельскому. Командующим войсками Ленинградского фронта 29 августа назначен К. Е. Ворошилов, в Военном совете — А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, адмирал И. С. Исаков и другие. В составе Ленинградского фронта создаются новые армии из формируемых спешно дивизий, бригад морской пехоты, полков народного ополчения, артиллерийских полков, истребительных батальонов... Строятся бронепоезда, для наземных частей снимается с кораблей артиллерия, даже доставляется самолетами... В частности, в районе Пушкина — Павловска — Колпина

---

¹ Немцы сбросили на Мгу парашютный десант еще 28 августа 1941 года, но в тот день были отбиты.

формируется 55-я армия (командующий—генерал И. Г. Лазарев). В бой она еще не вступала, ее управление находится в г. Пушкине, ее высшим командирам приказано выезжать на броневиках или автомашинах вперед, встречать выходящие из-под Луги разрозненные, неуправляемые дивизии и полки и, приказав им тянуть линии связи к г. Пушкину, брать их в свое подчинение, организовывать оборону Ленинграда... На ближайших к передовым позициям железнодорожных станциях ставятся питательные и медицинские пункты, строят составы поездов для приема всех выходящих из окружения...

Такая же задача в районе Красногвардейского (Гатчинского) укрепленного района возлагается на 42-ю армию (управление которой создано раньше).

В самый напряженный момент боев за Ленинград происходит реорганизация всего управления...

Мы, корреспонденты ТАСС, ждем направления в части и фронтовых пропусков. Но заниматься нами сейчас, конечно, некому. Что ж!.. Дела у меня хватает и здесь, в самом Ленинграде! Как бойцы нуждаются в винтовках, так газеты и издательства ждут от писателей действенного оружия — слова... За последние дни написал для «Советского писателя» пять рассказов и немало статей для газет. В «Ленинградской правде» день за днем печатаются мои очерки. Я их пишу под непрерывное гудение самолетов: уже несколько суток авиация непрерывно в воздухе...

А кроме того... Если проявить активность, то кое-куда можно съездить, даже не имея фронтового пропуска. Всё же у меня на петлицах две шпалы, и я полноправный командир Красной Армии. А фронт, увы, так приблизился, что вплотную к нему можно за час доехать на трамвае или дачным поездом...

Во второй половине августа части нашей армии попали в окружение под Выборгом. И в то время, когда балтийские моряки, пограничники, оставленные для заслона подразделения армии в самом Выборге и на островах Выборгского залива, дрались, проявляя поразительную стойкость (остатки их были эвакуированы на кораблях в Кронштадт и Ленинград 1 сентября), другие, прикрываемые ими части, уничтожив по приказу командования свою технику, стали выходить из окружения мелкими группами. И вдоль всего побережья Финского залива, вдоль Приморского шоссе, по густым лесам и болотам, меж озер, наперерез рекам, началось безрадостное отступление. Оно остановлено только два-три дня назад...

Отдельные окруженные врагом группы, подразделения и гарнизоны приморских укреплений, защищаясь, стояли насмерть и погибали до единого человека. Другие группы, изолированные, потерявшие ориентировку и связь в дремучих лесах, оказывались деморализованными. Но всюду находились стойкие, инициативные люди, чаще всего коммунисты и комсомольцы, которые организовывали сопротивление, ободряли, объединяли упавших духом, вы-

водили и до сих пор выводят их к линии старой границы, где вдоль реки Сестры Ленинград ограждается с севера главным рубежом — прежним укрепрайоном.

В конце августа было два-три критических дня, когда, почти не встречая отпора, враг мог прорваться через этот рубеж к Ленинграду.

В эти страшные дни 30—31 августа решающую роль сыграли мелкие, самостоятельно действовавшие подразделения, задержавшие врага до подхода к Сестрорецку и Белоострову подкреплений, экстренно выдвинутых из Ленинграда, в частности балтийцев, которые были сняты с кораблей флота и спешно сформированы в отряды морской пехоты.

На Сестрорецком направлении важную роль сыграл истребительный отряд Осовского. Мне известно, что он в самый критический час оказался единственным, ставшим на пути вражеских передовых частей к Сестрорецку...

ТАНКИ ПОД СЕСТРОРЕЦКОМ

Расскажу об этом деле не с чужих слов, записанных мною в начале сентября, а со слов А. И. Осовского, с которым мне удалось встретиться на передовой линии фронта только поздней осенью 1941 года в 3-м полку Кировской дивизии народного ополчения, занимавшем в ту пору уже надежно укрепленный рубеж в районе Курорта и Сестрорецка.

Анастасий Иванович Осовский родился в 1909 году в городе Тотьма Вологодской области, окончил шесть классов школы, в 1938 году вступил в партию. Перед войной служил в Териоках, руководил трестом кинофикации Карельского перешейка. Когда я встретился с ним в Курорте, он уже имел звание старшего лейтенанта. Вот его рассказ, записанный мною дословно.

«25 июня я вступил в организованный здесь истребительный батальон. Сначала был командиром взвода, затем — политруком роты. Командиром отряда был Побивайло из школы по подготовке комсостава НКВД.

В первые дни работа в батальоне сводилась не только к тренировке бойцов и несению караульной и разведочной служб, но и к обучению людей, которые должны были быть призваны в РККА. Работали по двенадцать-тринадцать часов в день, с выходами в поле: выполняли одновременно боевые задачи — охраняли отдельные участки железной дороги, занимались поисками парашютистов. И, судя по тому, что на участках, охраняемых другими отрядами, бывали случаи диверсионных взрывов, а на нашем участке таких случаев не было, охрану несли хорошо. Так было до 22 августа.

22 августа я выпросился в партизанский отряд, был принят бойцом, но уже через три дня меня утвердили командиром

отряда. Мы занялись экипировкой, подготовкой и изучением всего, что нам могло понадобиться, вплоть, например, до приемов джиуджитсу.

31 августа отряд поступил в распоряжение 23-й армии, в тот же день получил задание выехать в Териоки, уточнить там обстановку и постараться проникнуть в тыл финнам. Если же это не удастся, то сделать базу за Келломяками и действовать по указаниям разведотряда армии. Базу мы создали и 1 сентября прибыли в Сестрорецк. Я явился с докладом к секретарю Сестрорецкого горкома партии и начальнику местного НКВД и, когда в моем присутствии было доложено разведчиками, что на Сестрорецк движется группа танков и пехоты противника, попросил разрешения выйти навстречу противнику и задержать его.

Мобилизовал одну автомашину и выехал с двадцатью шестью людьми. В двух километрах от Сестрорецка встретил нескольких бойцов, которые подтвердили, что в трех-четырех сотнях метров идут танки и пехота, да и мы слышали их стрельбу из орудий и пулеметов. Мы сошли с машины, рассыпались по сторонам дороги и расчлененным строем, выслав разведку, стали продвигаться вперед. Пройдя метров четыреста по леску, в местности «Таможня», между Оллилой и Курортом, увидели стоящий на пригорке у дороги танк, который стрелял из орудия по нашему тылу и строчил из пулемета по обочине дороги.

Распределив людей вдоль дороги, я с бойцом Большаковым прополз метров пятьдесят вперед и залег на середине дороги, за оставленным здесь разбитым трактором. Затем, заметив лучшее прикрытие — небольшой песчаный ремонтный карьерчик у самой дороги, переполз туда. Меня не заметили, и, все время стреляя, танк очень медленно и осторожно приближался. Через несколько минут ко мне приполз боец Севрин:

— Без меня командир быть не может!..

Приблизительно минут через сорок танк пошел вперед быстрее. Когда он был метрах в двадцати от меня, я встряхнул противотанковую гранату и, едва танк приблизился еще метров на десять, выскочил и метнул ее под левую гусеницу. Раздался взрыв, танк с порванной гусеницей развернуло боком ко мне. Севрин подал мне вторую гранату, я швырнул ее, она упала у самого танка, порвала правую гусеницу и ведущие колеса. Это был танк Т-3, средний, германский. Кроме меня по гранате бросили Большаков и Севрин. Но пулеметы танка продолжали бешеную стрельбу. Выглянув, я заметил, что люк танка открыт. Оказывается, в это время двое из экипажа танка пытались удрать. Один из них был убит выстрелом товарища Эхина, охранявшего нас метрах в пятидесяти. В открытый люк я бросил гранату РГД-33, после чего танк замолк и оказался окончательно выведенным из строя. Был я тогда, бросая гранаты, спокойнее, чем сейчас, — таков был азарт!..

В тот же момент на расстоянии около ста метров показался большой башенный танк, открывший стрельбу из пулемета по всей местности. Одновременно с правого фланга появился третий танк, средний, который тоже открыл стрельбу и пытался пойти в обход, но, наткнувшись на сырую, топкую местность (около реки Сестры), повернул обратно. По бокам от большого танка двигалась пехота — сорок — пятьдесят человек. Мы открыли огонь из винтовок, а Эхин — из имевшегося у него автомата. Движение врага приостановилось: мы боялись их, а они — нас, не зная, сколько нас здесь. Я тут же уполз к своим: нас набралось примерно человек сорок, так как с нами было человек пятнадцать примкнувших, из тех, что отступали и встретились с нами.

Противник остановился. Танк повел огонь из башни, а пехота — из винтовок. Но огонь противника не приносил нам ущерба, наша позиция на скате высотки оказалась удачной. В перестрелке мы провели более двух часов. Танк стал бить шрапнелью. Разрывы приходились у нас над головой. С правого и левого флангов у нас не было никого. И я, зная, что позади имеется место, где танки могут пройти только по двум дорогам, ибо кругом вода, решил отвести отряд. Вывел его в район Ржавой канавки, немедленно окопался и приготовился встретить врага.

Через несколько часов я был вызван к заместителю командующего 23-й армией полковнику Андрееву, который сообщил, что нашему отряду А. А. Жданов объявил благодарность и приказал держать занимаемый рубеж.

Здесь мы были шесть суток. Несмотря на то что противник вел бешеный пулеметный и минометный обстрел, за все шесть суток мы потеряли только одного человека убитым, а раненых не было вовсе. Весь мой отряд состоял из тридцати трех человек.

Это были дождливые дни. Глина размякла. Партизаны без отдыха несли дежурство, занимали большой участок. И еще выделяли для наблюдения за дорогами (справа и слева от нас) людей, из тех, кого останавливали, — разрозненных, бегущих с Карельского перешейка красноармейцев. Они были деморализованы и, несмотря на наше влияние, во время минометных обстрелов начинали бегать с места на место, и потому среди них каждый день бывало по пять-шесть убитых.

В ночь на 7 сентября я получил приказ сдать участок кадровой части, а самому с отрядом идти на отдых. Через несколько дней мой отряд был влит в 120-й истребительный батальон и зачислен в нем отдельным взводом».

ПОДХОДИТ МОРСКАЯ ПЕХОТА

И еще два небольших рассказа о тех же днях. В Каменке, под Белоостровом, в октябре 1941 года я познакомился с главстаршиною флота, маленьким, быстрым в движениях, вспыльчивым и горячим Леонидом Яковлевичем Захариковым, которого бойцы

морской пехоты называли истребителем «кукушек»: он был одним из зачинателей снайперского движения на Ленинградском фронте. Вот запись, сделанная мною тогда в отдельном особом батальоне морской пехоты.

...В последний день августа Захариков — секретарь комсомольской организации своей гидроавиационной части, находившейся в то время в Ораниенбауме, явился по срочному вызову к комиссару части. Тот:

«На фронт хочешь?»

Захариков отвечает:

«Ясно, не в бабки пришел играть!»

Комиссар сказал, что надо в эту же ночь явиться в Адмиралтейство, к начальнику политотдела, и объяснил: формируется батальон морской пехоты, чтоб закрыть собой грозящее прорывом в Ленинград пустое пространство.

«Не струсил?»

«Нет!..»

— И пошло! — рассказывает мне Захариков, — И вот уже едем на фронт. Гранаты, винтовки!.. И впервые я попал под обстрел минометов под Курортотом. Впечатление неважное. Вот сейчас для меня мина — плевать! А тогда — как дунули бежать! И по всей вероятности, среди нас была какая-то одна сволочь: где ни остановимся — выстрел, и тут же падает мина. Мы еще плохо тогда знали наших людей, попали к нам и случайные... Но тут нам прямо приказали: «Вы будете идти по ближнему пути, по опасному, и соберите всё ваше мужество!» И мы действительно собрали его, и пошло у нас всё как надо...

Тут были до восьмого сентября в активной обороне. Восьмого переброшены на белоостровский участок. Шли болотом всю ночь, по пояс в воде, таща на себе всё имущество, минометы, патроны. Сразу же влезли в воду чуть не по горло. Шли под огнем пулеметов и «кукушек» с линии железной дороги. В начале пути переходили мост в ста метрах от врага. Сначала через мост перебежала небольшая группа, пять-шесть человек, а остальные переползали по одному. Затем опять погружались в болото, двигались в нем длинной цепью — пять метров человек от человека. Команды передавались шепотом по цепи, но хлюпанье было зверское. Не потеряли в этом переходе ни одного бойца. К утру девятого пришли на белоостровский участок, заняли оборону на его правом фланге...

ОТ ТЕРИОК ДО КАМЕНКИ

На передовых позициях батальона морской пехоты я познакомился с каштановолосой, голубоглазой медсестрой Валей. Потоповой (женой разведчика младшего лейтенанта Йониди) и ее подругой Аней Дунаевой. Одеты в ватные телогрейки, обе они носили косички, были смешливыми и веселыми, и никто из нас,

конечно, не думал о том, что Аня вскоре будет убита прямым попаданием снаряда.

— ...Жили мы в Териоках, — рассказала мне, не обращая внимания на разрывы падавших поблизости мин, Валя Потапова, — я работала в горкоме комсомола техсекретарем, Аня — в горсовете, статистиком нархозучета. Двадцатого августа началась эвакуация. А мы обе хотели на фронт. Еще раньше у нас организовался истребительный отряд; тот отряд тридцать первого августа выступил на Пухтолову гору, где финны высадили десант. Нас, девушек, было десять, с одними санитарными сумками «на вооружении». Кстати, и в отряде, состоявшем из ста сорока человек, вооружение было, мягко выражаясь, сборное, но всё-таки три пулемета и несколько десятков винтовок было. Пухтолову гору мы знали потому, что там устраивались лыжные кроссы. Где именно финны, сколько их — никто из нас точно не знал, а их оказалось много, и нам пришлось отступить.

Я, Аня и еще одна девушка, Леля Яхницына, пошли вперед под огнем, потому что не понимали, что такое страх, и заблудились. Слышим разговор финских офицеров, сидим под горой в канаве. Мне смешно: алякают. Яхницына мне:

«Если ты смеяться будешь, застрелю!»

Двое наших бойцов подползли, и с ними мы, рыща по лесу, нашли своих, перевязали двоих раненых, понесли.

Вышли все мы с Пухтоловой горы к Териокам, смотрим — Териоки горят. Послали разведку — город пуст. Пошли мы по улицам — дома горят наши, некоторые взорваны. Улицы узкие, волосы разлетаются от жары. Обидно смотреть вокруг. Хлебозавод за нами рухнул, здание горкома партии стгорело — всё дома родные, близкие...

Ночью с истребительным отрядом мы вышли на шоссеюную дорогу — и к Сестрорецку. Остановили какую-то машину, посадили раненых с одной дружинницей. Сами шли до Куоккалы. Здесь встретили две машины — они ехали за оборудованием типографии, но было уже поздно, там всё стгорело. На этих машинах мы доехали до Сестрорецка, дальше дошли пешком, разместились в школе.

Часов в двенадцать — только получили распоряжение отдыхать весь день — боевая тревога. Оказывается, три-четыре финских танка прорвались на Сестрорецк. Истребительный отряд Осовского пошел на танки, сам Осовский взорвал головную танкетку и остановил большой танк. И мы, основная часть отряда, с другой стороны напали на танки; они увидели нас, повернули, ушли обратно.

Наш отряд остался лежать в обороне. Я лично — в третьей линии с Аней, прикрепили нас к одному взводу. Три дня во рву, на песке, под минометным обстрелом мерзли. Ночью кричишь:

«Дневальный, потяни за ногу — ноги здесь или нет?»

Очень тогда мы мерзли!

Вокруг нас появились бойцы, стали ходить к нам из окружающих дотов. Помню пулеметчика Костю — такой спокойный! Бьют минометы:

«Костя, чьи?»

Он авторитетно:

«Валя, да это наши!»

И спокойно становится, хоть мины и рвутся у самых ног. Мне с Аней очень хотелось перейти в «настоящую» часть. А тут приходит какой-то лейтенант:

«Мне нужно в доты по санитарке!»

Леля Яхницына была у нас старшей. Спрашиваю её:

«Отпустишь нас?»

«Я и сама пойду!»

...Оформились мы, сдали сумки, пошли, взяв все документы. Приходим в дот — тут гостеприимно, симпатично, голубенькой краской всё выкрашено. Накормили нас. Смотрим — у них хоть и весело, а делать нечего.

«Что у вас делать?»

Старшина объясняет:

«Будем сидеть до тех пор, пока нас не взорвут».

«Сколько же сидеть?..»

«Может, год, может, больше!»

И сговорились мы: убежим опять, делать нечего же! И, переночевав, добились, чтобы нас свели в часть настоящую, где есть работа. И утром два сопровождающих провели нас через реку Сестру под огнем в санчасть батальона морской пехоты. Сапоги большие, спотыкаюсь, держимся за бойцов. Приходим — темно, все спят. Сопровождающие ушли. Постояли мы среди комнаты, слушая храп.

«Анка, давай спать тоже!»

Дернула за ногу кого-то — оказывается, девушка.

«Кто у вас начальник?»

«Да все начальники! Давай спать!»

Утром все на нас смотрят: откуда взялись? Привели нас в штаб к полковнику. Он сердитый, суров, недружелюбен. А нам уже надоело — водят!

«Какие документы?»

А у Анки нет документов, забыла в доте. Расплакалась. А я смеюсь. Полковник:

«Нам таких, что плачут, не нужно, вот ту, что смеется, оформить!..»

Ну хорошо, сходили мы в дот за Анкиными документами, вернулись, оформились, стали медсестрами.

Тут начали к нам поступать раненые, врачи увидели, что перевязки мы делать умеем. Переводят нас в Курорт, а там ночью приказ — выступать!

Ночью шли по болоту. Сапоги у Анки широкие, резиновые, сй тяжело. А у меня — с дырками, вода выходит, мне легко. Странно было погружаться по пояс в воду, неприятно, потом привыкла, иду, как будто так и надо, одному парню даже немного винтовку несла — он после ранения слабым был. Бойцы были как верблюды нагружены — патроны, минометы, станковые пулеметы на плечах. Я всё время держалась за командиром взвода Кашкетовым, он здоровый.

«Валя, иди со мной, сухо тут!»

Ему по колено, а мне по грудь! Остановимся — он стоит, я облокочусь на него и сплю. Как обстрел, так все спят, лежа в воде. Переждем — дальше. Мины по воде — чвак-чвак, — глубоко в воде разрываются. Пока шли по воде, было тепло, а как вышли — ветер, холодно! Все как утки мокрые, течет с нас!

Утро уже. Вышли из болота — противотанковый ров. Солнышко пригрело, пар идет от всех, расположились тут, все переодеваются, а нам нельзя же! Есть было нечего (кухня вкруговую ехала). Сухарь один на десять человек разломали, а две папироски ребята раскурили все по очереди. Часа в два двинулись в путь сюда, в Каменку; тут набросились на еду, ходили, смеялись, рассматривали местность... Стали жить тут...

ЕЩЕ ВОСЕМЬ ДНЕЙ В ГОРОДЕ

5 сентября

Учится народное ополчение. Учатся командиры. На Кировском, 77, в саду Дзержинского, идет учеба. Руководитель группы — капитан Николаевский, комиссар — Шерстнев. Тут и балтийцы, и красноармейцы, и вчера еще мирные горожане.

6 сентября

День провел в военно-морском госпитале, беседуя сначала с командиром подводной лодки, раненным при атаке подлодки «юнкерсами».

В госпитале встретил я знакомого мне пограничника — батальонного комиссара Косюкова. Он прибыл в Ленинград из Шлиссельбурга, куда был доставлен на катере без сознания после боя, происходившего 1 сентября на левом берегу Невы, у Ивановских порогов.

Бой длился с 6 часов 30 минут утра до восьми вечера, а потом снова до полуночи.

Косюков рассказал мне о геройской смерти лейтенанта Тулякова, который водил бойцов в штыковые контратаки; на его зальтом кровью партбилете бойцы дали Косюкову клятву отомстить за убитого лейтенанта.

Нет паники у стен Ленинграда! Есть горе, есть мужество, есть доблесть, есть ярость! Непрерывными волнами только что

сформированных батальонов, полков, дивизий ленинградцы идут на фронт. Нет такого врага, который осилил бы ленинградцев, распаленных гневом и возмущением!..

7 сентября

Вчера шел дождь. Вот уже третий или четвертый день в город летят немецкие снаряды; легло их пока несколько штук: один — на Глазовской улице, другой — в дом в районе Обводного канала, третий — около Невской заставы. Сколько выпущено их всего — не знаю, пока единичные.

Два дня назад, вечером, был у Н. Брауна, вернувшегося из Таллина, где он работал в газете «Красный Балтийский флот». Таллин оставлен 28 августа. Н. Браун рассказал мне о трагическом походе кораблей-транспортов. Сам тонул дважды — на двух транспортах, поочередно потопленных в Балтике. Спасся случайно, долго плавал, был подобран какой-то шхуной. Рассказывал обо всем спокойно (видимо, нервная реакция еще не наступила).

Можно считать установленным: при эвакуации Таллина на транспорте погибли писатели Ф. Князев, Ю. Инге, О. Цехновицер, Е. Соболевский. Погибло много транспортных кораблей (но из военных очень мало) и, конечно, много людей¹.

Вчера вечером забегал в квартиру на Боровую. Там выключен газ, не идет вода, центральные газеты уже несколько дней не доставляются. Возвращался на Петроградскую в темноте, к десяти часам вечера, когда прекращается всякое движение. Прохожие спешат, иные — бегут, стремясь добраться до дома к сроку.

Сегодня весь день слышалась артиллерийская стрельба, весьма близкая. Сейчас погода ясная, белые облака, в небе ревут самолеты, изредка доносятся артиллерийские выстрелы.

¹ «В эвакуации Таллина принимали участие 23 судна Балтийского государственного морского пароходства (включая 5 латвийских судов, прибывших в Ленинград после эвакуации Риги) и 6 крупных судов Эстонского государственного морского пароходства. Из них 25 погибло в море, 3 выбросилось на берег о. Гогланд, и только один пароход «Казахстан», получивший большие повреждения, дошел до Ленинграда. Позже прибыл пароход «Сауле», снявшийся с камней о. Гогланд. За три дня этой операции (27—29 августа) были потоплены почти все лучшие торговые суда Балтийского моря, имевшие вместительные трюмы, ледовые подкрепления и тяжеловесные стрелы. Вместе с судами погибло большое количество ценных грузов и более 10 тысяч человек...» (С. Ф. Эдлинский. Балтийский транспортный флот в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., изд-во «Морской транспорт», 1957, стр. 45—46.)

В отличие от почти невооруженных транспортов торгового флота военные суда Балтийского флота пострадали сравнительно мало.

«Но боевое ядро Балтийского флота — лидеры, миноносцы, подводные лодки, торпедные катера с флагманом Балтики, крейсером «Кировым», — здесь, в Кронштадте. Около 200 кораблей и транспортов прорвались из Таллина в Кронштадт. План германского верховного командования потопить или захватить Балтийский флот провалился...» (Н. Михайловский. Таллинский дневник. Лениздат, 1958, стр. 197.)

По улицам проходят воинские части без винтовок, — видно, идут на отдых или на переформирование...

Всё же реального, ясного представления о том, что наш город тоже в зоне фронта, что война уже почти в самом городе, пока еще нет, видимо, до первой свирепой бомбежки. Мыслью понимаешь, а вот непосредственным ощущением еще не воспринял этого... А в то, что немцы мой город могут взять, не веришь ни умом, ни сердцем, ни чувством. Этого быть не может.

8 сентября

Из окон в квартире на Боровой улице (угол Расстанной) открывается вид на весь город. Вдали сверкают шпили Адмиралтейства и Петропавловской крепости. Внизу, под самыми окнами, проходят рельсы Витебской железной дороги — множество линий, соединенных стрелками. Паровозное депо, а чуть дальше направо — темная сводчатая крыша вокзала. В поле зрения по окружности — массивные корпуса заводских цехов, высокие трубы, почти рядом с домом газовый завод; в том же направлении, далеко, у впадения Невы в Финский залив, здания на Галерном острове, а в хорошую погоду на горизонте виден Кронштадтский собор.

Налево, передо мной, — Бадаевские склады, товарная станция, вдали за ними Автово и трубы Кировского завода, а еще дальше, в лиловато-серой дымке горизонта, угадываются Красносельские высоты и Петергоф...

Шел я сюда с Петроградской стороны. На углу Глазовской и Воронежской улиц прохожие рассматривали трехэтажный с мансардой дом и в нем огромную, высотой в два этажа, пробоину от попавшего на днях снаряда. Мансарда уцелела и висит над этой уже заделанной листами фанеры пробоиной.

Во дворе дома на Боровой в маленьком скверике резвились дети. Всё было тихо и мирно вокруг. В ясном предвечернем небе плыли кучевые белые облака. В семь вечера вдруг тревожные гудки паровозов, голос по радио, ставший уже привычным: «Воздушная тревога!» Но, в отличие от прошлых тревог, не где-то там, вдали, а тут же, перед окном, сразу со всех сторон загрохотали зенитки, среди заводских корпусов видны быстрые, как молнии, взблески, и прямо перед глазами вспухают белые клубки разрывов.

И сразу же вся железная дорога, проходящая мимо дома и видимая до Витебского вокзала, покрылась светляками сброшенных зажигательных бомб. Они горят ослепительно — много десятков одновременно. Другие бомбы упали рядом, вокруг нашего дома и по всему району. Начались пожары, огромные облака дыма взвились, клубясь и соединяясь.

Опасаясь, что бомбы попадут в расположенный рядом газовый завод, — и тогда всем тут не уцелеть, — я спустился во двор. Стоял здесь, приглядев ящики с песком, лопаты — всё, чем можно тушить зажигательные бомбы. В такой же полной готовности

вокруг скопилось множество жильцов дома, не пожелавших отправиться в убежище. Никакой паники я не заметил — ни слез, ни растерянности. Все разговаривали спокойно, женщин было много, мужчин почти не было — в доме живут железнодорожники, в этот час большинство из них на работе. Волновалась только одна женщина, чья пятилетняя девочка была в момент объявления тревоги во дворе и куда-то исчезла. Стали мы искать девочку, она нашлась, и мать, обнимая ее, успокоилась.

Огромные тучи, ступенчатые, различно окрашенные грозные и красивые тучи дыма, рвались вверх исполинскими клубами; самолеты гудели в воздухе, зенитки надрывались, но в толпе женщин было больше любопытства, чем страха, слышались разумные разговоры о том, что зажигательные бомбы не страшны, вот если б фугасные, было б дело другое... Народ явно подготовлен к любому нападению. По лестницам бегали дежурные, ключ от чердака отыскался не сразу, дежурные помчались туда. Какая-то женщина заметила, что из трубы нашего дома идет дым, у кого-то оставлена горящей плита. Бегала по квартирам, стучала, проверяла, я побежал к ней на подмогу, обошел все квартиры по двум лестницам — во многих жильцы были дома. В квартире 150 старуха железнодорожница оставила плиту незатушенной, а перед плитой — грудку щепок, сама ушла в бомбоубежище. Старуху разыскали, она прибежала, плиту потушили, убрали щепки.

Взяв подвернувшуюся под руку лопату, я поднялся в квартиру на верхний, шестой, этаж, затем — через чердак — на крышу и, примерившись, как удобнее сбрасывать во двор «зажигалки», если они упадут сюда, стал наблюдать дальнейшее.

Один из фашистских самолетов клюнул носом, перевернулся, переломившись пополам, повалился. Около железной дороги склад отходов, промасленной пакли, пылает. Всё вокруг в коричнево-черном дыму, дым заволоч весь дом, ест глаза, мне ничего не видно.

Но легкий ветерок относит тучи дыма в сторону — и снова передо мной весь город, железнодорожные пути, вокзал, высокие фабричные трубы. Всё на месте. По рельсам бегут паровозы, языков пламени на насыпи нет. Видны только люди, зарывающие песком затушенные бомбы. Ни один заводской цех не пострадал, ни одна стрелка не погнута. Вокзал цел. А вокруг пылающего склада пакли дружины пожарников. Собравшиеся здесь паровозы подают пожарникам воду, десятки фонтанов из направленных на огонь шлангов взяли пламя в кольцо. Оно быстро сжимается, и белые клубы пара врываются в черный дым.

На крышах всех окрестных домов стоят люди, их силуэты отчетливо видны на фоне проносимого ветром дыма. Они стоят с лопатами, они готовы бросить вниз новые бомбы. Но новых бомб нет. Воздушные поджигатели, опасаясь возмездия, улетели.

Огромный пожар распространяется, пламенея, в районе Лиговки и товарной станции. Сначала мне кажется, что это горит

пефть, — так исполински хлещет вверх пламя, затем я понимаю, что это горят Бадаевские склады.¹

Отбой еще нет. Наши «ястребки» еще носятся по небу, проверяя его. Мимо по улице промчались автомобили — пожарные и санитарные, грузовики с дружинами ПВО, милиция, железнодорожная охрана. Пожары уже изолированы, пламя слабеет, но дым все стелется, подкрашенный снизу вечерней зарей. Люди работают быстро, энергично, уверенно. Отвозят на грузовиках в сторону от пожаров огнеопасные грузы, проверяют чердаки, закоулки между цехами заводов, держат наготове раскрученные шланги — нет ли где-нибудь еще очага пожара? Но очагов больше нет.

В восемь вечера звучит отбой воздушной тревоги, я выхожу из дома, иду на Петроградскую сторону. Трамваи на Обводном стоят. Огромные толпы людей, запрудив всю Боровую, спешат к местам пожаров. Дальше по Боровой стоит шеренга бензоцистern, укрывшихся здесь.

Иду до Пяти Углов, здесь уже движение трамваев, обещанных людьми.

Огромное красное зарево привлекает внимание прохожих. Девушки-дружинницы проходят строем с хоровой песней. Город неизменен — трудолюбив, строг.

Домой я вернулся к десяти вечера. Началась новая воздушная тревога...

9 сентября. Полдень

Итак, первая массированная бомбежка Ленинграда произошла вчера.² В 11 часов вечера вновь тревога до часу ночи. Ухали зенитки, несколько бомб упало где-то, судя по звуку — недалеко. Я вышел во двор, наблюдал снопы рысущих по небу прожекторов, вспышки разрывов зенитных снарядов, различал между яркими звездами продолговатые, чуть отблескивающие черточки аэростатов воздушного заграждения, слушал трескотню зенитных батарей, гул авиамоторов и изредка удары падающих где-то фугасных бомб. Но никаких пожаров нигде на этот раз не было видно.

Не дождавшись конца тревоги, я отправился домой спать. В семь утра сегодня меня разбудил отец — опять тревога. Я не встал. Тревога вскоре кончилась. До двенадцати дня были еще

¹ Пожар Бадаевских складов, где были сконцентрированы крупные продовольственные запасы города, резко ухудшил положение Ленинграда.

² «8 сентября 1941 г. было сброшено 6327 зажигательных бомб, вспыхнуло 178 пожаров. При втором налете, в 22 часа 35 минут, было сброшено 48 фугасных бомб весом по 250—500 килограммов. Под обломками домов погибло в этот вечер 24 человека и было ранено 122. Зенитчики сбили 5 самолетов неприятеля». (Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде. М., Воениздат, 1958, стр. 25.)

две непродолжительные тревоги, никакой стрельбы я не слышал.

Видимо, теперь фашисты будут делать налеты на город часто. Артиллерийской стрельбы второй день не слышно, — вероятно, наши войска отогнали немцев от Ленинграда, немцы бесятся, бомбят с воздуха.

10 сентября

Позавчера немцами после многих жестоких бомбежек взяты Шлиссельбург. Это значит — всякое сообщение Ленинграда со страной по суше прервано. Окном во внешний мир остается только полоска берега Ладожского озера между Невой и финнами, которые остановлены южнее Суванта-Ярви, на линии старой границы. Удастся ли нам уберечь от врага воды Ладоги?

На южной стороне идет ожесточеннейший бой, фашисты рвутся к Дудергофским и Пулковским высотам, к ближайшим пригородам.

Узнал я об этом в ТАСС, где был вчера днем и где наконец оформлены мои документы. Направляют меня пока на Карельский перешеек, в 23-ю армию.

Всего за вчерашний день было девять воздушных тревог, занимавших с короткими перерывами сплошь весь день. Последняя, девятая, продолжалась почти два часа; был налет, трещали и бухали зенитки, изредка слышались взрывы. Я принял участие в дежурстве, вышел на верхнюю террасу дома, точнее — на крышу. Небо застилало тяжелые, кое-где прорванные тучи, над которыми плыла луна. Непрерывно гудели самолеты, вспыхивали разрывы зенитных и трассирующих пуль. Огненным пунктиром вздымались к тучам ракеты — белые и красные; прошлый раз я не понял их назначения, теперь знаю — это сигнализирует немцам всякая сволочь, шпионы.

Где-то вдали, видимо в районе Кировского завода, вздымалось зарево пожара, другое ширилось левее, в районе Балтийского вокзала. Грохнул, разлетелся каскадом огненных брызг, вздыбился черной тучей огромный взрыв в районе Тучкова моста. Осколки зенитных снарядов стали падать на нашу крышу, зенитки грохотали, разрываясь над нами.

Часов около двенадцати тревога кончилась. Когда я спускался в квартиру, на лестничной клетке первого этажа сидели с вещами жильцы, собравшиеся со всех этажей.

Во время предшествующих тревог я работал: за день написал две статьи, передал их по телефону в ТАСС.

Ночью бомбы разрушили несколько домов — на Литейном, на улице Чайковского, одна пробила небольшую дыру в Литейном мосту. Кроме того, разрушен дом № 14 по набережной Невы, бомба попала в Зоологический сад, и вообще еще немало бомб попало в разные места города.

Сегодня прекращена выдача белого хлеба кроме как по детским карточкам. Давно уже не выдается крупа. Вчера в Табакторг на Большом проспекте привезли немного папирос — удалось мне купить четыре пачки.

11 сентября

Вчера было восемь или десять воздушных тревог, и в последней из них, начавшейся в 10.40 вечера, снова налет, снова пожары где-то в районе Кировского завода. Бомбы падали и близко от нас, в двух-трех случаях наш огромный дом дрожал. Вся эта канитель длилась примерно до часу ночи. Я лазал на крышу — на наблюдательный пост, смотрел в бинокль на пожары. Потом до трех ночи готовился в путь на передовую, на Карельский перешийек, — резал пленку, заряжал кассеты и т. п.

Сегодня сбавлена норма хлеба — вместо 300 граммов 250. Служащим — 300 вместо 400. Жить становится очень трудно, передвижение по городу крайне затруднено тревогами, почти непрерывными.

В Ленинграде многие люди переселяются из своих квартир в квартиры друзей и знакомых. Одни — туда, где им ближе к месту службы; другие — потому, что их мужья ушли на фронт и им тяжело в одиночестве; иные — из верхних этажей в нижние: меньше опасности при бомбежках; многие из районов южной половины города, наиболее обстреливаемых, на Петроградскую сторону, на Крестовский и Каменный острова или еще дальше, куда не достает немецкая дальнобойная артиллерия, — к Озеркам, к Лесному...

Последнее время, несмотря на то что питаюсь лучше многих, всё время испытываю желание поесть еще: получаемых калорий организму явно недостаточно. Дома кормиться почти невозможно. Выручают только столовые, а меня, в частности, закрытые, военные, где кормят хорошо. Не всегда, однако, в них успеваешь попасть. В общих столовых (очереди на улицах!) мясные блюда даются только по карточкам. В магазинах без карточек не купить уже ничего, кроме вина, настоящего кофе (в елисеевском «Гастрономе») и продуктов, подобных «развесному хмелю».

12 сентября

Доносятся орудийные выстрелы — наши. Сегодня была — до полудня — только одна воздушная тревога. Ночью — от одиннадцати до часу — опять был налет..

Еду на фронт..

ОТРАЖАЕМ ВРАГА КОНТРУДАРАМИ

Неожиданная поездка. Взятие Симолова. Опять в Ленинграде. Штурм Белоострова

(13—22 сентября 1941 г.)

Утром 13 сентября, выяснив накануне, что немцы готовят новое наступление в районе Пулковских высот и предназначили для этого триста танков, наша артиллерия нанесла предупредительный удар по местам скопления противника. Началась новая волна ожесточенных боев. В ночь на 16 сентября фашисты повели наступление на Пушкин. Одновременно усилили атаки и на приморский участок. 16 сентября создавалась опасность прорыва врага в Московский район Ленинграда. В этот день на стенах города было вывешено воззвание: «Враг у ворот». 17 сентября немцам удалось овладеть городами Павловском и Пушкином и одновременно выйти на южный берег Финского залива между Ленинградом и Петергофом (Петродворцом). Мы потеряли поселок Володарский и почти весь Урицк.

В ответ, 18 сентября, наши войска нанесли противнику сильнейший контрудар на всем фронте от Финского залива до Колпины, и во многих местах позиции были улучшены. Взбешенное гитлеровское командование, решив деморализовать мирное население Ленинграда, 19 сентября подвергло город одной из самых жестоких за время войны бомбежек. В четырех дневных и двух ночных налетах на Ленинград участвовало 280 самолетов. Сброшено на город 528 фугасных бомб и 1435 зажигательных...

Но сломить дух ленинградцев воздушными налетами гитлеровцам не удалось. Достаточно двух-трех маленьких штрихов, чтобы доказать это. 14 сентября композитор Д. Шостакович опубликовал в «Известиях» заметку, в которой сообщал:

«...Несколько дней тому назад я поставил точку на последней странице первой части своего нового симфонического сочинения. Работая сейчас над второй частью. Этот факт не очень значительный, однако я о нем упоминаю для того, чтобы все знали, что в Ленинграде продолжается нормальная жизнь. Работают ученые, писатели, художники, композиторы, артисты...»

17 сентября, во время сильнейшей бомбежки, Д. Шостакович выступал по радио.

А 19 сентября весь город затаив дыхание слушал по радио клятву мести ленинградской женщины, за час до этого потерявшей под развалинами дома на Стремянной улице своих детей.

В те дни ленинградцы слушали по радио гневные стихи А. Прокофьева, Н. Тихонова, О. Берггольц и еще многих поэтов. А музыка Чайковского и других классиков всегда наполняла эфир.

К середине сентября наши отступившие к Ленинграду части перестроились, пополнились и, в строгой решимости не пустить врага в город, заметно активизировались. С 15 по 20 сентября войсками Ленинградского фронта было нанесено семь решительных контрударов в районах: Невской Дубровки (где на левом берегу Невы создан был плацдарм — знаменитый впоследствии «пяточок»); Усть-Тосно; на юг от Колпина; в направлении на Пушкин; в сторону Петергофа (Петродворца); от Ораниенбаума (Ломоносова) и штурмом взят Белоостров.

В эти дни я находился в действующих частях 23-й армии на Карельском перешейке, и моим впечатлениям от боев за овладение Симоловом, Троицким и Белоостровом посвящены следующие главы дневника.

Здесь, на Карельском перешейке, к середине сентября наши части не только прочно закрепили за собой линию фронта, но и вели наступательные бои, выбивая финнов с выгодных для них позиций, срезая их выдавшиеся вперед клинья и нанося контрудары везде, где замечалось сосредоточение сил противника. К этому времени наши части вполне оправились от тяжелого отступления и, укомплектованные молодежью, изучая полученный в кровопролитных боях опыт, укрепляя надежные оборонительные рубежи, превращались в монолитный боевой организм. Образовавшаяся здесь линия фронта оказалась незыблемой на все время блокады и обороны города.

НЕОЖИДАННАЯ ПОЕЗДКА

14 сентября. Утро. Блиндаж у хутора Вуолы

Позавчера я приехал в передовые части 461-го полка 142-й дивизии, на правый фланг Карельского перешейка. Вчера, на случайной машине, неожиданно выехал на левый фланг: там происходил бой за Белоостров, город нужно было вырвать из рук врага, неожиданно захватившего его.

Три часа назад я вернулся сюда, на правый фланг, и пишу эти строки в блиндаже КП 461-го полка.

В районе Белоострова, в лесах, протянувшихся от станции Песочное к Дубунам и Каменке, обороняемых частями 291-й стрелковой дивизии, я застал следующую обстановку: бой под Белоостровом к вечеру уже кончился, взять Белоостров не удалось, с поля боя в санчасти Каменки, расположенной вдоль опуш-

ки леса, и глубже в тыл в Дибуну, на санитарных машинах непрерывным потоком поступали раненые. Настроение на командных пунктах 291-й дивизии было невеселым.

Что же здесь произошло?

Я знал следующее.

Новый Белоостров, захваченный было противником 4 сентября и отбитый нами на следующий день, снова три дня назад, 11 сентября, оказался в руках врага. Создался опасный клин, угрожающий всей линии обороны 291-й дивизии. Следовало немедленно восстановить положение. 13 сентября в шесть утра от опушки леса у Каменки и от товарной станции Белоостров был брошен в наступление отдельный особый батальон морской пехоты, поддержанный артиллерией 838-го артополка (подполковника С. С. Васильева) и подразделениями 1025-го стрелкового полка.

Батальон морской пехоты, сформированный 1 сентября и занявший оборону под Белоостровом, в Каменке (куда пришел 9 сентября, после перехода из Сестрорецка и стояния на болоте), не имел никакого боевого опыта и впервые шел в наступление.

По неопытности и, как все признают, по глупости своего командира, полковника, батальон был брошен с полукилометрового расстояния по болоту в лобовую атаку на финнов, занимавших хорошо укрепленные позиции в городе и в том числе мощный Белоостровский дот — не пробиваемую снарядами крепость. Подчиняясь приказу, храбрые люди пошли беспшибашно, в рост, по совершенно открытой местности под пулеметы, минометы и снаряды врага. Конечно, город взять не удалось, две передовые роты батальона подверглись почти катастрофическому разгрому, третья, поддерживавшая наступление, рота также понесла большие потери, и, таким образом, батальон потерял половину своего состава...

Командир батальона, полковник, разжалован в рядовые, пойдет под суд. Батальон понес бы еще большие потери, если бы не замечательное поведение его комиссара, старшего политрука А. И. Трепалина. Он начал этот день, командуя минометной ротой (вместо выбывшего из строя ее командира). В разгаре боя он принял на себя командование батальоном, сумел предупредить растерянность разбившихся на мелкие группы уцелевших людей и к концу дня умело и хладнокровно вывел их из боя.

На КП дивизии стали известны подвиги многих моряков, в том числе главстаршин Цыбенко и Захарикова, а также командира батареи артополка лейтенанта Г. И. Липкина, который, корректируя огонь всего полка, расположился со своим передовым наблюдательным пунктом впереди пехоты, в ста метрах от противника, и по сие время находится там...

Вот, собственно говоря, и все...

В полночь с той же машиной, под гром методического арт-огня, я выехал обратно на правый фланг, приехал в Матоксу затемно и к рассвету другой попутной машиной добрался сюда, в 461-й стрелковый полк,

ВЗЯТИЕ СИМОЛОВА

18 сентября. День. КП 1-го дивизиона 334-го КАП. Лес у озера Сарко-Ярви

Новые, на этот раз уже неизбежные до начала грядущего нашего наступления рубежи! Враг окончательно остановлен!

И что же?

За всю войну 334-й конноартиллерийский полк полковника Кривошеенко потерял только три орудия!.. Все цело. Все в боевом порядке. Сегодня полк сражается лучше, чем вчера, а завтра будет сражаться лучше, чем сегодня. И так, наращивая опыт, умение, силу, сражаются и будут сражаться дальше все полки, дивизии и армии нашего народа на всех фронтах Отечественной войны... Пока не возьмут с бою победу!

Это и будет конец борьбы советского народа нашего с жесточайшей несправедливостью. И тогда снова станет русский человек мягок душой и добр. А до тех дней кипи в сердцах, жги, не давай покоя душе, святая и неумолимая ненависть!..

Слева — Лемболовское озеро, справа — маленькое озерко Гупу-Ярви, спереди — соединяющая их водная протока. С трех сторон обведенная водой, земля образует как бы полуостров, на котором расположены деревни Троицкое и Симолово, занятые финнами.

Финны хотят отсюда прорваться к Васкелову.

Что ж! Мы опередим их, мы сами ударим от Васкелова, да еще и с востока — с фланга, от Гупу-Ярви. Финский клинышек решено срезать, финнов вежливо, с музыкой, проводить из Симолова и Троицкого. Для этого два стрелковых батальона завтра на рассвете пойдут в наступление, а прощальный концерт финнам будет устроен тремя батареями артдивизиона Андрейчука.

Старший лейтенант Герман Афанасьевич Андрейчук до сих пор воевал неплохо. Под Кирконпуоле, когда его дивизион поддерживал стрелковый батальон Шутова, Андрейчук заслужил орден Красного Знамени, пять недель круглосуточно отбивая атаки финнов и немцев. А когда получил приказ перейти на новый рубеж обороны, вывел свой дивизион в полной сохранности, не потеряв ни одного орудия.

Вот я и приехал сегодня к Андрейчуку, в его дивизион, чтоб понаблюдать, как завтра он будет вести бой.

Андрейчук — чистенький, аккуратный, пожалуй, даже излишне франтоватый, полон молодого задора, ему все представляется простым и легким.

18 сентября. 9 часов вечера

Наблюдательный пункт 1-го дивизиона 334-го КАП. Блиндаж на опушке мачтового леса, выдающегося клином в болото. На кроне высокой сосны — гнездо наблюдателя. Перед НП — болото, за которым позиции финнов. По этому болоту нашей пехоте завтра предстоит наступать.

А позади нас — дорога, по которой мы только что, минут десять назад, пришли сюда из штаба дивизиона, где Андрейчук устроил совещание с командирами батарей, обсуждал с ними план завтрашней операции.

Все — цели, время, количество снарядов, коды, связь и взаимодействие с пехотой — обусловлено. Командиры батарей, зашедшие с совещания в столовую, а затем сюда, на НП, скоро разьедутся верхами по своим батареям, чтоб на рассвете начать бой.

Блиндаж обшит досками. Жарко натоплена печка. Кровать, тахта, стол, керосиновая лампа. Маленькое окошечко, глядящее в ход сообщения. Блиндаж разделен на две половины. Дверь завешена портьерой, сделанной из разрезанного одеяла. За ней радиостанция и полевой телефон, возле них радист и телефонист. Там же их койки и койка адъютанта.

А здесь, где находимся мы, уютно, как в городской комнате. Заливается патефон — нежная музыка. Сидят командиры. Начальник штаба дивизиона лейтенант Н. Н. Коськин — широкое, как луна, юное девическое лицо, зачесанные назад длинные волосы... Командир 2-й батареи украинец Иван Васильевич Шмалько — черный, блестящие черные глаза, черные усы, писаный красавец, мужественное, смелое, крупное лицо. Синие галифе, шапка, китель, шпоры. Я знаю, что он в армии с 1937 года, а до этого учился на архитектурном факультете в Киеве. Я знаю о нем, как прекрасно держался он в первом бою, под Кирконпуоле, как вызвал в трудный момент огонь на себя. Он скромн, немногоречив. Другой командир батареи — совсем еще юноша, лейтенант Волков.

...Удар снаряда. Выбито стекло, волна воздуха. Рядом три разрыва тяжелых снарядов. Андрейчук, вскочив со стула, пригнулся к полу. Опять снаряд. Тешлой волной воздуха — меня по лицу. Я — на тахте, пишу. Опять три выстрела и три разрыва снарядов — уже перенес... Следующие разорвались дальше. Еще два — рядом. Андрейчук резко:

— Из блиндажа не выходить!

И запустил остановившийся патефон. Еще снаряд. Коськин:

— Надо завесить! Приказ читали, что в лесу финская разведка?

Может быть, финны и бьют потому, что как-либо пронюхали о завтрашней операции?

Командиры перекидываются короткими фразами. Голоса у всех напряженные.

Андрейчук завешивает окно ватником. Еще удар. Опять, дальше. Патефон играет. Я пишу это, ожидая следующих разрывов. В самый разгар ударов Андрейчук — телефонисту:

— Немедленно ужин выслать сюда!

Коськин читает мою книжку, подаренную Андрейчуку. Андрейчук пистолетом забивает гвоздь в косяк оконца, прикрепляя ватник... Вот опять тихо...

Опять стрельба — далеко. И вот — близко... и опять легкая взрывная волна... Снова удар — потухла лампа. Зажгли. Свист и удары снаряда. Опять мигает лампа... Опять... Лейтенант Волков:

— Помнишь, там был тоненький накати? А здесь — ничего!..

Опять... Патефон продолжает играть. Вот 9 часов 10 минут вечера. Андрейчук:

— Он сюда не бил еще ни разу!

...Шмалько сидит напротив, на кровати, развалиясь. Он невозмутим, словно и вовсе не замечает обстрела. А бьют сюда, стараюсь накрыть именно нас, потому что, кроме нас, никого нет в этом лесу. Коськин:

— Завтра, если будет лекция, мы услышим много интересного.

Андрейчук вскрыл две банки консервов. Из-за портьеры показывается голова телефониста Янова:

— Связи нет... перебит!

— Послать исправить! — приказывает Андрейчук.

Голова Янова исчезает за портьерой, и слышен его голос:

— Слушаю! Слушаю! Ну что такое? «Страуса» нет?..

Патефон продолжает играть. Коськин поставил пластинку из фильма «Богатая невеста». Шмалько сидит молча, в задумчивости, и Коськин ему говорит:

— Товарищ командир второй батареи что-то, слушая, загрустил!

Шмалько приподнялся, слова Коськина не сразу дошли до его сознания. Вышел из задумчивости, засмеялся:

— Нет, я просто вспомнил, при каких обстоятельствах я смотрел этот фильм!

Разрывы снарядов и мин, гасившие в нашем блиндаже свет, продолжались, перебивая рассказ Шмалько об уже известных мне по другим рассказам действиях его батареи в бою под Кирконпуоле, за который Шмалько представлен к ордену Ленина. И все-таки мне удалось записать этот рассказ. Окончив его, Шмалько, не дожидаясь прекращения обстрела, распростился со всеми и вышел из блиндажа, чтоб ехать верхом на свою батарею. Лес в этот момент с треском ломался от разрывов тяжелых снарядов. Но Шмалько так просто сказал: «Надо ехать!», что никто не решился посоветовать ему переждать...

А через несколько минут после отъезда Шмалько явился осыпанный землей связист, доложил, что перебитая связь восстановлена.

19 сентября. 6 часов 15 минут утра

Бой идет, артподготовка уже отгрохотала. Теперь отдельные орудия ведут огонь по заявкам пехоты.

Андрейчук прислушивается к звукам, полным для него смысла. Ему нужно выяснить обстановку, и он говорит телефонисту Янову:

— А ну, пусть начштаба узнает у «Звезды» положение наше!

«Звезда» — это начальство... Янов передает вопрос Андрейчука начальнику штаба Коськину, через минуту сообщает:

— Передали: левый сосед кричит «ура», Шмалько сидит на исходном, ждет распоряжений.

Левый сосед — это батальон пехоты на левом фланге, ведущий наступление на Симолово и Троицкое, в лоб с юга, со стороны Васкелова и Юшкелова. Другой батальон — чуть правее нас. Его путь — с востока, в обход Троицкого, которое ему следует отрезать с тыла. Ему нужно пройти болото, а затем узкий перешийек между озером Гупу-Ярви и водной протокой реки Вииси-Йоки. Эти два батальона — сводные. Одним (65-го стрелкового полка 43-й сд) командует лейтенант Мелентьев, другим (147-го сп 43-й сд) — старший лейтенант Харитонов.

Называя нас «Соколом», а наш наблюдательный пункт, на котором сидит начальник разведки (над нашим блиндажом, на сосне), «Дачей», телефонист Янов по указанию Андрейчука посылает проверить линию связи, затем выясняет обстановку по телефону. Наш правый сосед, стрелковый батальон Харитонova, медленно продвигается с правого фланга, приближаясь к озеру Гупу-Ярви. Янов вопрошающе обращается к Андрейчуку:

— «Сено» спрашивает: можно ли по видимым точкам?

«Сено» — это батарея Волкова; батарея Шмалько называется «Леной», а третью батарею сегодня именуют «Прутом».

— Если видит хорошо точки, — отвечает Андрейчук, — пусть бьет! Янов, а ну спросите у «Клена»: с Артеменко вы меня можете связать, а?

В обоих стрелковых батальонах находятся представители дивизиона: в наступающем с юга — Артеменко, в другом — Боровик, именуемый сегодня «Каштаном».

Янов хочет вызвать Артеменко, но, прислушиваясь к голосам в трубке, отвечает Андрейчуку:

— Тут идет передача, рубеж номер два...

Это с поля боя. Оно разделено на рубежи нашего наступления. Передаче сообщения о движении нашей пехоты мешать не следует. И Андрейчук произносит:

— А!.. Ну-ну...

Лампа чуть светит. На столе чехословацкий пистолет, буссоль, фонарик, свернутая карта, патефон. Янов за занавеской все слушает у аппарата.

Янов слушает команды батареи Волкова о готовности, потом требует от «Клена» связи с Артеменко.

«Клен» — это собственный штаб, это Коськин, это вычислители, это, так сказать, пульт управления дивизиона... Огнем батарей можно управлять оттуда или отсюда, с НП, — все равно все на проводе, как над одним столом.

Обстановка для Андрейчука ясна. Быстрый в движениях, он подходит к телефону, вызывает своего представителя в другом, наступающем с правого фланга, батальоне:

— Боровик! Как положение там? Это Андрейчук говорит!

И, узнав, что на рубеже номер два, перед нашим наступающим батальоном, замечено движение финнов, уточняет:

— А кто это видел?.. Так мне же надо вести туда, по этому рубежу!.. По-моему, это наши, слушай! Ну, смотри, чтоб не получилось там! А то я могу куда угодно открыть! Открою, а потом будет неприятности!.. Выяснишь? Хорошо!..

Стрельба орудийная непрерывна, с паузами в секунду-две, в полсекунды. Это бьют финны и наша полевая артиллерия, а с тыла — наши тяжелые. Но артдивизион Андрейчука пока что бездействует, как та группа музыкальных инструментов, что ждет знака дирижерской палочки.

Янов через «Звезду» выясняет, что там, куда хотели вести огонь, действительно уже не финны, а наша наступающая пехота, и потому Андрейчук приказывает:

— По рубежу два огонь не вести!

Но вот слушающий у аппарата Андрейчук преобразается, — понимаю: палочка дирижера обратилась к нему. Он быстро надел макинтош, в глазах его загорелся «артиллерийский огонек», он приказал «отключить Боровика к чертовой бабушке, а когда надо будет, подключить, перемычка чтоб была»... И, забрав всю власть над дивизионом в свои руки, сам начинает управлять им. Теперь все батареи слушают только его голос. Он произносит слова коротко, резко, решительно:

— Участок номер один? Ну что вы?.. Ну, дайте мне карту! (Янов подносит ему карту.) Номер три?.. Хорошо. «Сено»! Участок номер три!.. «Лена»! Участок номер три! Да. «Прут»!.. Понятно, понятно. «Прут»! Участок номер три! Зарядить и доложить!.. «Лена»! «Лена»! Готово? Давайте быстрее! «Лена»! «Прут» готов?.. «Лена», готова? Хорошо. «Сено»! «Прут»! Хорошо. Так... «Каштан», «Клен», доложить, что готово! «Сокол» слушает. Понятно, понятно. Быстрей! Мосин, доложите! «Клен» готов, конечно готов!

Это на вопрос «Звезды» о готовности дивизиона обработать для нашей наступающей пехоты участок перед рубежом номер три Андрейчук откликается и за «Сокола» (за себя), и за «Клен» с «Каштаном» (то есть за Коськина и Боровика — за штаб и за разведчика-наблюдателя своего дивизиона). Сразу, без паузы, Андрейчук продолжает:

— «Сено», «Лена», «Прут», внимание, — огонь!

Залп. По направлению определяю: всеми орудиями ударила «Лена» — батарея Шмалько.

— Хорошо. «Прут»?.. Хорошо!

Залп. Еще залп.

— На каждое — три. Кто это спрашивает? На каждое — три снаряда. Хорошо. «Сокол» слушает. Да... (Пауза.) Хорошо, хорошо. Доложить о стрельбе! «Лена», отстрелялась? «Прут»! Отстрелялся?.. Хорошо. «Звезда»!.. Понятно, понятно, отстрелялся, я докладываю... «Сено», «Лена», «Прут», стой! «Лена», стой! «Прут», стой!.. «Клен» слушает. Выпустили. Кончили... «Лена», «Прут», «Сено»! Зарядить! Огня не вести!..

Все ясно мне: наша пехота, наступаая с востока по болотным кочкам, выходит к дороге, приближается к рубежу номер три. Это уже недалеко от Гупу-Ярви.

На западе у финнов — воды Лемболовского озера, на востоке болото и озеро Гупу-Ярви. С северо-востока, с тыла — по дороге — к ним приближается наш правофланговый батальон. Отбросить контратаками другой, наступающий с юга, наш батальон у них не хватает сил, а отступить от Симолова они могут только по той же единственной дороге, через Троицкое, а затем межозерным проходом (бросив повернувшую к востоку дорогу) далее, по болотам, на север. Дорога позади Троицкого переваливается через высоту 112,8, и на ней, хорошо видимые нашим наблюдателям, сейчас показались пробившиеся по болоту с севера торопливо идущие финские подкрепления. И потому, затребовав координаты высоты, Андрейчук направляет огонь своих батарей туда.

Усиленная стрельба. Снарядами дивизиона накрыты финские подкрепления. И снова россыпь команд.

7 часов 00 минут

— «Лена» отстрелялась, нет? Хорошо. «Прут», отстрелялись?.. Хорошо. Добре. Хорошо... «Звезда»! Я уже знаю. «Звезда»! Я закончил! (Смеется.) Чего? Почему?.. Слушай, высоту-то взяли? Взяли эту высоту? Симоловскую?.. О, тут шагать и шагать еще!.. Боровик! Боровик! Боровик!.. «Сено»! Волков! Вы мне там наблюдайте получше!.. Где? Врут, там не могут обозы быть, чего они на пуп вылезли? Я спрошу!

Звук самолета.

— «Лена», видно их? «Звезда»! Ничего не вижу, передайте! Сколько их там полетело? Один? Три?

Из землянки кричат:

— Три! Наших!

Самолеты проходят над нами. Из-за землянки:

— Шесть уже!

Батальон Харитонов просит огня. Андрейчук переговаривается с батареей и говорит:

— Не стоит открывать, сейчас там авиация сделает свое дело! Самолеты еще гудят.

— «Клен» слушает? Смотрите, на карте, под буквой «Т», — стык дорог, вот сюда зарядить!.. Подожди, тут летает, я ни черта не слышу. Стык дорог, шоссеиной и проселочной, вот сюда... О готовности доложить!

Пулеметная стрельба в воздухе.

— Понятно. «Лена»!.. «Лена», «Лена»! По рубежу четыре надо! Боровик! Если вы ручаетесь, что там не наши, Боровик!

Непрерывно, завывая на виражах, гудят самолеты. Бьют зенитки.

Бой продолжается. Батарея Шмалько бьет по пехоте противника, движущейся на Троицкое. Тяжелые разрывы, потом приказание прекратить огонь, отдыхать до следующего вызова.

Андрейчук, оставив телефон, выходит из-за занавески:

— Дать там распоряжение, пусть завтрак несут быстрее!

7 часов 40 минут

В блиндаже у нас наступает полная тишина. Только трудолюбиво дышит пламя в печке, похрустывая дровами. Да слышны орудийные выстрелы не нашего дивизиона. От нас пехота огня не требует.

8 часов 40 минут

В эти минуты, пока у нас в блиндаже тишина, пехота медленно наступает; я мысленно представляю себе перебежки бойцов от кочки к кочке, рассыпанные по болоту фигуры... Андрейчук произносит:

— Да, Артеменко говорит, что продвигаются, взяли там пленных, четыре орудия. Сорокапятимиллиметровые. По-видимому, немецкие. — И в трубку: — Шмалько, вы куда стойте, огня не ведите!

А перед тем другой батареей Андрейчук дал залп по высоте 112,8.

Время тянется... Орудийная стрельба теперь продолжается с меньшей интенсивностью. Левый батальон, идущий с юга, в лоб, продвинулся к Симолову, а правый, оседлав дорогу и втянувшись в узкий перешеек между озером Гупу-Ярви и водной протокой Вииси-Йоки, далее к Троицкому почти не продвинулся. Напряжение боя явно склынуло. Командиры батарей теперь ведут огонь сами, по мере надобности.

12 часов 30 минут

Наш батальон, наступающий по дороге с востока, взял высоту 67,0. Симолово окружено. До Троицкого от того и от другого наступающих батальонов осталось по километру...

2 часа дня

Симолово взято. Троицкое обложено с трех сторон. Но бойцы батальонов, уже семь часов непрерывно ведущие бой, измотались. Чтобы сломить последнее сопротивление финнов в Троицком, нужно сначала прочно закрепиться в Симолове, нужна

короткая передышка. Главное, однако, сделано: не о прорыве на Васкелово, а о том, как унести ноги из Троицкого, приходится теперь думать финнам!

А мне пора — надо скорее передать материал в Ленинград.

ОПЯТЬ В ЛЕНИНГРАДЕ

Ночь на 20 сентября

Верхом, а потом на артиллерийской фуре я добирался до штаба дивизии. По телефону передать оттуда материалы в ТАСС оказалось невозможным, и я выехал с каким-то майором на попутном грузовике в Ленинград. Ехали с бешеной скоростью, выехав из Гарболова в 6.30 вечера, — стремились попасть в Ленинград до темноты. Чуть не столкнулись с таким же бешено мчавшимся навстречу грузовиком, промчались через Токсово, над левой стороной Ленинграда увидели большое зарево пожара. Население на телегах и военных фурах эвакуировалось в Токсово и близлежащие деревни — обозы беженцев тянулись по всей дороге.

В Ленинград приехали в восемь вечера, уже в темноте. Явились в комендантское управление зарегистрироваться, простояли здесь в очереди минут сорок. Затем майор — уже во время воздушного налета — поехал к себе на Лиговку, а я, когда он вылез из кузова грузовика, пересел в кабину. Шофер, живущий на Петроградской стороне, предложил доставить меня домой. Едва въехали на Кировский мост и шофер сказал: «Вот теперь только еще мост проскочить — и дома!» (а ехали в кромешной тьме, напрягая глаза до боли) — огромный взрыв поднял снопы искр неподалеку от моста, где-то за Домом политкаторжан. Я ощутил взрывную волну, и мы промчались мимо, но на Троицкой площади нас остановил какой-то летчик, просил «хоть два литра бензина, доехать до улицы Мира». Мой шофер бензина не дал, сказал, что самому едва доехать. На Кировском проспекте, против улицы Рентгена, шофер остановился, забежал в дом, минут через пятнадцать вышел со своей женой, — и я, дабы не мешать радости их свидания, перебрался в кузов, и мы доехали до улицы Щорса ощупью, в кромешной тьме...

Дома у меня всё оказалось в порядке, только телефон был выключен.

Город ежедневно обстреливался из дальнобойных орудий и несколько раз подвергался налетам. Прошедший день, 19 сентября, был тяжелым. При жестоких налетах бомбы, в частности, сброшены на несколько госпиталей в разных районах города. Немцы особенно изощряются, выискивая в качестве объектов уничтожения городские госпитали, больницы и лазареты. Бомбили заводы. Новую Деревню... В городе дым пожаров.

Отец обрадовался моему приезду, так как оказалось, что он получил вызов из Смольного, был в этот день там и ему сказали,

что правительство решило эвакуировать из Ленинграда воздушным путем самых видных ученых, людей искусства и работников высоких квалификаций. В списке оказался и мой отец. Отправляют их на самолетах «дуглас», сопровождаемых истребителями, до Тихвина, а оттуда в Москву по железной дороге. Но ведь отец не только ученый, он еще и дивинженер, его основная работа сейчас — в военном училище. И он считает, что, пока училище здесь, ему следует быть в Ленинграде: Об этом он сказал в Смольном, а как там решат — неведомо. Во всяком случае, приказа вылетать можно ожидать каждый день.

Смольный!.. Вот она передо мной, передовая статья «Враг у ворот!», опубликованная в «Ленинградской правде» 16 сентября — накануне взятия немцами города Пушкина:

«...Над городом нависла непосредственная угроза вторжения подлого и злобного врага... Первое, что требует от нас обстановка, — это выдержка, хладнокровие, мужество, организованность. Никакой паники! Ни малейшей растерянности! Всякий, кто подвержен панике, — пособник врага. Качества советских людей познаются в трудностях. Не растеряться, не поддаться унынию, а мобилизовать всю свою волю, все свои силы для того, чтобы преградить путь наглому врагу, отбить его атаки, отогнать его прочь от стен нашего города!..»

И далее:

«...Партийная организация Ленинграда мобилизует десятки тысяч лучших, преданных коммунистов на борьбу с врагом. Ленинградские большевики вливаются в ряды армии, чтобы еще выше поднять ее дух, ее боеспособность, ее волю к победе. Не жалея своей жизни, презирая смерть, коммунисты и комсомольцы идут в авангарде героических защитников Ленинграда не в поисках славы, а движимые чувством беспредельной любви к Родине, любви к своей партии...»

Враг у ворот! Об этом знают в Смольном. На плечах партийных, военных руководителей Ленинграда величайшая ответственность за судьбу города и миллионов находящихся в нем людей. Но миллионы людей верят: те, кто в Смольном, не растеряются и не дадут растеряться другим. С дней ленинского Октября, с дней гражданской войны авторитет партии никогда еще не был столь всепроникающим, воля ее — столь всеохватной и столь эмоционально воспринимаемой, мгновенно превращаемой в действие...

Да, враг у наших ворот! Но у нас есть Смольный, и есть у нас Кремль. Они есть у меня, у моего соседа, у каждого горожанина и у каждого воина, они есть у всего народа русского и у всех народов нашей страны. И мы не можем оказаться побежденными в этой войне, потому что она — справедливая, потому что сильный и единодушный советский народ наш защищает свободу и независимость не только свою, но и всех народов, всего населяющего планету Земля человечества! Мы не просто верим, мы хорошо знаем, что мы победим!..

22 сентября

Едва приехал из Гарболова в Ленинград, уже в комендантском управлении я узнал от знакомого командира, что мне было бы важно и интересно немедленно отправиться к Белоострову. Но прежде надлежало добраться до дома — «отписаться», передать корреспонденцию.

Я работал всю ночь и утром 20-го отвез в ТАСС материал о взятии Симолова и о пленных. С удивлением глядел на улицу Правды — в несколько домов на ней накануне попали бомбы. Одна из бомб попала через дом от ТАСС. Заместитель начальника отделения и один сотрудник были ранены.

Прямо отсюда я решил добираться до Белоострова — в этот день наши войска штурмовали его. Утвердился на автоцистерне, мчавшейся в Дибуну — в сторону Белоострова. Дальше, до полосы наступления, пришлось добираться пешком — сначала вдоль железной дороги, где ухал наш бронепоезд, катаясь взад и вперед, чтоб избавиться от финских ответных снарядов, потом лесными дорожками и кустарником.

Была середина дня. Наши части, ворвавшиеся в Белоостров, вели бой на его улицах, среди горящих, кромсаемых снарядами домиков. Моросил дождь. Шоссе, что тянется вдоль железной дороги, простреливалось слева финскими снайперами — они шныряли в густом и высоком кустарнике. В полном одиночестве, хлюпая по лужам, я добрался до разрушенного, прогорелого Белоостровского вокзала. Маленькие группы бойцов, в касках, в плащпалатках, попадались навстречу; среди них были выходящие из боя раненые, другие шли в одном со мной направлении; свист пуль заставлял всех время от времени «кланяться». Бойцы равнодушно поругивались, а я подумывал о том, что каска, которой я никогда не ношу, была бы здесь гораздо нужнее, чем моя пилотка.

В стороне от вокзала, на запасном пути, стоял разбитый вагон. Из него вдруг понеслись пули, предназначенные уже специально мне. Пришлось распластаться за каким-то железным чаном. Но едва я залег, сзади кто-то из наших бойцов подобрался к вагону. Я услышал взрыв гранаты и крепкий, так называемый «морской загиб» удачливого, но весьма разозленного бойца. Предложение начиналось словами: «Я его...», продолжалось множеством других непередаваемых слов и заканчивалось: «...больше не будет!..»

За Белоостровским вокзалом стоял подбитый и покинутый экипажем танк Т-34, и дальше, в руинах какого-то городского домика, я обосновал мой «единоличный командный пункт». Совершая отсюда «вылазки» к пехотинцам, артиллеристам и к тем танкистам, что останавливались неподалеку, я досаждал людям, всегда торопящимся, возбужденным или утомленным. Им, конеч-

но, было не до меня, но всё же под звуки минометной, пулеметной и всякой иной стрельбы они добросовестно помогли мне составить картину боя.

Сегодня в 6.00 началась артподготовка. Предполагалось — с 6.00 до 6.15 произвести массированный налет авиацией, но из-за дождя и густого тумана ее участие в последний момент было отменено. Артподготовка была столь мощной, что финны по крайней мере с полчаса не могли опомниться. В 6.10 должны были выйти в атаку танки, с тем чтобы вслед, закрепляя за ними позиции, устремилась пехота. Но получилась некоторая несогласованность во взаимодействиях между пехотой и танками.

Танкисты жалуются на начальника штаба 191-й сд полковника Евстигнеева, который отсрочил атаку танков на семь минут, — это сказалось неблагоприятно на развитии дружного наступления. Танки с исходного положения вышли в 6.17, двигаясь кильватерной колонной, впереди были шесть КВ, восемь Т-34, за ними двадцать легких Т-26. Головной группой командовал старший лейтенант Левин.

Пехота жалуется, что танки шли слишком медленно, не используя эффекта артиллерийского налета, и что, мол, эта медлительность грозила срывом всей операции. 5-й погранотряд майора Окуневича, партизанская группа и две роты пеших танкистов (из 48-го ОТБ), поднявшись в атаку, оказались впереди танков. Танкисты мне объяснили: это произошло потому, что старший лейтенант Левин, подведя машины к железнодорожному переезду на окраине города, из боязни минных полей и фугасов колонну остановил. Танки с места повели ураганный огонь, но пехота, видя, что танки не двигаются, начала нервничать.

Положение становилось критическим. Понимая это, генерал-майор В. Б. Лавринович приказал находившемуся с ним на НП командиру 48-го ОТБ (состоявшего из средних и легких танков) капитану Б. А. Шалимову немедленно ликвидировать задержку и возглавить колонну танков.

Капитан Шалимов с механиком-водителем А. Шумским, двинувшись на командирском танке в обход колонны по болоту, искусно миновал его, вышел вперед колонны, быстро навел порядок. Во главе с ним вся танковая колонна сорвалась с места, вкатилась на улицы Белоострова и растекалась по городу, гремя фашистов в упор. За танками хлынули в город батальоны 181-го полка майора Краснокутского, саперные и другие части. Через два часа после начала штурма сопротивление финнов в городе было сломлено. Но заминка, произошедшая из-за несогласованности действий пехоты и танков, помогла отступающим финнам переправиться через реку Сестру.

Когда танки вышли к реке Сестре, к колонне на своем Т-34 прибыл генерал-майор Лавринович, чтобы поставить танкам следующую задачу.

К 9 часам утра общая задача оказалась выполненной — весь

Белоостров, кроме северной окраины с финским полукапониром, был занят. Наши части очищали город от отдельных пулеметных гнезд финнов и прятавшихся по подвалам и чердакам снайперов и автоматчиков.

Такая очистка, конечно, дело пехоты. Но этим делом занялись также и танки. Их надлежало сразу же отвести в тыл, но приказа об этом не было. По-видимому, наше командование опасалось, что если уберет танки из города, то может отойти и пехота. Это было безусловно ошибкой. Двигаясь по улицам, кроша дома, из которых стреляли финны, танки являли собою хорошую мишень для финских артиллеристов, они, опомнившись за рекой Сестрой, стали пристреливаться к нашим машинам с дистанции двести — триста метров. А местность здесь открытая.

При штурме города, кажется, ни одна машина не была подбита. А позже, вот из-за этой ошибки, было подбито десятка полтора танков. Только тогда Лавринович получил разрешение выводить свои части из боя. Сам он, уничтожая финские огневые точки, действовал с безусловной храбростью.

Два часа назад, в час дня, метрах в трехстах от того места, где теперь расположился я, на перекрестке дорог генерал-майор Лавринович был убит. Руководя очисткой города, он находился в среднем танке, который не пробьешь ни пулей, ни легким снарядом. Но, человек горячий, увидев, что, выходя из боя и сходясь к перекрестку, танки образовали пробку, он захотел сам, лично командуя, разрядить это скопление машин, грозившее потерями от артиллерийского огня... Лавринович приказал механику открыть люк. Тот не открыл, опасаясь за жизнь генерала. Тогда Лавринович сам, своей рукой, открыл люк, высунулся и в ту же минуту был убит — пуля финского снайпера попала ему в висок.

Когда танкисты рассказали мне это, все танки находились еще в Белоострове. А позже, когда с наступлением темноты танки выходили из боя, я узнал, что за весь день штурма в танковых частях было убито всего четыре человека, в их числе Вацлав Брониславович Лавринович. Этот старый командир был участником гражданской войны, начал службу красноармейцем с первых же дней организации Красной Армии. Замечательный человек, жизнерадостный, исключительно работоспособный, любимый товарищами.

Не следует генералу, руководящему операцией, подставлять свою голову шальной пуле или осколку, когда в этом крайней необходимости нет. Но, с другой стороны, легко упрекнуть человека в безрассудной храбрости, а ведь без храбрости и горячности не было бы на войне героев!

Пока я расспрашивал оказавшихся возле меня командиров и бойцов, пока наблюдал вокруг себя пожары и дымные взлеты разрывов, бой в Белоострове затухал, реже становился артиллерийский огонь, пулеметная и ружейная стрельба, возникая всплесками то здесь, то там, сразу же затихала; слышались где-то отдель-

ные короткие взрывы, дождь моросил по-прежнему, повязки раненых, набухшие под дождем, были бледно-красными от расплывшейся крови.

Все, и пехотинцы и танкисты, единодушно хвалили связистов и артиллеристов, а сами артиллеристы восторженно отзывались о своих собратьях — командирах артдивизионов 838-го полка Павлове и Корнетове, чьи передовые наблюдательные пункты с самого начала боя были в полуроста — двухстах метрах от финнов и чей огонь был предельно скорострельным и точным.

В глубокой воронке, за гранитными глыбами развороченного фундамента, я нашел промежуточную станцию связи, — в ней у аппарата сидели в мокрых, измазанных шинелях и плащ-палатках несколько бойцов и младший лейтенант, артиллерист, из дивизиона Корнетова. Бойцы назвали мне его фамилию (если не ошибаюсь — Дурагин). Я подсел к нему, отрекомендовался корреспондентом, спросил его:

— Что именно вы сейчас делаете?

— Сейчас? Пехота закрепляется на рубеже, а мы подавляем отдельные цели по приказам пехоты — при помощи засечек и корректировки с ПНП... Теперь весь Белоостров уже занят, только вот мешает проклятый дот — впереди и правее отсюда, там, где ручей Серебряный вливается в реку Сестру.

Мы поддерживаем погранотряд майора Окуневича, а первый дивизион Павлова поддерживает Краснокутского... Окуневич уже давно вышел к реке, а сейчас старается взять дот. Наша шестая батарея лейтенанта Зеленкова давала туда окаямляющий огонь. Зеленкову трудно пришлось: ему нужно было всю волю сосредоточить, чтоб не поразить своих, — ведь рассеивание, а пехота наша у самой цели!.. Вот уж как он наблюдает, ума не приложу, это просто его гений помогает ему...

Он так и сказал «его гений» и добавил:

— Прямо Суворов!..

Мне было не до подробностей, мне нужна была общая картина боя, я увидел саперов, подозрительно осматривавших какую-то металлическую коробку за углом дома напротив. Я поспешил к ним. Это были бойцы из отдельного саперного батальона Сергеева. Группа их под командой Ключева сегодня въехала в Белоостров на танках. Десантом на танках ехала, оказывается, и часть пограничников Окуневича, — это происходило, когда танки пошли в атаку.

Саперы с восторгом рассказали мне, как танки КВ, ворвавшись в город, проходили насквозь дома, из которых стреляли финны.

— Первый въехал, как в масло, в дом, а он завалился, а крыша на нем дальше поехала, — дом этот, дачка, можно считать всмятку сразу!.. Мы сразу с танков посыпались, — куда тут, глядим, еще и нас вотрет в дом!.. Поспрыгивали — на своих ногах лучше действовать — и бежим за танками!..

Коробка, исследуемая саперами, оказалась безвредным дачным холодильным ящиком, саперам было некогда, они поспешили дальше...

Я побрел назад. Всё это время то здесь, то там вокруг хлопались мины, везде валялись трупы, намокшие под дождем... Везде были расщепленные доски, кирпичи, всяческие следы только что прекратившегося уличного боя.

Итак, пехота, саперы, артиллеристы были довольны собою. Танкисты же были хмуры. Во-первых, им не удалось, как хотел Лавринович, разделившись на две группы и захватив переправы, отрезать финнам путь к отступлению — финны успели бежать за реку Сестру; во-вторых, их удручала гибель самого Лавриновича и потеря почти половины танков. Мне стало известно позже, что всего было подбито шестнадцать машин, — из них двенадцать удалось вытащить из-под огня, три танка сгорели от тротильных снарядов, а один танк в тот день никому не удалось найти... Что случилось с ним, мне так и осталось неизвестным, потому что вечером, вскочив на какой-то грузовик с ящиками из-под мин, я уже мчался в Дибуну.

Пока я мешкал в Дибунах, ища попутную машину в Ленинград и «добирая материал», над взятым нами Белоостровом тускло алело зарево...

ЛИНИЯ ФРОНТА СТАБИЛИЗИРОВАНА

Ленинград в конце сентября. В Агалатове. Село Рыбацкое и канонерка «Красное знамя». На Невском «пяточке».

(Ленинград. 23-я, 55-я армии и Невская оперативная группа. 27 сентября — 7 октября 1941 г.)

В результате ожесточенных боев на самом опасном для Ленинграда — Урицком направлении южный край Ленинграда от прорыва удалось уберечь, но немцы 23 сентября захватили восточную половину Петергофа.

Эти дни, с 7 по 24 сентября, были кульминационным пунктом осенней битвы за Ленинград. Нанесенные нами удары сорвали планы противника, немцы понесли также крупные потери на Балтике. 25 сентября командующий северной группой немецких войск дал приказ о прекращении атак на Ленинград. После месячных боев штурм Ленинграда был сорван, обессиленные фашистские орды зарылись в землю, и линия фронта вокруг Ленинграда к 29 сентября стабилизировалась.

ЛЕНИНГРАД В КОНЦЕ СЕНТЯБРЯ

27 сентября

Кажется, 23-го я был в необитаемой теперь квартире на Боровой улице. В эти дневные часы случились две воздушные тревоги с яростной трескотней зениток (а всего в тот день тревога объявлялась одиннадцать раз!) Позже я узнал: одна из бомб попала в Гостиный двор. Разрушено издательство «Советский писатель», убиты давние мои знакомые (только за день до этого в последний раз я разговаривал с ними): Таисия Александровна, редактор Татьяна Евсеевна, корректорша, старший бухгалтер — всего восемь сотрудников издательства. Двое тяжело ранены. Директор издательства А. М. Семенов, извлеченный из-под обломков через семь-восемь часов, тяжело ранен в лицо. Вообще же убитых этой бомбой — весом в семьсот пятьдесят килограммов — не меньше сотни. Это главным образом женщины, так как в доме, который разрушен, была женская трикотажная артель. Бомбу сбросила немка-летчица, наши зенитки сбили ее над Кузнечным переулком...

На территории больницы Эрисмана лежит огромная, весом в тонну, неразорвавшаяся бомба. Упала она 24 сентября. Улица оцеплена, движение по ней прекращено. Несколько таких же неразорвавшихся бомб врылись в землю в других местах города. Производятся сложные и опасные работы по их разминированию.

На Лиговке, на Боровой улице, как и на всех улицах за Обводным каналом, за время моего отсутствия настроены баррикады — из угольных вагонеток, из бетонных колец канализации, из бревен, из мешков с землей и песком, из всякого строительного мусора.

На Неве стоят эскадренные миноносцы, а ниже — мелкие корабли Балтийского флота. Все ночи слышна стрельба нашей тяжелой артиллерии, работает флот, работает Кронштадт и работает правый берег Невы. Пушкин и Стрельна давно у немцев, но вокруг города продолжают жестокие бои за Стрельну, Пушкин, Петергоф, за левый берег Невы и Мгу. Последние два-три дня — точные сведения о том, что мы, форсировав Неву у Дубровки и платформы Теплобетонной, отгоняем от нее немцев.

Во всяком случае, за последние два дня положение города явно изменилось к лучшему: наступление немцев везде приостановлено, а наши контрудары становятся всё сильнее. За весь день вчера была только одна коротенькая воздушная тревога; сегодня ночью, чуть ли не впервые, не было ни одной. Артиллерийские снаряды в центральные районы города не ложатся, настроение у населения улучшается, укрепляется уверенность, что немцы в Ленинград не ворвутся. Когда пришло сообщение о падении Киева, — в день, совпавший с наиболее тяжелой обстановкой в Ленинграде, — настроение было весьма тревожным.

О наших дивизиях, движущихся к Ленинграду со стороны Волхова, слух в городе ходит очень упорный, он питает надежды на близкое освобождение Ленинграда от кольца блокады.

Убежденность, что немцы будут отброшены от Ленинграда и разгромлены, не покидает меня ни на миг. Твердо верю, что Ленинград взят не будет. К этому убеждению меня приводит логика вещей, не говоря уже об интуиции. Четыре с лишним миллиона советских людей не сдадут Ленинграда, хотя бы большей их части — мирным доселе жителям — пришлось драться, разбирая мостовые, только булыжником.

Да, в городе есть, конечно, шпионы, есть обыватели, что таращат глаза от страха, есть, безусловно, и некоторое число потенциальных предателей, которые из одной только трусости способны покориться немцам или перейти к ним на службу. Но процент этих негодяев ничтожен, всё население настроено, всякий вызывающий хоть малейшее подозрение человек в любом доме, на любой улице задерживается самим населением, — почвы для предательства и измены в городе нет. Чтобы в этом убедиться, достаточно раз увидеть, какое возбуждение поднимается среди

народа, когда ночью при вражеском налете вспыхивает предательская сигнальная ракета, как все кидаются искать мерзавца, выпустившего ее!

Немцы разбрасывают листовки, предлагая Ленинграду сдаться и обещая, что «погром произойдет только в первые дни», а затем, дескать, они «восстановят порядок, и все будет хорошо». И грозят, если мы не сдадимся, разрушить город до основания!

Возмущение гитлеровцами в Ленинграде с каждым днем растет, паники, на создание которой у нас они рассчитывали, нет, но население, естественно, подавлено ежедневными бомбежками, артиллерийским обстрелом, критическим положением города и полуголодным существованием. Хлеба выдается на все категории, кроме рабочей; по 200 граммов; хлеб уже со всякими примесями; перед столовыми люди простаивают в очередях по несколько часов; купить какие-либо продукты немислимо, люди ездят в Лесной и в ближайшие пригороды за свеклой и за картошкой, но мало кому удается достать их. В один из недавних дней было тринадцать воздушных тревог, всё движение по городу, кроме автомашин парализовано.

Был я в Союзе писателей. Комнаты в Доме имени Маяковского пусты, безлюдны, поэтому кажется, что всякая общественная жизнь в Союзе писателей попросту замерла. Но это далеко не так: Большинство писателей, из тех, кто не ушел на фронт, трудятся в радиокомитете, в редакциях газет, в агитбригадах, стараясь быть нужными и полезными. Из редакций дивизионных газет, с предприятий, из множества учреждений — телефонные звонки: «Дайте писателя для выступления!» (или — для статьи, для пропагандистской листовки и т. п.). Писатели охотно откликаются, едут в любое время куда угодно. Но ведь их нужно организовать, написать, с каждым из них поговорить, иных подбодрить, воодушевить! Силы каждого использовать сообразно возрасту и здоровью, способностям и опыту, склонностям и энергии... Это большая работа.

Сейчас 1 час 40 минут дня. Продолжается третья за день воздушная тревога, начавшаяся больше получаса назад. Снова был налет на аэродром, и наши самолеты встретили противника в воздухе. Я только что был наблюдателем воздушного боя, десятка три самолетов дрались сначала с северной стороны, в районе Елагина, затем — над самым домом, где я живу, наполняя воздух гудением моторов, кружась каруселями, ныряя, взмывая один над другим. Всё это продолжалось, пока вражеские самолеты не скрылись в облаках, сплошь затянувших небо. Затем, патрулируя, эскадрильи наших истребителей и разведчиков кружились еще минут пять, а отдельные кружатся и сейчас, когда я пишу эти строки.

Слышны разрывы зениток где-то в стороне.

В скверике против балкона, на который я выходил, группы людей стоят около щелей, наблюдая за боем, и, видимо, ко всему привыкнув, не прячутся в щели.

...Уже ровно два часа дня, а самолеты всё гудят и гудят. Это — наши... А вот и отбой!..

28 сентября. 10 утра

Вчера во время воздушной тревоги я вышел из Гослитиздата на улицу, надумал зайти на канал Грибоедова, повидать людей, живущих в надстройке писателей.¹ Здесь, в коридоре между полуподвальными квартирами, в санитарной комнате, я увидел детей и несколько жен писателей. Лишний раз убедился я, как шутки и веселый тон помогают снять оцепенение, в котором пребывают испуганные бомбежкой женщины. Узнал, что эвакуируемая по решению горкома партии А. А. Ахматова должна улететь наутро и что несколько дней назад она переселилась из своей квартиры на Фонтанке — сюда. Мне захотелось попрощаться с нею. Анна Андреевна выбралась в коридор из темной лачуги убитого дворника Епишкина; в шубе, в платке, слабая, нездоровая, присела со мной на скамеечку.

Разговоры сегодняшние... Горит Пулково, и будто бы наши от него отошли, а немцы в него не вошли, обстреливаемые ураганным огнем. На днях был налет на Кронштадт, тревога продолжалась двадцать два часа, город горит. В числе погибших — писатель Зельцер, умерший от ран, полученных при попадании бомбы в линкор. Но пострадавший линкор продолжает вести огонь по южному побережью залива... Под Мгой ожесточенные бои, и, кажется, наши заняли Мгу...² Ораниенбаум в наших руках, и осилить сектор побережья, прилегающий к Ораниенбауму, немцы не в состоянии... Сегодня две бомбы упали около Володарского моста.

---

¹ В старинном доме на канале Грибоедова в 1934 году были надстроены два этажа для квартир писателей. Их в просторечии называют «надстройкой писателей».

² С востока, со стороны Волхова, действительно вела наступательные бои 54-я армия, усиленная 20 сентября двумя стрелковыми дивизиями, прибывшими из резерва Ставки Верховного Главнокомандования. Стремясь прорвать кольцо блокады и соединиться с частями, наступающими из Ленинграда, армия пыталась овладеть Мгой и Синявином, но это не удалось: немцы уже успели создать здесь мощные оборонительные укрепления. Все же в результате контрудара защитников Ленинграда враг, потеряв еще до 20 000 солдат и офицеров, выдохся, и 25 сентября гитлеровским командованием был издан приказ о прекращении атак на Ленинград. Немцы перешли к обороне. К 29 сентября линия фронта стабилизировалась. Дальнейшие бои, в которых наши войска постепенно улучшили свои позиции, имели местное значение. Пулковские высоты, Колпино на весь период блокады остались за нами. В сентябрьских налетах на Ленинград участвовало 2712 самолетов противника, но только 480 удалось прорваться к Ленинграду. Зенитной артиллерией и нашей истребительной авиацией в сентябре было сбито 272 самолета немцев. По наступавшим с юга немцам за сентябрь 1941 года было выпущено 670 252 снаряда и мины. Таковы данные, опубликованные в различных изданиях за последние годы.

Сейчас — двенадцатый час дня. Ни ночью, ни утром тревог почему-то не было. День сегодня, как и вчера, солнечный, яркий. Видимо, наши где-то крепко ударили по немцам и их самолеты отвлечены от Ленинграда.

29 сентября

Бомбы упали в районе Невского: в дом № 4 по Садовой, в дом рядом с радиокомитетом и в сад Дворца пионеров. Стекла в нескольких кварталах выбиты.

Вот что напечатано в газете «В решающий бой» от 26 сентября, привезенной в Ленинград летчиком и переданной им одному из корреспондентов ТАСС:

«Вперед, за Ленинград!

Нашими частями захвачены богатые трофеи.

Наступление продолжается.

...Н-ская часть. 25 сентября (от нашего специального корреспондента). Подразделения Н-ской части до полуночи продолжали атаку населенного пункта Р. П., где окопался враг. Фашисты несут большие потери.

По предварительным подсчетам, в результате боя 24 сентября нашими подразделениями захвачено у фашистов 10 противотанковых орудий, 4 танка, 10 минометов, 8 крупнокалиберных пулеметов, 2 радиостанции, 3 штабные машины и много другого военного снаряжения.

Сегодня с утра после артиллерийской и авиационной подготовки наступление наших подразделений продолжается...»

...«В решающий бой» — газета 54-й армии. Р. П., очевидно, Рабочий поселок. Два таких поселка (№ 7 и № 8) расположены в нескольких километрах северо-восточнее Синявина...

В АГАЛАТОВЕ

2 октября. Агалатово

Три дня провел в штабе 23-й армии. Разбирался в особенностях прошедших боев.

В передовице армейской газеты «Знамя победы» от 18 сентября сказано:

«Мы обязаны не только не пустить врага в Ленинград, но измотать его силы, обескровить его ряды, крепко сковать его в одних местах, чтобы в других наносить ему удар за ударом и гнать, усеивая костями дороги и леса. Мы обязаны не только не пустить его вперед ни на шаг, но вышибать огнем и штыком с командных высот перед нашим передним краем, изгонять из стратегических пунктов повсюду, где враг проглядывает и простреливает наши линии укреплений...»

И надо признать — эта задача теперь выполняется хорошо.

Главное на финском участке Ленинградского фронта следующее: вся политика Маннергейма заключалась в том, чтоб поднять дух своих войск агитацией за «восстановление старой границы, отвоевывание отнятых у Финляндии территорий», а теперь, когда финны были остановлены нами у этой «старой границы», маннергеймовским правителям идейной почвы для поднятия духа своих солдат на дальнейшее наступление не осталось, финская армия, понесшая огромные потери, измотана и обескровлена, финские тылы голодают, и народ отлично понимает всю бессмысленность и гибельность для себя дальнейшей войны. Финны охотно заключили бы с нами мир, ежели б внутри Финляндии не сидели немецкие войска (кстати, не участвующие в боях на Карельском перешейке), которые, по сути, представляют собой не что иное, как оккупационную армию, диктующую финским правителям свою волю под угрозой оружием...

Если у финнов было стремление наступать, то мы их сейчас «успокоили». Они сами очень крепко устраиваются на зиму, зарываются глубоко и надежно. Не ахти как уверены в своем положении и спокойствии — ждут результатов на немецком фронте. Да и политико-моральное состояние их иное — сейчас видят всю грабительскую, авантюристическую политику своих заправил.

СЕЛО РЫБАЦКОЕ И КАНОНЕРКА «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»

3 октября

Мне захотелось узнать, что делается на немецком участке фронта. Без всякого согласования с ТАСС я выехал в 55-ю армию, нашел ее штаб в Рыбацком.

4 октября

Село Рыбацкое. Военный совет. Утро. Яркий солнечный день. Ветер. За окном здания школы — Нева в барашках. Спал на кровати в одной из комнат. Посреди комнаты у окна стол, на нем хороший радиоприемник и телефон. Приехал я сюда вчера в шесть вечера, после дня, проведенного в ТАСС, и обработки моих статей. Статьи сдал, сед, донельзя голодный, с головной болью, в трамвай, последний кусок пути шел пешком... Вечером работал над показаниями пленных и письмами, отобранными у них. В их числе, например, такое:

«...На поле боя: 19.9.41... Сейчас у нас день отдыха — первый наш день отдыха. Для нашего полка это крайне необходимо, так как кровь лилась потоками. Теперь мы перед большой победой. Петербург должен пасть в ближайшие дни... Есть роты, где несмотря на пополнение, не более двадцати человек. Борьба не раз бывала ужасной. Противник сражается до последней капли крови. Я никогда не забуду, как трое русских попали под обстрел нашего орудия. В своем окопе они бились до последнего вздоха...»

Это письмо ефрейтора 407-го пехотного полка А. Кремера, убитого в районе действия 168-й сд. Письмо доставлено сюда 25 сентября.

В показаниях ефрейтора Генриха Шлоена (409-го полка 269-й пехотной дивизии) говорится, что за всё время войны солдаты ни разу не мылись в бане. Сам Шлоен в последний раз мылся в речке в середине июля. Большинство солдат в батальоне не имеют шинелей, ибо при отправке на фронт шинели не были взяты по тому простому соображению, что война до наступления холодов будет кончена.

...А сейчас 3 часа дня, сижу на берегу Невы, жду парохода-парома, чтобы переправиться на правый берег и пройти к только что стрелявшей канонерской лодке, которая стоит неподалеку. Здесь, в штабе, много знакомых. Писатели, работники политотдела, корреспонденты. Хорошо меня принял дивизионный комиссар П. И. Горохов, член Военного совета армии.

17 сентября Горохов объехал на легковой машине (а затем на присланном за ним броневике) уже оставленный нашими частями город Пушкин; под обстрелом автоматчиков (из Орловского парка) вернулся в ближайшую деревню на КП армии и, вооружив автоматами всех работников политотдела, вышел с ними обратно к Пушкину. На пути ему встретился отступающий полк. Горохов услышал от командира батальона, ведущего полк, удивительный доклад: «Комиссар Онищенко приказал мне вести батальоны к Таврическому дворцу, там располагаться и ждать приказаний». И, дескать, сей неведомый Онищенко «сам уехал на учебу», и командира полка тоже нет. Горохов привел батальоны полка в порядок, повернул их, прошел вместе с ними к городу Пушкину, поставил их в оборону на прежний рубеж и подкрепил оказавшимся здесь артиллерийским полком, поставив его на прямую наводку...

Это были последние часы последнего боя за город Пушкин...

Пароходик-паром доставил меня на стоящую посередине Невы канонерскую лодку «Красное знамя» (бывший «Храбрый»).

Очень гостеприимно приняли. Сначала беседовал с комиссаром Улановым: энергичное лицо человека, обладающего юмором, простого в обращении, оживляющегося при всяком интересном деле и разговоре, с ясными, много видевшими глазами. На корабле он уже три года, сдружился с командиром корабля Устиновым, значительно более молчаливым, тоже, чувствуется, человеком деятельным и умным. Затем беседовал с командиром БЧ-2 (артиллерии) — Ковалем, затем со старшиной Степаненко, а позже ужинал в салоне.

«Красное знамя» сегодня в 13 часов 15 минут открыло стрельбу — дало двадцать выстрелов. Я наблюдал из окна штаба огромные вспышки и двойные удары. При мне во время ужина на корабль пришло донесение о результатах стрельбы: после двад-

цати фугасных снарядов канонерки и снарядов с других кораблей все немецкие батареи умолкли. Путь для пехоты был очищен. Всего подавлено шесть немецких батарей в районе Красного Бора. В подавлении их приняли участие корабли: «Красное знамя», «Стройный», «Строгий» и девятнадцать береговых батарей, да еще полигон.

Во время ужина трижды прозвенел звонок: воздушная тревога. Командир и комиссар выскочили наверх, устремясь к мостику, я продолжал делать записи, беседуя с одним из командиров. Около десяти самолетов противника шли курсом, который должен был пересечь канонерку. Но береговые батареи зениток встретили их таким дружным огнем, положив разрывы между самолетами, что бомбардировщики рассыпались в стороны и ушли.

Вечером к борту корабля была подана шлюпка, и краснофлотец доставил меня на левый берег Невы. Была уже ясная луна, Нева серебрилась, дул ветер, мы пересекли путь какому-то чуть видневшемуся в лунной мгле буксирному пароходу. И вот, пройдя полтора километра, я в штабе.

Сиюю, работаю в разведотделе за школьной партой. Только что доставленный с передовой линии немецкий приказ переводится тут же, за другой партой. Вновь бухает канонерка — четыре-пять выстрелов, и где-то бьет дальнобойное. Опять воздушная тревога, на которую никто здесь не обращает внимания.

5 октября

В 55-й армии общее положение таково: вчера, наступая на Пушкин, мы потеснили немцев, но и здесь и вдоль реки Тосны они упорно сопротивляются. Наши 70-я и 90-я стрелковые дивизии, прочно удерживая занимаемые рубежи, мелкими группами действуют в направлении Александровки и деревни Новая. Особенно упорное сопротивление оказывают огневые точки противника, расположенные у деревни Редкое Кузьмино. 168-я дивизия ведет бой за овладение Путроловом, 125-я и 268-я дивизии ведут наступление на Красный Бор и Песчанку. Наши части стремятся нанести удар и по Никольскому. Словом, по всему фронту армии наступаем мы, а немцы обороняются. Это характерно!

На канонерской лодке «Красное знамя» вчера я записал много интересных рассказов об участии кораблей Балтфлота в боях от Нарвы до Петергофа и Стрельны. Корабли вели огонь по береговым целям. Понравился мне старшина второй статьи, командир орудия, коммунист Михаил Дмитриевич Степаненко — высокий, худощавый, с большим открытым лбом балтиец. Он строг в движениях, точен в словах. Достоинство его тона и спокойная рассудительность производят самое хорошее впечатление. Он был участником группы, корректировавшей на берегу огонь двух канонерок. И рассказал он мне, в частности, о том, как хорошо видел он бой под Петергофом.

— Наблюдательный пункт у нас был на куполе большого собора, что высится в самом центре Петергофа. Я и командир группы капитан-лейтенант Быстров находились на колокольне с 19 по 22 сентября — все трое суток, пока шел бой на площади, около вокзала и между деревьями Низино, Олино, Сашино и Мишино.

После трех дней сидения на колокольне мы перебрались в другое место, в дом, на чердак; там капитан-лейтенант Быстров был ранен, нас бомбили, обстреливали минами, повредили радию, при этом были убиты два часовых...

М. Д. Степаненко три года плавает на «Красном знамени», до этого два года служил на линкоре «Октябрьская революция»... Он рассказал мне и о боях под Нарвой, и о том, как там, у деревни Сур-Жердянки, канонерская лодка своим огнем разгромила немецкий штаб. Два месяца канонерка была в непрерывных боевых действиях — с конца июня по конец августа.

Дважды ее считали погибшей. В Кронштадте был случай, когда капитан-лейтенант Коваль позвонил на один из эсминцев. Оттуда голос:

«Какое «Красное знамя»? Вы ж давно потоплены!..»

«Нет, повторяю, с вами говорит командир бе-че два канлодки... — и т. д. — Приснилось вам, что ли?»

Но голос с эсминца полон сомнения:

«Нет, тут что-то не то!..»

— Второй раз, — рассказывает Степаненко, — в Копорье, когда лодка зашла в гавань, у группы командиров по ремонту на морзаводе — глаза на лоб:

«Откуда? Вы же торпедированы!..»

А старушка канлодка, заложенная в 1895 году, вступившая в строй в 1898-м, восемь лет затем стоявшая стационаром в Пирее, в Греции, помнившая, как «на корабль прибыла ее величество королева эллинов», и потопившая 14 октября 1917 года в бою в Кассарском плесе два вражеских миноносца, заставившая два других выброситься на берег, жива и здорова, а по количеству снарядов, выпущенных за время Отечественной войны, стоит чуть ли не на первом месте среди всех кораблей Балтийского флота.

И недаром на днях в Ленинграде, на Невском, незнакомый краснофлотец остановил старшину второй статьи Михаила Степаненко:

— Вы с «Красного знамени»? Вот спасибо, вы, товарищи, здорово нам помогли! Лежим в окопах, на нас ползут немецкие танки. Неожиданно над нашими головами свистит снаряд: по звуку не наш, думаем. Разрывается перед танками, — большой разрыв, но они движутся дальше. Вдруг второй, третий залпы, два танка на воздух, остальные поперли обратно! И мы узнали, что это наша лодочка стоит и стреляет!..

...Село Рыбацкое. Всё оно насыщено воинскими, рассредоточенными частями — танками, бронемашинами, грузовиками, обозами, замаскированными, приютившимися между домами. Все оно изрыто окопами, щелями и прочими земляными укреплениями. В нем, однако, много местных гражданских жителей, они волокут в мешках кормовую капусту и картошку, добытую на правом берегу Невы в каком-то совхозе — копают ее, несмотря на охрану.

Самое главное, что мне стало ясно в Рыбацком: наступательный дух немцев явно ослабевает. Засев под Ленинградом, испытывая недостаток в горючем, в теплой одежде, снабжении, утомленные, поняв, что страшная русская зима застигнет их в лесах и болотах, они перешли к обороне. А наши части полны наступательного духа, — пусть еще не удастся нам развить наступление даже на отдельных участках, пусть общее наступление еще далеко впереди, но отдельные попытки наступать производятся каждый день и везде. Идут бои и за Мгу. Однако железная дорога так разрушена немцами — сожжены шпалы, насыпь взорвана, рельсы увезены, — что, и взяв дорогу, восстановить ее можно будет не сразу.

НА НЕВСКОМ «ПЯТАЧКЕ»

В числе бойцов и командиров, обороняющих Ленинград, много представителей всех национальностей нашей страны. Я получил от партийного руководства Таджикистана телеграмму, в которой меня просили узнать, как сражаются за Ленинград бойцы-таджики, и рассказать о ком-либо из них в печати.

Поиски такого таджика привели меня в 115-ю стрелковую дивизию генерала В. Ф. Конькова, оказавшуюся на правом берегу Невы, у Невской Дубровки. Эта дивизия после оборонительных боев при отступлении из-под Выборга получила приказ форсировать Неву.

Нам нужно было на левом берегу отбить у немцев хотя бы клочок земли, который стал бы плацдармом для намеченного наступления с целью прорыва блокады. Попытки создать такой плацдарм были сделаны на участке Отрадное — Островки и возле притока Невы — Черной речки. Но на этих участках успеха достичь не удалось.

В боях с 19 по 25 сентября Неву удалось несколько раз форсировать в районе Невской Дубровки, форпост был создан против нее — в Московской Дубровке. Бойцы прозвали его «пятак». Неву здесь форсировали 2-й батальон 4-й бригады морской пехоты, подразделения 115-й стрелковой дивизии, саперы, понтонеры отдельного 41-го и других понтонно-мостовых батальонов.

Итак, Нева. Высокие глинистые берега. На правом берегу — Невская Дубровка, поселок Бумкомбината, охваченный лесом: россыпь кирпичных и деревянных домов, которые в эти дни раз-

бомблены и горят от немецких мин и снарядов. На левом берегу такой же поселок — Московская Дубровка, его дома уже погорели; вдоль берега проходит мощеная дорога Ленинград — Шлиссельбург, а между береговым срезом и дорогой немцы нарыли свои траншеи; в амбразуры дзотов на водную гладь Невы нацелены пулеметы... Артиллерия скрыта опушкой отступившего поселка леса; минометы также готовы по первому сигналу открыть огонь. Траншеи, поселок, лес заняты отъявленными гитлеровскими головорезами из авиадесантной дивизии, пытавшейся форсировать Неву, но не преуспевшей в этом.

А на правом берегу — наши части, напряженно и скрытно готовящиеся к штурму.

Повсюду вдоль Невы до войны было множество рыбацких поселков. Понтонеры собирают рыбацьи лодки, втайне от немцев, по суше, лесом, подвозят их по ночам и прячут в дачных домиках, в оврагах, в лощинах и в вырытых вдоль берега укрытиях. И, кроме того, под покровом леса строят бревенчатые понтоны и полупонтоны.

Переправа первой группы десантников-моряков производилась в полночь и без артиллерийской подготовки, чтобы не спугнуть врага. Десятки лодок были перенесены на руках и поставлены на воду в полной тьме. Несколько сотен бойцов со своими политруками и командирами бесшумно уселись в лодки и двинулись наперерез течению. Они уже приближались к левому берегу, когда свет нескольких немецких ракет их обнаружил.

Сигнал тревоги мгновенно навлек на ватагу лодок артиллерийский, минометный и настильный пулеметный огонь... Но через две-три минуты лодки причалили к берегу. На береговом откосе и в первой линии немецких траншей завязался рукопашный бой. Немцев удалось выбить, они отхлынули, маленький плацдарм был отвоеван... Но подкреплений с правого берега ждать уже было нельзя: теперь Нева освещалась непрерывно и кипела от разрывов снарядов и мин.

Стремясь уничтожить наш десант, немцы не прекращали контратак. У наших бойцов иссякали боеприпасы. И если бы не дерзость бойца-понтонера Щеголева, вся группа наших десантников была бы уничтожена. Они уже отбивались гранатами, когда при утреннем свете он, один, во весь рост вышел к берегу и, презирая бешеный огонь немцев, нагрузил лодку боеприпасами, сел в нее, взялся за весла и поплыл через Неву, став мишенью немецких артиллеристов и пулеметчиков. Случай удивительного, почти невероятного счастья, какое действительно сопутствует смелым (о нем свидетельствует политрук Курчавов¹), произошел на глазах сотен людей, тревожно следивших

¹ В начале 1942 года политрук И. Курчавов познакомил меня с рукописью своей брошюры «Подвиг понтонеров» (издана Воениздатом в 1943 г.), в которой подробно излагает все действия упомянутого выше понтонно-мостового батальона.

за переправой Щеголева. Он добрался до берега, выгрузил боеприпасы, посадил в лодку нескольких раненых и невредимым вернулся...

Бой на «пяточке» продолжался. Но днем стало тихо. И было неясно: есть ли еще там живые? Артиллерийская и минометная дуэль — с берега на берег — превратила «пяточок» в недосыгаемую для нас, равно как и для немцев, зону.

Наступила следующая ночь. Перед рассветом еще триста воинов Красной Армии попытались переправиться через Неву на лодках. Но немцы теперь их ждали. Многие лодки были расстреляны и разбиты. Часть десантников погибла в Неве. Остальные вынуждены были вернуться.

В темноте ночи на левый берег было направлено сорок разведчиков. Им удалось переправиться. Через реку до утра доносился шум боя. Ни один из этих сорока не вернулся. «Пяточок» оказался в руках у немцев.

И еще утро. Еще четыреста наших воинов устремляются на штурм «пяточка».

В одной из лодок среди красноармейцев два таджика — Тэшабой Адилов и его неразлучный друг Абдували. Вместе они пришли в армию в 1939 году, вместе прошли по дорогам Западной Белоруссии, вместе отступали из-под Выборга.

Фашисты, не стреляя, подпускают флотилию близко к берегу. И сразу, с дистанции сто метров, открывают шквальный огонь. Лодки трещат и ломаются. Скошенные пулеметными очередями, бойцы и командиры падают в воду. Другие неуклонно стремятся к берегу. Разрывы мин и снарядов ложатся так часто, что воды Невы в кипении бурлят. Фонтаны взбрасывают людей, куски дерева и оружия. Всё меньше и меньше штурмующих.

Тэшабой рассчитывает: течение сбивает все лодки вправо, туда и устремляют фашисты всю массу огня. Нужны сноровка и сила, чтобы выгрести наискось течению, влево. Но Тэшабой и Абдували на горной своей реке Сох научились справляться с любым течением. Они выгибают влево, туда, где огонь слабее... Простреленная пулеметной очередью, лодка кренится на борт. Друзья бросаются в воду и, подняв над собой оружие, подплывают к разбитой сплотке бревен, приставшей к левобережью.

Тяжело дыша, осматриваются. Ниже по течению уцелевшие в зоне огня лодки приближаются к берегу. Из других, разбитых, лодок выпрыгивают люди и достигают земли вплавь. Тут и там головы плывущих скрываются под водой навсегда. Минометы, пулеметы и боеприпасы выгружаются в громе, дыму, пламени разрывов и пересвисте пуль.

К Тэшабою и Абдували подплывают несколько человек, и, когда их собирается до пятнадцати, какой-то командир поднимает всех на штурм берегового откоса, но тут же, прошитый пулями, падает. Других командиров здесь нет. Тэшабой кричит:

«Вот по этому арыку... Ползем!..» — и бросается к канаве, пере-резающей береговой склон. За ним остальные.

Не замеченные гитлеровцами, они выползают наверх за изло-мом первой траншеи, из которой фашисты бьют вниз, по штур-мующим берег красноармейцам. Кидаются на фашистов сзади, захватывают траншею и встречают в ней других гитлеровцев, контратакующих от второй линии траншей.

Контратака отбита. Пятнадцать бойцов распределяются по траншее на четыреста метров — пятнадцать человек на фронт почти в полкилометра!.. Враг устремляется в новую контратаку. Через Неву переправляется еще одна рота...

Все то, что произошло до этой минуты, — пока еще не выде-ляет Адилова из числа сотен других атаковавших врага бойцов: форсирование Невы для создания исключительно важного для обороны Ленинграда плацдарма было обычной боевой работой фронтовика, требовавшей дерзости, храбрости и стремительности. Подвиг — тот, который прославил Тэшабою Адилова на все право-бережье Невы, — впереди.

Краткому описанию этого подвига я считаю своим долгом по-свящать здесь хоть несколько строк.¹

...И эта, и следующие контратаки фашистов были отбиты. Рядом с Тэшабоем убит был его друг Абдували. Перебиты или ра-нены и все бойцы подоспевшей роты, но и последние уцелевшие немцы бежали. В наступившей передышке на Неву легла тишина. Обессиленный Тэшабой впал в забытие возле трупa своего друга. А когда очнулся, вблизи не было никого. Только один-единствен-ный красноармеец рыл в стороне ячейку, и по нему методически бил из пулемета затаившийся вдали гитлеровец. Сзади к Тэшабою подползли еще четверо, и Тэшабой принял над ними команду... Они укрепились, зарылись в землю. А ночью, в странной злобещей тишине, Тэшабой, ползая по траншее и под откосом берега, где оказалось десятка два раненых, собрал и расставил по фронту все пулеметы и минометы, заставил раненых подтащить к ним бое-припасы и вдвоем с неизвестным бойцом занял боевую позицию, ожидая немцев. И когда в ночи немецкие цепи двинулись к «пяточку», Тэшабой и его товарищ встретили их огнем, перебе-гая от одного пулемета к другому, стреляя из минометов, созда-вая впечатление, что на «пяточке» встречают врага не два чело-

¹ Подробному описанию этого и других подвигов, совершенных Тэшабоем Адилковым, я посвятил документальную повесть, опублико-ванную отдельными книжками Политуправления Ленфронта и Таджикским Госиздатом.

В газете «На страже Родины» от 9 июня 1942 года опубликован приказ войскам Ленфронта о награждении отличившихся воинов. Пер-вым в списке значится старший сержант Тэшабой Адилков, награжденный орденом Ленина. Адилков стал одним из лучших снайперов 55-й армии, он истребил 114 фашистов, был произведен в лейтенанты, стал инструктором школы снайперов.

века, а самое малое — рота. Раненые бойцы только подтаскивали к этим двоим боеприпасы, набивали патронами ленты... Пулеметно-минометный огонь из разных огневых точек остановил немцев... С нашего берега вдруг рванули «катюши» — неизвестное фашистам доселе оружие. И после залпа «катюш», форсировав Неву, на подмогу сражающейся «роте» бросился отряд морской пехоты во главе со своим полковником... Немцы были отброшены от «пяточка» стремительной атакой балтийцев, и сбереженный Тэшабом и его неизвестным товарищем «пяточок» оказался окончательно закрепленным за нами... Товарищ Тэшабоа был убит, имя его осталось нам неизвестным. А Тэшабой, разыскав и похоронив своего друга Абдували, остался на «пяточке» сражаться в рядах морских пехотинцев...

ДНИ В ЛЕНИНГРАДЕ

(8—12 октября 1941 г.)

8 октября

Вернулся домой я часов в восемь вечера, совершенно обессиленный, ибо позавчера заболел гриппом. Несмотря на тревогу и бомбежку, залег спать, но спать не пришлось: бомбежка оказалась весьма сильной, немецкие самолеты летали над нашим домом, зенитки надрывались, тревога продолжалась с 7 часов 20 минут почти до 2 часов ночи. Я лазал на крышу, видел огромный пожар — где-то в направлении порта. Небо сначала было чистое, лунное, потом заволоклось тучами, прожигаемыми разрывами зенитных. И, не дотерпев до конца тревоги, примерно в час ночи, я лег спать и заснул. А под утро снова была тревога, и ночью с напряженностью и большой интенсивностью грохотала тяжелая артиллерия. Утром — сильная головная боль. Глотал кальцекс и антигриппин.

За последние дни в газетах сообщения о конференции представителей СССР, Великобритании и США. Конференция закончилась в Москве 1 октября. Опубликовано коммюнике. Бивербрук и Гарриман выражают восхищение «великолепным отпором фашистскому нападению», оказываемым Советским Союзом. Общай антигитлеровский фронт создан, решены вопросы «о распределении общих ресурсов»...

В «Ленинградской правде» обращение воинов дивизии полковника Бондарева к коллективу Кировского завода:

«...В грохоте мощных танков, построенных на вашем заводе, в пламенном большевистском слове, сказанном кировцами, каждый день, каждый час ощущаем мы неисчерпаемые силы нашей Родины...»

И еще: «... Сейчас мы перешли в наступление и продолжаем теснить врага...»

Кировский завод под непрерывным обстрелом, и бомбят его почти каждый день... А танки с завода идут прямо в бой. И, в ча-

стности, идут к Бондареву! Значит, здесь, у села Ивановского, у Невы, в направлении на Мгу, им предстоит переправа!

Ленинградский фронт, несомненно, готовится к серьезным действиям!

9 октября

Вчера, 8-го, после тревожной ночи, несмотря на головную боль, сел за работу, написал два больших очерка для радио.

Решив ехать в Белоостров, стал звонить на Финляндский вокзал, но оказалось, что почти все телефоны Выборгской АТС не работают, станция повреждена. Пришлось, чтобы узнать расписание поездов в сторону Белоострова, съездить на вокзал.

Домой добирался в болезненном состоянии. Ночью, просыпаясь, вертелся в ознобе. Тревоги не было, потому что весь вчерашний день был промозглый, туманный. Но уже в пять утра начались тревога, стрельба, бомбежка.

Обессиленный гриппом, я никуда не уехал, вынужден лежать в постели. Простудился, видимо, в шляпке, при ночной переправе под сильным ветром через Неву; перед тем было очень жарко, и я был потным.

Сейчас уже одиннадцать утра. Яркий, солнечный день. Гудят наши самолеты, и... вот как раз опять вой тревоги.

Позавчера я видел разрушенные дома на улице Герцена и на улице Желябова. Раскопками занимается десяток-другой человек, а нужны бы сотни: во многих убежищах под развалинами есть еще живые люди.

21 час 20 минут

Только что опять сладкие звуки фанфар, музыка 1941 года, — отбой воздушной тревоги, не знаю уж которой за нынешний день. Вот прошло пять минут, опять тревога, воют сигналы, протяжно и заунывно — сирены, гудки...

А сейчас 22 часа 20 минут — за этот час мы напились чаю и, позабыв было о тревоге, беседовали за столом. Всё то же: гудят самолеты, хлещут зенитки, налет продолжается...

У нас на Ленфронте всё больше сообщений об успешных действиях А. Л. Бондарева (командира сражающихся на Неве частей). Ему присвоено звание генерал-майора, и он награжден орденом Красного Знамени. Такое же звание присвоено защитнику Ханко Н. П. Симоняку.

В Ленинградской области — энергичные действия партизан. Бои на Вяземском и Брянском направлениях. Сегодня утром было сообщение: немцами взят Орел. Значит — обход на Москву, и положение Москвы резко ухудшилось, и оттого настроение тревожное.

Я ничего не знаю о том, что делается на севере — на всем фронте, обороняемом 7-й армией. Что с Петрозаводском? Какова обстановка на восточном берегу Ладоги?

Мой отец, ныне дивизионный инженер, в прошлом — строитель, помощник начальника строительства Свирской ГЭС, мрачнеет всякий раз, когда о ней заходит речь. До отца дошли слухи, будто вражеские войска достигли этой великолепной станции, питающей током Ленинград наравне с Волховской ГЭС (ее тоже строил отец). Он не может себе представить, что Свирская ГЭС, которой он отдал столько лет напряженнейшего творческого труда, применяя методы строительства, нигде в мире до того не испробованные, может оказаться разрушенной врагом, превращенной в прах. Сейчас, высказывая такое предположение, отец болезненно морщился.¹

Оглушительно грохочут зенитки. Завывают где-то над нами самолеты.

Запишу то, что помнится из наблюдений этих дней.

...Разрушенный пятиэтажный дом на улице Гоголя. Бомба упала рядом, дом минут восемь держался, затем с угла обвалился, груда мусора внизу, разноцветные прямоугольники обоев на сохранившихся стенах — следы обрушенных комнат, двери, раскрытые в пустоту. Печки, повисшие над пустотой. На одном из прямоугольников висит фотография в рамке. Остальные стены голы, все сметено. Внизу завал огорожен забором. За забор не пускают. Перед ним и на нем десятка полтора любопытствующих. Все молчат. Прохожие остановятся, посмотрят, молча проходят мимо. На завале с десятком людей медленно ковыряют лопатами мусор, швыряют его на телегу.

Разрушенных подобных этому домов в Ленинграде теперь уже много.

...В 6 часов вечера воздушная разведка. В 7.30 — бомбежка. Так последнее время у немцев заведено с их механической педантичностью. К 7.30 ленинградцы спешат доехать до дому, не оказаться в пути. А трамваи с 10 октября будут ходить только до 10 часов вечера. В дневное время, особенно в солнечные дни, население при тревогах всё меньше прячется, ходит по улицам. Многим горожанам надоело оберегаться, русские «авось» и от «судьбы не уйдешь» действуют на них тем больше, чем привычнее становятся бомбежки. Загоняя в щели, в убежища резвящихся в скверах и во дворах детей, милиция часто смотрит сквозь пальцы на хождение взрослых людей: должны, мол, соображать сами!.. Во время налетов страха уже не испытываешь, но если не заниматься делом, становится скучно и нудно. А если заниматься делом, окружающего просто не замечаешь.

...Сегодня, лежа в постели, старался зрительно представить себе немцев во дворцах Пушкина, Петергофа, Павловска и всё, что они делают там. Тяжело думать об этом. Так близко! Но странно представить себе и другое: где-нибудь в Ташкенте, в Тад-

---

¹ В эти дни Свирская ГЭС была уже разрушена фашистами. После Отечественной войны станцию удалось полностью восстановить.

жикистане жизнь в эти дни ничем не отличается от обычной, там много еды и фруктов, и нет затемнения, и немецкие войска не засели рядом, и нет воздушных тревог и бомбежек, тепло и мирно. Знаешь, что это так, но представляешь себе это с трудом.

...Пока пишу — завывающий звук пикирования и крутых виражей самолетов повторяется назойливо часто. Наиболее безопасные места в городе — щели, выкопанные в скверах, но туда идти далеко, там сыро и сидеть неуютно, и хотя множество таких щелей есть как раз против нашего дома, в них никто не идет, особенно по ночам. Днем в них заходят прохожие.

...Вчера на телеграфе у Финляндского вокзала девушка, приемщица телеграмм, весело своей сослуживице:

— Кто сегодня дежурит? Катя? Ну, значит, бомбежки в нашем районе не будет. Катя у нас счастливая!

И жизнерадостно смеется.

...Там же, против Финляндского вокзала, у закрытого досками и землей памятника Ленину уже в темноте выстроилась рота красноармейцев. Стояли долго. Подошел трамвай № 14. Пассажирам милиционер предложил выйти — вагон займут красноармейцы! Пассажиры вышли без каких бы то ни было признаков недобольства. А ведь ехали домой, ведь торопились, ведь ждали, что будет бомбежка. Красную Армию население любит в эти дни еще больше, чем всегда. Милиционер никогда не остановит военного, входящего в трамвай с передней площадки или нарушающего какое-либо мелкое правило городского движения. Где бы и какая бы очередь ни была — за папиросами ли, за газетами ли, — военных безоговорочно пропускают без очереди. И если военный, стесняясь, становится в очередь, публика сама предлагает ему пройти вперед. Это — как непреложный закон.

Разговор:

— Если немцев отгонят от Ленинграда, они еще яростнее будут бомбить его!

— Пусть бомбят, только бы их отогнали!

Это — разговор ленинградцев!

23 часа 40 минут

Тревога все продолжается... Ну что же... Спать!

12 октября

Вчера в полночь, едва заснул, — телефонный звонок. Звонила Наталья Ивановна: за несколько минут перед тем две зажигательные бомбы пробили крышу надстройки, влетели в чердак, одна — над квартирой Решетова, вторая — над самой квартирой Натальи Ивановны. Бедняга взволнована, спрашивает, можно ли завтра принести свои вещи сюда. Она упаковала их в чемодан. Начавшийся пожар был потушен дежурными. В доме большой переполох.

Ездил вчера в Союз писателей. Как изменилась обстановка, можно судить по этому посещению! Перед столовой, отпускающей теперь только сто тридцать обедов, стояла огромная очередь, многим обеда не досталось. Какая-то старая переводчица истерически раскричалась, объявив, что «зарежется бритвой на этом самом месте», если ее не прикрепят к столовой. Ее успокоили, но обеда она, кажется, все-таки не получила. А обед состоял из воды с чуточкой мелко накрошенной капусты, двух ложек пшенной каши на постном масле да двух ломтиков хлеба и стакана чаю с одной конфетой.

Пешком вдоль Невы пошел к дому. Нева чудесная, изумительной красоты облака над Петропавловской крепостью, военные корабли, их трубы, мачты и орудия, их зенитки, устремленные в небо... Транспорт «Урал», пришвартованный к барже у Летнего сада (моряки переносят с подъехавшего грузовика буханки хлеба и другие драгоценные в наши дни продукты)... И тут как раз фашистский самолет высоко над Невой, и три наших «ястребка», погнавшихся за ним, и зенитчики на кораблях, устремившиеся к зениткам. Но немецкий самолет взмыл и, распустив по небу длинный хвост дымовой струи, исчез в облаке.

Корабли на Неве везде. У Военно-медицинской академии — крашенные охрой корпуса двух морских громадин, спущенные со стапелей только перед самой войной. В других местах — транспорты, миноносцы, веретенообразные стальные тела минзагов. Подводные лодки, тральщики, «морские охотники», мелкие военные суда притаились среди барж и причалов по всем рукавам Невской дельты. Корабли Балтийского флота очень украшают Неву, но мысль о том, чем вынуждено стояние этих судов здесь, печалит!

Перед сном прочел суровую по своей значительности передовицу «Правды» от 9 октября об опасности, грозящей стране, о жизни и смерти ее, о том, что критический момент войны наступил.

Всю ночь стрельба и бомбежка, тревога. Но я всё проспал, ничего не слышал. С утра перетаскивали со двора доски в квартиру, чтобы сделать из них щиты на окна. А потом ездил с Людмилой Федоровой в ее квартиру на Боровую, вернулся с рюкзаком, набитым книгами. В пути, на Жуковской, новые разрушения — разбит верхний этаж одного из домов. Несколько домов на Лиговке разбиты уже давно. Дом на Боровой оказался цел, соседи рассказывают, что рядом, в поликлинику, попало на днях три снаряда и один — в дом напротив. Стекла везде побиты. Забор у поликлиники изрешечен осколками снарядов. Баррикады поперек Боровой уже завалены мешками с песком. Шли мы по Боровой, не думая обо всем этом, — привычно!

В ночь на вчера три бомбы весом в тонну каждая упали на территорию Обуховского завода и не взорвались. Одна из них повисла на деревьях в саду, — немцы спускали их на парашютах.

Все три бомбы разряжены, их часовые механизмы исследованы. В городе уже много неразорвавшихся бомб, и все они обезврежены.

Сегодня, проезжая мимо Инженерного замка, видел: золотой шпиль обтягивают для маскировки брезентом и кольцеобразно поверху шнуруют его веревками.

Большинство памятников в городе снято, зарыто в землю. Некоторые обшиты досками, укрыты мешками с землей.

Во вчерашней газете «Красный Балтийский флот» большая статья «Героические дни обороны Гангута» и портрет Б. М. Гранина, командира отряда моряков, защищающих Ханко. Ханковцы захватили у врага несколько островов, сбили сорок один самолет, потопили эсминец и несколько других кораблей, перебили около четырех тысяч финнов. Оборона Ханко длится уже более ста дней!

В Ленинграде летчикам, таранившим в воздухе немецкие самолеты, — М. Жукову, П. Харитонову, Н. Тотмину — вручены награды и грамоты Героев Советского Союза. Воздушный таран — удивительный метод презирающих смерть — всё чаще применяется в небе Ленинграда!

Награждены и строители танков — работники Кировского завода...

Завтра утром я поеду на фронт, к Белоострову.

А листья осени, желтые-желтые, коврами лежат в садах, осыпаясь. И, обнажаясь, ветви деревьев открывают взорам бугры щелей и землянок, нарытых в садах. Золотая осень! Как томительно становится, когда подумаешь о природе — просто о природе. В воздухе вчера уже вились снежинки, едва заметные. Где-то на улице вода в кадке сегодня была покрыта ледком. Зима приближается, — может быть, она послужит нам, как в Отечественной войне 1812 года!

ЛЕНИНГРАД В КОНЦЕ ОКТЯБРЯ

(19—31 октября 1941 г.)

19 октября

Три последних дня на передовых позициях я провел среди замечательных людей батальона морской пехоты. Комбат А. И. Трепалин, разведчик комсомолец Душок, жена командира разведки сандружинница Валя Потапова и ее подруга Аня Дунаева и многие другие хорошие и храбрые люди рассказывали о своих боевых делах. Был я в минометной роте Ю. П. Сафонова, прекрасно выполняющей все задания дивизии. Особенно большое впечатление на меня произвел весельчак, балагур, гармонист — командир расчета и корректировщик удивительной смелости А. И. Сомов, по прозвищу Сомик... А потом сутки пробыл в Осиновой Роще, в госпитале, где лежат раненые моряки. Один из них, Георгий Иониди, пожалуй, самый бесстрашный и сильный духом разведчик, какого я знаю за всё время войны. Он подробно рассказал мне о своем двухнедельном рейде в тыл врага и об отступлении наших войск от Выборга; второй моряк, истребитель «кукушек», снайпер Л. Захариков... Я их увижу еще, потому что на днях снова поеду в этот батальон морской пехоты...

По приезде домой я узнал, что два дня назад немецкие самолеты, сбросив полосой зажигательные бомбы на Петроградскую сторону, угодили несколькими десятками бомб и в наш дом и во двор его. Отец, в тот момент находившийся под аркой ворот, пошел в дом. Дойдя до середины двора и увидев падающие вокруг него бомбы, побежал, добежал до двери, вошел в нее. И в тот же миг одна из бомб упала в одном метре от двери, на то место, где за несколько секунд до этого находился отец. Он, однако, не растерялся, вбежал в квартиру, выхватил из ящика с песком деревянную лопатку и выбежал с нею обратно, стал гасить песком бомбы. Людмила Федоровна потушила во дворе несколько «зажигалок», а затем помчалась на чердак, где разгоралась, грозя пожаром, одна из бомб. Единственная женщина среди прибежавших туда же мужчин, она потушила и эту бомбу.

В общем, все без исключения двадцать шесть бомб, упавших на наш дом, на двор и на дрова, были погашены. Несколько других домов, оказавшихся в полосе бомбежки, загорелось, возникло несколько крупных пожаров, бушевавших долго.

В Ленинграде проводилась перерегистрация продовольственных карточек на октябрь. Это — мера пресечения злоупотреблений. Слышал я, что вражеская агентура подбрасывала в город поддельные карточки для дезорганизации снабжения ленинградцев.

Все мои исхудали, живут впроголодь, одежду то и дело приходится ушивать.

26 октября

Первые несколько дней после возвращения с фронта я не чувствовал себя голодным, но потом ощущение голода стало очень мешать мне. С утра до позднего вечера я либо пишу, либо мотаюсь по городу и не ем ничего, а вечерняя порция каши или макарон никак не может меня удовлетворить. Просыпаюсь спозаранку, часов с пяти-шести, и уже не могу заснуть. Бессонница делает меня раздражительным.

Но работаю не покладая рук, написал за эти дни не меньше десятка очерков и статей, многие из них опубликованы в печати, два очерка переданы радиокомитетом в эфир.

Одолевают горькие думы. Немцы подступают к Москве. Правительство на днях переехало в Куйбышев. Крым, Ростов, Донбасс превратились в поля кровопролитных сражений.

Войска Невской оперативной группы Ленинградского фронта совместно с двинувшимися им навстречу дивизиями 54-й армии (находящимися за кольцом блокады) на днях начали крупное наступление в направлении на Синявино с целью взять Мгу и соединиться в этом районе, прорвав кольцо блокады. Вот уже с неделю они ведут непрерывные бои, но достичь успеха им не удастся: за несколько дней до нашего наступления немцы, опередив нас, начали крупными силами наступать в обход 54-й армии на реку Волхов, в направлении Тихвина. Это угрожает нашим последним дальним коммуникациям с Ладогой, потому, оборотясь там к нажимающему врагу, 54-я армия вынуждена ослабить свои удары на Синявино.

В печати обо всем этом никаких прямых сообщений нет, и гражданское население города ничего определенного не знает об этом. А события — важные. Раз сообщений нет, и я не делюсь ничем, даже с моими близкими.

Каждую ночь и каждый день немцы обстреливают Ленинград из дальнобойных орудий. Вчера, проезжая в темноте через Кировский мост, видел на Васильевском острове череду вспышек — разрывы снарядов. А на южной стороне темное, туманное небо озарялось огромным заревом пожара, и на юго-восточной стороне, на окраине города, полыхало второе зарево.

Всю ночь стекла окон вздрагивали от ожесточенной, почти непрерывной канонады. Что именно происходило там, где нашим войскам надо через торфяные болота пробиться к высотам Синявина и ко Мге, не знаю, но интенсивность стрельбы была слишком уж напряженной и потому тревожащей.

Зато вот уже с неделю нет воздушных налетов на Ленинград, нет и тревог. Из статьи о противовоздушной обороне Ленинграда мне известно, что, начиная с 8 сентября (когда немцы совершили первую массированную бомбежку города), только зенитной артиллерией уничтожено больше ста вражеских самолетов. Но сейчас причина «воздушного затишья» над городом — и погода, дождливая, промозглая, туманная, мешающая действиям авиации, и, главное, очевидно, то, что немецкие самолеты в массе своей перекинуты на Московский (Западный) фронт. Там сейчас решается судьба ближайшего будущего. Там — центр событий последних дней.

В «Известиях» за последние дни — сообщения об отчаянном натиске немцев и об их крупных потерях: 12 октября они потеряли 90 танков и 12 000 человек, на следующий день — еще 6000 человек и 64 танка, 14 октября — 13 000 солдат и офицеров. Бои идут грандиозные. Но Информбюро сообщило, что с ночи на 15 октября «положение на Западном направлении ухудшилось», на следующий день — что «немецко-фашистские войска продолжали вводить в бой новые части» и что «обе стороны несут тяжелые потери», а с 20 октября Москва объявлена на осадном положении: немцы в сотне километров от столицы и рвутся к ней на Можайском и малоярославецком направлениях.

Что еще знаю я о Москве? Знаю, что как два месяца назад — Ленинград, так теперь, «стальной щетиною сверкая», на врага встала вся Москва. На фронт выходят дивизии народного ополчения, рабочие батальоны, сотни тысяч людей создают у самой Москвы рубежи. Огромная сила рабочих московских заводов вооружается, преисполненная решимости отстоять родную столицу, дышит ненавистью к врагу.

Знаю также, что среди обывателей в последние дни была растерянность и потоки эвакуирующихся (многие — в явной панике) хлынули из Москвы по всем направлениям. Знаю, что теперь эта растерянность уже улеглась, но что наступление немцев на Москву продолжается и наши войска пока не в силах его задержать.

Возьмут ли Москву немцы?.. Не какие-либо логические доводы, а скорее всего интуиция, подсознательное ощущение ближайшего будущего, говорит мне, что гитлеровские армии Москвы не возьмут: подкатившись к ней еще ближе, может быть вплотную, замрут на ее рубежах, перейдут к обороне, окопаются, застынут на зиму в окопах...

Вот, думается, всё произойдет так!

Но уже без всяких «думается», не дав ни разу, никогда омрачить себя даже мимолетной тени сомнения, а безусловно, как непреложную, ясную истину, предвижу исход войны: полное крушение Германии, уничтожение ее панически бегущих из России армий, крах всей чудовищной авантюры, затеянной на полях моей Родины Гитлером. Так будет. Я знаю это наверняка. Я убежден в этом беспредельно. И мне хочется посмотреть на это, дожить до этого дня... Я живу в Ленинграде и, если понадобится, выполню мой долг до конца. Но, конечно, погибнуть, не увидев, как наши войска вступают в Берлин, как они диктуют свою волю разбитым врагам, — обидно... И всё же, когда умирают миллионы здоровых, полнокровных людей, за то же священное дело будь готов умереть и ты. Всякое иное рассуждение — удел шкурников, предателей и трусов.

29 октября

Десять вечера. Вот и воздушная тревога! Сегодня она продолжалась примерно час и недавно окончилась. Ее и следовало ожидать: день был солнечный, а вечер лунный. Бросали бомбы, дом вздрагивал, грохали зенитки.

Другое дело — вчера. Вчерашней тревоги никто не ждал. В половине седьмого вечера я вышел из Союза писателей после заседания Правления, одного из немногих за время войны. Я не член Правления, но сейчас не до формальностей, если меня приглашают, если могу быть полезным.

Вышел с М. Л. Лозинским, нам было по пути. Шли по набережной пешком; была вьюга, настоящая блоковская вьюга — снегом захлестывало лицо; Нева — черноводная, грозная, моментами открывала свой темный зев, задержанный мятущейся пеленой снега. Я сказал:

— Хорошая погода, сегодня налета не будет!

А ровно через четверть часа, едва мы дошли до Кировского моста, чтобы сесть в трамвай, завывли сирены и гудки, заорали громкоговорители, люди повысыпали из остановившихся темных трамваев и заспешили в ближайшие убежища. Если б я был один, я продолжал бы идти пешком к дому. Но нельзя было оставить Лозинского, не имеющего права хождения пешком во время тревоги. Предложил ему щель на Марсовом поле, но он не захотел. Зашли в убежище Мраморного дворца — через двор, в подвал. Убежище устроено под огромным стеклянным залом, а во дворе скопление автомобилей-бензоцистерн. Только головотяп мог придумать приткнуться бензобаки вплотную ко входу в убежище! У набережной — вспомогательный военный корабль. Кировский мост — в зенитках, Марсово поле — в зенитках, — словом, место для переживания воздушного налета малоудачное.

Налет продолжался час. Я сидел с М. Лозинским в убежище, просторном, но переполненном: людей было несколько сот, глав-

ным образом красноармейцы. Видимо, во дворце пункт выздоравливающих или госпиталь.

Провели этот час в беседах на разные темы, а после отбоя пошли пешком через Кировский мост и дальше. Сесть в трамвай удалось только у улицы Скороходова. На южной стороне пылало огромное зарево. Пурга уже прекратилась. Пейзаж зимы и черной, строгой, грозной Невы был жестким. Ветер свистел, ноги скользили на растоптанном, схваченном морозцем снегу. Во мраке dalej виднелись смутные контуры военных кораблей. Но идти пешком мне было приятно, зимний воздух свежил лицо, в грозности пейзажа я ощутил нечто величественное, почти таинственное.

Вчерашний налет — первый после почти двухнедельного переыва. Все как-то отвыкли уже, и надо привыкать снова!

11 часов вечера

Опять воздушная тревога. Гудки, вой сирен, хлопанье двери-ми... Налет!

30 октября

Во вчерашней «Ленинградской правде» — список награжденных Военным советом Ленфронта. В их числе — родная сестра разведчика Г. С. Иониди, военврач 3-го ранга Валентина Семеновна Иониди. Награждена орденом Красного Знамени. Статья о дважды Герое Советского Союза полковнике Романенко и его учениках — летчиках, защищающих Ханко... Ханко держится, слава об этом гранитном полуострове, дерзко противостоящем окружающим его фашистам, обошла весь мир.

Балтийцы и на воде воюют дерзко и смело. За последние три недели в водах Балтики уничтожено до полусотни вражеских боевых кораблей, более ста пятидесяти транспортов, танкеров и всяких других судов. Потоплен немецкий крейсер типа «Кёльн», пошел ко дну финский броненосец... А самолетов врага за это время уничтожено три с половиной сотни...

На суше у нас обстановка сложная. Уже две недели немцы ведут крупное наступление вдоль реки Волхов и на Тихвин. Там идут жестокие бои. Надо сделать всё, чтоб не допустить к Ладого врага, стремящегося создать второе кольцо окружения Ленинграда, которое лишило бы наш город возможности получать снабжение по озеру: в этом снабжении, пусть трудном и недостаточном, — жизнь миллионов ленинградцев.

Неделю назад мы оставили Большую Вишеру, Будогощь, а 54-я армия (которой теперь командует Федюнинский) испытывает сильнейшее давление вдоль линии железной дороги, ведущей от Мги на Кириши. К Ладого немцы рвутся и здесь. Этот немецкий удар усложняет обстановку и на Ленинградском фронте, потому что часть сил, брошенных нами в наступление на Синявино, отвлечена от первоначальной задачи. Но в южном секторе нашего

фронта положение крепкое и надежное — наши войска провели в общем удачную операцию в районе Урицка и на днях отстояли Пулковские высоты, которые немцы попытались было вновь захватить штурмом.

Ленинград, несмотря ни на что, живет своей жизнью. В Филармонии Каменским исполнялся фортепьянный концерт Чайковского, артисты, писатели, композиторы выступают по радио, заводы увеличивают нужную фронту продукцию.

Сегодня в «Ленинградской правде» — передовая о зверствах гитлеровцев: массовых убийствах мирных жителей, расстрелах детей, издевательствах над ранеными. Передовая призывает всех советских людей к истреблению гитлеровских негодяев, упоминает имена пулеметчика А. Заходского, перебившего сто пятьдесят фашистов, и лейтенанта Понеделина, убившего семьдесят три немца.

В Ленинграде поймано и допрошено много фашистских ракетчиков — засланных в наш город шпионов.

Очень упорно действуют наши части на Невском «пятячке»: было уже много переправ на участке от Арбузова до 8-й ГЭС, плацдарм на левом берегу здесь, в районе Московской Дубровки, расширен, и наступательные бои за Синявино продолжаются с прежним ожесточением...

А под Москвой, всё еще напирая на нее, немцы, кажется, начинают выдыхаться, за три недели они потеряли больше трехсот тысяч солдат и офицеров. Активность гитлеровцев ослабевает. Всё еще подбрасывая резервы, они, однако, готовятся к решительному сражению. Но теперь уже ясно: им Москвы не видать!

Бои идут по всему гигантскому фронту: на харьковском, на таганрогском направлениях, в Донбассе, на подступах к Крыму. Как жадный, разъявшийся, разбухший осьминог, Гитлер протягивает свои щупальца к жизненным центрам нашей страны, но везде мы обрубим их. Близится русская зима, блицкриг уже не удался, а самый великий наш союзник — время — за нас!

Интересно знать, как будут немцы обеспечивать свои безмерно растянувшиеся коммуникации предстоящей зимой? Ведь и партизаны наши везде не дремлют, и самолетов у нас прибавляется с каждым днем. Эвакуированные в глубокий тыл, наши заводы уже работают! На Урале, в Средней Азии, в Сибири, на Дальнем Востоке мы по ночам даже не нуждаемся в затемнении!

Из всего, что читаю и знаю я, ясно: немцы к зимним боям не подготовлены. А резервы нашей страны поистине неисчерпаемы. Дух наших войск, дух народа нашего немцам сломить не удалось, — а это главное. В этом — наша победа!

31 октября. 10 часов вечера

За последние дни я написал еще несколько очерков и статей. Три очерка дал в «Правду». Два из них уже переданы по теле-

фону в Москву. Вчера в 9.30 вечера — мое «выступление у микрофона» (передавали записанный на пленку рассказ «На корректировочном пункте»). Как раз между двумя налетами!

Город обстреливают. Позавчера снаряд попал в переполненный пассажирами троллейбус возле Исаакья. На днях — в трамвай № 34 на Васильевском острове. Там их вообще разрывается много. Два снаряда разорвались на улице, у площади Труда.

Но откуда стреляют сейчас, если снаряды ложатся в район «Правды», то есть Александро-Невской лавры?

Воздушных налетов сегодня и вчера не было. Сегодня падает густой снег.

Вчера официальное сообщение: сдан Харьков. Идут упорные бои за Калинин.

В БАТАЛЬОНЕ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

В кают-компании подземного корабля. Они явились домой... В час, когда начинается бой... Что же случилось под Александровкой? Белоостров и Каменка под угрозой. Концерт вопреки обстановке... Что происходит на левом фланге? В пулеметном гнезде. В канун праздника. На обратном пути

(Каменка. 291-я сд, отдельный батальон морской пехоты, 3—7 ноября 1941 г.)

Роль балтийской морской пехоты в обороне Ленинграда, особенно осенью 1941 года, по справедливости признана исключительной. Когда на всем трехсоткилометровом фронте вдоль Лужской оборонительной линии врага могли встретить только три стрелковые дивизии и одна стрелковая бригада (и незаполненные нашими войсками разрывы между ними составляли двадцать — двадцать пять километров), когда брошенные на подмогу им из Ленинграда спешно сформированные, плохо вооруженные и совсем необученные дивизии народного ополчения были опрокинуты и разбиты, а частично окружены, с кораблей Балтфлота было снято больше ста тысяч моряков. Сформированные из них бригады морской пехоты закрыли собой огромные бреши в разорванной бронированными полчищами врага линии нашего фронта на ближних подступах к Ленинграду, от Финского залива до Пулкова, Колпина, среднего течения Невы, Шлиссельбурга, а позже и до Волховстроя и даже Тихвина. Другие части морской пехоты заполнили пустующие пространства на Карельском перешейке. Никогда не воевавшие на суше люди с яростью, с непревзойденной храбростью, с поразительным презрением к смерти встретили и первыми остановили уже было торжествовавшего победу врага, который по приказу Гитлера готов был смести с лица земли Ленинград и полностью варварски уничтожить всё его население.

Отдельный батальон морской пехоты, занявший позиции под Белоостровом, мне удалось посетить несколько раз. Первый раздел настоящей главы состоит из моих записей, сделанных в этом батальоне 15 и 16 октября.

В КАЮТ-КОМПАНИИ ПОДЗЕМНОГО КОРАБЛЯ

И вот я в «отдельном особом батальоне морской пехоты». Блиндаж командного пункта батальона расположен впереди Каменки, на краю обращенной к Белоострову и Александровке лес-

ной опушки. Перед ним простирается гладь открытого пространства, поросшего мелкими кустиками, затянутого первым снегом болота. Вражеские позиции отсюда хорошо видны простым глазом.

Этот блиндаж — просторный подземный дом, от которого зигзагами расходятся глубокие ходы сообщения. Вчера днем, когда я впервые вступил в блиндаж, краснофлотцы, переодетые в армейское обмундирование, четко встали со своих пар. Я прошел между двумя шеренгами, как по узкому коридору.

В глубине встретил меня старшина. Здесь, за поворотом налево под прямым углом, оказались еще два помещения. Старшина проводил меня в последнее — просторную «кают-компанию» батальона, устроенную под сводом накатов, подпертых столбами. В одном углу этого помещения я увидел коммутатор узла связи, в другом — койки комбата, начальника штаба и адъютанта. Перед койкой комбата вбиты в землю ножки длинного стола. Букеты бумажных цветов, поистине военно-морская чистота и опрятность сразу определили для меня вкусы и привычки хозяина. На бревенчатых стенах я увидел полочки, аккуратно застланные газетами, а подальше — амуницию и оружие, висящие в строгом порядке на больших гвоздях.

От стола поднялся комбат — старший политрук Алексей Игнатьевич Трепалин...

Вот и сейчас он сидит за столом, я разглядываю его, занося в тетрадь эти строки. Волосы у Трепалина — светло-коричневые, зачесанные назад. Аккуратная, хорошо посаженная голова, лицо правильное, почти красивое, но очень утомленное, — спать ему приходится мало, работает он исключительно много. Брови у Трепалина как-то не к лицу — черные, но ничего от брүнета в нем нет. Роста он небольшого, худощав, его движения, жесты, голос — спокойны, уравновешенны... Разговаривает он с усмешечками, и это у него получается тепло и естественно.

И он и его моряки приняли меня как старого знакомого, с искренним и отменным радушием. Еще вчера я почувствовал себя здесь словно на корабле: балтийский здоровый дух сказывался во всем — и в живости разговоров, и в ясности смелых глаз, в веселье, каком-то особенно жизнерадостном, в пронизывающем отношении чувстве товарищества. Мне стало ясно, что с этим батальоном познакомиться нужно будет подробнее, что с людьми его захочется подружиться...

Отдельный особый батальон морской пехоты входит сейчас в состав 291-й стрелковой дивизии и обороняет здесь — в районе Белоострова и Александровки — участок, примыкающий к позициям полка Краснотутского. Состоящая в батальоне минометная рота Сафонова выполняет заказы всей дивизии, а потому посылает свои мины и с флангов и из центра фронта дивизии.

Вот как отзываяется о действиях минометной роты Сафонова сам противник. Мне дали переписать письмо финского солдата.

Это письмо, кстати, прекрасно характеризует настроения тех, кто здесь действует против нас. Вот оно...

*«За старой государственной границей
18 сентября 1941 года*

Дорогой брат!

Пишу тебе с передовой линии в момент, когда русские ведут минометный огонь. Только что вернулся с места расположения командира взвода, где узнал, что мы должны провести проволочное заграждение около железной дороги, в 50—75 метрах от русских. Это — ужасный приказ. Здесь приказы отдаются безумными офицерами-нацистами, и за невыполнение таковых мы подвергаемся жестоким расправам — или будешь расстрелян.

Да, это настоящее проклятие. Русские ведут минометный огонь с двух сторон. Если бы я мог передать тебе всю картину моего положения!

Когда эта адская война, куда мы брошены против своей воли, кончится — никогда не забуду этой ненависти к нашим офицерам. И в настоящий момент они лежат у себя в дотах и дают подобные приказания через своих посыльных.

Это у них получается легко и хорошо.

Самые тяжелые задания несут на себе младшие офицеры и рядовые солдаты...

19 сентября. Вчера я не мог закончить этого письма, так как русские вели сильный минометный огонь и ночная темнота приближалась. Ночь прошла довольно спокойно, не считая русского пулеметного огня, который беспокоил нас. Утром ходил за ке-росином...»

К письму сделано примечание:

«Указанное незаконченное письмо найдено 28 сентября 1941 года в бывших окопах противника, в районе вост. жел.-дор. моста Белоострова. Перевел переводчик Репонен...»

Какая все-таки поразительная, неизмеримая разница в отношении к войне у наших красноармейцев и у солдат врага! Вот что значит — мы воюем за правое дело, а они — как рабы, за дело своих господ. Уже в этом одном — наша победа!

Моряки не просто обороняются, их оборона — активная, почти каждые сутки они предпринимают мелкие наступательные операции, нападая на вражеские передовые части, участвуют во всех попытках взять белоостровский дот, подстерегают и уничтожают «кукушек»...

Как действуют морские пехотинцы, в чем именно активность их обороны, каковы боевые качества этих людей, в чем они ошибаются, чему учатся и чему научились в войне? Всё это нужно узнать!..

В балтийцах неистребимы морские традиции. Пехотную форму надевали они крайне неохотно, сейчас каждый хоть чем-нибудь в своей внешности хочет показать, что он моряк. То ремень

с якорем на блaxe наденет, то ворот так расстегнет, чтобы видно было тельняшку, то хоть звездочку краснофлотскую выделяет на своей шапке-ушанке. У спящего, прикрытого шинелью, нет-нет да и блеснет золотой галун морского кителя... На стенах «подземного дома» плакаты подобраны из балтийских: вот два краснофлотца закладывают снаряд в орудие линкора, и подпись: «Приказы Родины балтийцы выполняют, своим героизмом восхищая всю страну», вот два других краснофлотца, в морской форме, но в касках, опоясанные пулеметными лентами, оцетинили штывки, и подпись: «Прочь от Ленинграда!..» О кухне здесь говорят по-прежнему «камбуз». Позывные подразделений — «Линкор», «Якорь» и т. п. Большая обида и даже скандал были, когда однажды батальону дали сверху позывной «Таракан» — надо ж такое придумать!.. Папиросы и то обязательно требуют «Краснофлотские»!

«Корабельность» штаба сказывается и так: в углу — телефон узла связи с постоянно работающими там телефонистами, а ровно на два метра дальше, над изголовьем койки Трепалина, второй телефонный аппарат, специально для него, для комбата, чтоб не нужно было тянуться. На тумбочке у комбата — затейливая ваза с искусственными цветами. В штабе — кошка, ласковая, которую глядят все.

Каков командир, таковы обычно и его подчиненные. Не слышу я у этих балтийцев ни «приказательных окриков», ни раздражительного тона, — интонации у всех спокойные, ничто во взаимоотношениях, обостряющее нервы, не вмешивается в их быт.

А между тем батальон всего месяц назад пережил трагедию, которая при других взаимоотношениях могла привести его людей к полному упадку духа и вследствие этого к потере боеспособности. Семь дней, мучительно размышляя об обстоятельствах гибели своих товарищей, балтийцы приводили остатки батальона в порядок, обучали пополнение, снова вели бои.

Из чувства такта я не стал расспрашивать в подробностях о трагическом дне 13 сентября, люди хмурятся, вспоминая об этом дне, им не хочется говорить о нем. Придет желание — заговорят сами!

Но и без всяких подробностей я хорошо знаю: такое событие обычно наносит тяжелую травму всем, кто остался в живых. Здесь, однако, этого не случилось. Я говорил уже со многими командирами и краснофлотцами. Судя по их чистосердечным рассказам, могу утверждать: Трепалин, бывший тогда комиссаром, а после 13 сентября назначенный командиром батальона, сумел не только поднять дух бойцов, сплотить их, но и организовать боевую деятельность батальона по-новому. Он научил людей окапываться, маскироваться, создал группы разведчиков, наладил отличную связь, а главное — сумел развить в людях те качества, которые на военном языке называются чувством взаимовыручки и взаимоподдержки. Совмещающий теперь две должности — ко-

мандира и комиссара, Трепалин превратил батальон в крепко спаянный, слаженный организм, дружный коллектив храбрецов.

За месяц непрерывного участия в боевых операциях — с 15 сентября по 15 октября — батальон потерял только одного убитым и троих ранеными. Из подразделений, действующих на левом фланге Карельского перешейка, батальон считается сейчас самым дружным и боеспособным, и настроение в нем превосходное. Даже в землянках на первой линии всегда слышны смех и песни. Трепалин добыл для бойцов музыкальные инструменты, и в каждом взводе сразу же объявились баянисты, гитаристы и балалаечники... Тон разговоров в любой земляночке батальона веселый, дружеский, с усмешками и подшучиванием, — я слышу этот тон и в разговорах по телефону и в словах любого проходящего на КП бойца.

Этот тон прежде всех задает сам Трепалин.

Когда комбат смеется, глаза его сощуриваются, почти замуриваются, лицо становится юношески шаловливым, бесхитростным — тогда он самый что ни на есть простецкий парень. Когда он серьезен, ум и воля чувствуются в выражении вдумчивых, ясных глаз, обрамленных длинными ресницами.

В его ровном, с тонкими чертами, с большим, открытым лбом лице, в смелом взоре видны прямодушие и искренность. Он говорит так, как думает. Негромкий голос, спокойный тон — свойства человека, убежденного в своей правоте, уверенного в себе. Трепалин держится просто и человечно, дела решает так же спокойно, просто, глубоко продумывая их..

Кто такой Трепалин? До войны работал начальником цеха одного из ленинградских заводов. В начале Отечественной войны был назначен политруком стрелковой роты. Затем ему предложили перейти на флот. Он согласился, месяц — весь август — учился в Кронштадте в военно-политическом училище, а с 1 сентября был назначен комиссаром сформированного в этот день батальона морской пехоты и в бой пошел впервые в жизни. 13 сентября он по приказанию командира батальона командовал минометной ротой. В самый критический момент боя, когда были почти все командиры, он взял командование батальоном на себя, вывел уцелевших людей из-под огня, сам остался невредим случайно.

Весь день кипит работа в «кают-компании». Пищат и позванивают телефоны, трудится над картой, разложенной на втором огромном, освещенном электрической лампочкой столе, начштаба лейтенант Николай Никитич Карпеев; входят и уходят десятки людей — из боевых рот, из хозяйственного, саперного и прочих взводов; Трепалин выслушивает всех, разбирается в насущных делах, дает приказания, то пишет, то тянется к аппарату.

Из «кают-компании» есть запасной выход непосредственно на поверхность земли. Но эта дверь наглухо закрыта, и к ней приставлена кровать, на которой сегодня спал я. Другая — напро-

тив — дверь сообщает «кают-компанию» с расположенной за бревенчатым отсеком «командирской каютой». Она проходная, за ней огромный кубрик — казарма комендантского взвода.

Бойцы этого взвода меняются, в нем чередуются люди, приходящие как бы на отдых с первой линии, — простуженные, усталые, отдыхающие после боев. Вступая сюда с поверхности земли по узкому и глубокому, как штрек, срезу, проходишь тамбур — две двери, вступаешь в коридор этой казармы, образованный рядами нар, сделанных в два этажа. На опорных столбах этих нар — в безупречном порядке — оружие и амуниция бойцов. Коридор упирается в стену, перед которой образовано некое «клубное пространство» — с печкой и со столом. На столе газеты и брошюры, и над ним стенная газета батальона; статьи и заметки в ней выписаны аккуратным почерком, иллюстрированы цветными рисунками, карикатурами...

ОНИ ЯВИЛИСЬ ДОМОЙ...

3 ноября. Утро. Каменка

Ночь была тревожной и напряженной. Передали, что группа фашистов ворвалась в окопы стрелкового полка, которым командует Шутов, перебила взвод пехотинцев. Трепалин мгновенно привел свои роты в боевую готовность. По запросу Шутова послал один взвод вперед. Выяснение обстановки, распоряжения заняли у Трепалина чуть не всю ночь. Я всё слышал сквозь сон. Утром выяснилось, что пехота напутала, никакой взвод не уничтожен, а в одной из рот Шутова, в боевом охранении, двое заснули, фашисты подкрались и зарезали их, перебили несколько оказавших сопротивление бойцов, а потом попытались лезть дальше, но были встречены огнем и после перестрелки откатились. Минометная рота Сафонова осыпала их минами, но там, кажется, уже никого не было. А в неразберихе пехота чуть не перестреляла нашу же разведку.

Теперь готовятся к празднику, 6-го предстоит встреча с делегатами из Ленинграда, начнется делегатское совещание, приедет докладчик, выдадут подарки, будет концерт...

Шутов, оказывается, тот самый Иван Иванович, которого я хорошо знаю с сентября месяца, только теперь он уже не старший лейтенант и не комбат 461-го сп, а майор и командир 1025-го стрелкового полка, занимающего оборону под Александровкой. Этот полк сейчас — сосед морской пехоты, КП его находится здесь же, в Каменке. Надо будет навестить Шутова!..

Входят девушки — Аня Дунаева и Валя Потапова; едут в Осиную Рощу за выписываемыми из госпиталя разведчиком Георгием Иониди и истребителем «кукушек» Захариковым. Только собрались уехать, те являются сами. Бритые, веселые.

— Ну как?

— Всё в порядке, — смеется Захариков, — черепушка немно-
го... мозги там где-то показались, ну, заткнули их назад... А пулю
сам в бою вытащил!

Комбат отправляет Захарикова к врачу, чтобы тот установил
ему нужный режим.

Простреленная нога Иониди еще не зажила. Чтобы явиться
сюда из госпиталя, Иониди, оказывается, схитрил. Ссылаясь на
то, что ему очень хочется повидать жену, он упросил госпиталь-
ных врачей выписать его из госпиталя в отпуск, на побывку
к жене до полного излечения. Врачи посоветовались, пожалели
младшего лейтенанта, мечтающего после ранения хоть недолго
побыть с женой, подумали: уж в домашней-то обстановке жена
сама последит за муженьком, не позволит ему до выздоровления
«рыпаться» — и дали Иониди отпускной билет. На прощание
спросили:

— А в какой обстановке живет ваша жена?

— В прекрасной обстановке! — ответил Иониди. — По нашим
временам лучшей и пожелать нельзя!..

Иониди не обманул врачей, явившись на побывку к жене...
сюда, на передовую. Валя Потапова усмежается: «Что с ним по-
делаешь!»

Сапог на ноге Иониди разрезан и обмотан бечевкой. Комбат
приказывает выдать ему новые сапоги, но нужного, сорок треть-
его, номера здесь не оказывается, и комбат велит Иониди сейчас
же отправиться на попутной машине в Песочное, где находится
тыловой склад батальона.

Едва Иониди с Захариковым, сопровождаемые Валею и Аней,
ушли, в блиндаж явился высокий, коренастый, мужественный,
черный как цыган, с черной окладистой бородой главстаршина,
командир отделения, кандидат партии Николай Антонович Цы-
бенко. Держится он осанисто. В черной своей шинели, отлично
сшитой, похож скорее на адмирала, чем на главстаршину.

По тому, как его встретили, как дружески и уважительно с
ним заговорили, я сразу увидел, что он пользуется и любовью и
авторитетом среди товарищей.

— Ну как, Цыбенко, дела? Садись, рассказывай!

— Всё ничего, но, думаю, в случае чего, стрелять не из чего!
Но, думаю, в случае чего, я себе оружие достану!

— Не беда! Гостю не полагается!

— Ну, какой я гость!

И я узнаю, что, явившись вчера из госпиталя, Николай Анто-
нович Цыбенко привез подарки бойцам и уже хозяйственно —
именно хозяйственно — облазил весь передний край: всё ли
везде в порядке, как устроены огневые точки, кто как окопался,
кто по каким ходам сообщения и по каким кочкам куда лазает,
как маскируется и прочее, и прочее, — и всё это не по обязан-
ности, а просто так, чтобы знать, как, где и что в батальоне де-
лается. Украинец, он обладает грубоватым, но хорошим юмором,

донбассовский шахтер-коногон (работал в шахтах «Артем» и «Алчевское»), он положителен и в делах и в речах. Здоровенный, кряжистый, он покручивает черный ус, поблескивает черными веселыми глазами, очень спокойными, пронизательными. Он молод еще — ему тридцать один год от роду. Его тщательно пригнанная морская форма, три узкие золотые полоски на рукаве черной шинели и на рукаве кителя вызывают тайную зависть давно уже принявших пехотное обличье товарищей, они внимательно выслушивают всё, что говорит он, усмеваются его задору и неторопливо высказываемым шуточкам.

После ранения 13 сентября восемью пулями, когда уничтожил в атаке вражеское пулеметное гнездо, Цыбенко лежал в Ленинграде, в госпитале Военно-морской медицинской академии на улице Газа, врачи не хотели его выписывать, он всеми правдами и неправдами добился «отпуска на десять дней» и, получив его, сразу же явился «домой» — сюда, на передовую. Через десять суток он должен вернуться в госпиталь.

— Черт, неохота ехать туда уже! Чего там и делать? — И, подумав, добавляет: — Ну, правда, дело-то и там... Только кто-нибудь другой это, а не мне там!..

В госпитале при бомбежке возник пожар. Цыбенко, вместо того чтобы покориться санитарам, уносившим тяжелораненых вниз, сорвался с койки и в одних подштанниках, забыв о восьми своих ранах, побежал на крышу тушить пожар. Сейчас ему напоминают об этом, смеются, потом спрашивают, что же он сегодня делал на переднем крае.

— Ну всё, всё место узнал — болото, и где шли, когда меня хватануло, где вылезли из лесочка по-над этим рвом. Сейчас там позаложено, накат сделали; ну а тогда не было ничего...

И, вспоминая, как был ранен, повторяет любившуюся ему фразу:

— Ну просто он от всей души дал мне, не пожалел!

В ЧАС, КОГДА НАЧИНАЕТСЯ БОЙ...

8 ноября. 12 часов 30 минут

Пока разговариваем, в одной из рот опять начинается горячка, лезут фашисты, слышим частую пулеметную стрельбу, рев минометов. Трепалин не отрывается от телефона, спрашивает, дает приказания, потом посылает своего адъютанта вдвоем с краснофлотцем лично доставить мины туда, где в них сейчас обнаруживается острая нехватка. Цыбенко просится сопроводить их, как «молодых и неопытных». Комбат не разрешает: Цыбенко еще нездоров. Адъютант Ероханов и боец отправляются, мы слушаем гул,

Откуда-то звонит адъютант. Комбат, только что получивший от полка новую заявку для минометчиков, разговаривает с ним «кодовым языком»: куда сколько мин — к дороге — вынести, как охранять, где грузить на машину.

Кладет трубку и говорит мне:

— В общем сверху еще ничего не сказано, а я уже знаю — начинаем наступление на Александровку. Противник хочет к празднику нам «подарок» сделать — захватить Каменку, но мы не лыком шиты, сейчас сами им по зубам дадим!

Затем рассматривает позиции на карте, распределяет силы для предстоящей сегодня операции, в перерывах между телефонными разговорами решает хозяйственные дела, подписывает бумаги.

Возвращается от врача Захариков. У него шум в ушах, был момент слепоты. Комбат направляет его в Ленинград, на консультацию к профессору. Захариков упирается, но получает категорическое приказание. Потом в «кают-компанию» входит Иониди с бойцом; я замечаю, что один сапог Иониди — всё тот же, разрезанный. Иониди садится на скамью, бочком продвигается к углу стола, внимательно слушает телефонные разговоры комбата. Боец греется у печки, колет штыком-кинжалом лучину. А Цыбенко в «кают-компании» уже нет, — я и не заметил, как он исчез.

Комбата приглашают в штаб соседнего стрелкового полка, сообщив по телефону о предстоящей операции. Комбат кладет трубку, говорит: «Спохватились!» — и уходит. Вскоре приходит младший командир, докладывает комиссару:

— Товарищ комиссар! Велели передать, что вся музыка будет в четырнадцать ноль-ноль.

Сейчас — 13.00. Комиссар куда-то уезжает.

13 часов 15 минут

Пришел комбат. Через сорок пять минут несколько рот полка Шутова начнут наступать на Александровку. Приказано эту деревню взять. Батальон морской пехоты участвует в деле только своей минометной ротой. Трепалин, развернув карту, вызывает по телефону «Орел»:

— Куракин? Мехов? Как ваше здоровье, «доктор»? Сафонов, значит, от вас уже выехал? Кто у вас старший? Куракин? Вот его к телефону... Кто это говорит? Шамарин?

И если снять маскирующие выражения с иносказательного кодового языка Трепалина, то слова его звучат так:

«Кто это вам приказал всю роту сюда?.. Куракин? Подготовься к ведению огня в четырнадцать ноль-ноль по этому самому злополучному месту, куда ты ходил с орлами нашими четырнадцатого октября... Потом, правее, погранзнак номер двадцать пять — запиши, — и вперед, туда, немножко за речушку, вот тут у нас изгиб идет от реки Сестры. Туда... Третий район — знак номер двадцать три, левее дота, на реке стоит, влево и вперед...

И последний — это железнодорожный мост. Вы по нему уже били сотню раз... Четырнадцать ноль-ноль... У тебя что, часов нет? Сейчас — двадцать минут... Нет? Найти нужно... «Огурцов» сколько у тебя? Триста? Вот, рыбы дети, богатые, значит! Много не сыпь, не горячись, может быть, на половину рассчитывай... Как у вас, наблюдателя не успели туда послать? Сомика нету?.. В общем, там соседи, будет драка у Александровки. Фашисты, возможно, попытаются поддержать Александровку с фланга, тогда вы должны подготовиться, чтобы помочь в этом случае Сафонову, а он будет участвовать в драке. Вот так!..»

Заходит отлучавшийся куда-то Иониди.

— Что вы всё ходите?

Иониди улыбается:

— Я только до сто восемьдесят первого! Автомат мой нужно взять у них!

Иониди, прихрамывая, уходит из блиндажа.

Входит боец:

— Товарищ комбат! Пакет из штаба дивизии!

Передаёт конверт с сургучной печатью. Это приказ о наступлении на Александровку. Пищит телефон. Комбат берет трубку:

— Подготовились? Сначала куда навели?.. Подожди, у тебя ведь три «огуречника» действующих? Ты как их навел?.. Ага! Особое внимание уделяй тому, который на дот. Подготовь, чтоб из одного можно было сыпать побольше.

Вскрывает письмо. Читает... Глядит на часы. Расписывается, Боец уходит.

Сейчас 13.30... Начштаба спит — он лег в 7 часов утра.

...После этой записи я интересовался обстановкой начинающейся боевой схватки, рассматривал карту, наблюдал и слушал. Было бессмысленно записывать все разговоры по телефону, приказания, донесения — люди входили и выходили. Вскоре после начала боя резко усилился обстрел нашего расположения. Блиндаж наш моментами ходил ходуном, — глухо передавала земля содроганиями блиндажа удары разрывающихся кругом мин и снарядов. Последняя мина попала в сарайчик, пристроенный на поверхности к накатам нашего блиндажа, разбила стоящую там нашу «эмочку». А у нас перебита связь, потух свет. Сейчас горит маленькая лампочка от аккумулятора. Чиним связь. Только что вернулся адъютант комбата с сопровождавшим его бойцом. Увидев здесь Цыбенко (он недавно появился в блиндаже и сейчас спокойно отдыхает на нарах), сказали комбату, что Цыбенко был с ними, ехал с минами под жестоким минометным обстрелом, а потом под таким же огнем таскал ящики. И вот комбат журит Цыбенко, а тот, подсев к столу, степенно отшучивается:

— Вы меня и колом не сшибете — это раз... Они — молодые, а я охотник опытный — это два...

— А ящики таскал?

— Ну, там килограммов по пятнадцать всего!..

В действительности — ящики по сорок пять килограммов. И адъютант продолжает жаловаться:

— А там всё искорябано шквалом, весь снег черный, всё ходунном ходит... Только он от осколков не укрывается, товарищ комбат, ну ничуть!

Цыбенко степенно:

— А ящики разве можно оставить?

Ероханов:

— Где? На дороге?

Трепалин:

— На дороге можно!

Цыбенко:

— А привыкнешь оставлять на дороге — и в бою бросишь!

Когда на санях везли мины по дороге, а противник начал крыть из минометов по этой дороге и разрывы вздымались вокруг, Цыбенко встал на санях во весь рост и, накручивая вожжи над лошадью, запел украинские песни. Мины рвались в сотне и меньше метров. Раза три только, в самые жестокие минуты обстрела, Цыбенко останавливал сани, залегали в канаве, и тут он таскал ящики с саней в канаву, чтобы, переждав, снова погрузить их на сани.

ЧТО ЖЕ ПОЛУЧИЛОСЬ ПОД АЛЕКСАНДРОВКОЙ?

4 ноября. Утро

Ночь провел, как и вчера, на нарах, стиснутый тесно лежащими. Спал крепко. Бой за Александровку продолжался до вечера, ночью не прекращались пулеметная стрельба и ружейная перестрелка... Раз просыпался, выходил: луна яркая, красота леса — изумительная. Утром — солнце, снег блестит. Посмотрел на разбитую вчера «эмочку». В семи шагах от блиндажа нашего — навесик. Мина упала у самой машины, изломала ее всю, смяла колесо, изрешетила крылья, подножку, кузов, сорвала капот, пробила радиатор, картер. Машина из строя вышла.

Умываемся снегом. Сегодня бойцы идут в баню.

15 часов

Побывал в 1025-м стрелковом полку, на командном пункте его командира Шугова, и во 2-м арtdивизионе, у Корнетова. Выяснил всю картину боя за Александровку.

Мороз. Яркое солнце, сверкающий снег, заснеженные деревья. Огневые налеты — минами.

Операция по взятию Александровки не удалась, получилась лишь разведка боем: уточнены данные об обороне врага, о линиях его заграждений, вскрыты огневые точки. Минометами Сафонова рассеяна колонна пехоты, шедшей из Соболевки. 2-м арtdивизионом подавлена минометная батарея в местечке «За Роцей».

4-я батарея лейтенанта Дубровского «успокоила» минометную батарею левее церкви в Александровке. Весь бой продолжался до ночи.

Тем временем враги полезли в наступление на левом фланге у погранзнака № 15, форсировали реку Сестру и сегодня утром вклинились в нашу территорию силами примерно до двух рот. Развитие этого наступления грозит ударом с левого фланга по Белоострову, занятому частями Краснокутского. Фашисты к часу дня пытались окопаться на достигнутом ими рубеже. Наша задача — воспрепятствовать этому и выбить их обратно за реку Сестру. В действиях принимают участие артиллерия и минометы. Бой с утра возобновился. От блиндажа, в котором я нахожусь, хорошо видна Александровка, у которой тоже ведется бой. Слышны всё время — вот уже вторые сутки — пулеметная стрельба, грохот мин, изредка артиллерийские залпы. Если фашистов не удастся быстро оттеснить за реку, положение наше останется сложным, ибо есть непосредственная опасность и для Каменки. Это учитывается. Командир дивизии ведет сейчас совещание с командирами полков, и мы ожидаем, что к вечеру наша задача будет выполнена. С правого фланга к вражескому клину перебрасывается подразделение 1025-го стрелкового полка под командованием капитана Полещука, а с левого фланга подтягивается подразделение полка дивизии народного ополчения.

Противник вчера и сегодня пускает в ход самолеты. Три разведчика, развернувшиеся для штурмовки, прошли над нашими минометчиками, но, не обнаружив их, ушли. Гул самолетов слышен всё время: летают наши и вражеские. Наши уже пикировали в районе Александровки. Фашисты вчера осыпали Каменку не только минами, но и снарядами дальнобойной артиллерии. По Каменке снег повсюду взрыт. Я ходил, выбирая новые тропинки между воронками.

БЕЛООСТРОВ И КАМЕНКА ПОД УГРОЗОЙ

15 часов 30 минут

Комбат звонит Сафонову, спрашивает, как у него дела. Сафонов находится в ведении капитана Полещука, заместителя Шутова, и должен быть готов к решительным действиям.

— Как у тебя с «огурцами»? Имей в виду, чтобы в решительный момент не остаться без мин. Всякие нормы снимаются, потому что дело серьезное. У меня машины с «огурцами» стоят наготове — требуй заранее, как только понадобятся. Тебе нужно иметь и вторую позицию, потому что может возникнуть такой момент, когда тебе понадобится сыпать вовсю, а они в тот момент будут по тебе сыпать, и тогда без второй позиции у тебя ничего не выйдет!..

Вбегает адъютант комбата, краснофлотец Ерôханов, краснощекый, оживленный:

— Товарищ комбат! Ваше приказание выполнено, боеприпасы доставлены!

Трепалин названивает:

— «Остров»! Пахудкий? У тебя там слева имеются люди? Сколько человек? Там передай своим ребятам, что примерно к этому месту слева будут подтягиваться люди. — И, снизив голос к шепота, добавляет: — Кировцы. Понял? Так чтоб не приняли за чужих... Вот и всё!

Кировцы — это полк Кировской дивизии народного ополчения, обороняющий Сестрорецк. А «островом» называется язычок леса на болоте, выдвинутый узкой полоской во вражеские позиции западнее Белоострова, — наш плацдарм, простреливаемый насквозь, но обороняемый балтийцами столь крепко, что фашисты, решив: «Раз там «черные», то не стоит туда и соваться», оставили попытки взять его штурмом.

Перед обедом комбат, комиссар, мы все, и я в том числе, приготовили и проверили ручные гранаты, ибо положение Каменки еще более усложнилось. Обедаем. Комбат усадил обедать и пришедшего командира второй роты Шепелева. Тот, жуя, спрашивает:

— Товарищ комбат, расскажите, что там на «острове» происходит?

— Драка.

— Драка?

— Самая настоящая драка, так что приготовьтесь. В одном месте у них не выйдет — могут к вам полезть.

— Ну что ж! Получится у них то же самое!..

Пока я записывал это, Трепалин звонил: приказал приготовить санитарную машину, санитарок, медикаменты, всё — быть наготове.

Только что явился санитар, докладывает, что прибыл на машине, в полной готовности. Комбат подробно объясняет ему по карте, где можно ожидать раненых, как только разгорится решительный бой, говорит, что положение серьезное, и указывает, куда сейчас выехать с машиной, по какой дороге ехать, где стоять, как и куда эвакуировать раненых, если они появятся. Вся «петрушка» должна происходить примерно в восьмистах — тысяче метрах от нас.

17 часов 30 минут

Выходил из блиндажа, — уже стемнело. Свист, — через мою голову стреляет наше орудие. Проходя по коридору нашего подземного дома, вижу: краснофлотцы в полной боевой готовности, с гранатами за поясом, делят на квадратной доске сахар, разложили его кучками, в шахматном порядке,

Фугасный снаряд разорвался около бани — дом горит. Второй — по землянке клуба. Третий — где-то правее... Четвертый, пятый...

Пьем чай. Бьют и бьют. Вбегают боец:

— Товарищ комбат! Шалаши горят рядом с нами!

Трепалин быстро:

— Гасить надо, а то корректировать будет по ним, сюда!

Бьют зажигательными. Шалаш, где стояла машина, и соседний, прямо над нами, поверх наката нашего блиндажа, горят.

— Там патроны и гранаты! Нельзя подойти — сейчас взрываться начнут!

— Тогда не подходить!

Командир 2-й роты Шепелев спокойно:

— Если гранаты РГД, ничего не будет. Патроны взорвутся, а гранаты — ничего...

— А кто знал, что здесь боеприпасы? — спрашивает Трепалин, обводя взглядом присутствующих. — Народу-то нет там? А то патроны сейчас начнут трещать... Кто положил здесь боеприпасы?

Выясняется, что в шалаше над нашими головами — склад гранат и патронов, привезенных для распределения по ротам.

— Если с запалами, — утешает Трепалин, — то сдетонирует. Взрыв знаете какой будет? Ого!.. Все мы вместе с блиндажом взлетим к черту!

Бьют и бьют. А нам выйти нельзя, мы как в ловушке, — ждем: будет взрыв или не будет?

— Он в двух местах зажег — там, дальше, и здесь!

— Он тут хорошо дал — у самого входа, метров десять. Люди были в кино... Прервалось... — говорит боец.

— Он хочет дома зажечь, а по ним ориентировать обстрел сюда.

У нас сидит лектор, приехавший перед самым налетом тяжелыми читать доклад. Мы пьем чай. Слышно, как рвутся патроны, всё сильнее и чаще...

— Давайте доклад начинать! — решительно объявляет Трепалин. — Шалаши завтра же пошвыряем, давно надо было скинуть их!..

Докладчик перешел в соседнюю половину блиндажа, к краснофлотцам, начал доклад. Его голос доносится из-за стены. Там все собравшиеся краснофлотцы слушают его. А здесь нас восемь человек: комбат, комиссар, начальник штаба, адъютант комбата краснофлотец Ероханов, лейтенант Шепелев, связист, боец и я. Сидим за столом. На столе крошечная электрическая лампочка от аккумулятора. Связь пока работает. Шепелев тянется к телефону, вызывает «Шторм»: «Скорнякова дайте!» Разрывы продолжают бьет и бьет. В блиндаже у нас разговоры — о самолетах, о Маннергейме, о боевых эпизодах, каждый вспоминает. Все воз-

буждены ожиданием: будет взрыв или не будет? У меня мысль: вот если рванет сейчас, то и оборвется тут моя запись... Шепелев весело рассказывает — глаза блестят, — как над ним летало четыре немецких самолета и как он хотел их подбить, но не успел...

18 часов 45 минут

Всё тише. Хижины горят. Обстрел теперь редкий. Беседы продолжаются. Доклад окончен, аплодисменты. Входит парень в ватнике, из тех, кто слушал доклад, обращается к Иониди, который тоже только что вошел вместе с Цыбенко, прослушав доклад. Этот парень давно просится в разведчики. Иониди:

— Ну что ж, товарищ комбат!.. Вы человека знаете! Я — не знаю. Значит, по вашей рекомендации!

Иониди подзывает парня. Тот подходит, очень спокойный.

— К нам хочешь идти?

— Да.

— Знаешь, на что идешь?

— Знаю.

— Ну хорошо... Тогда дней десять подзанимаемся, у нас — группа.

— Я и то занимаюсь уже... топографией. Сам.

— Это хорошо. Но мы еще, специально. Какого года рождения?

— Тысяча девятьсот двадцать шестого года!

Паренек — фамилия его Дмитриев — уходит.

В той половине блиндажа кроме лектора, оказывается, дожидается начала концерта бригада артистов. Они приехали вместе за несколько минут до обстрела. Не сговариваясь, им никто ничего о пожаре наверху не сказал, чтоб их не встревожить. Теперь, когда патроны уже все повзрывались, ясно, что с гранатами обошлось. Мы обсуждаем: очевидно, попросту выплавились.

КОНЦЕРТ ВОПРЕКИ ОБСТАНОВКЕ...

Мы все переходим, кроме связиста, в ту половину блиндажа, где начинается концерт.

...Я среди артистов и краснофлотцев. Это бригада артистов Дома Красной Армии, приехали из Ленинграда. Группа А. Зильберштейна. Начальник бригады — Беатриса Велина. Весь наш «трюм» забит людьми. Нары заняты сидящими до самой стены. В руках краснофлотцев автоматы, винтовки. На стенах висят каски, снаряжение, амуниция. Девушки-артистки в котиковых шубках. Несколько девушек переодеваются в темноте, на нарах, завешенных плащ-палаткой. Тьма, потому что перебиты провода. Начальник связи пытается исправить свет. Пишу в полутьме — горит только одна «летучая мышь». Сажу у самой стены, рядом — Иониди, а с ним — девушка, переодевшаяся в белорусское нацио-

нальное платье, дальше — баянист, играет. В углу прохода остается два-три квадратных метра пространства. Это и есть, так сказать, эстрада. За ней — печка-временка...

Вот зажглась электрическая лампочка, вдали, у выхода, осветив висящую выстиранную тельняшку. Сегодня все ходили в баню, и последняя очередь не домылась, так как начался обстрел, а теперь уже и нет бани — сгорела.

Все сидят молча, слушающая баяниста. Девушка напеваает, разглядывая висящие позади меня на стене котелки, заплечные мешки, каску, потом — винтовку, подвешенную горизонтально, по бревну потолка.

Разрывы снова слышны близко...

20 часов 30 минут

Вспыхнул ослепительный свет — большая электрическая лампочка. Шесть девушек вышли надушенные, напудренные. Стали у стенки. «Левобланговая» уперлась в мои колени — тесно. Правая выступила на шаг, начала декламировать «Письмо матери». Она в красных туфлях, коричневое платье в талию...

Другая выскочила в узкий коридор между нарами, сплошь занятыми сидящими краснофлотцами. Стремительно пляшет «русскую». Наконец, смеясь, — «не могу, товарищи, тесно!» — чуть не валится на руки моряков.

Теперь артисты Таня Лукашенко и Олег Гусарев исполняют сцену из «Правда хорошо, а счастье лучше».

— Я тебя полюбила... — произносит она.

А с другой стороны блиндажа доносится голос связиста:

— «Якорь» слушает...

— Как бы я расцеловала тебя!

А от узла связи голос:

— Тремя? А куда?.. В голову?.. А вынесли его?.. Повезли?..

Бойцы слушают артистов увлеченно, с улыбками, цветущими на лицах.

...Теперь артистка Бруснигина читает рассказ «Сын» Юрия Яновского, читает хорошо, и я украдкой вижу: комроты два Шенелев тщится скрыть выступившие на глазах слезы и опасается, что кто-нибудь это увидит.

Отмечаю: никто, ни один человек, не курит.

И вот артист Корнев поет «Шотландскую застольную» под аккомпанемент баяна.

И томительно, и странно, и весело, и грустно всё это слушать и задумываться о том, где ты находишься, в какие дни, в какую минуту. Встает передо мной огромный город, озаренный и сейчас, конечно, тусклым багрянцем пожаров, — мой Ленинград. И таким нелепым кажется, что вот в километре — в полутора километрах отсюда враг, и что нам сейчас угрожает опасность, когда так прекрасен, даже исполняемый на баяне, Бетховен, и

что вот эти девушки-комсомолки, оживленные, веселые, должны будут сейчас ехать во тьме, на грузовике, под обстрелом...

Я несколько минут назад тихонько расспрашивал Беатрису Абрамовну Велину, начальницу этой бригады, об их работе. Шесть присутствующих артисток и шесть артистов, почти сплошь комсомольцы и комсомолки, студенты Театрального института и Консерватории. Бригада называется «молодежной», работает с 28 июня, дала уже сто девяносто концертов по Западному и Ленинградскому фронтам, совершила десять рейдов на своей агитмашине. Были за Лугой на аэродромах, были в Выборге, в Кексгольме, на Ладожском, объехали весь Карельский перешеек, позавчера были на крейсере «Максим Горький». Попадали под бомбежки, под минометный огонь, получали по машине пулеметные очереди, но все живы-здоровы...

...Концерт кончился в десять вечера. Разрывов вблизи не было. Артисты уехали.

ЧТО ПРОИСХОДИТ НА ЛЕВОМ ФЛАНГЕ?

22 часа 40 минут

Опять слышна стрельба. Кажется, бьют наши. Бой идет. Сколько фашистов переправилось через реку Сестру, пока неясно: всё происходит в кромешной тьме. Надо не дать фашистам закрепиться, создать на нашем берегу плацдарм, надо парализовать удар, угрожающий и Белоострову и Каменке. От Каменки на подмогу подразделению 1025-го стрелкового полка (капитана Полещука) брошена рота Мехова — 1-я рота батальона морской пехоты. Она с ходу включилась в бой. Сейчас положение таково: на участок, захваченный фашистами, с трех сторон движутся три наши группы, но одна из них — группа Полещука — пока не находит дороги, а другая почему-то задерживается, то есть точное местонахождение этих групп неизвестно, ибо связи с ними нет. Трепалин обсуждает это за картой. Затем посылает машину с где-то раздобытым бензином к своей санитарной машине, стоящей без горючего. Заодно посылает мины Сафонову. От Сафонова бензин повезут на санях.

Нам принесли газеты. Все читают. Враг опять кладет мины из тяжелых минометов вокруг нас. Свет мигает. Входит боец, говорит, что мины легли позади блиндажа, рядом, связь с «Костромой» порвалась.

Ровно полночь

За это время прошли к месту боя два танка. Все сидят в напряженном ожидании. Связи с ротой Мехова нет, и никак ее не восстановить. Последний бензин где-то плутает, а мины не взяты, Полещук со своей группой заблудился.

5 ноября. 0 часов 30 минут

Новые сведения — вернулся старшина Дегтярев («Сколько раз обстрелян был, — усмехается Трепалин, — шинель вся в дырках, и всегда охотно едет!»), оживленный, с мороза, докладывает: — Мины доставил, сбросил Сафонову. Бензин доставил к месту.

Мехов с двумя взводами своей роты прошел цепью до самой Сестры. Фашистов не оказалось. Он прочесал весь участок, вернулся. На обратном пути, в темноте, его обстреляли. Видимо, свои — справа (подразделение 1025-го полка?). Трех ранило: двух — легко, одного — тяжело. Сейчас Мехов вновь идет вперед, прочесывая вторично.

Фашисты ушли за реку Сестру? Это предполагается потому, что слева подтянулись кировцы и вошли в соприкосновение с центром. Справа у Сестры заняла позицию рота 1025-го. Больше фашистам деться было некуда. Когда по ним стали бить минометы и пулеметы, а Мехов пошел в наступление, они отступили.

Сразу голоса у всех повеселели. Трепалин стал разговаривать с обычной усмешечкой. Ругает 1025-й:

— Я бы на них в атаку пошел!

1 час ночи

Время от времени в расположение Каменки ложатся снаряды дальнбойной артиллерии. На дворе луна, в дымке. Пахнет гарью. Пора спать.

Трепалин рассказывает байки:

— Как-то минометы Сафонова били за Белоостров по вражеским траншеям. Это было... Ну да, двадцать шестого октября это было... Фашисты метнулись назад в лес. Сомик и Гоценко корректировали, сообщили: «Перенести огонь дальше!» Фашисты — обратно к траншеям. И так — дважды. Вдруг связь прервалась, и минут пять ее не было. В чем дело? Сомик и Гоценко отвечают: «А мы смеялись! Те, как мыши, мечутся!» Бросили трубки и, лежа, катались от смеха... Это было в сорока метрах от вражеской траншеи. Сафонов возмутился. Ему был слышен шум, а что — не понять. «Сомов, Сомов, Сомов, в чем дело?» А Сомов молчит. Оказывается, как школьник, от смеха катался!..

7 часов 30 минут утра

Ночью, просыпаясь, несколько раз слышал голос Трепалина — разговоры по телефону.

В 7.20 будят начальника штаба, спящего рядом со мною: комбат зовет. Я встаю тоже.

За столом комбат, телефонистка, начальник связи; против стола двое раненых. Один — в белом маскхалате, испачканном грязью и кровью, с перевязанной левой рукой. Второй — шинель внакидку, тоже перевязана левая рука. Рассказывают: Мехов

часа в четыре утра убит. Командир взвода Москалец — тяжело ранен. Там, куда ходил в первый раз Мехов (дошел до реки), фашистов не оказалось. Но часть их автоматчиков затаилась где-то в углу, и когда Мехов пошел прочесывать второй раз, наткнулся на них.

Раненые большей ясности в обстановку внести не могут, поэтому комбат посылает туда комиссара и начштаба на санитарной машине (подъехавшей к нашему блиндажу), вместе с ранеными доедут до Дибунов, а оттуда — на санях.

Все выходят сразу же. Трепалин и я умываемся под дёрвьями. Медленно рассветает, еще сумеречно. Резко щелкают выстрелы наших орудий, и снаряды, свистя, пролетают над головой. Слышны частые пулеметные очереди.

Комбат печален: Мехов убит, и потери ранеными. Ждем донесений. Комбат не спал почти всю ночь.

С комиссаром и начштаба уехал и старшина Дегтярев. Пришел Иониди. Адъютант режет хлеб, наливает суп. Комбат вскрывает пакеты, принесенные связным. В помещении тихо.

Доносится гул разрывов. Опять пищит телефон, и комбат отвечает:

— «Аврора» слушает!.. Товарищ Елинский, у вас там двое раненых было... Вы их отправили?

Не отрываясь от аппарата, он следит за всеми изменениями обстановки, проверяет работу своих подчиненных, распоряжается, дает приказания — и все это устало, но очень спокойно, не повышая ровного голоса.

10 часов утра

Только что вместе с Иониди осматривал пожарище — рядом с нашим блиндажом и над ним. Почва еще дымится, хотя и присыпана свежим снегом. Здесь и кругом — покореженные, выплавившиеся ручные гранаты, металлические части противогазов, изуродованные гильзы взорвавшихся патронов и прочий горелый хлам. Плохо было бы нам, если б гранаты вчера взорвались! Нашел обгорелую каску, внес ее в землянку, — ее можно исправить, у моряков не хватает их.

Комбат лег спать, наговорившись по телефону с начальником штаба. Бой продолжается. Орудийные выстрелы наши редки, но методичны. Слышатся пулеметная трескотня, взрывы мин. Командир взвода Москалец, оказывается, ранен в лопатку осколком мины. А политрук роты ранен на днях. Ротой сегодня командует замполитрук Педин.

Ероханов, поглядывая на спящего комбата, приводит в порядок «буфет». Потом, разбирая заготовленную для отправки в роту почту:

— Мехову письмо есть... от жены, наверно!..

Разбирает дальше:

— Москалец... Вот он приедет, ему надо будет отдать.

Я спрашиваю Ероханова:

— А он не отправлен еще?

— Нет, он там лежит — впереди...

Узнаю о Мехове: зовут его... — нет, звали его — Николай Иванович. Кандидат партии. Главстаршина флота, 1908 года рождения. Командиром роты стал в октябре. Москалец — Андрей Антонович, кандидат ВКП(б), 1918 года рождения, краснофлотец, командир взвода, назначен на этих днях.

Приносят «лично командиру» координаты минометных батарей. Будим комбата.

Ероханов говорит мне:

— Цыбенко настоял на своем все-таки — его в разведывод зачислили!

Едва Трепалин заснул, с бронепоезда спрашивают координаты минометных батарей. Ероханов выразительно махнул рукой:

— Опять будить?

Но все-таки будит!

15 часов 45 минут

Комбата недавно вызвали в штаб 1025-го полка на совещание командования. Комиссар и начштаба все еще не вернулись и остаются обедать у Сафонова. Я сегодня должен бы уезжать в Ленинград, но надо подождать до конца боевых действий на здешнем участке, чтобы обработать весь материал для ТАСС. В нашем расположении сейчас тихо. На левом фланге бой, видимо, разгорится до крупных масштабов. В нем, возможно, примут участие танки и самолеты. Если действительно так, то останусь до завтра.

Только что несколько гитлеровских «фоккеров» кружились над нами, ушли.

Фашистов, перешедших Сестру, оказывается — батальон. Но он окружен нами, а тыл мы отсекаем огнем. Точных сведений обо всем в нашем блиндаже пока нет. Начсвязи рассуждает о Фаратее и о Максвелле. Лейтенант Воронков — об атомном ядре. Иониди уходил — вот только что вернулся. Приехавший из Ленинграда краснофлотец рассказывает, что ночью бомбили Ленинград, попало в Финляндский вокзал, в Военно-медицинскую академию. Перебита линия железной дороги, поезда в Дибуну не ходили до утра. Радио передавало, что Америка предъявила ультиматум Финляндии о заключении мира с СССР.

Вот бы!.. Обсуждаем все это...

В ПУЛЕМЕТНОМ ГНЕЗДЕ

5 ноября. 20 часов

Когда Иониди ушел, сказав, что «надо поработать с разведчиками», в командной половине блиндажа я, в сущности, остался один, потому что замещающий комбата Волков непрерывно

висел на телефоне, слушая и пытаясь разобраться в обстановке. Мне показалось ненужным сидеть здесь, когда весь центр событий, относящихся к батальону, переместился туда, на левый фланг его, в 1-ю роту, ведущую бой. В три часа дня оттуда пришел Ероханов за биноклем и какими-то бумагами Трепалина, я спросил его:

— Вы сейчас опять в роту?

— Ага, туда, комбат там, — ответил он.

— Проведете меня туда? — спросил я.

И он ответил:

— А чего ж?.. Пойдемте. Тут недалеко. Только... — Он глянул на опоясывающие меня ремни: — У вас, товарищ командир, оружия нету?

Пистолета у меня действительно не было: в середине августа, уезжая по вызову Политуправления из Петрозаводска, я должен был сдать выданный мне в Ухте пистолет — там оружия не хватало. С тех пор получить личное оружие мне было негде. Иногда я брал с собой только две ручные гранаты.

— А у меня вот гранаты есть! — кивнул я на сумку с двумя гранатами, висевшую на стене.

При этом я подумал, что, по сути дела, мне вовсе не обязательно идти туда, где они могут понадобиться. Но такие нечаянно возникающие мысли я уже давно привык подавлять в себе, а потому, быстро надев шинель, опоясавшись поверх нее ремнями, я вышел с адъютантом из блиндажа. Мы сразу же вступили в глубокий ров, присыпанный свежим снежком, и по мерзлым комьям земли пошли быстрым шагом.

Ров проходил по лесу, от него отвлевались ходы сообщения. Мы миновали несколько землянок и блиндажей, перед которыми стояли в укрытиях часовые. Они наклонялись ко мне, и я, не сбавляя шага, вполголоса произносил сообщенный мне адъютантом пропуск.

— Теперь вправо, сюда! — сказал мне Ероханов, из вежливости к старшему командиру шедший сзади. — Теперь поглядывать надо!..

Направо был ход сообщения глубиной мне примерно по пояс. Лес поредел, — это была опушка, за которой вперед простирался тоненький молодячок вперемежку с кустарником. Вся местность тут была изрыта ходами сообщения и траншеями, в которых не было никого, и я шел в их лабиринте, поворачивая по указаниям моего спутника то влево, то вправо. Ожесточенные шквалы разрывов теперь слышались громко и — казалось мне — всюду вокруг. Но впереди, левее, там, откуда доносилась частая чечетка пулеметных очередей, мины рвались с особенной густотой, как будто лопающиеся волны какого-то металлического прибора. Только по ним и можно было определить направление, — ходы сообщения в кустарнике так перепутались, что найти здесь нужный мог только человек, излазивший их все и давно изучивший их.

— Можно бы идти левее, по опушке, — сказал Ероханов, — да там больно далеко!.. Ничего, болото теперь замерзло!

Небо, сумрачно-серое, уже набухающее вечерней тьмой, озарялось здесь и там сполохами: со свистом, волнуя воздух, казалось шурша в нем, над головой проносились снаряды наших дальбойных орудий.

— Бронепоезд Андреева старается! — заметил мой спутник, когда мы пересекли насыпь железной дороги. — Вон оттуда, из-под Дыбунов! А это — корнетовский.

Свист снарядов Корнетова был гораздо хлеще и тоньше, и я начинал разбираться во всей этой музыке. Дальше мы шли молча. Я разглядывал разбросанные невдалеке разбитые и прогорелые здания Белоострова, а потом, споткнувшись, следил, чтоб нога моя не подвернулась на беспорядочно нагроможденных комьях земли. Мы вышли в траншею, в которой каждые три — пять метров были по брустверу нарыты ячейки, в них с винтовками, обращенными в сторону врага, лежали бойцы в шинелях, но не стреляя. Какой-то притулившийся на ящичке командир хотел остановить нас, но, узнав адъютанта комбата, только сказал:

— Ходишь, ходишь, нет того, чтоб бутылочку занести!

— А вы к нам приходите, найдется! — весело ответил Ероханов, и мы прошли дальше, мимо низких землянок, в которые можно было забираться только ползком.

Сразу за землянками оказалось открытое место, и тут я почувствовал близкий, шелестящий свист пуль.

— Да вы пригнитесь, пригнитесь, товарищ командир! — торопливо крикнул сзади Ероханов. — Это же нас заметили!

Я сразу пригнулся, глянул вперед — далеко ли еще тянется открытое место? До кустарников было не меньше ста метров. Оглянулся на адъютанта — он присел на корточки. И в тот же миг, не свистя, а надсадисто воя, позади и чуть в стороне, рванула, разрываясь, мина, сразу за ней вторая, третья... Мы оба распростерлись плашмя. Комья мерзлой земли застучали вокруг вслед за взвизгнувшими осколками.

— Не зацепило, товарищ командир? — услышал я голос.

— Нет, проехало... А вы как?

— Ничего... Теперь даст он жару... Позагорать тут придется...

Еще три мины разорвались недолетом, и я подумал, что в ход сообщения врагу не попасть, потому что — узкий, а земля и осколки перелетают поверху. И только подумал — две из трех следующих мин взрыли самый ход сообщения, там, впереди, вместе с брызнувшими веточками кустов. Ероханов крепко выругался и добавил:

— Пожалуй, лучше было леском идти!

Я сказал:

— Ничего, два раза в наш ход ему не попасть!

И в душе выругал Ероханова: какого, в самом деле, черта он не повел меня по лесу?

Еще три или четыре залпа грохнули вокруг нас, потом все вблизи замолкло, а когда услышали новый шквал, но уже рухнувший метрах в двухстах позади, по опушке, поняли, что враг перенес огонь, и ползком поспешили вперед, к кустам, пригнувшись, перескочили через две свежие воронки. Тут в кустах со стороны врага нас трудно было заметить. Ход вывел нас в глубокий окоп с низкими нарами, населенный бойцами морской пехоты.

— Комбат здесь? — живо спросил Ероханов, сунув голову в низенькую дверцу дзота, откуда пахло теплом и табачным дымом.

— Ушли они. К минометчикам! — отозвался кто-то. — С комиссаром вместе! Скоро воротятся, сказали!

Кругом в мрачноватом предсумеречье перекатывался треск винтовок и автоматов. Я, отряхнувшись, пролез на четвереньках в дверь дзота. Ероханов влез за мной, оглядел скорчившихся под низким накатом, сидящих на нарах бойцов, нюхнул махорочный дух, сказал: «А ну, у кого есть бумажка?» — и, приняв на ладонь горсть сунутой ему махорки, торопливо свернул сигарку. Затянулся два-три раза, отдал недокуренную сигарку тому, кто его угостил, и, кивнув мне: «Вы тут, товарищ командир, посидите, а я сейчас...» — выбрался из дзота. Я понял, что он уходит искать комбата.

Я провел часа полтора в этом дзоте со станковым, глядящим в щель амбразуры пулеметом, за которым, не отрываясь от всего, что было в поле зрения, полулежал пулеметчик Васильев. Такой же усталый, как и все, с лицом землистым, небритым, но очень спокойным и даже, я бы сказал, равнодушным.

А в поле зрения было следующее...

Окоп, как и все, зигзагообразный, в котором я находился, был правым флангом расположения роты. Самой роты, за исключением пулеметных заслонов, нескольких мелкокалиберных минометов и небольшого количества людей, здесь не было. Она находилась впереди, на занесенном снегом кочковатом болоте с торчащими кое-где кустами да пнями старой порубки. Болото простиралось до хорошо видной отсюда реки Сестры, отделенной от нас только чуть выдающейся дорогой. Залегшая за дорогой у минного поля рота находилась, надо сказать, в положении очень тяжелом, даже критическом. Бойцы лежали за пнями, за кочками и в воронках, не смея подняться: во всякого, кто приподнимал голову, сыпались пули. Фашистские автоматчики простреливали продольным огнем все поле. В свежевырытых ячейках они залегли впереди, вдоль самого берега, в углу, образованном излучкой реки (на участке у погранзнака № 16), — там их скрывал кустарник. Между передовыми моряками и фашистами было не больше двадцати — тридцати метров, поэтому наша артиллерия по фашистам бить не могла, рискуя накрыть своих. Враг сыпал из-за реки минами и снарядами, которые разрывались здесь, во-

круг блиндажей роты, а также впереди и позади нас. Я видел впереди себя убитых и видел раненых, которые не могли выползти назад, потому что мгновенно попали бы под автоматную очередь. Некоторые все-таки ползали, обрушивая на себя огонь автоматов и минометов. Все пространство передо мной было в черных пятнах от разрывов, и эти пятна после новых минометных шквалов на наших глазах умножались.

Фашистские автоматчики сами находились в положении безнадёжном. Уйти за реку они не могли, потому что моряки не давали им шевельнуться и наши пулеметы только и дожидались, чтоб кто-либо из фашистов высунулся. Минометы Сафонова, пославшие мины через наши головы, вздымали землю в тылу автоматчиков по самым берегам реки.

Обе стороны, понеся большие потери и уже осознав бессмысленность попыток атаковать противника, ждали в непрерывной перестрелке наступления ночи. Фашисты надеялись в темноте либо получить из-за Сестры подкрепления и, сбив нашу левую роту, ворваться сюда, либо поодиночке отступить за реку. Моряки также рассчитывали в темноте либо сразу сбросить фашистов в реку, либо отползти сначала в свои окопы, а затем, перегруппировавшись и получив подкрепление от стрелкового полка, вновь подобраться с флангов к фашистам, навалиться и уничтожить их. Где-то впереди среди залегших балтийцев находился и их командир — Педин, заменивший Мехова и политрука роты. Комбат Трепалин с комиссаром, побывавшие здесь, сейчас находились в стрелковом подразделении, организуя к ночи взаимодействие и подмогу.

Все здесь было наполнено трескотней и весьма противным свистом, воем и раздирающим воздух хлопаньем разрывов. Комья земли и осколки время от времени тарабанили по дзоту. Бойцы в нем находились в настроении тоскливого ожидания, были невеселы, молчаливы и прислушивались к доносившимся порой до нас стонам раненых.

Не отрываясь от пулемета, не поворачивая головы в низко надвинутой на лоб каске, изредка давая короткие очереди, Васильев объяснил мне, что вся эта «петрушка» получилась, мол, потому, что ночью, когда Мехов второй раз повел роту на прочистку, думая, что фашисты уже убрались за реку, то был внезапно обстрелян фланговым кивжальным огнем. Никто не знал, что фашисты засели здесь, у излучины реки, и они подпустили наших вплотную, не обнаруживая себя. Назад Мехову отходить было поздно — все оказались бы перестреляны, перебегая обратно дорогу. Мехов поднял бойцов в атаку, но был убит пулей в голову, пробившей каску навывлет. Все кинулись дальше, продолжая атаку уже под командой замполитрука Педина, но вынуждены были замечь.

— Так вот и ждем до вечера... Ночь-то — она все покажет!

Васильев указал мне кусты, где сидели фашисты, и я минут двадцать провел за пулеметом в ожидании, что покажется какая-либо цель. И, заметив в кустах шевеленье каких-то пятен, дал несколько очередей. Не знаю, уложил ли я кого-нибудь там, но чувство удовлетворения испытал полное...

Позже, вернувшись сюда, на командный пункт батальона, я выяснил, что роты противника, уничтожив во тьме наше боевое охранение, скрытно перешли вдоль реки Сестры от пограничного знака № 15, ближе к Белоострову — к погранзнаку № 16, и затаились там в углу, образованном излучиной реки. Подразделение капитана Полещюка (1025-го сп), заблудившись во тьме в болоте, не поддержало моряков потому, что в тот час не оказалось на назначенном месте. В действительности после первой «прочески» Мехов был обстрелян не «по ошибке подразделением 1025-го полка», а противником, засевшим именно там, где предполагалось местонахождение Полещюка. Получив от 1025-го полка неправильную информацию о местонахождении Полещюка (там находился противник), Мехов не выслал разведку и при вторичной атаке, уже перейдя линию железной дороги и шоссе, был убит фланговым огнем противника. Оба взвода его роты у минного поля были вынуждены залечь и, ведя перестрелку, лежать здесь до ночи. Подразделение 1025-го полка все это время, заняв позицию правее, ближе к Белоострову (дабы оборонять его с юга), также до ночи не могло бы подняться в атаку...

...Быстро темнело. Не дождавшись Трепалина, я перешел в землянку связистов и решил возвратиться в Каменку с первым же знающим дорогу попутчиком. Таким попутчиком оказался раненый связист стрелкового полка. Он был ранен в тот момент, когда его товарищ, боец Торощенко, разведывая с ним минное поле за насыпью железной дороги, первым вступил на него и погиб, взорвавшись на mine. Два осколка зацепили связисту плечо и руку у локтя. Прежде чем пойти в санбат, он взялся привести сюда от штаба полка саперов с миноуловителями.

По ходам сообщения, пригибаясь и припадая к земле, потому что с темной стороны усилили минометный огонь, мы двинулись — во тьме кромешной и непроглядной. И вот без всяких на сей раз приключений я оказался здесь, в блиндаже Трепалина, на прежнем месте, полный впечатлений. Пью чай, отдыхаю. Трепалин только что звонил, сказал, что «дела налаживаются», но что сам он задерживается, ибо сейчас пойдет в расположение 1-й роты, где и будет «до победного конца».

Каким уютным, спокойным и безопасным показался мне этот блиндаж, когда я пришел сюда, скинул с себя шинель, прогрел руки у печки-временки, раскаленной, как всегда, докрасна. И вот сейчас, сидя за столом, размышляю о том, как все чувства и мысли людей поглотило в наши дни одно только трудное, жестокое, но необходимое для спасения мира дело — война, которую мы ведем!

6 ноября. 11 часов утра

В 6 часов утра мина разорвалась у самого блиндажа, осыпав его весь. От разрыва мы все проснулись. Вырвало крюк из запасной двери, у которой я спал на кровати начальника штаба. Другие мины легли поблизости от блиндажа. Разбило наш умывальник. Часовой успел прыгнуть в щель и остался невредим. Обстреливают нас снарядами и минами во все остальное время изредка, но залпами. Вся Каменка снова в воронках, разметанный снег, черные пятна.

Сегодня в восемь утра — подъем, после предупреждения по телефону командиру караула: быть бдительным и в полной готовности. Все гранаты, розданные вчера, израсходованы.

Утром прошли мимо еще два танка.

Только что, в 11 часов, пришел комиссар. Сказал, что операция в целом не выполнена. Неуспех объясняется плохой подготовкой и неумением некоторых командиров ориентироваться в ночной темноте. Фашисты за реку Сестру не выбиты. Выбить их помешало второе минное поле, обнаруженное за дорогой. Частные задачи, возложенные на моряков, выполнены, некоторые из них, например работа минометчиков, блестяще. Наши хорошо укрепились за дорогой, окопались, зорко охраняют рубеж и корректируют огонь минометов. Комбат организовал и посылает сейчас разведку — с саперами и связистами, — лучших людей под командой командира пулеметного расчета Федотова и политрука Аристова. Идут пять моряков, четыре сапера и два связиста...

День

Измученный, черный от бессонницы, забот и усталости, пришел сюда, в блиндаж, на свой КП, комбат Трепалин, сразу лег спать, но выспаться ему не пришлось. Его разбудили, потому что в батальон явилась группа бойцов пополнения и Трепалин должен был произвести опрос каждого из этой группы.

После этой группы комбат и комиссар принимают «батальонную самостоятельность» — джаз под руководством Глазунова, состоящий из тринадцати человек. Сей Глазунов — краснофлотец, отличный стрелок и отличный саксофонист, а кроме того, еще и исполнитель «Яблочка». Все люди джаза собраны из взводов, занимающих оборону на самой передовой. Подготавливались к праздничному концерту в боевой обстановке, подготовили и сольные номера. В концерте будут участвовать и девушки-санитарки; Валя Потапова — петь соло и дуэтом с начхимом батальона исполнит «Парень кудрявый...»

Мы прослушали джаз и сольные номера, мне пришлось быть консультантом, а потом, когда программа была всеми одобрена, а музыканты и певцы ушли, явился краснофлотец Сметанин —

редактор «Боевого листка № 1» со своим ярко раскрашенным и тщательно выписанным чернилами листом бумаги.

В общем подготовка к 7 ноября идет полным ходом. В батальон приезжают делегаты от ленинградских рабочих, будут выступать во всех подразделениях и распределять подарки лучшим бойцам. С ответом выступят отличившиеся в боях краснофлотцы...

А вот только что приехал Захариков, он уже облазил весь передний край, подобрал отличную гравированную «финку». Пришел мокрый, усталый — сказывается слабость после ранения. Рассказал обо всем, что видел и вызнал, и сразу же, несмотря на уговоры никуда больше не ходить, а оставаться здесь на положении выздоравливающего и отдыхать, ушел снова.

Иониди, бродивший сегодня где-то на лыжах, сейчас отправился в первую роту сменить начштаба, который, несмотря на ангину, руководил там боевой операцией. Цыбенко тоже находится в 1-й роте.

Словом, раненых, выздоравливающих, больных в батальоне не сыщешь: все хотят воевать — и воюют...

В середине дня становится ясно, что хотя вражеские автоматчики за реку Сестру еще не выбиты, но осталось их очень мало, опасность прорыва фашистов миновала, не сегодня, так завтра последние автоматчики будут уничтожены. Позиции наши крепки, и попытка врага испортить нам праздник не удалась.

Собираюсь наконец в Песочное и оттуда — в Ленинград. Кстати, комбата и комиссара вызывает в Песочное командир дивизии на разбор операции. Вот и поедем вместе на грузовике,

НА ОБРАТНОМ ПУТИ

7 ноября. 18 часов. Песочное

Землянка редакции дивизионной газеты «В бой за Родину». Радио у нас нет. Ждем газет, выпрашивая соседей по телефону о новостях, но и соседи все только полны нетерпеливого ожидания... «Ленинградской правды» и вчера в Песочном не было, и сегодня — вот уже 7 часов вечера — газеты в Песочное еще не доставлены.

Вчера в дивизионной газете напечатаны две мои статейки, а в «Правде» от 31 октября — мой очерк «Мститель».

Сегодня утром был у комиссара дивизии, послушал его оценку всего происходившего на нашем участке фронта за эти дни, потом был у начарта. Артиллерия ведет огонь, завершая уничтожение группы прорвавшихся на наш берег Сестры фашистов.

От Ленинграда доносится гул, должно быть, город сегодня ожесточенно бомбят. А на нашем участке фронта необыкновенно тихо, бой 3—6 ноября несомненно сорвал затеянную врагом провокацию, и фашисты не рискуют предпринимать что-либо новое.

Общие потери наши в этом бою — сорок три убитых и сто два раненых. Фашистов убито гораздо больше, особенно минометами

Сафонова, работавшими, как всегда, прекрасно. В общем, неприятный «сюрприз», который готовили нам фашисты к празднику Октябрьской годовщины, не только им не удался, но и дорого обошелся.

Перед полночью. Песочное

Поздний вечер 24-летия Октября провожу в землянке, в одиночестве и в лютом холоде (печки нет). Пытаюсь привести в систему мысли мои о принципиальном различии между нынешним периодом войны и периодом, уже отошедшим в историю.

Было время, когда война взяла наших людей в оборот. То время прошло. Теперь они берут войну в оборот! В этом — огромная, принципиальная разница. В этом основное различие между двумя периодами Отечественной войны — прошедшим и настоящим. Гражданские по духу люди стали людьми по духу военными. Они берут в свои руки инициативу. Такие отступать уже не могут. Такие могут только наступать. И самое трудное для них — что их наступательный дух еще не находит исхода, что время для наступления еще не пришло, наступление еще только зреет, еще находится, я сказал бы, в «утробном периоде», название ему пока — активная оборона. Но эта активность не может не перехлестнуть за черту рубежей врага. Накопившись в объединенном одной идеей, умело организованном, набравшем опыта народе, эта сила неминуемо двинет его **вперед!**

СНАБЖЕНИЕ ИССЯКАЕТ

(Ленинград. 8—22 ноября 1941 г.)

8 ноября

В Ленинград приехал еще затемно. Дачный поезд остановился не там, где всегда, а метров за двести: Финляндский вокзал оказался разбомбленным, перрон был перегорожен. Пассажиры выходили на улицу через маленькую дверь служебного помещения — с давкой и воплями, потому что вокзальные умники не догадались открыть вторую, рядом.

Бомбы попали в ресторан и в кассовый зал. Стены со стороны перрона обвалились. Случилось это дня за три до моего приезда. Неподалеку от вокзала совершенно разрушенным оказался небольшой деревянный дом.

Усталый, после бессонной ночи в вымороженной землянке, с заочевеншими ногами, с тяжелым заплечным мешком и столь же тяжелой амуницией, в утренней предрассветной мгле, по гололедице неочищенных улиц, я шел от Кировского моста домой пешком, потому что тот трамвай № 30, которым я должен был доехать до площади Льва Толстого, свернул в сторону: на Вульфовой улице лежала неразорвавшаяся бомба замедленного действия, и всякое движение там было закрыто.

Дома всё оказалось благополучно. Я немедленно принял ванну, согрелся в ней, затем сел за работу и до вечера писал обзорную статью о бое 3—6 ноября под Белоостровом и Александровкой.

10 ноября. 7 часов 30 минут вечера

Ленинград с напряжением ждал усиленной бомбежки в дни годовщины Октября. Немцы в сбрасываемых ими листовках грозились, что бомбежка будет продолжаться семьдесят два часа. Бомбежки действительно были 6 ноября и позже, но сравнительно короткие и ничем не отличавшиеся от обычных. День 7 ноября, если говорить о бомбежке, прошел неожиданно спокойно — у немцев «не получилось», видимо, благодаря нашим летчикам. Но зато немцы усиленно обстреливали город из дальнбойных ору-

дий — целые районы засыпались снарядами, жертв было много, немало и разрушений. Такие обстрелы происходят теперь каждые сутки, население уже привыкло к ним.

Истребитель «кукушек» Захариков, ездивший 3 ноября в Ленинград на консультацию к профессору, по возвращении в свой батальон рассказывал мне, что на Васильевском острове снаряд разорвался на улице, по которой Захариков проходил. Снаряд упал в очередь, стоявшую перед кооперативом. В кооперативе выдавали по карточкам к празднику вино. Уцелевшие женщины сразу же снова собрались в очереди и продолжали стоять, не желая упустить впервые выдаваемое вино. Захариков, бесстрашный в бою человек, этим зрелищем был подавлен.

Вчера отец возвращался домой из училища под свист разрывавшихся неподалеку снарядов. Позавчера днем, во время налета, бомба упала в Апраксин двор. В госпитале, в котором в этот момент работала Наталья Ивановна, вылетели все стекла со стороны переулка Чернышева. Вчера, в вечерней тьме, все маршруты трамваев перепутались — трамваи ходили, выскивая себе улицы, на которых не было повреждений. Никаких разговоров о снарядах и бомбах в трамваях не было — все привыкли. «Что, туда трамвай не идет? А что там, снаряд?» — «Бомба!» — «А, бомба!.. Ну ладно, значит, кругом поедем!.. По какой улице?..» -

Сегодня горел Госбанк на Фонтанке.

Несмотря ни на что, настроение у большинства хорошее. Всем придает силы уверенность, что Ленинград отстоит себя, что Москва выстоит, что дело немцев проиграно. Ленинградцы понимают: последнее, остановленное нами, немецкое наступление превратилось в страшное поражение гитлеровцев, ибо не взятая ими к 7 ноября Москва теперь уже никогда не будет взята, и время — за нас, за нашу победу над гитлеризмом.

Разгром Германии предрешен. Он — дело времени. А дело москвичей и ленинградцев — вытерпеть, выстоять.

Наблюдая ленинградцев, убеждаюсь: они действительно мужественны. Это видно даже не со стороны, это ощущается всяким, кто просто и буднично делает свое ежедневное дело, презирая сознание, что в каждый час, в каждую минуту его жизнь может быть в любом месте оборвана бомбой или снарядом. И это ощущение рождает чувство самоуважения, достоинства, гордости — за себя, за чудесный русский народ, непреклонный, неустрашимый, непобедимый...

Пора спать, надо наконец выспаться! За два с половиной месяца мною написано (только в дни пребывания в Ленинграде) около шестидесяти статей для газет и рассказов — всего около десяти печатных листов.

11 ноября. 10 часов 20 минут вечера

...На днях норма выдачи хлеба в войсках первой линии снижена с 800 до 600 граммов, в тыловых частях и госпиталях —

с 600 до 400. Городскому населению пока выдается прежняя хлебная норма: рабочим — 400, а служащим, иждивенцам и детям — по 200 граммов. Но по карточке первой категории прекращена выдача масла. Во всех городских столовых и в госпиталях, где служащих кормили с вырезкой из их карточек второй категории талонов на мясо, вторых блюд больше давать не будут, а, вырезая талоны, будут давать только суп. Завтраки и ужины для вольнонаемных служащих в госпиталях отменены.

Положение с питанием становится резко угрожающим, близким к катастрофическому. Голод уже явление не единичное — население голодает...

В последнее время немцы забрасывают город бомбами замедленного действия, с часовыми механизмами. Мне известно, что таких неразорвавшихся бомб лежит сейчас в городе примерно пятьдесят. Из предосторожности десятки тысяч людей выселены из квартир тех домов, которым грозят взрывы этих бомб. Движение на многих улицах парализовано, оцеплены целые кварталы. Принимаются срочные меры, чтоб обезвредить эти бомбы.

Сегодня мороз градусов пятнадцать. Очень хорошо: немцы мерзнут, и немало их, верно, сегодня замерзло! Ударил бы этак градусов на тридцать, было б совсем хорошо!

12 ноября

Вчера, проходя в темноте по Аничкову мосту, я видел снятых с постаментов и увозимых клодтовских коней. Ночью я думал о них и о памятнике Петру, уже закопанном в землю у Инженерного замка, и о других оберегаемых нами произведениях искусства. Отсюда родились мысли обо всем городе, и сегодня вдруг единым духом я написал статью, которую назвал: «Этому не бывать!» Вот она:

«...Зимний вечер. Непроницаемую тьму пронизывают только краткие зеленые молнии. Их мечет дуга пробирающегося по проспекту 25-го Октября трамвая. Да еще зловещие вспышки, отраженные темной пеленой туч: это разрывы артиллерийских снарядов, которыми одичалые варвары обстреливают наш город. И, проходя по Аничкову мосту, я вижу: гигантские юноши с лошадьми, чудесные клодтовские кони, без которых и Ленинграда-то как-то не представляешь себе, сняты с постаментов, стоят на огромных деревянных площадках-санях. Они прибуксированы к гусеничным тракторам, сегодня их увезут куда-то... И странным кажется конь-исполин, сдерживаемый бронзовой рукой, не там, где стоял он ровно сто один год, а у стены углового дома, против забитых досками окон аптеки. В кромешной тьме он выделяется силуэтом только на фоне снега. Будто спрыгнул сам и замер на миг в раздумье: спасаться ли ему от фашистских снарядов и бомб или помедлить еще, постоять еще около своего извечного места, как стоят в эти дни на посту все неустрашимые ленинградцы?..

Нет, мы сбережем наши вековые ценности! Мы зароем этих коней в землю, как зарыли уже много других драгоценных памятников. Мы выведем их на свет снова в тот великолепный торжественный день, когда в земле окажется смрадный труп Гитлера и ликование победы свободных народов омоет нашу залитую кровью планету.

Мы восстановим в тот день разбитую решетку Дворца пионеров, мы выстроим новые дворцы на месте разрушенных до основания пятиэтажных зданий — могил наших братьев и сестер, наших детей и матерей. Мы снимем защитное облачение с золотой адмиралтейской иглы. Мы сбросим мешки с землей с аллегорических фигур на площади Воровского — они символизируют Веру, Мудрость, Справедливость и Силу, которыми мы богаты, которых не стало меньше оттого, что осаждающие город орды варваров несут нам тяжкие испытания... И мраморные статуи итальянских мастеров Тарсини, Бонацца, Бранелли, Боротто вновь встанут в Летнем саду, напоминая нам, что Италия не всегда была очагом мракобесия, прислужницей Гитлера...

На один только миг представить себе, что было бы здесь, если бы очумелые орды тевтонов ворвались в наш родной, наш прекрасный город!.. Тысячи нас, ленинградцев, повешенных на деревьях Летнего сада, как повешены наши советские люди в Пскове и в Луге... Пьяные оргии немецкого офицера среди разбитых фарфоровых ваз Эрмитажа. Изодранные фашистскими фельдфебелями бессмертные полотна Рафаэля и Леонардо да Винчи. Сброшенный с гранитной скалы, распиленный, перелитый на цепи для тюрем Медный Всадник. Разложенные на улицах костры из творений Пушкина, Лермонтова, Толстого, Горького, из гениальных трудов провозвестников и создателей нашего советского государства. А на этих кострах обугленные, со связанными проволокой руками трупы наших лучших людей, изнасилованных на снегу женщин, изрубленных на куски детей — наших веселых, бесстрашных детей, школьников, пионеров... А на заводах-гигантах — мы, гордые и свободные ленинградские рабочие, превращенные в рабов. Нас заставляют изготавливать орудия смерти, обрабатываемые насильниками против наших же, русских, советских людей. Нас избивают плетью-семихвостками за каждое промедление в каторжном труде. Нам платят за этот труд голодом, медленно убивающим нас...

Так?.. Разве человеческая фантазия может поставить предел ужасам, какие принесли бы нам необузданные немецкие полчища, если бы мы позволили им ворваться в наш родной Ленинград?..

Нет! Никогда! Никогда! Никогда!.. Этому не бывать!.. Как бы тяжело нам ни было, что ни пришлось бы нам испытать в самозабвенной защите нашего осажденного города, мы охраним его от врага, мы не уступим врагу ни нашей чести, ни нашей свободы, ни нашего светлого будущего!..

Мы — правы. Мы нестигаемы и неустрашимы. Мы победим!»¹

13 ноября

Написал две статьи в ТАСС.

Сегодня — норма хлеба для населения сбавлена: 300 граммов вместо 400 для первой категории, 150 вместо 200 — по второй.

Немцами на днях взят Тихвин... Плохо!

А Петрозаводск, оказывается, у финнов уже давно. Лица, прибывшие из Мурманска, ехали через Сороку, по новой железной дороге, обогнув Онежское озеро с востока.

14 ноября. 7 часов вечера

Таких бомбежек, как те, что были за последние сутки, я не помню за всё время войны. Было страшно. Даже нам, привыкшим ко всему ленинградцам. Со вчерашнего дня и до сегодняшнего полудня налеты производились беспрестанно, с короткими промежутками. Особенное впечатление произвел тот, что был с шести до семи утра, — в этот час бомбили Петроградскую сторону и Выборгскую сторону. Проснулся я от сильного сотрясения дома, — несколько бомб упали одна за другой подряд. Ночной налет я проспал, а во время вечернего вчера находился в квартире, одетый, но под конец заснул и проснулся только в час ночи, затем снова лег спать, не раздеваясь, укрывшись полушубком и в валенках. Отец не спал и при каждом налете ходил в убежище. После утреннего налета я вышел на балкон, — над Новой Деревней алело огромное зарево. Там был большой пожар, он окончательно не ликвидирован еще и сейчас.

За последние сутки весь город был забросан фугасными бомбами. Случайно знаю только несколько мест, куда попали они. Одна — на Кировском проспекте, в каток, против дома № 26/28, все стекла в квартале выбиты. Одна — во двор дома на улице С. Перовской, рядом с надстройкой писателей. Одна — в здании Думы... Разве всё перечислишь?

Вчера видел З., приехавшего накануне из Ораниенбаума. Он посвятил меня в обстановку на том участке фронта. Немцы с западной стороны побережья занимают Новый и Старый Петергоф, находясь километрах в восьми от Ораниенбаума, а с восточной стороны побережья располагаются в Копорском заливе, часть которого в наших руках. На южной стороне участка линия фронта проходит перед Гостилицами (находящимися у немцев). Такое положение на этом участке стабилизировалось с конца сентября.

Ораниенбаумский плацдарм надежен, к нему немцам не подступиться: он охраняем огнем наших фортов, Кронштадта, морской артиллерии всего Балтийского флота. Это такая мощь, что

---

¹ Статья опубликована в армейской газете «Ленинский путь» 19 ноября 1941 г.

немцы, зарывшись в землю, боятся нос высунуть... И когда они пытаются обстрелами помешать нашим передвижениям между Ораниенбаумом и Кронштадтом, между Кронштадтом — Лисьим Носом и Ленинградом, подавляющий огонь нашей морской артиллерии корректирует балтийская авиация, наносящая, кроме того, хорошие бомбовые удары.

Поэтому у нас есть возможность излишки войск, оказавшихся на Ораниенбаумском плацдарме после отхода из Эстонии, перебрасывать на другие участки фронта.

Здесь у немцев, как говорится, видит око, да зуб неймет.

3. рассказывал: немцы придумали новое зверство — в оккупированной ими зоне отбирают здоровых русских мужчин и женщин, насильно превращают их в доноров, беря зараз до полулитра крови у человека.

15 ноября

Звонок из «Правды»: моя большая корреспонденция опубликована во вчерашнем номере.

За последние дни произошло много событий, о которых хочется мне сказать.

В Кронштадт, совершив трудный и опасный переход, благополучно прибыл караван кораблей с первыми тысячами защитников Ханко. Караван вел на миноносце «Стойкий» вице-адмирал Дрозд. За первым караваном двинутся следующие. Скоро льды скуют Балтику. И, конечно, оставлять на всю зиму героический гарнизон гранитного полуострова Ханко без коммуникаций — значило бы обречь его на гибель. Свою роль крепости, стерегущей водные пути к Финскому заливу, Ханко выполнил с доблестью, которую будут помнить во все времена истории.

13 ноября в «Правде» помещено «Обращение защитников Москвы к героическим защитникам Ханко»...

Ханко еще стоит, уверенно и стойко сражается, но уже решено постепенно полностью эвакуировать весь его гарнизон.¹

Свою роль выполнили острова Эзель и Даго, гарнизоны которых до второй половины октября оставались нашими морскими и воздушными базами в глубоком тылу врага.

Есть еще совсем маленький островок, в другой стороне, каждый день осыпаемый тысячами немецких мин и снарядов, который немцы, однако, не в силах взять. Этот островок — древняя крепость Орешек, раздваивающая Неву при выходе ее из Ладожского озера, против взятого немцами больше двух месяцев назад Шлиссельбурга.

Есть каменная, торчащая из ладожских вод скала — островок Сухо с маяком, необходимым нашему озерному транспорту, всю осень доставлявшему снабжение для Ленинграда в новый порт Осиновец. На островке несет вахту крошечный гарнизон моряков..

¹ Последний караван ханковцев пришел в Кронштадт 4 декабря.

Наши люди вершат свой длительный, достойный удивления подвиг, поддерживаемые только гордым сознанием, что они, русские люди, выполняют свой долг.

С таким же сознанием, не рассчитывая, конечно, остаться живым, совершил свой подвиг и летчик, младший лейтенант Алексей Севастьянов, о котором с восхищением говорит ныне весь Ленинград.

В ясную, прозрачную ночь на 5 ноября, когда на Ленинград совершали обычный налет немецкие бомбардировщики, один из них попал в перекрестие лучей прожекторов. Схваченный тонкими полосами света, он заметался, стремясь вырваться в тьму, но был замечен патрулирующим над городом Севастьяновым. Севастьянов погнался за ним, одинокий, на своем ночном истребителе, обстрелял его пулеметным огнем, но не сбил. И тогда на глазах у тысяч наблюдавших за воздушным боем ленинградцев Севастьянов пошел на таран. Немецкий «хейнкель» загорелся и грудой пылающих обломков упал на землю... А выброшенный ударом из своей кабины Севастьянов медленно опустился на парашюте. Он едва не замерз в ночном воздухе, но достиг родного города невредимым...

Который уже это по счету таран ленинградских летчиков!..

Много удивительных дел совершается в нынешнем жестоком, морозном ноябре под Ленинградом.

Вновь разыгрались бои на Неве. Левофланговые части 55-й армии в начале месяца нанесли удар на Усть-Тосно, чтобы овладеть Ивановским, Покровским и, сомкнувшись с частями Невской оперативной группы (НОГ) на «пяточке», развить наступление на Мгу... А там, на «пяточке», вновь и вновь совершая переправы через Неву, высадились три наши дивизии, — они переправлялись по битому, неверному льду разводьями, полыньями. Там действует 10-я дивизия, действуют бондаревцы; там на понтонах через Неву переправались — неслыханное дело! — тяжелые пятидесятидвухтонные громадины, танки КВ. Эта переправа танков КВ кажется почти невероятной, но она совершилась, и теперь могучие самоходные крепости давят немецкие блиндажи, дзоты, орудия своими гусеницами, устрашая немцев, ведут вместе с пехотой наступательные бои.

Там сражается много хороших, храбрых людей, не надеющихся в кровопролитнейших боях остаться живыми, но думающих совсем не о смерти, а о том, чтобы не посрамить земли нашей и добыть ей победу!

Она не придет сама и не достанется нам легко. Новые трудности со снабжением грозят лютым голодом Ленинграду. Уже, кажется, прекратилась на Ладоге навигация, а значит, прекратились и перевозки. Они возможны отныне только по воздуху, но сколько продовольствия можно доставить на самолетах трем-миллионному населению Ленинграда и его войскам?

Вот почему снижены нормы выдачи хлеба.

Но положение со снабжением Ленинграда ухудшается не только по этой причине.

Грозная опасность возникла со взятием немцами 8 ноября Тихвина. Надо во что бы то ни стало не допустить их дальнейшего продвижения к Ладожскому озеру, где — у Свири — они стремятся соединиться с финнами и тем полностью замкнуть новое, дальше, кольцо окружения Ленинграда.

Немцы стремятся и к городу Волхову, грозят разрушением Волховской ГЭС. Их успех, их выход к южному побережью Ладоги привел бы к созданию еще одного — третьего по счету — кольца.

Опасность для Ленинграда столь очевидна и столь велика, что все силы наших войск напряглись до предела. Я знаю — к Волхову, к Тихвину спешат наши подкрепления отовсюду, и из дальних тылов страны. Даже отсюда, из осажденного Ленинграда, стрелковые части и морская пехота и вооружение перебрасываются за Ладогу на самолетах. Какой критический сейчас момент!

Он сказывается и в этих ожесточеннейших боях на Невском левобережном плацдарме (наши наступающие здесь дивизии оттягивают часть немецких сил на себя), и в небывалой работе захододелых наших заводов, производящих вооружение, и во многом, о чем пока нельзя писать...

Под Тихвином и под Волховом скапливаются для отпора немцам огромные силы. Все собравшиеся в лесном и болотистом районе южнее и юго-восточнее побережья Ладоги армии уже наносят немцам сильные контрудары!..

Население Ленинграда в массе своей об этой разыгрывающейся грандиозной битве пока, пожалуй, вообще ничего не знает, а подробности ее неведомы, конечно, даже и обычно во многом осведомленным отдельным военным корреспондентам. Происходящее точно известно только командованию.

Хочется знать всё и о боях за Москву. Там, на волоколамском, на Можайском, на малоярославецком направлениях, по-прежнему кипит гигантская по масштабам и напряженности битва, о которой можно судить по множеству эпизодов, описываемых в газетах...

И всё-таки, всё-таки жизнь в Ленинграде идет нормально, своим чередом... Театр Ленинского комсомола поставил комедию Гольдони «Забавный случай». Недавно была премьера, афиши висят на стенах, голодные зрители в шубах, презируя обстрелы и бомбежки, ходят на этот спектакль. Звучит симфонический оркестр в захолоделом зале Филармонии.

В Доме имени Маяковского — в клубе писателей — сегодня был «Устный альманах № 1». Собрание отметило, что преобладающее большинство ленинградских писателей находится в рядах действующих Красной Армии и Флота, сражаясь с врагом как оружием слова, так и непосредственно боевым оружием.

Собрание почтило вставанием память тех членов своей семьи — писателей и поэтов, — которые погибли в боях за Родину.

Свои произведения читали Ольга Берггольц, Н. Браун, В. Кетлинская, А. Тарасенков и другие. Всеволод Вишневский выступил с большой речью, сказал ее хорошо. Тут же была организована выставка многих десятков книг и брошюр, выпущенных писателями за время войны.

Я был на этом собрании, беседовал с Вишневским, с другими писателями и журналистами, военными корреспондентами, которые пришли сюда, на этот редкий в наши дни большой литературный вечер.

18 ноября. 7 часов 20 минут вечера

Всё, как всегда, — пишу во время бомбежки города.

Последние дни враг безумствует, подвергая город многочасовым бомбежкам во всё время суток, кроме, пожалуй, немногих дневных часов, когда светло и наши летчики нагоняют на этих шакалов тьмы страх. Несколько последних ночей были звездными, враг изощрялся особенно, но и в облачные, туманные ночи он не уменьшает своих налетов, и разница только в том, что в такие ночи он сбрасывает бомбы куда попало. Вчера, кроме всего прочего, он сбрасывал на парашютах слепяще яркие осветительные ракеты, от которых было светло как днем, пока, медленно снижаясь, они плыли над городом. После вчерашнего вечернего налета, когда в числе других районов была заброшена бомбами моя Петроградская сторона, я выходил смотреть на огромный пожар между больницей Эрисмана и улицей Скороходова. Впрочем, таких пожаров, когда языки пламени лижут всё небо, качаясь из стороны в сторону, я за последние дни видел уже немало.

Сколько бомб, фугасных, зажигательных, комбинированных, замедленного действия, за последние дни сброшено на город — и не счесть. Разрушений в городе всё больше и больше.

Когда, падая с летящего самолета, одна за другой бомбы разрываются чередой, нарастающей по силе звука и дрожанию дома, и думаешь — окончилась ли эта очередь на самом громком разрыве или еще секунда — будет новый, еще более громкий, и еще один, для меня решающий, — сердце, конечно, замирает... Но вот очередь разрывов обрывается — последняя бомба разорвалась где-то в двух-трех кварталах от меня, дом мой стоит, и сам я тот же, кем был за минуту, — нарастание нервного напряжения кончается, и после короткой паузы продолжаешь делать то дело, от которого тебя эта досадная помеха на минуту-две отвлекла: пишешь следующую строку, либо снова уходишь в сон, либо допиваешь глоток недопитого чая, либо продолжаешь разговор с окружающими. Всё просто и буднично. Это — наш быт!

Радио возвестило сегодня о положении дела с обменом нотами между Америкой и Финляндией. Америка требует от Финляндии

прекращения войны. Правительство Финляндии, зажато между колен текущей его Германии, виляет, крутит и подличает, пытаясь вывернуться всяческими инсинуациями. Хэлл потребовал ответа прямого и точного: намерена ли Финляндия прекратить войну и отозвать от советских границ войска? Все эти переговоры ведутся уже давно и, к сожалению, темпами, не соответствующими степени ухудшения продовольственного положения в Ленинграде... Уверен: мир Финляндия с нами не заключит, не сможет противостоять фактически оккупировавшему ее Гитлеру. И смысл переговоров практически в том, что Англия, основываясь на отказе Финляндии от предложений США, начнет войну на Севере — на норвежско-мурманской линии. И это, конечно, явится для нас помощью. Но достаточно ли своевременной, чтобы уберечь Ленинград от крайней степени голода, если мы сами в ближайшее время не сможем прорвать блокаду?

А потому все помыслы: не рассчитывая на англо-американских дядей, самим сделать в ближайшие же дни всё, чтобы эту блокаду прорвать. Всякая недодуманность, недоделанность и промедление в этом единственно важном деле были бы гибельны для Ленинграда. Всё ли сделано для того, чтобы петлю сорвать? Всё ли делается?

Порой кажется: еще не всё. Бои под Мгой идут яростные. Но еще много в городе военных сил, не брошенных пока на прорыв блокады. Надо их бросить все — прежде чем голод удушит нас! Надо разорвать кольцо любой ценой, любыми жертвами, хотя бы десятками тысяч человеческих жизней, — во имя спасения трех миллионов!

19 ноября

Станный мир! Там, где есть электрический свет, он синий, тусклый, мертвящий лица — на лестницах, в коридорах, в трамваях. В нескольких метрах от этого света мир кажется населенным невидимками: кто-то движется, вяло шагает, разговаривает, бормочет, а людей — нет! И вдруг мимо, вплотную, на уровне груди, проплывает крошечный таинственный белесоватый кружок — он плывет во тьме как будто сам по себе... И обозначенного им человека угадываешь только по хрипловатому, затрудненному дыханию. Фосфоресцирующий кружок, люминофор, продается теперь везде, он — защита от нечаянного столкновения во тьме двух пешеходов. Такой кружок приобрел и я. Приколол его к своей груди в первый раз перед зеркалом, я вдруг представил себе, что тела у меня нет. Но тут же засмеялся: я просто человек-невидимка!

Двинувшись от зеркала, я все-таки протянул руки вперед: не наткнуться бы на что-нибудь, не разбить себе лоб. Ведь недавно на улице я больно ударился лбом о лоб встречного человека!

А как ездят по Ленинграду шоферы? Ведь ездят!..

20 ноября. 11 часов 30 минут утра

Отныне по карточкам второй категории выдается 125 граммов хлеба, по карточкам первой — 250 граммов. Снижены нормы и в армии: передовым частям — 500, тыловым и госпиталям — по 300. Хлеб с непонятным привкусом, то глинистого вида, то такой, как сегодня.

Ощущение голода трудно переносимо.

22 ноября. Вечер

Вчера по радио: в Киеве немцы казнили 52 000 евреев. Америка утверждает, что, возможно, не остановится перед вступлением в войну еще в этом году. На днях, видимо, возникнет война США с Японией.

Неделю назад силами до сорока дивизий немцы начали новое яростное наступление на Москву. В полы их летних мышиных курток задувает немилосердный вьюжный, морозный ветер. Им до нарезки нужны зимние квартиры, продовольствие и все богатства нашей столицы. Гитлеру нужно сохранить свои подмосковные армии и свой престиж... Центральные наши газеты и радио призывают советский народ к отражению страшной угрозы...

И, конечно, Гитлер рассчитывал бросить на штурм Москвы и все те дивизии, которые, разгромив наши войска у Лядоги, взяв город Волхов и выйдя к озеру здесь и со стороны Тихвина, выполнили бы задачу удушения Ленинграда вторым и третьим кольцами блокады.

Но именно в эти дни середины ноября, когда немцы начали новое наступление на Москву, наши войска нанесли немцам крепкий удар под Малой Вишерой, а 54-я армия сейчас уже остановила наступление врага на линии г. Волхов — Войбокало. Радио сообщило, что «бойцы командира Федюнинского развивают успех» — теснят фашистов, отбили несколько населенных пунктов... Несколько дней назад, 18 или 19 ноября, началось наше наступление на Тихвин.

Позавчерашняя «Ленинградская правда» сообщает о переименовании ряда стрелковых дивизий в гвардейские. В их числе — 153-я дивизия генерал-майора Н. А. Гагена. Я знаю, что дивизия Гагена отбивается от немцев в составе 54-й армии, и такое переименование не может не быть, конечно, поощрением за отличные боевые действия.

И всё это значит, что 54-я армия не допустила врага до Лядоги.

А на левобережье Невы, постепенно и упорно раздвигая «пятачок», расширяя плацдарм для наступления на Синявино и на Мгу и для прорыва блокады, ведут напряженнейшие наступательные бои наши ленинградские дивизии. Наше продвижение исчисляется метрами, но каждый такой метр земли обогретен кровью сотен людей. Оборонительные укрепления немцы здесь создали

исключительно мощные и не жалеют никаких сил, чтобы удержать их любой ценой.

Из сказанного можно, во всяком случае, сделать два вывода. Первый: расчеты Гитлера взять Ленинград опять потерпели крах. Второй: перешедшие к обороне на Ленинградском фронте и теснимые гитлеровские армии перемалываются здесь, и уже не может быть речи об их переброске под Москву.

И уже хотя бы в этом — большой успех войск Ленинградского фронта!

Конец ноября я провел на передовых позициях, в 3-м Дзержинском полку Кировской дивизии народного ополчения. Полк, хорошо управляемый, организованный и умело сражающийся, уже ничем не отличается от кадровых частей нашей армии. Он надежно оберегает крайний левый фланг 23-й армии — Сестрорецк, Курорт. Я собрал отличный материал.

ТЬМА, ХОЛОД, ГОЛОД

(Ленинград. Декабрь 1941 г.)

Первую неделю декабря я провел в прифронтовой деревне — в 80-м батальоне аэродромного обслуживания и в 34-м полку бомбардировочной авиации майора Парфенюка и комиссара Цибульского. Этот полк скоростных бомбардировщиков (СБ), вылетевший из Средней Азии на Ленинградский фронт, прибыв сюда на днях, сразу же вступил в бой. Бомбардировщики, еще до сих пор окрашенные в желто-коричнево-черные цвета гор и пустынь (потому что на сильном морозе переокрасить их в белый цвет не удастся), почти каждый день совершают налеты на позиции немцев в районе Невского «пяточка», Синявина, Тосно, Любани. На свой аэродром машины возвращаются простреленными, искалеченными, но оставшиеся в живых члены экипажей вместе с механиками сразу их восстанавливают, и машины, число которых быстро уменьшается, снова и снова совершают боевые вылеты в неописуемо тяжелых условиях. И всё же летчики пребывают в хорошем настроении, рвутся в бой, отказываются от лишнего часа отдыха, а раненые, чуть оправившись, вымалывают себе право вновь взяться за штурвалы своих кораблей, лететь на бомбежку врага. Обслуживающего персонала так мало, что даже мне вместе с летчиками пришлось принимать участие в подвеске бомб и в срочных аэродромных работах.

8 декабря я вернулся в Ленинград.

10 декабря. Ленинград

...«Вчера, 9 декабря, наши войска во главе с генералом армий тов. Мерецковым наголову разбили войска генерала Шмидта и заняли г. Тихвин. В боях за Тихвин разгромлены 12-я танковая, 18-я моторизованная и 61-я пехотная дивизии противника. Немцы оставили на поле боя более 7000 трупов...»

Такова добрая новость, сообщаемая Совинформбюро и опубликованная сегодня в «Ленинградской правде»,

Петля, которой немцы хотели задушить Ленинград, стала слабее. Все взволнованы, — всем понятно значение этой победы для нашего города!..

11 декабря. 23 часа 30 минут

Глухая ночь. В комнате, как и во всем доме на улице Щорса, как почти во всех домах Ленинграда, — мороз и крошечная тьма.

Да!.. Тихвин освобожден вовремя! Приехав с фронта, я увидел Ленинград в значительно изменившемся к худшему состоянии. Вчера объявлены «изменения в трамвайном движении», но трамваи почти не ходят вообще. «Ленинградская правда» со вчерашнего дня выпускается на двух полосах вместо четырех. Много новых разрушений, уже искаживших почти каждый квартал. Сугробы снега на улицах. Люди — изможденные, с прозрачными лицами, медленно бредущие, — темные тени на улицах. И всё больше, всё больше гробов, грубо сколоченных; их тащат на саночках спотыкающиеся, скользящие, слабосильные родственники умерших. А в домах с центральным отоплением перестали топить, и температура в комнатах почти равна температуре зимних, суровых дней. Но хуже всего — отсутствие света.

Придя с заплочным мешком, с тяжелой амуницией, с сильной головной болью после бессонной ночи на фронте домой и постучав в дверь, я был встречен голосами отца и моего друга Людмилы Федоровны. Они пребывали в непроницаемой тьме, хотя было лишь семь часов вечера. Электрическое освещение выключено в большинстве районов города, в преобладающем большинстве жилых домов. Свет дается только некоторым учреждениям и сохранился в тех редких жилых домах, кои пользуются одной проводкой с этими учреждениями. Свечей и керосина, конечно, нет. Удалось приспособить только чернильницу с фитильком, соорудить поминутно гаснущий ночничок-коптилку, дающую в точном смысле слова каплю света. Пишу сейчас сидя со стынущими руками за столом, в меховых чулках, ватных брюках, меховой куртке и полушубке, в меховой шапке.

Голод, холод и тьма. На днях брат с помощью дворника зарезал нашу любимую собаку, зырянскую лайку Мушку.

Давно ли еще невозможно было представить себе, что будем питаться собачиной! Теперь все предсудки отброшены. Видел вчера среди объявлений о продаже вещей и такое: «Куплю хорошую собаку-овчарку. Инженер такой-то». Прочитав объявление, усмехнулся. К чему такая точность: овчарку, да еще «хорошую»? А чтобы не предлагали маленькую! Кошки стали самым лакомым блюдом ленинградцев, но мало счастливцев, которым удастся раздобыть собаку или кошку!

В передовице сегодняшней «Ленинградской правды», посвященной освобождению Тихвина, а затем и Ельца («выдыхается второе немецкое наступление на Москву!»), много говорится о стойкости ленинградцев. Но есть там и такие слова:

«Однако неизбежные в условиях блокады лишения и невзгоды действуют на людей слабых, рождают у малодушных уныние. К чести Ленинграда, таких людей среди нас немного. Но как бы мало их ни было, надо помнить, что провокаторы и фашистские лазутчики пользуются трудностями, пытаются посеять дух сомнения, неверия и пораженчества, используя подобных людей...»

Таких людей действительно очень мало. Вопреки всем лишениям, каждый ленинградец трудится, выполняя назначенное ему дело. Ведь даже театры — в невыносимых, конечно, условиях, но работают! «Сирано де Бержерак», «Дама с камелиями», «Баядера», «Дворянское гнездо» — вот их репертуар, полный презрения к врагу, удивительный в наши дни. Работают и десятки два кинотеатров. Назло врагу, публика в шубах, с закутанными в платки лицами ходит смотреть «Большую жизнь», и «Вражьи тропы», и «Дубровского»...

При хороших сведениях с фронта силы изголодавшихся ленинградцев удваиваются. Каждый убежден, что разгром немцев под Ленинградом уже не за горами!

12 декабря. 20 часов

Сегодня немцы опять весь день обстреливают город. Но воздушных налетов на город уже с неделю нет. Причин этому нахожу три: наша авиация на Ленинградском фронте господствует теперь над немецкой; немецкие самолеты заняты Тихвином и Москвой; немцы в наступивших тяжелых условиях зимы не могут летать, как можем летать в этих условиях только мы.

Несомненно, перелом в войне наступает. Удары по гитлеровцам, нанесенные нами в Ростове, в Тихвине и в Ельце, знаменуют собою начало разложения и разгрома гитлеровцев, общего их отступления (а затем и панического бегства). Ростов, Тихвин, Елец — только первые признаки этого, но признаки характерные. Ленинград, так же, как и Москву, немцам не взять. От стен нашей столицы, от стен Ленинграда начнется поступательный ход нашей победы. Но времени для этого потребуется еще немало, а пока надо сказать правду: жизнь в Ленинграде медленно замирает, бесподобные мужество и многотерпеливость ленинградцев не спасают многих из них от голодной смерти, от нечеловеческих лишений, парализующих город.

Сегодня я прошел пешком километров тридцать по занесенным сугробами улицам, потратив весь день, с утра до 7 часов вечера, на те дела, на какие в мирное время понадобилось бы часа полтора, и израсходовав столько физических сил, что вернулся домой в полном изнеможении и только напряжением воли заставляю себя двигаться.

Сегодня — приказ: всё гражданское население мобилизуется для очистки снега с улиц. Служащие будут работать по три часа после службы. Неслужащие — по восемь в день, а если нужно — и больше.

Никто на судьбу свою не ропщет. Все ждут, с мучительной, невыразимой надеждой ждут, когда немцы будут отогнаны от Ленинграда. Успех под Тихвином вдохнул в сердца новые надежды. «Скоро ли? Скоро ли?» — этот вопрос обращен к бойцам и командирам частей, обороняющих Ленинград, которые теперь уже резко недоедают сами.

За последние десять — пятнадцать дней весь город только и говорит, что об эвакуации. Автомобильная дорога по льду Ладожского озера действует. Люди уходят пешком и уезжают с автоколоннами. По воздуху эвакуация также происходит непрерывно, на двадцатипятиместных самолетах «дуглас». Наземный транспорт движется пока по единственной горловине в обход, с севера, Тихвина. Возвращается с продовольствием и необходимыми грузами, к сожалению слишком незначительными, чтобы удовлетворить потребности ленинградского населения, промышленности, фронта. Составляются списки эвакуируемых. Отправляются пока главным образом военные и заводские организации. Разговоры об очередности, — волнений по этому поводу много. Враг, уцепившийся хищной рукой за узкое горло задыхающегося Ленинграда, не имеет сил сдавить это горло, и в этом — недалеко уже! — гибель для врага, спасение для нас. Да будет жив Ленинград!

Что можно отметить еще?

Несколько дней назад разрешено включать в фарах автомобилей свет, при условии, чтобы он был прикрыт щитками с узкими, щелевидными вырезами. Ведь таить местоположение города от врага полной маскировкой бессмысленно: куда бы ни сунулся воздушный враг, везде под ним Ленинград. Фары выключают только во время налетов, по сигналу воздушной тревоги. Автомобилей в городе движется мало, главным образом — военные. На площади Лассалья среди «живых» автобусов Красного Креста стоят и заметенные снегом. Раз или два в день, если ходить весь день по городу, можно увидеть с трудом пробирающийся сквозь снега трамвай, но у более мощного сугроба он останавливается и замирает уже на несколько суток.

Движения транспорта по городу почти нет. Но зато по волнистым, засугробленным панелям и мостовым — потоки медленно движущихся пешеходов. У многих на привязи саночки. Люди волокут на них свой жалкий скарб. За плечами мешки, рюкзаки, котомки. Наиболее крепкие люди часто прицепляются к проезжающим грузовикам и волочатся за ними по снегу.

Окна магазинов забиты досками. Нелепыми кажутся старые, бессмысленные теперь, надписи: «Мясо, зелень, дичь», «Гастроном», «Молочные продукты». Перед каждым действующим магазином — молчаливые очереди.

Везде зияние обрушенных зданий, грозные, страшные руины домов, из-под которых не скоро — только после войны — будут извлечены раздавленные скелеты мирных жителей.

Милиционеры вяло отгоняют прохожих от домов, угрожающих обвалом или разрывом бомбы замедленного действия. Прохожие недовольны тем, что им приходится из-за милиционеров делать утомительный лишний крик.

Собак и кошек в городе не видно. Редко-редко попадаются лошади, впряженные в сани, преимущественно военные. Лошади худы необычайно и еле передвигают ноги.

13 декабря. 10 часов утра

Мороз в комнате разбудил меня около шести утра, хотя заснул я, вероятно, не раньше 2 часов ночи, — одетый, дыша ледяным морозным воздухом, накрытый одеялами, полушубком, халатом...

А в шесть утра — радио, великолепные вести и радостное волнение: немцы разгромлены под Москвой! Отступают по всему Московскому фронту, бросая технику и вооружение. Полный провал их наступления. Истерическая речь Гитлера. Угрозы его всем недовольным внутри Германии и в оккупированных странах.

Прекрасные действия наших партизан. Захват кавалерией танков. Под Москвой с 16 ноября — 85 000 убитых немцев, 1400 взятых и уничтоженных танков и множество других трофеев.

США вступили в войну с Германией и Италией. Рузвельт произнес гуманный речь о войне, имеющей целью уничтожение мирового разбоя...

Это — большое событие! Оно ускорит разгром Гитлера, полное крушение фашистской империи. Начало победы заложено здесь, в России. Разгромом немцев под Москвой Россия спасена! Всё прочее теперь — вопрос времени.

Однако совсем темно, писать почти невозможно. Обстрел продолжается. Разрывы снарядов раздаются с интервалами в несколько минут. Хочется работать, писать, но из-за отсутствия света это физически невозможно.

14 декабря. 9 часов вечера

Все трубы центрального отопления в доме полопались, теперь мороз во всех квартирах — до весны.

С фронта сегодня никаких особенных новостей, но наступление наше под Москвой продолжается.

15 декабря. 11 часов вечера

Ходил в Смольный по делам и провел в нем весь день. Мороз сегодня градусов двадцать пять.

Вошел в квартиру. Вера Николаевна, моя тетка, умерла. Утром встала, жаловалась на боли в сердце, потом — днем — села на стул, захрипела и потеряла сознание, а через несколько часов умерла. Покойницу оставили на столе в ее комнате, комнату закрыли. В кухне варится обед из собаки. Хорошо еще, что сегодня

ня есть электрический свет. Как все происходит в наши дни: просто, сурово, без внешних проявлений чувств!

До 11 часов вечера решали дела, связанные с отлетом родных и усложненные скоростной смертью В. Н.

Жалею отца.

Ночь на 17 декабря

Утром родственники хоронили В. Н., повезли ее в гробу на саночках, впрягшись в них.

Через пять часов отец, брат и Наталья Ивановна уезжают на аэродром, с тем чтобы эвакуироваться из Ленинграда. Через несколько дней, отправив и Людмилу Федоровну, я останусь в городе один.

О себе не беспокоюсь: я умею жить в одиночестве, люблю отдавать себе труду, нервная система придет в порядок. Буду больше внимания обращать на творящееся вне меня, чем на то, что касается меня лично. Здесь все интересно!

17 декабря

Оставив квартиру в неописуемом хаосе, после бессонной ночи мои близкие погрузились в «эмку», добытую с невероятным трудом, и, протиснувшись со мной в полной утренней тьме, обессиленные предотъездной суетокой, спешкой, озабоченностью, уехали на аэродром...

22 декабря

Еще одна значительная победа в сражении за Ленинград: 54-я армия генерал-майора Федюнинского разгромила войсковую группировку гитлеровцев. Разбиты наголову части 11-й и 291-й пехотных дивизий немцев и два полка 254-й пехотной дивизии. Район Войбокало и станция Войбокало очищены нашими войсками. Противник оставил на поле боя пять тысяч трупов. Взят трофей.

Об этом — вчера — сообщение Совинформбюро...

Узнаю в ТАСС и в «Правде» подробности: наступление наших войск началось с первых дней декабря. Освобождены Шум, совхоз «Красный Октябрь», Опсала, Овдокало и еще много деревень. Другие дивизии армии ведут бои за Оломну и Гороховец. Шесть дней назад войска соседней армии после серьезных уличных боев взяли Большую Вишеру.

Образован Волховский фронт под командованием генерала армии Мерецкова, и немцы отступают по всей линии фронта.

Итак, полный провал попытки Гитлера охватить Ленинград вторым и третьим кольцами блокады. Немцы отогнаны от Волховстроя, от города Волхова, и Северная железная дорога Тихвин — Волхов — Войбокало снова в наших руках. Она остается прерван-

ной Мгою и прилегающим к ней участком шириной в пятнадцать — двадцать километров... Здесь пока все по-прежнему, идут на Неве жестокие бои. Но за Мгою, в Приладожье и на всей Волховской стороне, удар Мерецковым и Федюнинским нанесен столь решительный, что немцы, отступая, тщатся только зацепиться за какой-нибудь рубеж, который уберег бы их действующую здесь группировку от полного окружения, грозящего им, если успешным будет наше наступление южнее Чудова и в направлении от Новгорода.

Успех наших войск — прекрасный!

Отличные вести и о Западном фронте: взят Волоколамск, немцы отступают от Москвы, за неделю с 11 по 17 декабря уничтожено 22 тысячи гитлеровцев. Нами взяты большие трофеи и здесь и при освобождении города Калинина (где убито 10 тысяч гитлеровцев)...

О, битв еще будет много, но блестяще выигранная нами битва под Москвой — начало крушения всей гитлеровской Германии! Это ясно, по-моему, всем, в том числе и самим немцам.

Гитлер сместил Браухича и взялся за главнокомандование сам.

Это значит — он сам нанес крупнейший удар по германской армии: от такого главнокомандующего ей проку не будет!.. В своем воззвании к солдатам восточно-германского фронта он заклинает их «спасать Германию» и требует предельного напряжения сил.

Среди всех сообщений Информбюро на днях — подробности о гнусном разорении немцами Ясной Поляны, — об освобождении ее сообщалось неделю назад. Надругательство фашистов над нашей народной святыней — еще одно преступление против всего человечества!

26 декабря

За последнюю неделю от голода умерло несколько писателей. Трупы людей валяются на улицах. Их подбирают не всегда сразу, хоронят чаще без гробов, везут на саночках.

А сейчас секретарь Союза писателей В. Кетлинская собрала митинг, встав на стул, объявила:

— Кроме Мгинское кольцо вокруг Ленинграда смыкались еще два кольца — Тихвинское и Войбокальское. Оба они ликвидированы. Осталось Мгинское. Руководство заявило, что к Новому году и духу немецкого под Ленинградом не будет! (Аплодисменты.) Вчерашнее увеличение норм хлеба (вместо ста двадцати пяти граммов — двести и вместо двухсот пятидесяти — триста) только первая ласточка. К Ленинграду подброшены — находятся в ста километрах — для выдачи сверх норм пятьдесят тысяч тонн крупы, сорок две тысячи тонн муки, триста тонн мяса и другие продукты!..

Похожие на тени, еле дышащие и еле двигающиеся писатели, собравшиеся в столовой клуба, аплодируют. Лик голодной смерти истает в их засветившихся глазах!¹

28 декабря

Еще 3 декабря, перед моим отъездом в полк бомбардировочной авиации, начальник политотдела 6-го района аэродромного обслуживания Н. А. Королев рассказал мне, что на следующее утро из Ленинграда уходят грузовые машины с эвакуируемыми семьями командиров, — пересекут по льду залив Ладожского озера, повернут на Новую Ладогу и в обход Тихвина, находящегося у немцев, пройдут по новой достраивающейся автомобильной дороге к Бабаеву, точнее — к маленькой железнодорожной станции Заборье.

Строительство этой дороги, предназначенной для снабжения Ленинграда, ведется стремительными темпами, так как положение с продовольствием в Ленинграде предельно критическое. За рекой Пашей дорогу прокладывают в малонаселенных лесах и в болотах, в труднейших условиях. Протяжение ее, считая только от западного берега Ладоги, — больше трехсот километров, а всего — около четырехсот. Дорога еще не закончена, но, пока колонна будет находиться в пути, движение и на последнем участке откроется².

Колонна идет под охраной самолетов с задачей на обратном пути в Ленинград взять грузы. Путь сравнительно безопасен, простреливается только на первых пятнадцати километрах.

До закрытия навигации продовольствие в Ленинград доставлялось от станции Волхов — по реке Волхову до Новой Ладоги,

¹ Наступление 54-й армии И. И. Федюнинского и встречные наступательные действия наших войск от Невы и ее притоков Ижоры и Тосны в декабре 1941 года развивались столь успешно, что военное руководство Ленфронта было уверено в освобождении Мги не позже чем к 1 января. Продовольственные запасы, сосредоточенные на восточной стороне Ладоги, были бы по отвоеванной железной дороге сразу же брошены в Ленинград. В условиях резко возросшей смертности населения за неделю до нового, 1942 года, военное руководство, желая воодушевить угнетаемых страшным голодом ленинградцев, сочло возможным разрешить руководителям городских учреждений и организаций упоминание этого срока на тысячах происходивших в те дни митингов. К концу месяца наши наступающие войска действительно достигли большого успеха, но превратили его в решающую победу у них не хватило сил. Взять Мгу и прорвать блокаду не удалось. И надежды на быстрое улучшение положения ленинградцев в ту пору не оправдались. Но стойкость духа и мужество ленинградцев помогли им в первые дни января выдержать и это временное, но тяжкое крушение их надежд... О действиях войск Волховского фронта в декабре — январе той зимы я расскажу в следующих главах.

² Дорога была открыта 6 декабря, за три дня до освобождения армией Мерецкова города Тихвина, и практически почти не понадобилась; к счастью для Ленинграда, вскоре установился более близкий и менее трудный путь сообщения.

оттуда — по озеру, до нового порта Осиновец, и далее, до Ленинграда, — по железной дороге. Перегрузка производилась четырьмя вагона: из вагонов в речные баржи, затем в озёрные баржи, из них — в вагоны узкоколейки и, наконец, в ширококолейные вагоны Ириновской железной дороги. Работа была кропотливой, тяжелой, опасной и могла обеспечить только малую долю потребностей города¹.

Вот какие новые сведения о ладожской ледовой автомобильной трассе сообщил мне сегодня политрук Б. А. Алексеев, только что проделавший по ней путь в оба конца.

Из Ленинграда машины идут на Ржевку, Пороховые, минуя Всеволожскую, поднимаются на гору, дальше — через Романовку — на Ваганово. Это — 60—70 километров. Не доезжая Ваганова (76 километров от Ленинграда), дорога узкая, плохая. Дальше маршрут лежит на Кокорево, затем через Ладожское озеро на Кобону, оттуда — по каналу (или по просеке) — на Новую Ладугу (176 километров). Из Кокорева по озеру два с половиной часа пути. В Новой Ладуге есть пункт для питания эвакуированных и бензин. Но достать горючее там нелегко, даже если есть «маршрутки». С ночлегом там плохо, и те, кто приезжает туда вечером, тщетно ищут ночлега.

От Новой Ладуги до Тихвина — 99 километров по шоссе, но маршрут иногда меняется, в зависимости от обстановки на фронте.

29 декабря. Перед полночью

Если гитлеровцев под Ленинградом сейчас мы начинаем бить, если кровопролитные, ожесточенные бои на Ленинградском фронте медленно стаскивают с занемевшей шеи города петлю блокады, если скоро будет на Мгинском участке очищена от вра-

---

¹ С 12 сентября (когда в Осиновец прибыли две первые баржи с 800 тоннами зерна) до конца навигации (15 ноября) этим путем было доставлено в Ленинград 25 228 тонн продовольственных грузов, а ежедневный расход одной тонны муки, по сниженным осенним нормам, составлял 1100 тонн. С 16 ноября началась доставка продовольствия с Новой Ладуги самолетами, но они, конечно, могли удовлетворить лишь ничтожную часть потребностей фронта и огромного города. Ледовая автомобильная дорога через Шлиссельбургскую губу Ладожского озера открылась 22 ноября, но с 23 ноября по 1 декабря из-за невероятных трудностей было перевезено лошадьми и автомашинами всего около 800 тонн муки, то есть меньше двухдневной потребности города по самым голодным нормам. При этом утонуло и застряло в промoinах 40 грузовиков. Запасов хлеба к 9 декабря оставалось на 9—10 дней, включая наличие муки в Новой Ладуге. С декабря удалось увеличить количество грузов, доставляемых по ледовой «Дороге жизни», а еще несколько возросло оно с 1 января 1942 года — со дня, когда открылось сквозное движение поездов Тихвин — Волхов — Войбокало.

«С этого дня пробег машин стал на коротком плече — 55 километров (Войбокало — станция Ладожское озеро) вместо 320 километров до Заборья и 190 километров до Тихвина...» (См. кн.: Д. В. Павлов. Ленинград в блокаде, стр. 92, 94, 124—128 и 136.)

га Северная железная дорога... Ну, да что тут говорить! Весь город, зная об этом, живет ожиданием радости! Второй день население расчищает на улицах трамвайные рельсы, и даже все поговаривают о встрече Нового года, к которому выдадут наконец продукты... Надо, чтобы все это произошло именно к Новому году и, во всяком случае, не позднее первых дней января. Иначе... Дней десять назад мне было известно, что в сутки в Ленинграде умирает от голода в среднем по шесть тысяч человек. Теперь, конечно, больше...

Голодная смерть — везде, во всех своих проявлениях, а у нас в Союзе писателей за последние дни умерли от голода шесть человек: Лесник, Крайский, Валов, Варвара Наумова... Еще двое... И много членов семейств писателей. Тетка М. Козакова лежала в квартире невывезенной на кладбище больше десяти дней. Валов, умерший в Союзе писателей, пролежал там дней шесть. Крайский, умерший в столовой Дома имени Маяковского, пролежал в этом доме тоже с неделю... Вывести покойника на кладбище — дело столь трудноосуществимое, что хлопоты и усилия целой общественной организации сводятся к затрате на покойника стольких — последних — физических сил живых, что эти, еще живые, выполняя свой долг по отношению к погибшему, случается, приближают тем самым и свой смертный час...

За последние две недели воздушных тревог нет, были только две или три короткие. Артиллерийских обстрелов города почти не стало, — был сегодня, был еще как-то на днях, но их просто не замечаешь! Тихо... Но какая это могильная тишина!

Ленинградские улицы... Трамвай давно не ходят. Исполинский труд нужен, чтобы очистить рельсы, скрытые под снегом и льдом. Мороз крепкий. Сгоняя шатающихся путников с мостовых, проскакивают только редкие автомобили — грузовые, чаще всего выбеленные камуфляжной краской, легковые, с фарами уже не затушенными, а прикрытыми решетками, дробящими свет.

И вот идут люди — изможденные, истощенные, исхудалые, бледные, — идут шатаясь, волоча санки с дровами, со скарбом, с покойниками без гробов (и на кладбище сваливают их в кучу: ни рыть могилы, ни хоронить сил нет). Идут, падают сами и нередко, упав, уже не встают, умирая без звука, без стоны, без жалобы.

Поразительно мужество ленинградцев — спокойное достоинство умирающих от голода, но верящих в победу людей, делающих все, чтобы эта победа пришла скорее, хотя бы после смерти каждого из тех, кто отдает делу грядущей победы все свои действительно последние силы. Нет жалоб, нет упреков, нет неверия, — все знают, что победа придет, что она близка. И каждый из знающих это не ведает только: удастся ли лично ему выдержать, дотянуть, не умереть от голода до этого дня? И люди, гордясь тем, что выполняют свой долг, работают, трудятся, терпят...

Терпят такое, что прежде могло лишь присниться в кошмарном сне и что стало теперь обыденностью.

Хожу по делам Союза писателей и я — пешком; пешком — при пульсе пятьдесят, при слабости в ногах, при спазмах вегетативного невроза, одолевающих меня раза по три на день.

Мне поручено оказывать помощь умирающим от голода писателям. Для одних — добиться эвакуации, других — устраивать в десятидневные стационары, где они кроме хлеба будут получать суп и находиться в тепле, под медицинским надзором.

Днем я ходил в ТАСС, на Социалистическую улицу, то есть километров за восемь. Оттуда — в Союз писателей, где сегодня был обещан «парадный, необыкновенный, роскошный» обед, по списку на шестьдесят пять человек. Обеду должен предшествовать «Устный литературный альманах № 2»...

И то и другое состоялось в Союзе. Совершенно запущенное помещение столовой преобразилось. Составленные вместе столы были накрыты чистыми скатертями, хорошо сервированы, освещены свечами, которых поставили много и которые создали в темных пространствах столовой отдельный, освещенный мирок сидящих за столами, перед хорошей посудой, людей. Большинство писателей, вопреки холоду, были даже без шуб, полушубков, ватников и прочего «улично-домашнего одеяния», а в пиджаках и даже чистых воротничках. Оказалось довольно много по нынешним временам вина, количество еды было мизерным, но на чистой, сервированной по-ресторанному посуде она казалась сытнее и лучше. Были тосты, и шум, и даже весело, — всем хотелось отвлечься от ужасов обычной обстановки.

Потом я шел вдоль Невы, слушая свист снарядов, и шел по льду, как через Арктику, в обычном мраке. К Новому году немцы кому-то из нас, ленинградцев, слали смерть...

Мне сказали сегодня, что недавно у Невской Дубровки через Неву были переправлены танки — около сорока штук, для прорыва к Мге. Переправили с трудом. Пробовали на железных понтонах, но первый же из них утонул. Деревянные понтоны во льду требовали такой работы под огнем тросами и лебедками, какая тоже не удалась. А лед не выдержал тяжести танков. Тогда стали намораживать лед — укладывали сетки, поливали из шлангов водой, утолщали лед. И, устроив в стороне ложную переправу легких макетов танков, отвлекли внимание немцев, а тем временем переправили настоящие танки по утолщенному льду.

И, однако, операция по прорыву, стоившая немалых жертв, не привела к успеху, преодолеть укрепления немцев не удалось...

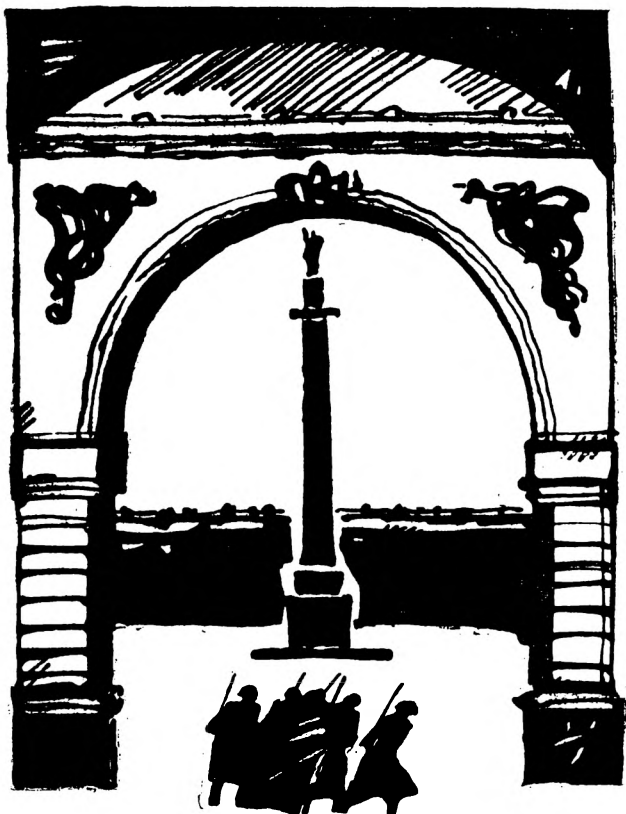
Но на Волховском фронте успех: на днях наступающие части 54-й армии достигли железной дороги Кириши — Мга и ведут бои за станции Погостье и Посадников Остров. Особенно отличилась дивизия Биякова, врезавшаяся клином глубоко в немецкий тыл. 4-я армия форсировала реку Волхов, около Киришей... Дней

десять назад, северо-восточнее Чудова, 52-я армия создала плацдарм на левом берегу Волхова.

...А сейчас на столе в кухне я подготовил настоящую встречу Нового года — через полчаса он наступит. На столе — бутылка шампанского, сохраненная мною с довоенного времени на экстренный случай, двести граммов миндаля, полученного в Союзе писателей, и три кусочка собачины, резервированной специально для Нового года.

Людмила Федоровна пока спит. Пора разбудить ее!..

За что будем пить? Конечно же — за Победу. И прежде всего за успех наших снайперов-истребителей, автоматчиков, летчиков, артиллеристов, за медленно, но упрямо продвигающуюся вперед армию Федюнинского, за победу на нашем, на Ленинградском фронте!

1942

Глава тринадцатая

ПРЕОДОЛЕЕМ СМЕРТЬ!

(Ленинград. Январь 1942 г.)

6 января. 1 час дня

За последние дни взяты Кириши, продолжается операция по окружению Чудова. Генералы Мерецков и Федюнинский ведут упорные наступательные бои. Восстановлено сквозное железнодорожное сообщение Тихвин—Волхов—Войбокало. В ленинградские госпитали привозят много раненых, особенно моряков (с берега Невы?). Наступают наши войска в Крыму и в центре (взята Калуга).

Я — дома, в квартире на проспекте Щорса. Ощущаю слабость, болит голова. За последние две-три недели пошатнулось мое здоровье. Несколько раз были сердечные приступы. Нервная система расшатана, невроз сердца дает себя знать то затрудненным дыха-

нием, то удушьем. Силы выматывает и бессонница, часто сплошная, на всю ночь. И все это — при невероятной по своей напряженности затрате энергии для работы, которая мне поручена.

Ежедневные хлопоты в Смольном, в Союзе писателей, в штабе фронта о спасении писателей, умирающих от голода. А потом — добираться к ночи на Петроградскую сторону.

...Город замер. Попытка прорыва к Новому году кольца блокады в ожесточенных, кровопролитных боях не удалась. Железные дороги, проходящие через Мгу, поэтому не очищены. Хлебный паек не увеличен. И если до 1 января хлеб выдавался без больших очередей, то после 1-го, когда везде замерзла водопроводная сеть и не стало воды, хлебопекарни работают очень плохо. Создались огромные, особенно в утренние часы, хлебные очереди. По декабрьским карточкам продукты за последнюю декаду не выданы, за исключением муки. Мука эта — суррогатная, с отрубями, с чем-то еще, выдается вместо крупы. По январским карточкам за первую декаду в некоторых магазинах выдано только мясо: для первой категории — 500 граммов (из коих половина — кости), а для второй и третьей — по 150 граммов. Это — на десять дней! 1 января суррогатный хлеб был горьким — с примесью горчичной дуранды. Только в последние два дня, в дневные часы, хлеб выдается почти без очередей и его качество улучшилось.

Городское население гибнет ежедневно тысячами от голода. Облик города страшен: огромное скопление темных, вымороженных, похожих на зияющие огромные могилы домов, в которых, ища, как величайшую драгоценность, лучик коптилочного света, горсточку — хоть в ладонях — тепла, каплю натопленной из снега воды, кутятся, жмутся, напрягают последние остатки сил, чтобы встать, сесть, лечь, поднять руку, обтянутые сухой кожей скелеты полуживых людей. Умирают безропотно, и их трупы лежат невывезенные по неделям из комнат, в которых пришла к ним смерть.

А живые полны разговорами о том, что в ближайшие дни совершится чудо: вдруг все проснутся — и в магазинах окажется множество продовольствия, привезенного поездами. Многие, однако, в это чудо перестают верить.

7 января. 5 часов утра

Немцы на Ленинградском фронте закрепились на новых позициях, наше наступление приостановлено. Значит, Ленинграду по-прежнему нечем дышать, и пройдет немало времени, пока наши войска вновь двинутся в наступление. А каждый день, каждый час промедления в освобождении Ленинграда от осады глубоко трагичен — он несет новые и новые голодные смерти и нечеловеческие лишения.

Но выход из этого катастрофического положения виден. Я, как и многие тысячи ленинградцев, никогда не терял надежды на то, что Ленинград немцами взят не будет. Эта надежда оправдалась. О взятии немцами Ленинграда теперь уже не может быть ни

речи, ни мысли. Итог ясен всем: осада будет снята. И вопрос для живущих только в том, доживут ли они до радостного дня или умрут с голода, не дождавшись...

7 часов 30 минут

Чуть слышно заговорило радио, новая сводка, хорошая: трофеи и итоги боев с 1 по 5 января на Западном фронте. Десять тысяч трупов гитлеровцев на поле боя, пятьсот освобожденных населенных пунктов и пр. Значит, там наступление наше продолжается. Ура!

Но... потухла моя коптилка, и писать не могу...

8 января. 7 часов 20 минут утра

Обстрелы вновь начались два-три дня назад. Это значит — тяжелые орудия, которые немцы вводили в бой, чтобы помешать нашим войскам прорвать кольцо блокады, теперь у немцев освободились.

12 часов 30 минут дня

...На почте чернила замерзли. Бани не работают. По улицам вереницами гробы. Улицы завалены стеклами. На улице Попова выносят людей на носилках — только что в дом попал снаряд и пробил его насквозь. На Геслеровском, угол Теряевой, другой снаряд выбил огромную дыру в доме. Кровь. На Карповке снаряд попал в лед...

Все это меланхолично сообщает Людмила Федоровна, войдя в комнату и чертя на клочке бумаги план улиц, чтобы определить, с какой стороны падали снаряды.

10 января. 5 часов утра

Вчера для решения всех дел, какие могут спасти погибающих, провел в Союзе писателей весь день. Чувствовал себя из рук вон плохо и только усилиями воли заставлял себя встать с кресла или стула. Экономил движения, стараясь не сделать лишнего шага, испытывая слабость, одуряющую сонливость, от которой моментами путались мысли. Адовый холод помещений Союза, в которых провел весь день (конечно, в полушубке и валенках), сковывал руки, все тело.

Черная, с черной кожей лица, приволоклась вдова поэта Евгения Панфилова, и грохнулась в кресло, и сидела там неподвижно, безжизненно, как иссохшая, страшная, закутанная в платок мумия. Так же выглядела поэтесса Надежда Рославлева, да и многие другие, падавшие в кресла, замиравшие в них в отчаянной надежде на помощь. Меня настойчиво спрашивали: скоро ли кончится эта блокада, кончится ли она, не обман ли все заверения в том, что осада будет снята? И возьмут ли Мгу? И через сколько дней можно ждать освобождения дороги? И, как будто я обо всем

этом (чего никто в мире не знает!) могу знать точно и ясно, ждали от меня исчерпывающих ответов. Сам я убежден, что это освобождение придет, но, зная о сроках и фактах столько же, сколько они, видел лишь, что людям нужно дать хоть кроху бодрости духа, хоть маленькую надежду. И я говорил не как на митинге, а как дома — тихо, спокойно и убедительно, что война есть война, что дела на фронте хороши, но подвигаются медленнее, чем всем нам того хотелось бы, но главное — дела хороши. И что Мга взята будет, если не в лоб, то обходом, и дорога откроется, и продовольствие хлынет в город, и все уцелевшие до этого дня, нашедшие в себе силу, и стойкость, и бодрость духа, оправятся, и будут жить, и будут здоровы, и жизнь принесет им и всем нам еще много хорошего, и главное — что Ленинград выдержит, уже выдержал испытание, ибо взят немцами не был и теперь, для всех ясно, никогда, никогда взят не будет!

И прибодренные, оживившиеся люди уходили более уверенными шагами.

Я видел радость А. С. Семенова, на которого свалилось несколько благ: карточка первой категории, включение в список актива, решение уложить его в стационар, организованный в «Астории», — и все, по моему настоянию, выхлопотанное для него Правлением. Без всего этого Семенов умер бы через несколько дней. А вот теперь будет жить, и он сам поверил, что будет жить!

...На моем пути к Союзу писателей снаряд упал на тот угол Кировского и проспекта Максима Горького, где я только что прошел.

Вечером, возвращаясь домой после обстрела, я в темноте чуть не наткнулся на сети спутанных трамвайных проводов, сорванных на протяжении двухсот метров и превратившихся в неожиданное, опасное заграждение для проходящих автомобилей. А дальше при мне хлопнулся навзничь поскользнувшийся мужчина. И остался лежать без сознания, распростертый на спине, и мимо него проходили, думая, что он — труп. Я подошел к нему, и привел его в чувство, и несколько раз поднимал, и он снова валился в снег, как куль, — то лицом, то боком, то на спину. Это был хороший, еще способный жить, обросший бородой старик рабочий, и я провел с ним, наверное, около часа, успокаивая его, забывшего названия улиц и куда он идет. «К свояку на завод!» — единственное, что он мог мне ответить. Я втолковывал ему, как идти и где он находится, и он наконец кое-как очухался и благодарил меня, «товарища военного», и я предоставил ему идти дальше, когда увидел, что он больше не упадет.

И добрал домой сам, каждый свой шаг проверяя терпением и волей. Правый бок причинял мне острую боль, слабость была такая, что перед глазами ходили круги, а на левой стороне переносицы я все время видел неуловимую и несуществующую в действительности мушку, которую то и дело стремился смахнуть рукой, даже тогда, когда понял, что ее нет на самом деле,

...Сейчас — ночь. Руки мои застыли. Стучать по ледяным клавишам машинки невозможно. Тратить горючее для коптилки, в которой капли света не больше горошины, — неразумное расточительство. Все тело заглодало. Ощущение голода кружит голову. Поэтому кончаю запись. Утром надо идти в Союз писателей, за пять километров, и затем в Смольный, снова по всем инстанциям.

13 января. 3 часа ночи

Мечта о мытье — неосуществима. Каждая спичка — драгоценность. Первое, что еще с завтрашнего дня будет выдаваться по карточкам в 1942 году (кроме хлеба), — спички: по четыре коробка на месяц для первой категории, по два — для второй и для третьей.

В моем ежедневном пешем пути в Союз писателей — от площади Льва Толстого, по Кировскому проспекту, через Кировский мост, по набережной Невы до Литейного моста, километров пять, — встречаю не больше десятка автомашин.

В сети спутанных, сорванных проводов ночью против мечети попало несколько автомобилей — проводами были сорваны с грузовиков люди.

Впрягаясь в сани вместо лошади, воз дров волокут десятка полтора красноармейцев — это наблюдаю часто. Скарб, обгорелые доски от сгоревших домов, покойников, завернутых в простыни или ничем не покрытых, волокут, шатаясь, останавливаясь с раскрытым от короткого дыхания ртом, люди с ввалившимися щеками, обострившимися, как у мертвецов, носами, с лицами, цветом похожими на пожелтевший (иногда — почерневший) пергамент.

Возвращаясь домой через Кировский мост, видел трех умерших при мне на снегу (шли, внезапно падали и умирали). И еще несколько валяющихся, жалобно причитающих людей, полумертвых, около которых, на двадцатипятиградусном морозе, все-таки всегда стояли двое-трое пытавшихся им пособить прохожих, чаще всего — женщины. Но было ясно, что поднять на ноги лежащих вряд ли удастся, тащить их на себе даже самые сердобольные люди не могут (да и куда тащить?), что если эти люди не найдут в себе сил подняться и добрести до своего дома самостоятельно, то жизнь их на этом страшном и ко всему безразличном морозе кончена.

...У нас много говорилось о руководящей и организующей роли партии, мы к этим словам привыкли как к официальной формуле. Но только тот, кто сейчас, преодолевая смерть, борется, трудится в Ленинграде, только тот, кто сейчас ходит в бой (вслед за коммунистом — первым идущим в штыковую атаку), до конца понимает, какая это огромная — главная — сила нашей грядущей победы!

В Ленинграде, на берегу Финского залива, в многочисленных рукавах дельты Невы, есть много крупных заводов, столь отчетливо просматриваемых немцами с их наблюдательных пунктов в

Стрельне и в Петергофе, что каждое движение судов, прижавшихся к набережным у этих заводов, кранов и автомашин на их территории немедленно навлекает на них исступленный артиллерийский огонь. Но голодные, ослабленные люди в разбитых, вымороженных цехах этих заводов круглосуточно, непрерывно работают. Об одном из этих заводов мне известно следующее.

До войны он ремонтировал корабли. С осени из-за нехватки топлива и электроэнергии привычная работа завода оказалась немислимой. Тогда завод был переключен на производство фугасных бомб — самого большого веса, а совсем недавно — и снарядов для полевых орудий.

Но как производить такие бомбы и снаряды без специальных станков, без разработанной технологии, без тех деталей, какие могут поступить лишь от заводов-смежников Большой земли? Да еще без квалифицированных специалистов — ведь половина рабочих завода сейчас сражается на фронте, а другие больны, истощены голодом! И нет на заводе топлива, почти нет тока, здания цехов пробиты снарядами, обледенели. На заводе живут и работают физически слабые девушки да подростки, заменившие мужчин.

Но наши бомбардировщики должны летать, а трехдюймовые пушки должны стрелять!

Коммунисты и коммунистки, комсомольцы и комсомолки на своих собраниях, почтив память умерших за сутки, торжественно клянутся дать фронту продукцию. За нужными деталями с подвргающихся бомбежке аэродромов вылетают специальные скоростные самолеты. Заводу передаются станки с вмерзших в льды кораблей. Технология разрабатывается мерзнущими в подвальных убежищах академиками. Чертежи изготовляются инженерами, иным из которых над чертежной доской впрыскивают глюкозу. Все — кроме достаточных количеств хлеба и калорий тепла — получает коллектив завода. Девушки с саночками идут по льду, под обстрелом, к минированным полям Угольной гавани, чтобы выломать из-под снега топливо. И сами разбирают на дрова деревянные дома. И делают это ночью после двенадцатичасового дневного труда.

Авиабомбы и снаряды, изготовленные Н-ским заводом¹, переоборудованным в наших страшных зимних условиях, летят на врага. Я сам подвешивал эти бомбы к самолетам на аэродроме, где недавно был, сгружал эти снаряды с грузовика перед блиндажом батальона морской пехоты... И я думал тогда об организующей роли партии.

Я думал еще о том, что и сейчас и в будущем, воспитывая людей, партия станет прежде всего искоренять в людях четыре качества, лежащие в основе всех наблюдаемых мною недостатков,

¹ После войны, когда этот завод вернулся к своей мирной судостроительной работе, я уже могу не зашифровывать его названия. Речь идет о Канонерском заводе.

бытующих еще в нашем обществе. Эти четыре кита, на которых старый мир еще держится в душах людей, следующие: трусость, корысть, равнодушие и невежество. Все, что есть плохого в человеке, вырастает из этих качеств, взятых порознь или вместе в любых сочетаниях. И тот, кто хочет стать настоящим коммунистом, должен вытравить в себе именно эти четыре качества, в какой бы малой доле они в его существе ни присутствовали. А тот член партии, который в себе с этими качествами мирится или который не сознает необходимости искоренения их в себе, — тот не подлинный коммунист, тому не место в рядах ленинской партии, возглавляющей ныне святое дело освобождения нашей Родины от фашистских захватчиков...

...Сколько дум передумано бессонным моим, воспаленным мозгом! Сна — ни в одном глазу. А впереди — трудный рабочий день! Есть хочется — нестерпимо!..

15 января. 5 часов утра

Когда шел домой, в девять вечера, — огромный пожар, костром, возле Мошкова переулка. Тушить нечем, воды нет. Мороз — градусов под тридцать. Другой пожар у Ждановской набережной — костер, уже догорающий.

В Союзе писателей умерло от голода уже двенадцать человек. Двадцать четыре умирают. «Астория» (больница) не работает — авария центрального отопления. Приема новых больных пока нет.

Вдова Евгения Панфилова умерла, и ее лицо съели крысы.

В доме писателей на канале Грибоедова — в надстройке и нижних этажах — лежат уже тринадцать непохороненных мертвецов. Один — неизвестный.

16 января. 5 часов утра

Вчера был в Смольном. Разговор с секретарем обкома партии Шумиловым, с Паюсовой и другими. Из Смольного добрал до Дома имени Маяковского, созвал здесь комиссию и полдня ревизовал продовольственную кладовую, она почти пуста, безотрадн...

Сил добрести домой не было, я заночевал в Доме имени Маяковского, в «казарме» аварийной бригады, состоящей из писателей.

17 января. 10 часов 30 минут утра

Я — в ТАСС, вторую ночь не ночую дома — нет сил идти.

Информации в ТАСС нет никакой, новостей с фронта нет. Кировский завод получил некий заказ и сделал попытку выполнить его, закладывая и разжигая горны вручную и всю работу производя вручную, как в далекие, чуть не доисторические времена, когда кузнецы работали без какой бы то ни было техники.

Другой факт — заказ конфетной фабрики на конфеты для фронта. Тесто — тоннами — месили вручную и воду таскали ведрами, и заказ все-таки выполнили.

Рядом с ТАСС, через одно здание, вторые сутки горит многоэтажный дом, тот самый, что раньше был разбомблен. Пожары по городу каждый день, их все больше, загоревшиеся дома тушить нечем, и они — большие, шестиэтажные — горят по двое-трое суток. Пожарные стараются главным образом только отстоять соседние дома.

18 января. 4 часа утра

Зима 1941/42 года! Ты в Ленинграде раскрыла до глубин души героев и души негодяев. Историки будут изучать тебя! Бесчисленными дневниками ленинградцев, драгоценнейшими уцелевшими документами ты расскажешь им о девушках-комсомолках из бригад МПВО, которые ходят из дома в дом, неся бескорыстную помощь людям, таскают ведрами воду из Невы, Фонтанки, Мойки, спасают муку из горящих пекарен, оставаясь голодными сами; увозят на саночках полумертвых людей в больницы... Расскажешь о шоферах, привозящих в Ленинград по ладожской трассе хлеб; о слесарях, отпиливающих на улицах города запалы у пяти-соткилограммовых невзорвавшихся бомб; о дикторах радиокomiteта, всегда, что бы ни случилось, остающихся у микрофона; о подростках, что в ледяных цехах изготавливают прилипающими к металлу руками пулеметы и автоматы; о сторожах и дворниках, наборщиках и сиделках, пожарниках и телефонистках, милиционерах и композиторах — обо всех, чьи исполинские нечеловеческие усилия поддерживают чуть теплящуюся жизнь города-великана! Расскажешь и о мерзавцах, какие крадут продовольственные карточки у покойников, идут на любые подлости только для того, чтобы ценою жизни других раскормить свое презренное чрево, о мародерах, предателях, трусах и просто-напросто об эгоистах, ибо бездушный эгоизм в дни блокады Ленинграда — такое же непрощаемое преступление!

Скоро ли, скоро ли прибавят хоть немного продуктов? Мы ждем терпеливо, мы не ропщем, не жалуемся. Мы тершим, но терпеть нет уже ну решительно никаких физических сил. Духом-то мы сильны, но ведь мы умираем от голода!

Так, именно этими словами, говорят женщины в очередях, уборщицы в жактах, ученые в библиотеках, шоферы у застывших среди снежных сугробов машин, жены командиров, сражающихся на фронте, рабочие, вручную вращающие свои станки. И когда через день-два узнаешь, что этот человек умер, окружавшие его люди тебе рассказывают: эти день-два он работал, он трудился, как мог!

Да будет благословен тот день, который приведет в Ленинград первый поезд с продовольствием по восстановленным рельсам отбитой у фашистов железной дороги! Этот поезд должен быть украшен цветами. Поездную бригаду его должно чествовать все население города!

Этот день придет. Он не может не прийти. Мы много, мы долго, мы честно, мы героически ждем его! И мы — те, кто останутся в живых, — мы, ленинградцы, дождемся его!

Скорей бы, скорей!

18 января. 2 часа 30 минут дня

Вчера из ТАСС натошак пошел на Боровую улицу, впервые после того как бомба попала в тот дом, где я прожил год до войны. Пошел, чтоб взять мои рукописи и ценные бумаги литературного архива и привезти их на Петроградскую.

В ледяной квартире несгибающимися от мороза пальцами я перебирал рукописи, наполнил ими мой экспедиционный выючный ящик — ягтан и этот груз — пуда в три весом — сволок на саночках до Дома имени Маяковского, больше сил не хватило, пришлось оставить там.

А в пути...

На Боровой. Розвальни с грудой трупов — распяленных, в своих замерзших одеждах, невероятно худых, синих, страшных. Скелеты, обтянутые кожей со следами голодных пятен — красных и лиловых предсмертных пятен.

На Звенигородской. Против дверей дома — восемь трупов, завернутых в тряпки или одеяла, привязанных веревками к домашним саночкам, скрепленным по две штуки в длину. Это из дома выволокли покойников, чтобы («авральной бригадой», что ли?) вывезти их на кладбище.

На улице Марата труп истощенного до последнего предела интеллигента, и шапка его меховая, отвалившаяся от головы. И неостанавливающиеся прохожие. И в двухстах шагах дальше две спешащие, только что выбежавшие из дома женщины, на ходу застегивающие шубы; одна — с безумным лицом: «Леня мой, Леня!» И еще дальше — третья женщина: «Леонид Абрамович-то мертвый лежит на панели!» — спокойным тоном, обращаясь к кому-то в парадном.

На проспекте Нахимсона я несколько раз зацепляюсь своими саночками за встречные, груженные мертвецами, саночки. И последние из них, на которых, завернутые в тряпки, рядом, как котлетка и длинная жердь, — труп женщины с волочащимися по снегу волосами и труп ребенка, судя по размерам — лет десяти. И я, подгоняемый сзади другими людьми, тянущими санки с мертвецами, иду впрыток за мертвой головой женщины.

На Володарском. В сторону Литейного моста — огромный пяти-тонный грузовик с горой схваченных морозом, похожих на сухой хворост трупов, в той одежде, в которой они были подобраны. Трупы не прикрыты ничем.

А кроме того, за этот, один только путь мой по городу — не меньше сотни встречных одиночных трупов на саночках, которые волочат обессиленные родственники умерших, — редко в гробах,

чаще — просто завернутых, запеленатых в жидкие одеяла или в тряпки.

А вот радость в глазах двух старух. Им повезло сегодня: прицепили саночки с покойником к каким-то армейским розвальням, в которые впряжена тощая лошадь. Сопровождающие груз красноармейцы, идущие рядом пешком, пожалели старух, разрешили им это. А груз на розвальнях — мешок с фуражом и два-три ящичка с продовольствием для какой-то воинской части.

Или вот — тень мужчины. Он несет за пазухой крошечную ребристую собачонку (редкость увидеть в городе собачонку!). У мужчины и у собачонки выражение глаз совершенно одинаковое: голодный блеск и страх. У собачонки страх, вероятно, потому, что она чует свою судьбу. У мужчины потому, вероятно, что он опасается, как бы у него эту собачонку не отняли, сил отстоять свою добычу у него не хватило бы.

Сотни людей тащат по улицам ведра с водой, в которых позвякивает лед. Носят воду иные издалека.

Скарб на саночках — по всем улицам. Люди перебираются кто куда, но обязательно поближе к месту своей работы или к той лавке, к которой прикреплены их карточки, — ходить по городу ни у кого не хватает сил. Множество жителей меняет свои пристанища, потеряв кров, покидая разбитые бомбами и снарядами, сожженные пожарами свои дома.

И вдруг навстречу, после сотен людей, изможденных до предела, в молчании идущих походкой столетних старцев, попадаетесь толсторылый, с лоснящимся от самодовольства и упитанности лицом, с плутовскими, наглыми глазами гражданина. Это какой-либо вор — завмаг, спекулянт-управхоз, накрававший у покойников вверенного ему дома хлебные карточки, получающий по ним килограммы хлеба, обменивающий этот хлеб с помощью своей жирной, накрашенной крапи на толкучке на золотые часы, на шелка, на любые ценности. И, если он идет со своей кралей, их разговор не о пропитании, их голоса громки и уверенны, им на все наплевать... Надо б таких расстреливать!

Ночь на 20 января. 1 час 30 минут

По карточкам выдают сахар — по 100 граммов на рабочую, по 150 на детскую. Тоже впервые.

Заговорило радио. Правда, не громко, а таким чуть слышным шепотом, что разобрать слова можно было только в полной тишине, прижав ухо к громкоговорителю. О Ленинградском фронте ничего не сообщалось.

С 13 января в лавках хлеб выдается очень хороший, без всяких примесей. Шумилов, однако, сказал:

— Это потому, что в городе нет никаких заменителей.

20 января. День в Смольном

Разговоры с работниками Смольного — лично и по телефону, обо всех делах.

В результате всех хлопот добился решения об эвакуации первой партии писателей и их семей, числом в двенадцать человек, с группой населения, отправляемой из Ленинграда 22 января — в первый день начала эвакуации — колонной автобусов. По телефону немедленно связался с Кетлинской, чтобы она дала поименный список тех, кого по состоянию здоровья надо отправить в первую очередь. Сказал ей, что обещано через несколько дней после первой партии отправить вторую.

Неожиданный успех моих хлопот — все за один день! — объясняется и тем, что я попал в удачный момент: за два дня до начала плановой эвакуации ленинградцев.

По моему настоянию Людмила Федоровна включена в список уезжающих 22-го.

21 января. 7 часов вечера. Смольный

Комната четыреста двенадцать набита ожидающими получения эвакуодостоверений и посадочных талонов. Очередь и в коридоре, некоторые ждут с двух часов дня. Сюда к шести вечера должна прийти для выдачи Радайкина¹, но ее нет до сих пор. Она ждет посадочных талонов, которые еще не поступили из типографии. Завтра люди поедут: пятьдесят автобусов, через Ваганово, Жихарево до Волховстроя, с ночевкой в Жихарево. Только сегодня в эти точки уехали назначенные вчера начальники эвакуационных пунктов. Начиная с завтрашнего дня эвакуация будет проходить систематически, в массовом масштабе.

Вчера возвращался из Смольного пешком на Петроградскую сторону по тридцатиградусному морозу. В первом часу ночи пришел, сократив путь по льду Невы; но зато сбившись с тропинки и прошагав по рыхлому снегу мимо замороженных эсминцев, а потом проплутав в сугробах на остром, морозном ветру, в черных, безжизненных просторах, озаренных только дальними кострами трех больших пожаров — где-то на Невском, где-то на Петроградской стороне и где-то на Выборгской. О степени утомления и чувстве голода можно не говорить, а главное, вспотел и понял, что совершенно застудил легкие и горло.

Когда пришел, не было сил даже снять с себя полушубок, просто повалился...

7 часов 30 минут вечера

Явилась девушка с сообщением, что вместо пятидесяти автобусов завтра в одиннадцать дня будет только двадцать пять, а потому эвакуодостоверения половине людей выданы будут только завтра.

---

¹ Инструктор обкома партии.

10 часов вечера

После тридцати — сорока телефонных звонков — Шумилову, Попкову и другим — добился: сейчас буду получать документы на всю группу. Уезжают завтра. А у меня больше нет никаких физических сил, и думаю о десяти — двенадцати километрах пути пешком домой и о том, что завтра утром опять сюда столько же, да тащить тридцать килограммов груза на саночках: столько багажа, как и всем эвакуирующимся, разрешено взять Людмиле Федоровне.

Ночь

Дома. Шел по тридцатиградусному морозу. Сейчас — половина четвертого.

22 января. Вечер

Встал в семь, проспав только два с половиной часа. В 4 часа дня Людмила Федоровна уехала в автобусе с площади против Смольного, после трех мучительных, полных беспорядка и беспокойства часов ожидания посадки.

Эвакуировалась со всей группой Союза писателей, в числе одиннадцати человек, которых в этот день мне удалось отправить.

Десятеро из уехавших были в таком состоянии, что жизнь в них едва теплилась.

Человек полтора — двести остались со своими эвакуодостоверениями и с отчаянием в глазах на площади, так как автобусов не хватило...

26 января. Полдень

Я насквозь продушался копотью. Вчера с удивлением заметил, что плюю черным, и не сразу понял, в чем дело. Дыша этой копотью, легкие, конечно, загубишь очень скоро, но... этой копотью дышат все ленинградцы.

Вот выпил стакан еще не остывшей воды и курю табак. И при каждом вдохе и выдохе ощущаю в груди боль.

А главное — слабость...

...На днях я брел домой через Васильевский остров и Петроградскую сторону. На площади, против проспекта Добролюбова и стадиона «Динамо», стояли в хлынувшей из лопнувших магистралей и разлившейся воде грузовики, они провалились сквозь верхнюю корку льда. Некоторые шоферы еще не потеряли надежды выбраться, упрашивали прохожих помочь им, тянули свои машины на веревках сами, стоя в валенках по колено в ледяной воде. Но машины уже вмерзли, — им здесь стоять до весны. А вода все лилась, распространяясь под коркой льда. И до самой Пионерской улицы, по Большому проспекту, мне вместе с такими же, как я, прохожими пришлось прыгать со льдины на льдину, карабкаться по заборам, выскивать среди воды ледяные кочки, чтобы миновать огромное пространство воды, заполнившей весь

Большой проспект и кварталы примыкающих улиц. От воды шел пар. Она замерзала. Не находя из нее выхода, стремясь к застрявшим автомобилям, как к спасительным островкам, взывали о помощи прохожие...

Миновав этот водно-ледяной, покрывший улицы панцирь, коротко и трудно дыша острым морозным воздухом, вилля подгибающимися от слабости ногами, я добрел до дома и лег, сразу погрузившись в кошмары и бред.

Два дня назад температура у меня была тридцать восемь. Сегодня — тридцать пять и шесть.

Самочувствие чуть лучше. Мешает часто наплывающее головокружение. Моментами одолевают спазмы, по телу ходит озноб. Но мне помогают мысли о Ленине. Если б он знал, как мы способны держаться, он был бы доволен. И еще помогают мысли об Амундсене и обо всех тех людях воли и долга, что были сильными духом и гуманными до конца, до последнего предела своих физических сил...

С 24 января в городе увеличены нормы хлеба: иждивенцам — 250 граммов, служащим — 300, рабочим — 400 (ладожская трасса действует!). Но люди уже так истощены, что смертность не уменьшается, — она в огромной степени увеличивается!

Впрочем, кто может сказать, что меню у голодающих ленинградцев однообразно? У меня, например, оно отличается необыкновенным разнообразием. В спальне моих родителей — пустой, вымороженной комнате — стоит зеркальный шкаф-гардероб. После смерти матери отец не касался ее ящиков в этом гардеробе. Она долгие годы лечилась у гомеопатов, и большое количество этих сладких лекарственных шариков осталось. В поисках хоть чего-либо годного для еды и освещения я, сочтя эти шарики новыми пищевыми ресурсами, стал их есть дозами аллопатическими, в любой смеси. Было бы больше — ел бы зараз хоть по полкило в день! Какие у них необыкновенные и заманчивые названия!

Все прочнее в мое меню входит и новое блюдо: «обойная каша».

В том же гардеробе я обнаружил несколько мелков. Постепенно их съел. Один оставил: разметил им обои в комнате, установил себе норму — по квадратному метру в день. Из квадратного метра обоев варю кашу. Обои питательные, они — на клею.

Из столярного клея все ленинградцы варят бульоны и делают студни, это блюдо считается одним из изысканных и наиболее сытных. Студня я не умею делать, а бульон получается, но столярный клей надо экономить. А вот обойной каши (изобретение мое собственное) при установленной мною норме может хватить надолго. Продукт не хуже других! А если в кашу эту положить две-три миндалины из выданных мне в Союзе писателей двухсот граммов, то прямо-таки деликатес!

После тщательного обследования всего, что есть в квартире, у меня получился целый чемоданчик продуктов питания. Это: сыро-

мятные ремни, воск для натирки пола, глицерин из аптечки (жаль, не нашлось касторки!), вишневый клей, спиртовые подметки и пара набоек, карболен, многолетней давности ячменная ритуальная лепешка с могилы «святого», привезенная мною одиннадцатилет назад с Памира, пузырек с рафинированным минеральным маслом для смазки точных механизмов и много другой снеди. В перспективе — корешки многочисленных книг, ведь они тоже на добротном клею! Дела не так уж плохи! Ни один доверенный повар не обладал столь редкостными продуктами, чтоб разнообразить меню!

27 января. 5 часов утра

Записываю только что сложившееся в бессоннице, во тьме, стихотворение:

Во мраке этом потянись к лекарствам,
Прими любое — всякое поможет
В какой-либо из множества болезней,
Вцепившихся оравой в тебя.
Потом лежи, прислушиваясь к звукам
Из мира внешнего. Немного их осталось.
Вот тикают часы. И всё, пожалуй. Даже крысы
Все перемерли с голода. А репродуктор
Молчит, как будто шар земной заглодел настолько,
Что и эфир весь вымерз вокруг него.
Но если, кроме холода и мрака,
Уже ничто тебя не окружает,
Представь в уме родной России карту,
Стань полководцем, наноси удары
По ненавистному нам всем врагу,
И полная твоя над ним победа,
Как солнце, воссияет над тобой.
И сразу сердце станет согреваться,
От цепкого небытия освобождаясь,
Рукой иссохшей ты груди коснешься
С улыбкой: «В осажденном Ленинграде
Горячей верой в близкую победу
Еще на сутки протянул я жизнь!»

4 часа дня

Озноб, головокружение, температура тридцать пять и шесть. Но, я — в политотделе 6-го района аэродромного обслуживания. Вне дома, в обстановке военной части, сразу — бодрость и ощущение, что еще буду жить, работать, действовать, служба моей Родине...

Как хочется мне быть поближе к фронтовым событиям! Проклятая болезнь, проклятая слабость, сковывающие меня! Надо если не здоровьём, так волей преодолеть их, побороть, заставить себя быть здоровым. Я добьюсь этого во что бы то ни стало! Самое трудное, самое тяжелое — позади. Теперь еще немного выдержки — и все пойдет хорошо. Получу аттестат, налажу мое питание — и за работу, за прекрасную фронтовую работу!

31 января. 9 часов 40 минут вечера

В ночь на 27-е число я в полубреду, в бессоннице написал стихотворение.

И именно так все и было. Все слова его математически точны. Я лежал и думал: что же? И мне погибать, как не десятки, как сотни тысяч людей уже умерли в Ленинграде от истощения в своих превратившихся в склепы квартирах, на улицах, ставших арктическими пустынями?..¹ Умирают многие, стоит только одинокому обитателю опустевшей квартиры заболеть, особенно если живет он далеко от своих сослуживцев или знакомых и потому не может рассчитывать, что у кого-либо из них интерес к его судьбе окажется настолько гигантским, что тот наскребет в себе сил дойти до него через весь город пешком и узнать, почему такой-то, допустим Иван Иванович, уже пятые сутки не приходит на службу, не интересуется столовой, в которой всегда по пять-шесть часов простаивал в очереди, чтобы получить свою порцию супа... «Что-то Иван Иванович не приходит!» — говорят на службе о таком человеке. «Наверное, тоже умер!»... И если Иван Иванович действительно умер, то все понимают: пролежит он непохороненным, может, и до самой весны. В Ленинграде сейчас есть тысячи квартир, в которых, никому не ведомые, лежат на собственных постелях замерзшие, мертвые люди. И двери квартир заперты изнутри. И некому зайти в них, постучать. Никто и не знает, что делается в таких квартирах.

Да, я знаю: ходят по городу бригады девушек-комсомолок, таких же ослабевших, как и все другие, но взявшихся с великим самопожертвованием спасать всех, кто умирает без всякой помощи. Но разве десятки чудесных этих бригад могут оказать помощь многим сотням тысяч людей? И на такую ли добрую случайность рассчитывать?

И, все это продумав, я очень рассердился на себя самого и сказал: нет, я боролся еще не до конца, я должен собрать хоть по крохам все свои последние силы и спасать себя сам — добраться до прежней моей квартиры на канале Грибоедова, чтобы быть ближе к людям и чтобы избавиться от этого проклятого, непосильного ни для меня, ни для других расстояния. И — поправиться, добиться утверждения своего воинского состояния, уехать на фронт, работать или воевать. А прежде всего нужно перебраться в центр города, на канал Грибоедова, оттуда я могу со-

---

¹ «...Всего же в результате голодной блокады, по подсчетам Ленинградской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских войск, в Ленинграде погибло 632 253 человека» (А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады, стр. 185; со ссылкой на сборник материалов «Нюрнбергский процесс», т. 1. Госюриздат, 1954, стр. 594). От себя добавляю: в этих данных могли быть учтены далеко не все погибшие, в частности, например, те люди, которые умерли в пути во время эвакуации из Ленинграда.

вершать нужные мне пешие хождения. Может быть, сил и хватит.

И на следующий день с семи утра до часу разбирался в вещах — откуда столько энергии! — ковыляя из угла в угол в полущубке по морозной квартире, тыча во все углы и во все чемоданы непрерывно гаснущую коптилку. И в час дня нагрузил на длинные финские санки: рюкзак с одеялами, спальный мешок, чемодан с необходимыми вещами и так называемыми продуктами, пишущую машинку, ящик с кухонной посудой, пилу, топор, инструменты, ведро, бидон, и таз, и аптечку, и всю мою амуницию, и дрова, и книги... И увязал все это на дворе. И двинулся в трудный пеший поход, волоча санки, упорствуя в борьбе со слабостью, отдыхая на возу и снова берясь за гуж.

Несколько часов перебирался я с улицы Щорса в дом на канале Грибоедова. И самое фантастическое по трудности было — поднять все привезенное на пятый этаж и водворить в квартиру.

Часа полтора-два подряд, на коленях, со ступеньки на ступеньку (оледенелым, скользким), с площадки на площадку темной лестницы, перепихивал руками, перетаскивал по десяткам «этапов» и «перевалочных баз» привезенный на собственном горбу караван.

Это надо было сделать!

Не отдыхая, чтобы не свалиться, я занялся после переезда дровами, плитой, обиванием двери, приготовлением пищи, оборудованием кухни под жилье — и делал все это при свете двух маленьких коптилок, которые нужно было подносить к самой вещи (притом — не дыша), чтобы разгадать, с чем в данный момент имеешь дело...

Надо сказать, что отсутствие света в нашем быту, пожалуй, самое тяжелое испытание. Я, как и все, давно научился быть слепым, выработал в себе все навыки слепцов: умение находить дорогу и любые предметы на ощупь, обострив слух, определять окружающее по легчайшим звукам, — вообще научился жить в темноте. А это требует массы лишнего времени, особой замедленности движений, чтобы не уронить, не наткнуться, чтобы найти то, что лежит где-то прямо перед тобой, но чего ты не видишь.

А когда к ночи все было сделано, я с гордостью подумал о торжестве духа над слабым телом!

Мне представилось, что этот день, этот час поворачивает всю мою жизнь опять по-новому, что отныне счастье и удача будут сопутствовать мне, как прежде. И стало мне хорошо. И вот — хорошо с тех пор!

На следующее утро я пошел в Союз писателей, где организовали получение хлеба.

Из Союза пошел в ТАСС. Там удивились: я жив и пришел как нельзя более кстати:

— Вам ехать надо. Сегодня же!

— Куда?

— В пятьдесят четвертую армию. Шумилов назначил вас персонально... Там начинается наступление...

«Сегодня же» не вышло, потому что не оказалось машины, и мне сказали, что, когда будет машина, ее пришлют за мной и чтобы в ближайшие дни был дома...

Веселый, окрыленный, как-то даже физически сразу окрепший, я возвращался домой.

Весь город полон слухами о наших успехах на фронте. Мгу, судя по этим слухам, мы брали уже раз двадцать. Разговоры о Великих Луках, Новгороде, даже Пскове. Между тем люди, знающие больше, все это отрицают, в официальных сообщениях тоже нет ничего. Впрочем, официальных сообщений я уже не слышал по радио давно, а в последней газете, которую мне удалось прочесть, было сообщение о взятии нами Холма. Но хорошо, что тема слухов — наши успехи: всем очень хочется добрых вестей. На днях взята Лозовая... Скорей бы, скорей!.. Какую-то хорошую речь говорил Крипс, мне передавали ее содержание, но где прочесть текст?

...Когда-нибудь в Ленинграде будет поставлен памятник неведомым героям, мужественно встретившим голодную смерть. Она страшнее и печальнее, чем смерть в бою. Но страх и подавленность отступают перед благоговейной и суровой гордостью от сознания, что ты — участник и свидетель небывалых и незабываемых событий, что ты и есть один из тех ленинградцев зимы 1941/42 года, о которых будет на протяжении тысячи лет говорить история. И своя собственная жизнь даже для себя самого перестает быть мерилем ценности. Во всем и всегда быть с народом, действовать и жить для него и умереть за него, если нужно. Какая прекрасная цель, как счастлив человек, перед которым горит такой яркий, освещающий его путь лучезарный свет!

И вот почему я счастлив!

НА ЛЕДОВОЙ ТРАССЕ

(Ладога, Влоя. 1—4 февраля 1942 г.)

4 февраля. 7 часов утра. Деревня Влоя

Деревня Влоя Мгинского района находится километрах в пятидесяти от Мги, в ней и вокруг нее расположены тылы 54-й армии генерала И. И. Федюнинского...

Самая нищая, самая ободранная, обобранная немцами, прожившими здесь месяц, крестьянская изба — блаженство по сравнению с любой ленинградской, хотя бы и роскошно меблированной квартирой, потому что в этой избе жарко натоплена печь и странно ненужными оказались вдруг все эти меховые куртки, ватники и свитеры, поверх которых я надевал полушубок в Ленинграде; потому что на столе стоит десятилинейная керосиновая лампа, при которой все обитатели избы — зрячи; потому что воды — чистой, колодезной — в избе огромная кадка и дров кругом в лесу сколько угодно; потому что жители деревни сыты, получая паек мукой (по 250 граммов) и варя огромные куски конины, которой тоже сколько угодно вокруг деревни, в лесу: здесь были бои, убитых, замерзших лошадей полна округа; потому, наконец, что у людей здесь полнокровные, здоровые лица... Единственный исхудавший до предела, с трудом передвигающий ноги и еле поднимающийся с ящика (заменяющего табурет) человек — это я, ленинградец, приехавший сюда сквозь кольцо блокады, заночевавший здесь на пути к штабу армии и дальше — к передовым позициям уже прославившихся армейских частей Федюнинского...

И вот после четырнадцати часов сплошного, крепкого, небывалого за последние месяцы сна, я встал, хоть и с головной болью, хоть и с болью в груди, с затрудненным дыханием застуженных легких, но встал с ощущением спокойствия, благополучия, как больной, впервые встающий на ноги после тяжелой болезни.

Встал, подсел к жарко натопленной бабкою печке, в валенках на босу ногу, с распахнутым воротом, наслаждаясь теплом, совсем не стремясь скорей одеваться, без желания торопиться

куда бы то ни было. Умылся холодной водой, и холод ее лицу и рукам был приятен. И, накинув полушубок, вышел на разломанное немцами крыльцо.

И мороз предутренней ночи, которая была вся ярко залита луной, а в этот час уже предрассветно посерела и потемнела, тоже был приятен. А лес, дремучий, заснеженный, как при рождении мира, красив, и поля — снежная их пелена — величественны. И грузовые машины, выбеленные фургоны казались живыми, только задремавшими чудищами, совсем непохожими на остовы мертвых, вмерзших в улицы ленинградских машин...

Извлек из рюкзака кофе, вскипятил на углях котелок воды и, пока все еще спали, напился кофе с черными ржаными, необыкновенно вкусными армейскими сухарями, полученными мною вчера, выпитывающими горячий кофе, как губка.

И пожалел только, что мечте моей ленинградской — о картошке и молоке — не суждено сбыться, потому что район был территорией боев, отступлений и наступлений, ни одной коровы здесь не сохранилось, последняя картофелина выкопана давно.

Доехал я сюда на машине, присланной за мною позавчера из ТАСС.

Было девять утра, когда я вышел из дому. На набережной канала Грибоедова стояла трехтонная АМО — крытый брезентом фургон, пятнистый от белой, маскирующей краски. Кузов был полон вещей и сгрудившихся, навалившихся один на другого людей. Это были эвакуируемые — их оказалось четырнадцать человек. Тяжело катясь по засугробленным улицам Ленинграда, огибая и обгоняя саночки с покойниками, прижимая гудком к сугробам и стенам хлебные очереди, мешая женщинам, согнутым под тяжестью ведер, бачков, кастрюль, тазов с ледяной водой, мы приближаемся к Охтинскому мосту. В десять утра пересекаем Неву и, оставляя позади себя вмерзшие в лед пароходы, баржи, не обращая внимания на разрушенные и сгоревшие дома, мчимся дальше, в направлении к Всеволожской.

И как только мы выезжаем на эту дорогу, ставшую военной, фронтовой трассой, — мы попадаем в поток попутных и встречных машин, в царство многих тысяч автомобилей — порожних и заметенных снегом в канавах, по обочинам, «раскулаченных» — превращенных в жалкие металлические скелеты. Попутные машины бегут во множестве с пассажирами, эвакуирующимися кто как может, кого как (по закону ли, по «блату» ли) устроили. Вот устроенные «по первому разряду»: белопятнистый автобус с торчащей над крышей железной трубой «буржуйки»; грузовик-фургон, раскрашенный как попугай, с такой же трубой коленцем вбок, с окошечками и фанерной дверкой и приступочкой лестницы. И «по второму разряду»: просто фургон, но уже без печки. И «по третьему»: грузовик, переполненный изможденными людьми, закрытыми от ветра брезентом. И «по четвертому», печальному, как похороны без гроба: просто кузов грузовика либо бен-

зоцистерна, на которых, предоставленные всем лютым ветрам мороза, без всякой уверенности, что доедут живыми, сидят, цепляясь друг за друга, лежат один на другом полутрупы, с ввалившимися щеками, с темными и красными пятнами на лицах, не способные уже пошевелить ни рукой, ни ногой...

Все это едет и едет чередой, все это надеется начать жить там, «за пределом», «по ту сторону».

А кое-кто уходит пешком, волоча скарб свой на саночках, но скарб постепенно выбрасывается, сил все меньше. И часто на сугробе обочины вот уже мертвый, не выдержавший перехода, лежит в шубе навзничь глава семьи, а семья хлопочет вокруг. Похоронить? Нет сил и возможностей. Просто снять с него все ценное, сунуть украдкой тело под снег и самим потащиться дальше, минуя кордоны, по рыхлому снегу, леском, позади дач, потому что эвакуироваться пешком не разрешается. Да у иных и нет никаких эвакуационных удостоверений, без которых их не пропустят нигде и заставят вернуться обратно, или — за папиросы, за табак (самую высокую здесь, на трассе, валюту!) — посмотрят сквозь пальцы, пожалев посиневших детей: «Идите, да лучше сговоритесь с каким-нибудь шофером, чтоб посадил!..»

А шоферы — владыки на этом тракте! От них все зависит, они — как боги, они везут в Ленинград продовольствие и горячее. Им за спекуляцию, даже за мелкое воровство угрожает расстрел, но иные из них ловки и безбоязненны и требуют с голодающих встречных папирос и суют им — кто кусок хлеба, кто горстку муки.

Мы едем по очень тяжелой, узкой дороге. Кругом белая снежная пелена с торчащими из нее кое-где обломками машин, а сама лента трассы — светло-кофейного цвета. Два снежных вала тянутся вдоль нее. Дорога кое-где расчищается плугами, влекомыми трактором-тягачом, грохочущим гусеницами. Не дай бог, нагонишь такой — плетись за ним километра два, до широкого места, как пришлось за Всеволожской плестись нам, тратя на такой черепаший ход лишний бензин и лишнее время!

Но если, разъезжаясь с одной из тысяч встречных машин, возьмешь на лишние десять сантиметров в сторону, где канава предательски скрыта ровным снежком, лежать твоей машине на боку, а тебе тащиться дальше пешком (коли ты при этом остался цел!), волоча свое барахло прямо по снегу на веревочке. И вот ты уже не полноправный эвакуирующийся, а жалкий аварийщик, кандидат в первоочередные мертвецы, — не выдержать тебе дальнейшего пути, нет у тебя ни папирос, ни табака, ни резерва энергии для устройства себе новой возможности погрузиться в машину.

Мы едем, едем медленно, мешают встречные машины, мешают попутные. И вот — пробка. И сразу сотни машин, одна за другой, стоят. И напрасно беспомощные регулировщики бегают с красными и белыми флажками — пробка крепка, дорога забита, и можно стоять часами.

Так едем... Вдруг впереди — железнодорожная станция. Все улицы, площади и дворы — забиты автомашинами. Перед путями железной дороги — исполинская навал мешков с мукой. Вот он, наш скудный ленинградский паек, наша жизнь — поток муки для снабжения Ленинграда! Машина за машиной — десятки, сотни, тысячи, одна за другой, сплошной конвейерной лентой. Машины текут к станции, сбрасывают мешки и, освобожденные, тот же час устремляются порожняком обратно — за Ладого, к Жихареву! А мешки погружаются в вагоны, и составы их ведут в Ленинград, чтобы обеспечить день жизни осажденного города-великана.

Это — станция Борисова Грива. И направо от дороги — столб: «„Бор. Грива” от Ленинграда — 50 км, от Морьё — 18».

Но Морье — это в сторону, оно никому не нужно. От Борисовой Гривы трасса спускается напрямиком к Ладожскому озеру, оно отсюда в нескольких километрах, и можно бы пробежать их быстро, но — пробка! Длинная, в несколько километров, пробка! В ней застряли и мы, между колонной военных машин и каким-то эвакуирующимся из Ленинграда на десятке грузовиков заводом. Красноармейцы приплясывают от холода на снегу. Далеко не все они одеты в полушубки и валенки, многие ежатся в своих черных ботинках с обмотками, в подбитых ветром шинелях.

Стоим часа два, расхаживая между грузовиками.

Нестерпимо хочется есть!

Стынувшие на застопоренных машинах люди ждут терпеливо.

Я раздумываю о тысячах едущих по трассе честных шоферов, о мужественных, сильных духом ленинградцах-горожанях. Но на каждую тысячу их есть и несколько иных людей — опустившихся, деморализованных обстановкой блокады, а то и просто жуликов, спекулянтов. Их замечаешь сразу, они со своими мелкими делишками бросаются всем в глаза! Вот, сойдясь в кружок, сторонясь людей, группки таких дельцов решают на лету свои спекулянтские, обменные дела. И кусочки хлеба, пачки папирос переходят из рук в руки. И то здесь, то там видны украдкой жующие рты, за которыми с безнадежной жадностью наблюдают с кузовов переполненных машин застывшие, как бронзовые скульптуры отчаяния, беженцы.

И наконец, «тычком-пырком», проползая десять — двадцать метров и вновь останавливаясь, машины начинают продвигаться вперед, пробка постепенно рассасывается, и наша машина опять бежит по дороге.

Перед нами раскрывается ледяной, заснеженный, белый покров Ладожского озера, пересеченный уходящими в бесконечность лентами дорог в трех-четырех направлениях, и каждая — в два ледяных пути, для двух, следующих в противоположные стороны, потоков машин.

На берегу столпотворение машин да несколько зенитных установок в укрытиях из ледяных кирпичей.

В 5 часов 12 минут дня мы вступаем на лед. Здесь так просто, что поток машин стал пунктиром, — дистанция между машинами велика, каждая может обогнать другую. Справа и слева — два снежных вала, взгроможденных снегоочистителями-плугами. Вешки обозначают направление. Через каждый километр — полубашенки из снежных кирпичей, прикрытые сверху жердями, в них убранные от ветра только с одной стороны, как белые статуи в нишах, стоят в маскировочных пожелтевших халатах регулировщики с флажками — белым и красным, с красными носами. Иные разожгли большие костры в своих полубашенках, и пламя причудливо мерцает на снежных и ледяных кирпичах. Здесь и там сложены дрова и бочки с горючим. Изредка — большие палатки ремонтников, регулировщиков, охраны да белые укрытия зенитных установок. Стволы ощерены в небо, — обращенные справа к Шлиссельбургу, к немцам, а слева — уже темнеющие, лиловатые — на финскую сторону.

А из-под снега кое-где — остатки разбомбленных машин, скрюченный железный хлам...

Степь! Снежная степь!.. И по ней — ниточки похожих на жучков-плавунцов машин. Муравьиные череды в одну сторону, по каждой трассе. Этих машин-муравьев — нескончаемое количество: нет числа, нет конца, нет перерыва, — бегут, бегут, бегут, пересекая озеро, перестав быть машинами, превратившись в маленькие живые существа, спешащие по своим, неведомым человеку, неотложным делам...

Еще не стемнело, начинаются сумерки, а вдоль каждой из трасс постепенно вспыхивают мигалки маячных огоньков — зеленые и неокрашенные сигнальные точки огня. И возле каждого регулировщика — фонарь, устроенный из бидона, со светящейся дыркой в боку: видимый сбоку, невидимый сверху свет.

Мы едем через озеро, небо темнеет, спускается чернь небес. Сотни незатемненных фар секут снежные покровы качающимися лучами. Задние стенки фургонов и автобусов, освещенные бегущими сзади машинами, кажутся маленькими, зыбкими экранами какого-то фантастического представления.

Мы катимся без фар, напрягая зрение, открыв переднее стекло, продуваемые ледяным ветром насквозь. И ровно через полтора часа бега останавливаемся перед въездом на восточный берег Ладоги. Озеро кончилось. Тут, в паре кипящих радиаторов, в перепутанных лучах фар, в зареве света, среди сотен тяжело дышащих, вынырывающих из тьмы машин, стоим, — шофер чинит фары. Встаем на берег. Это поселок Лаврово. Тут дороги расходятся в разные стороны. На перекрестках указатели и взмахивающие флажками регулировщики. Наш путь — в основном потоке машин, на Жихарево.

Еще часа полтора мы едем, уже при луне, то меж стен голого кустарника, похожего на ильи́нский камыш, то леском, то боло-

тами, по дороге, по которой встречных машин почти нет, — встречные, должно быть, идут по другой дороге.

Сейчас будет Жихарево — тепло, еда, отдых! Так надеются все — промерзшие, голодные, предельно уставшие люди.

И вот, проплутав между дающими на разных перекрестках разные советы регулировщиками, связанные в своем движении сотнями мешающих свободному пути машин, мы наконец въезжаем в залитое лунным светом, мигающее огоньками Жихарево. Среди улиц, домов, скопления грузовиков — ничего не понять.

Большая арка. Мы останавливаемся, проехав ее. Всё! Здесь бараки эвакуационного пункта, десятки указателей, и все-таки полная неразбериха. Замерзшие наши пассажиры помогают друг другу, женские голоса плачущи, беспомощны. Вещи сбрасываются на снег. Но... десятки новых распоряжений, вещи снова втаскиваются в кузов... В столовую — есть? Оформлять документы? Сразу грузиться в поезд? Или здесь (где именно?) ночевать? Где согреться?

Маленькое, наполненное уничтоженное село Жихарево никак не вмещает этого потока людей!

У меня в руках аттестат, иду с ним к коменданту. Разыскиваю его, получаю через питательский пункт на складе сухой паек на два дня: 750 граммов сухарей, 70 граммов сахарного песка и пакетик концентрата горохового супа — 150 граммов.

Но мне нужна горячая пища! С трудом добиваюсь талона на кухню.

Иду на кухню — очередь на морозе к окопечку будки. Мне дают порцию каши — горячей, пшенной, хорошей, но есть негде. Обогнув будку, сажусь с другой ее стороны на обледенелую ступеньку крыльца, ставлю на другую мой котелок; совершенно оковеневший от мороза съедаю кашу, держа ложку несгибающимися пальцами и глотая вместе с горячей кашей ледяной ветер. Чаю бы! Но взять его негде.

Почти до часу ночи я, не находя себе не только ночлега, но даже пристанища, чтоб обогреться, рассказываю на морозе. Наконец ввалился в комнату коменданта и «явочным порядком» остаюсь в ней ночевать, разложив на полу найденные тут же листы фанеры, развернув на них мой спальный мешок.

Утром комендант мне жаловался: условия на эвакуационном пункте жуткие потому, что до 20 января Федюнинский, чья армия стояла здесь, не имел разрешения от Военного совета на организацию в занятых воинскими частями бараках базы для эвакуируемых. А когда наконец 20 января такое разрешение было получено, то заниматься какой-либо организационной работой оказалось поздно: 22 января прибыла первая партия в несколько сотен эвакуируемых, и с того дня поток их, всё возрастающий, течет непрерывно.

...На следующий день, миновав Троицкое, Войбокало и Шум, к двум часам дня я оказался в деревне Влоя, находящейся на линии движения машин 54-й армии, и, поместившись в теплой

крестьянской избе, решил остаться до утра, — я уже был обессилен.

Я сразу же лег спать, раздевшись, улегшись в спальный мешок, вплотную к русской печи, и проспал до утра. Утром попытался получить на кухне завтрак, но не получил его и занялся писанием дневника...

А сейчас — пора идти ловить попутный грузовик!..

В АРМИИ ФЕДЮНИНСКОГО

Домик в Оломне. Над картой боевых действий.
Опять на передовых. Перед наступлением

(Район Оломны — Погостья. 54-я армия, 883-й гаубичный полк. 6—15 февраля 1942 г.)

ДОМИК В ОЛОМНЕ

6 февраля. 6 часов дня.

Деревня Оломна Киришского района. Ослепительно яркое солнце и чистейший белый снег. Чувствуется приближение весны. И даже сейчас, когда солнце, вплотную склоняясь к горизонту, положило на снега синеватые тени, день еще ярок и праздничен, мирен, тих и величественно красив. Эти длинные-длинные тени протянулись от изб — то целых, то разрушенных недавно побывавшими здесь немцами, — от тракторов, грузовиков, фур, палаток, от трофейных немецких почтовых автобусов и оружейных передков, от обломков всяких машин, от колодезных журавлей, что высатся над замерзшей рекой, припавшей к моей избенке крутым излучком. Ветви деревьев кажутся выгравированными на жестко зарозовевшем небе...

Я, кажется, сказал: день мирен и праздничен? А ведь утром, наблюдая сквозь обледенелые стекла маленького оконца за этим великолепным миром, я видел, как пышными тучками клубились разрывы снарядов. Проклятый враг нащупывал наши штабы и наши части огнем дальнобойных орудий откуда-то из-за Пудостья, где он сидит, не выбитый поща нами, забравшийся (занес же его черт сюда!) в такие глубины нашей родимой земли, куда до войны и самая бесшабашная фантазия не могла бы его допустить!

Деревня Оломна, как и Гороховец, не сожжена немцами: не успели, очень уж поспешно бежали отсюда. А вокруг — леса, леса, бескрайние, русские, всегда мирно дремавшие, а сейчас потревоженные войной!..

В занесенных снегом землянках вокруг Оломны находят наши воины и наши крестьяне трупы русских людей со страшными следами пыток, останки заживо сожженных пленных красноармейцев и командиров.

Мал мала меньше, плачут, и смеются, и щебечут ребятишки за стеной комнаты в избе, принявшей в себя несколько крестьянских семейств из других изб, занятых нашими воинскими частями.

Безропотно переносят жители все неудобства, лишения и невзгоды, лишь бы подалась отогнала ненавистную орду гитлеровцев спасительница Красная Армия. И заботливы, предупредительны, радушны каждая девушка, каждый старик.

Спасибо корреспонденту «Известий» Садовскому, который принял во мне, уже едва державшемся на ногах, участие, накормил и устроил меня. Из разломанного дубового гроба (других досок не нашлось) были сооружены эти вот нары, на которых лежу, а на следующий день мне оказали медицинскую помощь... Врач медсанбата определил: у меня истощение второй степени и бронхит.

8 февраля. Полдень. Оломна

Пасмурный день. Резкий морозный ветер доносит гул сплошной канонады.

Только что изучал карту. Части 54-й армии занимают примерно следующую линию фронта. На севере (где они смыкаются с Синявинской группой) они расположены на участке железной дороги между Мгой и станцией Маково, около Мишкина. Отсюда наши позиции тянутся к югу, до станции Малукса, вдоль железной дороги Мга — Кириши. Здесь линия фронта проходит по самой железной дороге, насыпь которой находится в руках противника, за исключением клиньев, вбитых нами в его расположение: недавно взятой нами станции Погостье и еще двух-трех пунктов между Погостьем и Киришами. Угол, составляемый этой железной дорогой и той, что идет вдоль реки Волхов к городу Волхову, — в немецких руках. Старые Кириши — в наших. Новые Кириши — в руках противника, а позади него — блокирующие его части 4-й армии Мерецкова. Стык этой армии с 54-й проходит вдоль берегов Волхова, а южнее войска Мерецкова, большой дугой огибая с тыла Чудово, ведут бои, направляя свой удар к Любани.

На передовых, в районе станции Погостье и вдоль железной дороги, идет денно и ночью бой, затяжной, пока не слишком напряженный, — идет штурм немецких позиций. По ним бьет артиллерия, в том числе быстро меняющие свои позиции, удручающе действующие на немцев батареи «марусь»¹. Долбят штыком и

---

¹ В ту пору «марусю» (производное от МАРС — минометная артиллерия реактивных снарядов) называли на Волховском фронте также «гитарой». Изобретенные конструктором Костиковым, смонтированные на автомашинах реактивные минометы, позже прозванные «катюшами», делились на малые и большие. Малые (БМ-8, то есть метательная боевая машина 8, дававшая залповый огонь 82-миллиметровыми осколочно-фугасными снарядами) били на пять с половиной километров, и залп такой машины состоял из сорока восьми выстрелов за 8—10 секунд. Большая (БМ-13) была на восемь с половиной километров 132-миллиметровыми

гранатой вражеские блиндажи пехотинцы. Ходят в тыл к немцам лыжники...

Мы ждем начала решительного наступления!

НАД КАРТОЙ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Читателю необходимо знать историю боев, которые вела 54-я армия генерала И. И. Федюнинского. С осени 1941 года в течение всей осады ленинградцы думали и говорили об этой армии, как о своей надежде на освобождение от кольца блокады, как о своей жизни...

12 февраля. Утро. Оломна

Всем хочется знать: что же именно 54-й армией сделано и что делается?

Я знаю: Федюнинский вот-вот начнет новое мощное наступление, уже начинает его. Вчерашняя, первая попытка успеха пока не дала. Что будет завтра? Федюнинский с членами Военного совета находится на выносном пункте управления, в лесу, руководя происходящими боями, пробуя силы врага, стремясь нанести врагу решительный удар. Наиболее нужные командующему части штаба постепенно перебираются вперед, в лес, поближе к передовым позициям. Как разворачивались боевые действия? И что предстоит армии в ближайшие дни?

Передо мной — карта. Сверху — Ладожское озеро. Ниже — треугольник, образованный отрезками железных дорог и рекою Волхов. По северной стороне треугольника, между Мгой и городом Волховом, — станции Назия и Войбокало. По юго-западной, между Мгой и Киришами, — станции Малукса, Жарок, Посадников Остров.

Через левый угол треугольника (Назия — Малуксинский Мох) и полосу до деревни Липки на берегу Ладоги проходила линия

снарядами (каждый весом в 42 килограмма), и залп ее состоял из шестнадцати снарядов, выпускаемых за 7—8 секунд.

Первый на Ленинградском фронте залп батарей «катюш» (которой командовал старший лейтенант П. Н. Дегтярев) был произведен 3 августа 1941 года под Кингисепном.

Тяжелые гвардейские минометы М-31, стрелявшие двенадцатью 300-миллиметровыми девятистокилограммовыми снарядами на расстояние до 4,3 километра, предназначались для разрушения залповым огнем опорных пунктов на первой и второй позициях главной обороны противника и для уничтожения крупных группировок его танков и живой силы в местах сосредоточения. Такие минометы, впервые на Ленинградском фронте примененные в июльской операции 1942 года под Урицком, были позже метко прозваны в армии — «иван-долбай».

Строго засекреченное во время войны, наводившее ужас на гитлеровцев, оружие это ныне для всеобщего обозрения выставлено со всеми техническими объяснениями в Военно-историческом музее артиллерии и инженерных войск, находящемся в Ленинграде.

обороны 54-й армии. Вдоль юго-западной стороны треугольника, от Малуксинских болот до Киришей (и еще немного к югу), тянулась линия обороны 4-й армии (в ту пору ею командовал генерал В. Ф. Яковлев). К югу от Киришей, по правобережью реки Волхов, оборонялись войска 52-й армии генерала Н. К. Клыкова. В 4-й и 52-й армиях, растянутых по фронту на пятьдесят и восемьдесят километров, сил было крайне мало, в два-три раза меньше, чем у гитлеровцев, занимавших территорию к западу от реки Волхов и к юго-западу от железной дороги Мга — Кириши.

Отсюда, примерно от Чудова, 16 октября немцы начали наступление на Тихвин. Стремясь по всему фронту напрямик на север, к Ладожскому озеру, они 24 октября ворвались и в пределы обозначенного мной треугольника: от станции Погостье — на Войбокало и от Киришей, вдоль реки Волхов, — к городу Волхову, к первенцу нашей электрификации — Волховской ГЭС.

4-я армия (отсединенная немцами от 52-й армии, оставившей Большую Вишеру) вынуждена была отступить, и немцы вскоре заняли почти весь треугольник. К северной стороне его они вышли у станции Войбокало. На этом рубеже и в нескольких километрах южнее города Волхова врага удалось остановить сосредоточившимся здесь войскам 54-й армии И. И. Федюнинского.

Это был период октябрьских и ноябрьских тяжелых оборонительных боев. Получив подкрепления (в частности, из осажденного Ленинграда), подготавливаясь к контрудару, армии Федюнинского удалось перед концом ноября добиться перевеса в силах.

После того как наша 52-я армия двинулась в контрнаступление на Большую Вишеру, а 4-я армия — на Тихвин, 54-я армия Федюнинского в свою очередь 3 декабря нанесла немцам сильнейший контрудар в районе Войбокала. Были брошены в бой силы 6-й бригады морской пехоты, 311-й стрелковой дивизии (полковника Биякова), 80-й (подоспевшей из Ленинграда) и 285-й стрелковых дивизий, 122-й танковой бригады (полковника Зазимко), артиллерийские, саперные и другие части и, конечно, авиация.

В течение десяти дней армия освободила ряд населенных пунктов: совхоз «Красный Октябрь», Тобино, Падрило, Опсала, Овдокала (немецкие гарнизоны в них были окружены и уничтожались). Срочно бросив сюда крупные резервы, немцы замедлили было ход нашего наступления, но тогда, 15 декабря, Федюнинский нанес им стремительный удар с фланга двумя переправленными из Ленинграда стрелковыми дивизиями: 115-й и 198-й. Немцам и в голову не могло прийти, что 54-я армия получит крупные подкрепления из... осажденного, голодающего Ленинграда! Ударом этих двух дивизий, нацеленным от синявинских Рабочих поселков № 4 и № 5, напрямик на Кириши, весь занятый немцами треугольник был рассечен надвое. Обе дивизии, презирая тридцатиградусные морозы, двигаясь по заснеженным лесам и по болотам Малуксинского Мха, через несколько дней достигли деревень Оломна, Гороховец, Бабино, уничтожили здесь немецкие гар-

низоны и сомкнулись с другими — 3-й гвардейской, 310-й стрелковыми дивизиями и прочими частями, отстоявшими город Волхов и, начиная с 20 декабря, отбросившими немцев вдоль реки Волхов почти до Киришей.

115-я дивизия, в частности, сменила здесь вынесшую тяжелые оборонительные бои за город Волхов, а потом наступавшую от него вдоль реки 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора Н. А. Гагена, которая ушла на короткий отдых. 198-я дивизия стала рядом со 115-й. Крайний левый фланг 54-й армии одновременно сомкнулся с частями гнавшей немцев от Тихвина 4-й армии.

Бросая артиллерию, танки, ручное оружие и боеприпасы, спасаясь мелкими группами, почти окруженный враг в панике отступал к прежним своим позициям. Здесь, на линии железной дороги Кириши — Мга, ему удалось закрепиться. 54-я армия вышла на линию этой дороги к 27 и 28 декабря. Ожесточенные бои разыгрались здесь у станций Погостье и Жарок. А 311-я стрелковая дивизия Биякова у Посадникова Острова и у Ларионова Острова с ходу прорвалась дальше к югу, за железную дорогу, и, угрожая окружением Киришей, выдвинулась в немецкий тыл. За нею перешли железную дорогу 80-я стрелковая дивизия (у станции Жарок) и 285-я.

28 декабря, форсировав реку Волхов, к Киришам приблизились и части 4-й армии. Эта армия, освободившая 9 декабря Тихвин, а 21 декабря — Будогощь, вошла теперь вместе с 52-й и 2-й ударной армиями в недавно (с 17 декабря) созданный Волховский фронт, которым командует генерал армии Мерецков.

Если бы наступление армий Волховского фронта удалось развить, то громада наших войск, протянувшаяся до Новгорода, двинулась бы от реки Волхов строго на запад и вся немецкая группировка, осаждающая Ленинград, была бы поставлена под удар. Под угрозой окружения немцам пришлось бы немедленно отступить от Ленинграда.

Вот на это и надеялись ленинградцы перед новым, 1942 годом!

Но немцам, разгромленным под Тихвином, городом Волховом и под Войбокалом, удалось удержаться в Киришах: пока мы наступали, они подтягивали сюда крупные резервы и сильно укрепили здесь рубежи.

Вывавшись вперед у Киришей, 311-я дивизия Биякова осталась в тылу у немцев. Став нашим изолированным форпостом, испытывая трудности без снабжения, эта дивизия продолжала вести ожесточенные наступательные бои. При поддержке дальнбойной артиллерии 54-й армии (в частности, 883-го артполка майора Седаша) она выполняла местные задачи.

В тылу у немцев она действовала весь месяц, а затем вышла к нашей линии фронта и на рубеже железной дороги присоединилась к своим прежним соседям — 80-й и 285-й дивизиям.

Общее декабрьское наступление 54-й армии в последних числах декабря было на линии Кириши — Мга приостановлено. Надо было очистить весь освобожденный армией треугольник от разрозненных, метавшихся там немецких групп, укрепить растянувшиеся коммуникации, обеспечить передовые части пополнениями и снабжением.

При таком положении встречен был Новый год. И мне понятно теперь, почему новогодние надежды ленинградцев на быстрое взятие Мги и открытие железнодорожной связи со всей страной не оправдались.

Линия фронта в основном стабилизировалась на весь январь и начало февраля. Однако бои за Погостье продолжались. 16 января на станцию Погостье наступала 11-я стрелковая дивизия, 24 января — 285-я стрелковая дивизия и другие части. Усилиями наших войск станция Погостье, насыпь железной дороги и половина расположенной за нею деревни Погостье были взяты. Вторая половина деревни пустует, став зоной прострела, а немцы располагаются полукругом за ней, в блиндажах, по опушкам леса. Без существенных изменений это положение длится с 24 января по 11 февраля, — вчера наши части продвинулись немного вперед.

54-я армия готова нанести отсюда новый удар и надеется начать генеральное наступление.

Сил у нас мало. После жестоких наступательных боев есть в армии такие части, в которых, кроме номера, ничего почти не осталось. Есть, например, соединение, в котором сегодня насчитывается десятка полтора активных штыков. Правда, эти части быстро пополняются, но среди прибывающих пополнений многие бойцы еще обстреляны, никогда не бывали в бою. Что касается снарядов, боеприпасов всякого вида у нас теперь как будто вполне достаточно!..

Остается сказать об армиях Мерецкова. Здесь многие командиры говорят о его таланте. И когда люди, высоко оценивающие качества собственного командующего — Федюнинского, говорят с таким же уважением о его соседе, это приятно слышать.

За последние дни войска Мерецкова блокировали Любань и взяли Тосно. Официальных сведений об этом нет никаких, но здесь, в 54-й армии, все командиры частей и политработники подтверждают это. При таком положении удар 54-й армии к югу, в сторону Октябрьской железной дороги, должен привести к соединению частей 54-й армии с войсками Мерецкова и тем самым к блокированию всех немецких частей, занимающих район Кириши — Погостье — Мга.

Все командиры 54-й армии уверены, что к годовщине Красной Армии — к 23 февраля — удар этот будет завершен и трудящиеся Советского Союза получат прекрасный подарок — освобождение Ленинграда от блокады.

Я рад, что стану свидетелем новых боев за Погостье — один из

важнейших исходных пунктов этого наступления. Если удастся развить успех, то наши части выйдут через Веняголово, Костово и Шапки к Тосно, сомкнутся там с частями Мерецкова (который наступает со стороны Чудова, обходя Любань) и двинутся в общем наступлении на запад и северо-запад. Задача, решенная в декабре только частично, будет решена до конца, будут нанесены удары по мгинской группировке врага, — и через Тосно, и всей дугой армий, и изнутри кольца блокады: навстречу волховчанам успешно двинутся ленинградцы — 55-я армия Ленинградского фронта, ведущая с ноября бои за Усть-Тосно и Ивановское, чтобы подойти к Мге, а с декабря, в боях за Путролово и Ям-Ижоры, стремящаяся пробиться к Тосно. А Невская оперативная группа сдвинется наконец со своего напитанного кровью Невского «пятка».

Вот почему нижняя сторона треугольника — линия железной дороги Кириши — Мга, а на ней никому прежде не ведомая, маленькая, разбитая сейчас станция Погостье — так важна и нужна нам в предстоящих больших боях.

Здесь, в 54-й армии, одной из лучших частей, имеющей свой «боевой почерк», считается 883-й артиллерийский полк майора К. А. Седаша.¹ В критический момент наступления немцев на город Волхов, когда 310-я стрелковая дивизия и другие части отступили на северо-восток и дорога на Волхов оказалась оголена, угрожающую брешь закрыли очень немногие части: 666-й стрелковый полк, 16-я танковая бригада (переправившаяся с западного берега реки Волхов), 3-й гвардейский дивизион и мотострелковый батальон. Но до подхода этих частей брешь в течение полутора-двух суток прикрывал один только 883-й артполк, находившийся южнее Вячкова и славший свои снаряды на Лыну, откуда двигались немцы.

Полк Седаша сейчас под Погостьем и будет одним из главных участников наступления. Вот почему по совету начальника политотдела армии полкового комиссара Ефременкова я еду сегодня именно в этот полк.

ОПЯТЬ НА ПЕРЕДОВЫХ

13 февраля. 9 часов утра

Лес — около левого берега реки Мги, севернее станции Погостье. Землянка командира и комиссара 883-го артполка АРГКА. Майор Константин Афанасьевич Седаш, командир полка, брился. Полковой брадобрей работал быстро и энергично, но... очередной неотложный разговор по телефону, и — с намыленной

---

¹ В марте 1942 года 883-й полк был преобразован в 13-й гвардейский артиллерийский полк.

печкой — майор разговаривает о танках, пулеметах, «марусе», пехоте. Разговаривает с командирами своих дивизионов: в 9.50 должен быть огневой налет на Погостье.

Теперь бреется комиссар Владимир Андреевич Козлов, уравновешенный человек, двадцать три года прослуживший в армии. За столом еще двое — майор Вячеслав Варфоломеевич Садковский, начальник штаба полка, длинноголовый, узколицый человек, и батальонный комиссар, инструктор по пропаганде, типичный украинец, круглолицый и добродушный.

В этот жарко натопленный блиндаж КП полка я вошел вчера вечером.

За столом, под яркой электрической лампой, сидел, изучая карту, уже почти лысый, прикрывающий лысину реденькими волосами майор с орденом Красного Знамени на тщательно отутюженной гимнастерке. На нарах, склонясь к печурке, с книгой в руках сидел худощавый старший батальонный комиссар. Взглянув на него, можно было сразу сказать, что строители блиндажа рассчитывали свое сооружение явно не на рост этого комиссара.

Майор Седаш вежливо встал, умными глазами внимательно взгляделся в мое лицо, медля и как будто его изучая. Пожал руку, отступил на шаг, по-прежнему не отрывая от меня взгляда, сказал:

— Значит, вы корреспондент ТАСС? Писатель?..

— Да.

— Ленинградец?

— Да.

— И, видно, прямо из Ленинграда?

— С отдыхом в Оломне — да!

Седаш переглянулся со стоящим рядом с ним комиссаром. Тот ответил ему чуть заметным движением глаз. Протянул мне руку. А Седаш быстро наклонился к столу, откинул бахромчатый край скатерти и, вынув из-под стола небольшой бидон, поставил его на стол:

— Ну вот что, друг!.. Мы будем воевать, а ты... ешь!

И обратился к вестовому:

— Товарищ Ткачук! А пока — обед на троих!

В бидоне был мед, не виданный мною с начала войны, ароматный липовый мед — из подарков, привезенных дальневосточниками бойцам и командирам 54-й армии. А рядом с бидоном на тарелку Седаш вывалил горки мятных пряников, печенья и леденцов.

И столько было солдатской заботливой душевности в этом жесте простого и высокого гостеприимства, что я был растроган и сразу подумал: вот он, ответ на мои мысли последних дней! Я — в армии, где каждый душу отдаст за ленинградцев! Кто я для него? Чужой, незнакомый человек, но — ленинградец!

Тут же скажу: после обеда, без всякой моей просьбы, мне заменили рваные мои валенки новыми, отличными. Заметив, что

мои часы испорчены, Козлов взял их и отослал полковому мастеру для починки. И сразу слетела с меня черствая кожа психической подавленности, хоть дотопе и не осознаваемой мною, но омрачавшей меня, — следствие ленинградских лишений.

Как иногда мало человеку нужно, чтобы вернуть ему хорошее душевное состояние!

Так началось доброе гостеприимство, коим я пользуюсь с момента приезда сюда.

Приехав в полк, я сразу же уяснил себе обстановку на этом участке фронта и узнал о делах полка за последние дни.

С января месяца (после наступления наших войск) маленькая станция Погостье, как и вся насыпь железной дороги, стала средоточием затяжных и упорных боев. Здесь немцы оказали сильное сопротивление, здесь они подготовили систему укреплений, расположенных в насыпи. В глубине, юго-западнее Погостья, сосредоточилась большая группировка их артиллерии, а поближе — минометы. В январском наступлении наших частей (3-й гвардейской дивизии, 11-й и 177-й стрелковых дивизий) сопротивление противника было сломлено, система блиндажей в основном разрушена нашей артиллерией (в частности, 883-м полком). Насыпь и станция были взяты, и наши войска продвинулись к деревне Погостье. Сквозь станцию и деревню (полностью разрушенные) проходит большая грунтовая дорога. Она уходит вдоль речки Мги к деревне Веняголово, минует ее и дальше разветвляется на две дороги: одну, ведущую к деревне Шапки и к Тосно, другую — к Любани.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

15 февраля. 1 час дня

Нахожусь в блиндаже Седаша и Козлова — на командном пункте.

Напряженная подготовка к широкому генеральному наступлению идет в эти дни по всему фронту. Начнем завтра — 16-го. Настроение в армии отличное, в частности в 883-м полку: Бойцы заявляют, что они были бы рады и горды отдать ленинградцам половину своего пайка, лишь бы вместо этой половины им дали побольше снарядов.

Все ждут не дождутся завтрашнего дня. И хотя формально приказа о наступлении до середины дня еще не было, вся армия знает о нем. В наступлении будут участвовать не только 122-я танковая бригада, но и подошедшая сюда 124-я, с танками КВ и «За Родину». На них возлагаются большие надежды, они должны нанести основной удар. Эти танки находятся неподалеку от КП 2-го дивизиона.

Ходил за полтора километра в 3-й дивизион. В каждом клочке жиденького леса — сплошное столпотворение землянок, автомашин, легких орудий. Насыщенность леса на протяжении нескольких километров такова, что, куда бы ни кинул взгляд, везде увидишь артиллерию — всякие пушки, оцеренные здесь и там. Если бы было столь же много пехоты, да была бы эта пехота кадровой! Но некоторые дивизии здесь так изрядно потрепаны, что есть, например, по словам Седаша, полк, в котором бойцов всего шесть человек. И всё же, имея знамя и номер, он числится участвующим в завтрашнем наступлении!

Около 5 часов дня — дома. В землянке КП полка — Седаш и Садковский; перед ними отпечатанный на машинке приказ по армии о завтрашнем наступлении и таблицы — Седаш изучает их («Вот эта таблица для сопровождения танков! А эта...»), говорит о «периоде разрушения» и о «периоде подавления»...

Батько Михайленко — заместитель командира полка, — облокотясь, слушает, смотрит. Седаш вчитывается в приказ. В нем сказано, какой огонь вести и сколько каких снарядов полк должен расходовать при движении танков от рубежа к рубежу.

...Пришел капитан, протягивает записку и говорит:

— Товарищ майор, прибыл Ольховский, привез пятьсот штук, вот так их распределил!

Седаш обрадовался:

— Всего тысяча шестьдесят три штуки! Живем, живем! А я все тужил насчет снарядов! Значит, праздник завтра! Молодец Ольховский!

Мы беседуем об «артиллерийском наступлении». Это термин новый, отражающий новую тактику боя.

— Предложение это, — рассказывает Седаш, — идет, по-моему, от Говорова. Когда впервые он сделал его, оно было вначале испытано на одном из второстепенных участков боя. Удалось. Пробовали на другом — удалось. Тогда применили эту тактику в крупном масштабе — под Москвой. И именно это артиллерийское наступление решило там успех разгрома немцев.

Раньше бывала артиллерийская подготовка и после нее шла пехота. Связь артиллерии с ней фактически прерывалась, и артиллерия — организованно — уже почти не участвовала в бою. Суть тактики артиллерийского наступления заключается в том, что артиллерия, сконцентрированная в огромном количестве, действует непрерывно во всей операции, в тесном взаимодействии со всеми родами войск. Часть орудий дает огонь, а другая стоит на колесах наготове, чтобы продвинуться вслед за пошедшими в наступление танками и пехотой и тотчас же бить по новому рубежу, непрерывно сопровождая наступающие пехоту и танки. И пока она действует, другая часть артиллерии подтягивается, действует по следующему рубежу — и так далее. Непрерывная

связь КП артиллерии с пехотой, танками и другими родами войск дает возможность быть гибкими во всё время боя.

Батько сегодня доедет в танковую бригаду, чтобы до деталей обо всем договориться с танкистами. Все таблицы даются им и всем батареям. Нормы снарядов будут сложены кучками у каждого орудия, для каждого рубежа. Установлены сигналы для всех требований огня и всех возможных изменений. Сигналы ракетами не применяются, так как немцы, дав свою ракету, могут спутать эти сигналы. Связь — по радио и по телефону...

В землянке продолжается подготовка к завтрашнему наступлению. Поблизости, окрест, весь день рвутся снаряды немцев.

В БОЮ ЗА ПОГОСТЬЕ

Последние приготовления. Минуты перед атакой. В наступление! Положение в Веняголове. На второй день. Люди думают, спорят

(54-я армия. Лес у Погостья. Оломна. 16—22 февраля 1942 г.)

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

16 февраля. 6 часов 50 минут. Блиндаж на берегу Мги

Нахожусь на КП, в землянке командира и комиссара 883-го артполка. Сегодня начало решительного наступления всей армии. Майор Константин Афанасьевич Седаш, спокойный, строгий, подтянутый, как всегда выдержанный и корректный, по телефону проверяет готовность дивизионов.

У каждой части, у каждого подразделения сегодня новые позывные. Узел связи полка — «Амур» (начальник связи полка Домрачев); КП полка (Седаш и комиссар Козлов) — «Лена»; начальник штаба полка майор Садковский — «Шилка»; 1-й дивизион — «Иртыш» (командир Дармин); 2-й дивизион — «Енисей» (командир Луппо); 3-й дивизион — «Барнаул» (Алексанов). Старший лейтенант Алексанов еще недавно был командиром батареи, только на днях назначен командиром дивизиона. В этой должности он неопытен, и потому Седаш особенно пристально наблюдает за его действиями.

Танки 122-й танковой бригады (командир Зазимко) и 124-й бригады, состоящей из тяжелых КВ (командир полковник Родин), называются «коробочками». Полк Седаша поддерживает прежде всего танки КВ. Их общий позывной — «Амба».

Пехота называется «ногами». Стрелковыми дивизиями командуют: Мартынчук (198-й, направляемый сегодня на прорыв из клина, что выдвинут за станцией Погостье), Бяков (311-й) и Щербаков (11-й).

При успехе после прорыва в клине Погостье общее наступление поведет 4-й гвардейский корпус с задачей ликвидировать всю немецкую группу в данном районе, как часть общей задачи по прорыву кольца блокады Ленинграда.

Полк Седаша подчиняется начальнику артиллерии армии Дорофееву и, конечно, как и все части, «главному хозяину» — Федю-

нинскому. Обо всех своих действиях Седаш непосредственно докладывает помощнику начальника штаба артиллерии подполковнику Гусакову. Его позывной — «Волга».

Связь называется «музыкой», и на линиях связи есть множество других позывных, которые могут понадобиться Седашу.

Заместитель Седаша майор Михайленко (батько) выедет к танкистам 124-й бригады («Амба») и будет находиться у них для наблюдения, координации действий и связи.

Таковы основные известные мне пока «действующие лица» и их позывные. По приглашению Седаша я решил оставаться во время наступления с ним вместе на КП.

Я с интересом участвую в изучении таблиц огня, схемы радиосвязи, позывных танковых и наших радиостанций. Речь идет о дублировании систем телефонной и радиосвязи, о кодовых поправках на называемое по телефону время (чтоб дезориентировать врага, если он подслушает), об «артиллерийском наступлении огнем» (а если прорыв удастся, то и колесами), о пристрелке реперов, проверке заградочной, о «растяжке огня», о «периодах разрушения», о взаимодействии с бригадой тяжелых танков, куда едет представителем полка майор Даниил Стефанович Михайленко.

— Если наша «музыка», — говорит ему Седаш, — не примет передачу головных «коробочек», а «музыка» «Амбы» примет, то вы мне голосом дублируйте!

Седаш спокоен за действия командиров 1-го дивизиона Дармина («Иртыш») и 2-го дивизиона Луппо («Енисей»), но очень озабочен неопытностью Алексанова. Поэтому, вызывая «Барнаул», придирчиво, во всех подробностях выпрашивает его по телефону о том, как тот подготовился к бою. И Алексанову достается крепко, и Седаш посылает к нему в дивизион своего начальника штаба Садковского. Седаш настойчив и строг...

...Связисты прокладывают дополнительные круговые линии проводов между дивизионами, своим КП и «главным хозяином»... На батареях идет пристрелка.

МИНУТЫ ПЕРЕД АТАКОЙ

В 8 часов 40 минут танки вышли на исходное положение. Пехота подтягивается. Погода ясная, мороз двадцать градусов.

Тишина! Полная тишина в лесу. В 9 часов заговорит весь лес. У Луппо и Дармина все в порядке — готово. Алексанов успеет, конечно, тоже.

Начальник штаба артиллерии армии генерал-майор Березинский только что говорил с Федюнинским: связь порвана, приходится пользоваться нашей (883-го полка). И командующий включился в провод, мешая Седашу говорить с дивизионами. Но Седаш, выжидая свободные минуты, все-таки разговаривает.

Из дальнейших переговоров, команд, вопросов, докладов я понимаю, что от Федюнинского получено приказание всем танкам

работать на дивизию Щербакова, а стрелковой дивизии Биякова оставить два-три танка.

Михайленко, сидящий наблюдателем в штабе танковой бригады, докладывает Седашу, где сейчас находятся танки. Седаш спрашивает, перешли ли «ленточку» (насыпь железной дороги), ибо «уже время выходит»:

— Какое у вас время?.. Девять часов пятнадцать минут с половиной сейчас?.. Есть! Есть!.. Девять четырнадцать — на минуту отведем!.. Маленькие трубы начали работать?.. Уже работают?.. Ясно!

Разговор идет с выносным пунктом управления — начальником артиллерии армии генералом Дорофеевым. Потом Седаш связывает «главного хозяина» — Федюнинского с Волковым («Утесом»), потом с Мясоедовым (штабом стрелковой дивизии?), потом пытается через Михайленко связать с ведущим в бой танки командиром бригады полковником Родиным. Получив приказание Дорофеева отложить налет на десять минут и передать это Гусакову, Седаш повторяет его слова своему непосредственному начальству, заместителю начальника штаба артиллерии:

— «Волга»? Товарищ Гусаков, это Седаш докладывает. Всё относится на десять минут позднее. Это налет. Переносится на девять тридцать. Точно!.. У меня всё!

Слышны выстрелы. Это работают легкие орудия. Все командиры дивизионов, сидя на проводе, слышали приказание отложить налет на десять минут, поэтому тяжелые пушки-гаубицы молчат. А если бы связь прервалась, то снаряды полетели бы, как было условлено, в 9.20.

— Алексанов! — продолжает Седаш. — Команду «Огонь» не подавать!

Седаш оборачивается ко мне:

— А вот легкие передают: огневой налет откладывают на десять минут, а уже девять двадцать шесть, — значит, не в девять тридцать, а позже начнут!

И продолжает в трубку:

— «Енисей»! Приготовиться!.. Луппо, почему телефонист не проверяет, что я говорю?.. «Барнаул»! Приготовиться!.. «Иртыш», приготовиться! «Амба»? Где «пятнадцатый»?

«Пятнадцатый» — это Михайленко... Скоро артиллеристы, потом авиация, потом «маруся» начнут говорить. Мысли всех людей армии слились сейчас в едином напряжении. Какая взрывная сила в этой сдерживаемой незримой энергии!

В НАСТУПЛЕНИЕ!

— «Барнаул»! У вас заряжено?.. Почему?.. Зарядить немедленно!..

Ах этот Алексанов! Он как ребенок сегодня, всё ему нужно подсказывать. С утра наблюдаю я беспокойство Седаша за него! Седаш продолжает:

— Волков! Спросите хозяина! Остается одна минута. Дальше не переносится?.. Нет? «Иртыш», «Барнаул», «Енисей»! Осталась одна минута... Осталось полминуты... Все разговоры прекратить! Слушайте только!.. Что слышно от коробок?.. Хорошо... Десять секунд!.. Огоны! «Енисей», «Барнаул», Иртыш», — огоны!

Два... два... два — три двойных залпа. Гул прокатывается по лесу, и немедленно снова залпы: два, два, два!.. Седаш перед трубкой, освещенной пламенем печки, сам словно отлит из металла:

— Дайте «Море», «Утес»!..

Внимательно слушает голос начальника артиллерии армии Дорофеева.

Два выстрела, два, два — опять залпы тяжелых, от которых гудит лес, и далекие — легкие (значит, начали вовремя!). Седаш слушает и говорит:

— Алексанов, выполняйте, что там у вас написано, и все! Вам — с девяти тридцати четырех должен быть налет. Обязательно!

9 часов 34 минуты. Слышно гуденье самолетов.

— «Барнаул»! Вам без передышки нужно бить десять минут! Все! «Енисей»! Лупно! Почему я вызываю три раза? Вы огонь ведете?

Седаш куда-то уходит. Я в землянке остаюсь один. Телефоны молчат. Залпы слышны непрерывно. Шум начавшегося сражения ходит волнами, как прибой. Самолеты гудят, обрабатывая бомбами передний край противника. Все виды снарядов и мин перепыхивают и взрывают вражеские траншеи, блиндажи, дзоты, ходы сообщения... Гусеницы рванувшихся с исходных позиций танков взвивают глубокий снег... Напряжение готовых кинуться в атаку за танками пехотинцев достигло предела...

...Два-два, два-два... — бесконечной чередой, словно содрогая толчками самое небо, множатся наши залпы.

Захотелось и мне подышать морозным воздухом. Выходил, прошелся по тропинке. Солнце ярко светит, пронизывая лучами снежный лес, освещая дымки, вьющиеся от землянок и кухонь. Лес наполнен звуками залпов, — в торжественные эти минуты к работе наших орудий прислушивается каждый.

Вхожу в землянку и слышу голос Седаша:

— Западнее моста? Сколько?.. «Енисей», «Барнаул»! Доложите о готовности по первому рубежу!

— Ключет! — говорит Ткачук, взясь у печки. Он солдат опытный: раз «по первому рубежу», — значит, всё у нас от исходных позиций пошло вперед — и батальон головных танков КВ, и за ними пехота...

Десять минут прошло, наши батареи налет кончили!

А Седаш оборачивается ко мне, в его глазах несказанное удовлетворение:

— Всё в порядке! Дело пошло!

Время — 9.45. Седаш приказывает: «Восемнадцать гранат, по шесть на «огород!» — то есть на батарею: значит, полк даст по первому рубежу пятьдесят четыре снаряда...

— Александров! Какой сигнал от коробочек получили? Нету? Хорошо!..

И опять:

— «Енисей!» Что передают танки? Они слышат вашу музыку?.. Противник оказывает какое-нибудь сопротивление? Там всё в дыму сейчас?.. Ясно!..

Картина наступления танков мне так ясна, будто я своими глазами вижу, как, окутываясь белыми облаками взвитого снега, танки, сами выбеленные как снег, покинули опушку маскировавшего их леса, перевалились через наши траншеи, пересекли в минуты нашего налета, прижавшего немца к земле, узкую полосу поляны и затем, уже в шквалах немецких разрывов, вскарабкались чуть западнее руин станции Погостье на железнодорожную насыпь, пересекли эту «ленточку» и сейчас проламывают вражескую, охваченную дымом и пламенем, оборону...

— «Барнаул!» Что там передают передовые?.. Откуда?.. Что?.. Танки подали команду: «Развернуться, следуй за мной?»

Значит, пехота может разворачиваться цепью, шагать дальше по пояс в снегу, за броней танков?..

Седаш непрерывно выспрашивает Михайленко и свои дивизионы о том, что передают танки. Слушает напряженно и после паузы кому-то докладывает:

— Я слышу!.. Часть перешла «ленточку». Сейчас всё в дыму и ничего не видно. Продвигаются вперед... Луппо! Не мешайте! Чего вклиниваться! Вы слушаете, что будут танки говорить? Он будет передавать, положим, три пятерки, а что это означает, Луппо?.. Танки, значит, вышли на этот рубеж!.. По рубежам — три четверки! Если передадут три четверки?.. Так, хорошо!

Седаш обращается ко мне:

— Неужели и тридцать КВ ничего не сделают? В смысле проходимости?

9 часов 55 минут... 9 часов 57 минут... 10.00... Напряженно слежу за ходом боя и записываю каждое слово Седаша, каждую новость. И о том, где в данную минуту «ноги» (пехота), и о том, как гудят, приближаясь, и проходят мимо, и опять бомбят врага самолеты, и даже как сосредоточенно лицо вестового Ткачука, пришивающего пуговицу к ватнику и определяющего на слух, каково положение на поле боя...

И уже 10.08... И 10.10... И опять — уже в который раз! — самолеты. Как тяжело в двадцатиградусный мороз, по пояс в снегу, в огне разрывов, в свисте осколков, кровавая снег, хрипло крича «ура», поспешая за машинами танков, наступать пехоте! Ведь сегодня сотни сибиряков и уральцев из свежего пополнения

впервые в своей жизни идут в атаку!.. Политруки и командиры — тоже не все обстреляны, легко ли им подавать пример? Но идут... Идут!..

Седаш передает мне трубку:

— Послушайте, как звукостанция гудит! Не хуже, чем самолеты...

Слышу низкий, непрерывный, хоть и деловитый, но кажущийся мне нервным звук...

А Седаш, узнав, что танки втянулись в Погостье, снова сыплет вопросами о степени огневого воздействия противника и ругает Алексанова:

— Почему такие вопросы задаешь? Я не знаю, что ваши передовые наблюдатели там знают, я требую от вас доклада по следующим трем вопросам: где танки, пехота, как наши?

Сейчас 10.22. Ждем от танков сигнала «5-5-5». Это будет означать, что они достигли первого рубежа и что огонь артиллерии надо переносить по второму рубежу. А первый рубеж — сразу за слиянием реки Мги и ручья Дубок. Следующие рубежи — в направлении на Веняголово. После того как будет достигнут пятый рубеж (Веняголово), танки должны пойти к западу по дороге, а артиллерия — переносить огневые позиции вперед...

10.26. Седаш сообщает мне:

— Танки в обход деревни пошли, по западной окраине, и пехота за ними идет. Немцы отвечают только пулеметно-автоматным огнем из леса.

Вот если бы мне пришлось в овчинном полушубке, в валенках, с тяжелой амуницией, с винтовкой в руке двигаться по поясу, а то и по плечи в снегу, шагать, ложиться, ползти, вставать, делать перебежки и снова падать, ползти, идти... Даже если бы я подавил мой страх ясным сознанием, что бояться нечего, потому что ведь всё равно я ради долга жизни иду на смерть! И страха бы не стало. И, может быть даже, меня охватил бы тот особенный восторг отрешенности от всего земного, какой возникает только в атаке... Но и тогда — на какой путь хватило бы моих физических сил? На километр? На два? И мог ли бы я выйти хоть за южный край стертой с лица земли деревни Погостье?

Но мне раздумывать некогда. Внимание мое опять привлечено к голосу Седаша:

— Один немецкий танк горит! Так... А откуда артиллерийский огонь? Из какого района? Из тылов... А из какого района из тылов? Тылы можно считать до Берлина, а ваши глаза что делают?

Ровный голос Седаша, его тон, суровый, неизменно спокойный, невозмутимый, мне теперь запомнятся на всю жизнь! Как хорошо, что его математически точное мышление помогает всем артиллеристам полка действовать с таким же спокойствием!

Сейчас 10 часов 40 минут. Первый эшелон танков прошел полностью линию железной дороги, подошел к южной окраине деревни Погостье. Второй эшелон в бой еще не введен. Тяжелая артиллерия теперь ждет вызова огня танками. За час пятнадцать минут боя танки КВ прошли один километр. Медленность их движения объясняется исключительно тяжелыми естественными условиями местности: в глубоком снегу танки то проваливаются, проламывая лед, в болото, то выбираются из него, ползут, преодолевая природные и искусственные препятствия...

10 часов 45 минут

Седаш, дав нужные команды, сообщает мне, что первый эшелон танков с пехотой достиг опушки леса за южной окраиной деревни Погостье. Второй эшелон выступил, переходит железную дорогу.

В землянке нас двое — Седаш и я. На столе перед Седашем карта, на ней таблицы огня и блокнот, часы, снятые с руки, и таблица позывных. В блокнот Седаш красным и синим карандашом заносит основные моменты боя. Сидит он в шапке, в гимнастерке на нарах, не отрывая от уха телефонной трубки. На столе еще пистолет ТТ Седаша, без кобуры, мои карта, махорка, часы и эта тетрадь. Стол покрыт вместо скатерти газетами «В решительный бой». Мне жарко в меховой безрукавке, за спиной моей — печурка, пышущая жаром. Над столом — свет аккумуляторной лампочки. В щели двери пробивается белый-белый дневной свет. В землянке слышны непрерывные звуки выстрелов ближайших к нам орудий (дальние не слышны), да полыханье пламени в печке, да голос Седаша — в телефон, да изредка попискивание телефонного аппарата. Но всё это только усугубляет впечатление тишины. Я снял безрукавку, расстегнул воротник. Седаш прилег на минуту на нары и опять (уже — 10.57) выспрашивает: «Откуда работает противник?..»

Входит Ткачук с огромной вязанкой смолистых дров. За ним промерзший комиссар Козлов:

— Интересно! Когда наша артиллерия стала крыть, все у него молчало. Самолеты наши пикируют, гудят, и там у него ничего не слышно, ни одного выстрела. А теперь огрызаться начал — кроет сюда!..

11.00

Седаш получил и записал новую цель: № 417, координаты 08-370, повторил: «Батарея икс-08-370, 14-165!» Тут же передал данные на «Иртыш» Дармину, коротко приказал:

— Подавить ее!.. Да, да, да... Всё!

Сообщил Козлову, скинувшему у печки полушубок, и мне:

— Эта цель четверטה семнадцать — двухорудийная батарея стоятидесятимилиметровых. Она находится за первым рубе-

жом, в опушечке, около дороги на Веняголово... Слышите? Туда Дармин работает сейчас.

11.20

Выясняется (и Седаш докладывает об этом Дорофееву), что «вторые ноги Мартынчука с коробками» втянулись в деревню Погостье, а передовые роты дивизии с головными танками просят прочесать огнем район от первого до второго рубежа.

Доносится: два, два два — Дармин бьет туда всеми батареями дивизиона. Седаш просит «Воронеж» — звукометрическую станцию — «направить уши на четыреста семнадцатую»:

— Туда еще даю налет, определить, что получится!..

По цели № 417, по мешающей наступать вражеской батарее, два выстрела — залп. Еще два... Еще два... Время — 11.24... Два... Два. Два.

Но звуковзводу этого мало. Он не сумел засечь разрывы и дать их координаты, поэтому просит «для контроля» дать снарядов еще!

Седаш, впервые раздраженный, кладет трубку и презрительно произносит: «Вот сукин сын!» — но тут же приказывает Дармину дать еще три залпа.

11.30

Входит опять уходивший Козлов:

— Лупит крепко по дороге!

Козлова только что едва не убило. И Седаш, отвечая «Волге», слышавшей немецкие разрывы возле нашего КП, докладывает: «Да, начинает бросать понемногу!» На вопрос о танках сообщает: «Слышно, как ихний батальонный передает команды, но что ему нужно — не передает!..»

11.55

Координаты цели № 417 выверены; Дармин сообщает, что один его телефонист ранен, и Седаш спрашивает: «Вы его вынесли оттуда?.. Вынесли!.. Хорошо!..» А Михайленко («Амба») докладывает Седашу, что у одного из танков КВ подбита гусеница... Седаш слушает какие-то телефонные разговоры, лицо его выражает недоумение. Молчит. Что-то неладно?

Я не знаю, что происходит там, на пути пехоты. Двигутся ли вперед или залегли, обессилены? Что-то уж очень вдруг стало тихо... Не должно быть так тихо при наступлении!..

Перед моими глазами — те, кто за минувшие два-три часа остался лежать в глубоком, изрытом снегу. Разгоряченный, усталый, упорно стремившийся вперед, а сейчас схваченный морозом и уже заледеневший боец, политрук, командир... Сколько их, таких, осталось позади танков?

На металле сжимаемого в руках оружия еще белеет кристаллизированный пар их дыхания, а их самих уже нет: они выполнили свой долг перед Родиной до конца! Сегодня ночью похоронные команды, углубив взрывами фугасов мерзлую землю воронок, предадут их земле, и живые навсегда назовут их героями Отечественной войны, павшими... (Мы знаем эти печально-торжественные слова, которых каждый из нас, воинов Красной Армии, может оказаться достоин!)

Как всё в этом мире скоротечно и просто!..

Но и сегодня, и завтра, и впрямь — всегда окажется очень много живых, которые продолжат путь своих товарищей, что бы ни случилось! — пройдут вперед еще километр, и два, и пять, и так пятьсот, тысячу, сколько ни есть этих огромных километров от таких вот маленьких, как наше Погостье, станций до большой, конечной станции маршрута Победы — до просящего пощады Берлина! Дойдут!..

А что же всё-таки сейчас делается там, за опушкой этого белого, солнечного леса, за насыпью железной дороги?..

ПОЛОЖЕНИЕ В ВЕНЯГОЛОВЕ

Около 16 часов 3-й дивизион сообщил уловленные им приказы по радио, передаваемые танкам КВ: «Осадчому, Рыбкову, Попкову и Паладину: двигаться на Веняголово. Радисты, давайте сигналы. Сообщите обстановку, сведений не имеем». Второй: «48-43. Выходить всем на дорогу и двигаться на Веняголово. Наши — там...»

По дополнительным сведениям, в Веняголове уже находится и штаб 1-го батальона танков. Пехота, однако, еще в Погостье, во всяком случае, точных сведений о ее продвижении к Веняголову нет. А перед тем было уловлено еще сообщение: «Три танка КВ прошли немецкие блиндажи. Пехота позади них в четырехстах метрах. Немцы, засев в блиндажах, препятствуют ее продвижению. Три танка КВ действуют против этих блиндажей с их тыла».

Все эти сведения майором и комиссаром уточнялись, проверялись и передавались командованию. В общем, наступление идет хорошо, но пехота отстает.

Седаш слышит приказ: выслать для ввода в действие по Веняголову «большую марусю» и «ее сестренку малую»...

Бить реактивными по Веняголову? Как же так? Ведь туда вошли наши танки! И, возможно, уже пехота?.. Седаш докладывает начальству:

— Действия «большой маруси», которая должна играть в районе Веняголова и кладбища, надобно задержать!.. Да... Потому что положение на этом участке неясное... Чтобы не поцеловала своих!..

Оказывается, этот вопрос решает сейчас «самый главный хозяин»: начальник артиллерии Дорофеев пошел к Федюнинскому...

В итоге всех выяснений — картина такова.

Головные танки КВ действительно прорвались в Веняголово. За ними, значительно отставая, двигались передовые батальоны пехоты. Упорно и храбро стрелковые роты переходили в атаки, гнали немцев — только вчера занявший здесь оборону свежий, 25-й немецкий пехотный полк. Этот полк побежал, бросая оружие. Тем временем вторые эшелоны наших танков и пехота дрались, расширяя прорыв южнее Погостья. На звездной полянке западнее Погостья захвачена целиком минометная батарея, восточнее — батарея 75-миллиметровых орудий. Еще два самоходных орудия. Захвачено знамя полка. Только что взяты ротные минометы, подобрано много автоматов, ручного оружия («побитых немцев — как муравьев!»).

Но на пути нашей пехоты к Веняголову внезапно появились крупные свежие немецкие подкрепления: подошли 1-я немецкая дивизия и еще один полк. Сразу заняли оставленный было 25-м полком рубеж обороны и, значительно перевесив наши силы, сейчас накапливаются в районе Веняглова и кладбища, готовятся оттуда контратаковать наши уже ослабевшие после дня наступления батальоны.

Прорвавшимся в Веняголово нашим танкам КВ, которые без поддержки пехоты удержать село не могут, приказано отойти к рубежу, достигнутому и удерживаемому пехотой...

Весь день до вечера бой продолжается: налеты вражеской авиации, огонь по Веняголову всеми орудиями полка Седаша, усиленный «поцелуями» реактивных минометов; новые атаки танков и пехоты, которыми очищены от немцев район ручья Дубок и южная окраина деревни Погостье...

— Сейчас наступает вечер, — дает распоряжение Седаш, — посылайте связных во все полки, уточните их расположение, выясните обстановку!

И беседует со мной и Козловым:

— Ну, всё-таки вышли на ручей Дубок! Завтра будут двигаться дальше. Если бы была луна, могли бы и ночью действовать, но надо и отдохнуть!.. А в общем сразу хорошее впечатление на немцев: только к ним пришло пополнение, и вот его сразу бьют и гонят!

Итоги дня окончательно определяются ночью, когда между полками, занявшими новые позиции, будет установлена связь. За день клин углублен километра на два, и фронт, оставив позади южную окраину деревни Погостье, раздвинулся от устья ручья Дубок к отметке 55,0. С основных укрепленных позиций немцы сбиты. Слабая активность соседней, 8-й армии, имеющей направление на Березовку (десять километров к западу от Погостья), привела к тому, что артиллерия противника, расположенная там, была не по 8-й армии, а фланговым огнем по частям 54-й, дейст-

вующим в районе Погостья. Только два этих района — Березовка да Погостье—Веняголово — и остаются сейчас основными опорными участками немцев на здешнем секторе фронта...

НА ВТОРОЙ ДЕНЬ

17 февраля. КП 883-го артполка

Потери в полку за вчерашний день таковы: убито двое, ранено двое и один контужен, все — бойцы, связисты. Да и вообще с нашей стороны потери вчера невелики. У немцев потери большие, в одном только Погостье — несколько сотtrupов.

За ночь 1-й дивизион дал двадцать четыре снаряда по Веняголову и кладбищу, выполняя заказ пехоты. Разведка доносит, что немцы оттуда бегут. На сегодня задача полку — обеспечить действия 198-й стрелковой дивизии Мартынчука в ее наступлении на Веняголово. За ночь пехота продвинулась вперед и сейчас находится в двух километрах от Веняголова.

...В девять утра танки опять пошли в наступление. В один из них с приглашения командира 124-й танковой бригады полковника Родина и по приказанию Седаша сел разведчик-артиллерист старший лейтенант Коротков, — ну конечно же Коротков, который всегда впереди!

Седаш решил пока не передвигать свой полк вперед — дальнoбойности его пушкам еще хватит.

— Сегодня семнадцатое! — говорит Седаш и задумчиво прибавляет: — Шесть дней осталось. Эти шесть дней должны внести какое-то изменение в жизнь полка и вообще в обстановку! Интуиция мне подсказывает!

Именно так все здесь считают дни, оставшиеся до 24-й годовщины Красной Армии. Ждут за эти дни решения важнейших боевых задач, сокрушения врага на всем участке фронта, результатов начатого вчера наступления, — столь долгожданного!

Приехал Михайленко. Делится впечатлениями — о пехоте, которая вчера вначале шла в рост, о танках...

— Там, главное, танкам нашлась работа! Часть осталась на южной окраине Погостья, часть дошла до стыка рек, часть — еще дальше... И везде вели борьбу с блиндажами по восемь накатов! КВ пройдет, развернется на блиндаже и... не провалится!

— Ясно, — замечает Седаш, — их не возьмешь ничем, кроме как выкуривать из каждого блиндажа!

— В одиннадцать часов вечера, — продолжает Михайленко, — выслали танкисты разведку — найти свои передние танки, взять у них донесения и представителя, чтоб направить к машинам горючее и боеприпасы... Что это?.. Разрывы! Где?

Разрывы немецких снарядов поблизости. Немец обстреливает дорогу. Михайленко продолжает:

— Ну, я послушал танкистов! Командир танковой роты Большаков! Если даже он на шестьдесят процентов врет, и то боль-

шая работа сделана! Ну, однако, он не врал! На него самолеты налетели, пулеметным огнем вывели орудие его танка. Ему пришлось вернуть эту машину, он сел в другую. Прошел вглубь, за Погостье. Раздавил и разбил семнадцать землянок. Оттуда выкурил не меньше двухсот человек!

— А пехота, — замечает Козлов, — вооружилась вся немецкими автоматами. Пехотный двадцать пятый полк. Крепко мы его покروшили!

— Полчок! — усмехается Михайленко.

Козлов произносит с ядом:

— Громаднейшее продвижение сделала одиннадцатая дивизия! Заняла целый блиндаж и не могла свой батальон выручить! Плохо у них получается!

Он иронизирует. Но 11-я дивизия ведет наступательные бои с середины января, так поредела, что трудно на нее и рассчитывать! Михайленко продолжает:

— Один КВ сожгли всё-таки немцы. Сгорел. Часть экипажа выскочила, часть сгорела... Термитными, должно быть!.. Сорок процентов танков к концу боя неисправны по техническим причинам. Там у кого гусеница, у кого насос, у кого еще что-нибудь... К утру всё восстановили.

Самолеты немецкие? Вот когда штурмовая налетела, вывела пулеметами людей. Возле одной кухни двух убило, шестерых ранило... А что бомбы? Это — ничего, никакого они ущерба не принесли... Ну, так это, может быть, запугать кого! Несколько машин покалечили — и все! А вот штурмовая внезапно налетела, эта вот принесла ущерб...

...К полудню становится тихо. Бой затихает, — и не только для артиллеристов Седаша, к которым заявки на огонь почти не поступают: наше наступление приостановилось...

Весь разговор с Михайленко происходит, пока он завтракает. Ему и спать не пришлось. Но ему хочется поделиться мыслями с Седашем и Козловым. Он расстилает перед нами карту:

— Немцы отходят не на Веняголово, а на фланг, в лес. Может быть, вчера просто прятались в лес от танков?.. А может быть, план был такой — отступать на восток? Южнее высоты пятьдесят пять ноль на восток отходили.

Седаш говорит очень медленно и задумчиво:

— Беспокоят фланги! Восточный особенно! Что там? Двести пятнадцатая, сто восемьдесят пятая, одиннадцатая, триста одиннадцатая. А западный меньше беспокоит: там восьмая армия. Теперь еще надо взломать фланги!.. М-да, эти фланги! Везде у нас эти фланги!

Седаш молчит. Но его карандаш, разгуливая по карте, лучше слов передает его мысли. Карандаш обводит кружочками и перечеркивает взятые нами в декабре опорные пункты и узлы сопротивления немцев — Падрило, Влою, Опсалу, Оломну... Вся тактика обороны немцев на нашем фронте построена на создании и

укреплении таких узлов сопротивления. А между ними — войск почти нет.

Карандаш Седаша то, скользя глубоким обходом, оставляет одни из таких пунктов у нас в тылу, то упрямо долбит острым грифелем по другим. Точно так, как ставятся задачи нашим стрелковым дивизиям! Там, где смело обойденные и оставленные нами в своем тылу немецкие гарнизоны мы блокировали, там они не помешали нашему общему наступлению, а гарнизоны были уничтожены нашими вторыми эшелонами... И напротив: там, где стрелковые наши дивизии старались брать узлы сопротивления в лоб, мы тратили на это много сил и времени. Мы их брали в конце концов, но потеряв темп наступления, а это значило, что немцы, успев подтянуть резервы, засыпали вклинившуюся нашу пехоту с флангов сильнейшим артиллерийским и пулеметным огнем... И, едва закрепившиеся, скованные борьбою в лоб, наши части несли большие потери...

Погостье мы брали в лоб с января. Вчера и сегодня мы пытаемся в лоб взять Веняголово. И все трое сейчас мы глядим на многоречивый карандаш майора Седаша. И как бы вскользь брошенные им слова: «Беспокоят фланги!» — представляются мне исполненными глубокого тактического смысла!

И, словно оспаривая нить этих мыслей, комиссар Козлов, склонившись над столом, упершись локтями в карту, выразительно глядя Седашу в глаза, роняет тоже одну только фразу:

— М-да, Константин Афанасьевич!.. А дороги где?

Я окидываю взглядом сразу всю карту. В самом деле, линия железнодорожного пути Кириши—Мга только в трех местах пересечена дорогами, и именно здесь — у Погостья, у Березовки да у Посадникова Острова... Но именно здесь и пробиваем себе проходы мы... Всюду в других местах — густые болотистые леса, трясиновые болота да торфяники.

— М-да! — в тон Седашу и Козлову молвит батяко Михайленко. — Мы вчера видели: километр за час пятнадцать минут!.. И это в такой мороз. А весной и летом что?

Как же без дорог, по трясинам, по лесным гущам совершать глубокие охваты с танками КВ, гаубицами, со всей тяжелой техникой? А ведь наступал, сколько уже сделал, дойдя досюда, Федюнинский!.. И ведь, в частности, именно этими, переброшенными из Ленинграда дивизиями — 115-й да 198-й дивизией Мартычука, которые совершили глубокий, в полсотни километров, обход от Синявинских поселков до Оломны!..

«Да, — хочется сказать мне, — тяжелый фронт и трудное положение у Федюнинского!..»

Пробыв у гостеприимных артиллеристов неделю, я сажусь в «эмку» и еду с секретарем комсомольской организации политруком Горяиновым в Гороховец: бой здесь затих, а мне нужно писать и отправить в ТАСС серию корреспонденций.

22 февраля. Утро. Оломна

Полдень. Яркий солнечный свет за окнами. Вчера, и всю ночь, и сегодня — обстрел из немецких дальнобойных орудий Оломны, Гороховца и соединяющей их дороги. Снаряды рвутся то далеко, то совсем близко от нашей избы. А позавчера немцы так обстреляли Оломну, что было немало убитых и раненых. Этот огонь, то методический, то налетами, уже стал привычным, стараемся не обращать на него внимания, но всё же он неприятен.

Хороших новостей нет. Наступление в районе Погостья явно закисло. Много наших танков выбыло из строя, требует ремонта. За запасными частями ездили в Ленинград. Ураганным минометным и артиллерийским огнем немцы не дают нам вытащить несколько наших застрявших танков. Пехота и исправные танки продолжают вести бой, расширяя клин, но из дела большого значения операция превратилась в чисто местную — Веняголово взять пока не удалось.

Когда нет успеха, у нас в армии мало разговаривают, но много и глубоко думают. Всё же бывает, порой, соберутся случайно в каком-либо блиндаже или в штабной избушке командир — штабные и строевые, любых специальностей и родов войск, сегодняшние майоры, батальонные комиссары и подполковники, завтрашние — в грядущих боях — генералы. И затеется вдруг разговор, откровенный, начистоту. И о том, о чем с Козловым и Михайленко говорил Седаш: о глубоких охватах, наступлении в лоб, трясинах, бездорожье... И еще о многом, многом другом...

— Блокаду так не прорвешь! Где там!.. И с Мерецковым у Шапок и Тосно не соединились?

— Нет!.. Даже Веняголово не взяли!

— Так ведь подошла свежая немецкая дивизия! Сюда даже из Франции дивизии гонят!

— А вот, допустим, она не смогла бы подойти! Допустим, была бы уничтожена авиацией на подходе, или скована партизанами, или отвлечена серьезной угрозой к другому месту?

— Допустить можно любые мечтания!

— Эти мечтания стали бы мгновенно реальностью, если бы у нас было превосходство в силах!

— Задача армии была прорвать оборону противника? Что значит прорвать? Глубина обороны немецкой дивизии пять — семь километров. Прошли мы эту полосу? Нет! Значит, прорыва не было. Значит, задача, даже ближайшая, не выполнена!

— А наши дивизии, предназначенные для ввода в прорыв, остались на своих местах. Конечно, не выполнена! А почему?

— Объясню! С нашими силами мы можем надежно обороняться и уже можем наносить сильные, местного значения удары. Федюнинского в ноябре подкрепили так, что у него образовался

хороший перевес сил. В артиллерии, в пехоте, даже в танках... Ну, и ударил, и прорвал, и отлично развил наступление!

— А дальше?

— Не перебивай! Дальше? Мы растянули коммуникации, да и повыдохлись! А немцы подтянули сюда, к «железке», против Федюнинского, да к реке Волхов (сдержат Мерецкова, наступающего от Тихвина) огромнейшие резервы! Не меньше шести, а может, семь-восемь дивизий. Сам говоришь — даже из Франции! Остановили нас. Теперь сил наверняка больше у них!

— Это правильно! Гитлер намечал их для Москвы, а кинул сюда. А мы их тут сковываем!

— И это неплохо! Ленинград немало помог Москве...¹ Да и вообще поражаешься ленинградцам: три дивизии из осажденного города сюда, Федюнинскому, переброшены: восьмидесятая, сто пятнадцатая, сто девяносто восьмая! И как действовали! А ведь люди и откормиться еще не успели... Вот они — прорывали оборону немцев!.. Но есть и еще причины наших задержек... Объяснить?

— Говори, слушаем!

— Для развития крупной наступательной операции, требующей участия многих армий (Ленинград — Волхов — Новгород!), нужно иметь огромный опыт оперативно-тактического решения таких задач, как развертывание целых армий против сильного и опытного врага. Прорвать блокаду Ленинграда — крупнейшая операция!.. А у нас пока вообще такого опыта не хватает. На чем было учиться? На Халхин-Голе? На линии Маннергейма?.. Кое-чему научились, да масштаб не тот... А немцы? Три года уже воюют, чуть не всю Европу захватили!..

— Да, брат, одним геройством, рывком пехоты и артиллерии немцу голову не свернешь! Его мало ударить, надо, не дав ему опомниться, под вздох бить его, немедленно же, пока весь дух из него не выбьешь! Что для этого нужно?

— Нужно быть не только храбрее, но и сильнее его!

— Ну, товарищи, есть и еще кое-что существенное! Перед наступлением надо с предельной точностью изучить силы и возможности врага, знать не только номера противостоящих нам частей (да по справочникам — штат немецких дивизий) и не только передний край противника, а его боевые порядки, где и, главное, как он сидит на данной местности. Разведка у нас слаба! Каждый командир батальона должен ясно представлять себе, не только куда наступать, но и что именно ему встретится! А у нас перед наступлением на оперативных картах только — «в общем да в целом» — кружочки да овалы со стрелками! Сколько храбрых ба-

---

¹ «Воздушным путем из Ленинграда в Москву было переправлено свыше 1000 артиллерийских орудий и минометов, большое количество корпусов артиллерийских снарядов и мин, средства связи и т. д.» (А. В. Карасев. Ленинградцы в годы блокады, стр. 133—134).

тальонов, полков, даже дивизий в наступлении из-за этого попадает впро�ак! Знаете же сами случаи здесь, по всей линии боев: между Мгою и Волховым и вдоль Волхова — между Киришами и Новгородом... А разве под Ленинградом не то же самое?

— Значит, выходит, совокупность причин?

— На войне всегда совокупность причин!

— Каков же итог всего, что говорим мы?

— А итог прост! Мы учимся и, конечно, очень быстро научимся! Это раз... Мы накапливаем и обучаем резервы, — будет у нас огромный перевес сил! Это — два... А три — индустрия у нас в глубоком тылу еще только наращивает темпы, — будет у нас и техника!

— А пока?

— А пока воюем, себя не жалеем, все-таки наступаем сейчас, и нечего предаваться неважному настроению! Да, к двадцать четвертой годовщине Красной Армии решения событий нет, как не было его и к Новому году, — по тем же, кстати, причинам... Значит, побьем немца немного позже!

— Побьем? Конечно! И крепко! Но время идет! И все мы болеем душою. Что будет в Ленинграде весной, если до тех пор не прорвем блокаду?..

...Вот слушаешь такие разговоры, и в общем-то душа радуется, потому что — время за нас! Важно — думаем! Важно — спорим! Важно — все понимаем! А главное — твердо верим, что успех, полный, сокрушающий врага успех, будет! Ни один из воинов нашей армии для победы своей жизни не пожалеет!..

Пока пишу это — снаряды все рвутся и рвутся: доносятся звук выстрела, затем свист и удар разрыва, и так — третьи сутки подряд. Вчера, когда в одиннадцать вечера я возвращался один из Гороховца по лунной дороге, три снаряда легло совсем близко от меня. Осколки не задели лишь случайно.

Приехал вчера А. Сапаров, из редакции «На страже Родины», больной, и я его лечил, уступив ему свои нары, сам спал на столах. Нас, корреспондентов, в избе сейчас — пятеро. За эти дни я написал шесть корреспонденций.

Сейчас пойду в Гороховец. Оттуда поеду в Волхов. В личном плане — Волховская ГЭС, летчики-истребители, формирующийся корпус Гагена, редакция армейской газеты, а затем — в Ленинград!..

ВОЛХОВ

(22—28 февраля 1942 г.)

22 февраля. Вечер. Волхов 1-й (Званка)

Нас в «эмочке» было четверо. Мы ехали без задержек часа два с половиной по территории, еще так недавно очищенной от немцев, разоренной ими... Следы боев и немецкого хозяйничанья я наблюдал повсюду: изуродованные автомашины, тракторы, повозки, превращенные в жалкие железные скелеты, опрокинутые, торчащие из снежных сугробов вдоль широкой снежной дороги. Деревни без жителей, с разбитыми артиллерийским огнем полуразваленными домами, церкви — со снесенными куполами и колокольнями, ощерившими в розово-голубое небо острые ребра досок да зубцы разбитого камня.

Придет весна, снег сойдет, обнаружив трупы людей, и невзорвавшиеся мины, и новые следы разрушения, новые груды мусора. Придет весна — с ярко-зеленой сочной травой, с густеющими зеленью лесами, с синими водами плавно текущего в красивых берегах Волхова. Чудесный край чудесной природы, он станет еще печальнее, еще темнее и страшнее, когда обезобразившую его опустошительную войну уже не будет стыдливо прикрывать снег — белый, чистейший, невинный, ослепительный в лучах этого зимнего, но уже дарящего предвесеннее тепло солнца...

Розовел закат, солнце садилось за леса, синеватые тени ползли, длинные, по снежным равнинам. Мы проезжали последние уцелевшие деревни, где не побывал враг. Крыши выстроившихся вдоль дороги домов, пробитые немецкой артиллерией, зияли пробоинами.

Подъезжая к Званке, с волнением вглядывался в снежную, освещенную слабееющими закатными лучами даль, ища знакомые мне очертания Волховстроя: каким я увижу здание станции? Неужели тоже разбитым? Ведь немцы не дошли до ГЭС каких-нибудь шесть километров!.. И вдруг я увидел две огромные фермы железнодорожного — целого моста и махину Волховстроя: длинный корпус с девятью огромными сводчатыми окнами ма-

шинного зала и две почти кубические вышки над главным зданием...

В письме отцу в Ярославль сегодня я написал:

«...Я радуюсь, что твое детище, на которое ты потратил столько энергии, труда, любви, гордость твоя и всей нашей Родины — Волховстрой не подвергся разорению от проклятых фашистских банд. Он стоит невредимый и долго еще будет служить советскому народу...»

В сумерках мы приехали в Волхов 1-й. Здесь были незнакомые мне улицы и дома, давно не виданные поезда — составы на запасных путях, свистки паровозов. Я наблюдал нормальную городскую жизнь: сытые лица, спокойная поступь прохожих — гражданского населения; улыбки на лицах девушек. Я слышал чей-то голос, поющий песню...

Ни одной улыбки не увидишь теперь в Ленинграде! Ни одного непринужденного, раскрасневшегося девичьего лица не встретишь!

Войдя в дом редакции, в яркий электрический свет, в тепло, в просторные комнаты — без нар, без сосулк на окнах, без гряд амуниции, — я ощутил себя где-то далеко-далеко от войны. Это ощущение длилось и позже (когда, прогуливаясь, я бродил в темноте) — до тех пор, пока две свистящие бомбы, упавшие поблизости, не убедили меня, что и здесь — война...

23 февраля. Волхов (Званка)

Вот середина праздничного дня, дня годовщины Красной Армии, а ничего нового нет, наше радио не принесло нам ничего важного, и мы по-прежнему питаемся скудными и недостаточно достоверными сведениями.

Так, англичане сообщили по своему радио, что русские войска прогрызают латвийскую границу в направлении от Великих Лук. Так, по сведениям из штаба Ленинградского фронта, лыжники (крупный отряд морской пехоты) в тылу немцев наступают вдоль Балтики к Кингисеппу; отряд направлен, должно быть, с Ораниенбаумского плацдарма. 55-я армия активно, но безрезультатно наступала в направлении на Тосно. Под давлением войск Мерецкова немцы отступают на участке от Чудова до Тосно, взрывая тяжелую артиллерию, грузя в эшелоны все, что только можно, а мы будто бы разбомбили на днях на этом участке до восьмисот вагонов...

С неделю назад многие мне рассказывали, что Любань блокирована, а Тосно взято Мерецковым, об этом тоже сообщило английское радио (об английской передаче даже объявляли в частях). Но так ли это и что произошло там за неделю, точно никто из нас, рядовых командиров, не знает...

Судя по карте, выходит, что Красная Армия, по-видимому, захватывает немцев в огромный мешок, отсекая их в районах Смоленска — Витебска, двигаясь к Пскову.

Второй, малый, мешок должен замкнуться в районе Ушаки — Тосно; при удае отрезанными, блокированными окажутся все немцы на Волховско-Шлиссельбургско-Мгинском пространстве.

Третий, большой, мешок должен образоваться на Южном фронте... Все это (если все это так) великолепно, но хочется добрых вестей скорее, скорее, скорее...

24 февраля. 6 часов утра. Волхов

Вчера днем я пришел к командиру 4-го гвардейского корпуса генерал-майору Николаю Александровичу Гагену в его маленький деревянный дом.

Гаген принял сразу, вышел легкой поступью, сам высокий, статный, очень тросто поздоровался, пригласил к себе. Спросил, как устроились, где питаемся, и, узнав, что 25-го мы собираемся побывать в 3-й гвардейской дивизии (которой еще недавно командовал он сам а теперь командует полковник Краснов), позволил комиссару штаба, приказал все нам устроить, предложил машину. Сказал

— А сегодня вечером у нас в штабе корпуса торжественное заседание по случаю годовщины. Приходите!

Гаген приветлив. Я уже знаю о нем, что он терпеть не может парадности, что прям, точен, прост и одинаков в обращении со всеми. Поговори с ним (а позже и на собрании), я убедился, что это действительно так.

И вот его комната, в суворовских традициях: жесткая постель, солдатское одеяло, стол, накрытый клеенкой, три стула, голые стены; на другом, маленьком столике — полевой телефон, пачки газет, карандаш, чернила; ни одной лишней вещи в комнате! Этажерка с брошюрами, изданными Политуправлением; в застекленном шкафу эма Ленина. И единственная вещь иного порядка — елочный де-мороз на шкафу. И откуда он здесь?

Делаю выписки из предоставленных мне материалов.

...Вечером, когда я шел в клуб, небо вспухало огнями зенитных разрывов и просвечивалось во всех направлениях рыщущими по облакам прожекторами...

Мы пришли к концу торжественного собрания. Отличникам боевой подготовки выдавались подарки, было полно штабных командиров, смотрели три выпуска кинохроники «Оборона Москвы». Только конилась стрельба на экране — слышим стрельбу в натуре: над Воловом бьют зенитки. Словно звуковой фильм расширился на весь мир!

А потом — утин в столовой гвардейцев, шумные беседы командиров. Обсуждаем сообщения о военных действиях английской армии.

После падения Сингапура и прорыва «Шарнгорста» и «Гнейзенау» многие наши командиры стали говорить о военных способностях Англии с скепсисом и иронией. Но: «Мы их заставим воевать по-настоющему, а не мы — так сама война их заставит!»

С утра — радостная весть о разгроме 16-й германской армии под Старой Руссой, факт знаменательный, многообещающий, имеющий огромное значение для Ленинграда.

Иду не торопясь, — хорошая прогулка в 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию, в Волхов 2-й, по наезженной автомобильной дороге, ниже моста и ГЭС.

Волховская электростанция по-прежнему красива. Правда, она не работает, потому что под угрозой немецкого нашествия была демонтирована и возвращаемые сейчас из глубокого тыла ее агрегаты нужно поставить на свои места. Была она повреждена несколькими бомбами и снарядами, но ремонт требуется небольшой. А вчера, как раз когда я был в штабе дивизии, прибыли из Ленинграда рабочие-монтажники, которым дан срок пуска станции и исправления всех повреждений — сорок пять дней. Некоторые части дивизии должны освободить для рабочих несколько из занимаемых ими домов.

Как радостно и приятно, что, подступив почти вплотную к ГЭС, немцы все-таки сюда не дошли, что мост и перенец электрификации первой пятилетки сохранились!

В одном из крупных зданий недалеко от ГЭС я нашел штаб 666-го стрелкового полка 3-й гвардейской дивизии. Дивизией командует полковник А. А. Краснов, получивший в финской войне 1939—1940 гг. звание Героя Советского Союза, а полком — подполковник А. М. Ильин.

Полк — интересен. Он активно участвовал в разгроме волховской группировки немцев и в январских боях за Погостье: в попытках взять эту станцию 9 и 11 января, во взятии ее — на рассвете 17 января, в очистке ее и взятии северной окраины деревни на следующий день. С ним рядом дрались полки 11-й стрелковой дивизии, 80-й дивизии и другие подразделения.

Завтра полк будет участвовать в учениях всего корпуса, многие тысячи человек должны проводить новые виды боевых упражнений — на льду и по берегам реки Волхов. Сила готовится крешкая!

28 февраля

Утром я вновь отправился в Волхов 2-й, к берегу реки Волхов, где на Октябрьской набережной, в доме № 13, находится горком партии. Накануне, встретившись с первым секретарем его, ленинградцем Н. И. Матвеевым, я сговорился прийти к нему: он обещал показать взятые у немцев трофеи и прочие материалы по недавней истории обороны Волхова.

Вот деревянный двухэтажный дом. Весь его угол залатан некрашеными досками — мансарда и стены в дырах. Деревья вокруг дома по верхушкам начисто срезаны. Сарай ощерился щепой пробоины. 14 декабря немцы подвергли этот дом минометному

обстрелу. Легло вокруг до двадцати мин, осколки изрешетили дом, в котором в тот момент находились все работники во главе с Матвеевым. Там же собрались и дети: в убежище под обстрелом добраться было нельзя. Повезло — обошлось без жертв. Матвеев показывал мне следы этого налета — пробитые стены, дыры в диване, проемы в печке. Трудно представить себе, как уцелели люди!

Я провел с Матвеевым часа два, слушая его рассказ об обороне Волхова, делая кое-какие заметки, следя за его скользившим по карте карандашом, просматривая немецкие иллюстрированные журналы (с фотографиями разрушений Одессы, парадов в Румынии и зимних походов немцев), интересуясь в отдельной комнате коллекциями трофейного оружия, одежды, амуниции, боеприпасов, собранных под Волховом и привезенных сюда на грузовике Матвеевым, чтоб заложить основу музея по обороне Волхова.

Здесь — пулеметы, и минометы, и противотанковые ружья, и ракетные pistols, и грязные, окровавленные шинели, и мины, и желтая, обведенная черной каймой доска с надписью: «На Волховстрой, 16 км» (по-немецки), и остаток 210-миллиметрового снаряда — одного из шестнадцати снарядов, попавших в Волховскую ГЭС за время артиллерийских обстрелов, продолжавшихся с 16 ноября по 19 декабря, когда немцы находились в пяти-шести километрах от Волхова и существование ГЭС висело на волоске.

19 декабря коллектив станции праздновал юбилей ее пятнадцатилетия. Последние немецкие снаряды легли рядом в 10 часов вечера, во время торжества.

Мчит Волхов воды свои через плотину, и плотина цела, и величественная ГЭС — 6-я гидроэлектростанция имени В. И. Ленина — цела, хотя ей и нанесены повреждения. Даже в самые тяжелые дни она, пусть немного, но давала ток, давала его, например, в сооруженные под ее стенами блиндажи. Сегодня ГЭС уже успешно ремонтируют, к концу марта она должна дать ток полной мощности — ток Ленинграду!

Вторую половину дня я провел среди железнодорожников.

Станция Волхов 1-й (Званка) забита составами — формируемыми и транзитными, — маневрирующими с трудом. Теплушки с эвакуируемыми — на Тихвин, запломбированные вагоны с продовольствием и военными грузами — на Войбокало, армейские эшелоны — на Глажево...

В тупике у депо стоит салон-вагон депутата Верховного Совета и заместителя начальника Кировской железной дороги Вольдемара Матвеевича Виралайнена. Этот вагон в прошлом был дорожной церковью царской семьи. Он комфортабелен, в нем мягкие диваны, кухня, отдельные купе, общий салон, все удобства.

В этот вагон меня повел начальник политотдела Кировской железной дороги А. М. Чистяков, случайно встретившийся мне в политотделе, мой давний, с довоенных лет, знакомый. Он предста-

вил меня Виролайнену и его другу паровозному машинисту Ландстрему, и несколькими энкапезовцам — ответственными работникам Наркомата путей сообщения, руководящим здесь жизнью важнейшей в наши дни железной дороги, связывающей наш северный край со всей страной.

Вскоре они ушли, я остался с Виролайненом и Ландстремом. В. М. Виролайнен в прошлом — машинист паровоза, доставлявший в 1918 году грузы голодающему Петрограду, сызмальства обрусевший финн, с сильными, как лапы медведя, руками, больше-рослый, жидковолосый, с твердыми чертами волевого, очень сосредоточенного лица, с прямым и открытым взглядом светлых и честных глаз.

В том восемнадцатом году я сам был кочегаром паровоза на строительстве военной линии Овинице — Суда, совсем недалеко от здешних мест.

Разговор наш сразу стал дружеским, мы делились воспоминаниями и, конечно, вскоре перешли к нынешним дням Ленинграда.

Ландстрем убежденно заявил, что добьется в соревновании почетного права вести «первый прямой» в Ленинград. А Виролайнен сказал, что поедет на том же паровозе и станет за реверс на самом интересном участке, проезжая отбитую у немцев станцию Мгу.

— А я приеду из Ленинграда в Шлиссельбург и встречу там ваш поезд! — сказал им обоим я.

— Обещаете? — без улыбки, очень, даже как-то слишком, серьезно спросил меня Виролайнен.

И, глядя прямо в его глаза, я с неожиданной для себя торжественностью ответил ему:

— Обещаю!

И тогда оба мы улыбнулись и скрепили нашу договоренность крепким рукопожатием.

А через несколько минут я вручил Виролайнену листок бумаги с написанным тут же в вагоне стихотворением, которое оканчивалось словами:

...Ведь как бы ни был враг коварен и неистов,
Мы проведем наш поезд в Ленинград!

...В небе весь день гудение моторов. Было несколько налетов и — среди дня — воздушный бой, который мы наблюдали в окно. И вот еще два фашистских самолета сбросили бомбы и удрали, исчертив все небо хвостами конденсированных паров.

ПЕТР ПИЛЮТОВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

(Дер. Плеханово. 27—28 февраля 1942 г.)

27 февраля. Плеханово

Лесными тропинками пришел я на временный полевой аэродром. 154-й истребительный полк летает не только на отечественных машинах, но с недавнего времени также на «томагавках» и «кеттихавках». За время войны полк сбил восемьдесят пять вражеских самолетов. Одна из главных задач полка в наши дни — сопровождение и охрана транспортных «дугласов», вывозящих ленинградцев за пределы кольца блокады и доставляющих в Ленинград продовольствие и другие грузы. В числе задач полка также — охрана важнейших объектов, таких, например, как железнодорожный мост через реку Волхов, и, конечно, уничтожение вражеских самолетов везде, где они обнаруживаются.

Командир полка — майор Матвеев, заместитель его — батальонный комиссар Голубев.

Лучшие летчики:

Пилютов, капитан, штурман полка, сбил лично семь самолетов врага и четыре — в группе. Над Ладожским озером в бою один против шести истребителей, атаковав немцев, сбил двух, а затем был сбит сам и ранен. Представлен к званию Героя Советского Союза;

Покрышев — сбил семь самолетов лично и один — в группе;

Чирков — совершил лобовой таран;

Глотов — сбил шесть самолетов лично;

Яковлев — сейчас находится в госпитале — сбил лично пять и в группе пять;

Мармузов — три лично и три в группе. Имеет триста двадцать два боевых вылета.

В полку были Герои Советского Союза: майор Петров (теперь он в другом полку — в 159-м), капитан Матвеев, старший лейтенант Сторожаков и лейтенант Титовка, который в бою с против-

ником, расстреляв все патроны, сбил своим самолетом немца и погиб сам.

В снегу — блиндаж. КП полка. В блиндаже — несколько человек.

С командиром полка тридцатилетним майором Матвеевым беседа о Пилютове.

Все присутствующие на вопрос о Пилютове откликаются с заметной восторженностью. Я узнал, что капитан Петр Андреевич Пилютов в далеком прошлом участвовал в спасении челюскинцев — был бортмехаником у летчика Молокова, а ныне прекрасный летчик, гордость истребительного полка... Он сейчас в воздухе, прилетит — меня познакомят с ним. К званию Героя Советского Союза он представлен за бой в декабре над Ладогой...

— В тот раз летел один, сопровождая девять «дугласов», — говорит Матвеев. — Это вышло не по его воле, но вообще он любит летать один! Ему все удастся... Знаете, как он «дугласы» сопровождает? А они из Ленинграда людей возят, да и кроме людей чего только не возят!.. Вот, например, кровь для переливания возят... Позавчера три генерала и два полковника подряд нам звонят из штаба: «Поднять всю авиацию! Поднять всю авиацию!..» А у нас — пурга, — двести метров ничего не видно...

— Ну и как? Подняли?

— Пилютов взлетел, а за ним другие... А в штабе, откуда звонили нам, там ясно было!

Слышен шум самолета.

— Кто там летает?

Матвеев выходит из блиндажа. Радист Волевач ведет разговор о том, что в последнее время, видимо в связи с операциями в районе Мги, немецкая авиация стала проявлять активность над Волховской ГЭС; ходят бомбить железнодорожный мост, эшелоны, станцию по десять — пятнадцать «юнкерсов». Нашим истребителям, как никогда, нужна хорошая информация в воздухе. Установлены факты работы радио немецких истребителей — «месершмиттов» — на нашей волне.

— А Пилютов, — обращается ко мне Волевач, — это человек замечательный! Очень спокойный. Вышел на старт, посмотрел туда, посмотрел сюда: никого нет? И сразу дал газ, будто на тройке помчал! И такой простой! Хочется с ним разговаривать, просто влюбляешься в него! А уж машину... Сам он из техников, все хочет сделать сам. Сидит в самолете, антенна, скажем, оборвалась — берет клещи, плоскогубцы, все сам... Или так: погода, допустим, хорошая, спрашиваешь: «Как сегодня погулял?» Он: «Плохо! Немцы высоко ходят, пока к ним долезешь... Вот бы в облаках поохотиться за ними!..» Чем погода хуже, тем ему лучше! А уж если он увидел самолет противника, то взлетает без всяких приказаний!..

А если говорить по нашему «радиоделу»: без радиосхемы он никогда не вылетит, будет копаться, пока не исправит. Во время

полета он так спокоен, что настраивается — слушает музыку... Смотришь — другой летчик взлетает напряженно, лицо к стеклу. А он сидит себе, как дома на стуле, отвалившись, невозмутимо... Но к делу строгий! Помню, как он сказал: «Ну вот, я назначен к вам командиром эскадрильи, пришел вас немножко подрегулировать!» Сказал добродушно, но у него не разболтаешься! А как скажешь ему что-нибудь о наших победах, он становится веселым, от радио тогда ты оторвешь его, ловит, ждет подробностей!..

— Сели! — приоткрыв дверь, сообщает кто-то Волевачу.

— «Дуглас»! — кивает мне Волевач. — Посмотреть хотите?

Я выхожу на аэродром. Пришел «дуглас» из Ленинграда в сопровождении семи «томагавков».

Гляжу, как этот «дуглас», заправившись горючим, взлетает. После него в воздух пошли один за другим пять истребителей. Слепящее солнце...

В группе летчиков оживление, смех. Все слушают рассказ своего товарища, который только что сделал посадку, испробовав в бою новый тип американского истребителя «кеттихавк». Довольный машиной, возбужденный, откинув на затылок свой летный шлем, размахивая меховыми рукавицами и сверкая в усмешке безупречными зубами, он рассказывает о том, как «гулял» в вышине и как, найдя наконец под облаками какого-то «ганса», пристроился к его радиоволне, на которой тот взывал о подмоге, выругал его по-русски за трусость, а затем переменял волну, стал слушать музыку и под хороший концерт откуда-то стал преследовать немца, стараясь завязать с ним бой.

— А мы слушали тебя, — сказал другой, — «дер штуль, дер штуль» — и эх, крепко ж ты потом обложил его!..

— Но он, сукин сын, не принял бой, в облака забился, улетелнул...

Лицо рассказчика загорелое, пышет здоровьем. Он улыбается хорошей невинной улыбкой радостного, веселого человека...

— Знакомьтесь, — подводит меня к нему майор Матвеев, — это вот он, капитан Пилютков, Петр Андреевич! А это, — майор представил меня, — такой же, как мы, ленинградец!.. А ну-ка, друзья! Отдайте капитана товарищу писателю на съедение. Им поговорить надо!

Пилютков просто и приветливо жмет мне руку, и мы с ним уходим в сторону.

— Ну, коли такой же ленинградец, давайте поговорим! Пока воздух меня не требует! Садитесь хоть здесь!

И мы вдвоем усаживаемся на буфер бензозаправщика, открытого еловыми ветвями, недалеко от заведенного в земляное укрытие, затянутого белой маскирующей сетью изящного «кеттихавка».

Солнце, отраженное чистейшим снежным покровом, спит глаза, но морозец все-таки крепкий, и, записывая рассказ Пилюткова, я то и дело потираю застывшие пальцы,

Я записываю эпизоды из финской войны — атаки на И-16 и из Отечественной — сопровождение Пе-2 на «миге», бомбежки переправ под Сабском, два первых, сбитых за один вылет, «хейнкеля», расстрел в упор двухфюзеляжного двухмоторного «фоккевульфа» над Порховом и много других эпизодов.

— Боевых вылетов до декабрьских боев было сто пятьдесят шесть, а теперь счет не веду. Меня назвали кустарем-одиночкой, по облакам я больше один хожу, ищу, нарываюсь... По ночам хожу один, беру четыре бомбы по пятьдесят килограммов, — цель найдешь, одну сбросишь, потом от зениток уйду, погуляю — и снова туда же: в самую темную ночь станции все равно видно, немецкие автомашины не маскируются, вот и слежу — подходят они к станции, тушат фары, так и определяю. Ну и паровозы видны! На днях прямым попаданием в цистерну с бензином на станции Любань угодил...

— А за что вас к Герою представили?

— Ну, знаете, это... В общем из сорока девяти боев мне особенно запомнился день семнадцатого декабря, когда меня крепко ранили — двадцать одну дырку сделали! Девять «дугласов» я сопровождал на «томагавке Е»...

— Семнадцатого декабря? Из Ленинграда?

— Да. Над Ладожским озером с шестеркой я в одиночку бился...

Внезапно, взволнованный, я прерываю Пилютова:

— Позвольте... А кроме этих «дугласов» в тот день другие из Ленинграда не вылетали?

— Нет. Только эти... Ровно в полдень мы вылетели... Должны были идти и другие истребители, но не успели вовремя взлететь... Я один с ними вышел... А что?..

— Так... Сначала рассказывайте... Потом объясню...

17 декабря на «дугласе» из Ленинграда вылетели три самых близких мне человека: мой отец, мой брат и Наталья Ивановна... Я знаю только, что они долетели благополучно. Сейчас они должны быть в Ярославле, но письмо я получил пока только одно — из Вологды... И, уже совсем иными глазами глядя на летчика, лично заинтересованный, я жадно стал слушать его.

— Да, если б не то преимущество, что летел я на дотоле неизвестном немцам самолете (американский самолет неведомых немцам качеств и боевых возможностей), мне еще хуже пришлось бы тогда. А у меня, напротив, мелькнула мысль, что я их всех собью. И если б я сначала напал на ведущего и тем самым расстроил бы их управление, я, наверное, сделал бы больше, потому что они, наверное, рассыпались бы в разные стороны и я бил бы их поодиночке. Ну, а поскольку сбит был их хвостовой самолет, то все прочие развернулись под командой ведущего, и бой для меня оказался тяжелым...

Я уже знал, что Пилютов, сопровождавший девять «дугласов», один напал на шесть «хейнкелей», что сбил за тридцать девять

минут боя два из них и только на сороковой минуте был подбит сам. Я с нетерпением ждал подробностей, но Пилютов, заговорив об американских самолетах, отвлекся. Он рассказал, как пришлось ему вести из Архангельска в Плеханово первые «кеттихавки». Был сплошной туман, погоды не было никакой — по обычному выражению летчиков. Невозможно было найти Архангельск, но он все-таки его нашел, сначала увидел деревянные домики и улицы, потом, изоцпив зрительную память, — аэродром и благополучно сел, и какое-то начальство в звании подполковника хотело было его ругать за запрещенную в такую погоду посадку, но он сразу всучил тому пакет на имя командующего и заявил, что должен немедленно вести на фронт из Архангельска прибывшие туда самолеты, спросил, есть ли для них экипажи. И, сразу же получив десять «кетти» с экипажами, повел их назад: пять — под командой какого-то майора, пять — непосредственно под своей. И какая это была непогода, и какие хорошие приборы оказались у этих «кетти», удобные для слепого полета, и как летели, сначала над туманом, а потом погрузились в туман, и как он искал для ориентира железные дороги, зная, что их может быть три, и правее правой — финны, а левее левой — немцы. И как, найдя одну из этих дорог, пытался определить, которая же она из трех... Пять самолетов, ведомых майором, отстали, не выдержали тумана, повернули назад к Архангельску, а он, Пилютов, посадил все свои на недалекий от Тихвина аэродром, а сам, один, в сплошной темной воздушной каше, снова поднявшись в воздух, пролетел оставшиеся восемьдесят километров до Плеханова, и сел ощупью, и пошел на КП, и командир полка Матвеев не верил, что тот приехал не поездом, не верил в возможность полета и посадки в такую погоду, пока сам не пощупал отруленный к краю аэродрома первый американский самолет...

Обо всем этом Пилютов рассказал с нескрываемой гордостью, но так задушевно и просто, с таким лукавым блеском в глазах, что нельзя было не плениться его лицом, так естественно выражающим детски чистую душу этого человека. Но я все-таки еще раз напомнил ему о бое над Ладогой.

— Я очень хорошо знал, — сказал он, — что один из «дугласов» набит детьми, я видел их при погрузке на аэродроме, — было тридцать пять детей. И в бою мысль об этих детях не покидала меня!

И вот, слово в слово, его рассказ:

— Когда мы поднялись с аэродрома, другие истребители не пошли за мной — их по радио отозвали встречать «гансов», что с юга сунулись бомбить Ленинград. Ну, мне так и пришлось одному конвоировать всю девятку «дугласов» — в каждом по тридцать пассажиров было!

Шел над ними высоко, в облаках. Только стали мы пересекать Ладожское озеро, вижу — с севера кинулись на моих «дугласов» шесть «хейнкелей сто тринадцать». «Дугласы» плывут спокойно,

думаю — в облачной этой каше даже не замечают опасности...

Зевать мне тут некогда, я ринулся к «хейнкелям» наперерез. Стал поливать их из всех моих крупнокалиберных пулеметов. Сразу же сбил одного. Он упал на лед, проломил его, ушел под воду — на льду остались одни обломки... «Хейнкели» не знали, сколько наших истребителей атакуют их, поэтому отвлеклись от «дугласов», бросились вверх, в облака. Я не даю «гансам» опомниться — мне важно, чтоб «дугласы» успели миновать озеро.

Немцы меня потеряли. Я хочу, чтоб они скорее меня снова увидели, даю полный газ, догоняю их. Догнал, замечаю: «дугласы» уже поплыли над лесом, становятся неприметными. «Хейнкели» меня тут увидели, и сразу пара их пытается зайти мне в хвост. Я мгновенно даю разворот и — навстречу им в лобовую. Нервы у немцев не выдержали, оба «хейнкеля» взмыли вверх, впритирочку проскочили, за ними еще тройка идет. Я — в вираж и обстрелял всю троицу сбоку.

Тут все пять «хейнкелей» тоже виражат, берут меня в кольцо, кружат вместе со мной. Один отделяется, хочет зайти мне в хвост. Хочет, да не успевает — на развороте я снимаю его пулеметом. Он загорается и с черным дымом уходит вниз. Следить за ним мне уже некогда, стараюсь оттянуть оставшуюся четверку поближе к берегу озера — там, знаю, зенитки наилучшим образом встретят их!

Вот так хожу кругами, разворотами, ведя бой, но их все же, понимаете, четверо, а у меня мотор начинает давать резкие перебои: перебита тяга подачи топлива. Скорость падает, высота тоже. «Гансы» кружат надо мной, но я все-таки никак не подставляю им хвост, маневрирую самыми хитрыми способами и отстреливаюсь.

Вот уже высота над озером пятнадцать, десять, пять метров... Вообще говоря, предстоял мне гроб, но в те минуты я об этом не думал, а думал, как бы еще половчее сманеврировать. Уже два раза крылом задел снег. Только сделаю разворот — они мимо проносятся, продолжая бить, а в хвост мне все-таки им никак не зайти!.. Мотор у меня останавливается совсем. И я приземляюсь на живот...

Мне самому спастись бы надо теперь, да у меня расчет — подольше собою их задержать, чтоб уж наверняка потом не догнали «дугласов»... Сижу, не открываю кабины, наблюдаю. Теперь они, конечно, как хотят заходят с хвоста, пикируют, стреляют по мне. Но и я последние в них патроны достреливаю... И моментами с удовольствием поглядываю на тот догорающий у самого берега «хейнкель»!

Как неподвижная точка, я теперь прямая мишень для пуль и снарядов. Тут-то меня и ранят, сбоку, снарядам и пулями... Когда меня ранили, я поднял колпак кабины аварийным крючком, схватил сумку с картой и документами, выпрыгнул и — под

мотор, замаскировался в снегу, держу пистолет наготове... Они все пикировали, до тех пор, пока мой самолет не зажгли. Думая, что я сгорел, они наконец ушли... А я, надо сказать, перед тем, уловив момент, когда близко их не было, прошел по снегу метров двести, но от рези в спине упал, почувствовал дурноту, однако все же успел снегом прикрыться так, что они, подлетев, меня не увидели...

Ну, а дальше все было просто. Ко мне подбежали школьники с берега, потом старый рыбак-колхозник, сбросив с саней дрова, подбежал, положил на сани меня... В госпитале двадцать одну дырочку в спине моей обнаружили, четыре осколка вынули да из руки пулю... Да, памятно мне это семнадцатое число!..

— Значит, это вы точно говорите — семнадцатого?

— Да уж, конечно, точно! — Пилютов взглянул на меня с удивлением.

— И других «дугласов» в тот день не было?

— Да я ж вам сказал!..

Нет, я не кинулся к Пилютову, чтобы обнять его, хотя именно таков был естественный мой порыв. Но со щемящим ощущением в сердце я пристально, молча смотрел на этого человека. И, наконец, не сказал — горячо выдохнул:

— Да знаете ли вы, дорогой Петр Андреевич, что вы для меня — вот лично для меня — сделали?

И торопливо, коротко я рассказал Пилютову все, чем ему до конца моих дней обязан. Он был немножко смущен, не зная, что мне ответить. Как и другие летчики-истребители, сопровожда «дугласы» чуть ли не каждый день, он уберег от смерти сотни, вернее — тысячи ленинградцев. И о том, что на снегу Ладоги осталась его кровь, отданная им за жизнь незнакомых, но близких ему людей, он в общем-то, вероятно, даже не думает!..

И звание Героя Советского Союза, к которому Пилютов представлен, он может носить со справедливо заслуженной гордостью. Думаю, если б я также поговорил с Покрышевым, Яковлевым, Чирковым, Гловым, то и облик каждого из них раскрылся бы мне с такой же ясностью и определенностью в делах, совершенных ими. Но Покрышев сегодня улетел куда-то надолго. Яковлев лежит в госпитале. Глов после боевого вылета, кажется, спит, и Чиркова на аэродроме не видно...

Пилютов пригласил меня «слушать патефон» к нему, в дом № 15 деревни Плеханово, в котором живет он вместе с Матвеевым. И после ужина в столовой летчиков мы вчетвером — Матвеев, Пилютов, я и прилетевший из 159-го полка летчик Петров — в уютной, чистой избенке (с занавесками на окнах, с веером цветных открыток и колхозных фотографий на стене) проводим вечер в беседе о Ленинграде.

Пилютов и Петров о бедствиях Ленинграда рассказывают без сентиментальности, в манере особенной, которая сначала показалась мне странной, — о самых ужасных фактах они говорят весе-

ло, даже смеясь. Брат Георгия Петрова, инженер-химик, умирал в Ленинграде от голода. Когда Петров навестил его, то узнал: тот уже съел его кожаную полевую сумку. Петров выходил брата, поставил на ноги, вывез из Ленинграда. И я понял, что нынешние смех и, пожалуй, чуть-чуть искусственно взбодренный тон человека, внутренне содрагающегося и несомненно глубоко чувствующего, — может быть, именно та единственно правильная манера говорить о Ленинграде, которая и должна быть теперь у людей, и имеющих право — без риска оказаться заподозренными в равнодушии — не раскрывать свою душу, конечно глубоко потрясенную всем виденным, узнанным и испытанным. Потому что степень бедствий ленинградцев перешла уже за предел известного в истории. Если б в таком тоне говорили о Ленинграде люди, ему посторонние, то это было бы кощунством. А в данном случае это только мера душевной самозащиты!

И вот ночь. Я — в маленькой, жарко натопленной комнате, вдвоем с Пилкутовым, в его доме. Он спит сейчас сном праведника.

А мне не до сна — пишу. Сколько впечатлений, сколько нового, сколько замечательных людей дарит мне каждый день моей фронтальной работы! Все это должно — пусть не теперь, пусть в светлом и мирном будущем — стать известным нашим советским людям. Священный долг народа перед теми, кто за него погибает ныне, — никогда не забыть ни одного дня Великой Отечественной войны!

ДОМА, В КОЛЬЦЕ БЛОКАДЫ

(Волхов, Ленинград. 3—7 марта 1942 г.)

3 марта. Волхов

Мне выдан сегодня сухой паек на пять дней. Хочу отвезти свои продукты ленинградцам. Целый рюкзак продуктов, подарки богатые.

Везу также посылки семьям — от корреспондента «Правды» Л. С. Ганичева и от машинистки редакции.

Надо сказать, кто бы из армии ни ехал в Ленинград, всякий везет накопленные им и собранные у друзей продукты. Те, у кого нет родственников, дарят продукты первым попавшимся голодающим, а чаще всего — в учреждениях, куда заходят по делам, или в домах, где останавливаются. Иные приходят в детские сады, отдают детям. Это стало общей традицией.

5 марта. Ленинград

Вчера, 4 марта, вместе с сотрудниками редакции газеты «В решающий бой» старшим политруком Гусевым и с двумя другими попутчиками я взгромоздился на полуторатонку, накрытую низкой фанерной полубудкой, выкрашенную в белый цвет, и в 8 часов 45 минут утра выехал из Волхова в Ленинград. В кузове было тесновато, огромная бочка с горючим шаталась и ерзала на каждом ухабе.

Гусев ехал в Ленинград за оборудованием для той легкой типографской машины, какую привез из Ленинграда на днях, — она должна в полевых условиях наступления освободить редакцию газеты от необходимости пользоваться Волховской городской типографией.

День неожиданно оказался весьма морозным, было не меньше двадцати градусов.

На озере мы сразу попали в поток бегущих, как маленькие жучки, машин. Ехали глубокой снежной колеей, наблюдая разгул несомого сильным, резким, пронзительным северным ветром сне-

га. Снег вился за нами пургой, заметал ледяную дорогу, пересекал ее сплошным перебором острых, рыхлых барханов, напрасно разгребаемых плугами, прицепленными к гусеничным тракторам, и едва преодолеваемых тяжело стонущими автомашинами. Ехать можно было только на второй, чаще на первой скорости, ежеминутно опасаясь завязнуть так же, как те машины, что стояли заметенные злобной вьюгой, окруженные шоферами, которые отчаялись вытащить их и ожидали помощи от дежуривших здесь и там тракторов. Какая-то «эмка», залетев в сугроб, стояла поперек него в стороне от дороги. А дорог или того, что в разное время было дорогами, параллельных, угадываемых по гребням снежных валов, сопровождающих их с двух сторон, было множество.

Все это сияло и сверкало на солнце, и вьюга, низкая, наледная вьюга, тоже сверкала на солнце, и кое-где из снегов торчали остатки разбитых при бомбежках автомобилей. А вдали по встречной дороге бежали из Ленинграда грузовики, они были похожи на корабли, потому что виден был только плывущий над снежными гребнями кузов, и во многих из этих кузовов чернели стоящие и сидящие, закутанные в одеяла, во что придется фигуры эвакуирующихся из Ленинграда людей. Другие машины бежали порожняком, и мне не нравилось, что есть такие машины, проходящие порожнем, — ведь каждая при хорошей организации дела могла бы быть наполнена полезным грузом. А порожняк попадался и среди нам попутных, идущих в Ленинград машин, и меня это возмущало.

На ладожской трассе, которая по-прежнему подвергается бомбежкам с воздуха и обстрелам, конечно, много изменений за месяц, что я здесь не был. Среди попутных машин — десятки груженых замороженными тушами мяса, консервами, сахаром, солью, крупами, всякими продуктами в ящиках, а не только мешками с мукой. И много машин везут уголь: это значит, уже есть возможность гнать в Ленинград и топливо!

Все грузы теперь идут из Кобоны, куда от Войбокала проведена ветка железной дороги длиной в тридцать четыре километра. Иначе говоря, разрыв между железными дорогами Большой и Малой земель уменьшился чуть ли не вдвое и настолько же короче стал пробег ладожских автомашин. Железнодорожная станция Кобона на самом берегу озера начала работать 10 февраля. Каждый сутки из Ленинграда по трассе эвакуируется три-четыре тысячи ленинградцев, и, говорят, обстановка, в которой они оказываются теперь, переехав озеро, несравнима с той, какую я наблюдал месяц назад в Жихареве: люди попадают в теплые помещения, обслуживаются медицинской помощью, окружены вниманием. Все наладилось! ¹

¹ Людмила Федоровна, сообщая мне впоследствии о том, как она доехала до Урала, рассказала, в частности, о встрече поезда в Ярославле: «...Ярославль. Неожиданно великолепный прием. Представители власти: «Не волнуйтесь, оставьте вещи, вас повезут на автобусах...» Полный по-

Я не знаю, сколько продовольствия доставляется теперь в Ленинград по ледовой трассе, но, во всяком случае, по несколько тысяч тонн ежедневно!

Только нынче узнал я об удивительной переправе по льду бригады танков КВ. Они, весящие каждый пятьдесят две тонны, мчались по ледяной дороге, буксируя на салазках свои башни, чтобы таким образом распределить тяжесть на большую площадь льда. Они мчались самоходом, и лед, прогибаясь под ними, ходил волнами, и они перепрыгивали через трещины шириной в метр и два, как это ни кажется невероятным, и прошли все. Это была 124-я танковая бригада полковника Родина, в январе срочно направленная из Ленинграда в армию Федюнинского, чтобы участвовать в прорыве немецких укреплений и в наступлении от Войбокала.

Направленные из Ленинграда для участия в наступлении 54-й армии, пересекли Ладогу пешим ледовым походом и стрелковые дивизии (115-я и 198-я). Самостоятельно переходил и гаубичный артиллерийский полк со всей своей, влекомой гусеничными тракторами, тяжелой техникой.

Никто прежде не мог бы подумать, что такие дела возможны! Но мало ли невозможного за эти девять месяцев сделано ленинградцами!

Рассказали мне также, что в разгар зимы была сделана попытка, наступая по льду Ладожского озера, взять Шлиссельбург штурмом. В этом деле участвовала морская пехота. Шлиссельбург взяли, он был около полутора суток в наших руках, но удержать его не удалось.

В другое время двумя ротами немцы, в свою очередь, пытались захватить Осиневец, но были перехвачены где-то на ледовой трассе и уничтожены.

На озере снег забивал наш прикрытый фанерой кузов, кружил белым холодным вихрем, замел всех, резал, обмораживал лица. Было так холодно, как, кажется, не было мне холодно никогда, я беспрерывно растирал себе лицо коченеющими руками и не находил спасения от холода и этого снега. А над беснованием его, выше, — день был издевательски ясным, небо — голубым, солнце светило с вызывающей яркостью, весь ледяной океан горел и сверкал, и пурга, несущаяся по самой его поверхности, придавала этому океану такой фантастический вид, что, вероятно, и в Арктике редко можно увидеть столь странные и великолепные в дикой и суровой своей красоте сочетания.

рядок. Свезли в санобработку. Баня. Страшная худоба людей. Банщика заплакала. После бани некоторые из поезда умерли. Это были первые эвакуированные по железной дороге из Ленинграда люди, которых здесь видели. Отвезли всех в стационар. Коттеджи, белые скатерти, цветы на столах, еда и горой белый хлеб. Врачи. Лечение. У многих — дизентерия, фурункулез, болезнь сердца... Те, кто был здоров, жили здесь дней десять, потом отправились дальше...»

За гребнями белых обочинных валов возникали палатки «папанинцев», живущих гораздо более трудной, опасной и самоотверженной жизнью, чем те, настоящие папанинцы, у которых были и спальные мешки, и изобилие всяких продуктов, и мировая слава и которых к тому же никто не посылал с неба бомбами, не поливал пулеметными очередями, как почти каждый день это бывает здесь, на прославленном отныне и вовеки Ладожском озере.

И фигуры, объемистые фигуры регулировщиков в белых маскировочных халатах, с ярко-красными и белыми флажками в руках, сливающиеся с пургой, были добрыми духами этих снежных пространств, указывающими путь бесчисленным проносившимся мимо странникам.

Ветер здесь дул свирепо, дорогу замело сугробами, две глубокие колеи стали как бы рельсами, с которых ни одна машина свернуть не могла. И, ожидая, мы мерзли, — о, как мерзли мы в этот день! За всю зиму я ни разу не промерзал так, до косточки, до дыхания.

Но вот из-под снежной пелены глянуло несколько гранитных валунов, — я понял: мы выезжаем на берег. Смотреть я мог только вполглаза, — так я был замечен сразу зачерствевшим на мне, плотно сбитым снегом.

Мы снова были в кольце блокады!

Подъезжая к ленинградским пригородам, никто из нас не мог определить, какой именно дорогой мы едем, до тех пор, пока не миновали два контрольно-пропускных пункта. Красноармейцы проверили у Гусева документы, а у нас спросили только, везем ли мы сухари. Мы промолчали, и часовые, махнув рукой, пропустили нас. Мы оказались на Полюстровской набережной, чуть ниже Охтинского моста.

Было 7 часов вечера. Если б мы приехали раньше, то стали бы развозить по составленному мною маршруту порученные нам посылки, но было поздно, мы решили отложить это дело до завтра и, доехав до Литейного моста, помчались по проспекту Володарского. Я жадно всматривался в лик города, но ничего в этом мертвеном, строгом лике за месяц не изменилось, разве только я не увидел валяющихся окоченевших трупов да меньше, чем было то в январе, везли на салазках мертвецов. Все остальное, в общем, было, как и тогда. Впрочем, кое-где народ скалывал снег с трамвайных путей, очищенные места зияли дырами глубиной в полметра. Улицы же второстепенные, утонувшие до вторых этажей в сугробах, представляли собой дорогу более ухабистую и засугробленную, чем та, по которой мы ехали за городом.

Я сошел у своего дома. Он был цел — это первое, что было для меня важно.

На пятом этаже дверь в мою квартиру оказалась запертой. Замки целы. Почему-то мне было немножко жутко отпирать дверь. Я зажег свечу, открыл дверь, вздохнул было с облегчением: все в порядке! Но тут же удивился: весь пол передней покрыт

серым налетом — то ли мукой, то ли... Сделав два шага в столовую, я увидел над собой небо!

Огромная дыра в потолке, куски стропил в зиянии разбитого снарядом чердака, свисающие до полу расщепленные доски, драка, обломки, пробитый осколками пол, заваленный кирпичами, мусором, снегом, битым стеклом; стены, шкаф в дырах от осколков; разбитый, с разломанными дверками старинный буфет карельской березы. Круглый обеденный стол, вбитый взрывной волной в пол. Скатерть, припудренная известковой пылью. Стена за кроватью Натальи Ивановны с трещиной от пола до потолка... И опять взгляд на пробоину надо мной: она — в два квадратных метра, просвет в небо и еще гораздо больше просвет — в раскрытый чердак, без крыши. Я быстро оглядел всю квартиру. Кухня, мой кабинет, все прочее было цело, но во всем хаос запустения.

Я подошел к телефону и попробовал нажать кнопку. На удивление мое, телефон работал.

Я долго стоял в безмолвии, созерцая печальную картину разрушения.

Потом резко и порывисто стал исследовать мусор, нашел несколько крупных осколков снарядов: один — сантиметров десять длиной, другой — круглый, увесистый, размером с яблоко, и несколько мелких...

Промерзший, я сообразил, что у меня есть дрова: сорвал с потолка висящую доску, обрушив груды мусора и кирпичей, взял щепу из-под снежного покрова на полу, распилил все это, понес в кухню, затопил плиту и, пока ведро со льдом превращалось на плите в ведро с водой, занялся приведением в порядок того, что уцелело при разрыве снаряда...

Союз писателей. Кормят здесь сейчас лучше, чем в январе. Кашу дают всем с пятидесятипроцентной вырезкой из продкарточки.

В двух комнатах и в бильярдной Дома имени Маяковского создан (один из немногих в городе!) стационар. В нем восстанавливают силы предельно истощенные голодом писатели. Организован этот стационар огромными усилиями. В стационаре всегда жарко топится жестяная печка-«буржуйка», соблюдается абсолютная чистота, кипятится для ванной вода, трижды в день готовится горячая пища, есть медицинский уход. Постельное и нательное белье — чистое, на столах — белые скатерти, искусственные цветы. Спасено от смерти уже несколько десятков людей — например, писатель Сергей Хмельницкий, скромнейший человек, который, несмотря на тяжелую форму астмы, возглавлял отдел пропаганды художественной литературы. Это дело требовало от него невероятной энергии и самоотверженности. Принимая заявки от писателей и учреждений, Хмельницкий организовывал в них литературные выступления писателей. В самые тяжелые месяцы — декабрь — январь — не было отвергнуто ни одной заявки. Многие

писатели совершали дальние «пешие переходы» (например, в Лесной), чтобы выступить в каком-либо госпитале. В их числе были Н. Тихонов, А. Прокофьев, И. Авраменко, Б. Лихарев, О. Берггольд, В. Кетлинская, Л. Рахманов, Е. Рысс, С. Хмельницкий, Г. Гор, В. Волженин¹ и десятки других, многие из которых находятся в крайней степени истощения.

Я знаю, что кроме этого стационара и кроме «Астории» такого же типа «спасательные станции» организованы на Кировском, на Металлическом и еще на некоторых заводах.

...Девятнадцатилетняя жена В. Н. Орлова Элико Семеновна 12 февраля родила ребенка. Из дома на канале Грибоедова ее доставили волоком, на саночках, на Васильевский остров — в родильный дом. Здесь печуркой обогревалась одна-единственная палата, в которой при свете лучины принимались роды, производились операции, лежали первые дни женщины с грудными детьми. Элико родила в темноте, в тяжелейших условиях. Ребенок оказался отечным. Несмотря на все усилия и самоотверженность врачей, на одиннадцатый день ребенок умер от кровоизлияния и разрыва сердца...

А ведь у многих людей в будущем, когда эта война станет давней историей, появится паспорт, в котором окажется запись: дата и место рождения — февраль 1942 года, г. Ленинград. Будут ли знать эти молодые люди, в каких условиях выносили и родили их матери? И что, став совершеннолетними, сделают для того, чтобы никакие в мире города никогда не подвергались таким бедствиям, каким подверг проклятый фашизм мой родной, негсибаемый Ленинград?

7 марта

Яркий день. Над головой разрывы зениток, яростная стрельба по самолетам, летящим на Ленинград.

Я просматриваю ленинградские газеты, вышедшие за время моего отсутствия.

На Ленинградском фронте уже огромный размах приобрело движение снайперов-истребителей. Феодосий Смолячков (истребивший 125 немцев 126 пулями) недавно погиб. Владимир Пчелинцев, Иван Вежливцев, Петр Галиченков, Федор Синявин, десятки других снайперов, часами и днями высматривая и выслеживая врага, каждый вырабатывая свои методы уничтожения немцев, истребили уже тысячи гитлеровцев. На слетах и конференциях снайперы обмениваются опытом, сейчас идет речь о создании целых снайперских рот. Снайперы появляются теперь в любой части, в любом подразделении, и немцы уже не смеют поднимать над своими окопами головы, ходить по переднему краю — мы их окончательно загнали в землю.

¹ Эвакуированный в Ярославль, В. Волженин умер, едва приехав туда.

На какие подвиги способны защитники Ленинграда, можно судить по величайшему акту самопожертвования бойцов Черемнова, Красилова и сержанта Герасименко, которые, спасая от уничтожения свой взвод, попавший под обстрел из трех хорошо замаскированных пулеметных точек, подползли к вражеским дзотам, кинулись к амбразурам и закрыли их своими телами. Взвод лейтенанта Полянского был спасен ценою жизни этих трех героев. Двое из них были беспартийными, а Герасименко — коммунистом. Этот замечательный подвиг описан 11 февраля в «Ленинградской правде».

Ханковцы генерал-майора Н. П. Симоняка сражаются теперь на Пулковских высотах, сам Симоняк награжден орденом Ленина, а командующий гарнизоном Ханко генерал-лейтенант Кабанов ныне начальник гарнизона города Ленинграда.

По опубликованным в «Ленинградской правде» подсчетам, немцы в каждый день их «сидения» под Ленинградом теряют в среднем тысячу солдат и офицеров, а всего к 20 февраля потеряли здесь 278 640 человек, 1195 орудий, 1811 самолетов и множество другой техники.

А под Старой Руссой продолжается уничтожение частей 16-й немецкой армии.

Что же можно сказать о гражданском населении Ленинграда?

В самом городе смертей от голода сейчас даже больше, чем в январе, потому что никакими увеличенными нормами продовольствия уже нельзя восстановить здоровье людей, которое было окончательно разрушено дистрофией при 125-граммовом декабрьском хлебном пайке. Но эти тысячи и тысячи ежедневных смертей теперь уже не производят на население такого страшного впечатления, какое производили в декабре и в начале года. Тогда многим казалось, что весь город вымрет, тогда угасала надежда на спасение, а теперь медленно, но неуклонно все идет к лучшему. Это очевидно для всех. Кто хочет уехать, знает, что эвакуация производится, что надо только дожидаться очереди. Те, кто уезжать никуда не хочет, решив делить свою судьбу с судьбой Ленинграда до конца, до прорыва блокады (а таких — большинство), вглядываются не в плохое, а только в хорошее — в приметы его, и крепят этим силу своего духа, а значит, и физические силы их укрепляются.

Примет таких много!

Близится весна. Солнце уже пригревает, радует светом и теплом. Разрешено разбирать ветхие деревянные дома на дрова (да топливо поступает уже из-за Ладоги); население все больше организуется для очистки и приведения в порядок города, — угроза эпидемии есть, но самих эпидемий в Ленинграде нет. Производятся массовые прививки против дизентерии, уже сотням тысяч людей они сделаны. Медицинская помощь вообще налаживается. При каждом домоуправлении созданы санитарно-бытовые комиссии. Энергично борются со всякими спекулянтами и мародерами

не только милиция, но и комсомольские контрольные посты, они везде — в магазинах, на складах, на хлебозаводах, на транспорте... В заледенелых, омертвелых цехах заводов и фабрик люди готовятся к восстановительной работе, кое-что уже восстанавливают...

А в номере от 15 февраля сказано:

«...Очищены от снега, мусора и нечистот полностью или частично дворы в 335 домах Октябрьского района. В 150 домах Смольнинского района отеплены водопроводные трубы, и население этих домов теперь обеспечено водой. К 10 февраля введены в строй водопроводы в 135 домах Дзержинского района...»

В городе открываются детские комнаты, ясли, чайные, прачечные, все коммунальное хозяйство города с приходом весны начнет восстанавливаться. Уже сейчас везде разговоры об огородах, которые разрешено будет устраивать на площадях, вдоль улиц, в парках, скверах — повсюду в городе...

Люди трудятся, а труд лечит и дает радость!

Ленинградцы расчищают снежные, засугробленные улицы, по которым когда-то ходил трамвай. Людей полно! Чуть ли не все население скалывает лед с трамвайных путей, сволакивает кое-где снег на листах фанеры с привязанными к ним веревочками. Скоро трамвай пойдет снова!

Лица людей — я присматриваюсь — значительно более живые, чем были в январе, когда все люди казались покойниками. Чувствуется, что городу теперь дышится чуть-чуть легче. Город переживает некий восстановительный период. Во всяком случае, приводится в порядок. Настроение у горожан бодрое. Я уже слышал редкие еще, правда, шутки и слышал смех. А всерьез люди говорят так:

«Самую смерть мы пережили! И голод уже одолели. Конечно, и сейчас голодно, но уже живём, жить можно! Только вот силенки набрать не просто после такой зимы! Умирают те дистрофики, кому теперь питание все равно не впрок, да кто духом слаб. А мы все, кто работает, теперь выдюжим!..»

Первая победа — победа Ленинграда над страшным голодом — уже у нас в руках; такого, что было, больше не будет!

Блокадная, суровая наша жизнь продолжается. Но это именно — жизни!

ПЕРВОЕ МАЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

День первого мая. В полнолуние. Второй майский день

(1—2 мая 1942 г.)

Весь апрель я был на Волховском фронте, в 8-й и 54-й армиях. Исходил пешком много фронтовых болот и лесов, провел немало дней в 107-м отдельном танковом батальоне, в горнострелковой бригаде, только что вышедших из очень тяжелых боев, был у артиллеристов, у разведчиков, в стрелковых дивизиях.

После Эстонии, Ораниенбаумского «пяточка» и правобережья Невы 8-я армия, пополненная свежими силами, занимает теперь оборонительные позиции в Приладожье, от деревни Липки на берегу Ладожского озера до стыка с 54-й армией, которая по-прежнему до середины апреля вела наступательные бои на линии железной дороги Кириши—Мга, пытаясь совместно с левофланговыми армиями фронта пробиться к Любани и Тосно. Боевые действия 54-й армии, особенно на участке Погостье—Веняголово, были жестокими и кровопролитными, но к успеху не привели.

В итоге Любанская операция, продолжавшаяся почти четыре месяца, сорвалась. Наши войска на этом участке фронта перешли к обороне. 54-я армия осталась на прежних своих позициях и вновь пополнялась.

Не удалось взять Любань и 2-й ударной армии, прорвавшей немецкий фронт со стороны Волхова и приблизившейся к Любани с юго-востока. Здесь завязались длительные бои, закончившиеся в конце мая окружением 2-й ударной армии вследствие измены Родине командовавшего этой армией генерала Власова. Выйдя из окружения, 2-я ударная армия заняла новый участок обороны на Волховском фронте и впоследствии блистательно разгромила противостоявшие ей немецкие дивизии при прорыве блокады Ленинграда, а через год после того — и в боях, приведших к полному снятию с города блокады.

ДЕНЬ ПЕРВОГО МАЯ

1 мая. Ленинград

...Стоит проскользнуть привидением в светлеющей, предрассветной ночи над разбухшими, залитыми блестящей водой льдами Ладоги, вдавливаясь в безграничную, плотную толщу воздуха, в которую на полчаса вмурована металлическая, смешанная, с фанерой и парусиной конструкция самолета У-2¹, стоит попрыгать в люльке попутного мотоцикла по ухабистой, прелой дороге, — и вот опять родной Ленинград!

Он всё тот же и совсем не тот, каким был в марте. Он необыкновенно чист, строг, прямолинеен ранним майским утром. Омытый легким весенним ветром, милосердно прогретый апрельским солнцем, преображенный невероятным трудом сотен тысяч людей, очищенный от грязного снега и льда, от всяческих, порою ужасных, отбросов, он сегодня выглядит особенно гордым, торжественным, вечным!

Он в этот день Первого мая трудится, как всегда. Вчера было опубликовано решение Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) — считать 1 и 2 мая рабочими днями, демонстраций и парадов не проводить, на предприятиях провести митинги «под знаком мобилизации трудящихся на дело обороны страны».

Сегодня — солнечный день, теплынь почти летняя. Ленинградцы — бледные, истощенные, но приодетые, — не обращая внимания на обстрел, спокойно проходят по улицам.

Обстрел длится весь день, но многие явно прогуливаются. Еще недавно людей, которые просто прогуливались бы по Ленинграду, даже если никакого обстрела не было, невозможно было увидеть. У многих женщин в руках, в петлицах весенних пальто, даже в рабочих ватниках — первые полевые цветки, или еловые веточки, или просто пучки зеленых травинок.

В небесах ходят, кружат, охраняя город, наши одиночные самолеты. Кажется — просто играют, резвясь в вышине, — но нет, они несут самоотверженно и бесстрашно свою первомайскую службу, сегодня немцы опять стремились бомбить Ленинград. Наши летчики их не допустили до города. В этом особенная заслуга балтийцев.

По стенам расклеена «Ленинградская правда». В сегодняшнем номере помимо приказа, который я уже слушал ночью, большая статья П. С. Попкова, статья Вс. Вишневского «Стреляет Красная Горка», статья А. Фадеева, на днях прилетевшего в Ленинград из Москвы (вместе с Н. Тихоновым, возвратившимся из довольно длительной командировки). Николай Тихонов публикует сегодня свою «Балладу о лейтенанте». Кроме всего прочего, в газете обращение: «Отважные защитники Севастополя — героическому Ленинграду...»

¹ После войны этот самолет стал называться По-2, по имени его конструктора Поликарпова.

Прохожие читают газету и одновременно слушают у репродукторов (хрипящих и изменяющих тембр человеческой речи) выступления участников радиомитинга. Заместитель командующего Ленинградским фронтом генерал-майор Гусев говорит:

— Войска Ленинградского фронта отметили революционный международный праздник мощными артиллерийскими залпами, обрушив тысячи снарядов на головы фашистских мерзавцев...

Да, эти залпы я слышал сегодня ночью!

— ...Только за март и апрель противник потерял на Ленинградском фронте убитыми и ранеными свыше пятидесяти восьми тысяч солдат и офицеров... сбито двести сорок и подбито сорок восемь самолетов противника...

Выступают по радио артиллеристы, балтийцы.

— Идет весна, ломается лед, чернеет снег, светлеет день. Гудят вешние воды. Будут великие битвы... — звучит из репродукторов голос Николая Тихонова...

Всё-таки праздник в городе чувствуется! Настроение у всех праздничное!..

И звенит, звенит, проходя по Невскому, обвешанный с двух сторон людьми, везущий на своей «колбасе» гроздь ребятишек, трамвай — необыкновенный трамвай весны 1942 года, — трамвай-победитель, трамвай-легенда!

Первые вагоны трамвая после страшной зимы ленинградцы увидели 12—13 апреля. 12 апреля было официально обнародовано решение исполкома Ленгорсовета о возобновлении нормального пассажирского трамвайного движения с 15 апреля. В тот день торжественно, с красными флагами, лозунгами, плакатами, под восторженные возгласы ленинградцев двинулись из своих парков красно-желтые вагоны первых пяти маршрутов — «тройки», «семерки», «девятки», «десятки» и пересекающий Ленинград от Барочной петли и Зелениной улицы, через Васильевский остров и Невский проспект, через Лиговку и Смольный проспект до Большой Охты «маршрут номер двенадцать»!.. Какое это было торжество!

Трамвай идет!.. В трамвае, конечно, не могу не совершить праздничной поездки и я, — в моей фронтовой шинели, с толстой полевой сумкой на боку, с двумя шпалами старшего командира на зеленых петлицах, а в настроении — явно мальчишеском, в положении — висящего «зайца». Хорошо!..

Гигантские валы грязного снега и льда тянутся вдоль парапетов набережных. Фонтанка, Мойка, сама красавица Нева еще не скоро с помощью солнца и своих высвобожденных вод ослият эти гигантские навалившиеся на них горные хребты, свидетельствующие об исполинском труде очищавших улицы и дворы ленинградцев. Но улицы уже чисты! Асфальт и булыжник уже высушены, уже прогреты прекрасным солнцем!..

Город совсем не походит на тот, каким видели мы его год

назад, в день еще мирного Первояя. Киттели командиров-балтийцев, бескозырки краснофлотцев придают Ленинграду особенно остро ощутимый портовоморской вид, какого у города прежде никогда не было. Корабли на Неве, сбросив панцирь льда, не кажутся, как зимой, оцепенелыми, они вновь обрели свою осанку плавучести. Их причудливо укрывают маскировочные сети, испещренные кусками материи, — будто усыпанные листьями. Сети шлейфами тянутся к набережным, срачивая корабли с гранитом города. Мачты с некоторых судов в целях маскировки до половин сняты. На набережных около судов стоят «эмочки» и мотоциклы. Сидя на парапетах рядом с командирами, празднично одетые жены и матери беседуют о чем-то своем, — командиры не имеют права отходить от кораблей. Зенитки на палубах в этот день Первого мая ощерены, как всегда. Только несколько дней назад фашистские бомбардировщики прорвались в город, сбросили бомбы вдоль Невы и в Неву. Были попадания и в корабли. Каждый час налеты могут возобновиться.

Но праздник ощущается во всем. Вместе с исполинскими сугробами снега исчезли, канули в прошлое и вереницы саночек, влекомых задыхающимися родственниками мертвецов, завернутых в тряпки. Живые глаза встречных любят распускающимися на деревьях почками, первой зеленью.

Да... После страшной зимы ранняя весна в городе еще не может избавить ленинградцев от тяжелых явлений гипертонии. Да, десяткам тысяч людей уже не преодолеть губительных для организма последствий дистрофии. Да, цингою прикованы к постелям еще очень многие ленинградцы, а другие едва владеют своими опухшими, отечными, в синяках ногами. У иных ноги почти не сгибаются или совсем не сгибаются в коленях, эти люди ходят с палочками, корчась от боли... Но почти полутора миллионам оставшихся в городе людей здоровье будет возвращено!

Авитаминозных цинготных больных, в частности, лечат витамином С, изготовленным из хвои, — по решению горкома партии в Ленинград ежедневно завозятся десятки тонн хвойных лапок; куда ни зайдешь: в столовых, в клубах, в продовольственных магазинах (перед которыми теперь уже нет очередей), в аптеках — везде увидишь бутылочки и скляночки с этим несущим аромат свежих северных лесов витамином.

Десятки, если не сотни тысяч ленинградцев — рабочих, служащих — подкармливаются сейчас в столовых усиленного питания; количество этих столовых, создаваемых при учреждениях, фабриках и заводах, все увеличивается... Все больше рабочих людей возвращается к труду на своих постепенно оживающих предприятиях. На многих из них работа, производившаяся всегда машинами, производится ныне вручную, — резкая нехватка электроэнергии и горючего, смазочных материалов, сырья сказывается во всем. Но уже несколько десятков возвращающихся к жизни предприятий вступили в апреле в предмайское социалистическое

соревнование; ни бомбежки, ни обстрелы, ни лишения, ни болезни — ничто не может помешать ленинградцам ремонтировать боевую технику, выпускать вооружение и боеприпасы.

Недели две назад орденами и медалями были награждены завод имени Карла Маркса и Институт имени Лесгафта. Награждены были работники, выпускавшие минометное вооружение, — надо ли говорить, какую роль играют минометы в обороне Ленинграда!..

Энергично готовится Ленинград — судостроительные и судоремонтные заводы, боевые и торговые корабли, Ленинградский торговый порт, пристани в дельте Невы, в невских пригородах, на Ладожском озере — к открытию навигации. Большие строительные работы развернулись на берегах Шлиссельбургской губы, где решается жизненная для Ленинграда задача — заменить ледовую трассу водной... Для Ладоги строятся маленькие грузовые катера — металлический корпус, автомобильный мотор, палуба, рубка... Таких катеров должно быть выпущено на водную трассу много!..

...До сих пор мы практически сражаемся с Гитлером один на один. Никто не сомневается: мы можем выиграть войну и без второго фронта. Но скольких лишних жертв это будет нам стоить! И какая это будет нагрузка всей мировой войны! О, не о наших интересах Англия и США думают! Вся обстановка мировой войны складывается благодаря нашему мужеству и нашей выдержке так, что американцам и англичанам, заботясь об их собственных экономических и политических интересах, пора открывать второй фронт...

Из многих источников доходят до меня сведения, что Гитлер весной этого года готовит наступление на Ленинград, концентрирует вокруг Ленинграда силы, чтобы вновь попытаться взять город штурмом. Есть основания для тревоги. Немецкие войска, осаждающие Ленинград, конечно знают, что у нас ощущается недостаток в боеприпасах, что каждый выпущенный нами снаряд у нас на учете, что нормы расходования боеприпасов жесткие, суровые. Но, думаю, если они рассчитывают на это в своих планах штурма Ленинграда, то просчитаются. Обороноспособность наша в этом отношении так быстро растет, что сунься немец на штурм — туго ему придется... Есть сведения, что немцы стягивают резервы на участок, прилегающий к городам Красное Село — Пушкин, подтягивают сюда свои танки. Есть признаки приготовления немцев к химической войне, — было два-три случая разрывов химических снарядов... В апреле немцы совершили несколько массированных налетов бомбардировщиков на Ленинград с расчетом уничтожить, в частности, крейсер «Киров» и другие крупные корабли Балтфлота, вывести из строя Ленинградский порт. Немцы усилили в апреле обстрелы города...

Весна идет!.. Только восемь дней в апреле были без обстрелов!

Весна идет!.. Вот-вот на нашем фронте начнутся ожесточенные боевые действия. Будем же бдительны!.. Будем готовы к решительному бою в любой день наступившего сегодня мая!

В ПОЛНОЛУНИЕ

Ночь на 2 мая

Тихая, тихая лунная ночь. Пусто и одиноко в моей разбитой снарядом квартире. Маленькая комната цела, но стоит из нее выйти, фантастически освещенные луной обломки, ощеренные в небо, вонзающиеся в него нагромождения пятого этажа, навевают грусть.

А еще я грущу от печальной весты, по большому секрету сообщенной мне работниками Политуправления: 24 апреля, неделю назад, воспользовавшись ледоходом, прервавшим всякое сообщение между берегами Невы, немцы начали штурм Невского «пяточка» и после шести суток боев овладели им. Защитники «пяточка», изолированные от всего мира, дрались насмерть и погибли все.

Понтонеры, саперы, бойцы, командиры и политработники 86-й стрелковой дивизии НОГ, занимавшие оборону на правом берегу, всматривались через реку в укрепленный последними защитниками «пяточка» плакат «Умираем, но не сдаемся!», слышали последние выстрелы, но ничем не могли помочь. Это было три дня назад, 29 апреля. Шестисотметровой ширины поток шуршащего льда, раздробленного, искромсанного, измельченного, оказался неодолимой преградой. Ни на пароме, ни на лодке, ни пешком, ни ползком, — как было помочь насмерть стоявшим людям? Последнее сообщение с «пяточка» по радио командование дивизии получило еще за два дня до того — 27 апреля. Это были полные мужества и трагизма слова:

«Как один, бойцы и командиры до последней капли крови будут бить врага. Участок возьмут только пройдя через наши трупы. Козлов, Соколов, Красиков...»

24 апреля, в день жестокого налета немецких бомбардировщиков на Ленинград и начала немецкого штурма на «пяточке», прекратила свое существование ладожская ледовая трасса... Нет, немцы с ней ничего не могли поделать! Она выполнила свое назначение, она спасла Ленинград от голодной смерти. Но пришла весна, лед стал таять, уже за неделю до того машины с грузами для Ленинграда и с эвакуированными из Ленинграда шли по воде. Все больше машин проваливалось под лед, многие машины погибали с грузами, с водителями, с пассажирами... Всякий привоз продовольствия в Ленинград из-за озера теперь прекратился до открытия навигации. Что думают по этому поводу немцы, я не знаю, вероятно, радуются, рассчитывают теперь-то измором взять Ленинград... Но я хорошо знаю, что запасы продовольствия,

доставленного по ледовой трассе, теперь созданы достаточные, чтобы, не снижая увеличенного пайка, продержаться до открытия навигации и даже — если б понадобилось — дольше. И все-таки общее положение Ленинграда в эти дни, конечно, тревожное...

Немцы бешутся. Еще в марте им удалось захватить Гогланд и, кажется, остров Сескар. Все попытки балтийцев отбить захваченные острова оказались тщетными, — и здесь огромное значение сыграло таяние льда, за время распутицы немцы на островах укрепились, и теперь взять эти острова обратно нам будет нелегко.

Во всяком случае лишние сотни или даже тысячи фугасных бомб, сброшенных в апреле на Ленинград, на судьбу города повлиять не могут, ленинградцы так и говорят: «Немцы бешутся, а все равно ничего не добьются. Могила под Ленинградом так или иначе им обеспечена. Только злее мы будем!»...

ВТОРОЙ МАЙСКИЙ ДЕНЬ

2 мая

Сегодня, 2 мая, в «Ленинградской правде» опубликован первомайский приказ адмирала Кузнецова, в тексте которого есть такие слова: «1942 год должен быть годом полного разгрома врага». Точно такие же слова: «Добьемся полного разгрома фашистско-немецкой армии в 1942 году», — приводятся в отчете о первомайском радиомитинге. А в передовице сказано еще определеннее: «Народный комиссар обороны приказал Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

Добавлю от себя: до конца 1942 года осталось ровно восемь месяцев!

Вчера вечером по радио выступал Александр Фадеев, приехавший в Ленинград. Сегодня я слушал по радио речь вернувшейся из Москвы Ольги Берггольц.

Ольга Берггольц прекрасно работает в Ленинграде с самого начала блокады, ее выступления всегда волнуют всех ленинградцев, я, как и все, бываю взволнован ее стихами и ее мужественными выступлениями, в которых звучит сама душа блокадного Ленинграда.

...Завтра, 3 мая, в Ленинграде приступают к работе школы. Ленинградские дети — школьники и школьницы — сядут за парты! Это — тоже наша победа. Но лучше бы этих измученных, бледных, уцелевших детей совсем не было в Ленинграде. Скорей бы открылась навигация, их будут эвакуировать!

...Послезавтра я улетаю обратно, в 8-ю армию,

РАДИ ОДНОЙ ПУЛИ

(128-я сд 8-й армии. Перед Липками. 14 июня 1942 г.)

К середине 1942 года на всех рубежах активной обороны Ленинграда устрашающий врага размах приняло истребительное движение, — суровый и жестокий, но необходимый метод борьбы с гитлеровскими захватчиками. Наши снайперы-истребители, еще незадолго перед тем мирные, а в то время ожесточенные злодеяниями гитлеровцев люди, мстили врагу за все, что тот учинил на нашей советской земле. Ежедневно и еженощно они охотились на врага в одиночку, и каждый их выход в свои стрелковые ячейки был грозным предупреждением всем полицаям гитлеровцев: «Убирайтесь! На нашей земле вам — только могила!»

В частях Ленинградского и Волховского фронтов таких одиночек-охотников были сначала десятки, потом — сотни, а еще позже — тысячи. Они объединялись в боевые коллективы, в которых лучшие охотники передавали свой опыт новичкам, руководили специальными курсами и, наконец, составляли целые воинские подразделения.

Рота снайперов-истребителей 128-й стрелковой дивизии, которую я посетил, за короткий срок уничтожила пятьсот сорок восемь гитлеровцев. Каждый из них был подстрелен в систематической, умелой и беспощадной охоте. Эта рота ко дню, когда я ее посетил, состояла из семидесяти семи человек, — значит, в среднем на одного бойца тогда приходилось от восьми до девяти убитых врагов.

Но самое удивительное: уничтожив пять с половиной сотен вражеских солдат и офицеров, то есть положив в землю полностью батальон немцев, сама рота к тому времени не потеряла ни одного человека убитым, и только трое в роте были ранены. Один из них в день посещения мною роты уже вернулся в строй.

Счет истребленных гитлеровцев велся строго, проверялся тщательно, придирчиво, и потому, даже если допустить возможность в редких случаях отдельных преувеличений или ошибок, назван-

ная мною цифра, обозначающая потери гитлеровцев, может измениться весьма незначительно.

В эту роту я приехал 10 июня вместе с фотокорреспондентом ТАСС Г. Чертовым и кинооператорами Ленинградской студии кинохроники Багоровым и Зозулиным. На третий день они уехали, а я остался, чтобы вдвоем со старшим сержантом А. Ф. Кочегаровым побывать в его снайперской ячейке.

14 июня. Лес

Мой вчерашний день у речушки Назии начался в предутреннем сумеречье, и половину этого дня я провел вдвоем с интересным и смелым человеком — Алексеем Федоровичем Кочегаровым, тридцатичетырехлетним спокойным, уравновешенным здоровяком, старшим сержантом, лучшим снайпером роты истребителей 128-й стрелковой дивизии.

Я ходил с Кочегаровым на «охоту» к деревне Липки, расположенной между двумя каналами — Ново-Ладожским, протянувшимся от Шлиссельбурга вдоль самого берега Ладожского озера, и Старо-Ладожским, идущим параллельно ему, где в сотне, а где и в трехстах метрах.

Деревня Липки с осени 1941 года захвачена немцами и превращена ими в сильно укрепленный рубеж на самом краешке их левого фланга. Ее можно назвать крайним немецким замком кольца блокады Ленинграда. Крепко засев в деревне между каналами, упершись в берег озера, видя перед собой топкое болото, а дальше искореженный и побитый лес, противник вот уже почти девять месяцев не может продвинуться дальше к востоку ни на один шаг.

Итак — предрассветный час...

— Товарищ старший лейтенант! Разрешите?

В блиндаж вошел боец с автоматом. Я услышал спросонья голос командира роты Байкова:

— Пойдете с ним?

— Пойду, конечно! — вскочил я. — Договорились!

Снаряжение мое было приготовлено с вечера: маскировочная спецовка, каска (обычно каски я не ношу), две гранаты, восьмикратный артиллерийский бинокль... Тут Байков тщательно все проверил на мне: хорошо ли пригнано, не звякнет, не блеснет ли? Я имел при себе только пистолет, а винтовки с собой не брал: я знал, стрелять мне в этот день «не положено», потому что «коли пальнешь без специальной опытности да точного расчета, то и дело спортишь, и головы из ячейки не унесешь». Мне было ведомо, как долго обучается на дивизионных курсах боец, пожелавший стать снайпером-истребителем, прежде чем получит право выходить самостоятельно на «охоту».

Выхожу из блиндажа к поджидающему меня на пеньке в маскировочной спецовке Алексею Кочегарову. Его загорелое и все-таки бледное от непроходящей усталости лицо, как всегда,

уверенно и решительно. Кочегаров серыми своими внимательными глазами молча оглядывает меня с ног до головы. Ему, видно, за-года было сделано предупреждение следить, чтоб у гостя роты «все было в порядке». Я хорошо понимаю, какое чувство ответственности за жизнь и благополучие этого «заезжего гостя» испытывает Кочегаров, по-видимому, мало думающий о ценности своей собственной жизни, готовый еще рисковать в любую минуту ради высоко развитого в нем чувства долга. Видя во мне городского, а не таежного, как он сам, человека, не думает ли он, крепкий алтаец, про меня: «Леший его занес сюда на мою голову!»? Не размышляет ли о цели моей прогулки с ним, если мне «не положено» самому «охотиться» и стрелять?

Нет, произнеся размеренно и даже лениво: «Ну пошли, товарищ майор!» (на фронте, глянув на мои шпалы, меня называют то майором, то батальонным комиссаром), он, кажется, вовсе не задает себе никаких вопросов.

И мы двинулись. Идем лесом. Спрашиваю:

— Вы, товарищ старший сержант, женаты?

Здесь, на передовых позициях разговор о семье чаще всего располагает собеседников к простоте отношений и к откровенности. Я не ошибся, Кочегаров отвечает мне охотно и обстоятельно:

— Женат с двадцать седьмого года, жена Татьяна работала в колхозе. И двое детей: мальчик Геннадий и девочка Мальвина. У жены — пять братьев, работали учителями, один председателем колхоза. Сейчас все на фронте, и все на Ленинградском. У меня был брат на Московском фронте, Григорий, младший. Наверно, уже убит, — нет сведений.

Мы шагаем рядком, просекой в смешанном крупноствольном лесу. Чирикают птички, на прогалинах попадаются кусты цветущей черемухи. Две-три бабочки упорно порхают перед нами, то приближаясь, то отдаляясь, словно подманивая нас к себе.

Подходя лесом к Старо-Ладожскому каналу, Алексей Кочегаров начинает рассказ о себе:

— На родине у меня, в Мамонтовском районе, — это в Алтайской области, — отец занимался крестьянством, охотничал и меня с малолетства обучал охотничьему ремеслу... Был он, отец мой, и на германской войне, и на гражданской, — партизан, доброволец... В тридцатом году мы всем нашим селом Мармаши вошли в колхоз...

И я слышу повествование о дробовиках-централках, о «тозовках», о старинных на рогульках помпольных ружьях, о пулях, отливаемых самими колхозными охотниками, о журавлях, утках, гусях, лебедях...

Выходим к каналам. Оба они — старый и новый — текут здесь почти впритык, рядышком. Дорога, ведущая по восточной бровке старого канала, скаты берегов, даже видимое сквозь прозрачную воду дно избиты вражеской артиллерией. Воронки, побитые, по-

валенные деревья, опрокинутый в канал грузовик. На дороге следы автомобильных шин.

— Боеприпасы подвозят! — говорит Кочегаров. — Ну и раненых вывозить требуется. Только машинами плохо: услышит — минами сыплет. На бричках сподручнее!

Рассказываю, как в старину бури на Ладого топили караваны торговых судов и как, по велению Петра Первого, строился канал, вдоль которого мы идем.

— Русский мужик поработал тут! — задумчиво замечает Кочегаров. — С царей до поныне труда вложено!

Вправо от нас остается разбитая, постоянно обстреливаемая башня Бугровского маяка. До немцев отсюда по каналам не больше двух километров. Слева потянулась полоса болота, сходим с дороги в лес, идем вдоль болота. Березы здесь все те же, у земли их кора кажется грубой, серой, а чем выше по стволу, тем нежнее, — молодая, в свете нарядной зари бело-розовая. Расщепленные ветви свиты в жгуты, тени от них коротки и причудливы.

Покрытые сухой листвой траншеи заняты бойцами 374-го стрелкового полка. Наш путь дальше — туда, где поредевший лес совсем изувечен, где из земли торчат уже не стволы, а только голые обглодыши. Алеющей зарей освещена каждая выбоинка в разбитых стволах. Походка тяжелого на ногу алтайца Алексея Кочегарова становится легкой, упругой, охотничьей...

Огневой налет ломает лес вокруг нас. Разрывы вздымают почву и стволы деревьев справа и слева. Принимаем к земле. Враг неистовствует. Но Кочегаров, прислушавшись, оценив обстановку, говорит:

— Бойтся!

— Чего бойтся?

— Пára бойтся. Сосредоточенья какого у нас не случилось бы. Щупает! Переждем минут пяток, товарищ майор, утишится!

Я не понял, о каком páре сказал Кочегаров, но не переспрашиваю. А он, помолчав, предается воспоминаниям:

— На этом месте, в точности, я и первое боевое крещение получил! В октябре это было. Из запасного полка после мобилизации приехал я сюда десятого октября. Меня сразу в триста семьдесят четвертый полк, первый батальон, вторую роту... И привели нас на это место к Липкам. Командир роты был старшина Смирнов, политрук был рядовой Смирнов... Сейчас они — лейтенант и младший политрук. Живы... А черт, чтоб тебя разорвало!

Последнее замечание сопровождало разрыв сразу трех мин, — нас осыпало ветками и землей...

— Хорошо в ямочке лежим! — отряхиваясь, удовлетворенно говорит Кочегаров. — Теперь пойдет по канальной дороге сыпать. Я его знаю!.. Да... Привели нас сюда. Окопались немножечко — и в наступление. Похвалиться нечем, результатов не получилось, — мы были послабее, немец крепче, как пойдём, так он нам жизни дает. Сначала страшновато было, до первого боя, а как

сходили, бояться перестали. Тут нас после первого боя командование сразу полюбило. Меня сразу назначили вторым номером, пулеметчиком. Ну и в бою, верно, я как-то не терялся, ориентир вел. Пулеметчик мой терялся, а я лучше, — давал ему путь, куда перебежать и как маскироваться. И его вскорости контузило. А рота вся новая была, и все — сибирячки, алтайцы. Действовали смело, напрямиком. Но нас косили здорово!..

Кочегаров рассказывает подробности этого боя. Мы идем дальше.

— Тут каждое местечко мне памятно!.. — прерывает свой рассказ Кочегаров. — Вон Липки, видите?

Лес беспощадно искалечен войной, впереди — унылая пустошь. Обожженными корявинами торчат деревья, убитые или тяжело раненные горячим металлом. Только отдельные ветки на них, словно преодолев мучительную боль, покрыты свежей ярко-зеленой листвой. На болезненную сыпь походят рваные пни. Вся пустошь изрыта ходами сообщения и траншеями, усыпана искореженным металлическим ломом, изъязвлена воронками... Пустырь продвигается узкими клиньями в простертое впереди болото. На болоте виднеются редкие зеленые кучи кустарников... За болотом, где — в километре, а где — ближе, начинается такой же опустошенный немецкий передний край. Справа, проходя поперек болота, тянутся из нашего тыла далеко в немецкий тыл два параллельных канала, заключенных каждый в высокие береговые валы. Правей каналов, за желтой песчаной полоской, уходит к горизонту ясная синь Ладожского озера. А между каналами серовато-бурым нагромождением руин и немецких укреплений лежит бывшая рыбацкая деревня Липки: огородные участки, остатки пристани, бугорки двотов, насыпи, разбитые, погорелые избы, развалины нескольких кирпичных домов.

Сделаю рукой полукруг, Кочегаров показывает мне предстоящий путь: от каналов — вперед к югу, вдоль наших позиций, затем с полкилометра на запад, по выдвигающемуся в болото узкому клину пустоши, и от оконечности этого клина опять на север — в болото, по болоту к каналам, но уже в том месте против Липок, где они превращены в немецкий передний край.

— Прямо к немцам, в мешок! — усмехается Кочегаров. — Там есть ячеечка у меня, на двоих как раз. На островочке!

По болотным кочкам и лункам, над всем пространством «нейтральной» зоны поднимается, клубясь под солнечными лучами, легкий туман. Только теперь обратив внимание на него, я понял, о каком паре еще в лесу упомянул Кочегаров. Если б даже сквозь этот пар можно было что-либо различить, глаза вражеского наблюдателя ослепило бы встречное восходящее солнце. Самое время для того, чтобы незаметно подобраться к врагу поближе! Идти затемно — хуже: слишком много насовано тут всяких мин и малозаметных препятствий, ночью, пожалуй, не остережешься!

Впригибку, по ходам сообщения, минуя завалы, подходим к зигзагам передней траншеи, за которой колючая проволока. Траншея неглубока, окаймлена березовым плетнем-частоколом. Кое-где над ней козырьком надвинуты обрубочки березовых кругляшей, прикрытые свежей еще листвой. Идем по траншее.

Бойцы стрелковой роты здесь, видимо, хорошо знают Кочегарова, пошучивая, здороваются, указывают проходы в заминированном болоте. Кочегаров задерживается около младшего лейтенанта, приветствующего меня строго официально, а его — попросто и дружески.

— Нуте-ка, товарищ младший лейтенант, украшеньница пристройте нам!..

На каске Кочегарова «вырастает» кустик черники, на моей — зеленый пучок болотной травы.

Против уходящего к немцам клина мы переваливаемся через бруствер первой траншеи, пролезаем в дыру частокола и ползком, от воронки к воронке, от пня к пню, от куста к кусту, отлеживаясь, отдыхая, пробираемся к оконечности клина. Кочегаров отлично знает, куда ползти. Здесь уж некогда разговаривать, здесь надо чувствовать — осязать, слышать, видеть.

— С-с-с! — подняв руку, предостерегающе свистит Кочегаров.

Я чуть было не навалился на такую же, как все, сухую подушечку серого мха; но Кочегаров на эту подушечку указал пальцем.

Здесь минное поле. Вглядываюсь: подушечка мха прилажена к земле рукой человека, она прикрывает плоскую железную коробку противотанковой мины.

— Фюить! — снова коротко свистит Кочегаров, и, следя за его указательным пальцем, я уверенно ложусь грудью на соседнюю, такую же, но уходящую корнями в землю подушечку мха.

По пути там и здесь вижу хорошо замаскированные сверху и со стороны противника снайперские ячейки, обращенные вправо, к болоту и к каналам. Две последние врезаны под большие пни на узеньком конце клина. Тут — делать нечего! — нам надо, повернув на север, вползти в болото. Вот канавка с коричневой ржавой жижей. Кочегаров заползает в нее ужом и, зажав под мышку снайперскую винтовку, работая коленями и локтями, стараясь не плескаться водой, сразу промочившей его одежду, приближается к намеченному впереди кусту. Тем же способом следую за Кочегаровым. Канавка уводит нас под старое, изорванное проволочное ограждение, — оставляем его за собой.

Листочки черники, хорошо привязанные над головой Кочегарова, и пучок болотной травы над моей головой зыблются, и это не нравится моему спутнику. Он и мне велит, и сам старается нести голову плавно, как блюдце, наполненное водой.

Березовый куст — место для передышки. За нами теперь уже нет никого. Ясно ощущается, что вся Красная Армия — от боевого охранения перед оставленной нами опушкой до вторых эшелонов,

до глубоких армейских тылов, расположенных за десятки километров отсюда, — теперь уже позади и что два товарища, только что лукаво подмигнувшие друг другу под этим березовым кустом, отплыли от родных берегов в болотную опасную зону никем не занятого, простреливаемого и с той и с другой стороны пространства.

Но еще дальше! Впереди, наискось, еще один пышный куст. Вырытая под ним продолговатая ямка с нашей стороны чуть различима в траве и цветах. Это — новая снайперская ячейка Кочегарова. Все болото вокруг изрыто: круглые, словно мокрые язвы, воронки, вороночки, обрамленные мелкой, подсыхающей на солнце торфяной трухой.

И снова свист: «ст-ст-сью!» — на этот раз над нашими головами. Это свистнули между ветвями три вражеские пули. Неужели замечены?.. Припав к траве, застыв как изваяние, Кочегаров быстро поводит спокойными внимательными глазами. Вся местность вокруг мгновенно оценена опытным взглядом. Нет, враг не таится нигде вокруг, негде ему укрыться.

— Вот тут бы не выказаться! — шепчет, оборотив ко мне лицо, Кочегаров. — А то ежели здесь начнет минами угощать — и схорониться негде! Пошли правее, на мой островок вылезем!

И, извиваясь всем телом, с удивительной быстротой Кочегаров проползает последние пятьдесят метров, оставшиеся до заготовленной им ячейки. Стараюсь от него не отстать. Никакого островка не вижу, но место здесь чуть посуше. Видимо, это сухое местечко в середине болота Кочегаров и назвал своим «островком».

В ячейке двоим тесновато. Кажется, чувствуешь биение сердца соседа. Лицо Кочегарова в брызгах воды. Вдумчивые глаза устремлены вперед, на кромку канала, лицом к которому мы теперь оказались. Он совсем близко, до него нет и двухсот метров. Этот участок его — уже передний край немцев.

Сразу за каналом — восточная оконечность уходящей между каналами влево деревни Липки. Еще левее, к западу от нас, болото тянется далеко, но в него с юга врезан мыс, такой же, как тот, по которому мы ползли, острый, с остатками леса. На оконечности мыса виднеется немецкое кладбище, от него над болотом бревенчатая дорога. На мысу, над дорогой, и на бровке канала видны серые бугорки. Это первая, изогнутая дугой траншея фашистов. Мы действительно заползли к врагу в некий мешок, а «нейтральный» участок канала, пересекающий впереди болото, теперь приходится правее нас.

Можно только догадываться, что враг наблюдает, и кажется странным, как это он не заметил тебя, пока ты полз по болоту. Но тихо... Так тихо вокруг, словно врага и вовсе не существует... Светит благостное мирное солнце. Листья березового куста девственно зелены. Их немного, этих кустов на болоте, — здесь и там,

одинокие, они раскиданы яркими пятнами над болотными травами и лунками черной воды.

Наша ячейка под кустом обложена по полукругу кусками дерна, на них, как и на всей крошечной луговинке вокруг куста, замерли на тонких стебельках полевые цветы. Они дополнительно маскируют нас.

Кочегаров осторожно просовывает ствол винтовки под листву куста между двумя продолговатыми кусками дерна, заранее заложенными под углом один к другому, чтобы ствол можно было поворачивать вправо и влево. Таких амбразур у нас две: одна открывает сектор обстрела на канал — на деревню Липки, другая — на мысок с кладбищем.

Даже звук отщелкиваемого мною ремешка на футляре бинокля здесь кажется предательски громким. Стрелять нужно только наверняка и так, чтобы зоркий враг не заметил ни вспышки, ни легкой дымки пороховых газов. Вот почему мне, новичку, конечно, и не следовало брать с собой винтовку. Стрелять будет только Кочегаров, а мой пистолет, как и наши гранаты, может понадобиться лишь в неожиданном, непредвиденном случае, если возникнет нужда драться с оказавшимся рядом врагом в открытую, дорого отдавая свою жизнь. Но на такой случай опытный снайпер Кочегаров и не рассчитывает: все у него должно получиться как надо, только — терпение (или, как говорит он, «терпение»).

Уже через десяток минут, зорко наблюдая сам и выслушивая высказываемые шепотом объяснения Кочегарова, я чувствую себя хозяином обстановки. Наш первый ориентир — кусты на канале (два цветущих, вопреки войне, куста черемухи). До них — сто восемьдесят метров. Второй дальний ориентир — чуть левее, в шестистах двадцати метрах от нас, — разрушенная постройка за вторым (Ново-Ладожским) каналом. Вод Ладоги отсюда не видно. Третий — белый обрушенный кирпичный дом в деревне между каналами — от нас четыреста тридцать метров. Четвертый ориентир — четыреста пятьдесят метров, влево от белого дома начало дороги, ведущей от канала к кладбищу. Пятый — еще левее, одинокая березка на мысу перед кладбищем, — пятьсот метров. Движения в деревне никакого, все укрыто, все — под землей.

Время тянется медленно. Хочется пить, все сильнее припекает солнце. Перешептываться больше, кажется, не о чем, да и не нужно. Можно думать о чем хочешь, только не отрывать глаз от горячего в лучах солнца, хоть и примаскированного листьями, бинокля. Но все думы теперь об одном: неужели не появится? Неужели день пройдет зря? Хоть на секунду бы высулся!

Где покажется он? Там, у мостика через канал, перекинутого в середине Липок? Мостик закрыт сетями с налепленными на них лоскутьями тряпок, и увидеть немца можно только в момент, когда он перебежит дорогу... Или у входа в угловой дзот, врезанный в развалины дома?..

А могут ли они видеть нас? Вокруг меня полевые цветы, они уже поднялись высоко. Кое-где на болоте видны еще несколько таких «островков». Нет, немцу невдомек, что русский солдат может затаиться и укрепиться под самым носом у него, здесь, в болоте!

Тишина! Странная тишина, — вдруг почему-то ни с чьей стороны никакой стрельбы. Бывает и так на фронте!.. Гляжу на сочный стебель ромашки, чуть не на полметра в высоту вымахала она, окруженная толпою других, пониже. Как давно я не лежал так, лицом прямо в корни и стебельки душистых июньских трав!..

Нижние листья ромашки похожи на саперные лопаточки, сужающиеся в тоненький длинный черешок. Края у этих лопаточек иззубрены, словно кто-то хорошо поработал ими. А верхние — узки, острозубы, как тщательно направленная пила. Трубочатые желтые сердцевинки цветков, окруженные белыми нежными язычками... «Любит, не любит!..» Кто скажет здесь это таинственное, сладостное слово: «любит»? Здесь люди думают только о смерти, всегда — чужой, а иногда, изредка, и своей...

А вот третью от моих глаз ромашку обвинил полевой вьюнок. Как нежны его бледно-розовые вороночки, кажется, я чую исходящий от них тонкий миндальный запах! Хитро извиваются цветоножки вокруг ромашкиного стебля... А ведь они душат ромашку. И тут война!

Вдруг... Неужели такая радость?.. Поет соловей! Где он?

«...Хви-шхо-ррхви-хвиссч-шор...ти-ти-тью, ти-ти-тью!.. Фли-чо-чо-чо...чо-чочо...чр-чу...рцч-рцч, пиу-пиу-пию!..»

Даже внимательный к наблюдению за врагом Алексей Кочегаров выдержать этого не может. Поворачивает ко мне лицо, размягченное такой хорошей, почти детской улыбкой, какой я еще у него не видел:

— Ишь ты, голосовик, лешева дудка! Коленца выкручивает! И дробь тебе, и раскат!..

Мы замерли оба и слушаем, вслушиваемся.

«Ти-ти-чью, чью-чрц!..»

У меня вдруг стало тесно в груди, а Кочегаров, сердито отряхнувшись (нельзя отвлекаться!), прижимается глазом к оптическому прицелу.

Где ж ты, певун? На нашем кусте?.. Вот он, на верхней ветке, чуть покачивает ее. Скромнен в своем оперенье, весь как будто коричнево-сер. Но нет, в тонах его переливов множество: совсем почти белые два пятна на горлышке и на грудке; брюшко не серое, а скорее рыжеватое, хвост — цвета ржавой болотной воды, а крылья еще темней, будто смазаны йодом. И уж совсем густо-коричнево оперенье спинки!

Никогда так внимательно и подробно не рассматривал я соловья!

«Чирк-чирк». Певун поднялся, полетел над болотом, покружился у другого куста, помчался дальше к вражескому переднему краю. Вместе со мною следя за его полетом, Алексей Кочегаров шепчет:

— Не должи́н бы ты немцу петь!

И, взглянув мне прямо в глаза, вздыхает:

— Да где же ей, птахе, в горе нашем-то разобраться!..

И больше не отрываясь от оптического прицела, сощураясь, укрыв сосредоточенное лицо в траве, лежа в удивительной неподвижности, снайпер Кочегаров терпеливо выискивает себе цель.

Я гляжу в бинокль, сначала вижу только расплывчатые гигантские, вставшие зеленой стеной стебли трав. Сквозь них такими же неясными тенями проходят образы людей, умерших от голода в Ленинграде; дети, разорванные фашистскими снарядами на улицах Ленинграда; женщины, обезумевшие, с горячечными глазами, в хлебных очередях. Видится мне пытаемый медленными зимними пожарами мой родной город, слышится свист пикирующих бомбардировщиков... Это длится, быть может, мгновение, и вот, в «просеке» между травами, в точном фокусе на перекрестье линз я вижу бугор немецкого переднего края, мыс, выдвигающийся в болото, «пятый ориентир» — березку, за нею белые кресты на кладбище гитлеровских вояк... Я вспоминаю: на днях — годовщина Отечественной войны. Мой Ленинград все еще в блокаде!

И томительного цемления в сердце нет. В сердце, как прежде, ожесточенность. Я вглядываюсь в белые немецкие кресты и размышляю о том, что ни одного из них не останется, когда наша дивизия продвинется на километр вперед... Когда это будет? На месте как вкопанные стоим и мы, и немцы, — вот уже чуть ли не девять месяцев! Но это будет, будет... А пока — пусть Кочегаров лютого врага бьет, бьет не зная пощады. Все правильно. Все справедливо!

...Что-то в Липках привлекло внимание Кочегарова. Он долго всматривался, оторвал взгляд от трубки, потер глаза, вздохнул:

— Ничего... Померещилось, будто фриц, а то — лошадь у них по-за домом стоит. Иногда торбой взмахнет, торба выделится... А всё ж таки притомительно, но глядеть надо! Иной раз все глаза проглядишь до вечера — и впустую!.. Наше дело напряженья для глаза требует!

И опять прильнул к трубке. Я повел биноклем по переднему краю немцев: все близко, все предметно ясно, вплотную ко мне приближено, каждая хворостина плетней, пересекающих прежние огородные участки между домами, разваленными, принявшими под свои поваленные стены вражеские блиндажи. И все — безжизненно: ни человека, ни собаки, ни кошки. Нет-нет да и проселестит, просвистит низко над моей головой крупнокалиберный снаряд, пущенный издалека, из лесов наших. Да и грохнет посреди деревни разрывом. Взметнутся фонтаном земля, осколки, дым.

Раз донеслись пронзительные смертные крики и яростная немецкая ругань. Но никто на поверхности земли не показался.

И вновь по-прежнему. И приятельницы кочегаровской, лошади, мне никак не сыскать линзами, она больше не кажется из-за угла разбитого дома своей головы, не взмахивает торбой. Должно быть, отстали от нее оводы, задремала...

Все здесь в зде́шнем уродстве разрушений и смерти — буднично, обыденно. Скучна война!

Тишину разрывает сухой презрительно-равнодушный треск пулеметной очереди... Чей пулемет? Наш? Немецкий? Кочегаров косит глаза из-под низко надвинутой каски направо... А, это немцы из углового дзота бьют вдоль канала. Там, в направлении к нам, не заметно ничего особенного... Тарахтят, тарахтят... Умолкли... Наши не отвечают.

И опять — тишина!

— В Ленинграде бывали вы? — глядя в бинокль на канал у края Липок, шепотом спрашиваю я Кочегарова. («Как, должно быть, тонко пахнут там, у немцев, эти два цветущих куста черемухи!»)

— В Москве и в Ленинграде, — всматриваясь туда же, отвечает мне Кочегаров, — я не бывал. В городах был в Барнауле, Новосибирске, Бийске. В Азии был — Семипалынь, Алма-Ата, Чимкент, Арысь, Аулие-Ата... Это в отпуск мы, три охотника, ездили путешествовать. И проездили все деньги, ружья и сапоги!.. Помолчим, товарищ майор, давайте!..

...Из-под куста черемухи одним прыжком вырывается человек. Пригибаясь к земле, он быстро-быстро бежит по бровке канала к линии бугорков. Ясно видны его каска, его голубовато-серая куртка. И, прежде чем можно подумать: зачем он выскочил и куда бежит, — Кочегаров нажимает на спусковой крючок. Сухой звук, и фигура, ткнувшись головой в землю, замирает.

— Есть! — удовлетворенно, горячим шепотом определяет Кочегаров, и на усталом лице его, прильнувшем к прикладу винтовки, спокойная презрительная улыбка. — Ну, теперь начнет крыть!

Тишина сразу же разорвана яростной трескотней незримого пулемета. Он бьет из-под того бугорка, куда бежал человек. Он захлебывается длинной очередью, и Кочегаров, ткнув меня локтем, беззвучно смеется:

— Видишь, куда берут! Они думают — из опушки!

Действительно, гитлеровцам невдомек, что снайперский выстрел был из бесшумки да с дистанции в сто восемьдесят метров. Они косят огнем надрывающегося пулемета уже давно искрошенные деревья в том направлении, где Кочегаров утром остерегал меня от зеленых смертоносных коробочек. Отсюда до них больше километра... Стучит пулемет, и вслед за его трескотней летят по небу, режут слух воюющие тяжелые мины — одна, вторая и третья. И сразу быстрой чередой — три далеких разрыва сзади, и, оглянувшись на мыс, откуда мы вползли в болото, я вижу мельканье раз-

летающихся ветвей. За первым залпом — несколько следующих, бесцельных. Кочегаров даже не клонит к земле головы, ему понятно по звукам: разрывы ложатся позади нас, не ближе чем в трехстах метрах.

В ответ на немецкий огонь по всему переднему краю немцев начинают класть мины наши батальонные минометы. Вдоль канала строчит «максим», перепалка длится минут пятнадцать, фонтаны дымок сливаются в низко плывущий над Липками дым. Но людей словно бы нигде и нет.

Стучат пулеметы, рвутся мины, а снайперу Кочегарову в эти минуты самое время изощрить наблюдение за противником: не подползет ли кто-нибудь к убитому, не вскроется ли еще огневая точка, не приподнимется ли там, впереди, чья-либо голова?

Но враг опытен. Никаких целей впереди нет.

И снова все тихо...

..Еще через час, после медленного и молчаливого нашего отхода, я с Кочегаровым снова шагаю по лесу. Иду, задумавшись, Кочегаров опять мне что-то рассказывает, — о том, как ему приходилось бывать в «пререканиях» с немецкими снайперами, и про последнего, убитого им два дня назад «сто двенадцатого». Но я устал и не слушаю.

— Вот такое мое происшествие!.. А сейчас — это уже, считай, сто тринадцатый! — заканчивает свой рассказ Кочегаров, и мы продолжаем путь молча. Кочегаров вдруг прерывает молчание:

— Вот с вами приезжал фотограф, меня спросил давеча: на кого существовнее — на зверя или на фрица?

— Ну... И что вы ему ответили?

— Конечно, фриц-то поавторитетней, опасней, — раздумчиво отвечает Кочегаров. — Но, конечно, для Родины приходится! Чем больше убьем их, тем скорее победа... Дело почетное!.. Так я ему, выходит, сказал!..

В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА

Коротко о последних днях. На Ладожском озере. На передовых под Лиговом. Первые впечатления. К отражению штурма. На ленинградских улицах

(июль 1942 г.)

КОРОТКО О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ

Почти весь июнь я провел в лесах и болотах 8-й армии. Базировался на редакцию армейской газеты «Ленинский путь», где, в частности, давно и хорошо работали поэт Вс. Рождественский и драматург Дм. Щеглов. Побывал в давно знакомой мне горнострелковой бригаде, проводил разведчиков, уходивших в тыл врага, изучал боевую работу подразделений различного рода войск.

Все, что подробно записано за эти дни в моем дневнике, вкратце можно изложить так...

Немцы стали стягивать к нашему фронту все больше и больше резервов, стало ясно, что они готовятся к новой отчаянной попытке взять Ленинград. На юге упорно развигивается их широкое наступление. На днях мы услышали горькую весть: пал стойчески оборонявшийся Севастополь. Это произвело на всех нас тяжелое впечатление. Очевидно, битвы предстоят большие, жестокие, небывало кровопролитные. Но никто в армии не сомневается, что наступление гитлеровцев нам удастся остановить.

Красная Армия за этот год стала как бы тугой пружиной, сила ее сопротивления лишь увеличивается от нажима на нее, и Гитлер знает: стоит ему ослабить нажим — пружина Красной Армии распрямится столь стремительно, что удара ее не выдержит вся Германия в целом, война кончится нашей победой, мы дойдем до Берлина и народы Европы будут обязаны своим освобождением именно нам.

НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ

8 июля. Ленинград

Суммирую всё, чем полны мои полевые тетради.

...Сотня катеров с автомобильными двигателями, построенных в Ленинграде весной 1942 года, маленьких и потому почти неуязвимых при бомбежках и обстрелах, снует по летней ладожской

трассе, перевоза на западный берег армейские пополнения, а на восточный — эвакуируемое из Ленинграда население. Кроме этих катеров — плашкоутов, тендеров — ходят пароходы с баржами и военные тральщики. Ладожская военная флотилия оберегает трассу с севера и с юга, ведет бои, участвует в перевозках, напряженность и объем которых с каждым днем летней навигации увеличиваются. Огромный, организованный в середине февраля эвакуационный пункт в Лаврово работает круглосуточно, отправляет эшелоны с эвакуируемыми ленинградцами в трех направлениях — на Алтай, в Сибирь и на юг. Работа эвакуационного пункта организована хорошо, питание и медицинская помощь населению вполне обеспечены, смертности теперь почти нет, в эшелонах отправляется ежедневно по восемь — десять тысяч людей, а скоро будет отправляться не меньше чем по десять тысяч.

На ленинградском берегу и на Сясьстрое только что созданные судостроительные верфи уже спускают на воду новый несамостоятельный флот — баржи, на которых перевозятся в одном направлении тысячи тонн продовольствия, топлива и боеприпасов, а в другом — ненужное сейчас Ленинграду тяжелое заводское оборудование. Предстоят большие перевозки на восточный берег нужных стране, бездействующих в Ленинграде паровозов, товарных вагонов, цистерн...

На обоих берегах кипит работа: строятся все новые и новые пирсы, железнодорожные подъездные пути, склады, всяческие мастерские и множество оборонительных сооружений.

По дну Ладоги проложен и 19 июня начал действовать нефтепровод для доставки горючего в Ленинград, и немцы ничего тут поделывать не могут, — ни глубинными бомбами, ни снарядами этот трубопровод не возьмешь. Будут проложены по дну Ладоги и несколько линий кабеля для передачи в Ленинград электроэнергии от восстанавливаемой Волховской гидроэлектростанции. Эта подводная линия электропередачи вступит в строй осенью.

Никакие бомбежки с воздуха помешать всей этой титанической работе не могут: флот, авиация и зенитная артиллерия надежно противостоят врагу!

...На одном из тральщиков я переправился из Кобоны в построенный во время блокады порт Осиновец. От станции Ладожское озеро поезд, идущий по расписанию, 7 июля доставил меня в Ленинград.

В тот же день, вчера вечером, я провожал в автомобиле «пикап» до аэродрома А. Фадеева и Л. Пантелеева, улетевших в Москву.

Сегодня ночью у Н. Тихонова на Зверинской улице.

Он — тот же, обычный, пожалуй чуть похудевший. Последнее время он избавлен от лишних хождений по городу. После рассредоточения горкома партии и выезда из Смольного всех штабных отделов фронта (разместились в разных районах Ленинграда) опергруппа писателей, работающих в Политуправ-

лении, вместе с отделом агитации и пропаганды переведена в Дом Красной Армии, а самим писателям разрешено работать на дому.

Тихонов сказал, что завтра на правом фланге нашего фронта, за Средней Рогаткой, в одном из полков 21-й дивизии, занимающих оборону под Лиговом, ждут писателей; поедет поэтесса Елена Рывина, и, мол, не соглашусь ли поехать и я? Я, конечно, согласен. Тихову будут утром звонить, пришлют машину.

НА ПЕРЕДОВЫХ ПОД ЛИГОВОМ

9 июля. 6 часов вечера

В 10.30 утра за мной приехал на машине старший политрук Черкасов. С ним я поехал в Союз советских писателей, оттуда — в ДКА, где живет Елена Рывина. Она села в «эмку», и мы помчались на передовые позиции — в 8-й полк 21-й стрелковой дивизии НКВД. Быстро пересекли центр города, выехали в южную его половину. Здесь в Московско-Нарвском районе, за Обводным каналом, громады домов стали крепостями: амбразуры в каждом заложённом кирпичом окне, что ни окно, то — бойница; вид этих многоэтажных домов грозен и башнеподобен.

В южной стороне улицы перегорожены баррикадами, возникающими уже начиная с Социалистической. Они пока еще разомкнуты, в них оставлены узкие проходы, где — для автомобилей, где — только для пешеходов. Чем дальше к югу, тем баррикады встречаются чаще, становятся все солиднее.

Огибая свежие воронки, машина бежит по улице Стачек. Здесь, за Обводным каналом, трамваи уже не ходят, здесь город уже смешался с фронтом. Баррикады и блиндажи, бетонные надолбы и проволочные заграждения переплелись с домами. В огромных корпусах общежитий Кировского завода «вторые эшелоны», и странно, что, сколько ни обстреливают этот район немцы, большинство домов стоят на месте громадами-крепостями, хоть и простреленные, хоть и опаленные артиллерийским огнем.

За Кировским заводом улица Стачек по всему ее протяжению укрыта с правой, «немецкой», стороны стеной маскировочной сети, уплотненной множеством навязанных на нее тряпичных лоскутков.

Едем вперед, патрули проверяют документы. Одета в шелковое ярко-красное платье, черноглазая, худощавая, похожая на цыганку, Рывина — весела, возбуждена, говорлива, с нею не соскучишься, но и мыслям своим не предашься!

Большие корпуса — реже. Начинаются сплошь разбитые артиллерией деревянные дома или пепелища с торчащими кирпичными трубами. Они оборваны перед Лиговом превращенной в хаотический пустырь, изрезанный ходами сообщения, полосой. В километре дальше, правее, где прогорелый остов завода «Пишмаш» и вышка, — уже немцы. Они превратили руины завода в свой узел укреплений, густо насыщенный огневыми точками. Вышка — немецкий наблюдательный пункт.

А здесь искрошенный рваным металлом парк. В нем блиндажи, укрепления. За ним — тоже открытое поле, до самых немецких позиций, курчавящихся редкой цепочкой деревьев.

Блиндаж командира и комиссара полка — давний, аккуратный. Доски чистенько покрашены зеленой краской. Позиции эти неизменны с осени. Бойцы и командиры, в большинстве пограничники, — человек триста, — собрались на открытом воздухе, в парке, под деревьями, разбитыми минами и снарядами. Я читал рассказы. Елена Рывина — стихи. Бойцы и командиры были весьма довольны.

За обедом (суп да каша) в блиндаже командир полка рассказывал о недавней смелой вылазке восьмидесяти бойцов, пробежавших днем полтораста метров от своих траншей к траншеям немцев. Бойцы пересекли это пространство в две минуты и столь внезапно навалились на немцев, что те не успели опомниться и почти не отстреливались. Перебито много немцев, взят «язык». Этот факт — уже значительное событие на фоне полного затишья на Ленинградском фронте. О нем говорят и пишут. Ибо ничего более крупного не происходит. Артиллерийские и минометные перестрелки, поиски разведчиков, действия авиации да боевая круглосуточная работа снайперов-истребителей — это все, что происходит в позиционной войне вокруг Ленинграда.

Обратно, от блиндажа командира полка (расположенного в километре от немцев) до угла Невского и Фонтанки, мы ехали на мотоцикле с коляской ровно восемнадцать минут. Быстрый мотоциклетный ход, знакомые, чистые и почти пустынные улицы, ярко залитый солнцем родной город, ощущение передовой линии, развалины, размеренная обычная походка ленинградцев, резвящиеся дети, гладкий асфальт, милиционеры в белых перчатках на углах, прогуливающиеся парочки, погорелые дома, решето расстрелянных стен и оград, буйная зелень аллей, обрамляющих Фонтанку, дома с бойницами, — все, все это перепуталось, перемешалось, вызвало во мне какое-то возбужденно-бесшабашное настроение, то, при котором ничего в мире нет страшного и даже хочется опасности, — она может только веселить и дополнить ощущение, что пребыванием своим здесь я радостно-доволен. И потом прямо с передовых позиций подкатить на мотоцикле к дверям своего дома, где жил всегда мирной жизнью, — чувство необычайно странное, возбуждающее...

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

9 июля. 7 часов вечера

И вот я, пусть в разбитой снарядом, разрушенной квартире, но — дома.

Попробую изложить впечатления мои за три дня пребывания в Ленинграде. В первые эти три дня ощущение моего пребывания

в городе, моего кровного родства с ним особенно остро. Все впечатления глубоко врезаются в сознание.

Внешний вид города издали, при первом взгляде — обычный летний. Чистые улицы, цветущие сады и парки, на улицах — трамвай, автомобили, прохожие. Но стоит взглянуть пристальней — в каждом квартале разрушенный, разъятый сверху донизу бомбой дом, и другой, скалящий голые стены, сплошь прогоревший (без следов дерева, которое разнесено на дрова), и третий, подбитый снарядом, и другие, просто истыканные язвами, осыпанные осколками снарядов дома.

На асфальте улиц разрушений не видно — каждая воронка очень быстро заделывается, покореженные пути исправляются. Спустя несколько дней после падения снаряда или бомбы на улице узнать об этом можно только в каких-нибудь, наверное, существующих записях отдела городского благоустройства да из рассказа тех, кто потерял от разрыва этого снаряда своего близкого или знакомого... Знаю, например: немец недавно прошелся артиллерийским налетом по всему Невскому, но только пельменная в доме № 74, в которой разорвался снаряд (убив несколько десятков людей), зияет дырой. А от того, что произошло, когда другой снаряд попал у Московского вокзала в переполненный пассажирами трамвай, — следов никаких не осталось.

Вглядишься в парки, сады, скверы, — не клумбы с цветами, не просто сочная трава — огороды, огороды повсюду. Каждый клочок земли в Ленинграде использован для огородов, учреждений и индивидуальных. Вот все в огородах Марсово поле, — ровные шеренги грядок, к ним тянутся шланги от той закрытой для движения улицы, что проходит со стороны Павловских казарм. Закрыта она потому, что все дома (кроме одного целого) только издали кажутся домами: стоят стены, за стенами провалы руин, стены выпучились, растрескались, осели, грозят падением. Тянутся шланги, течет к огородам вода. Ее разбирают лейками. Вот старик, медлительно поливающий свою рассаду; вот стайка детей в одинаковых широких соломенных шляпах — трудятся и они, носят воду в ведрах к грядкам у памятника Суворову. С ними две прилично одетые женщины. На грядках — палочки с фанерными дощечками, на них надписи карандашом: «Участок доктора Козинной». И весь «квартал» огородов, примыкающий к улице Халтурина, — в надписях, указывающих фамилии медперсонала. И ясно мне: это огороды того госпиталя, что помещается в Мраморном дворце. А уборная на Марсовом поле, против Мойки, действует; зашел в нее — умывальник, открой кран — бежит чистая нельская вода, можно, если взять с собой мыло, помыться. И люди из каких-то ближайших домов умываются. Уборная чиста, кафель бел и голубоват. А против женской ее половины, на свежих кустах, сушатся кружевные дамские сорочки. В какой двор ни зайди, всегда увидишь жильцов, умывающихся под водо-разборными кранами.

Огороды — везде. Там, где в городе есть земля, там обязательно сейчас заросшие травой щели-укрытия да огороды, а порой даже на самих щелях-укрытиях растет какая-либо рассада. За оградой церкви на улице Рылеева грядки огородов сперва я принял было за могилы — вот именно такой высоты и протяженности насыпная земля... А на подоконниках раскрытых или чаще разбитых окон тоже вместо цветов ныне вызревают капуста или огурцы...

Разделаны под огороды даже береговые склоны Обводного канала, — там, в районе Боровой, где все избито снарядами, где вода Обводного в мирное время дышала миазмами, была невероятно грязна. Теперь эта вода в канале чиста: заводы не работают, отходы в канал не сливаются!

На ступенях колоннады Казанского собора медный, пузатый самовар, а вокруг него группа женщин-домохозяек, распивающих чай. Возле каждой — пучок травы, проросшей сквозь булыжную мостовую и сорванный «на засушку».

Все курят самокруты, у всех вместо спичек — лупы, в солнечные дни чуть не все население пользуется для добывания огня линзами всех сортов и любых назначений.

Есть в городе и цветы. Полевые цветы — резеда, ромашки — букетами в руках приезжающих из ближайших, с финской стороны, пригородов, единственных доступных теперь ленинградцам. Цветы я вижу везде, во всех домах, во всех квартирах, на улицах, у гуляющих или спешащих по делам девушек. Всем хочется красоты, цветы будят представление о мире и покое, о счастливой жизни.

Ленинградцы рады: они существуют, они не умерли прошедшей зимой, они дышат теплым, летним воздухом и пользуются не только ярким дневным светом, но и белесоватым сиянием уже почти ушедшей белой ночи; они могут теперь не только умыться, но и сходить в баню, блюсти насущную гигиену!

Сейчас, в июле, уже сравнительно редки случаи смерти от голода.

Люди в Ленинграде стали учтивее, благожелательнее, внешне спокойнее, участливее, услужливее друг к другу. Когда пережито столь многое, то мелочи уже не раздражают людей, как прежде.

В городе не видно каких бы то ни было очередей. На улицах много моряков, краснофлотцев, мало гражданской интеллигенции. Я глядываюсь в прохожих. Женщины одеты в летние платья, каждая старается быть нарядной, каждая хочет, чтоб тело ее дышало, многие, видимо сознательно, добиваются крепкого загара — трудно загореть в это лето, но все же загорелых лиц много. Люди все почти сплошь худы, тучных, жирных людей в городе, как правило, нет, но оттого, что дальнейшее исхудание приостановлено после зимы, что минимально удовлетворительным питанием снята с лица печать смерти, эти лица будто помолодели, будто стали красивее: в них нет уже прежней болезненности... И прохожие движутся, не экономя, как прежде, ни дыхания, ни дви-

жений: идут быстрой походкой, ездят на велосипедах (велосипед стал самым излюбленным и распространенным видом городского транспорта). В этом нормальном темпе движения чувствуется жизнь!

За эти дни в Ленинграде я видел (на Фонтанке) только одного покойника, — его, завернутого в материю, несли на носилках. Да, впрочем, еще одного везли в гробу на ручной тележке...

На неизменный вопрос о самочувствии следуют чаще всего ответы: «Спасибо, теперь-то хорошо, сыты!.. Вот как зимой будет!» Обстрелов никто не боится, но зимы все страшатся.

Многих эвакуируют насильно. Иные из них упираются, цепляются за всякую возможность остаться.

К ОТРАЖЕНИЮ ШТУРМА

14 июля

Да, хорошее настроение ленинградцев очень подкосили падение Севастополя, а теперь и вести о Воронеже.

Всем ясно и всем известно: очень скоро, может быть на днях, быть может завтра, немцы предпримут последнюю отчаянную попытку взять наш город штурмом. Город энергично готовится к отражению этой попытки.

Ленинград силен и огромным количеством населения, и оружием, и способностью производить для себя многие виды вооружения (конечно, сегодня далеко еще не все!). Чтобы взять Ленинград, немцам нужно бы бросить на штурм полутора-двухмиллионную армию, а такой армии здесь у них нет и быть не может. И все же каждый понимает серьезность положения.

На улицах круглосуточно растут укрепления. Окна первых и третьих этажей угловых домов на перекрестках закладываются кирпичами. В кирпичи вмуровываются деревянные конусы амбразур. Все без исключения улицы, все вообще дома превращены в сплошные пояса сложнейшей системы оборонительных укреплений.

В систему укреплений города включен и сильнейший «оборонительный пояс» — Балтийский флот. Замаскированные пестрыми сетями боевые корабли по-прежнему ошвартованы у всех набережных, и по-прежнему у трапов собираются родственники балтийцев.

Два ледокола, несколько транспортов высятся над строгими дворцами и старинными домами между Кировским и Дворцовым мостами у набережной и принижают своими пропорциями эти здания.

Дальше, за мостом Лейтенанта Шмидта, — миноносцы, подводные лодки, крейсер «Киров». Я не был там и не видел его, но мне о нем знакомые командиры-балтийцы рассказали: в дни яростных воздушных налетов, — в один из трех апрельских дней, когда немцы особенно стремились уничтожить корабли, стоящие

на Неве, — в крейсер «Киров» копал тяжелый снаряд, а через минуту в то же место, в надстройки над машинным отделением крейсера, врезалась авиабомба весом в тонну. Разрушения оказались велики, но корпус «Кирова» выдержал, надстройки приняли на себя основной удар, броня значительно амортизировала силу взрыва. Было много убитых... Отремонтированный в поразительно короткий срок, ровно через месяц «Киров» вновь вступил в строй.

В ТАСС мне рассказали о действиях на Балтике. В наших руках в настоящее время находятся три острова: Котлин, Лавенсаари и часть острова Сескар, на котором был высажен десант; остров занят нами пока до половины, на нем идут бои. Десять подводных лодок сумели выйти из Ленинграда в Балтику и хорошо действуют там. Одна или две из этих лодок погибли. Одна вернулась. Остальные продолжают действовать, но о некоторых из них сведений нет. По яростно простреливаемому морскому каналу даже нескольким надводным судам удалось выйти в Балтику, погиб в канале только один транспорт.

Сообщение с Кронштадтом поддерживается главным образом из Лисьего Носа.

Ораниенбаум по-прежнему в наших руках, и положение на этом участке с осени неизменно.

Вот, кажется, все, что происходило и происходит в дни июля вокруг Ленинграда...

НА ЛЕНИНГРАДСКИХ УЛИЦАХ

15 июля

Всюду вижу людей, читающих книги. Сидят на скамьях в скверах, садах, парках и на бульварах. На стульях и даже в креслах, вынесенных на панель, у своих покалеченных артиллерийскими обстрелами домов; на гранитных парапетах набережных Невы; на грядках своих огородов... На улицах и проспектах, особенно вдоль Невского и Литейного, множество книжных ларьков. То ли это большой, грубо сколоченный ящик или вынесенный из чьей-то квартиры уцелевший стол; то ли ручная тележка; чаще — просто тряпки, разложенные на панели... А на них — книги, книги, бесчисленное множество книг.

В книжных магазинах, вокруг книжных ларьков и киосков всегда толпятся покупатели. Книги чуть ли не единственный богатый представленный в магазинах товар. Продавщица киоска сидит под дождем или на солнцепеке весь день и меньше всего, вероятно, думает, что в любую минуту, неожиданный, рядом может упасть снаряд. Покупатели — прохожие, чаще всего военные или женщины. Выбирают долго, перелистывают книгу за книгой... Это те, кто никуда из города не собирается уезжать. Те же, кто готовится к эвакуации — вольно или невольно готовится, — делятся на две категории. Одни, уезжая из Ленинграда в надежде «когда-нибудь после блокады» вернуться, оставляют свою

квартиру со всем своим имуществом неприкосновенной, — все на местах, как всегда, запирают дверь на ключ, ключ в карман, и с этим ключом в кармане — куда придется: в Уфу, на Алтай, в Сибирь... Другие — с чувством «навсегда» распродают все до последней нитки, хотя бы за жалкий грош. Такие продают и все свои книги, даже целые библиотеки...

Но иные из эвакуирующихся не хотят заниматься никакой распродажей: такой, уезжая, распахивает настежь двери своей полной имущества квартиры: «Не хочу даже думать о барахле, черт с ним! Заходи, кто хочет, всё равно пропадет, не безразлично ли, кому достанется, зачем же запираеть дверь?»

И вот повсюду на улицах — на ступеньках парадных входов, в подворотнях — сидят: девочка, возле которой разложены олеография в деревянной рамке, стеклянная вазочка, две-три тарелки; женщина из домохозяйек, перед ней — кастрюля, в прошлом электрическая, а ныне с оторванной нижней электропроводящей частью, половичок, сотейник, сломанные стальные часы, несколько патефонных пластинок (кажется, единственное, что покупается быстро — заезжими командирами)... Везде, всюду, на любой улице видишь таких продавцов. Сколько часов они сидят и удается ли им продать хоть что-либо — никому не известно.

Вода в городе есть теперь почти всюду — водоснабжение действует. Но выше первых этажей вода, как правило, не поднимается. Воду берут из кранов во дворах или просто на улицах. Носят ведрами, бидонами, чайниками. Но таскать на верхние этажи тяжело. Ту, что принес, надобно экономить. Поэтому каждое утро у кранов на дворах и на улицах — мужчины с засученными рукавами рубашек или даже с оголенными торсами, с полотенцами через плечо: моются, даже бреются. И женщины (а порой и мужчины, живущие одиноко) моют посуду. На Кировской, на Разъезжей, на Социалистической, да и где только я не видел, — группы женщин с корытами и тазами на панели, на мостовой стирают белье, каждая свое. Пусть проезжающие автомобили огибают их, пусть прохожие обходят их стороной, — они заняты своим будничным делом, ни на кого не обращают внимания. Среди них и домработница, и артистка, и жена командира... Каждая одета так, как одевается обычно, и если ей свойственно хорошо причесываться и подводить губы кармином, то и до этого никому не может быть дела: белье-то ведь надо стирать, не зима!

На Литейном, взгромоздясь на аккуратно сложенные кирпичи, между обвалившимися, осыпавшимися кокс цитами, укрывавшими окна магазина, горбатый старик промышляет взвешиванием прохожих. Его весы работают целый день. Желающих узнать, сколько граммов он прибавил в весе за лето, после того как за зиму потерял двадцать четыре килограмма, — много!

«Товарищ военный! Папирос не нужно?» — разворачивая тряпицу, показывает мне две пачки папирос встречная женщина на Невском. «Не нужно!» И тряпица вновь укрывает пачки. Такса

черного рынка: литр водки — 1500 рублей, 100 граммов хлеба — 40 рублей, пачка папирос — 150 рублей, крошечная лепешка из лебеды — 3 рубля... Я не заходил на толкучки — их несколько в городе, — видел одну на улице Нахимсона издали: народу толчется множество.

Артиллерийские обстрелы часты, постоянны, привычны... Впрочем, я ожидал большего, судя по рассказам других. За все дни, проведенные здесь, я только раз попал в зону артиллерийского налета — на Кировском проспекте, когда ехал в трамвае. Снаряды легли впереди, пассажиры торопливо, но довольно спокойно и безразлично вышли. Через несколько минут трамвай отправился дальше. Говорят, в эти дни нами разбит фашистский бронепоезд, потому методических обстрелов в эти дни не было, были отдельные — минут по пятнадцать — огневые налеты, а их можно слышать, только находясь неподалеку. Впрочем, оружейную стрельбу я слышал несколько раз — и днем, и по ночам.

Днем заметно: движение пешеходов гуще по южной стороне улиц. Это — люди «ученые», рассчитывают, если начнется обстрел, то будешь защищен домами, вдоль которых идешь. Впрочем, об этом никто не говорит, это как-то само собой получается, как выработанная привычка.

Домов, поврежденных снарядами, — очень много. Но дыры от снарядов чаще всего невелики. Разрушенные одна-две комнаты не меняют облика большого дома и сразу даже не замечаются. Так, только накануне отъезда я заметил, например (хотя ходил тут постоянно), что один из золотых куполов «Спаса на крови» пробит снарядом — в нем большая черная зияющая дыра... Когда-нибудь ее заделают, и никто об этой дыре не вспомнит. Только проходя по Фонтанке, я заметил, что совершенно разрушен внутри огромный — со стороны Мойки и Фонтанки — массив Инженерного замка. Но наружная стена цела, издали разрушений можно и не заметить. Там был госпиталь. Погибло много народу. Это было, кажется, при апрельском воздушном налете... Очень много побитых домов на Лиговке...

И все-таки, все-таки все эти дни меня томил мираж полного благополучия и мира родного города. То ли потому, что небо было благостно голубым, солнечным; то ли потому, что после месяцев жизни в лесах и болотах на меня особенно сильно действовала будничная обстановка быта некоторых ленинградцев, — самые их квартиры, чистые, опрятные, приведенные в «довоенный» вид.

Завтра еду на Волховский фронт и на Ладогу. Оформил командировку и другие документы,

ПЕРЕД ВТОРОЙ ЗИМОЙ

Общая обстановка. Собрание районного актива. Во Всеволожский район. В деревне Сельцы. Хозяйство треста № 40

(Ленинград и Всеволожский район. Октябрь 1942 г.)

ОБЩАЯ ОБСТАНОВКА

С конца мая — начала июня появились тревожные признаки активизации окружающих город гитлеровцев. На Неве были обнаружены немецкие плавающие мины. Десятки вражеских самолетов сбрасывали мины в фарватер, ведущий из Ленинграда в Кронштадт. Усилились артобстрелы. Стали поступать сведения о подходах резервов врага, в частности танковых и артиллерийских частей, в районы Луги, Гатчины, Красного Села. Немецкие войска перебрасывались в Финляндию...

Можно было понять: враг усиливает охват Ленинграда и замышляет вновь на него напасть. Но где, как, какими силами — было еще неясно.

Весной приехал в Ленинград и вступил в командование Ленинградским фронтом генерал Л. А. Говоров — не только опытный, крупнейший артиллерист, но и талантливый полководец, великолепно проявивший себя при разгроме противника под Москвой.

Он сразу взялся за дело обороны Ленинграда с присущими ему дальновидностью, энергией и умением. Он подошел к этому делу, как аналитически мыслящий математик, как умный исследователь-ученый.

В укрепленном районе резко усилились оборонительные работы. Усилилась тщательная разведка системы артиллерийских позиций противника — батарей, дотов, дзотов — и выявление всех вражеских огневых точек и методов действий немецких артиллеристов.

Говоров поставил задачу не только подавлять вражескую артиллерию, но и, составляя точнейшую номенклатуру и характеристику выявленных целей, методически уничтожать ее.

Стремясь уничтожить население и разрушить город, враг неистовствовал. За три месяца — май, июнь, июль — только восемнадцать дней обстрелов Ленинграда не было, и не было в

Ленинграде точки, куда не мог бы в любую минуту упасть тяжелый снаряд.

Научно обоснованная, сложнейшая и хитроумнейшая контр-батареиная борьба с артиллерией противника, начатая еще с ранней весны 1942 года, стала ведущим фактором защиты города от вражеских артиллерийских обстрелов. Вся тяжелая морская и сухопутная артиллерия фронта и КБФ была включена в мгновенно действующую систему этой круглосуточно ведущейся активной борьбы.

В этой обстановке командование фронта решило, предупреждая возможный в ближайшие дни удар, активными наступательными операциями прощупать силы и средства врага на ряде участков фронта, а вместе с тем и улучшить позиции наших войск.

В июне — июле резко активизировались действия фронтовой и морской авиации и кораблей Краснознаменного Балтийского флота. В этот период для обороны наших островов и контролируемого нами водного района, для взаимодействия с обороняющими Ленинград на берегу войсками и, конечно, для уничтожения вражеских транспортов вышли в Финский залив и дислоцировались в Кронштадте около ста кораблей. В их числе были и торговые суда, которые, презирая обстрелы прямой наводкой с берега, стали совершать рейсы в Ораниенбаум и к островам залива. Начались боевые походы наших подводных лодок. С июня они выходили в автономное плавание эшелонами. 23-я армия наступательной операцией на Карельском перешейке предупредила попытку вражеских войск активизироваться. На южном участке фронта были пресечены попытки немцев провести разведки боем.

В июне — июле артиллеристы крепости Орешек провели особенно сильные дуэли с мощной артиллерией врага, расположенной в Шлиссельбурге (Петрокрепость) и вдоль берега Ладоги. Здесь в Орешке, в двухстах метрах от Шлиссельбурга, по-прежнему героически держался маленький гарнизон — пограничники и морские артиллеристы.

20 июля части войск 42-й армии нанесли немцам сильный удар в районе Урицка — на Старо-Паново. Бои продолжались до 2 августа, были прорваны три линии вражеских траншей, нам удалось ворваться в Паново и удержать захваченные позиции.

23 июля стрелковые подразделения 55-й армии с участием авиации, танков и артиллерии повели наступление к югу от Колпина — на Пугролово. Нам удалось захватить Пугролово, перекресток дорог, а потом и Ям-Ижору и удержать их за собой. Наши позиции были улучшены.

В тылу врага успешно действовали три батальона балтийских моряков и отряды партизан Ленинградской области. На Ладожском озере в тыл врага ходили морские разведчики лейтенанта Г. С. Иониди. Успешно действовала Ладожская флотилия. Наступательные операции проводились и на Волховском участке фронта.

19 августа бронекатера КБФ высадили десант в устье реки Тосны, положив начало ожесточенным боям за укрепленное немцами село Ивановское на левом берегу Невы. С левого берега Тосны село Ивановское штурмовали части 55-й армии, в частности, полки 85-й, 268-й стрелковых дивизий и ханжовцы дивизии Н. П. Симоныяка. Бои, закончившиеся 8 сентября, привели к захвату нами так называемого Ивановского плацдарма.

27 августа наступлением войск Волховского фронта начались крупнейшие с начала блокады бои на Синявинском выступе немцев — в районе так называемой Круглой рожи и синявинских торфоразработок. Навстречу Волховскому фронту с правобережья Невы двинулись в наступление части Ленинградского фронта. 8 — 10 сентября была сделана попытка вновь захватить потерянный нами в конце апреля Невский «пяточок», а после неудачи этой попытки началась подготовка войск Ленинградского фронта к штурму левобережья Невы крупными силами пехоты, авиации, танков и артиллерии при участии стоявших на Неве кораблей КБФ. Это новое мощное наступление началось в ночь с 25 на 26 сентября. Плацдарм в Московской Дубровке — Невский «пяточок» — был создан (и с тех пор до конца блокады оставался за нами), а крупнейшее разыгравшееся на Синявинском выступе сражение едва не привело к прорыву блокады. Это практически была генеральная репетиция последовавшего за ней нашего решающего январского наступления, о котором речь впереди. Она заставила немцев бросить в огонь боев силы, приготовленные ими для штурма Ленинграда. И если нашим войскам прорвать блокаду в эту осень не удалось, то бесспорно удалось другое: перемолов ряд немецких дивизий, сорвать намеченный врагом штурм города, уберечь Ленинград от нависшей над ним опасности.¹

И это был несомненный успех, давший в тот момент городу жизнь, а в недалеком будущем обеспечивший ему победу.

Я не имею возможности подробно описать в этой книге многие из перечисленных здесь событий, и прежде всего те, которые получили название синявинских боев осени 1942 года.

СОБРАНИЕ РАЙОННОГО АКТИВА

20 октября. Ленинград

Сегодня в Филармонии состоялось торжественное собрание актива Куйбышевского района. Обсуждались итоги работ по подготовке к зиме. Полным светом сияли четыре передние люстры. За столом президиума, покрытым лиловым бархатом и уставленным цветами в горшках, заняли свои места секретарь Ленинградского горкома партии Кузнецов, председатель исполкома Лен-

¹ Разгромлена 11-я немецкая армия Манштейна, перекинута из Крыма, перебито 60 000 гитлеровцев.

горсовета Попков, первый секретарь Куйбышевского райкома партии Лизунов и другие партийные руководители, представители интеллигенции, отличившиеся в труде — сотрудники жилищного управления, управхозы, домохозяйки, рабочие и работницы. Зал был полон.

В большой речи председатель райисполкома Пудов рассказал о работе по подготовке жилищ к зиме.

К 18 августа, когда были объявлены условия соцсоревнования между районами города, из пятисот двадцати девяти домов района — шестидесяти тысяч комнат — вода подавалась всего в тринадцать домах. Остальные пользовались только уличными и дворовыми водоразборами. Триста пятьдесят подвалов были залиты водой, в некоторых домах вода проникала в первые этажи. Чтобы сделать ремонт в короткий срок, требовалось триста пятьдесят водопроводчиков, а было их в районе только семьдесят четыре. Требовалось двадцать тысяч метров водопроводных труб.

А ремонт кровли! В Ленинграде нет ни одного дома, где крыши не оказались бы продырявлены осколками немецких или наших зенитных снарядов. Нужно было найти не меньше ста кровельщиков, а нашлось четырнадцать. Требовалось триста тонн кровельного железа, а его почти не было, — пришлось заменить его специально пропитанной мешковиной. Таковы цифры. А как все это было сделано?

Сегодня утром я беседовал с третьим секретарем Куйбышевского райкома партии С. И. Глазуновым. Из этой беседы и из речей, произнесенных на собрании, я узнал, как удалось организовать и провести всю эту огромную в условиях блокады работу.

В этом трудном деле райкому партии помог опыт весенних работ, когда после страшной зимы необходимость заставила очистить дома, дворы и улицы от снега, от льда, от всех отбросов и нечистот. В каждое хозяйство тогда райком дал политорганизатора: «Твоя партийная обязанность по дому — поднять дух людей, мобилизовать народ!»

Этот подвиг ленинградцы совершили. Результаты его всем известны.

И теперь снова политорганизаторы были прикреплены к каждому дому. В осенней кампании политорганизаторами, в числе других, стали сто инженеров, врачей, различных специалистов из технической интеллигенции. Опять пошла широкая политмассовая работа, выпускались боевые листки, в них сообщались имена и фамилии лучших работников, излагался опыт их работы. Во всех домах был создан актив из числа жильцов. Все работающие в городе промышленные предприятия были призваны помогать населению материалами и личным участием своих специалистов.

Откуда было взять материалы? Фанеру, олифу, краски, кровельное железо, батареи центрального отопления, смолу — да мало ли что еще? Придумывали, изобретали заменители, брали кое-что из разбомбленных, разбитых артиллерией домов — проволоку,

кирпич, трубы, железо, плиты. Обработывали деревянные перекрытия суперфосфатами, заготавливали дрова, использовали для пропитки рваные одеяла, мешковину и другие «внутренние ресурсы»... Работали главным образом женщины, многие из них никогда прежде не занимались физическим трудом...

Пудов сообщает цифры: план работ выполнен районом на 98,6 процента. 460 строений отремонтированы. Все крыши починены. За два с половиной месяца восстановлено 12 873 водопроводных и канализационных стояка. Их общая протяженность — 130 километров. Только для прачечных отремонтировано около 30 километров труб...

После собрания в зале Филармонии был концерт. В нем участвовали Горин-Горяинов, Исакова, Иордан, Васильев, Пельцер, Нечаев, Михайлов, Бениаминов, Чернявская, Легков, Астафьева, Свидерский, Гербек и Сахновская...

ВО ВСЕВОЛОЖСКИЙ РАЙОН

21 октября

Вместе с заведующим райземотделом Куйбышевского района И. П. Прозоровым и агрономом райзо Н. Г. Жежелем я выехал на грузовике в пригородные хозяйства, расположенные во Всеволожском районе. Летели «белые мухи» — первые снежинки наступающей зимы. Мы мчались через Охту к Пороховым и Колтушской возвышенности, минуя разбираемые на дрова дома (в Ленинграде разрешено разобрать на дрова пять тысяч деревянных домов!), минуя поля, огороды — вязкие, серые предзимние, уже почти сплошь оголенные. Только кое-где виднеется отличная неснятая капуста. Это там, где для нее пока не нашли хранилищ или транспорта. Но такие клочки полей редки.

Прозоров — седой человек с энергичным, исхудалым лицом. Он семнадцать лет был на военной службе, участвовал как связист в трех войнах — империалистической, гражданской и финской.

Жежел — немолодой, худощавый, как все ленинградцы, спокойный, с ясными и внимательными глазами человек. Он старший научный сотрудник Сельскохозяйственной академии, доцент двух вузов, участник многих научно-исследовательских экспедиций — почвенно-ботанических и геологических. Теперь вместе со своей женой Еленой Ивановной Пантелеевой, аспиранткой Пушкинского сельскохозяйственного института, и двухлетним ребенком он живет во Всеволожском районе, — жена его работает там агрономом в пригородном хозяйстве. Жежеля и его жену давно зовут в тыл, но они ни за что не хотят оставлять Ленинград.

— Знаете, я избородил весь Советский Союз, но такого энтузиазма и таких интенсивных приемов в агротехнике, как у нас

в это лето, здесь, я нигде никогда не встречал! А ведь все, чего мы добились, сделано людьми, которые никогда не касались земли!

Всю дорогу Жежелъ рассказывал мне о том, как весной и в начале лета служащие городских учреждений, ставшие рабочими пригородных хозяйств, питались там главным образом лебедой, одуванчиком, крапивой, корнями лопуха и разными другими травами, и о том, что из нескольких тысяч человек никто не умер, а теперь, когда овощи выращены, все поправилось, стали вполне здоровыми, окрепли физически, бодры духом...

В ДЕРЕВНЕ СЕЛЬЦЫ

22 октября

За вчерашний день мы объездили и обошли пешком с полдюжины или больше пригородных хозяйств — в деревнях Хирвосты, Янино, Куйвора, Красная Горка и многих других. Подробно осмотрели хозяйство телефонной станции и хозяйство строительства № 5 Наркомпути, хозяйство Управления культурно-бытового строительства Ленсовета и многие другие. Впечатлений и записей у меня было много. Оставив Прозорова в подсобном хозяйстве треста столовых, в Красной Горке, последние четыре километра сюда мы вдвоем с Жежелем прошли бывшей лесной дорогой, «бывшей» потому, что весь лес за лето вырублен, торчат только отдельные сосны.

Токая по грязи и пробираясь обочинами по мокрой, жухлой траве, по косогорам, беседуя о голодной зиме, из которой оба едва выкарабкались, мы, предельно усталые, дошли сюда, пришли в эту обжитую опрятную комнату — «домой», где встретила нас жена Н. Г. Жежеля Елена Ивановна — художавая миловидная ленинградка, которая сразу стала кормить нас капустным супом и жиденькой пшенной кашей.

Проголодав в Ленинграде блокадную зиму, Елена Ивановна, спасая от смерти ребенка и мужа, который уже не вставал, пошла на службу, работала в Ленинграде милиционером. Поздней весной ее отпустили на работу по специальности, она стала агрономом подсобного хозяйства треста № 40 и, работая там, добилась перевыполнения плана: вместо двадцати восьми назначенных по плану гектаров были засеяны все земли хозяйства — сорок один гектар.

Елена Ивановна связана со всеми бригадами доброй дружбой, все работники хозяйства для нее — родная семья, все личные дела рабочие идут решать к ней, — в этом я убедился вчера же вечером: народ до ночи, как говорится, валом валит к ней в дом... Сама она — день и ночь на полях...

Комната Жежеля и Елены Ивановны в колхозной избе — чистенькая, оклеенная синими дорогими, с серебряными блестками, обоями; на полках и столах — книги, городские вещицы, самовар,

патефон. На стенах под потолком сушатся пучки укропа, сельдерея, ботвы, рябины... Уже подсушившиеся Елена Ивановна вчера собрала в мешочки.

В соседней комнате, где русская печь и на стене коптилка, где на полу спали три пущенных ею ночевать связиста-красноармейца из дивизии Донского, Елена Ивановна постелила мне кровать, положив две чистые простыни, подушку и одеяло. Я спал, как дома, — которого у меня нет, — в тепле и чистоте.

А утром играл с Юрой, он оказался забавным, смышленным ребенком, знающим названия всех овощей, капусту называющим «патятя». На все вопросы он уверенно отвечает «да», а когда просит, например, хлеба с маслом и в масле ему отказывают, сокрушенно повторяет: «Нет?» — и успокоенно ест сухой черный хлеб. Вчера отец привез ему из города бутерброд с красной икрой. Эту икру он назвал «рябиной», потому что рябину знает, а икры еще никогда не пробовал.

Зимой он съедал все, что могли достать для него и для себя родители, — свою еду они отдавали ему. А они умирали с голоду и едва не умерли, когда у них в феврале и в марте были украдены продкарточки.

— Понимаете, — говорит Жежель, — были моменты, когда, любя его больше собственной жизни, отдавая ему последнее, я его ненавидел!.. Поймите меня правильно, ведь это общая наша человеческая трагедия! Но все-таки мы выходили его — смотрите: нормальный ребенок!..

ХОЗЯЙСТВО ТРЕСТА № 40

Сегодня утром, чтобы составить себе картину работы пригородного хозяйства треста № 40, я обошел его поля, беседовал со многими бригадирами, звеньевыми, служащими и рабочими, — в преобладающем большинстве это девушки, женщины... История возникновения и напряженнейшего труда коллектива этого пригородного хозяйства характерна и для всех других осмотренных мною хозяйств.

Началось с четырех рабочих-дистрофиков и с четырех лошадей-дистрофиков. Когда первые люди приехали сюда, то прежде всего организовали «цех питания», затем здесь, в деревне Сельцы, пустовавшей, страшной найденными в снегу трупами людей, умерших от голода, оборудовали жилые помещения.

Потом стали собирать инвентарь колхозов, разбросанный по полям, и, создав кузницу, ремонтировать его. Начали прибавляться рабочие, руководство хозяйства занялось добычей семян.

С 12 мая началась пахота на лошадях. Пахали сперва по одной, потом по две сотки в день. Почти месяц работали без агронома: Елена Ивановна поступила с 3 июня...

Взялись за благоустройство: открыли ясли, детсад, медпункт, столовую, клуб.

Достали трактор, а прицепов — плуга, например, — не нашлось; плуг где-то украли — «честно взяли»: заведующий Всеволожским райзо дал «на один день», и было сказано, где что валяется — подбирайте! Подобрали: две сенокосилки, конные грабли, полольники, четырехлемешный плуг и прочее из соседних деревень, где брошено было...

Создали хозяйство. Пахали. Никто не знал, где какая земля, не было ни планов, ни карт: ищи, где земля и какая, что на ней росло!

Боролись за семена: выдавали их скудно. Десяток гектаров предназначался для рассадных культур — капусты. Надлежало добыть около четырехсот тысяч корней рассады. Теплицы, парники были разрушены, времени для выращивания уже почти не оставалось. За тридцать — тридцать пять километров возили рассаду машинами.

Семенной картофель получали с «большой земли» в конце июня, — уже поздний, недоброкачественный, гнилой, мокрый. Его тут сушили, обрезали, сортировали, сажали.

В подсобном хозяйстве работали строители, их жены и родственники, домохозяйки, педагоги, техники, бухгалтеры, артисты... Все без исключения — больные: цинга, дистрофия второй и третьей степени. Первое время никакие нормы не были введены: у кого сколько сил есть, — а слабые работали сначала по четыре часа, окрепнув, стали работать по восемь, а потом взялись трудиться наравне со всеми — по двенадцать — четырнадцать часов. Вставали в четыре тридцать утра и — с дневным перерывом — до десяти вечера. Все, кто пришел сюда, работали честно, добросовестно, не жалея сил своих, сознавая необходимость этого.

И все-таки с работой не справились. Вот тогда-то и обратились за помощью в райисполком. В хозяйство были присланы школьники средней школы № 205 Куйбышевского района (она помещается в Кузнечном переулке, дом № 22). Они помогали проводить прополочные работы, жили в палатках вместе с педагогами.

Серьезнейшая угроза возникла из-за воды.

Когда посадили первый гектар капусты — тридцать тысяч корней, понадобилось тридцать тысяч литров воды в день для полива: ежедневно, два раза по пол-литра на каждый корень культуры. Возить в бочках? Где взять столько лошадей? Их было шесть-семь. Поняли: без водопровода не обойтись. За пять дней протянули водяную магистраль от пруда на два километра. Поставили центробежный насос. С помощью трактора он гнал двадцать пять тысяч литров в час. А двухдюймовые трубы были разложены по полям, от труб отводили воду прорезиненными плангами, наливали в бочки, в корыта, во что придется. Рабочих, исключительно женщин, в это время было около ста.

Аврал за авралом: то засуха, то нагрянули вредители полей, — это было подобно сражению! Мобилизованы были все до одного работники хозяйства, дети день и ночь боролись с вредителями.

Большую помощь оказала хозяйству Красная Армия, 17-й батальон выздоравливающих под командованием капитана Беляева и комиссара старшего политрука Петрова. Бойцы выходили на работу, занимались посадкой, поливкой, окучиванием, прополкой... А ведь это были люди из госпиталей, здесь, так сказать, «транзитом». Им полагалось отдыхать после ранений, а они по полдня в сутки трудились на полях!.. Помогали и пограничники — Ханковского погранотряда. Они устраивали здесь киносеансы, выступали с докладами, читали лекции, обеспечивали рабочих газетами, давали концерты самодеятельности...

Лучшая бригада (капустные поля) — Шуры Климовой. Этой девушке нет и двадцати лет, она работала диспетчером на одном из заводов. Сидя дома, в Ленинграде, слушая радио, она узнала, что Ленинград нуждается в рабочих для пригородных хозяйств. Посоветовалась с больным отцом-пенсионером (матери у нее нет), пришла сюда. Была простой работницей, потому что прежде земли не знала. Стала звеньевой, потом бригадиром. Имея под своим наблюдением триста тысяч корней капусты, руководя бригадой рабочих, Шура Климова успевала за день обойти все свои поля.

13 сентября в Сельцах был праздник День урожая. Пригласили гостей из воинских частей, из соревнующихся подсобных хозяйств, партийный и советский актив.

Шура устроила выставку своей капусты. На некоторых гектарах ее бригада вырастила по тридцать тонн (а по плану полагается пятнадцать тонн с гектара). В среднем все хозяйство вырастило по двадцать три тонны с гектара.

Капусту собрали, перевезли в Ленинград и сюда — в хранилища. Сотни тонн засолены в дошниках — больших, врытых в землю чанах.

Звание «гвардейское звено» и премию получило свекольное звено Фроси Тарасенковой. Это звено несколько месяцев перевыполняло норму больше чем на сто пятьдесят процентов.

Но земля оказалась бедной, истощенной, в ней почти полностью отсутствовали органические вещества, а удобрений на ее участок не хватало, минеральных вначале не было вовсе, да и посадку, по не зависевшим от Фроси причинам, пришлось делать поздно. И весь энергичный, тяжелый труд не привел к хорошему урожаю: получилось только пять тонн с гектара вместо запланированных двенадцати.

А труд Фроси был колоссальным. В звене на три гектара вместе с самой Фросей было восемь человек, хотя полагалось ей пятнадцать. Но эти восемь девушек произвели трехкратное рыхление почвы, четыре раза подкармливали растения, трижды раствором фекалия с суперфосфатом и раз минеральными удобрениями. Трижды пололи, с работой справлялись, поля были чистыми... Все видели непосильный труд звена Фроси, все удивлялись неутомимости девушек...

Неудача на Тарасенкову сильно подействовала. Она продолжает работать, хочет, изучив землю, произведя зимние анализы, принять все меры, добиться хорошего урожая свеклы на будущий год. И добьется: это всем ясно!

Фрося Тарасенкова — из Балттехфлота. Работала матросом на барже. Ей тридцать лет. Она упорная и предельно настойчивая...

Почти все рабочие имеют свои индивидуальные огороды. Все хорошо поправились после зимней дистрофии, не было ни смертных случаев, ни болезней.

А работать приходится в восемнадцати, а то и в двенадцати километрах от передовой линии фронта; это только у нас в Ленинграде может называться тылом. Здесь тылы недавно сформированной 67-й армии. Боевая обстановка возникала не раз и тут. Вот, к примеру, в дни ожесточенного сражения на Неве над свекловичным полем, где шла массовая уборка урожая, в воздухе разыгрался бой между десятками самолетов. Это было 30 сентября. На свекловичном поле работали и бригады с других полей, школьники, шести-семилетние ребята из детского сада вместе с педагогами, бойцы батальона выздоравливающих, пришедшие помогать.

Несмотря на стрельбу близких зенитных батарей, на опасность от падающих осколков, никто, кроме детей, вопреки приказанию, с поля не ушел...

Хозяйство треста № 40 — на первом месте среди тридцати одного хозяйства Куйбышевского района. О нем писали в передовице «Ленинградской правды»; его отмечал в своих приказах Ленгорисполком и благодарил при присуждении знамени П. С. Попков.

Всего в хозяйстве собрано триста с лишком тонн овощей. Сдали госпоставки и себе оставили часть урожая, которой для полутора тысяч человек хватит, примерно, на восемь месяцев... Зима им теперь не страшна!

22 октября

Обедал у Н. Г. Жежеля: пшенная «супо-каша», квашеная капуста на второе и немного вареной картошки — все, конечно, без масла.

Н. Г. Жежель подсчитал: средний урожай с гектара овощей (всяких) в Ленинграде — восемь тонн. Заготовлено по Ленинграду примерно пятьдесят шесть — шестьдесят тысяч тонн.

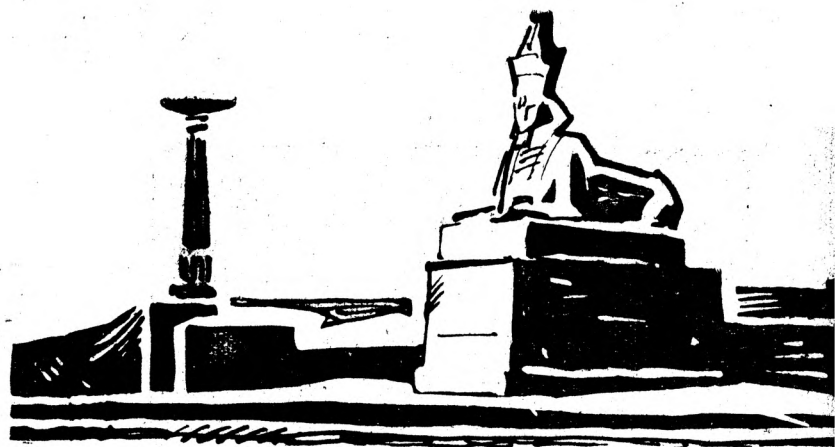
Выдавать населению будут по триста граммов овощей в день.

Если рассчитывать только на овощи, то их нужно съесть три килограмма в сутки, чтоб в организм поступило достаточное количество белков и углеводов. Но ведь, конечно, нужны и жиры. Хуже всего дело обстоит с жирами.

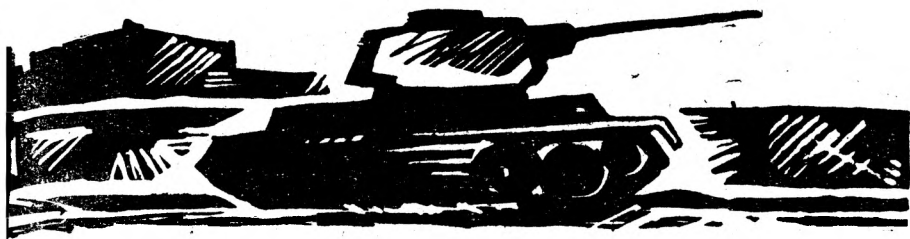
В 3 часа дня, после обеда у Жежеля, покидаю гостеприимных хозяев; мой курс — на Ленинград...

1943

Глава двадцать четвертая

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ

Подготовка. Начало. Через Неву. Дивизия Н. П. Симоняка. Высота Преображенская. Взятие Шлиссельбурга. Прорыв удался! Встреча. В Шлиссельбурге. Крепость Орешек

(67-я армия. 12—18 января 1943 г.)

ПОДГОТОВКА

Подготовка к операции по прорыву блокады проводилась в глубокой тайне. Но в ноябре я бывал в частях 67-й армии, только что тогда сформированной, был в передовых частях на Невской Дубровке, в стрелковых и минометных подразделениях, в батальоне автоматчиков и, естественно, понимал, что подготовка к большим событиям началась. 3 ноября, возвращаясь пешком с передовой на КП-11-й стрелковой бригады, я был контужен при разрыве снаряда. По возвращении в Ленинград десять суток мне пришлось провести в стационаре штаба Ленфронта, в декабре и в январе я вновь несколько раз побывал в частях 67-й армии, перед самым началом наступления провел несколько дней на командном пункте командующего армией, у Коркинского озера, куда стягивались нити всей огромной, предварявшей наступление фронтовой работы.

В эти волнующие дни вся армия нетерпеливо ждала начала событий, и в общих чертах я знал уже все, чего ни записывать, ни рассказывать кому бы то ни было не имел права.

Сейчас я считаю необходимым в нескольких словах обрисовать положение перед началом боевых действий.

12 декабря командование Ленинградского и Волховского фронтов, выполняя директиву Ставки от 8 декабря, поставило задачу армиям, действовавшим на обеих сторонах Синявинского выступа немцев: полностью подготовиться к ответственной операции по прорыву блокады. Со стороны Волховского фронта, которым вновь командовал генерал армии К. А. Мерецков, врагу противостояла на участке от Липок (на берегу Ладожского озера) до Гайтолова (до правого фланга 8-й армии) 2-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта В. З. Романовского. При ней находился заместитель командующего фронтом генерал И. И. Федюнинский, персонально ответственный за успех наступления с этой стороны.

С ленинградской стороны на левый берег Невы предстояло наступать 67-й армии, сформированной на базе Невской оперативной группы и заменившей ее. Этой армией командовал генерал-майор М. П. Духанов под непосредственным руководством командующего Ленфронтом генерал-полковника Л. А. Говорова. В числе представителей Ставки был приехавший в части 67-й армии маршал К. Е. Ворошилов.

При подготовке к операции был широко использован опыт предшествовавших боев. Непрерывным потоком прибывали из-за Ладожского озера пополнения — 123, 142, 138 и 102-я стрелковые бригады и другие части. Навигация, уже во льдах, продолжалась — корабли Ладожской военной флотилии с величайшими трудностями проводили караваны барж и других судов. Последний караван пересек Ладогу 13 января, на следующий день после начала боевых действий. Одновременно, начиная с 24 декабря, по открывшейся ледовой трассе двигались сотни автомашин.

Армии Ленинградского и Волховского фронтов, укомплектованные новыми пополнениями, насыщенные инженерными частями, танками, сухопутной и морской артиллерией, обеспеченные мощной поддержкой авиации, тщательно провели разнообразные тактические учения. Соединения 67-й армии, например, на токовских и других озерах Карельского перешейка во всех подробностях имитировали ту обстановку, какая встретится им при зимнем штурме Невы, и в учениях пользовались всеми необходимыми для того средствами. Левый берег Невы, возвышающийся над рекой местами до двенадцати метров, не только укрепленный всеми видами инженерных сооружений, но и искусственно обледененный немцами, был изучен в мельчайших подробностях.

Ледяные валы и прочие барьеры создавались также в лесах и на болотах Волховского фронта, — они копировали то, что предстояло штурмовать волховчанам,

Хорошо изучены были все укрепления врага в глубине Снягинского выступа, воздушной и наземной разведкой определены все наличные силы врага и его резервы, все номера частей.

Общая обстановка на фронтах Отечественной войны очень способствовала высокому наступательному духу наших воинов, готовившихся к прорыву. Коренной перелом в войне уже наступил, на полуторатысячекилометровом фронте от Ленинграда до Северного Кавказа после окружения трехсоттридцатитысячной гитлеровской армии началось стратегическое наступление всех наших войск. В 67-й армии политсоставу было легко работать — воины сами тысячами вступали в партию и комсомол, некоторые подразделения сплошь становились коммунистическими. В день решительного штурма Невы не было ни одного случая дезертирства, попытки уклониться от атаки или каких-либо других проявлений малодушия, — не было в армии ни одного человека, который не стремился бы как можно скорее сразиться насмерть с врагом, уничтожить его, добиться безусловного успеха всей операции. Дня начала этого наступления люди в частях не могли дожидаться, волнуясь: «Скорей бы, скорей!»

К 11 января войска Ленинградского и Волховского фронтов к наступлению были готовы. Что заключалось в этом слове «готовы»?

В 67-й армии изготовилось к бою около тысячи восьмисот орудий и минометов сухопутной и морской артиллерии против четырехсот, имевшихся у немцев. В распоряжении армии было пятьсот самолетов против трехсот немецких. Четыре стрелковые дивизии и шесть стрелковых бригад, разделенных на два эшелона, были готовы обрушиться на пять немецких дивизий. Двести двадцать четыре танка (из них восемьдесят четыре средних и сто двадцать легких) имелись в наших частях против тридцати немецких. Частям первого эшелона были выданы продукты на двенадцать боевых суток, а на складах было приготовлено продовольствие еще на десять суток. Запас горючего для автомашин был в частях обеспечен на шесть дней боя. В артиллерийских частях находилось от четырех до двенадцати (в зависимости от калибра) боекомплектов снарядов, а в минометных частях — от двух до четырех боекомплектов. В госпиталях фронта и Ленинграда для раненых было приготовлено тридцать восемь тысяч коек. В полосе подхода частей к Неве было выстроено около пятидесяти километров дорог. Заготовлено было два километра настильных сооружений для тяжелых и средних танков и другой мощной техники, которой предстояло после форсирования Невы переправляться вслед за стрелковыми частями и легкими танками по льду реки. Легкие танки могли перейти по льду без всяких настилов, и именно потому для участия в форсировании Невы и штурма левого берега были выбраны легкие танки Т-60 и другие, составлявшие 61-ю отдельную танковую бригаду полковника В. В. Хрустицкого. Из двух километров заготовленных элементов настильных сооружений можно было построить четыре переправы для

тяжелой техники (они были наведены в течение суток, после штурма левого берега). Для одновременного взрыва всей полосы минных полей вдоль правого берега было заготовлено тысяча двести подвесных зарядов, — их предстояло взорвать электрическим током перед самым моментом выхода наших передовых частей на лед. Телефонная и радиосвязь всюду была налажена и проверена...

Дивизии первого эшелона начали выход к исходным позициям в ночь на 11 января, в ночь на 12-е продолжали подходить к исходным позициям и в предрассветный час перед началом штурма, сосредоточившись, ждали только сигнала к наступлению. В первом эшелоне в полосе наступления, протянувшейся на тринадцать километров, было четыре стрелковые дивизии. Они, считая с левого фланга (против Шлиссельбурга), расположились так: 86-я дивизия В. А. Трубачева — против высоты Преображенской и Овощного совхоза; далее, на направлении главного удара, 136-я дивизия Н. П. Симоняка — против Марьино, Пильной Мельницы и роци «Акация»; 268-я дивизия С. Н. Борщева — против «Гаража», «Дач» и 2-го Городка; 45-я гвардейская дивизия А. А. Краснова, на Невской Дубровке, — против Городка № 1 с его 8-й ГЭС и Невского «пяточка» — Московской Дубровки. Маленький этот «пяточок» с синявинских боев сохранялся за нами.

Далее на правом фланге вдоль Невы стояла 46-я стрелковая дивизия. В среднем течении Невы готова была к действию артиллерия зимовавших здесь миноносцев и канонерок. Вдоль западного берега располагались части 16-го укрепленного района и 35-я отдельная лыжная бригада. 55-я стрелковая бригада стояла на льду Шлиссельбургской губы.

Соединения второго эшелона — 13-я и 123-я стрелковые дивизии, несколько стрелковых бригад, 152-я и 220-я танковые бригады — находились в глубине лесов и выходили в это время в свои выжидательные районы, расположенные в пяти-шести километрах от Невы. 11-я отдельная стрелковая бригада перед самым штурмом была отведена с передовых позиций в резерв, на два километра от Невы, в леса, обступающие Нижний поселок.

Наше превосходство в силах над немцами было несомненным и значительным. Впервые в истории войскá осажденного, блокированного города собирались прорвать блокаду и з н у т р и. Но на этот раз никто в успехе не сомневался. В войсках я слышал уверенные, взволнованные возгласы: «На этот раз — прорвем!»

Войска, повторяю, были готовы к бою...

НАЧАЛО

Наступило 12 января 1943 года.

В девять утра над лесами, над широкой, крепко скованной льдом Невой, над всем передним краем господствовала тишина.

Десятки тысяч наших войнов в полной готовности уже напряженно отсчитывали оставшиеся до атаки минуты, но строжайшая военная тайна не должна была быть нарушена ни единым необычным звуком.

Гитлеровцы знали, что Ленинград готовится пробить блокаду. Они предугадывали, где именно мы дадим генеральный бой, — это им подсказывала сама географическая карта. День за днем воздвигали они все новые оборонительные сооружения на предполагаемом участке прорыва, стягивали сюда свои отборные части, еще и еще насыщали огневыми средствами узлы сопротивления, созданные ими за шестнадцать месяцев блокады.

Но когда именно и с какими силами мы начнем прорыв — этого гитлеровцы не знали. И ожидавшийся целый год наш удар все-таки оказался для них неожиданным.

«Мы думали, — позже показал пленный санитар Ганс Петерс, — обычный огневой налет. Думали, что вот-вот перестанут. Но огонь усиливался. Солдаты стали нервничать. Потом все забрались кто куда мог. Ефрейтор Ламберг Буути закричал: «Я был во многих походах, но такого грохота не слышал».

В 9.30 утра прокатился над Невой неистовый гром орудий. Все системы заговорили сразу.

Час настал!..

В ураганный гул канонады вступил шум многих моторов — из-за стены дыма появились фашистские самолеты. Бомбами и пулеметным огнем немецкие пилоты хотели было сорвать работу артиллеристов. Внезапно шум моторов утроился, и, опрокинутые нашими истребителями, несколько самолетов рассыпались на части. Остальные фашистские штурмовики покинули поле боя — с этой минуты в небе стала господствовать наша авиация. Ее бомбовые удары были слышны за десяток километров вокруг.

На невский пустынный лед вступили наши легкие танки и наша пехота. Широкий фронтом между двумя берегами загрело «ура» — Нева была форсирована решительно, я бы сказал, стремглав. Поддержанные огневым валом, одетые в маскировочные халаты, стрелки, моряки, саперы, связисты, автоматчики, минометчики карабкались на высокий, яростно обороняемый врагом берег.

Участок Невы по всему фронту наступления был уже всецело в наших руках. По льду переправилась артиллерия и прокатились новые волны пехоты.

Люди были злы, вдохновенны, неустрашимы...

В освобожденном через пятнадцать минут после начала штурма населенном пункте Марьино и в Пильной Мельнице выставлены палатки, дымят походные кухни. Немногие оставшиеся здесь, в прежде густонаселенном районе, дети и женщины рассказывают бойцам обо всем пережитом.

Один-единственный сарай сохранился на месте когда-то богатой деревни Марьино.

К Ленинграду, пройдя наконец Неву, под конвоем идут пленные гитлеровцы. Давно, но совсем иначе надеялись они попасть туда. Вид их жалок и омерзителен.

Среди них Франц фон Гюльтенфельд, сын прусского помещика, владельца шестисот гектаров земли, сотен лошадей и коров. В Германии в рабство этому гитлеровцу отданы двадцать пленных красноармейцев и десять русских женщин.

Только что окончился допрос, на котором сей пруссак угрюмо сказал: «Мы думали, что настал конец света. Нам твердили, что советской авиации больше не существует. Но вчера мы увидели совсем другое. Земля непрерывно дрожала от бомб и снарядов. Больше половины наших было убито или засыпано землей. На минуту стало тихо. И сразу же мы были окружены вашими!»

Я пишу это в землянке под немолчный грохот орудий в ночь на 14 января 1943 года. Наступление продолжается. Блокада будет прорвана. Мы все это знаем!..

ЧЕРЕЗ НЕВУ

Два-три дня назад в этом лесу находился ВПУ. Сегодня последней уехала телефонная станция, смонтированная в автомашине. Два-три дня назад все дороги были запружены транспортом, шедшим к Неве. Сейчас дороги свободны, и навстречу попадают только грузовики с трофеями да группы пленных. От передовых, продолжающих вести бой, частей до последней тыловой канцелярии армия передвинулась вперед, все — в наступлении.

Мороз градусов двадцать пять, встречный пронзительный ветер. Мы мчимся в открытом «пикапе» в освобожденный от врага Шлиссельбург. Густой лес, украшенный поблескивающим на солнце снегом, становится реже: все больше раскромсанных рядами деревьев, все больше безжизненных прогалин, на которых из-под снега торчат только изглоданные, расщепленные пни. Вот Черная речка, текущая в глубоком овраге к недавнему переднему краю. Ее берега похожи на черный покинутый улей: землянки, блиндажи, дзоты пусты. Весь снежный покров вокруг — в темной сыпи от разрывов мин, прилетевших из-за Невы. Чем ближе к Неве, тем хаотичней и неприятней пейзаж: все изрыто, измято, искромсано. На ум невольно приходит сравнение со следами черной оспы. И дорога, по которой мчится «пикап», выедена по краям воронками, — эта страшная сыпь уже медленно затягивается свежим, девственно чистым снежком. Мороз крепчает, дали туманны; красный, резко очерченный шар солнца бежит над распяленными деревьями параллельно машине. Его багровые лучи хватают из белесой дымки то снежный купол опустевшего дота, из узеньких амбразур которого уже не глядят стволы орудий, то ряды безлюдных траншей, то провалы в мертвых стенах, — здесь когда-то высились трехэтажные кирпичные здания.

Вот он, передний край: первая береговая линия траншей, разбросанные в мгновение перед атакой рогатки колючей проволоки, пулеметные гнезда с устремленными на Неву бойницами, перекрытия наблюдательных пунктов. Перед ними — круто обрывающийся берег реки, окаймленный, насколько может увидеть глаз, черной пятиметровой полосой — следом гигантского взрыва, прогрохотавшего за несколько минут до атаки перед всей линией фронта. Когда полки готовились выскочить из траншей, чтобы стремительным броском форсировать ледяное пространство Невы, был дан сигнал, по которому все минные поля перед нашим передним краем были одновременно взорваны. Последними перед началом штурма дали одновременный залп «катюши».

Мы видим ледяной панцирь пустынной Невы, призрачно освещенный сквозь морозную дымку остановившимся вместе с машиной солнцем. Две шеренги маленьких елочек указывают нам переправу. Желтые — от термитных снарядов, красные и зеленые — от ракет, черные — от разрывов мин круглые пятна на снегу, прикрывающем лед. Еще не все проруби затянулись, от иных, клубясь, поднимается пар. А над нами на большой высоте висят четыре немецких самолета, они похожи на головки змей, потому что за ними, свиваясь в петли, по всему небу тянутся белые полосы.

Шофер резким толчком открывает дверцу, высовывается из кабины, примеряется глазом к линии елочек, к смутно виднеющемуся противоположному берегу, к самолетам, вокруг которых набухают черные клубочки разрывов. И, видимо, решив опередить немцев, даже если они спикируют, дает с места такой рывок, что «пикап» берет Неву одним прыжком.

Сколько месяцев тысячи людей, не приподнимаясь над бруствером, глядели на тот берег, лелея в себе стремление наконец достигнуть его — презрев опасность, победив самую смерть. Сколько прекрасных советских людей отдали свою жизнь за то, чтобы настал, наконец, день, когда каждый мог бы вот так же легко и свободно, как сейчас мы, переправиться на тот берег. Этот день настал!

На первой скорости машина преодолевает зигзаг берегового подъема. Боже мой, как поработала здесь наша артиллерия! Только увидев воочию левый берег Невы, можно это понять, — живого места здесь нет, каждый квадратный метр земли перепахан несколько раз. Два часа двадцать минут длилась наша артиллерийская подготовка, и лишь расщепленные бревна, полузасыпанные мерзлыми комьями земли траншеи, спутанные обрывки колючей проволоки свидетельствуют о том, что здесь несколько дней назад были мощные вражеские укрепления. Изуродованные трупы фашистов еще не все убраны. Обрывки шинелей и курток, разбитые ящики из-под патронов, бесформенные куски металла, провалившиеся землянки, и так — от берега и от прибрежной дороги по всему снежному полю до леса, превращенного в нагромождение щепы...

Дивизия генерал-майора Симоняка, за семь минут форсировав Неву, ворвалась сюда гневной лавиной, уничтожила все, что уцелело от огня артиллерии, и прокатилась дальше, в лес.

У этого леса перед нашим наступлением появились на картах названия «Фиалка», «Лилия», «Акация», «Мак», и бойцы шли теперь отвоевывать у врага удивительные цветы, обступившие старое топкое Беляевское болото — направление главного удара 67-й армии после форсирования Невы. Стрелка главного удара вонзилась в господствующие над всей местностью Сиявянские высоты. Две другие стрелки были направлены на север — к Ладоге, в обход Шлиссельбурга, и на юг — к реке Мойке, притоку Невы, откуда немцы на второй день нашего наступления двинули свои резервы...

Выехав на прибрежную дорогу и повернув налево, на север, мы мчимся дальше. В заметенных снегом развалинах оборонительных сооружений работают саперы, выискивая проволочки еще не взорванных мин. Вдоль дороги трудятся красноармейцы трофейных команд — военное имущество и боеприпасы складывают в груды вдоль обочин. На развалинах и на полуторатонках все это увозится в тыл.

Уже недалеко до Шлиссельбурга. Куски зеленых заборов да закоптелые печные трубы — вот все, что осталось здесь напоминанием о жизни советских людей, о жизни в хорошем домашнем уюте, в добре и довольстве. Застыв на морозном ветру, на полном ходу машины я напрасно ищу взором что-либо уцелевшее с довоенных времен. Мы мчимся, и вокруг все то же: опустошение. И, кажется, солнце напрасно кладет сюда свои чистые, великолепные, розовые лучи...

Впереди нас — круглая высота, голь лущеных стволов, оставшихся от когда-то шумевшей на ветру рощи. Это — высота Преображенская, на днях взятая и очищенная от гитлеровцев батальоном капитана Заводского. Мы огибаем ее и видим перед собой Шлиссельбург. Слева в Неву упираются рельсы узкоколейки. Их расчищают красноармейцы. Направо, уходя к Сиявину, насыпь выгибается широкой дугой.

Пересекаем насыпь, объезжаем груды мертвых эсэсовцев...

ДИВИЗИЯ Н. П. СИМОНЯКА

Из всех наших дивизий и бригад, участвовавших в этом сражении, самую выдающуюся роль в прорыве блокады, бесспорно, сыграла 136-я стрелковая дивизия генерал-майора Николая Павловича Симоняка.

Задолго до решительных боев весь личный состав этой дивизии был блестяще подготовлен к преодолению открытых водных рубежей в кратчайшие сроки. На одном из озер Карельского перешейка в суровой, имитировавшей настоящие бои обстановке дивизия со специальным снаряжением, с лестницами, с крючьями

и в специальном обмундировании, применяя все виды оружия, училась, готовясь к штурму Невы. Артиллерия дивизии две недели изучала цели, точно намеченные для каждого орудия.

12 января — первый день общего наступления — начался, как я уже сказал, исключительно мощной артиллерийской подготовкой. Достаточно сказать, что лишь один рядовой артдивизион из множества других таких же дивизионов за сто сорок минут подготовки выпустил с правого берега более шести тысяч снарядов!

Чтобы не разрушить лед Невы, вся наша артиллерия, бывшая с закрытых позиций, клала свои снаряды не ближе чем за двести метров от кромки берега. А эту двухсотметровую полосу обрабатывали только наши орудия прямой наводки. Плотность огня была такова, что на каждый квадратный метр левобережья Невы легло в среднем четыре снаряда...

Все основные огневые средства врага на направлении нашего главного удара были превращены в прах, узлы сопротивления сломлены. Только на участке 45-й гвардейской дивизии А. А. Краснова не все огневые точки врага удалось привести к молчанию, — о причинах этого я скажу дальше.

В полдень 12 февраля 269, 270 и 342-й полки 136-й дивизии Н. П. Симоняка по сигналу одновременно с другими дивизиями развернутыми цепями предприняли бросок через Неву. От стремительности и внезапности этого броска зависел успех всей операции. Сразу после одновременного взрыва минных полей первым на лед выскочил из траншеи батальон 269-го полка, которым командовал капитан Федор Собакин. Рванулись вперед штурмовые блок-группы, за ними «основная волна», затем резерв комбата — стрелковый взвод, отделение ПТР, отделение обслуживания, два пулеметных расчета и расчет противотанковой пушки. Хорошо тренированный, ловкий и, как всегда, решительный, капитан Собакин перебежал Неву ровно за четыре минуты. Командиры полков дивизии Симоняка Шерстнев, Федоров, Кожевников, их заместители по политчасти Хламкин, Чудинов и Бондаренко, все командиры батальонов и их замполиты, вопреки обычным положениям устава, находились впереди цепей.

В этом месте ширина Невы достигает шестисот метров, но отлично подготовленные бойцы и командиры преодолели Неву за семь — десять минут.

Немцы открыли артиллерийский огонь лишь тогда, когда наступающим частям оставалось до левого берега не более ста пятидесяти метров. Огневые средства и укрепления врага оказались так решительно подавлены, разрушены нашей артиллерией и авиацией, что немцы не могли встретить атакующую дивизию огнем станковых пулеметов.

Наши бойцы, форсируя Неву, бежали молча: некогда было кричать «ура»; каждый был озабочен тем, как бы скорее достичь противоположного берега и закрепиться на нем. Ни один боец не залег; ни один не отстал. Потеряв на льду Невы не более тридца-

ти красноармейцев и только двух командиров, все три полка дивизии ворвались в береговые траншеи противника, смяли и уничтожили все на своем пути. Подготовленный немцами в глубоком овраге следующий сильно укрепленный рубеж с «ласточкиными гнездами» — ячейками на склонах оврага — был также сломлен. Столь же стремительно промчавшись дальше, круша узлы сопротивления, дивизия ворвалась в основной пункт обороны противника — деревню Марьино, с ходу взяла ее, прочистила все дзоты и блиндажи. Миновав деревню, с тем же вдохновенным напором дивизия взяла населенный пункт Пильная Мельница, но и тут не задержалась — продолжала двигаться дальше...

В блистательном успехе этой непрерывной атаки сказался опыт, приобретенный во время учений на озерах Карельского перешейка, — в частности, умение пехоты бесстрашно идти вплотную за передвигающимся по мере ее продвижения артиллерийским огневым валом. Этот метод атаки был хорошо отработан, и бойцы были уверены в том, что рвущиеся впереди них наши снаряды и мины не поразят их, а только расчищают им путь, разметав и уничтожив врага.

Характерно: за весь день 12 января немцы на всей полосе нашего наступления нигде не предпринимали контратак. Не до того было!.. Контратаки начались только со следующего дня, когда к прибрежным гитлеровским частям подошли подкрепления из немецкого тыла.

Во время артподготовки, расчищая четырем нашим дивизиям путь, с правого берега по левому били все тысяча восемьсот орудий и минометов, — такого количества сухопутной и морской артиллерии дотоле еще не сосредоточивал для удара Ленинградский фронт.

Но только 136-й стрелковой дивизии удалось форсировать реку столь быстро и почти без потерь. Другим дивизиям на льду Невы пришлось встретить сильное сопротивление. 45-я гвардейская дивизия, наступавшая в районе Невского «пяточка», на левом берегу Невы, и недостаточно перед тем разведавшая цели, сразу же оказалась в трудном положении и еще на льду понесла жестокие потери. Слева ее держали под сильнейшим огнем гитлеровцы, засевшие в гигантском железобетонном кубическом здании разрушенной 8-й ГЭС. Она была давно превращена в сильнейшую крепость. Ведя жестокие бои и неся потери, 45-я гвардейская дивизия все семь суток боев удерживала за собой «пяточок», но не смогла развить наступление... Большие потери на льду перед Шлиссельбургом понес и 330-й полк 86-й дивизии.

Начиная с 13 февраля эту дивизию справа непрерывно контратаковали крупные гитлеровские резервы, двинутые с юго-востока, и, хотя на подмогу ей были брошены соединения второго эшелона, она вынуждена была только обороняться.

В прорыв же, сделанный 136-й дивизией генерала Симоняка, пошли передовые полки 86-й и 268-й дивизий, а затем по их сле-

дам каждый день непрерывно двигались дивизии и бригады второго эшелона армии. Все они, действуя плечом к плечу с частями первого эшелона, наращивали силу общего удара и расширяли общий фронт наступления.

Невозможно рассказать о бесчисленных проявлениях героизма бойцов и командиров. Упомяну только об одном — о подвиге тридцатичетырехлетнего красноармейца 3-го батальона 270-го стрелкового полка дивизии Н. П. Симоняка Дмитрия Семеновича Молодцова, в прошлом — механика шхуны «Знаменка» Балтийской дноуглубительной флотилии. 13 января, когда батальон прошел рощу «Мак» и пошел в атаку на высоту 20,4, на пути к Рабочему поселку № 1 он был встречен сильным пулеметным огнем из дзота. Молодцов в тот момент тянул связь от КП своего батальона. Три бойца, кинувшиеся к дзоту, погибли. Тогда Молодцов отложил катушку с кабелем и пополз к огневой точке. Подползая к дзоту, он увидел на снегу убитого земляка Константина Усова, тот лежал с гранатой, зажатой в вытянутой руке. Молодцов взял из его руки гранату, подполз к дзоту, бросил гранату. Она разорвалась, ударившись в угол амбразуры. Молодцов швырнул еще две своих, но умолкнувший было пулемет вдруг заговорил: на дзот шла в атаку 2-я рота. Молодцов отполз в сторону, встал во весь рост, сбоку подбежал к амбразуре, ухватился пальцами за бревна, за стреляющий пулемет, подтянулся и закрыл собой амбразуру, — больше гранат у него не было. Пулемет умолк. И тогда, подбежав к дзоту, ближайший друг Молодцова Василий Семенов рванул дверь дзота, швырнул в гитлеровцев гранату... Молодцов пожертвовал своей жизнью ради того, чтобы бойцы его роты могли свободно атаковать находившуюся под прикрытием этого дзота тяжелую немецкую батарею. И четырехпушечная батарея 305-миллиметровых была захвачена 2-й ротой.

В следующие несколько суток, не задерживаясь для отдыха, дивизия вместе с танками и артиллерией продолжала вгрызаться в разветвленную систему укреплений врага.

Немцы, укрепив силы своей разгромленной 170-й пехотной дивизии сначала двумя, брошенными из резерва, а потом еще и дополнительными пехотными дивизиями, танками, тяжелой артиллерией, переходя в непрерывные контратаки, оказывали нашим наступающим частям все более яростное сопротивление. Они бросили сюда и всю наличную авиацию, но наши самолеты по-прежнему господствовали в воздухе, как это было с первого дня наступления.

Командующий 67-й армией ввел в бой против Невской Дубровки 13-ю стрелковую дивизию, в леса южнее Марьино — 123-ю отдельную стрелковую бригаду, а на прочие участки фронта — другие стрелковые соединения второго эшелона. С ними двигались перешедшие Неву по четырем наведенным переправам тяжелые и средние танки, крупнокалиберная артиллерия. Напор наших передовых частей усилился. 123-я стрелковая бригада, еще 13 ян-

варя войдя в стык между дивизиями В. А. Трубачева и Н. П. Симоняка, приближалась к Рабочему поселку № 1, а дивизия Н. П. Симоняка — к Рабочему поселку № 5. По льду Ладоги наступали лыжные бригады.

ВЫСОТА ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

Была ли когда-нибудь гладкой и ровной эта узкая полоса между Невой и дорогой?.. Нет сомнений — была. Стояли на ней аккуратные домики с налосадниками, окруженные огородами. Над гнутыми прутьями, обводившими зеленые клумбы, поднимались анютины глазки, иван-да-марья. Чистенькие мостики сбегали к невской воде; подтянутые к ним тугими цепочками, дремали, противясь течению, рыбацкие лодки... Как археолог находит следы цветения исчезнувшей жизни под мрачным покровом пустыни, я устанавливаю прошлое этих мест по выброшенному взрывом мины на берег лодочному веслу, по пробитой пулеметной очередью зеленой садовой лейке, по черному обглодышу резного надкрылечного петуха, что торчит из дымящегося квадрата углей и золы...

Сейчас вся эта полоса — груды развалин, изрезанных ходами сообщений, в которых валяются обледенелые трупы немцев и снег запятнан смерзшейся кровью.

Я стою над коротким, пересекающим мне путь оврагом. Он протянулся от дороги к Неве и был естественной преградой на пути наших бойцов к высоте Преображенской. Он изрыт, он издолблен норами блиндажей, пулеметных гнезд, стрелковых ячеек. Поперек оврага — печальное зрелище: лежит разбитый на мелкие куски самолет. Его мотором вогнана в землю минометная установка. Слева на снегу распласталось превращенное в черную головешку тело летчика. Хвост штурмовика отлетел далеко, на нем красная большая звезда... Я не знаю имени летчика. Но прекрасный подвиг его мне понятен. В пятнадцати метрах отсюда — дорога, на которой мог сделать посадку подбитый вражеским огнем самолет. Это, безусловно, вполне зависело от воли летчика. Конечно, он попал бы в плен... Но в ту, последнюю минуту своего полета и своей жизни сильный волей герой бросил машину прямо на вражескую минометную батарею... Сегодня тело летчика похоронят. Через год и через сотню лет сюда, к памятнику, который непременно воздвигнут здесь, будут приходить советские люди, чтобы постоять в молчаливом раздумье о Великой Отечественной войне.

А сейчас, после откипевшего здесь сражения, я стою над оврагом, еще не отдавая себе полностью отчета во всех впечатлениях. Рядом со мной стоит в ватной куртке, с автоматом, висющим поперек груди, маленький, говорливый, с черными усиками, вздернутым носом и обветренным лицом человек. Он был здесь и в тот момент, когда самолет упал, он видел все, но тогда ему было

некогда — он был занят тогда тем, что он сам называет просто — делом, а я назову — совершением подвига.

С девятью товарищами он первый переправился на этот берег, сплошь еще занятый гитлеровцами. В ночной тьме он сумел проскочить Неву, не задетый ни трассирующими пулями, ни холодным светом спускавшихся на парашютах ракет. Вместе с товарищами он пробрался вон к тому, ныне разбитому, домику у дороги и залег там, стреляя во всякого немца, который попадался ему на мушку. Фашисты были заняты напряженной обороной: пулеметчики сидели у своих разгоряченных пулеметов, минометчики слали мины на правый берег, стрелки не смели высунуть головы из траншеи... А десять разведчиков, затаясь в самой гуще врагов, спокойно выбивали их одного за другим. Семь часов провели они здесь, возле одинокого домика у дороги; перед утром ворвались в него, гранатами убили немецкого офицера и десяток его солдат. Воспользовавшись переполохом, сумели под покровом тьмы проскользнуть обратно к Неве, перейти ее, потеряв одного только человека, и доложили командованию обо всем, что видели, что узнали...

И когда на следующий день командир 9-й роты старший лейтенант Александр Гаркун оказался здесь, подойдя теперь не с Невы, а с фланга вместе со своей ротой, то все вокруг было ему знакомо: и домик этот, уже разбитый снарядами, и этот овраг, и высота Преображенская впереди, такая таинственная ночью, а теперь, в солнечном свете дня, оказавшаяся совсем близкой и досягаемой. Вот налево церковь, которую нужно брать, потому что в ней засели немецкие автоматчики, вот дорога, обходящая высоту справа и устремленная вдаль, где видны строения Шлиссельбурга, вот еще правее — гладкое снежное поле, простертое до самого леса. В этом лесу уже действует батальон Проценко, отгесняя немцев к узкоколейке, что протянута за высотой от леса к Неве. Гаркуну тоже придется ее пересечь, когда он займет высоту и, спускаясь по ее склонам, выйдет на штурм Шлиссельбурга...

Собственно говоря, командир батальона капитан Владимир Заводский вовсе не приказывал Гаркуну брать высоту, слишком хорошо укрепленную, чтобы можно было овладеть ею силами двух имевшихся в наличии рот. Эти роты были утомлены тяжелыми боями, которые в первые два дня наступления вел на своем участке Невы 330-й стрелковый полк. Высоту Преображенскую важно было хотя бы блокировать в ожидании подкреплений — они уже спешили сюда. И потому задача Гаркуну была поставлена ясно: пройти полем, правее дороги, вперед и, обогнув высоту вдоль линии узкоколейки, дойдя до Невы, разобщить высоту и город. А чтобы немцы, сидящие на высоте, не помешали этому, Заводский, в момент, когда рота Гаркуна двинулась, вызвал с правого берега огонь артиллерии по Преображенской и одновременно стал глушить немцев своей собственной артиллерией — было у него шесть противотанковых орудий и семь минометов.

Семь минут работала артиллерия: с 9.05 до 9 часов 12 минут утра 16 января. Поросшая густым и высоким кладбищенским лесом, круглая, как гигантский свернувшийся еж, высота ответила артиллерии треском ветвей, стоном ломающихся стволов, скрежетом разлетающихся под разрывами могильных камней, бешеной чечеткой надрывающихся немецких пулеметов и автоматов... Но эта чечетка обессилевала, слабела. Рота Гаркуна прорвалась до самой узкоколейки вперед, крича «ура!» пересекла ее, достигла Невы, а затем в минуту, когда наша артиллерия разом замолкла, устремилась со стороны немецкого тыла на высоту.

Слыша несмолкающее «ура!», Заводский, находившийся по эту сторону высоты, понял, что Гаркун не остановился, что его рота — неудержима, и потому, не медля в решении поддержать инициативу Гаркуна, мгновенно двинул навстречу ему с этой стороны высоты роту старшего лейтенанта Василия Семенихина. Теперь «ура» гремело уже с двух сторон высоты. А со стороны дороги с поля к высоте двинулись три гусеничных трактора с укреплёнными на них станковыми пулеметами. Позже пленные немцы признались, что шум этих тракторов был принят ими за громы танков и что потому, мол, нечего удивляться панике, охватившей в те минуты эсэсовцев.

Так или иначе, но ровно в 10.00, через пятьдесят пять минут после начала операции, высота Преображенская была взята, гитлеровцы, кроме нескольких взятых в плен, истреблены в своих траншеях и дзотах, и только сотни полторы, находившиеся за узкоколейкой, побежали врассыпную в сторону Шлиссельбурга.

Белокурый, горбоносый, с покрасневшимся лицом капитан Заводский, размахивая шапкой, командовал артиллеристами и минометчиками:

— Скорее, отсечный огонь!

И этот отсечный огонь не заставил себя ждать. А рота Гаркуна развернулась, устремилась с высоты в погоню за убежавшими гитлеровцами. Задержанные отсечным огнем, они остановились, беспомощно заметались, пытались было залечь вдоль узкоколейки, но автоматы и штыки бойцов Гаркуна не дали им опомниться — почти все эти гитлеровцы были перебиты. Рота Гаркуна поспешила дальше, на Шлиссельбург, ворвалась в окраинные его улицы, заняла три квартала...

Но это было еще преждевременно и неразумно — фланг у Невы оказался открытым, другие наши части еще не успели закрыть его, и потому Заводский приказал Гаркуну немедленно возвратиться из занятых им кварталов и закрепиться вдоль узкоколейки. Увлеченные успехом бойцы остановились с явной неохотой. Однако приказ есть приказ, и он был немедленно выполнен. Заводский, который и сам был не прочь двинуться в это утро дальше, доложил своему командиру, что, взяв высоту Преображенскую и прочно закрепившись, ждет дальнейших приказаний.

ВЗЯТИЕ ШЛИССЕЛЬБУРГА

Все ближе сходились бойцы двух фронтов. Параллельными дугами, тесно смыкаясь на флангах, словно циркулем вычерчивая кривую близящейся победы, обходили Шлиссельбург войска Ленинградского фронта. Все уже становился коридор между двумя сходящимися фронтами. Наконец этот коридор стал так узок, что наши войска уже не могли давать огневой вал артиллерии перед наступающими пехотинцами — был риск поразить снарядами бойцов встречного фронта.

Тогда, видимо, хорошо уяснив себе смысл донесенного сюда от Волги и Дона слова «котел», гитлеровцы побежали из Шлиссельбурга. Их давили наступавшие с юга на город и на тылы его гарнизона полки 86-й дивизии Героя Советского Союза полковника В. А. Трубачева и батальоны 34-й лыжной бригады подполковника Я. Ф. Потехина, недавнего журналиста, ставшего строевым офицером.

К этому времени главные силы 67-й армии оттянули от Шлиссельбурга основную массу немецких частей и, сокрушив их в бесчисленных очагах боев, настолько ослабили оборону вражеского гарнизона, настолько деморализовали его, что дали возможность сравнительно малым силам полков дивизии В. А. Трубачева сделать общее дело. Полк Середина двинулся штурмовать город, а полки Смородкина и Фомичева, двигаясь в обход города, все больше сближались с наступающими им навстречу волховчанами.

У каждой из этих частей есть свои заслуги в общем победном деле. Подразделения Смородкина, и прежде всего бойцы старшего лейтенанта А. Гофмана, первыми на своем участке форсировали Неву против развалин совхоза «Овощ» и прорвали левобережные укрепления врага. Полк Фомичева, вступив на левый берег, прошел с жестокими боями вдоль всего переднего края фашистов, по береговой кромке, до высоты Преображенской. Здесь, уйдя сам в немецкий тыл, он уступил место следовавшим за ним частям, чтобы те с этого исходного рубежа могли обрушить свои атаки на высоту и на город. Все они дружно взаимодействовали.

Мне довелось разговаривать с еще не успокоившимся после боевого азарта старшим лейтенантом Василием Федоровичем Кондрашевым, который в этот день, 18 января, «сгреб», как он выразился, фашистского капитана, командира 1-го батальона 401-го полка 170-й гренадерской дивизии, ныне навеки недвижимой и заметенной снегом почти в полном своем составе.

— Вбегаю в дом, вижу: сидит за столом офицер, зажав руки виски. На столе перед ним — револьвер. «Хенде хох!» — кричу ему, с добавлением, понимаете, нескольких русских слов. Он встал, поднял руки... И объяснил мне так: был им получен приказ от фашистского командования немедленно отступить с остатками батальона. Но едва они двинулись вдоль узкоколейки, новый приказ: остановиться и оказать русским сопротивление «до

последней капли крови». Этот капитан — фамилия его Штейрер — хотел было выполнить приказ, однако никакими угрозами уже не мог остановить бегства своих гренадеров. Штейрер послал им вдогонку своих офицеров. Те охотно помчались следом и... так же, как солдаты, не вернулись. Штейрер остался один. Хотел было бежать тоже, да понял, что начальство расстреляет его за невыполнение приказа. Тогда вернулся, сел за стол и стал дожидаться нашего появления, чтобы сдать в плен...

Вид у него был жалкий, и, охотно выбалтывая нам все немецкие тайны, он поминутно спрашивал: «А отвечая вам на этот вопрос, я не нарушу своей чести офицера?» Мы со смехом говорили: «Нет, какая у вас может быть честь!» Он соглашался: «Яволь, какая может быть честь!» И продолжал рассказывать решительно все и через минуту повторял ту же фразу...

Так же, как «храбрецы» Штейрера, вели себя все части фашистского гарнизона: бегство было поспешным, паническим. Гитлеровцы бросали в городе оружие, и награбленное барахлишко, и казенные архивы со всеми секретными документами, и обмундирование.

Это происходило днем 18-го... Но в предшествующую ночь, когда гарнизон еще не уяснил себе, что будет вот-вот окружен (ибо немецкое командование на сей счет обманывало его), отдельные группы эсэсовцев яростно сопротивлялись.

Несколько групп засело в полуразрушенных корпусах ситце-набивной фабрики. Фабрика эта отделена от города каналом, расположена на островке между ним и Невой.

Сюда в ночь на 18-е двинулась с высоты Преображенской роты Гаркуна. Другие роты батальона Заводского штурмовали соседние кварталы города, взаимодействуя на своем правом фланге с батальоном Проценко. Одновременно в город ворвалось девять броневиков, приданных этим батальонам, и артиллеристы вкатили, действуя в боевых порядках пехоты, противотанковые орудия.

Гаркун прорвал баррикады из вагонеток и бочек, выставленные на оконечности островка, подошел к фабрике с двух сторон по очищенным им от немцев траншеям и занял разрушенное здание между ними. Немецкие автоматчики, засев во всех трех этажах фабрики, стреляли и вдоль траншей, и в упор по занятому красноармейцами зданию. Отсюда же, с фабрики, била прямой наводкой и вражеская пушка. Из-за канала по фабрике били наши броневики и противотанковые орудия, очищая от врага окно за окном. А когда Заводский окружил фабрику, бой продолжался в ее помещениях, — наши бойцы переползали по развалинам, выбивая фашистов гранатами. Все поголовно фашистские автоматчики были истреблены.

После этого наступающую на город пехоту ничто не могло задержать. Уже был день, началось повальное бегство немцев. И только в тех домах, которые оказывались окруженными нашей пехотой, продолжались ожесточенные схватки.

Броневики пронесли по всем улицам города, жители выбегали из домов, встречали наших бойцов, указывали крыши и подвалы, еще служившие убежищем гитлеровцам. Рота Гаркуна добивала последних сопротивлявшихся автоматчиков в охваченной плотным кольцом церкви, боец Губанов уже водружал на ее колокольне красный флаг.

Город был взят к четырем часам дня. При прочесывании города рота Гаркуна потеряла одного бойца убитым и одного раненым.

На чердаках, в подвалах, среди догорающих бревен, в норах среди кирпичных груд лежали трупы фашистов — их заледенил сильный мороз.

А того узенького, уходящего на юг коридора между двумя нашими наступающими фронтами больше не существовало — наши танки, пехота и артиллерия сделали свое дело: ленинградцы и волховчане сомкнулись.

ПРОРЫВ УДАЛСЯ!

16 января батальоны 269-го и 270-го полков дивизии Н. П. Симоняка ворвались в Рабочий поселок № 5. Закрепиться в нем не удалось, бой продолжался и на следующие сутки, оба полка штурмовали его вторично. Вражеский узел сопротивления здесь был мощным. Гитлеровцы понимали, что с потерей Рабочего поселка № 5 все для них будет кончено, поэтому контратаковали нас с предельным ожесточением. Части 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта, подступившие к поселку с другой стороны, также не могли захватить его. Вражеский коридор между фронтами сузился до одного километра.

Еще 12 января, начав наступление одновременно с 67-й армией, войска 2-й ударной армии овладели Круглой рощей, блокировали Рабочий поселок № 8, обошли Липки и двинулись дальше.

Во все пять суток после форсирования Невы бойцы передовых дивизий почти не спали. Ни танки, ни авиация, ни спешно подтягиваемые противником из глубокого тыла резервы пехоты не могли остановить нашего медленного, но неуклонного наступления. Особенно успешными были действия 327-й стрелковой дивизии, взявшей Круглую рощу, и 136-й дивизии Н. П. Симоняка, состоявшей более чем наполовину из моряков — героев Ханко, из неустрашимой и неумолимой морской пехоты. Все пять суток ведущими в дивизии были батальоны Собакина, Душко и Малашенкова уже названных мною 269-го и 270-го полков. Именно они с 16 января вели ожесточенные бои в районе Рабочего поселка № 5. В тот день, 16-го, на них неожиданно напоролась двухтысячная колонна немцев, отступавших из Шлиссельбурга по узкому коридору между двумя нашими, готовыми сомкнуться фронтами.

Два дивизиона минометного полка (2-й, которым командовал старший лейтенант Барабашев, и 3-й) накрыли огнем двадцати

четырёх 120-миллиметровых минометов эту колонну. Разгром её в рукопашном бою завершили стрелковые батальоны. На двухкилометровом отрезке дороги, ведущей из Шлиссельбурга к Синявино, было перебито более полутора тысяч гитлеровцев.

Две сотни других отступающих немцев наскочили на командный пункт 2-го дивизиона 343-го артполка и окружили его. Несколько десятков находившихся на командном пункте бойцов и командиров вступили в рукопашный бой, бросая гранаты, стреляя из пистолетов. Все две сотни «окружателей» были перебиты полностью. Заместитель командира дивизиона по политчасти капитан Мельников застрелил из пистолета тринадцать гитлеровцев, многие другие убили каждый по десятку врагов.

Быть первыми во встрече двух фронтов выпало на долю передовых отрядов 123-й отдельной стрелковой бригады 67-й армии Ленинградского фронта и 372-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта.

В 9 часов 30 минут утра 18 января 1-й батальон 123-й отдельной стрелковой бригады во главе с заместителем командира по политчасти майором Мелконяном, старшим лейтенантом Калуговым и сержантом Анисимовым на восточной окраине Рабочего поселка № 1 встретился с 1-м батальоном 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии во главе с начальником первого отделения штаба дивизии майором Мельниковым и командиром 440-й разведроты старшим лейтенантом Ишимовым.

Вскоре, в 11 часов 35 минут, возле насыпи железной дороги у Рабочего поселка № 5, 3-й батальон (капитана Федора Собакина) 269-го полка 136-й дивизии, обходивший поселок с севера, сомкнулся с наступающим со стороны Волховского фронта батальоном капитана Демидова 18-й стрелковой дивизии¹. Собакин и Демидов крепко расцеловались... Через несколько минут с волховчанами соединился батальон капитана Душко. 270-й стрелковый полк 136-й дивизии обогнул Рабочий поселок № 5 с юга.

Незадолго до начала наступления 3-й батальон 269-го полка 136-й дивизии был посещен К. Е. Ворошиловым. Командир батальона Ф. И. Собакин и бойцы в тот день поклялись маршалу, что соединятся с войсками Волховского фронта. С этой клятвой они наступали и через семь суток боев, как видим, сдержали её.

---

¹ В. М. Ярхунов в своей книге «Через Неву» на стр. 70 пишет: «Командир 3-го батальона 269-го стрелкового полка капитан Собакин Ф. И. ...3-й батальон перерезал железную дорогу в 1 км севернее Рабочего поселка № 5 и в 11 часов 45 минут соединился с частями 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта...»

И. И. Федюнинский в своей книге «Поднятые по тревоге» на стр. 139 пишет: «В 12 часов подразделения 136-й стрелковой дивизии и 61-й танковой бригады Ленинградского фронта, успешно отразив атаку, на плечах отходившего врага ворвались в Рабочий поселок № 5 и соединились с частями 18-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии...»

Не имею возможности опровергнуть или подтвердить эти противоречивые сведения.

Весь день 18 января по всей линии двух сомкнувшихся армий происходили радостные встречи все новых и новых подразделений ленинградцев и волховчан...¹

Дружно взаимодействуя, в прорыве блокады и в овладении Шлиссельбургом участвовали многие части.

Это танки-«малыши» 61-й танковой бригады полковника В. В. Хрустицкого. Особенно прославились на весь фронт командир танка лейтенант Д. И. Осатюк и его механик старшина И. М. Макаренков, которые на своей «малютке» выиграли схватку с тяжелым танком противника, «танцуя» перед ним и заманив его в сектор прямой наводки нашей тяжелой артиллерии. В другой день, вырвавшись вперед, они перебили несколько сот гитлеровцев и удержали захваченный нашей пехотой рубеж.

Это лыжники подполковника Я. Ф. Потехина. Они зажали немцев, пытавшихся выбраться из Шлиссельбурга, в такое кольцо штыков, из которого эсэсовцы нашли один только выход — в могилу.

Это все воины Волховского фронта, шедшие навстречу неудержимым в своем натиске ленинградцам.

Это, конечно, все артиллеристы, деморализовавшие немцев и разрушившие укрепления левобережья Невы за два часа двадцать минут поистине адской артподготовки, а затем в следующие дни и ночи не дававшие немцам опомниться ни на одном из штурмуемых нашими частями участков.

Это пехотинцы других дивизий, саперы, летчики и танкисты, воины всех родов оружия, участвовавшие в беспримерном сражении, — все действовали с безупречной храбростью, все заслужили равную славу в веках. Я называю сражение беспримерным

---

¹ Вскоре после прорыва блокады 136-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. П. Симоняка была преобразована в 63-ю гвардейскую дивизию. Тем же приказом Народного комиссариата обороны в 30-ю гвардейскую отдельную танковую бригаду была преобразована танковая бригада полковника В. В. Хрустицкого. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1943 года генерал-майору Н. П. Симоняку было присвоено звание Героя Советского Союза. Это же звание было присвоено еще семерым воинам Ленинградского фронта, совершившим исключительные подвиги при прорыве блокады: старшему лейтенанту Г. А. Заике, сержанту И. А. Лапшову, танкистам лейтенанту Д. И. Осатюку и старшине И. М. Макаренкову, автоматчику младшему сержанту Т. Е. Пирогову и красноармейцу Д. С. Молодцову.

В официальных источниках фамилия Героя Советского Союза И. М. Макаренкова искажена. По просьбе И. М. Макаренкова, от которого я недавно получил письмо, я даю здесь его фамилию правильно.

За прекрасно проведенный штурм Круглой роцци, где было уничтожено больше тысячи гитлеровцев, захвачено 25 орудий и около ста пулеметов, 327-я стрелковая дивизия 2-й ударной армии была преобразована в 64-ю гвардейскую. Впоследствии, в 1944 году, вместе со 136-й, преобразованной в 63-ю гвардейскую, она в составе 30-го гвардейского корпуса генерала Н. П. Симоняка участвовала в снятии блокады и в дальнейших наступательных действиях корпуса.

не случайно: в истории войн не было примера, чтобы войска осажденного, блокированного, подвергнутого длительной ужаснейшей голодовке огромного города прорвали блокаду и з н у т р и .

ВСТРЕЧА

Мне хочется описать хотя бы одну из тех многочисленных встреч ленинградцев с волховчанами, какие в день 18 января происходили по всей линии двух сомкнувшихся, раздавивших врага фронтов.

В тот час, когда наши части очищали Шлиссельбург от фашистов, 284-й полк подполковника Фомичева, обойдя город, вышел к каналам и, уничтожив последние группы сопротивлявшихся гитлеровцев, уперся в воды Ладожского озера. Повернул направо и двинулся навстречу волховчанам, в сторону Липок. По Ново-Ладожскому каналу пошел батальон Епифанова, а по бровке Старо-Ладожского — батальон капитана Жукова во главе с подполковником Фомичевым.

Вечерело. Короткий январский день сменился тусклыми сумерками. Слева от Фомичева темнело леском узкое пространство между двумя каналами, справа над широким снежным полем вспыхивали разноцветные огни сигнальных ракет, вздымалось короткое пламя разрывов, доносились крики «ура!» соседних преследующих, истребляющих врага частей, так же, как и полк Фомичева, стремившихся скорее сомкнуться с Волховским фронтом.

В полушубках, в валенках, в маскхалатах, не спавшие семь ночей, но возбужденные уже явной для всех победой, бойцы двигались торопливым шагом. Всем казался теперь обременительным двухдневный неприкосновенный запас продуктов, который никому в наступлении не понадобился: бойцы регулярно, трижды в день, получали горячую пищу в термосах, нормы были повышенными, питание организовано хорошо. После того как взятая штурмом насыпь узкоколейки была пройдена, груза у всех убавилось, потому что часть его навьючили на захваченных лошадей.

Никто не знал, где в данный момент волховчане, и потому готовились подойти к деревне Липки и развернуться к бою, чтобы взять эту деревню штурмом. Предполагалось, что еще немало немцев встретится на пути. Идущий впереди дозор внимательно вглядывался в белесую мглу.

Быстро стемнело. Впереди всех шли разведчики под командой старшего сержанта командира взвода разведчиков Кириченко. Их было человек двадцать. Кириченко тихо промолвил: «Стоять!» Разведчики разом остановились. Впереди на бровке канала показались какие-то фигуры.

Разведчики залегли, с автоматами наготове поползли вперед...

Всем очень хотелось, чтобы темные фигуры впереди оказались не гитлеровцами, чтоб это, великое и долгожданное, именно сейчас, незамедлительно, совершилось...

Каждый повторил про себя установленный пароль встречи.

Каждый боец знал, что в момент встречи он должен поднять свою винтовку или свой автомат двумя руками и, держа его попереk груди, крикнуть: «Победа!» Разведчики взяли за оружие двумя руками, но тут же усомнились: а если все-таки враг?..

Но, подпустив встречных на близкое расстояние, не обнаруживая себя, разведчики ясно различили такие же, как у них самих маскхалаты, такие же шапки-ушанки и полушубки, наши советские автоматы...

Можно было вскочить, кинуться навстречу, но... Кириченко поступил по уставу: он поманил к себе рукой старшего сержанта Шалагина, взволнованно прошептал ему:

— Беги, докладывай!

И, напрягая зрение, взглянул на часы.

Было 18 часов 40 минут.

Шалагин опрометью побежал назад, срывающимся голосом доложил Фомичеву:

— Товарищ подполковник! Волховские идут!

— Не ошибся? — почувствовав, как екнуло сердце, спросил Фомичев.

— Как можно, товарищ подполковник?! Да своими ж глазами!..

И Николай Иванович Фомичев, повернувшись к комбату Жукову, приказал ему остановить батальон. А сам вместе с майором В. Д. Ломановым вышел вперед.

— Разрешите с вами, товарищ подполковник? — торопливо проговорил адъютант лейтенант Шевченко.

— Да... И возьмите лучших автоматчиков. Человек семь...

Все эти фразы произносились торопливо, взволнованно, горячим полупшепотом — историческое значение происходящего обжигало сознание каждого.

Семь автоматчиков со своими командирами степенным шагом двинулись по береговой бровке канала навстречу тем, кто там, впереди, также остановился и откуда пока также не доносилось никаких голосов. Этими семью автоматчиками были: командир взвода старший сержант Иван Панков, старший сержант Владимир Мерцалов, помкомвзвода младший сержант Петр Копчун, красноармейцы Василий Мельник, Василий Жилкин, Леонтий Синенко, Усман Еникеев. Каждый из них сегодня перебил немало врагов.

— Кто идет? — громко крикнул Фомичев, сблизившись с невидимыми во мраке, застывшими на месте фигурами.

— Свои, волховчане! — донесся радостный отклик. И тут кто-то из автоматчиков, не удержавшись, возгласил:

— Даешь Липки!

— Липки наши! — послышался веселый голос из темноты.

Но никто не сдвинулся с места, потому что все видели: подполковник Фомичев и майор Ломанов при свете электрического

фонарика проверяют документы двух волховских командиров и показывают им свои.

— Ну, правильно все! — наконец громко произнес Фомичев. — Здорово, друзья! — И направил луч фонаря прямо в смеющиеся лица майора Гриценко, заместителя командира встречной 12-й лыжной бригады, и капитана Коптева, начарта 128-й дивизии.

Фонарь тут же полетел в снег, широко распахнутые объятия двух командиров сомкнулись, они расцеловались так, словно были родными братьями.

И сразу же бойцы и командиры двух фронтов хлынули на встречу друг другу. Объятия и поцелуи прошедших сквозь смерть и огонь мужчин-воинов, никогда прежде не видавших друг друга, — это бывает только на войне, только в час доброй победы! Но вот в гуле голосов стало возможным различить отдельные фразы:

— Давно не видались!.. Лица-то у вас здоровые, а мы думали, что вы дистрофики... Гляди, поздоровей наших!.. Ну, как Ленинград? Как жили?

Новый друг Фомичева подхватил тот же вопрос:

— Как жили?

И Фомичев ответил:

— Было плохо, теперь хорошо! — И добавил (позже ему было смешно вспоминать об этом): — Двадцать семь линий трамвая ходят.

— Ну да?

Фомичев и сам не знает, почему он решил в ту минуту, что именно двадцать семь!

— Свет! Вода! Жить стали культурно, хорошо!

— А как побит Ленинград? Очень сильно?

— Есть места побитые, а в общем — ничего... Стоит!

— Да еще как стоит! Победителем!.. А как продукты к вам поступали?

— По ладожской.

— Это мы знаем, что по ладожской, а все-таки трудно?

— Чего там трудного! Одинаковую норму возили, что вы, то и мы едим...

— А боеприпасы?

— А мы сами их делаем, еще вам займы можем дать... Небось артиллерию нашу слышали?

— Ого-го! Вот уж это действительно, мы удивлялись даже...

...Наконец подполковник Фомичев приказал восстановить порядок. Волховчане и ленинградцы разошлись на сто метров, построились. В подразделениях начались митинги. Под насыпью, в дружно очищенной бойцами землянке связи, была развернута найденная там кипа мануфактуры. Она помогла придать землянке праздничный вид. Совместный ужин командиров был назначен на 20 часов. Продуктов было хоть отбавляй, не нашлось лишь ни капли водки, а двух бутылок предложенного кем-то красного вина

хватило только, чтобы налить каждому по маленькой стопке.

— Чем будем угощать ленинградцев? — воскликнул Коптев. — Как же это так не предусмотрели?

И тут связной капитана Гриша, хитро сощуриив глаза, вытянул из кармана своих ватных штанов заветную поллитровку. Только успели распить ее, волховчане получили приказ по радио: поскольку штурмовать Шлиссельбург оказалось ненужным, отойти обратно на Липки.

А ровно через пятнадцать минут такой же приказ по радио получил подполковник Фомичев: поскольку штурмовать Липки оказалось ненужным, отойти на Шлиссельбург...

И тотчас же, горячо распрощавшись, оставляя за собой боевое охранение, волховчане и ленинградцы пошли выполнять полученные ими приказы.

В ШЛИССЕЛЬБУРГЕ

Мы в городе. Вчера еще в нем владывствовали гитлеровцы. По рассеянным под снежным покровом развалинам, по торчащим из снега обгорелым бревнам, по печным трубам, похожим на кладбищенские памятники, трудно определить даже границы исчезнувших кварталов. Очень немногие, зияющие пустыми глазницами окон, кирпичные дома сохранили хоть приблизительно свои первоначальные формы. Позже я узнал, что из восьмисот домов, имевшихся в городе до захвата его гитлеровцами, уцелело лишь шестьдесят, да и то большая часть их приходится на поселок, вытянувшийся вдоль Ново-Ладожского канала, строго говоря, уже за чертой города. В комендатуре оставлен на стене огромный план Шлиссельбурга, вычерченный с поистине дьявольской педантичностью, свойственной современным тевтонам. Все сожженные дома на плане обозначены красной краской. Все разрушенные перечеркнуты крест-накрест, а уцелевшие залиты желтой тушью. Только тщательно вглядываясь в этот немецкий план, можно по пальцам пересчитать редкие желтые пятнышки.

Мы въехали в город по улице, сплошь усеянной еще не втоптаннами в грязь винтовочными патронами, заваленной выброшенными из окон и подвалов хламом. Население торопилось вышвырнуть из своих полуразрушенных жилищ все, относящееся к ненавистным оккупантам: их амуницию, пустые бутылки из-под французского коньяка, патентованные средства, геббельсовскую литературу, громоздкие соломенные эрзац-валенки и суконные солдатские боты на толстой деревянной подошве, изломанное оружие...

Улицы запружены обозами вступивших в город красноармейских частей. Дымят полевые кухни, грузовики с продовольствием и боеприпасами настойчиво прокладывают себе дорогу. Всю неделю боев армейцам приходилось спать на снегу, теперь они

торопятся наладить себе жилье. Звенят пилы, стучат топоры, молотки — надо забить досками зияющие окна, исправить печи в разрытых среди развалин комнатах.

Всюду слышатся веселые голоса. Разговоры о победе, о наступлении, о встрече с волховчанами, о железной дороге, по которой скоро можно будет ездить прямым сообщением из Ленинграда в Москву, — каждый хотел бы удостоиться чести совершить этот путь, и именно в первом поезде!..

Над пробитой снарядами колокольной церкви висит красный флаг — его водрузил красноармеец 3-го батальона 330-го стрелкового полка М. Г. Губанов, после того как 37-миллиметровая пушка, стрелявшая с этой колокольни, была разбита прямым попаданием из орудия, которое наши артиллеристы подкатили вплотную к церкви. В подвале церкви бойцы роты Гаркуна еще дрались с последними автоматчиками из той полусотни «смертников», что засела здесь, а Губанов уже спускался с колокольни под приветственные крики «ура!».

Мы остановились возле броневика, над которым его экипаж воздвигал антенну. То был один из девяти броневиков, приданных стрелковому полку подполковника Середина, первым вступившему в город. На этих броневиках пехотинцы прочесывали центральные улицы, истребляя последних, стрелявших из подвалов и окон фашистских автоматчиков, уже окруженных, не успевших вместе со всем гитлеровским воинством предаться поспешному бегству.

Ища коменданта города, мы вернулись к окраинным кварталам и увидели против разбитых цехов ситценабивной фабрики остатки большого немецкого кладбища. Население вместе с бойцами рубило на нем кресты, чтобы стереть с лица земли и эти следы фашистского нашествия. Чуть дальше группа женщин выволакивала из-за забора два скрюченных замороженных трупа эсэсовцев. Красно-черная нарукавная повязка одного из них зацепилась за колья забора и осталась лежать на снегу. Взяв трупы на саночки, женщины потащили их к месту свалки.

Солнце скрылось за горизонтом. Город погрузился во тьму. В нем не было ни освещения, ни водопровода, в нем не было ничего, присущего каждому населенному пункту. Он был еще мертв.

На перекрестке двух разбаррикадированных улиц регулировщики указали нам полуразрушенный дом, в котором — комендант. Майор Гальмин, комендант, сидел за большим письменным столом против потрескивавшей сухими дровами печки. Два огарка в бронзовых подсвечниках мигали, потому что дверь то и дело приотворялась: с мороза входили все новые люди в шинелях и полушубках. Входили торопливо, каждому было некогда, каждый хотел как можно скорее решить с комендантом свои неотложные дела.

А он сидел за столом, перебирая пачку принесенных красноармейцам писем, не знал, за которое взяться раньше, разрывал

один конверт за другим и одновременно отвечал на вопросы хриплым от ночевки на снегу голосом, — худой, усталый, с блестящими от волнения глазами.

Он отвечал быстрыми, точными словами и снова принимался читать письмо вслух всем обступившим его незнакомым людям:

— «Костя, у меня не будет ни одного «посредственно»... Папа работает... Папа сложил печку, в комнате у нас стало теплее...»

Это было письмо от племянницы из Москвы, и все обступившие стол люди в шинелях и полушубках отвлеклись от своих насущных, не терпящих отлагательства дел и слушали внимательно. Не дочитав письма, майор откладывал его и брался за другое и одновременно, обращаясь к кому-то из тех, кто стоял в темном углу комнаты, отдавал приказание: «Сообщите по радио, в тринадцать ноль-ноль начался артобстрел, методический, выпущено тридцать снарядов!» Едва он заканчивал фразу, окружающие его торопили: «Дальше, дальше-то, что пишет племянница?» — и комендант Шлиссельбурга снова брался за письмо.

— Нет, это не то!.. Должно быть письмо от жены, с фотокарточкой — давно обещала. Если без фотокарточки, я и читать не стану!

И наконец, найдя по почерку письмо жены, вытянул его из конверта, и на стол выпал тусклый фотографический снимок.

— Ой-ой-ой, вот этого я ждал! — хриплым шепотом возгласил комендант, склоняясь над свечкой. — И дочка, дочка Галина, год и три месяца ей, я еще ни разу в жизни ее не видел!.. А вы, товарищ лейтенант, возьмите роту и обойдите все землянки вдоль южных кварталов, только саперов возьмите, там мин полно. Ясно? Ясно, ну идите!.. «Поздравляю тебя, Костенька, с Новым годом...» С Новым годом поздравляет меня жена, понимаете? Вот ее фотокарточка!

И фотография пошла по рукам командиров и красноармейцев, а майор смеялся:

— Галиночка-то какая толстая получилась, весь фокус заняла... В Кировской она области, понимаете?

Все, решительно все понимали состояние коменданта. Все были семь суток в бою, все ночевали в снегу, всем остро хотелось писем от родных и друзей... А на стене висел вражеский план сожженного города, а полуразбитый дом вновь заходил ходуном, потому что на заваленных трофеями, залитых кровью улицах опять стали разрываться снаряды. Но никто не обращал внимания на разрывы, все жадно вслушивались в письмо далекой женщины к счастливому мужу...

В этот час все в городе были счастливы — и те, кто пришел сюда, и те, кто шестнадцать месяцев дожидался пришедших... Немногие дождались: из шести тысяч жителей, находившихся в Шлиссельбурге в момент оккупации его гитлеровцами, осталось только триста двадцать человек, из которых мужчин было не больше двух-трех десятков. Две с половиной тысячи шлиссель-

буржцев умерли от голода и лишений, многие были замучены; остальные отправлены в глубокий вражеский тыл. Фашисты кое-как кормили тех, кого им удалось заставить работать. Кормили, например, единственную в городе артель плотников и столяров, которая изготовляла гробы. Гробов требовалось немало: наша артиллерия каждый день отправляла эсэсовцев к праотцам.

Гитлеровцы, живя в городе, нервничали. В каждом сохранившемся или полуразрушенном доме, с южной его стороны, они посреди комнат построили блиндажи, северная половина дома служила блиндажу прикрытием. В блиндажах фашисты старались устроиться с комфортом, стаскивали в них диваны, зеркала, пианино и самовары, ковры и хрусталь, кружевные занавески и пуховые одеяла... Русское население ютилось в землянках в лесу. Каждое утро всех выгоняли на работу, на рытье траншей, на строительство дзотов. С двух часов дня ни один русский человек не смел показаться на улицах, каждого запоздавшего хотя бы на пять минут ждали плети или расстрел. Несколько проституток имели право на вход в гитлеровские блиндажи. А когда потаскушки надоедали, фашистские офицеры выбирали себе любую из девушек города, и солдаты волокли ее на смертный позор.

Три сотни бледных запуганных жителей из шести тысяч! Все они, как больные, в первый раз открывшие глаза после долгого беспометства, в котором их беспрестанно терзал кошмар.

Мы ушли из комендатуры полные впечатлений от рассказов, какими обменивались толпившиеся здесь люди.

В политотделе дивизии В. А. Трубачева, расположившемся в трех уцелевших комнатах разбитого, перерезанного траншеей дома, мы легли спать — так же, как и все, на поломанных железных кроватях, на голых и обледенелых прутьях. Было холодно, никто не скинул ни валенок, ни полшубков, ни шапок-ушанок.

Ночью враг обстреливал город дальнотойными орудиями откуда-то из-за Сивявина. Всю ночь гремела жестокая канонада: наша артиллерия взламывала все новые и новые узлы мощных оборонительных сооружений врага. Валетали осветительные ракеты, лунная ночь рассекалась вспышками и гулами не прекращающегося ни на один час сражения.

КРЕПОСТЬ ОРЕШЕК

В прибрежной траншее между двумя окровавленными, кажущимися в своем смерщемся обмундировании непомерно огромными трупами эсэсовцев рассыпаны на снегу бумаги — обрывки писем, документы. Среди них длинный листок бумаги: рисунок акварелью, сделанный еще летом. Примитивно изображено то, что немцы видели из этой траншеи прямо перед собой. Узкая полоска Невы. Низкий, длинный, серый, похожий на корпус дрейноута, скалистый островок. На нем стена крепости и высшая над ней краснокаменное здание с башнями. В летний день, когда

немец рисовал эту крепость, в здании были разбиты только верхние этажи и макушки церкви. Ныне от всего, что высылось за восьмиметровыми стенами крепости, остались одни развалины. Но это гордые развалины, так и не взятые врагом!..

Есть такое старинное русское слово, обозначающее нечистое стремление. Так вот, шестнадцать месяцев сидевшие в траншеях немцы в ожидании, глядя на эту крепость, до которой от них было всего только двести двадцать метров. Взирая на эту близкую и недостижимую крепость, они видели в своих мечтах Ленинград. На рисунке по-немецки так и написано: «Шлиссельбург близ Петербурга»... Больше они не видят уже вообще ничего. Орешек оказался им не по зубам. Вот они лежат передо мной — застывшие трупы. А славная крепость Орешек высится на островке с гордо реющим красным флагом. Пулеметами и снарядами рвали немцы этот флаг в лоскутья. Но над высшей точкой крепости, над собором, вопреки иступленному огню врага, опять поднималось новое алое полотнище взамен изорванного. Двести двадцать метров, отделявшие Шлиссельбург от Орешка, оказались неодолимыми для всей военной мощи Германии, покорившей Европу...

Я был в этой крепости. Я прошел эти двести двадцать метров, спустившись из освобожденного Шлиссельбурга на лед Невы, ступая осторожно по узкой тропинке, проложенной среди еще не расчищенных немецких минных полей, и обогнув не замерзающий от быстрого течения участок реки, любуясь паром, поднимающимся от воды и словно возносящим эту — уже легендарную — крепость над солнечным миром.

Обогнув крепость, я вступил на островок с северо-западной его стороны, там, где к правому берегу Невы обращены старинные крепостные ворота под Государевой башней. Все шестнадцать месяцев блокады к этим воротам, под беглым огнем врага, ежесуточно ходили с правого берега связные, командиры и те, кто доставлял героическому гарнизону продовольствие, топливо и боеприпасы — летом на шлюсках, зимой на лыжах или в маскхалатах ползком. Я нырнул в узенький проем в кирпичной кладке, которой заделаны ворота, и свободно, сунув руки в карманы, прошел через все внутренние дворы, точнее, через все груды камня и кирпича, к траншее, сделанной в наружной стене, — единственному месту, где человек, оставшийся на островке, мог рассчитывать остаться живым, ибо вся площадь островка круглосуточно, шестнадцать месяцев подряд, обстреливалась и подвергалась бомбежкам с воздуха. Были дни, когда на крепость обрушивалось до трех тысяч мин и снарядов. В местах максимальной протяженности островок имеет в длину двести пятьдесят метров, в ширину — сто пятьдесят. Но он неправильной формы, поэтому перемножить эти две цифры значило бы преувеличить размеры площади островка. И вот на этот крошечный островок за четыреста девяносто восемь дней обороны Орешка, по самым минимальным подсчетам, легло свыше ста тысяч снарядов, мин и авиабомб,

то есть примерно по полдюжины на каждый квадратный метр пространства. Немцы били по крепости даже из 220- и 305-миллиметровых орудий. Камни крепости превращены в прах. Но крепость не сдалась. Люди ее не только оказались крепче, несокрушимей камня, но и сохранили способность весело разговаривать, шутить, смеяться... Все эти месяцы они вели ответный огонь по врагу, несмотря на то что каждая огневая точка была засечена. Среди немецких бумаг, найденных в Шлиссельбурге, была обнаружена схема крепости с безошибочно обозначенными батареями.

Каждый день по немцам вела огонь 409-я морская артиллерийская батарея капитана Петра Никитича Кочаненкова, который стал командиром этой батареи 8 ноября 1941 года. Каждый день вела минометный огонь рота гвардии лейтенанта Мальшукова. Каждый день били по немецким позициям пулеметы роты старшего лейтенанта Гусева. Взвод автоматчиков младшего лейтенанта Клунина и взвод стрелков младшего лейтенанта Шульги уложили в могилу каждого из тех гитлеровцев, которые хотя бы на минуту приподняли головы над бруствером вынесенных на самый берег реки траншей. И каждая огневая точка немцев также была известна гарнизону Орешка. Два дня назад, 18 января, когда в 6.00 расчет Русинова сделал последний выстрел из крепости Орешек по немцам и его пушка «дуня» получила право на отдых, Мальшуков заявил, что пора ему сходить в Шлиссельбург за той немецкой стереотрубой, которую он заметил уже давно. И когда в 9.30 утра взводы Клунина и Шульги сошли на лед Невы и, разминировав гранатами участок немецкого переднего края, ворвались в город, чтоб дать последнее сражение бегущим из города немцам, Мальшуков пошел за трубой и взял ее так спокойно, будто она всегда только ему принадлежала...

С 9 сентября 1941 года находится в крепости начальник штаба ее младший лейтенант Георгий Яковлевич Кондратенко, первым пришедший в нее со взводом стрелков и двумя станковыми пулеметами после того, как сутки она пустовала, не занятая немцами. И сегодня Кондратенко мне жалуется:

— В первый раз за все время мне скучно... Были впереди всех, а теперь оказались в глубоком тылу. Никогда не бывало скучно, зайдешь на «мостик», — так называем мы наш наблюдательный пункт, — поглядишь в амбразуру, увидишь — землянка у немцев дымит, ну сразу и потушишь землянку, или снайпер их вылезет — снимешь снайпера, или слушаешь вечером, как их тяжелый снаряд, будто поросенок, визжит, — досадно им, крейсер такой стоит у них перед глазами и ничего с ним не сделать... А мне от этого весело было всегда... Придется теперь просить начальство, чтоб новое назначение дали, скуки я терпеть не могу.

И смеется исхудалый, усталый Кондратенко, глаза его искрятся, он внешне спокоен, и не скажешь, что сто тысяч бомб, снарядов и мин, выпущенных по крепости, как-то отразились на его нервах!

Начальник гарнизона гвардии капитан Александр Васильевич Стройлов и заместитель его по политчасти капитан А. Я. Антонов скачут так же, как и Г. Я. Кондратенко. Тишина давно уже стала им непривычной. Да и за ладожской трассой больше не надобно наблюдать — целый год крепость охраняла ее, целый год была надежным часовым Дороги жизни блокированного немцами Ленинграда. Больше эту трассу не обстреляет никто, да и сама она, став ненужной, войдет в историю как одна из славных тропинок, по которой наша Родина шла к блестящей победе...

Мне, к сожалению, не довелось повидаться с одним из самых прославленных героев крепости командиром орудия Константином Шкляром, — в этот час он был где-то в Шлиссельбурге, исследуя там остатки тех целей — немецких дзотов, орудий, блиндажей, по которым безошибочно многие месяцы бил из крепости.

Украинец с Черниговщины, в далеком уже прошлом — столяр, он стал ладожским краснофлотцем за год до войны и с первых дней обороны Орешка воюет в составе его гарнизона. Он первым в крепости стал бить по немцам из станкового пулемета. Он много раз отправлялся на шлюпке к правому берегу Невы: доставлял туда раненых, а оттуда — продовольствие и боеприпасы. Это именно он шесть раз поднимал над крепостью сбиваемый немцами красный флаг. Стал командиром орудия, обучил многих краснофлотцев стрелять из своей пушки по-снайперски. Артиллеристы гарнизона называли его именем переправу на правый берег Невы.¹

Я ушел из крепости, взволнованный всем, что я в ней увидел. И на прощание мне со смехом показали кошку Машку, дважды раненную и выздоровевшую, любимицу всего гарнизона, которую младший лейтенант Кондратенко обнаружил в крепости, придя сюда 9 сентября 1941 года. Все «население» крепости в тот день состояло из кошки с котом да лошади, которую удалось увести только после того, как Нева покрылась льдом.

Я ушел из крепости в город Шлиссельбург, освобожденный от немцев, и решил сохранить тот найденный мною в траншее ризунок.

На льду канала еще лежат замороженные трупы гитлеровцев. Их много, они нагромождены один на другой. Желтая кожа лиц кажется сделанной из картона. Рваные раны, скрюченные пальцы, изорванная окровавленная одежда, красно-черные повязки эсэсовцев на руках, соломенные эрзац-валенки и обмотки на вспухших ногах — вот зрелище, венчающее черные дела 170-й немецкой пехотной дивизии, предавшей огню и мечу Одессу,

---

¹ Недавно, готовя эту книгу к печати, я узнал, что в настоящее время Константин Леонтьевич Шкляр, вернувшись по зову сердца в Петрокрепость (Шлиссельбург) с родной Украины, работает бригадиром строительной бригады, восстанавливающей ту башню крепости, где во время обороны ее он жил со своими товарищами и откуда не раз вел огонь по гитлеровцам.

Севастополь и Керчь, расстрелявшей и замучившей изуверскими пытками десятки тысяч ни в чем не повинных мирных советских людей.

Пришел день возмездия! 170-й гитлеровской дивизии больше нет! В Шлиссельбурге и на каналах — ни одного живого немца! Пленные под конвоем девушек-автоматчиц отправлены в Ленинград.

А в тихих разбитых домиках вдоль канала снова поселились советские люди.

...В 00 часов 57 минут, в ночь с 18 на 19 января, через несколько минут после того как строгая тайна о боях по прорыву блокады была командованием снята и в эфир было передано торжествующее сообщение Совинформбюро, мне удалось первому из корреспондентов центральной печати передать по военному телеграфу в Москву обзорную корреспонденцию о прорыве. В те радостные ночные часы счастливые ленинградцы не спали. Поздравляя друг друга, обнимаясь в домах и на улицах, они ликovali. В воинских частях происходили митинги. А немец тупо и яростно обстреливал город, но никто на этот обстрел внимания не обращал...

ПЕРВЫЙ ПРЯМОЙ

(Ленинград — Шлиссельбург — Ленинград. 4—7 февраля 1943 г.)

4 февраля. Ленинград

Завтра я еду встречать прямой поезд с Большой земли.

Последний пассажирский поезд вышел из Ленинграда 26 августа 1941 года. Железнодорожная связь города с внешним миром оборвалась, когда немцы захватили Мгу.

В марте 1942 года, в самый тяжкий период блокады, в городе Волхове мне встретился человек, о котором я сегодня не могу не думать. Не знаю, жив он или нет. Если жив, встречу с ним завтра, потому что он из тех людей, которые умеют держать слово. Этот человек — Вольдемар Матвеевич Виролайнен — обещал мне, что поведет в Ленинград первый прямой поезд, едва наши войска прорвут блокаду. А я пообещал встретить его в пути.

И вот я сегодня узнал: первый поезд идет в Ленинград!

По какой же дороге?

Ведь Кировская и Октябрьская дороги идут через Мгу, а Мга и сейчас у немцев... Может быть, нам удалось проложить дорогу по льду Ладожского озера? Да, такая дорога прокладывалась, но... ее строительство не было доведено до конца. Впрочем, об этом надо сказать подробнее...

Перед нынешней зимой казалось, что задолго до конца года снова начнет действовать ледовая трасса. Но автомобильная трасса начала действовать только совсем недавно, потому что эта зима оказалась неожиданно мягкой. У берегов ледок был тонок и слаб, в середине озера его вовсе не обнаруживалось, а позже, когда Ладога замерзла, огромные ледяные поля изламывались штормами. Перевозки никак не удавалось наладить. Даже перед самым прорывом блокады наряду с автомашинами от берега к берегу еще пробивались тралящики. Но и пароходы, и машины в зыбком ледяном месиве испытывали невероятные трудности и подвергались большой опасности. Снабжение Ленинграда оказалось под угрозой.

Командование нашло необычайное, дерзкое решение: чтобы не зависеть от состояния льда, обусловливающего срок открытия ледовой трассы, проложить над Ладожским озером тридцатикилометровую эстакаду на сваях и провести по ней линию железной дороги. Это значило: прежде всего надо под самым носом у немцев вбить в дно Ладожского озера тридцать две тысячи свай...

Необычайное строительство было поручено Управлению № 400.

Начальником строительства назначили военного железнодорожника Ивана Григорьевича Зубкова.

Западным направлением (работами, которые велись со стороны Ленинграда) руководил генерал-майор В. Е. Матипев; восточным — полковник Г. П. Дебольский.

Батальоны строителей вышли на лед. Подвезли электрокопры, лебедки, сваи, горючее для машин; поставили на льду палатки, полевые кухни; создали склады с продовольствием и теплой одеждой, медпункты, столовые; протянули телефонную и телеграфную связь.

Пурга, свирепые ветры, внезапные подвижки льда, разрывы снарядов, пулеметные очереди с пикирующих самолетов, бомбежки — ничто не могло помешать работам.

На дне озера трудились водолазы ЭПРОНа. В семи местах трасса пересекла кабели высокого напряжения, но водолазы уберегли их от повреждений.

Ладожское дно обильно усеяно валунами. Сваи садились на валуны. Водолазы оттаскивали эти огромные камни в сторону. В створе первоначально намеченной трассы обнаружилась потопленная баржа. Оттащить или уничтожить ее было немислимо. Трассу пришлось вести в обход.

Некоторые водолазы работали на дне, когда над ними, пробивая лед, разрывались снаряды. Один из водолазов наткнулся на ушедшую под лед грузовую машину. Она стояла на дне невредимая. Позади над ней, затянутые тонким ледком, виднелись три круглые полыньи, образованные разрывами авиационных бомб. В кабине грузовика сидел шофер, вцепившийся левой рукой в ручку дверцы, а правой прижавший к себе закутанного в шерстяной платок ребенка. На руках у женщины, сидевшей в кабине рядом, лежала девочка лет восьми в туго застегнутой шубке. А чуть дальше на дне, вверх колесами лежала на мешках с раскисшей мукой другая — встречная — автомашина. Как мечтала эта женщина, эвакуируясь из Ленинграда, о горстке муки для своих детей!

В середине января начался сдвиг ледяных полей в направлении на север-восток. Забитые сваи оказались наклоненными. Вокруг каждой пришлось окалывать лед, делать новую лунку, а потом тросами и лебедками выпрямлять.

Через две недели работы двенадцать тысяч свай для широкой железной дороги встали накрепко. Первые два с поло-

виной километра были готовы, на четырнадцать километрах электрокопры вели круглосуточную работу. Военный совет торопил строителей. 17 января 1943 года было подписано обращение Военного совета, призывавшее закончить строительство к 30 января.

Обращение было опубликовано на следующий день в газете «Городу Ленина» — боевом листке Управления строительства № 400.

Но именно в этот день — 18 января — наши войска прорвали блокаду и освободили Шлиссельбург, распахнув окно во внешний мир. И... надобность в завершении уже почти законченной стройки отпала.

Теперь поезда можно было пустить по суше, если перекинуть в Шлиссельбурге мост через Неву.

В ночь на 19 января работы на Ладоге прекратились. Перед рассветом началось новое строительство на освобожденной от гитлеровцев земле. Тысячи строителей двинулись к Шлиссельбургу.

О том, что здесь сказано, я узнал две недели назад, когда был в Шлиссельбурге в дни прорыва блокады.

А о том, что произошло дальше, я узнаю завтра, на месте работ, которые ныне закончены.

5 февраля. Морозовка

Выехал из Ленинграда вместе с военным корреспондентом «Комсомольской правды» Р. Июльским на его «эмке». Столь удобный способ сообщения для меня большая редкость. Сколько длится война, я все «голосую» да хожу по фронтовым дорогам пешком.

Июльский — спутник энергичный, заботливый и приятный. Всю дорогу мы проговорили о фронтовых делах и не заметили, как приехали в Морозовку.

Поселок Морозовка — ряд разваленных снарядами деревянных домов. Вокруг лес, вырубленный и побитый у берега Невы.

Первое, на что мы обратили внимание, — большой, плоский и узкий, вписанный в берега по кривой дугообразной линии железнодорожный мост. Он построен на сваях, вбитых сквозь лед в Неву, выглядит очень надежным, хотя устоит только до первого ледохода, если до того времени удастся сберечь его от термитных немецких снарядов и авиационных бомб. Длина моста — тысяча триста метров, а создан он в срок, поразительный даже для военного времени — за девять дней!

Весь берег изрезан ходами сообщения, таит в себе блиндажи, землянки, дзоты и капониры. Теперь он — огромная площадка только что законченного строительства. Всюду автомашины, тракторы, копры, штабеля бревен и досок, всякие сарайчики, шалаши и палатки строителей.

Поселок Морозовка — кипучий табор Управления строительства № 400. Он часто обстреливается немецкой артиллерией.

Мы подъехали к развалинам железнодорожной станции. Ее заменяет стоящий на рельсах товарный вагон, забитый людьми так, что в нем можно только стоять.

Тут же и маленький паровоз. Он пофыркивает паром, весь в сосульках. Военный машинист, обтирающий паклей его кулисы, может по справедливости гордиться своей старенькой машиной.

Этому машинисту Александру Михайлову, его помощнику Никите Маренкову и кочегару Михаилу Юркову доверено было почетное право производить обкатку моста.

В январе, приняв паровоз на станции Борисова Грива, Михайлов обкатывал новые пирсы ладожской свайно-ледовой железной дороги. Затем, в одну из ночей, делал первую обкатку участка дороги, подав по удивительному сооружению бревна на километр от берега. А три дня назад, 2 февраля, когда было закончено строительство моста, он под внимательными взглядами строителей медленно — медленней пешехода! — двинулся через Неву. Паровоз тянул прицепленные к его тендеру платформы. В составе было тридцать две оси.

Мост потрескивал, сотни зрителей и сам Михайлов, не отрывавший левой руки от реверса, следили: а не даст ли он осадку? А не выскочат ли костыли? А не перекосятся ли под колесами путь? Если произойдет перекося пути, вагоны сойдут с рельсов и рухнут в Неву.

Михайлов услышал «ура», когда хвост его состава сполз с моста на левый берег.

Сегодня, 5 февраля, две строительные бригады — западного и восточного направлений — встретились, сомкнули проложенный ими железнодорожный путь и пропустили в Шлиссельбург первый состав с танками КВ. Несколько платформ с танками только что, незадолго до нашего приезда, перевезены по мосту в Морозовку. Танки стоят тут же, на станции, укрытые брезентом.

Осмотревшись, мы отправились в штаб строительства.

Заместитель по политчасти руководителя строительных работ западного направления подполковник Ковалев оказался человеком гостеприимным, встретил нас приветливо и вместе с майором инженерных войск Новиковым рассказал много интересного.

— Получив в ночь на девятнадцатое января, — говорил Ковалев, — приказ снять людей с Ладоги, мы подумали: а как к нему отнесутся люди, отдавшие всю душу строительству? Работают не уходя со льда, презирая бомбежки и обстрелы, уносящие их друзей и товарищей. Каждый ощущает реальность близкого окончания стройки... И вдруг все начать сызнова!.. Начинаем объяснять людям, но слышим только одно: «А вы не беспокойтесь! Мы прекрасно все понимаем. Только бы наша армия наступала! А мы любую задачу выполним!..»

Нам, девятой железнодорожной бригаде и приданным ей частям, было приказано построить мост, сделать к нему подходы, соединить мост железнодорожной линией со станцией Шлиссельбург, построить новый путь от Невы до Назии — всего тридцать три километра. Бригаде восточного направления предстояло работать с другой стороны Назии — от Волховстроя.

Но как строить мост? Проекта нет, берега — сплошные минные поля, один берег выше другого, мост должен быть без быков, без ферм. Грунты и льды Невы не исследованы, течение реки быстрее...

Еще до начала работ всем было понятно, что, строя мост на сваях, тем более вбитых близко одна к другой, нельзя рассчитывать на устойчивость конструкции в период ледохода. Это значило, что мост будет временным. Строители решили, что сразу же после того как через Неву будут пропущены первые поезда, надо приступать к строительству второго, более прочного моста.

Начальник управления И. Г. Зубков собрал у себя специалистов-мостовиков. Специалистов было тридцать два человека, они спорили три часа, но ни к какому заключению не пришли. Голоса разделились поровну: шестнадцать человек стояли за ряжевые опоры, шестнадцать — за свайные. Зубков объявил перерыв: «Пообедайте, подумайте, потом соберемся снова!»

На мой вопрос, как же в итоге решилось дело, мне ответили:

— Решилось хитро, благодаря неожиданной идее совсем не специалиста, а человека, который никогда мостов не строил.

— Кто же он? — спросил я.

— Есть такой человек... Вы не знаете его. Железнодорожник Виrolайнен.

— Вольдемар Матвеевич? — удивился я.

— Да, он... — в свою очередь удивился мой собеседник.

Виrolайнен, посетив Зубкова в момент, когда совещание было прервано, робко высказал мысль: «А может быть, ряжи выдержат напор льда, если внутрь забить сваи, а пространство вокруг каждой сваи заполнить камнем?»

Услышав эти слова, Зубков несколько секунд смотрел на Виrolайнена с недоумением, затем разразился хохотом. Виrolайнен смутился, решив, что предложил какую-то нелепость.

Зубков вызвал к себе срочно специалистов и объявил им, удивленным такой поспешностью:

— Двадцать лет строил я мосты, и у каждого из вас, товарищи, немалый стаж. Но никто из нас не строил мостов с комбинированными опорами... А вот зашел ко мне человек посторонний и внес такое предложение, за которое, думаю, будут голосовать все.

Зубков оказался прав: все единодушно поддержали идею Виrolайнена.

Первый мост решено было строить на сваях, а второй на свайно-ряжевых опорах¹.

19 января на рассвете на заминированные берега Невы против Морозовки и Шлиссельбурга вышли роты саперов. По воронкам от взорванных мин и по старым воронкам от бомб и снарядов двинулись тракторы и автомашины, подвозя лесоматериал и копры для строителей.

Строительство моста началось 24 января.

Толовыми щапками во льду были пробиты сотни лунок. Бойцы копровых команд вставляли в лунки двадцатиметровые сваи. Под ударами копровых «баб» сваи пошли в грунт, но грунты на невском дне оказались разными. Там, где они были рыхлыми, свая уходила метра на три, прежде чем достичь твердого основания. Разными оказались и глубины. На рыхлых грунтах и на больших глубинах сваи пришлось наращивать.

Работа эта была не только тяжелой, но и смертельно опасной: немцы вели артиллерийский обстрел.

Наша артиллерия, прикрывая строительство, отвечала методическим огнем. Все дни шла артиллерийская дуэль.

Позавчера вражеский снаряд убил наповал бригадира женской бригады ленинградку Анну Васильевну Москаленко. Опомнившись от испуга, глядя на окровавленное тело подруги, работница Новикова тихо сказала:

— Буду я теперь за нее!

И бригада не прервала работу. В тот же день была убита и Новикова. Ее заменила третья женщина. Бригада хмуро, молча, но столь же напряженно продолжала работать.

За девять суток было забито три тысячи свай. И почти все эти сваи пришлось наращивать. Многие люди жили на льду, не уходя на берег. В мирное время на копер полагалось забивать двадцать свай за рабочий день. Здесь в одни из суток восемь копров забивали семьсот свай!

Дело сделано. Мост в тысячу триста метров длиной построен!

— Вот вам пример для сравнения, — сказал Ковалев. — В тысяча девятьсот тридцать третьем году на Украине один наш полк первого июля начал строить мост длиной в шестьсот десять метров. Мы пустили по мосту войска пятнадцатого июля. А здесь построен мост вдвое длиннее за десять дней.

---

¹ Строительство второго моста началось дней через десять после окончания постройки первого. Второй мост — высокий и уже не дугообразный, а пересекавший Неву под прямым углом, — был построен к 25 февраля 1943 года, то есть за две недели. Этот мост действовал в течение всего 1943-го и в начале 1944 года. Он был разобран только после окончательного снятия блокады и восстановления железнодорожных путей через Мгу. Понадобилось немало усилий и аммонала, чтобы удалить из реки комбинированные свайно-ряжевые опоры, прекрасно выдержавшие все ледоходы.

В вагоне душно. С группой командиров я ввалился в этот вагон ночью, чтобы присутствовать при подходе первого поезда и участвовать в митинге, для которого уже приготовлена трибуна.

Поезд вчера вышел со станции Волховстрой. Мы ждали всю ночь, возбужденные и не сомкнувшие глаз.

Один конец вагона отделен невысокой перегородочкой, там телефон.

Только что к мосту ходил паровоз — отвести в сторону состав с бревнами, вытянувшийся вдоль берега. Я доехал на паровозе до предмостной эстакады, прошелся по ней, шагая по шпалам. По всей верхней перекладине надпись: «Путь свободен! Привет героическому Ленинграду!»

Разглядывая противоположный берег, я увидел паровоз, выходящий из пространства между горой Преображенской и ситценабивной фабрикой. Именно оттуда недавно стреляли по Морозовке немецкие минометы...

Паровоз трудился, густо дымя, вытягивая десяток платформ с танками КВ на изогнувшийся дугой мост...

Паровоз обтянут красным полотнищем, над ним плакат:

«Пламенный привет героическим трудящимся города Ленина!»

На площадках — машущие шапками люди.

Струи пара... И на всю ширь побережья люди от чистой души кричат: «Ура!»

Поезд останавливается. Гляжу на часы: 12 часов 10 минут.

Митинг длится десять минут. И пока идет митинг, я у паровоза дружески здороваюсь с Виролайненом:

— Узнаете?

— Товарищ Лукницкий! Как договорились, значит?

— Конечно!

Мы крепко пожали друг другу руки.

Виролайнен сказал, что от разъезда Левый берег до Шлисельбурга за реверсом паровоза стоял он сам и что поведет поезд дальше, до Ленинграда.

Больше ни о чем тут говорить не было возможности. Не успели мы опомниться, как уже оказались Виролайнен и Зубков на паровозе, а я — вместе с другими пассажирами — в одном из двух классных вагонов.

Трибуна поплыла назад. Набирая скорость, поезд проходит Морозовку. За окнами — весь в снегу густой лес.

Мы движемся в Ленинград, не останавливаясь на мелких станциях: в окно видим только приветствующих поезд людей.

Станция Ржевка. Стоим. Выхожу на платформу. Ко мне подходит Виролайнен, чем-то встревоженный. Прогуливаемся. Он объясняет мне, что замерзла труба водоподачи от цистерны к тендеру, только что ее отогрели.

— Какой цистерны? — спрашиваю я. — При чем здесь цистерна? Ведь вода же поступает из тендера?

— Понимаете, — начинает рассказывать Виролайнен, — в Волховстрое мы не были уверены в том, что на станциях правобережья Невы система водоподачи действует. Поэтому решили взять с собой добавочный запас воды, прицепили к тендеру цистерну... Сейчас веду я паровоз, не доезжаем километров двух до Ржевки, вдруг отказывают оба инжектора, стало быть, воды в тендере нет. Куда же она девалась? Остановливать поезд на перегоне? Ни в коем случае! Профессиональная гордость машиниста не позволяет! Принимаю решение довести поезд до станции, а здесь разобраться. Едва дотянул до Ржевки, гляжу на водомерное стекло котла: вода в нижней гайке. Вот мы тут и забегали! Приказываю прекратить расход пара из котла: остановить паровозный насос, выключить прогревы, помощника машиниста посылаю проверить наличие воды в цистерне. Он быстро докладывает: «Цистерна полна воды». И для меня всё сразу ясно. Мороз-то ночью градусов двадцать был! Пока мы стояли на разъезде Левый берег, вода не расходовалась... рукав между тендером и цистерной... рукав между тендером... рукав...

Я в недоумении глянул на побледневшего Виролайнена. Он остановился, прижав руку к сердцу, лицо исказила боль, хватает воздух ртом. Я едва успел поддержать его — грузный, тяжелый, он упал прямо мне на руки...

К нам подоспели встревоженные люди. Поддерживаем Виролайнена. Подбегает медсестра, поит его водой. Укладываем его в хвостовой вагон. Он очнулся, очень бледен...

Это — сердечный приступ, вызванный переутомлением.

Пока поезд стоял в Ржевке, выяснилось: торжественная встреча в Ленинграде сегодня отменена. Прибытия поезда ждали в 9 часов 20 минут утра, а сейчас уже вторая половина дня, скоро стемнеет. Люди нервничали, устали, промерзли... Встреча переносится на завтрашнее утро.¹

7 февраля. Ленинград

Мягкое февральское утро, лениво вьются пушинки снега. Простреленный снарядами во многих местах, Финляндский вокзал празднично декорирован. Красные флаги, ленты с лозунгами, портреты. В огромной толпе встречающих — представители партийных организаций, командования Ленинградского фронта, делегации с заводов и фабрик. Поодаль, на запасных путях, стоит товарный состав, ждет отправления.

¹ Поездной состав ждал утра в Новой Деревне, а паровоз с двумя классными вагонами — на запасных путях перед Финляндским вокзалом. Рано утром паровоз отправился за своим составом.

Все смолкают, когда на главном пути показывается долгожданный поезд. Он медленно приближается.

В 10 часов 09 минут паровоз разрывает красную ленту. Медные трубы оркестра извергают торжественный марш. Еще громче крики «ура».

Митинг открывает П. С. Попков. Глянув на пробитую снарядами крышу над дебаркадером, на поезд, на сгрудившихся вокруг трибуны людей, он предоставляет слово секретарю партбюро дено Волховстрой машинисту Серафиму Георгиевичу Титову.

Титов рассказывает о тех, кто победил в соревновании за право вести этот поезд: о машинисте Пироженко, главном кондукторе Кудряшове, вагонном мастере Богданове, славит Красную Армию, прорвавшую блокаду Ленинграда.

Затем начальник строительства новой железнодорожной линии и моста через Неву И. Г. Зубков рассказывает, как строители под огнем противника проложили тридцать три километра линии за четырнадцать дней.

За ним говорит женщина с изнуренным лишением блокады, но радостным лицом. Это Абабкова, текстильщица с фабрики «Работница»:

— Мой муж погиб в сорок втором году. Я одинока, но моя фабрика и мой город — со мной. Когда прорвали блокаду, мы в ту ночь не могли уснуть. Та ночь была для нас необыкновенной...

Слышу голос с трибуны:

— Сегодня открывается постоянное и регулярное сообщение Ленинграда со страной!

На часах — ровно полдень. Митинг заканчивается рапортом начальника дороги:

— Поезд номер семьсот девятнадцать, рейсом Ленинград — Волховстрой, пятьдесят осей, восемьсот тонн, ведомый машинистом Федоровым, к отправлению в Челябинск готов!

У КРУГЛОЙ РОЩИ

Путь через «коридор смерти». Блиндаж Арсеньева. Напряжение ожидания. Осмотр переднего края. Полковой быт. Бои за Круглую рощу. Бой 10 мая 1943 года. Последние сутки в полку

(Черная речка у Гонтовой Липки. 1074-й полк 314-й сд. 2-я ударная армия. 23—29 мая 1943 г.)

Блокада была прорвана, но не снята. Пробитый нами семикилометровой ширины коридор между Ладожским озером и Синявинскими высотами хорошо просматривался фашистами с высоты Синявина. Столь же хорошо просматривались ими все наши позиции и город Шлиссельбург с высокого, не взятого нами массива 8-й ГЭС. Закрепившись на этой ГЭС, в двух соседствующих с нею городках, в рощах юго-восточнее их и на Синявинских высотах, немцы неистово обстреливали Шлиссельбург, все наши позиции и, особенно, коридор между Волховским и Ленинградским фронтами, по которому теперь на виду у противника двигались поезда, обеспечивающие всё снабжение Ленинграда и Ленинградского фронта. Поэтому с целью расширить полосу прорыва наши войска без всякой передышки продолжали наступательные бои, перемалывая новые резервы гитлеровцев.

Эти бои продолжались до 12 февраля, а 13 февраля наши войска двумя встречными ударами — от Синявинских болот к Неве и от Невы к Синявинским болотам — начали выравнивать линию фронта. 15 февраля нами были взяты 1-й и 2-й Городки на Неве, 20-го — северная половина Арбузова. Тратить силы на штурм 8-й ГЭС не имело смысла, она была блокирована и взята немного позже. Синявинские высоты в этот раз взять нам не удалось, но линия фронта была выровнена. Через четыре дня наше наступление на Синявинском направлении было прекращено. Бои, перенесенные в предместьях Колпина, вскоре привели к взятию нами Красного Бора, а затем, с началом распутицы, наши войска на всем фронте перешли к обороне.

Но немцы всё еще надеялись крепким ударом из района Синявина вновь замкнуть кольцо блокады. Накапливая силы в лесах южнее Синявина и Круглой рощи, они скрытно готовились к наступлению. Оно могло начаться тогда, когда стает снег и почва просохнет. Войска Волховского фронта разгадали намерения гит-

леровцев и точно определили направление возможного удара. Эта глава посвящена рассказу о том, как все попытки врага вновь замкнуть кольцо блокады были сорваны...

ПУТЬ ЧЕРЕЗ «КОРИДОР СМЕРТИ»

23 мая. Деревня Петровщино

Странно, очень странно вспоминать мечты и чаяния прошлого года, когда для советского человека, находившегося здесь, впереди был не путь в Ленинград, а немецкий фронт, внешний обвод кольца блокады. До боли в душе хотелось ее прорвать! Ленинград казался отсюда безмерно далеким, недостижимым.

А сегодня?

От Финляндского вокзала до Морозовки, против Шлиссельбурга, поезд шел два часа двадцать пять минут. Пассажиров встречали пограничники, проверяли документы.

Затем мимо груды развалин, в которые минувшей зимой превратилась высокая церковь Морозовки, я прошел берегом Невы к понтонному мосту, вглядываясь в соседний железнодорожный мост.

Пересекая Неву, гляжу на искрошенные стены гордой крепости Орешек, не подпустившей к себе врага за все шестнадцать месяцев блокады. Морские артиллеристы капитана Строилова, составлявшие легендарный гарнизон крепости, теперь воюют уже не здесь.

На мосту почти возле каждой понтонной лодки дежурят красноармейцы и кое-где командиры. Диспетчеры направляют поток машин попеременно то в одну, то в другую сторону. На левом берегу Невы — блиндаж КПП. Поперек узкого, как щель, коридора — укрытия от обстрелов, — ведущего в этот блиндаж, сочится вода. Эта хорошая ключевая вода для питья прикрыта куском фанеры.

Перед щелью девушка-регулировщица. Пропуская машины, она четко взмахивает желтым и красным флажками. Сапоги у девушки блестят. Сапожная щетка лежит тут же, на бревнышке.

Шлиссельбург — город, простреливаемый насквозь. Противник постоянно держит под огнем перекресток шоссе и железной дороги, а особенно — оба моста.

— Наверное, в городе еще есть корректировщики! — проверив мои документы, говорит пограничник на КПП. — Немец зря не бьет, бьет туда, куда ему нужно.

Население Шлиссельбурга, то, что осталось после оккупации, полностью переведено в другой район, но улицы полны новыми людьми, много женщин и даже детей. Вздвигая колоннами, распевая песни, шагают девушки в военной форме, с пилами,

лопатами. Это части саперных, инженерных и железнодорожных войск.

Я еду вдоль Старо-Ладожского канала сначала на грузовике с битым кирпичом, потом на попутном автофургоне, направляющемся через Назию в деревню Петровщино.

Полоса отвоеванной у немцев земли между берегом Ладоги и Синявином — шириной не более шести километров. С Синявинских высот, откуда бьет немецкая артиллерия, всё это плоское пространство хорошо просматривается простым глазом.

Под бровкой канала совсем недавно проведена железнодорожная линия. По ней теперь в ночное время ходят поезда, обеспечивающие снабжение фронта и Ленинграда. С неделю назад эта линия заменила собой непрерывно обстреливаемую «старую» железную дорогу, которая пересекает Рабочие поселки № 1 и № 4. Новая дорога тоже обстреливается, но она всё-таки километра на два дальше от немцев. Железнодорожники прозвали путь от Шлиссельбурга до Назии «коридором смерти».

Между железными дорогами проложена автомобильная. От Рабочего поселка № 1 она идет то по песчаному, как в Каракумах, грунту, то по настилу из бревен, окаймленному топким болотом. Лунки от авиабомб полны черной воды. Кое-где стлани раздваиваются, образуя разъезды. На них даже поставлены скамьи со спинками, словно на даче. А с южной стороны вдоль всей дороги — высокий жердевой забор с ветками, чтобы немцы не могли видеть движущийся транспорт.

Там, где позволяет песчаная бровка, рядом с дорогой вырыты укрытия для автомашин и землянки. Всюду работают красноармейцы, веселые, спокойные, живущие тут же, в землянке, как дома. Они мостят дорогу размельченным кирпичом, привозимым на грузовиках из Рабочего поселка № 5 и Шлиссельбурга.

Иногда кое-где могильные памятники — деревянные острые пирамидки с красными звездами на вершинах.

Весь путь от Ленинграда до Петровщино потребовал от меня меньше четырех с половиной часов!

В Петровщино, в редакции армейской газеты «Отважный воин», я встретился с поэтом Александром Прокофьевым, которому Приладожье — край родной, и с писателем П. Никитичем. С ними вместе я провел день 24 мая на передовых позициях, в минометной батарее 320-го полка 11-й стрелковой дивизии, подробно знакомясь с боевой работой прославленного расчета минометчиков братьев Шумовых¹. Прокофьев с журналистами газеты пошел назад, а я с Никитичем утром на следующий день направился пешком, километров за двадцать, в 1074-й полк 314-й стрелковой дивизии, — ко всем известной на фронте Круглой роще...

---

¹ О минометчиках братьях Шумовых А. Прокофьев вскоре написал свою поэму «Россия», за которую ему была присуждена Государственная премия.

25 мая. У Гонтовой Липки

Печальная, открытая во все стороны местность. Передвигаться здесь полагается только углубившись в траншеи: всякий, кто движется по поверхности земли, навлекает на себя огонь немцев. По фронту впереди видны позиции врага — мертвый, изглоданный лес, искромсанные стволы без листьев. Туда, вперед, к Черной речке, за которой немцы и этот превращенный в страшный частокол лес, вся обороняемая нами местность чуть-чуть накрепче нас разглядывать. От КП 1074-го стрелкового полка до них — не больше километра. Вокруг блиндажа КП — вправо, влево, вперед, назад — «зона пустыни», вся сплошь в воронках, ямах, траншеях, вывороченных обстрелами, и торчащих черными точками пнях. Еще осенью прошлого года здесь была густая вековечная лесная чаща, от нее на много километров не осталось ни одного дерева. Если в бинокль и увидишь несколько, то это искусственные деревья! Маленькая рожица виднеется только в трех километрах позади КП — там, где расположены тылы полка и откуда я с корреспондентом Петром Никитичем сегодня после двадцати километров пути пешком пришел сюда по траншее.

Повсюду бугорки блиндажей. Они соединены между собой узкими, чуть выше человеческого роста, зигзагообразными траншеями. Но от немецких пулеметов люди каждый день гибнут даже в траншеях.

Вокруг КП в перепаханной, изрытой вражеским металлом земле валяются обрывки амуниции, лоскутья, каски, обломки оружия.

В блиндаже, где я нахожусь сейчас (это блиндаж командира полка Арсеньева), окон нет, круглые сутки в нем чадит керосиновая лампа. Блиндаж — низкий, в рост не выпрямиться. Глубже здесь рыть нельзя: проступает болотная вода. Одни из трех нар предоставлены в распоряжение мое и моего спутника. Эти нары четвертый день пустуют, на них спал начальник штаба полка — старый кадровый, прослуживший в армии с 1918 года, командир — майор Иван Борисович Чемоданов. Четыре дня назад он был убит у своего блиндажа немецкой пулей, попавшей в сонную артерию.

При входе в блиндаж — маленькая печурка, на ней греют еду. Угол занавешен плащ-палаткой, там — «комнатка» радики, в которой живут радист и два ординарца: замполита полка — сержант Валентин Тимофеев и командира полка — красноармеец, девушка, Берта Савинова.

Что же привело меня сюда, в этот 1074-й стрелковый полк 314-й стрелковой дивизии, занимающий ответственный участок обороны здесь, у болотистой Черной речки?

Прежде всего стремление познакомиться с нынешней обстановкой на переднем крае стрелкового, одного из лучших на Волховском фронте, полка. И, конечно, желание встретиться с командиром полка подполковником Николаем Георгиевичем Арсеньевым, награжденным тремя боевыми орденами Красного Знамени и орденом Отечественной войны I степени. Об умении воевать и личной храбрости Арсеньева мне рассказали знающие люди в тылу, но судить понаслышке о боевых качествах офицеров и обстановке, в которой они воюют, негоже. Я давно убедился, что доверять могу только своим собственным впечатлениям, а если уж писать о ком-либо корреспонденцию, то надо изучить человека не при случайной встрече с ним, скажем, во втором эшелоне, а на месте — там, где он ежеминутно рискует своей жизнью.

Черная речка у Гонтовой Липки, Круглая роца — названия, известные всему фронту так же, как Мясной Бор, как устье Ижоры, как Невский «пяточок» и Колпинский ров... Это места кровопролитнейших боев, где наши и гитлеровские части из месяца в месяц дерутся между собой за ничтожный лоскут земли, вгоняя в него десятки тысяч тонн металла.

Вот и здесь на лоскуток болотной топи, на «язычок» искрошенной Круглой роци шириной в какую-нибудь сотню метров легло столько изорванного металла, что он нагромоздился бы исполинской горой, если бы не погружался в болотную жижу. Даже пни превратились в полужидкую труху, оседающую на дно наполненных черной водой воронок.

В мирное время резвая речушка, причудливо извиваясь, текла в девственном стройном лесу, то выбегая на болотистые прогалины, то огибая пологие бугры, на которых, ютясь под ветвями деревьев, стояли крепко сложенные избы маленьких деревень. Лес простирался на десятки километров округи, и только опытные охотники знали, по каким тропинкам нужно идти, чтобы не заблудиться. Явись сюда ныне такой старожил-охотник, он не нашел бы даже следа тех, с детства знакомых ему, деревень... А сколько полков погребено теперь у искромсанных берегов напоенной кровью речушки!

Именно здесь, на стыке двух наших армий — 8-й и 2-й ударной, немцы упрямо пытались прорвать оборону нашего фронта, полагая, что на таком гиблом болотистом месте мы не можем создать крепких оборонительных рубежей. Если бы прорыв немцам удался, то, развивая успех, они вновь замкнули бы кольцо блокады Ленинграда, потому что вырвались бы к берегу Ладоги и разъединили сомкнувшиеся в январе наши Волховский и Ленинградский фронты. Немцы правы в одном: здесь, у Черной речки, у Круглой роци, надежные оборонительные сооружения построить немисливо: сколько бы ни класть бетона в болото, он тут же утонет. Ни надолб, ни железобетонных дотов, ни мощных земляных валов, ни глубоких противотанковых рвов — ничего не приемлют предательские болотные хляби.

Немцы стягивали и стягивали сюда свои подкрепления, напряжение на этом участке росло день ото дня, час от часу... Две недели назад, 10 мая, скрытно и тщательно подготовившись, рассчитывая на внезапность сильнейшего своего удара, немцы двинулись здесь — именно здесь — в наступление... Но 1074-й стрелковый полк Арсеньева, поддержанный нашей артиллерией, в тот же час, в ту же минуту дал такой отпор, что попытка немецкого наступления была сорвана, немцы подверглись полному разгрому, наши бойцы не отдали им ни одного метра земли.

Уже сегодня мне ясно одно: полк снова испытывает крайнее напряжение ожидания — на участке его обороны немцы готовятся к новой попытке наступления.

И пока, чтобы портить нам нервы, сыплют и сыплют сюда свои снаряды и мины. На всей окружающей блиндаж КП местности нет клочка земли, где расстояние между воронками превышало бы пять-шесть метров. Пока я пишу эти строки, снаряды ложатся то здесь, то там, а несколько сейчас попали в расположение КП, один разворотил угол соседнего блиндажа, но, к счастью, от этого арталета никто не пострадал. К налетам все здесь давно привычны и, вопреки приказаниям, ходят от блиндажа к блиндажу «для сокращения пути» не по траншеям, а по поверхности, не обращая внимания на свист пролетающих шальных или снайперских пуль.

Кстати, сам Арсеньев, да и несколько других старших офицеров, когда им нужно побывать в тылах полка, частенько ездят в открытую — верхом. Несколько коноводов, подававших им лошадей под пулеметным обстрелом, убиты. Жизнь рискуют, конечно, и сами офицеры. Но... по траншее верхом не поедешь, пешком идти далеко, в траншеях — вода, грязь, крысы; русский человек, как говорится, «рисковый» и верен своему «авось пронесет!»

Пришедших к нему корреспондентов Арсеньев встретил приветливо у порога своего блиндажа, повел нас к себе, угощал. У него высокий лоб, темно-голубые глаза, зачесанные назад коричневые мягкие волосы. Глаза — озорные, в них шаловливая, мальчишеская улыбочка. В лице — нервная усталость, никак Арсеньевым не выдаваемая, но мною уловимая. От носа мимо углов губ к подбородку тянутся две старящиеся Арсеньева складки, но они же изобличают и его волю. Он обладает огромным запасом прибауток, стишков, соленых выражений, которыми пользуется иногда даже с балаганством. Но это — внешняя манера держаться: в нем видна способность быстро переключаться на серьезный, деловой разговор, — и он сразу становится сосредоточенным, выдержанным. Мне понравилось, что Арсеньев не любит стандартных, заезженных фраз, подмечает их в речи окружающих и тогда поддевает своего собеседника. Кипучесть и заражающая веселость создают вокруг него атмосферу энергии и хорошее настроение. Он, безусловно, умен...

Таковы первые мои впечатления от Арсеньева, с которым я провел весь день.

Ночь на 26 мая

Проверяя по телефону положение в батальонах, ротах, на полковых батареях, принимая донесения и отдавая приказания, Арсеньев рассказывал мне свою биографию, я подробно записывал, и в мою запись внедрялись такие фразы: «„Корова“ чесанула один залп». Или: «Если кухне нельзя поддыхать, надо чтоб в термосах подносили третьему батальону!.. Ну, и что ж? Пусть за два-три километра!» Или: «Я уже тебе говорил: надо огневую систему на стыках усилить, плотность огня. С тебя спрашивать буду! Доложишь!..»

Биография Арсеньева несложна, он из крепкой рабочей питерской семьи, родился в 1906 году, его отец был «чернорабочим» — кочегаром на заводе «Новый Лесснер», умер, прожив только двадцать три года. Мать, Мария Сергеевна, ткачиха фабрики «Работница», умерла в 1941 году, брат Павел был фрезеровщиком на заводе имени Свердлова, второй брат — токарем на другом заводе, а сам Николай Георгиевич, начав свою рабочую жизнь мальчиком-посыльным на том же заводе «Новый Лесснер» (ныне завод имени К. Маркса), окончил Политехнический институт, стал инженером-металлургом, работал над сплавами на заводе «Красный выборжец». Арсеньев был секретарем ячейки комсомола, членом Выборгского райкома, а вступив в партию, вскоре стал секретарем партийной организации испытательной станции завода и объединенного с нею силового цеха, потом с курсов пропагандистов его призвали в армию...

Семья Арсеньева живет сейчас в Петропавловске. Он любит свою жену и особенно любит детей — дочку и сына. Показывая мне письма, в которых дочка называет его «папуленька», Арсеньев становится трогательно грустным, как все фронтовики, не ведающие, доведется ли им когда-нибудь увидеть своих жен и детей («Я безумно люблю детей!»)...

За строптивую насмешливость и неуважительность Арсеньева недолюбливала теща, и, говорит он, «такое положение было до конца финской войны; после финской войны (они думали, что я убит, — я был комиссаром лыжного батальона, пятьдесят суток в тылу у финнов, вернулся с орденом Красного Знамени) теща помирилась со мной».

Возвращаясь из финского тыла после многих боев, Арсеньев с группой лыжников триста метров полз под снегом при пятидесятиградусном морозе — наст сверху был прочен, а снег так глубокий, что лыжники пробрались в нем, как кроты, незамеченными.

«На шубнике моем, когда вышли, оказалось около ста двадцати дырок, осколочных и пулевых, — смеется Арсеньев. — Тридцатого марта я приехал в Ленинград, в отпуск, и пришел домой,

на Невский сто тридцать пять, звоню у дверей. Жена, Анна Михайловна, не открывает. «Кого вам нужно?» Я было подумал, что бросила меня, не хочет пускать, говорю: «То есть как кого? Ну, мне нужно тут одну гражданку!» — «Что с мужем? Что?» (Она думала, я погиб.) «Нет, — отвечаю, — мне нужно одну гражданку, в качестве мужа прислан!» Жена за нахала меня приняла, а дочка по голосу узнала да как закричит: «Папуленька!» Я опухший был, дистрофик. Жена увидела меня в коридоре, так и села!..»

Арсеньев с детства увлекался литературой, музыкой, был в литкружке «Кузница», писал стихи. Любил также волейбол, городки и, как болельщик футбола, не пропускал ни одного матча. Читал очень много и тут на фронте читает «Батюга», Драйзера, перечитывает «Войну и мир», изучает Суворова и военную литературу.

НАПРЯЖЕНИЕ ОЖИДАНИЯ

26 мая. 3 часа 40 минут утра. Блиндаж НП

Час назад, проговорив с Арсеньевым за полночь, мы легли с ним на одних нарах спать. Но в 3 часа ночи раздался писк аппарата. Арсеньеву сообщили: «Противник в 4.00 собирается кое-что предпринять!»

Арсеньев немедленно вызвал к проводу комбатов, приказал поднять все подразделения полка, приказал начальнику артиллерии Гребешечникову привести в боевую готовность артиллерию, предупредил резервы, проверил связь. Заместитель командира полка доложил, что противник начнет артподготовку с новых позиций. Арсеньев объявил:

— Будить всех!.. Будить замполита!

Замполит капитан Донских заспался, вставал неохотно, но затем начал действовать. Я с Арсеньевым, Никитич и адъютант Арсеньева лейтенант Борис Карт в шинелях, при оружии вышли из блиндажа КП и перешли в блиндаж наблюдательного пункта, где у стереотрубы находился командир батареи 120-миллиметровых минометов старший лейтенант Федор Лозбин. Этот блиндаж минометчиков Арсеньев использует и как свой командирский наблюдательный пункт.

Общее напряжение ожидания передалось и мне: смотрим на часы, сейчас около четырех утра, вот-вот обрушится на нас артподготовка, начнется немецкое наступление. Арсеньев, внешне спокойный, но ощутимо для меня нервничая, проверяет по телефону готовность полка к отпору. Вокруг абсолютная тишина — ниоткуда не доносится ни одного выстрела, молчат и наши и немецкие пушки, минометы, пулеметы, — ни один винтовочный выстрел не нарушает эту особенную, хрупкую, словно стеклянную, тишину. Между собой мы не разговариваем, Лозбин и Ар-

сеньев по очереди глядят в стереотрубу, но в этот предрассветный час что-либо разглядеть трудно!

Мне все же хочется спать — сегодня я прошел километров двадцать, а потом много работал, почти не спал.

4 часа

Всё тихо. Арсеньев, прижав к уху телефонную трубку, прислушивается. Глядит в амбразуру на передний край. Потом берет какие-то протянутые ему Лозбиным письма, читает их.

Смотрю в стереотрубу. Над полем, над немецким расположением — ключьями белесый туман. Какой дикий хаос разрушения повсюду!

5 часов 25 минут

Солнце! На немецких позициях все та же странная тишина. Нет обычного движения, все замерло. Арсеньев заснул было, сиди за столиком, а теперь лег и похрапывает. Я подробно рассмотрел немецкий передний край в стереотрубу. Блиндажи — по ту сторону Черной речки. На гребне перед ней — наши разбитые танки, дзоты, блиндажи. Дальше за Черной речкой, в изувеченном лесу возле Круглой рощи, видны разрушенные немецкие землянки, блиндажи.

Только что начали стрелять наши орудия — разрывы видны в лесу. В ответ несколько выстрелов немецких дальнобойных — снаряды перелетели через нас. Прошли два немецких истребителя, и опять все тихо. Весь хаос переднего края залит утренним солнцем.

Хочется спать. Здесь, в блиндаже, так тесно, что прилечь нельзя.

Арсеньева разбудили: вызвали к аппарату. Он сообщил, что всё тихо пока, лег и опять захрапел, но сразу же проснулся и теперь, сидя за столом, работает над картой.

9 часов 30 минут утра. КП полка

Немцы наступления не начали. На наблюдательном пункте я делал записи о Черной речке, потом вместе с Арсеньевым и другими вернулся на КП и спал два часа — с семи до девяти утра. Все тихо, подчеркнуто непонятно, угрожающе тихо, — нависшая тишина! День, обычный день, начался. В блиндаже — чистка сапог, бритье, мытье, жарятся на завтрак свежая рыба и оладьи, на столе — чай с клюквой...

Разговор о награждении медалями (надо написать приказ), о мерах по укреплению рубежей и системы огня, о рекогносцировке...

ОСМОТР ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

26 мая. 10 часов утра. КП полка

В блиндаж вызван полковой агитатор лейтенант Даниил Варфоломеевич Лях, он будет сопровождать меня и Никитича в обходе переднего края, куда мы сейчас отправляемся. Он украинец, родом из Черниговской области, 1905 года рождения, член партии с 1942 года. Представлен к ордену Красной Звезды.

Обход начнем с КП 2-го батальона — этот командный пункт находится в блиндаже, врытом в берег Черной речки. Я разглядывал его в стереотрубу с НП Федора Лозбина...

КП 2-го батальона. Блиндаж на переднем крае

Пришли сюда по траншее. Командир батальона — старший лейтенант Мухаметдинов Мухамед-Сали Сафиевич, казанский татарин; черный, худощавый, живые лукавые глаза; участвовал в отражении атаки 10 мая.

Течение Черной речки часто изменяют огромные воронки, разрушающие ее берега. Вода вливается в такую воронку, кружась, наполняет ее и переливается в следующую, всё дальше порой отклоняясь от своего старого русла. Траншея переднего края, обрамляющая берег, — единственная защита от немецких снарядов и пуль. Эта первая линия окопов проходит зигзагами, и в каждом углу зигзага построен блиндаж. В его амбразуру на немцев глядят вороненый глазок пулемета и пара человеческих глаз. Пулеметчики, снайперы, наблюдатели здесь спят по очереди, урывками, и амбразуры повернуты так, что вся местность впереди может быть в любую минуту накрыта перекрестным огнем. Каждый боец в траншее знает, что в нужную эту минуту на то же самое пространство впереди и на всю глубину вражеской обороны лягут тысячи снарядов и мин, посланных сюда нашими артиллеристами по первому вызову огня.

Боевое охранение. Ячейка с амбразурой

Ниша НП с винтовками и ручным пулеметом. Два бойца спят, третий наблюдает в бинокль. Перед бруствером лежат трупы немцев, они разлагаются, и ветерок доносит отвратительный запах. Наши бойцы, насколько удастся, забрасывают трупы землей, но снаряды и мины, разрывающиеся в этой зоне, вышвыривают их по частям и целиком.

Здесь был жестокий гранатный бой, когда немцы подобрались к 5-й роте по ложине. Эта ложина уходит в глубь немецких позиций, до них — восемьдесят метров. Наши отбивались с четырех часов ночи до одиннадцати утра, немцев в траншею не пустили, но гранаты с длинными ручками они сюда добрасывали. Били сюда и артиллерия, и минометы, и пулеметы, и автоматы...

Чтобы прийти сюда, в конец траншеи, нужно было перебежать, пригнувшись, по открытому, ничем не защищенному мостику через разлив Черной речки (эта «протока» создана сомкнувшимися своими краями воронками). По мостику бьют немцы, бьют плохо, потому что мы все, перебежав поодиночке, невредимы. Свист пуль, а подальше — хлопанье мин в болоте; все время стреляют и две немецкие пушки, они где-то близко, но снаряды перелетают через траншею, рвутся дальше.

Сижу в нашей снайперской ячейке, гляжу в амбразуру. В ста метрах видны немецкие заграждения, еще ближе — группы немцев за торфяными укрытиями. Их снайперы часто целятся и сюда, бьют по амбразурам, нужно остерегаться.

В бою 10 мая из этой траншеи работал ротным 50-миллиметровым минометом командир 5-й роты младший лейтенант Николай Тимофеев, вторым минометом — младший лейтенант Ипатов. А из амбразуры вел пулеметный огонь командир взвода. Из-за его спины бросал гранаты больше всех отличившийся в бою младший лейтенант Щипцов. В момент атаки здесь было мало бойцов, основной удар приняли на себя подоспевшие командиры...

Пулеметная точка № 17

Берег Черной речки — болотная, превращенная в крошево прогалина, где не выраешь траншею даже в полроста. Единственное укрытие от немцев, находящихся в восьмидесяти метрах, — плетень из сухих ветвей, изглоданных пулями и осколками мин. Плетень — не защита от пуль, но за ним можно пробежать, пригнувшись и увязая по колено в болоте. Если ты ловок и поворотлив — враг не заметит тебя. Вот так вчетвером сюда и перебежали, слыша за своими спинами свист пуль. Ощущение неприятное, будто ты заяц. Было страшно, но перебегал я со смехом: очень уж неуклюже хлопали, да с прытью!

Точка № 17 2-й пулеметной роты обложена торфяными кирпичами. Вода. Люди живут здесь лежа, не просыхая.

Пулеметчик Корнев Александр Андреевич, небольшого роста, неказист, лицо немытое, весь в болотной жиже.

— Я уже пять раз раненный!

Служил в Ленинграде счетоводом, кассиром. В бою 10 мая бил из станкового пулемета, израсходовал шесть лент и сам набивал, потому что остался один. Двое других, оставшихся в живых, — младший лейтенант Иван Щербина и боец Лукьянов — стояли за станковыми пулеметами на соседних точках. Втроем израсходовали лент двадцать, положили, отразив три атаки, больше восьмидесяти немцев. Гранат здесь не применяли.

Записываю подробно всю обстановку боя. Вместе с Корневым и Щербиной (он высокого роста, рябоватый, жмурится; каска и шинель в болотной трухе) черчу схему. Рассказ дополняет подсевший к нам командир 4-й роты лейтенант Скрипко.

Снайперская ячейка

Двигаясь дальше вдоль переднего края, пришел к снайперской ячейке комсомолки Любы Бойцовой. Ниша в траншее. Девушка в каске, гимнастерке с погонами, грубое, рябое, круглое лицо. Разговаривает со мной тут же, в своей нише-ячейке, не отрывая глаз от наставленного оптического прицела винтовки, не оборачиваясь. Родилась в 1922 году в Оятском районе Ленинградской области, жила в Ленинграде, работала на станции Паша, на заводе, и оттуда — в армию, с начала войны, добровольно.

— Раньше в медсанбате двести сорок третьей стрелковой дивизии была, ходила на передовую, перевязывала. Меня — в медсанбат, а у меня мечта была совсем на передовую удрать. Вот мечта и осуществилась. Сорок пять дней была на армейских курсах снайперов и теперь — сюда. Я в соседнем полку, в тысяча семьдесят шестом, а сюда только на охоту хожу, сегодня второй раз на охоте...

Рассказывает, что сегодня убила немца, он связь тянул. Это второй на счету, а первого убила позавчера, 24 мая.

Пока, говорю с Любой, рвутся и рвутся мины — все победи траншей.

КП 2-го батальона

Возвращались вдоль переднего края — вдоль плетня, бруствера, по мосту-стланям в ста метрах от немцев — и никакого укрытия, пока не вошли в траншею. Бегом, согнувшись, по колено в воде.

Говорю с командиром 5-й роты младшим лейтенантом Николаем Ильичом Тимофеевым. Чуб, пилотка, глаза зеленоватые, серьезный, немногоречивый, рассказывает небрежно. На левой стороне груди — орден Александра Невского.

Он — кандидат партии, из комсомольцев, в прошлом учитель. На фронте год, начал в боях под Синявином. Орден — за бой 10 мая. Сначала бил сам из ротного миномета, потом, встав на бруствер вместе с командиром пулеметной роты Скрипниченко, выбросил более ста гранат. Отбил три атаки и не был ранен...

Пока я разговаривал с ним, сообщение по телефону: на пулеметную точку № 17, откуда я сейчас пришел, — минометный налет, пулеметчик Корнев (с которым я только что разговаривал) тяжело ранен, из двоих бойцов (они уходили обедать, когда я был на точке) один ранен, второй «уснул». На здешнем языке «уснул» — убит...

5 часов дня. КП полка

Пришли сюда с хорошим «урожаем»: схемы, много записей — биографии, обстановка, история последних боевых действий.

Вечер

Отмывшись, пообедав, продолжал здесь, на КП, мои беседы. Записывал рассказы заместителя командира 1-й роты старшего лейтенанта Лысенко и снайпера ефрейтора Поваренко; у этого снайпера на счету сто семьдесят три фашиста. Своему искусству он обучил шестнадцать бойцов на Карельском фронте, а сейчас имеет одиннадцать учеников.

Федор Поваренко очень спокоен. О своей снайперской «охоте» говорит как о будничном ежедневном деле.

А Лысенко толково рассказал о действиях своей роты в бою 10 мая — рота отличилась, сражалась храбро, многие награждены орденами. Сам Лысенко — орденом Красной Звезды.

Все больше подробностей узнаю я об этом бое, но правильное представление о нем получу, только когда поговорю с Арсеньевым и с другими старшими офицерами полка.

ПОЛКОВОЙ БЫТ

27 мая. Утро. КП полка

Всю ночь, до половины седьмого утра, я беседовал с Арсеньевым. О чем только не говорили!

Арсеньев мыслит широко, разговаривать с ним приятно и поучительно. Особенно интересен для меня был рассказ о Петрозаводске, который был занят противником в ночь на 1 октября 1941 года и где в эту ночь, по специальному заданию, Арсеньев с тридцатью пятью бойцами взорвал все объекты, какие могли быть использованы врагом. Арсеньев, прорвавшийся 2 октября со всей группой к нашим войскам, был за эту операцию награжден орденом Красного Знамени.

27 мая. 2 часа 20 минут дня

В полку происходит офицерское собрание. Набились в блиндаж так, что трудно пошевелиться. Арсеньев открывает собрание десятками своих «почему?» и приводит примеры.

Почему нет выправки и люди ходят небритыми? Почему вчера только один командир 3-го батальона доложил о приведении своего батальона в боевую готовность, а остальные комбаты не доложили? Почему от уколов, которые производят медицинские офицеры, в других полках нет заболеваемости, а у нас до двадцати

случаев? Почему нет контроля за выполнением своих приказаний? Почему мы в свободное время не обсуждаем, все ли сделано для отражения противника? Противник готовится к газовой войне, его солдаты прошли газоокуривание, фильтры меняют, а мы не занимаемся этим.

И что нужно сделать, чтобы все было совсем по-иному?

Разгорелась горячая дискуссия.

Арсеньев заявляет о специальной службе:

— Многое недоделано. Много ненужной болтовни. Противник, подслушивая, узнает наш замысел. Сегодня ночью бойцы четвертой роты на расстоянии полусотни метров от обороны застрелили немецкого слухача.

Арсеньев об этом знает от командира разведки, который был там. Но официально из роты ему не доложили.

— А вы уверены, что этого слухача убили?

— Командир пулеметной роты докладывает, что убили.

— А я могу не верить вам. Вы сделали попытку его вытащить? Может быть, слухач ушел? И вы такому важному случаю не придаете значения!

Помначштаба лейтенант Жигарев горячится:

— У нас РП командира роты — у самого завала, там, в пяти метрах, и рация и телефон. Дверей нет и палаткой не завешено. Орут так, что на двести метров слышно!

Арсеньев отдает приказание о маскировке шума, затем в крайне суровом тоне продолжает:

— Завтра будем судить судом чести командира связи. Завтра утром. Надо кончать с этой беспечностью! А если бы противник просочился сюда? Это угрожало бы нескольким дивизиям. А это значит — возникла бы угроза Ленинграду, который мы защищаем. Где же достоинство и честь командира?.. Итак, заканчиваю, времени у нас мало.

Первое: привести в порядок оружие.

Второе: закончить рекогносцировку в направлении вероятного контрудара.

Третье: созданные подвижные противотанковые группы должны заниматься по шестнадцать часов в сутки. Научиться бегать, окапываться, научиться вести борьбу с танками и с десантом противника.

Четвертое: научить бойца не бояться танка.

Пятое: создать штурмующую роту...

И, наконец, поднять дисциплину! Продумайте, как это сделать, чтоб это не комедией было, чтоб не появиться вдруг перед подчиненным таким зверем, дескать, меня накрутили и я буду накручивать. Это большая, кропотливая, а главное — систематическая работа... Все! По боевым местам, товарищи!

...После этих слов командира полка офицеры, теснясь, выходят из блиндажа, каждый отправляется в свое подразделение.

8 часов вечера

Немцы ведут обстрел. Снаряды свистят над головой и рвутся неподалеку в тылу. В блиндаж зашел гармонист Туманов, и сразу — веселая песня. Арсеньев поет: «Эх, я ль виноват, что тебя, чернооую...»

Входит связной. Приносит газету «Отважный воин» с заголовком «240 лет Ленинграду». Это — сегодня!

Сразу, серьезные, принимаемся за чтение. Арсеньев получил пачку писем. Туманов, прочтя газету, тихонько заиграл что-то меланхолическое.

9 часов вечера

Противник бьет по переднему краю тяжелыми. Блиндаж содрогается. Явился старший лейтенант, докладывает о результатах рекогносцировки, подает на утверждение свой личный план на завтра.

Писк зуммера. Слышу донесение:

— Багаж присылаем, шестьдесят пять килограммов!

— А вы его накормили, этот багаж? — спрашивает Арсеньев. — Слушай, семьсот девяносто четвертый! Сколько там карандашей пошлете?

В полк все прибывают пополнение и боеприпасы. По сравнению с прошлым годом насыщенность здесьнего участка фронта войсками огромная. Да и немцев здесь насчитывается не меньше шестнадцати дивизий!

10 часов вечера

Стараюсь хоть коротко записать эпизоды, которыми полк может гордиться. Например, историю трехсоткилометрового пешего перехода полка в район Апраксина городка. Или случай в наступательных боях между Гайтоловом и Гонтовой Липкой, когда полку удалось прорвать оборону противника, чтобы дать возможность бойцам и командирам 2-й ударной армии выйти из окружения...

Арсеньев рассказывает мне о бое 10 мая. Разговор прерван телефонным звонком. Докладывают из тыла полка: «катюша» ахнула по немцам, в ответ — двадцать немецких снарядов по тылам полка; исполняющего обязанности начальника штаба майора Гордина тяжело ранило, писаря Калистратова убило, еще человек десять ранено и убито.

Арсеньев выругался, звонит капитану Сычу (помощнику командира полка по материальному обеспечению):

— Сыч? Как дела? Плохо? Ты принял меры для рассредоточения? Надо немедленно закопаться... Медработники оказали помощь? Доложи!..

Оборачивается ко мне, продолжает свой рассказ о Круглой роще. Звонок.

— Шесть раненых, два убитых, включая Гордина и писаря Калистратова. Да, Гордин умер.

11 часов вечера

Я с Арсеньевым сейчас выходил в траншею. Внезапно три выстрела «коровы». Арсеньев рванул меня за рукав:

— Идите сюда!

Мы кинулись под накат. Разорвалось совсем близко, нас обдало землей и воздушной волной.

— Это новая «корова»! — отряхиваясь, объяснил Арсеньев. — От Гонтовой Липки, откуда не била! Значит, подвез! Возможно, сегодня начнет!

Это «начнет» — о наступлении, которого все напряженно ждут. Оно, вероятно, начнется ночью, часа в три-четыре, либо днем — между четырьмя и пятью. Третьи сутки все у нас готово к немедленному отпору.

12 часов ночи

Над нами гудят самолеты. Где-то близко идет ожесточенная бомбежка, разрывы часты — один за другим. Бьют зенитки. Артиллерийский обстрел идет круглосуточно.

Мне понятно, почему Арсеньев проводит ночи в разговорах со мной: нервы у него напряжены от непрерывного ожидания, и, хоть полк в полной боевой готовности, Арсеньев боится, заснув, пропустить какой-либо ему одному понятный признак начала немецкого наступления. Поэтому он все время начеку, все время прислушивается...

28 мая. 9 утра. КП полка

Погода сегодня пасмурная. Проснулся в 7.30 от канонады: утро началось сплошным беглым огнем, налетами немецкой артиллерии, длившимися минут сорок. Били главным образом по Круглой роще, несколько 105-миллиметровых разорвалось неподалеку. Арсеньев проснулся, стал сонным голосом опрашивать, выясняя причины. Оказалось, стреляли сначала наши, а немцы озлились.

БОИ ЗА КРУГЛУЮ РОЩУ

28 мая. День. КП полка

Рассматривая немецкий передний край в стереотрубу с НП минометчиков, я хорошо вижу мертвые, оголенные деревья знаменитой Круглой рощи. Она — правее позиций полка Арсеньева. Находясь теперь в наших руках, Круглая роща клином выдается

в расположение немецких позиций. Ее обороняют соседние подразделения. Только маленький «язычок» этой рощи остается пока нейтральной зоной.

За Круглую рощу велись бои кровопролитные и жестокие. Не раз и не два после удачных атак казалось уже, что этот клочок болота остался за нами, что фашисты навсегда лишились рощи, позволявшей им простреливать весь наш передний край фланкирующим огнем.

Но фашисты подбрасывали новые силы, свежие роты шли по увязшим в болоте трупам немецких солдат, и клочок этого болота опять переходил к немцам. В Круглой роще они создали надежные опорные пункты, а на нейтральном «язычке» с одного края выросли два мощных немецких дзота, с другого — укрепленный торфяными кирпичами плетень, за которым и днем и ночью бодрствовали наши бойцы.

К январю 1943 года стык 8-й и 2-й ударной армий волховчан, обращенных фронтом к западу, приходился как раз против Круглой рощи. В эти дни волховчане вместе с ленинградцами готовились к прорыву блокады. Круглая роща мешала наступлению волховчан на Рабочий поселок № 7 и далее на высоты Синявина, где располагались главные силы немцев, разъединяющие наши Волховский и Ленинградский фронты. В Круглой роще и в лесах юго-западнее ее основательно укрепились немецкая группировка.

Решено было значительными силами сделать глубокий обход рощи с севера перед Рабочим поселком № 7, выйти в тыл немецкой группировки и, двигаясь оттуда навстречу полку Арсеньева и другим полкам волховских дивизий, сплосщить и раздавить врага в роще, как давят щипцами каленый орешек.

11 января 1943 года два полка 327-й стрелковой дивизии начали эту операцию. Двигаясь вдоль северной опушки Круглой рощи по занесенным снегами торфяникам, 1102-й полк вышел на железную дорогу, что тянется севернее Рабочего поселка № 7, иначе говоря, зашел глубоко в тыл к немцам. Отсюда он повернул к югу, в обход рощи. 12 января занимавший ее фашистский полк, оставив сильные заслоны в дзотах, побежал к югу и к юго-востоку. Развивая успех, части 327-й стрелковой дивизии преследовали его.

В это же время два батальона 1074-го полка Арсеньева получили приказ выступить с линии фронта, занять и прочистить рощу и закрепить юго-западную ее опушку за 327-й дивизией.

Батальоны с восточной стороны вошли в рощу и двинулись навстречу нашим полкам, преодолевавшим заслоны немцев с северной и западной сторон.

Тогда гитлеровское командование бросило с единственной еще доступной для немцев стороны — с юго-запада — свои резервы. Передовой их отряд, более двухсот автоматчиков, вклинился в рощу и оказался в тылу у тех двух батальонов Арсеньева, что ушли вперед. Арсеньев решил немедленно отрезать этих автомат-

чиков от спешивших за ними резервных частей и кинул в бой на юго-западный «язычок» рощи роту своих автоматчиков.

Получился «слоеный пирог»: в середине рощи немцы, а дальше концентрические круги — наши части, затем остатки располагавшихся здесь немецких подразделений, затем сдавливающие их полки 327-й стрелковой дивизии. Главные силы немцев контратаковали один из этих полков — 1100-й — со стороны Рабочего поселка № 7 и Синявина. Положение полка становилось тем труднее, чем дольше продолжалась очистка Круглой рощи от противника.

Рота наших автоматчиков и 2-й батальон 1074-го полка сумели отрезать немецких автоматчиков от резервов. Разрозненные группы противника вместе с подоспевшими к ним на помощь автоматчиками оказались окруженными. Арсеньев предложил им сдаться, но получил отказ и тогда кинул свои подразделения в рукопашный бой.

В этом бою было перебито больше ста восьмидесяти немцев, а тридцать пять взято в плен. Арсеньев отослал их в штаб дивизии. Двигаясь к центру рощи с трех сторон, сжимая немцев, батальоны Арсеньева захватили около двадцати блиндажей и дзотов, взяли в центре рощи важный опорный пункт и, повернув захваченные немецкие пушки и пулеметы на немцев, вдвое усилили мощь своего огня. Немцы разбились на мелкие группы, и каждая пыталась контратаковать нас там, где была застигнута. Зная, что главные силы гитлеровцев, действующие от поселка № 7 и Синявино, грозят смять 1100-й полк 327-й дивизии, и остерегаясь прорыва вражеских резервов с юго-запада (со стороны шоссе Синявино—Гонтова Липка), Арсеньев прикрывал юго-западную сторону рощи тринадцатью своими и приданными орудиями, бил ими прямой наводкой. Одновременно, выделив из других своих батальонов две роты, он послал их на подмогу 1100-му полку.

Группы немцев пытались вырваться из рощи, контратакуя то там, то здесь. Арсеньев решил не допустить прорыва. Увидев, что опасность возникла на участке, где дралась его 2-я рота, он, легко раненный в грудь осколком, пробежал с двумя офицерами по открытой местности к этой роте. Немцы вели огонь двумя станковыми пулеметами из большого дзота. За ним располагались семь других поменьше. Они молчали. Все вместе эти дзоты составляли один из трех сильнейших опорных пунктов противника в Круглой роще. 2-я рота залегла в снегу перед большим дзотом.

Арсеньев спросил бойцов, нет ли у них противотанкового ружья, чтобы стрелять по дзоту. Ружья не оказалось. Осмотревшись, Арсеньев увидел в стороне брошенную немцами 75-миллиметровую пушку и снаряды к ней. Взяв пять бойцов, он подполз к этой пушке, под огнем перекатил ее через траншею и установил метрах в шестидесяти от главного немецкого дзота. семью снарядами он разбил дзот. Из него выскочили два немца (позже там

было найдено тринадцать трупов). Арсеньев развернул пушку, дал несколько выстрелов по двум другим дзотам и по землянке и поспешил обратно, на «язычок», к 3-й роте, потому что там два дзота и траншея опять оказались в руках немцев и надо было организовать атаку.

Во всем, что происходило внутри Круглой рощи, издали трудно было разобраться. Командование 314-й стрелковой дивизии, по информации 327-й дивизии, даже заподозрило было Арсеньева в том, что он ведет бой со своими.

Ночью после тщательной подготовки Арсеньев вместе с Донских повел 3-ю роту в атаку. С гранатами ворвались в траншею, убили и ранили около полусотни немцев, захватили оба дзота, два блиндажа, две пушки, четыре радиостанции.

Все это время полки 327-й дивизии вели тяжелейший бой с главными силами немцев, пытавшимися прорваться к захваченной нами, но еще не очищенной полностью Круглой роще.

На утро следующего дня, продолжая внутри рощи бои с немцами, засевшими в последних уцелевших дзотах, Арсеньев повел одну из своих групп в атаку, был ранен в руку навывлет и по приказу полковника Федина (заместителя командира дивизии по политчасти) отправлен в медсанбат.

В этот день Круглая роща была полностью очищена от гитлеровцев, позиции окончательно закреплены полками 327-й дивизии и 1074-м полком Арсеньева. Выполнив свою задачу, эти части помогли наступлению других дивизий Ленинградского и Волховского фронтов. Решающие наступательные бои завершились 18 января встречей двух фронтов, иначе говоря — прорывом блокады Ленинграда.

С тех пор, как я уже сказал, только маленький «язычок» Круглой рощи, на котором нельзя закрепиться, все еще остается перед нашими позициями ничейной землей, одинаково простреливаемой и нами и немцами.

БОЙ 10 МАЯ 1943 ГОДА

28 мая. День. КП полка

В начале марта после боев за Круглую рощу 1074-й стрелковый полк Арсеньева получил приказ занять новый рубеж — полтора километра по фронту между позициями 1076-го и 1078-го полков. Здесь оказались только хаотические остатки прежних оборонительных сооружений, не сохранилось ни блиндажей, ни окопов, ни даже стрелковых ячеек.

Бойцы и командиры энергично взялись за оборудование рубежа. Артиллеристы, минометчики и снайперы своим огнем заставили немцев прятаться, и под таким прикрытием началась работа. Надо было организовать систему огня, связи, наладить взаи-

модействие с артиллерией и с соседями. За восемь — десять дней оборона глубиной в два километра была создана. Слева, где почва не так болотиста, позиции удалось укрепить надежными сооружениями. Этот участок протяженностью восемьсот пятьдесят метров Арсеньев по приказу в конце апреля передал своему соседу — 1076-му стрелковому полку, а себе оставил шестьсот пятьдесят метров по фронту, но трудно вообразить более гибкое болото, чем оставшийся у полка участок!

С первого дня изучая поведение гитлеровцев против нового, занятого полком рубежа, Арсеньев сделал вывод, что противник именно на этом участке готовит наступление. Немцы по многим признакам особенно заботились о том, чтобы обезопасить себя от проникновения наших разведчиков, которые могли бы добыть у них «языка», — значит, им было исключительно важно сохранить все затеваемое ими в тайне. Наши снайперы, однако, не раз замечали, что у перебегающих по ходам сообщения немецких солдат имеются рапцы. Несомненно — на передний край прибывают пополнения.

Десять дней подряд противник производил авиаразведку нашего переднего края, тщательно просматривал и фотографировал наши оборонительные позиции на глубину в шесть — восемь километров.

Дважды в этот период времени противник пытался произвести ночной поиск с целью взять у нас контрольного пленного. Обе попытки немцам не удалось: группы их разведчиков были перебиты, оружие захвачено.

Семь дней немцы обрабатывали наш передний край тяжелой артиллерией калибра 207, 210 и 305 миллиметров. Затем началась пристрелка вероятных путей подхода наших резервов...

За трое суток до попытки наступления враг прекратил освещение местности ракетами, и стало ясно: передвигая по ночам свои войска, он опасался обнаружить это передвижение светом своих же ракет. Наконец он вовсе перестал обстреливать нас, конечно же потому, что, концентрируя свои силы, не хотел навлечь на них ответный огонь, стремился не дать нам засечь его новые огневые точки...

За сутки до немецкого удара Арсеньев, начальник штаба Чемоданов и другие опытные офицеры по ряду признаков определили даже час, намеченный немцами для наступления.

Нужно ли говорить о том, что все у нас было готово к решительному отражению удара? Наблюдение было зорким и непрестанным, система огня и возможность его мгновенного вызова — многократно проверены. Весь передний край крепко минирован, телефонная связь дублирована отлично отрегулированными рапциями.

Немецкого удара можно было ожидать либо часа в четыре дня — время, удобное для противника, чтобы успеть закрепиться, либо перед самым рассветом, если враг обладал уверенностью,

что успеет развить успех. Поэтому с четырех часов дня и ночью до начала рассвета люди почти не спали — отсыпались днем.

И когда наконец, приняв во внимание еще ряд признаков, Арсеньев сказал: «Сегодня, часа в три ночи, противник попытается начать наступление!», никто не сомневался, что это будет именно так. В ту ночь не спал ни один солдат. Не спал, конечно, и сам Арсеньев: писал письма своим знакомым.

В 3 часа 30 минут утра 10 мая противник дал первый залп артподготовки. Арсеньев отличил его от обычной стрельбы. Снаряды вражеской артиллерии накрыли наш передний край и двухкилометровую полосу обороны, в том числе и КП полка. Арсеньев, находившийся на НП, сразу же дал вызов всей своей артиллерии. Рубежи противника — батареи, огневые точки, пути подхода пехоты, танков — были заранее пристреляны. Артиллерия полка ответила на второй немецкий залп. При третьем залпе Арсеньев позвонил командир дивизии и доложил, что противник начал артподготовку для наступления. В ответ на четвертый немецкий залп на врага обрушилось шесть наших артиллерийских полков. Пятым немецким залпом телефонная связь везде была порвана, и Арсеньев перешел на радиосвязь, которой всегда уделял чрезвычайное внимание, считая ее единственным надежным средством управления. Все десять последующих часов боя радиосвязь работала столь надежно, что ни один взвод ни на минуту не оставался без управления.

Со своего наблюдательного пункта Арсеньев в стереотрубу видел все поля боя — и неисчислимое множество разрывов, вздымающихся, казалось, на каждом метре пространства, и цепи немецкой пехоты, брошенной в атаку еще до окончания артподготовки (эта пехота падала перед нашими блиндажами, погружалась в болото), и выступавшие из дымовой завесы немецкие резервы, которые, не успев кинуться в атаку, таяли под нашим огнем...

Через двадцать минут наша артиллерия пересилила вражескую. Многие батареи противника взлетели на воздух, немецкая артподготовка была смята, вражеские снаряды ложились впустую, взброд, их становилось все меньше, и в стереотрубу было видно, что наши траншеи целы, что наши пулеметы и ротные минометы по-прежнему бьют вперед, что ряды наших воинов почти не редеют.

Каждая рота непрестанно информировала Арсеньева о положении дел на своем участке. Было ясно: противник бросил в бой силы, значительно превосходящие наши. Но волны немецких атак разбивались о наш передний край одна за другой. Разбивались — и не откатывались: живых немцев не оставалось. Через полчаса Арсеньев с адъютантом Картом перешел на свой передовой наблюдательный пункт, откуда лучше были видны боевые порядки и наступающая пехота противника. Управление артиллерийским огнем Арсеньев взял в свои руки.

На сороковой минуте боя немцы перенесли артогонь в глубину нашей обороны, стараясь отсечь наши резервы.

На правом фланге, где оборонялась 5-я рота, взвилась красная ракета. Арсеньев, внимательно наблюдая, увидел: на выдающемся вперед клином участке немцы ворвались в дзот и в землянку наших автоматчиков. Он сразу понял, что положение здесь, на стыке с 1078-м полком, создалось угрожающее. Позже выяснилось, что обстановка была такова: прямым попаданием снаряда шестеро из двенадцати автоматчиков были убиты. С двух сторон клина на рубеж, который автоматчики охраняли, сразу ворвались по старым ходам сообщения немцы. Оставшиеся в живых автоматчики во главе с лейтенантом Романовым оказались под перекрестным огнем, расстреляли диски, израсходовали гранаты и погибли все, кроме случайно уцелевшего Романова. После боя было насчитано более пятидесяти трупов перебитых ими немцев. Но в тот критический момент немцам удалось затащить в дзот и в землянку свои минометы и пулеметы. Немецкое командование, стремясь развить успех, бросило сюда свежий батальон пехоты.

Точная своевременная информация с низов, в частности командира 5-й роты Николая Тимофеева, дала возможность Арсеньеву немедленно принять правильное решение. На немецкий бросившийся в атаку батальон Арсеньев вызвал огонь РС, и «катюши» через одну минуту с предельной точностью накрыли весь этот батальон. Одновременно левее на передний край немцев спикировали четыре наших самолета, присланных соседней армией Мерещкова, которому просьба о них была передана за двадцать минут до этого. Самолеты сбросили бомбы на другой батальон немцев, поднявшийся было в атаку.

Когда пламя и дым после налета «катюш» рассеялись, оказалось, что справа немецкого батальона нет — он исчез с лица земли. А слева, где сбросили свой груз наши самолеты, немногие уцелевшие гитлеровцы со стонами переползали через трупы своих соратников.

Однако на клинообразном участке 5-й роты, куда ворвались немцы, все еще продолжался гранатный бой. Командир роты Тимофеев, в этот трудный момент потеряв двух минометчиков, сумел заменить их — сам выпустил из ротного миномета сорок мин. Слева на помощь к сражающимся гранатами бойцам 5-й роты устремились бойцы 1-й роты, возглавленные заместителем командира по политчасти Беловым. Командир 1-й роты Яковлев с другой группой бойцов подобрался к захваченной противником землянке и разбил гранатами минометы и пулеметы, которые немцы успели установить там. А справа бойцы и командиры соседнего 1078-го полка выбили немцев из занятого ими дзота.

Успеху 1-й роты и левофланговой группы бойцов 1078-го полка способствовали батареи 76-миллиметровых пушек капитана Медынина, пулеметчики командира 4-й роты Скрипко и миномет-

чики Лозбина. Открыв огонь по немецким передовым позициям, они воспрепятствовали противнику подбросить новые подкрепления. Когда дзот и землянка были отбиты и весь клин снова оказался в наших руках, Арсеньев со своего ПНП видел, как последние десятков шесть немцев, хромающих и окровавленных, бежали по ложине.

Критический момент миновал.

Бой длился десять часов. После седьмой отраженной нами атаки немцы уже не показывались ни на одном участке поля боя. Огонь вражеской артиллерии затих совсем. Нашей артиллерией за время боя было выпущено 18 500 снарядов. В воронках, рывинах, ложинах, на искрошенных пнях, вдоль всего переднего края лежало больше семисот вражеских трупов. Сколько их утонуло в болоте и сколько было в глубине вражеской обороны, мы не знаем. Выползая за бруствер, наши бойцы стаскивали в свои траншеи трофейное оружие, боеприпасы и документы.

Когда у нас в подразделениях была произведена переключка, оказалось, что потери за десять часов жестокого боя составили двадцать семь убитых и тридцать пять раненых — всего шестьдесят два человека, из которых двадцать восемь человек были застигнуты огнем артподготовки при дополнительном укреплении блиндажей.

Это значило, что спокойствие и уверенность в своих силах не покидали воинов в бою, что, действуя самоотверженно и храбро, они вместе с тем понапрасну не подставляли себя под удар, умело пользовались укрытиями. Никто не дрогнул, никто не побежал. Характерно, что вторая и третья линии окопов полка были изрядно разрушены артподготовкой, а первая линия траншей оказалась почти неповрежденной: снаряды перелетали через нее. То ли немцы стреляли неточно, то ли старались отсечь возможные наши подкрепления, рассчитывая, что с малочисленными защитниками первой линии траншей справится их атакующая пехота. Большую роль сыграла и дружная взаимопомощь стрелковых подразделений, и отличное взаимодействие артиллерии и пехоты.

Но самое главное — внезапность удара немцам не удалась, а наш мгновенный и решительный контрудар оказался действительно внезапным и неожиданным для немцев.

Результаты боя были оценены командованием как отличные. Николай Георгиевич Арсеньев награжден орденом Отечественной войны I степени. Пятьдесят шесть бойцов и офицеров — орденами и медалями.

В ночь после боя весь полк под защитой сильного артиллерийского и минометного огня восстанавливал линии обороны. В последующие десять дней полк не только восстановил всю свою оборону, но и значительно ее улучшил.

Немцы, однако, не оставили намерения прорвать линию нашей обороны на этом важнейшем участке. Напряжение, в котором полк живет все дни, что я нахожусь здесь, свидетельствует о том.

Арсеньев полагает, что теперь установить заранее день и час новой попытки немцев нанести удар труднее. Наученные горьким для них опытом, немцы стараются путать признаки начала своего наступления.

Полк готов встретить удар в любой день, в любой час.

ПОСЛЕДНИЕ СУТКИ В ПОЛКУ

28 мая. 3 часа дня. КП полка

Мы с Никитичем решили посмотреть еще раз на окружающую местность. Шагали по каким-то обрывкам, доскутьям металлического мусора. Я, не заметив, встал на мину и, созерцая немецкие позиции, стоял на ней, пока Никитич не обратил моего внимания на чем я стою! Поскольку мина не взорвалась, отнестись к этому можно было с юмором.

29 мая. 9 часов 45 минут утра. КП полка

Вчера днем получен приказ: перевести полк на новое место, правее, к опушке рощи. Свой участок обороны передать левому соседу. Арсеньев сам обошел новый рубеж, затем собрал командиров, ясно и точно дал приказания каждому. Говоря о боеприпасах, оружии, материалах для строительства, рассуждал как хороший хозяин:

— Свои снаряды сосед оставляет нам, а мы ему — свои. Но наиболее ценные мы заберем с собой. — И с улыбкой пояснил: — Им тащить это нет смысла, они здесь ближе к складам, достанут!

Вечером — неожиданный для рот отдых: поочередно ходили в 1078-й полк смотреть кинофильм «Секретарь райкома». За ночь 3-й батальон удачно, без потерь занял назначенный ему рубеж.

Работа моя в общем сделана, сегодня покину полк.

...На столе — стакан воды с давленной клюквой. Керосиновая лампа прикрыта газетой, чтобы свет не бил в лицо Арсеньеву. Он спит после хлопотливой ночи. На других нарах посапывает, подложив под голову кулак, адъютант Карт.

Арсеньев проснулся от писка зуммера, поговорил по телефону о подсобном хозяйстве полка. Где-то в тылу, у Нази, это хозяйство ведут женщины и несколько бойцов трофейной команды. Обрабатывают двадцать два гектара: картофель, капуста, морковь, лук. А на Ладоге рыбак вылавливает для полка здоровенных лещей. Получив сообщение, что поймано тридцать девять килограммов лещей, Арсеньев приказывает распределить эту рыбу между бойцами передовых рот.

Время от времени, с короткими частыми шипами, будто вздыхая, работает наш «иван-долбай»; РС летят в воздух, оставляя огненные следы, и ослепительным каскадом разрывов рассыпаются на немецких позициях. После этого немцы начинают яриться —

сыплют сюда тяжелыми. Вчера какая-то наша «машинка» работала так часто и таким тяжелым, незнакомым голосом, что никто не мог определить, что же это за штука, явно автоматическая. Не «кátюша», не «иван-долбай», не зенитная пушка — видимо, нечто вновь введенное в действие¹.

«Иван-долбай» дал несколько раз серии по пятнадцать—двадцать ударов. Бойцы повыскакивали из блиндажей взволнованные: «По нашим бьет! По переднему краю! И подъехал к нам!»

— Ну, сейчас немец даст сюда! — заметил Арсеньев. Справился по телефону: — Как разрывы легли?

Получил ответ:

— Хорошо! Немного близко, но хорошо.

РС рвались по самой кромке немецкого переднего края, очерчивая ее. Отсюда же казалось, будто легли на наши траншеи.

...Пришла мне пора прощаться с Арсеньевым: пойдём вместе с Никитичем к тылам полка, а там дадут верховых лошадей.

Завтра буду в Ленинграде. Отправлю в ТАСС, в Москву, три маленькие корреспонденции о братьях Шумовых и о полке Арсеньева, а впечатлений за девять дней скитаний столько, что, кажется, не был в Ленинграде месяц.

— «Прощай, любимый город!» — напевает Арсеньев, разглядывая схему нового расположения полка.

Третьи сутки он почти ничего не ест («Не хочу!») и держится только силой воли. Как ни тщательно скрывает он свое состояние, я понимаю — нервничает: когда же начнут немцы, и все ли он предусмотрел, чтобы сразу дать им отпор?

Жизнью своей и жизнями тысяч людей своего полка, своей дивизии, своей армии отвечает Арсеньев за благополучие на этом ничтожном клочке болота. Он знает, что судьба Ленинграда зависит и от него.

Какое неотступное, полнодумное чувство ответственности!

---

¹ Это были, по-видимому, введенные на Волховском фронте в 1942 году тяжелые установки 30-миллиметровых реактивных минометов, стрелявшие с собираемых на земле рам. Один залп дивизиона таких артемов состоял из 126 мин.

СНОВА СИНЯВИНСКИЕ БОИ

(Морозовка, Арбузово, Ленинград. Начало августа 1943 г.)

6 августа. Ленинград

Кажется, пятьдесят и одна десятая метра — совсем не такая уж большая высота. Но и эта, главная, и другие Сиявинские высоты господствуют над всей безотрадной, унылой местностью. От Невы до их подножий простираются жидкие, вязкие торфяные болота. На Сиявинских высотах и в лесах за ними — гитлеровцы, а в болотах, на открытой, низменной местности — мы.

Единственная соединяющая Ленинград со страной железная дорога, что проложена после прорыва блокады по болоту вдоль приладожских каналов, не только продолжает действовать, но и до предела уплотнила график движения поездов. С апреля применяется новый поточный метод: поезда идут караванами, один вслед за другим, а чтобы не было наездов одного поезда на другой, с хвостовых сигналов сняты маскировочные жалюзи, — сигналы ярко светят в ночи. При каждой непредвиденной задержке кондукторы выбегают из поезда и в восьмистах метрах от него кладут на рельсы петарды. Все движение поездов тогда останавливается.

Этот метод движения железнодорожники прозвали «системой езды по чужому хвосту». Всем движением поездов на опасном участке — в «коридоре смерти» руководит опытейший начальник отделения А. Т. Янчук.

С Сиявинских высот немцы видят поезда простым глазом и, освещая железнодорожный путь ракетами, нещадно обстреливают их прямой наводкой. Героизм железнодорожников не спасает их от значительных жертв.

И всё-таки каждую ночь (поезда теперь ходят только в ночное время) короткий простреливаемый отрезок дороги проходят один за другим тридцать эшелонов. Нашим командованием создана специальная контрбатареинная артиллерийская группа для подавления вражеской артиллерии в момент ее налета на поезда. Контр-

батареи спасли немало составов, но избежать дорогу от опасности можно, только отняв у немцев Сиявинские высоты.

А главное, взятие этих высот, за которыми в густых лесах немцы скрытно даже от воздушной разведки накапливают резервы, должно положить конец их новым попыткам замкнуть кольцо блокады.

Войскам 67-й армии был объявлен приказ: 24 июля начать наступление на Сиявинские высоты. Но это число было названо ложно, — для дезинформации разведки противника. В действительности наступление началось 22 июля, и с этого дня наши войска ведут в болотах, у подножия высот, упорные бои. Враг, надежно укрытый в своих траншеях и укреплениях на склонах высот, хорошо видит внизу, перед собой, каждого нашего бойца, каждый пулемет, каждый танк, вязнущий в проклятом болоте. И все-таки наши полки штурмуют высоты, не отдавая врагу ни одного метра отвоеванной тяжким ратным трудом и большой кровью земли.

Из доставляемых по ночам тракторами, лошадьми и на плечах бойцов бревен и досок нами построены, врыты в болото сотни огневых артиллерийских и минометных позиций, погребов для боеприпасов, сотни землянок, дзотов... Все это сделано так умело, так скрытно от немцев, что начала нашего наступления на Сиявино они не предугадали.

22 июля, ровно в половине пятого утра, вдоль всей полосы предстоявшего в тот день наступления (в направлении справа — на Анненское, слева — на Сиявино) началась наша артиллерийская подготовка. Через два часа пять минут пехота поднялась и пошла на штурм вражеских укреплений. Артиллерия мгновенно перенесла огонь в глубину немецкой обороны, авиация сразу очистила воздух от гитлеровских машин, танки наши двинулись вместе со стрелковыми подразделениями. Бой с контратакующей, поддерживаемой танками и артиллерией гитлеровской пехотой сразу же стал крайне ожесточенным. Он длился до ночи и утром 23 июля после новой нашей артподготовки возобновился с тем же ожесточением...

Артиллерии, авиации, танков теперь у нас много, полагаю — в два, а то и в три раза больше, чем было год назад. Первый удар и следующие наши удары оказались столь мощными, наступательный порыв наших воинов был столь высок, что фашистам вскоре же пришлось вводить в бой резервы. Еще до 1 августа на место перемолотых дивизий гитлеровцы вынуждены были поставить сначала одну (121-ю), затем еще три пехотные дивизии, а ныне, после 1 августа, они подтягивают к Сиявину всё новые многочисленные подкрепления.

29 июля, когда я на велосипеде приехал к верховьям Невы в расположенную против Шлиссельбурга Морозовку, мне довелось услышать в редакции армейской газеты «Вперед за Родину» огла-

шенный в действующих частях приказ Военного совета по 67-й армии.

Из этого приказа я узнал много интересного, в частности первые результаты упорно продолжающейся Синявинской операции. Уничтожено пятнадцать тысяч гитлеровцев, разрушено больше четырехсот дзотов (половина всех имеющихся у врага в том районе), взято тринадцать крупных укрепленных узлов, первая линия вражеской обороны прорвана на девятикилометровом участке, и мы закрепились там; подбито и уничтожено шестьдесят танков, в том числе несколько «тигров».

И всё-таки после первых штурмовых ударов синявинские бои стали медленными, упорными, круглосуточными, кровопролитными...

Следует признать: при начале наступления планы нашего командования, окрыленного надеждой на быстрый успех, были более широкими, даже если судить только по передовой статье в армейской газете «Вперед за Родину», написанной генералами Кузнецовым и Фомиченко. Мы натолкнулись на более мощную систему немецких укреплений и на более сильное сопротивление немцев, чем ожидали, хотя их позиции перед боями были тщательно сфотографированы с воздуха, разведаны всеми возможными способами...

Да, наши части дерутся самоотверженно, прекрасно; да, нам удалось взять Арбузово; да, удалось прорвать первую линию обороны и продвинуться вперед. Но Синявино и тем более Мга — у гитлеровцев в руках по-прежнему и сейчас. Территориального успеха мы почти не добились.

Что такое, например, укрепленный узел Арбузово? Когда-то это было живописное, красивое село на левом берегу Невы. Оно стало передним краем обороны врага у нашего Невского «пятачка» — тем краешком, который много раз переходил из рук в руки.

После прорыва блокады гитлеровцы, опираясь на превращенную ими в крепость 8-ю ГЭС, зацепились и в Арбузове, создали здесь такой узел сопротивления, который считали неприступным. Только что разрушенный, как выглядит он сейчас?

От первой, опоясывающей левый берег Невы траншеи со множеством ячеек для стрельбы из пулеметов и автоматов тянутся отросточки ходов сообщения к выдвинутым массивным дзотам, откуда можно бить и вперед и вкось, вдоль самой траншеи. Многие десятки других ходов сообщения соединяют эту траншею и дзоты со следующими траншеями, протянувшимися параллельно первой в полутораэта — двухэтах метрах одна от другой. Таких траншей четыре, местами — пять, и все они были сильно укреплены, на случай если мы в них ворвемся, простреливались продольно пулеметами. Перед каждой траншеей между ходами сообщения были минированные поля, перед каждой — колючая проволока, кое-где — спирали Бруно и всяческие «сюрпризы». Блиндажи и землянки были построены прочно, имели по несколько накатов из

толстых бревен, укреплены рельсами, бетонными и броневыми плитами...

Разрушить и взять штурмом такой ершистый узел сопротивления, да еще на совершенно открытой местности, огражденной с одной стороны Невой, было делом трудным, потребовавшим от наших войск необыкновенного напряжения. И понятно, почему гитлеровцы считали этот и другие подобные этому узлы сопротивления в районе синявинских боев — неодолимыми.

Надо напомнить, что под склонами Синявинских высот всё болото еще до войны изрыто торфоразработками. Глубокие, выше чем в рост человека, выемки — котлованы, откуда вынимался торф, заполнены грязной, илистой кашицеобразной гущей, покрытой тиной. Эта гуща, как самая злейшая трясина, засасывает каждого рискнувшего вступить в нее бойца; попасть в нее — верная гибель. Передвигаться на десятках квадратных километров такой непролазной местности можно только по узеньким, часто в метр шириной, перемычкам. Даже в мирное время это пространство считалось почти непроходимым, — заброшенное, полное комаров, забытое, как говорится, богом и людьми место! А сейчас — в нем тысячи и тысячи наших людей, штурмующих засевшего на высотах, осатаневшего от своих неудач и потерь врага!

К концу июля заминка с продвижением наших войск стала очевидной, в армии люди стали скупы на слова, разговоры были: «Не получилось пока!.. Но получится после паузы!»

Каждый считает, что действительный успех — это только полное освобождение Ленинграда от блокады и истребление — до последнего — всех зарывшихся под Ленинградом гитлеровцев!..

И всем ясно, что на тех результатах, какие достигнуты к настоящему времени, наш фронт, безусловно, не остановится, что наступательные бои должны продолжаться и будут разгораться еще сильнее!

Но если в нынешних боях снять блокаду и не удастся, то нашим войскам следует решить предварительную, важнейшую задачу. Как это и было сказано в приказе, услышанном мною 29 июля, теперь задача наших войск — постепенное, методическое разрушение Синявинского узла нашей артиллерией и авиацией, пехота должна закреплять каждый успех. Этот приказ поднял несколько было снизившееся настроение и поставил всё на реальную почву. Метр за метром расширять связи Ленинграда со всей страной, лишить гитлеровцев возможности попытаться вновь замкнуть кольцо блокады и всё больше освобождать Ленинград от артиллерийских обстрелов.

Бои под Синявином продолжают до сих пор, не прекращаясь; артиллерии и авиации у нас настолько больше, чем у гитлеровцев, что в воздухе наше господство — полное, а в артиллерийских боях враг может противопоставить нам только сравнительно слабый и хуже организованный огонь. Но выбивать гитлеровцев надо цядь

за пядью, их приходится выколупывать из каждой щели. Любой отвоеванный нами километр стоит на нашем фронте столько же, сколько стоила бы сотня километров на другом, скажем — на Южном фронте.

В таком же положении и Волховский фронт, который на стыке с Ленинградским ведет столь же ожесточенную борьбу. Другие армии Ленинградского фронта пока «молчат», там идет обычная «тихая» перестрелка, истребляют фашистов снайперы, идет поиск, работают разведгруппы, но значительных боев там нет.

Впрочем, артиллерия и авиация наши весьма активны и на всех участках Ленинградского фронта. Разведанные, тщательно пронумерованные цели вокруг Ленинграда уничтожаются нами круглосуточно.

...Утром 30 июля я наблюдал в небе интересное явление. Обстановка вокруг была такова.

В ночь перед тем бой под Синявином длился с прежним ожесточением. Я слышал непрерывное гудение самолетов, низвергавших бомбы на поле сражения; видел десятки парашютировавших ракет, — ярких, медленно плывших, оставлявших за собой длинные клубящиеся извитые дымовые хвосты; видел вспышки взрывов, озарявшие всё небо.

С утра в Морозовке вокруг дома, где помещалась редакция и где находился я, рвались и свистели над ним снаряды, затем в небесах происходил воздушный бой и вражеская артиллерия обстреливала мост через Неву, укрытый от воздушных корректировщиков нашей дымовой завесой. Трехэтажное кирпичное здание содрогалось от разрывов, от непрерывных каскадов гула, производимого нашей и немецкой артиллерией...

Мост через Неву тем не менее действовал, движение по нему автомобилей ни на минуту не прекращалось...

С Кесарем Ванниным, исполняющим обязанности редактора армейской газеты, я ходил на Неву купаться к простреленному, лежащему на воде у самого берега, железному понтону. На нем грелись, лежа на солнце, несколько женщин в купальных костюмах... На берегу загорали несколько красноармейцев, из леса доносились пулеметные очереди, там тренировались в стрельбе какие-то подразделения.

В это ласковое солнечное утро было странное ощущение полного смешения войны и мира: блаженство солнечных лучей, всплески тихой воды, рассекаемой купальщиками, беспечные голоса, а в какой-нибудь тысяче метров ниже по течению, у моста, — фонтаны от разрывов тяжелых снарядов, и — в дымовой завесе — вспышки огня, и, конечно, жертвы, и кровь, и высоко над завесой появлявшийся и исчезающий, окружаемый разрывами зенитных снарядов, назойливо ноющий мотором и поблескивающий винтом фашистский корректировщик...

В половине десятого утра я увидел в облаках любопытнейшее явление: световые дуги пересекали облака при каждом выстреле

наших тяжелых орудий; освещаемые солнцем волны, образуемые летящим снарядом, бежали одна за другой. И такие же — менее отчетливо наблюдаемые — встречные волны от немецких снарядов.

Я не знаю, как называется такое явление, — за всю войну я наблюдал его в первый раз!

Бои за Синявинские высоты продолжались до осени. Было несколько неудачных попыток их штурмовать. Но после того как в разведке боем был захвачен один маленький, удобный для скрытого наблюдения холм, удалось разгадать метод сопротивления врага, и тогда, 15 сентября, после умелой и сокрушительной арт-подготовки Синявино и высоты, на которых располагался вражеский узел обороны, были взяты штурмом за какие-то короткие двадцать — тридцать минут. Линия фронта была окончательно выровнена, и с тех пор, удобная для нас, сохранялась до полного снятия блокады в январе 1944 года, когда разгромленная 18-я немецкая армия была на всем фронте отброшена из-под Ленинграда.

ЛЕТНИЕ ДНИ

Гремят обстрелы. Городской быт. Будничные дела.
Во внешнем мире. Крепость духа. Взят Харьков!

(Ленинград. Август — начало сентября 1943 г.)

ГРЕМЯТ ОБСТРЕЛЫ

7 августа

Теря дивизию за дивизией, теряя метр за метром землю под Ленинградом и давно уже потеряв инициативу, фашисты в это лето неистовствуют, срывают свою злобу на мирном населении Ленинграда.

Картины лютой жестокости немцев я, находясь в городе, наблюдаю даже из окон своей новой квартиры (в том же доме, на канале Грибоедова, 9), которую предоставил мне Союз писателей вместо прежней, разбитой тяжелым снарядом.

После жесточайшего обстрела 17 июля фашисты с 23 июля, то есть на следующий день после начала нашего наступления в районе Синявина, видимо, желая отвлечь нашу действующую в боях артиллерию, деморализовать население Ленинграда и лишить фронт коммуникаций с городом, обрушились на него волной самых изуверских обстрелов. Они стали бить по Ленинграду сплошь, почти без перерывов, беглым огнем. Очевидно, фашисты ввели в действие новые, скрытые пока от нас батареи, либо придумали новую систему ведения огня.

Были дни, когда жизнь города во многом оказывалась парализованной. Например, поезда не могли уходить с Финляндского вокзала, его яростно обстреливали, притом именно в момент прихода или отправления поезда (не сомневаюсь, что в городе есть шпионы-корректировщики). Поезда стали отходить только от Пискаревки, а пассажиры — главным образом, женщины, дети, гражданское население, работающее на огородах, в пригородных совхозах и колхозах, — плелись туда пешком или ехали до ближайшей конечной петли на трамваях, которые то и дело прекращали под обстрелом движение.

23 июля грохот начался с вечера, длился до двух часов ночи; 24 июля с пяти утра и до одиннадцати часов следующего дня артиллерийский обстрел города был почти непрерывным. Налеты то возникали — по несколько залпов — каждые десять — пятнад-

цать минут, то были сплошными, длившимися по получасу, по часу. Особенно обстреливались Выборгская сторона, районы Кировной, улицы Некрасова, Баскова переулка, площади Восстания.

Но разрывались снаряды и на Васильевском острове, и в центре. Кроме того, 24-го было три налета самолетов — гул моторов, грохот от разрывов бомб, трескотня зениток слышались по всему городу. Один из снарядов, разорвавшись на Литейном мосту, попал в переполненный людьми трамвай. Много снарядов плелалось повсюду в Неву, несколько легло в воду против Военно-медицинской академии. В тот день, по случаю праздника Красного Флота, там происходили шлюпочные состязания; ниже Литейного моста виднелись шеренги буйков, обозначающие линию старта. Но в момент падения снарядов там шлюпок не оказалось, я с набережной наблюдал, как между разрывами крутились два маленьких пароходика; они собрались было уйти, но потом снова стали лавировать, очевидно охотясь за глушенной снарядами рыбой. Не обращали внимания на обстрел и прохожие — ходили по улицам, не слушая объявляемых по радио приказов. Ходили не торопясь, деловым шагом. Не прекращали движения и автомобили... Я видел: шофер вылезает из кабины грузовика, поднимает капот, ковыряется в моторе; женщина, пассажирка этого грузовика, спрыгнув на мостовую, стоит рядом с шофером, о чем-то не спеша с ним разговаривает и даже не поглядывает на желтую и бурюю пыль, взвивающуюся над домами, в которые в тот момент попали два снаряда. Я наблюдал много подобных сцен.

26 июля я выехал на велосипеде из города в армию, но знаю: все следующие дни и ночи страшные обстрелы города почти не прекращались. В ночь на 29-е, кроме того, был снова налет авиации, слущено было на парашютах множество осветительных ракет, но фашистские самолеты не могли прорваться сквозь наш зенитный огонь, и потому бомбить город им не пришлось...

Городские госпитали переполнены ранеными, подобранными на улицах Ленинграда и доставленными с поля боя, из-под Синявина.

Гитлеровцам не понять, что дух ленинградцев не сломить ничем. Да, такие обстрелы только обостряют желание как можно скорее разделаться с лютым врагом, как можно скорее извратить родной город от ужасов и страданий.

ГОРОДСКОЙ БЫТ

Как же выглядит, как живет в эти дни сам город?

О красоте Ленинграда можно много не говорить, кто не знает, что Ленинград — один из красивейших городов мира? Прочитайте любое письмо прежнего ленинградского жителя, разлученного войной с родным городом: между строк обязательно почувствуется тоска именно по красоте Ленинграда. Он торжествен, строг и великолепен всегда — лунной ли ночью, в рассветный ли розовый

час, в яркий ли солнечный августовский день. Даже мрачный туман, даже осенний унылый дождь становятся в свой час приметами особенной, только Ленинграду свойственной красоты, — потому что Нева во всех своих обличьях величественна, потому что строгость архитектуры в любом освещении впечатляюща.

Такой он и сейчас, в августе 1943 года, хотя в нем много развалин, хотя изъязвлены осколками вражеской стали асфальт его улиц и стены его домов.

Девушка-милиционер стоит на перекрестке улиц, она спокойна, жизнерадостна, весела. А ведь на этом перекрестке уже неоднократно разрывались снаряды; может быть, сию минуту упадет и еще один? Если девушка погибнет, на ее место встанет другая, такая же подтянутая, невозмутимая, жизнерадостная.

Прохожих, конечно, много меньше, чем было в мирное время, но внешне они такие же, как в те давние времена. Женщины одеты тщательно, иные даже кокетливо. Мужчины — больше военные: моряки, пехотинцы, летчики... Приехал ли он на трамвае с передовой линии фронта, работает ли в штабе — всё равно: он чисто и опрятно одет, он не позволит себе пройти по Невскому в нечищенных сапогах или небритым...

И если от оглушающего разрыва на улицу вылетят все стекла дома, то, едва рассеются дым и пыль, на асфальте уже шаркают метлы невозмутимых дворников.

Везде, как и в прошлом году, — огороды. У поэта Александра Прокофьева, например, огород на Марсовом поле; и среди грядок соседних огородов в солнечный день всегда можно увидеть нескольких женщин, спокойно читающих книги. Подойдите поближе, вы увидите томик Шекспира, журнал «Октябрь» или сборник рассказов Джека Лондона. Этого автора ленинградцы полюбили по-новому — разве быт, описанный в «Северной Одиссее», не схож многими своими чертами с нынешним нашим бытом? Но только читают Джека Лондона с чуть ироническим чувством превосходства: что стоят все описанные им трудности, то ли испытывали мы? А вот сидим на огородной грядке, живые и сильные духом, и ничто нас ни испугать, ни смутить не может...

Проходя по Невскому мимо Морской улицы, видишь пятиэтажный разрушенный бомбой дом. Разбитый фасад его закрыт фальшивой стеной — разрисованной художниками фанерой: окна, занавески, тени карнизов и даже символическая, полная саркастического отношения ко всякой разрушительной силе, цифра над рисованной аркой: «1942»... А груда мусора и обломков, полукруглой отмелью выдвигающаяся в асфальт улицы, ярко и свежо зеленеет: она превращена в огород!

Среди машин, бегущих по городу, много грузовиков, наполненных веселыми девушками в майках или комбинезонах. Девушки утопают в листьях салата, в полевых цветах, час назад погруженных на эту газогенераторную машину в пригородном хозяйстве. И хоровая девичья песня летит над улицей гимном молодости и

бодрости! И в любой час она обязательно сливается с гулом самолетов, летящих бомбить врага; уничтожить его изуверские батареи, топить его катера, разбрасывающие мины на Балтике, жечь и взрывать эшелоны гитлеровцев, приближающиеся к Пушкину, к Петергофу, к Гатчине...

Подобно веренице бесчисленных крепостей и фортвов, тянутся вдоль улиц ряды всегда настороженных, но живущих почти нормальной жизнью домов. Пусть рядом зияют провалами прогорелые насквозь, разбомбленные сверху донизу другие дома, но эти, даже там и здесь простреленные, давно приведены в порядок, отремонтированы; их пробиваемые осколками крыши свежеекрашены коричневой или зеленой краской; ни одной пробоины не оставит незаделанной управхоз, — о нет, — крыши теперь не текут! Никто теперь не говорит и о водопроводе, об электричестве, о печах: всё это есть, всё это — под зорким наблюдением не допускающих никаких неисправностей управхозов и самих жильцов. Порядка в домах ныне гораздо больше, чем было в мирное время; управхозами давно уже поставлены лучшие люди из жильцов дома, энергичные, честные, хозяйственные.

В домах по-прежнему много пустых квартир, но эти квартиры теперь уже не беспризорны: имущество в каждой из них тщательно описано специальными комиссиями, опечатано, охраняется. Сколько владельцев квартир сражаются сегодня на фронте! Будет день, они вернутся домой, как же можно допустить, чтобы после всего пережитого они, — если дом уцелел, — не нашли свои вещи и книги в неприкосновенности и порядке! Ведь та зима, когда никакие материальные ценности не имели цены и могли для умирающих от голода и холода людей служить только спасительным топливом, — та первая блокадная зима давно уже позади.

Выколоченные ковры вновь легли на тщательно вымытые полы, картины вновь повешены на стены. Потолки у большинства выбелены, подоконники покрашены белой краской, мебель и вещи расставлены, как в мирное время, бумажки с оконных стекол давно отмыты, щиты сняты.

— Не хочу жить по-свински! — сказала мне одна пожилая женщина. — Не знаю, что будет со мной через час, а сейчас хочу жить по-человечески. Что он, этот паразит, думает? Запугать хочет нас? Не запугаешь! Да и некогда заниматься этими, как их там, тревогами.

БУДНИЧНЫЕ ДЕЛА

Всем в городе действительно «некогда». Все очень заняты. Люди приобрели много побочных, необходимых быту, профессий. Возвращаясь со службы, нужно побывать на своем огороде. Придти домой, выполнить общественные обязанности по дому: провернуть дежурных звена МПВО или стать самому (или чаще — самой) на дежурство; сходить на чердак — есть ли в бочках вода?

Зайти к соседке — договорились ли о доставке дров?.. У каждой домашней хозяйки обилие подобных обязанностей. А потом у себя в квартире подстругать осевшую дверь, исправить громкоговоритель (не пропустишь же сводки Информбюро!), заделать войлоком щели, дело к осени, скоро зима!..

Население готовится к зиме не так, как прежде, а именно как к зимовке. Запастись дров, керосина, засолить капусту, заготовить мел для замазки окон, связать заранее варежки себе, да и другим — двум-трем знакомым на фронте...

Мало ли что еще? И не только надо быть готовым к зиме. Надо держать свою квартиру в постоянной боевой готовности. Светит электричество, но у всех есть керосиновые лампы, свечи, коптилки. Действует водопровод, но в ваннах, в ведрах, в корытах всегда есть запас воды. День спокоен, но проверенные противогазы под рукой, чтоб не искать их в случае надобности. Стелешь на кровать чистые простыни, но на стул кладешь портфель или сумку с карманным фонариком, спичками, индивидуальным пакетом; всё в порядке, теперь можно об этом забыть, запустить патефон, почитать книгу, зайти поговорить о чем-либо веселом к соседям... Именно — о веселом, приятном: о наших победах на брянском направлении, о том спектакле, который в театре вместе смотрели вчера, о любви, о дружбе...

Точно так живут бойцы в полку на передовых позициях: всегда в боевой готовности, всегда — полные жизни, спокойные, уравновешенные!

В тихий день в прибранной чистой квартире иной раз удается представить себе, что сейчас мирное время. Никто, однако, не обманывает себя: тишина может нарушиться в любую минуту. Вот и сейчас: захохотал очередной обстрел, радиорепродуктор объявляет свое неизменное: «...движение транспорта прекратить, населению укрыться...» За окном поплыли бурые облачка от разрывов шрапнели, где-то неподалеку трещат и ломаются крыши, дом колеблется и дрожит...

Рвутся и рвутся снаряды. Но горожанин знает: все пункты ПВО работают напряженно. Все наблюдатели артиллерийских контрбатареинных дивизионов засекают гулы и вспышки, с математической точностью определяя координаты фашистских проклятых орудий; по всем проводам Ленинградского фронта бежит короткое слово — пароль, по которому наши тяжелые батареи, форты Кронштадта и крупные калибры кораблей Балтфлота открывают огонь, а летчики уже взмыли с аэродромов на своих самолетах, — вот они гудя проносятся над городом, чтоб обрушить груз бомб на батареи немцев, на их кочующие по лесным чащобам орудия. Обстрел города прекратится, когда нащупанный, найденный враг будет подавлен или уничтожен. И пока защитники Ленинграда всей громадой огневых и бомбардирующих средств обрушиваются на неистовствующих под стенами города фашист-

ских преступников, наши пожарные команды, городская милиция, дежурные ПВО, санитарки больниц и госпиталей совершают свои каждодневные подвиги.

ВО ВНЕШНЕМ МИРЕ

10 августа

Слатино, Никитовка, Рубежное — наши войска все ближе подходят к Харькову и, не сомневаюсь, в ближайшие дни возьмут его, на этот раз крепко, чтоб уж больше не отдавать его гитлеровцам. После Орла и Белгорода, взятых 5 августа, это будет следующее крупнейшего значения событие в войне. 5 августа, вернувшись домой в девятом часу вечера с неистовым желанием спать, но услышав по радио, что между одиннадцатью и одиннадцатью тридцатью будет передаваться важное сообщение, я, преодолевая сонливость, ждал, ложился, засыпал и будил себя, потому что это предупреждение все повторялось по радио. Дождался торжественного приказа Верховного главнокомандующего. Я, как и все, предполагал, что будет сообщение о взятии Орла, но взятие также и Белгорода оказалось для меня неожиданностью. Слова приказа о салюте Москвы заставили меня ждать еще и полуночи; думалось, эти двенадцать залпов из ста двадцати орудий будут транслироваться по радио.

Более пяти тысяч танков взято и уничтожено нами в боях под Орлом и Белгородом, больше двух тысяч пятисот самолетов. Масштабы введущегося сражения шире, чем когда-либо в мире, во всей его обильно насыщенной войнами истории.

Наступление наше продолжается и поныне, а теперь к нему прибавилось харьковское. Это — первое наше прекрасное летнее наступление, и все то, что происходит в Италии, — крах Муссолини, почти полное занятие Сицилии союзниками, усилившаяся борьба с оккупантами в воспрянувших духом странах Европы, — бесспорное доказательство слабости Германии. Крушение каких бы то ни было надежд Гитлера на победу, близость полного поражения фашистских полчищ, близость полной нашей победы! Где она, победа наша? В этой наступающей осени? В зиме ли? Или еще только в будущем году?.. Союзники со вторым фронтом по-прежнему тянут. На днях в «Правде» была помещена статья «О втором фронте», — статья, открыто и резко осуждающая медлителей, требующая быстрого открытия второго фронта, — первая столь резкая и прямая статья. После блестящего успеха нашего на линии Орел — Белгород¹ такая статья звучит гордо, она — суровый укор, высказанный с достоинством. В этой статье союзникам напоминает и срок открытия второго фронта: «...и не позже чем через 9 месяцев» после обещания, — то есть сентябрь 1943 года.

¹ Орловско-Курская дуга.

КРЕПОСТЬ ДУХА

Позавчера, 8 августа, примерно с трех часов и до шести дня продолжался неистовый обстрел центра города. Я сидел в своей комнате перед окном, работал — писал очерк «Летучий голландец»: о голландце-перебежчике и немке-садистке, любовнице артиллерийского офицера, дергавшей шнур дальнобойного, обстреливавшего Ленинград, орудия. Внезапный шквал снарядов обрушился вокруг моего дома. Я смотрел в открытое окно со своего четвертого этажа. Дом дрожал и колебался. Я видел: побежали люди по Невскому, побежали по каналу. Иные продолжали идти как ни в чем не бывало. Иные стояли в подворотнях. Новый шквал. Я увидел огромное взлетевшее над крышами желтое облако — впереди и одновременно другое — справа, на углу Невского и канала... Донесли треск, грохот; осколки снарядов застучали вокруг и по крыше моего дома. Я отпрянул от окна, но минуту спустя стал смотреть снова, высунувшись, сев на подоконник. По пешеходному мостику торопливо шли девушки-санитарки в плоских касках, с носилками — спеша к площади Лассаля, где разорвался снаряд. Бежали люди, другие же шли спокойно, как ходят всегда.

Обстрел продолжался. Снаряды рвались то ближе, то дальше. Позднее я узнал: на площади Лассаля снаряд попал в трамвайную остановку, в самую гущу ожидавших здесь людей. Одна из жилищ нашего дома, возвращавшаяся сразу после обстрела из радиокомитета, и другие, с которыми я разговаривал позже, рассказали мне, что видели там огромные лужи крови, десятка полтора — два трупов, изуродованных и окровавленных; огромная лужа крови была у входа в Филармонию. Раненых разнесли по госпиталям — в Европейскую гостиницу, в соседнюю с моим домом больницу Софьи Перовской...

В 6 часов радио объявило об окончании обстрела (после того как на юго-запад прошли наши самолеты). Я, прервав работу, поехал на велосипеде в Дом Красной Армии. На асфальте против Марсова поля валялись осколки снарядов, валялись они против Летнего сада; люди шли, как всегда, день был солнечным, ярким, зеленым, летним; куски кирпича лежали на мосту через Фонтанку, стояла здесь регулировщица-милиционер, как стоит всегда.

Когда я возвращался домой, обстрел начался снова...

В тот день я узнал: снаряд попал также в трамвайную остановку против Публичной библиотеки. Очень долго не было трамвая, здесь скопилось множество ожидающих, снаряд разорвался в толпе людей, убито и ранено было не меньше ста человек.

Вчера опять обстрел нашего района. Снаряд попал в дом почти напротив моего. Другие рвались поблизости.

Сегодня, когда я начал писать этот дневник, тоже шел обстрел, я писал под звуки разрывов.

Живем так, как нам велит долг.

Характерно: в прошлую мировую войну (как в эту в Германии), к концу ее, в русском обществе поднялась волна мистицизма, религиозности, суеверия. Этого у нас теперь нет. Очень изменился народ с тех пор, очень поумнели люди, стали мыслить трезво, реалистически, материалистически. Двадцать пять лет революции сделали свое дело. Даже в такой обстановке, как-то ленинградская, нет ничего, напоминающего об этих явлениях, возникающих обычно, когда народ пребывает в тревоге, в опасности. Народ уверен, трезв, спокоен. Он знает, что Гитлеру — крышка. Ни один ленинградец, живя в городе, не может сказать, будет ли сам он жив и цел завтра. Но никто не сомневается в том, что Ленинград, как и вся страна, будет существовать свободно и перушим, что враг будет разбит, сокрушен, уничтожен.

В подвалы теперь при обстрелах уже почти никто не идет. Казалось бы, все знают (радио напоминает об этом часто): самая опасная сторона улиц — северо-восточная, потому что снаряды летят обычно с юго-запада. Самая безопасная — юго-западная. И, когда у человека есть возможность перейти на безопасную сторону, многие так и поступают. Но большинство не считает нужным даже и это сделать. Живут в своих квартирах, работают в своих учреждениях, все — каждый — делают свое дело, что бы ни творилось порою в душе. Аккуратно, деловито, сосредоточенно.

Люди ходят в театр. И любят. И развлекаются, не слишком заботясь о своей безопасности!

17 августа

Кто мог бы поверить, что группа девушек, идущих по улице, способна весело, непринужденно смеяться, о чем-то о своем болтая, в то самое время, когда беглым огнем обстреливается район, по одной из улиц которого они идут? А я это слышал сегодня со своего четвертого этажа. В грохот разрывов вмешался звонкий, мирный девичий смех, я даже выглянул в окно, удивившись: по набережной канала шли в ряд четыре девушки в серых комбинезонах с противогазами через плечо, шли не торопясь, будто прогуливаясь по Петергофскому парку в 1940 году...

И смех тех четырех девушек — не легкомыслие и не бравоирование. Он столь же естествен, сколь и прыжок матроса с берега на корабль, от которого уже убран трап, — дело привычки!..

ВЗЯТ ХАРЬКОВ!

26 августа

В Ленинграде последние дни тихо. С того дня, когда я сделал в дневнике последнюю запись об обстрелах, их почти не было. Даже удивительной кажется такая тишина, к ней трудно привыкнуть. Не веришь ей, слишком уж она представляется ненадежной, обманчивой. Но пока она есть. Видимо, наши самолеты —

торпедоносцы, бомбардировщики, штурмовики, — наша дальнбойная, выведенная на передний край артиллерия разворотили вражеские батареи весьма основательно, и гитлеровцы теперь боятся, получив хороший урок. Возможно, часть своей дальнбойной артиллерии они вынуждены из-за общей обстановки войны утянуть на юг, на другие участки фронта, ибо сила нашего наступления на юге такова, что немцы продолжают отступать день за днем, теряя несметное количество солдат и оружия. Взят нами Харьков, — 23 августа взят штурмом, и сообщение радио об этом прозвучало даже неожиданно, вызвав подлинное ликование всех, кого я видел за эти три дня.

Взятие Харькова — столь очевидное свидетельство близости военного краха Германии и силищи нашей армии, что каждый почувствовал: конец войны близится с каждым днем и мы начинаем одолевать Германию даже без второго фронта.

ХРОНОМЕТРАЖ ОБСТРЕЛА

Из многих подобных, имеющих в моем дневнике, я решаюсь привести здесь только эту одну маленькую «цифровую иллюстрацию» нашего быта. Содержание этой череды цифр для Ленинграда лета 1943 года весьма характерно!

3 сентября. 10 часов 30 минут утра

Сажу за столом в своей квартире. Начался очередной обстрел. «Для разнообразия» решил последить за ним по секундомеру. Записываю в минутах и секундах промежутки между разрывами. Близкие разрывы записываю без скобок, дальние — в скобках:

...5.00 — 6.30 — 6.45 — 2.30 — 0.40 — (0.40) — 0.10 — (1.20) — 0.15 — (1.45) — 0.15 — (4.30) — 1.00 — 3.55 — 3.10 — (2.35) — 0.50 — (3.30) — (0.50)...

Одновременно читаю корректуру.

...2.50 — (1.10) — (5.30) — (4.30) — 4.15 — (4.00) — (2.15) — (25.00) — 2.30.

Прочитал корректуру двух больших рассказов.

Дальние разрывы перестал считать. Записываю только близкие. 9.00 (свист, и очень близко) — 5.00 — 3.00 — 12.30 — 0.02 (вижу в окно: пошли наши самолеты) — 30.00 — 2.30 — 1.30 (оглушительно и раскатисто) — 3.15...

Написал на машинке страницу очерка. Девушка-письмоносец принесла газету и письма. Прочитал их, опять правлю корректуру. Уже 1 час 40 минут дня...

...4.30 — 5.25 — 0.05 — 1.00 — 4.45 (против окна дым разрыва). Пошли частые разрывы. Гул самолетов в небе, пулеметная стрельба, и, в общем, мне записывать надоело, — читаю корректуру. 2 часа 15 минут дня...

3 часа 10 минут дня

Прочитал корректуру еще одного рассказа. Обстрел все идет — частый, близкий. Я ходил обедать в столовую штаба. По улицам лежат осколки снарядов. Сейчас четыре бомбардировщика и два истребителя прошли перед моим окном на юг в солнечном небе. А с запада, навстречу им, прошли два наших возвращающихся разведчика. Обстрел продолжается...

10 часов 30 минут вечера

Обстрел прекратился в пять часов дня. Слушаю сводку.

В Донбассе мы взяли Пролетарск, Первомайск, Ирмино — всего сто пятьдесят населенных пунктов. На смоленском направлении, на конотопском, южнее Брянска — еще двести пятьдесят. Всего за день занято четыреста населенных пунктов. Так наступаем мы каждый день!

ДОМ НА СЧАСТЛИВОЙ УЛИЦЕ

(42-я армия. Ноябрь 1943 г.)

4 ноября. Ленинград

Леня Уваров, с которым за всё время войны я встретился первый раз, и то на трамвайной остановке, торопливо ткнул пальцем в карту:

— Вот в этом квадрате. А там спросишь Счастливую улицу, дом номер девять... Приедешь?

— Приеду! — сказал я уже вскочившему на подножку трамвая приятелю, в прошлом инженеру, а ныне капитану, командиру саперной части.

Леня Уваров знал мое пристрастие: везде искать интересных людей. Но что может делать управдом на фронте? Да и чем особенным управдом может быть интересен? Леня сказал мне:

— Безногий, живет в своем доме, как жил и всегда, не командир, не боец — просто управдом. Но приезжай, познакомлю, будешь доволен!

На днях я поехал в тот, указанный мне на карте, пригород Ленинграда. Обозначу его, как принято теперь, «населенный пункт Н.». Трамвай, петля, контрольно-пропускной пункт, километра полтора пешком, а потом попутный грузовик по так называемому «способу голосования»: моя поднятая рука и любезность шофера, сочувствующего шагающему по грязи офицеру.

— Теперь мне налево! — сказал минут через пятнадцать шофер. — А вам, товарищ командир, направо по этой улице!

Я сошел. Но где же тут улицы? Серое, кое-где присыпанное красным кирпичем да ржавым железом вязкое поле. Две-три печные трубы. Рытвины, ямы, покинутые траншеи, рвы... Даже в середине дня было сумеречно... Начал накрапывать холодный дождь. Я вынул карту: сомнения нет — этот значительный населенный пункт должен быть именно здесь. Я вновь оглядел окрестности: пусто, обычные признаки переднего края.

«Где ж тут искать Счастливую улицу, номер девять? — с горечью усмехнулся я. — Да еще название какое: Счастливая!»

Однако первый же красноармеец вежливо указал мне рукой:

— Дом девять? Захарыча?.. Это туда!

Я брел все дальше. Кругом уже рвались снаряды и мины. Все виды укреплений переднего края потянулись мимо меня. Но каждый мною спрошенный красноармеец направлял меня всё в ту же сторону:

— Дом девять? Это, товарищ капитан, туда!

Разветвлялись ходы сообщения. Рев минометов усилился. Слышался треск пулеметных очередей. Надо было остерегаться пуль. «Куда же еще? — подумал я. — К гитлеровцам, что ли?.. Вон рогатки колючей проволоки!»

— Товарищ командир! Вы что в открытую ходите? Давайте сюда! — словно подтверждая мои сомнения, крикнул мне из хода сообщения какой-то сержант с автоматом и в каске.

— Да где тут Счастливая улица, дом номер девять? — раздраженно спросил я его, прыгнув в окоп как раз вовремя, чтоб убежеть от внезапного шквала мин.

— А! Вы к Захарычу? А разрешите у вас документы!.. — откозырнул мне сержант и, проверив их, сказал: — Это туда, дальше.

Через двадцать минут я был в массивном блиндаже на том, клином выдающемся вперед участке переднего края, где располагалась саперная рота Уварова. Он встретил меня задорным смехом, а я чертыхался. Наконец, накормив меня обедом и дав к обеду сто граммов, всё время пошучивающий, он принял серьезный тон:

— Так вот... Место, где мы находимся, и есть дом номер девять — когда-то большой, трехэтажный дом на тенистой, обсаженной могучими березами, оживленной улице. И единственное, что от всего означенного осталось, — слышишь трескотню? — здесь в самом деле весьма оживленно. Да вот, погляди, стены блиндажика моего — кирпичные, этот сводчатый потолок двухсот-десятимиллиметровым не прошибешь. Подвальный этаж тут был, и живет здесь ровно двадцать три года управдом мой, Иван Захарыч Анисимов. Только в неудачный момент ты пришел — он отправился в город за красной материей. Нам надо писать лозунги к празднику, а материи нет. Но у него в городе знакомства — достанет! Захарыч наш чего хочешь достанет, таких управдомов и на Невском проспекте нет... Оглядишь хорошенечко — на его мебели мы и живем. Диван этот, комод, стол, в который ты локти уставишь, — всё это, брат, его собственное, нажитое трудом. В этой — я обитаю, а его комнату посмотреть хочешь?.. Да-да... У него своя отдельная комната! Здесь же квартира была, это мы недавно сверху землю насыпали, а когда я здесь поселился, так над нами еще этажа полтора торчало — вот был ориентир!.. Теперь сверху, сам видел, гладко. Только то, что под землей, и осталось!.. А всё-таки Захарыч мой как был управдомом, так и поны-

не в той же должности. Жалко, ты не застал его, один вид чего стоит — длинный, худой, жилистый, лицо, знаешь, серьезное, сосредоточенное, как у заядлого рыболова. Впрочем, рыбу тут негде ловить. Пруд, правда, был, караси плавали, а только в сорок втором пришлось засыпать нам этот пруд, уж очень припахивало — гитлеровцев там, наверно, сотни четыре лежит. Нынче вместо пруда — земля бугром да воронки... И за этих гитлеровцев тоже надо спасибо сказать Захарычу, это он так по-хозяйски с ними распорядился. Кабы не он... Ну да потом расскажу, ногу тогда и оторвало ему. Теперь трудно старику ходить здесь, ведь под пулями, а на деревяшке-то как пригнуться? В тыл мы пытались его отправить, да он ни в какую. «Не уйду, — говорит, — из своего дома, хоть вы тут расстреляйте меня!» Мол, враг его из дому не мог выжить, а мы посягаем... Что ж, возразить нам нечего, так и остался он. Хочешь взглянуть на его бытие?

И, растворив передо мной белую квартирную дверь, Уваров ввел меня в соседнюю комнату. Удивительно было мне увидеть ее: здесь всё осталось на своих местах, всё не соответствовало месту, обстановке и времени. Это была обыкновенная комната мирного городского жителя, за исключением лишь того, что окно в ней заделали кирпичом, а в треснувшую кафельную печь втыкалась железная труба времянки. Никелированная кровать с постелью, затянутой кружевным покрывалом. Пузатый буфет с посудой, швейная машинка в углу, на столике машинки, накрытом клеенкой, стояли самовар и примус. Овальное зеркало в старинной раме, фотографии веером на стенах, розовый абажур, свисающий с потолка, под абажуром угнездилась маленькая, от автомобильной фары, лампочка с проводом, протянутым к поставленному в углу аккумулятору.

— Это — дочка его, студентка педвуза, погибшая здесь в сорок первом, — коснулся Уваров фотографии пышной хорошенькой девушки с теннисной ракеткой в руках. — А это жена. Ее бомбой убило, когда «юнкерс» снес угол третьего этажа; о муже беспокоилась она (в тот момент муж за водой на пруд пошел), взбежала на третий этаж, чтобы покликать его... А это он сам, видишь шляпу, как у Максима Горького, он носил, теперь небось в шлеме ходит.

Умное, с глубокими морщинами, худощавое лицо, типичное лицо старого питерского пролетария-мастерового, глянуло на меня с выцветшей фотографии...

Я взмолился, потребовал, чтобы Уваров тут же рассказал мне о Захарыче всё. Уваров спросил дежурного: «Как там наверху, порядок ли?» — отдал какие-то приказания по поводу группы саперов, что ночью выйдут разминировать проходы для разведчиков возле пруда, подписал и отправил какие-то донесения и, усадив меня в плюшевое кресло, а себе взяв табурет, сказал:

— Ну, слушай, коли так. Расскажу...

И под глухой гул рвущихся вокруг блиндажа снарядов и мин поведал мне историю жизни Захарыча.

— М-да... Лет ему сейчас сорок девять. У нас он вольнонаемным теделефонистом числится, сам понимаешь, нет же в воинских частях такой должности: управдом! И не он к нам в подразделение вступил, а правильней сказать, подразделение наше к нему в дом вступило... В юности работал он подмастерьем на заводе, потом электромонтером стал. В первую мировую войну солдатом немца под Варшавой бил, там надорвался, подтаскивая снаряды. В шестнадцатом в Петербург вернулся демобилизованный начисто, как потерявший трудоспособность. Жил он тогда в Нарвском районе, за Путиловским заводом. Двадцать четвертого октября тысяча девятьсот семнадцатого года Захарыч стал красногвардейцем, приняв участие в оцеплении красногвардейцами кавалерийского училища на Обводном канале.

Он не был в партии. Не в партии он и сейчас, бог весть почему остался беспартийным; когда я спрашивал его, он добродушно улыбнулся: «Не поздно еще. Думал, мало от меня проку... Зато дочь я растил комсомолкой, сам ей Ленина вслух читал, как только понадеялся, что до понимания доросла!..»

В девятнадцатом, когда на Петроград лез Юденич, Захарыч во имя защиты родного города сжег свой собственный дом, — да, да, свой маленький деревянный домик на Счастливой улице, той, что отстроилась за Путиловским. Ты понимаешь, как это произошло?.. Наша артиллерия была по белым, но домики Счастливой улицы мешали ей, скрывали вражеские рубежи. Тогда рабочие сами решили убрать всю улицу, вынесли свои пожитки, а дома сожгли. С полным сознанием долга сделал это и наш Захарыч. Артиллерия в тот раз выиграла бой. Вот когда впервые Захарыч стал защитником города Ленина! А к зиме девятнадцатого он поселился здесь, в этом доме, в бывшем, я хочу сказать, этом доме, от которого остались сейчас только угловая комната, где мы находимся, да еще три комнаты того же подвального этажа. Захарыч стал управдомом. На третьем этаже жили с семьями два агронома, на втором — зубной врач и пенсионер — какой-то престарелый гражданский моряк, весь первый этаж занимала квартира профессора Наровчатого.

Об этот дом осенью сорок первого ударилась и разбилась волна гитлеровского нашествия. Фашисты дошли до соседней комнаты, той, где в сорок первом дочь Захарыча Аннушка залегла с пулеметом, стреляла до последнего патрона и была убита в упор вбежавшими в комнату автоматчиками. А в эту комнату гитлеровцы не вошли: из нее Захарыч через дверь швырнул штук десять гранат — собрал их вокруг дома за несколько минут до вступления гитлеровцев в березовую аллею. Запалы он взял у погибших бойцов морской пехоты. Автоматчики полегли рядом с Аннушкой. Пулемет был разбит, но из вражеских автоматов Захарыч отстре-

ливался еще больше часа, пока подоспевшие красноармейцы не отшвырнули врагов от дома.

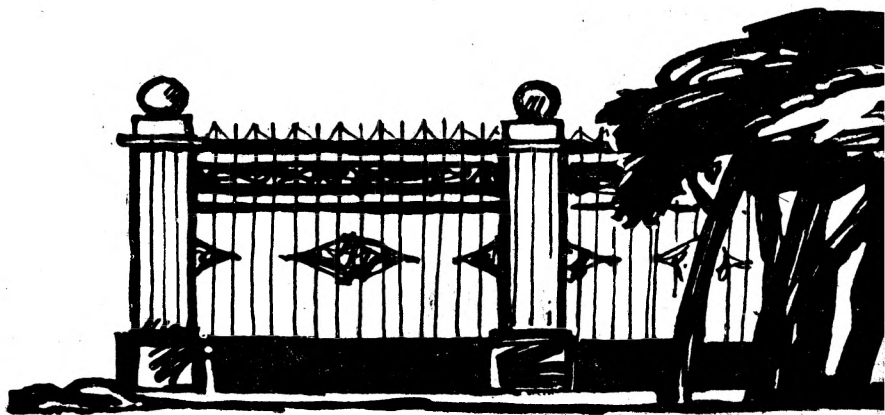
Дальше нашей улицы гитлеровцы к Ленинграду не прошли, так и стала она передним краем Ленинградского фронта, так стоит и поныне. Не кто иной, как Захарыч, не пожелавший никуда уйти из своего дома, прозвал ее Счастливой улицей — в память той, о которой я рассказывал.

Дом стоял еще долго. Профессор эвакуировался. Зубной врач и один из агрономов с семьями выехали еще раньше. За старым моряком под жутким обстрелом приехала раз трехтонка, моряк отправил жену и детей, посадил в кузов и второго агронома с семьей, сам уехать не пожелал. И остались жить в доме трое: моряк да Захарыч со своей Прасковьей Федоровной. Кругом кипел непрерывный бой, на поселок налетали бомбардировщики, везде занимались пожары, трещали и падали деревья. Все дома побиты снарядами, наши части из развалин домов сооружали дзоты и доты, оборонялись от гитлеровцев. Единственный каменный дом, уже не раз продырявленный минами и снарядами, стоял, постепенно обнажаясь, потому что кварталы вокруг превращались в пустырь. Но Захарыч никуда не хотел уходить из дома. Моряк теперь жил в его подвальной квартире. Возле дома похоронил Захарыч свою дочь Аннушку. Рядом с нею похоронил Прасковью Федоровну, разыскав ее тело под развалинами рухнувших от фашистской фугаски этажей. Старый моряк устроил на остоле кирпичной стены наблюдательный пункт — у него была подзорная труба, и какой-то мальчик бегал от него с донесениями к артиллеристам. Гитлеровцы взялись раздолбать этот дом до конца, вгоняли в него снаряд за снарядом. Моряк был убит на своем посту. Захарыч никуда не пошел, Захарыч наотрез отказался уйти из дома, когда командир стоявшей здесь части хотел было удалить его силой. Крепко поругался тогда с командиром Захарыч, заявил, что он здесь хозяин, потому что он управдом, потому что он не пустил гитлеровцев дальше этого дома и потому что рядом с домом — родные ему могилы... Раз ночью фашисты предприняли попытку широкого наступления на этом участке фронта. Захарыч пошел вместе с бойцами в контратаку. Когда все командиры пали в бою и рота замешкалась, Захарыч крикнул: «Ребята, здесь команду я! Не бывать в этом доме немцу!.. Ленинградцы, сынки, вперед!» И на пруду, что ныне засыпан, гитлеровцев в ту морозную, метельную ночь полегло больше четырехсот. А Захарычу в ту ночь вражеской миной оторвало ногу. Когда он вернулся из госпиталя, здесь с моим подразделением уже находился я... Завтра Захарыч явится из города, разукрасит все наши блиндажи лозунгами, и вместе мы будем встречать годовщину нашего Октября. Оставайся, мы знатно отпразднуем этот день! Сказать по секрету, мои подрывники одну штуку готовят для гитлеровцев, в общем, идлюминация тут будет хорошая! Останешься?

Но как ни хотелось мне повидать Захарыча, служебные обязанности заставили меня с рассветом вернуться в Ленинград. Я ночевал в той комнате, на дверных косяках которой капитан Уваров показал мне следы пуль, выпущенных два года назад хорошенькой Аннушкой, не пожалевшей своей жизни для защиты родного города.

1944

Глава тридцатая

БЛОКАДА СНЯТА!

В строжайшей тайне. Первые сведения. Бой за Красное село. День 20 января. Немецкие пушки на Дворцовой площади. В Стрельне и Петергофе. В Пушкине. Павловский дворец горит. Освобождение Гатчины. Салют победы. Ленинград в радости

(14—29 января 1944 г.)

Огромный накопленный в боях войсками Ленинградского фронта опыт и столь же огромная мощь, какой к концу 1943 года обладала вся наша Красная Армия, дали возможность защитникам Ленинграда хорошо подготовиться к последней, решающей битве на территории Ленинградской области. Подготовка к этой битве началась с осени 1943 года. Наше командование во всех деталях разработало план крупнейшей операции, целью которой было полное снятие с Ленинграда блокады, разгром и изгнание за пределы Ленинградской области всех немецких захватчиков.

Враг был еще силен. Надо было нанести удар так внезапно и на таком неожиданном для врага направлении, чтобы он заблаговременно не мог стянуть к опасному для него месту крупные резервы и чтобы при нанесении удара не успел опомниться.

Могли ли гитлеровцы представить себе, что ленинградские войска ударят с той стороны, где наши силы казались им всего слабее и куда, по суждению немцев, мы не имели возможности стянуть тяжелую технику и многолюдные подкрепления? Но именно такое место и выбрано было нашим командованием для нанесения решительного удара. Таким местом был Ораниенбаумский «пяточок» — сохранившийся с первых месяцев войны за нами приморский плацдарм, с которым сообщаться можно было только водным путем, по Финскому заливу, насквозь просматриваемому вражескими наблюдателями с южного и с северного берегов, простреливаемому во всех направлениях. Каждое судно, появившись в узком фарватере между Ленинградом и Кронштадтом или между Кронштадтом и Лисьим Носом (на северном берегу), немедленно подвергалось яростному обстрелу и бомбежкам с воздуха.

Но это не помешало нам в полной тайне от гитлеровцев, начиная с ноября 1943 года, по ночам, соблюдая строгую маскировку (и обманывая врага впечатлением, что мы вывозим с Ораниенбаумского плацдарма нужные для нас в другом месте войска Приморской оперативной группы), постепенно перебросить туда всю полностью укомплектованную и обеспеченную мощной артиллерией и тяжелой техникой 2-ю ударную армию, сняв ее с Волховского фронта. Командующим армией был назначен генерал-лейтенант И. И. Федюнинский.

Одновременно готовилась к той же битве и 42-я армия под командованием генерал-полковника И. И. Масленникова, оборонявшая южные подступы к Ленинграду, на линии Урицк — Пулково. Она была пополнена несколькими корпусами и другими крупными соединениями, насыщена артиллерией так, что на каждый километр фронта приходилось около двухсот орудий и минометов, один залп которых равнялся сорока четырем тоннам металла. На участке фронта в два раза более широком, чем при прорыве блокады, мощность залпа была в три раза больше, чем тогда. Вся авиация — морская и сухопутная, вся артиллерия боевых кораблей Балтфлота, огромное количество тяжелых и средних танков были поставлены на службу этой операции невиданного размаха.

Обеим армиям предстояло начать наступление почти одновременно (я говорю «почти», потому что разновременный удар должен был сбить врага с правильной мысли о направлении главного удара). Армии получили задачу — прорвавшись сквозь всю глубину обороны противника, обойти его с двух встречных дугообразных направлений и в районе Ропши — Кипени взять в клещи, затем вместе повернуть на юго-запад и двигаться дальше.

Но не только эти армии были назначены для решительного наступления. Развивать успех предстояло и всем другим армиям Ленинградского фронта (кроме 23-й, обремененной Ленинград с севера) и, конечно, Балтфлоту. Включиться в наступление пред-

стояло и Волховскому фронту (8, 54 и 59-й армиям), находившемуся на линии железной дороги Мга — Кириши и далее к югу до Новгорода. 2-й Прибалтийский фронт должен был сковать резервы противника и разгромить невеликую группировку гитлеровцев.

Словом, битва предстояла размаха необычайного, должна была привести (и к осени 1944 года привела) к полному разгрому всех гитлеровских войск сначала на территории Ленинградской области, а затем и в Прибалтике...

Подробности подготовки к этой крупнейшей операции слишком сложны для того, чтобы я мог привести их здесь, предваряя эту главу... Ленинградским фронтом командовал по-прежнему генерал армии Л. А. Говоров, а Волховским — генерал армии К. А. Мерецков.

Итак: 2-я ударная армия начала наступление 14 января в 10 часов 40 минут утра, после артподготовки, продолжавшейся шестьдесят пять минут. Немцы, естественно, подтянули свои резервы сюда. 42-я армия начала артподготовку на следующий день, 15 января, в 9 часов 20 минут утра. Через час сорок минут, после окончания обработки вражеского переднего края артиллерией и авиацией, гвардейский корпус генерал-майора Н. П. Симоняка и его соседи начали наступление стремительной атакой стрелковых частей и танков. К середине дня все три линии вражеских траншей гвардейцами были заняты и корпус Н. П. Симоняка продвинулся вперед на три-четыре километра.

В СТРОЖАЙШЕЙ ТАИНЕ

15 января. Ленинград

В эту ночь, как и всегда, я проснулся задолго до рассвета, прислушался к далекому грохоту артиллерии, зажег керосиновую лампу, стал читать по-французски Густава Эмара. На фразе «Tout pour l'honneur, quoi qu'il advienne»¹ оборвал чтение: задрожали оконные стекла, дробный, исключительной силы гул потряс город. Случилось что-то необычайное. Внезапный, очень сильный обстрел? Нет, не то... Звуков разрывов не слышно, а сила грохота — небывалая... Взглянул на часы: 9.20. Вскочил, распахнул форточку, высунулся. Весь горизонт южной стороны озарялся гигантскими сполохами и вспышками, предрассветная тьма распадалась под взмахами этого красного света. А грохот неслыханной за всю блокаду такой артиллерийской долбежки был подобен ударам тысяч громадных клепальных молотов, пущенных в работу одновременно.

Форточки в окнах домов напротив, через канал Грибоедова, распахивались. Из них во всех этажах выглядывали с недоуме-

¹ Всё для чести, что бы ни происходило.

нием дети и взрослые. На набережную канала выбежали дворники. Все взоры обращались туда — к мелькающей чересполосице красных сполохов. Люди кричали: «Это не обстрел!.. Это — наши!»

В остром, радостном возбуждении я произнес вслух:

— Началось!

Мгновенное решение — на фронт!..

Валенки. Ватная куртка под полушубок. Полевая сумка через плечо — в ней записная книжка, кусок хлеба, карта-километровка. Сунув в карман две запасные обоймы для пистолета, выбежал на улицу...

На площади Лассаля, у остановки «двадцатки», встречаюсь с Александром Прокофьевым и Ильей Авраменко. Едем вместе в Лесное. Вот и Политуправление фронта. Здесь встречаемся с Виссарионом Саяновым, Борисом Лихаревым и с работающим в одном из отделов штаба Александром Дымшицем. Полковник Калмыков сообщает нам:

— Да, началось наступление. Удар наносится с двух сторон: от Ораниенбаума и от линии Урицк — Пулково. Вторая ударная прорвала линию вражеской обороны на десять километров по фронту, прошла в глубину четыре. Сорок вторая только что начала. Самолеты пока еще не введены, позавчера они ходили на массированную бомбежку, но едва взлетели, начался густой туман. Самолеты очень долго не могли сесть на свои аэродромы, кружили, имея, к счастью, много бензина, — не будь запаса или продлился туман, дело могло бы кончиться печально...

— А можете ли сказать, какова главная задача? — спросил Прокофьев.

Калмыков медлил с ответом. Сказал:

— Освободить Ленинград от обстрелов... Но, может быть, «перевыполним план».

Нам было выданы пропуска на фронт, и... почти одновременно «сверху» приказание: всем писателям, всем фронтовым и армейским корреспондентам пока никуда не ехать. Строжайшая военная тайна пока еще не снята! Велят — по домам: «Будут назначены место и время для обеспечения вас информацией и заданиями...»

Разве можно в такой день сидеть дома и ничего не делать?

Невский. Штаб. Поиски попутного транспорта в рассуждении, что мне, спецвоенкору центрального ТАСС, прямого запрещения не было. Редакция «На страже Родины». Из редакции, однако, тоже никто никуда не едет, машину не посылают.

На Невском встречаю Николая Тихонова. Он огорчен: 16-го уезжает в Москву принимать бразды правления Союза писателей. Впрочем, утешает себя: ему где-то сказали, что выполняется задача всего лишь «местного значения»...

Иду с ним по Невскому, сегодня получившему свое прежнее название. Переименованы площади (опять — Дворцовая!) и многие улицы. Снова — Суворовский проспект, снова — Садовая...

В «Северной» столовой краснощекая девушка и молодой человек атлетического сложения, в белом свитере, рассуждают о спорте — они участники завтрашнего лыжного и конькобежного соревнования на стадионе «Динамо». Я переполнен мыслями о том, что творится там, самые слова «конькобежное», «стадион» представляются мне сегодня удивительными, глубоко несоответствующими дню.

Опять мечусь по редакциям. Узнаю: 42-я армия продвинулась на два километра.

...Ночь. С восьми вечера я дома. В квартире четыре градуса. Котка сырых дров, дым, тьма, свеча, ужин. За окном — вспышки. Наблюдаю. «Последние известия» по радио сообщают о «боях местного значения».

Понимая, однако, истинное значение происходящего, представляя себе его, ленинградцы сегодня испытывают чувство величайшего удовлетворения — весь день все были немножко опьяненными, возбужденными. Все приветливы друг с другом — на улицах, в трамваях, везде. Все сегодня в полном смысле слова товарищи!

Ошеломленный, подавленный, враг не обстреливал город (по крайней мере, обстрелов я не заметил и ничего не слышал о них). Ленинградцы усмеваются: «Немцу не до того!»

Как разговаривают сегодня люди? Кто что знает и что говорит? Писатели ничего не знают. Газетки — мало. В редакции «На страже Родины»: «Будто...», «Кажется...», «Такой-то сказал...». В редакциях «Правды» и «Известий» та же досада на вынужденное безделье и отрывочные сообщения: «К Симоняку. На высоту, значит!..» Или: «В хозяйстве Шаманина — пир горой!..»

Так, из обрывков, из отдельных фраз создается представление, пока весьма приблизительное.

А грохот всё продолжается. Он сначала длился не прерываясь, не ослабевая, потом пошел перекатами, то затихая, то возникая новыми шквалами. Так до вечера. Доносились гулы бомбовых ударов — к переднему краю проходили эскадрильи наших бомбардировщиков. Внезапно раздавались особенно тяжелые залпы — то громыхали форты Кронштадта. Весь день ухали башенные орудия стоящих на Неве кораблей, ухают и сейчас, ночью.

Надо заставить себя заснуть...

16 января

С утра тихо. Оттепель. Иду с ведрами за водой в Шведский переулок — ближе нет.

В 9.30 начинается далекий тяжелый грохот: бьет наша артиллерия.

Тороплюсь в штаб. Пропуска на фронт, в 42-ю армию, мне пока нет. Узнаю: ко вчерашнему вечеру наши войска продвинулись вперед на шесть километров. В городе почти никто ничего не знает. Тайна крепка. Газеты скромно сообщают: «Наши артиллерийские и минометные подразделения вели огонь по разрушению оборонительных сооружений противника». А гул был такой, что весь город дрожал!

Вчера все побережье, где немцы (видно было из Гавани), заволочко дымом. Сквозь него прорывалось пламя. Южный ветер гнал дым к городу, в Гавани пахло порохом. Кировский завод ходил ходуном от бомбежки немецкого переднего края нашими самолетами.

Сегодня днем — туманные испарения. Весь день бьют наши корабли с Невы. Немцы ведут обстрел города. Артиллерийского гула на передовой не слышно с середины дня. Вечер мглистый, но звезды ясны.

Совещание военных корреспондентов в Доме Красной Армии, назначенное сегодня на три часа дня, было отложено до пяти, а потом отменено вовсе. Видимо, сочли, что информировать корреспондентов преждевременно.

В десять вечера — передача по радио моего очерка «Встреча» (о встрече двух фронтов в день освобождения Шлиссельбурга) и ряд других передач, посвященных прошлогоднему прорыву блокады. Это — знаменательно, дескать, понимать надо!

В 11 часов вечера — сообщение Информбюро о прорыве немецкой обороны севернее Новосокольников; перерезана дорога Новосокольники — Дно.

После вчерашнего подъема сегодня в городе спад настроения из-за оттепели. Любая гражданка сетует на невыгодную для наступления погоду. Ни у кого, однако, нет сомнений в том, что наступление продолжается.

...Тихонов уехал в Москву.

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ

17 января

На машине 42-й армии вместе с А. Прокофьевым и И. Авраменко приехал на Благодатный переулок, где размещаются первые эшелоны армии. Был в штабе, а сейчас сижу в редакции газеты 45-й гвардейской дивизии «За Родину!».

Комната в издырявленном снарядами доме. Диван, стол, скамеечка, чистая кровать. Только что с улицы вернулась хозяйка — управхоз этого дома:

— В пятнадцати метрах разорвался снаряд! Зверски бьет по улице!..

Вбегают женщины:

— Хозяина нашего ранило в ноги! На улице!..

Залпы. Дрожат стекла. Гудят наши самолеты. Гулы бомбежки. Свист падающих и шелест летящих дальше, на город, снарядов.

После позавчерашней беспощадной артподготовки, длившейся час сорок минут, снежная равнина перед нашим передним краем стала на несколько километров вдаль черной: вся земля сплошь изрыта, перепахана. А наши шли в атаку в белых полушубках и маскхалатах. Но немцы были деморализованы. Когда кончилась артподготовка, уцелевшие начали вылезать, и тут — наши самолеты! Многие из уцелевших гитлеровцев сошли с ума.

Немецкой авиации нет. За два дня на участке дивизии один самолет сбросил две бомбы. Наши рвутся в рукопашный бой, гитлеровцы нигде не принимают рукопашных схваток, отстреливаясь, бегут. И только там, где удастся им оторваться от преследования, закрепиться, опомниться, переходят в контратаки.

Это не тактика. Это — страх!

Ночь на 18 января

В 12.50 ночи вернулся домой на «пикапе» с Охты, из редакции газеты 42-й армии. За день побывали мы в трех дивизиях (45, 63 и 64-й) гвардейского корпуса генерала Н. П. Симоняка.

Общее положение: наступают корпуса генералов Симоняка, Алферова (оба хорошо действуют) и еще один. Корпус генерала Трубачева и другие соединения — в резерве. Сегодня в бой вступило Белгородское танковое соединение. До этого танки на участке от Финского залива до среднего течения Невы почти не действовали.

Авиация? Летная погода была только утром, но наши самолеты бомбили и штурмовали немцев весь день.

Я беседовал с офицерами-штабистами корпуса Алферова. Много интересного. Мощь позавчерашней артподготовки была удивительной. Насыщенность артиллерией небывалая на Ленинградском фронте. Так, на участке наступления одного только корпуса Алферова — тридцать артиллерийских полков, кроме РГК и минометно-артиллерийских подразделений. На каждых десять бойцов пехоты приходилось одно орудие. Силаща просто невероятная!

В штабе корпуса Алферова 15 января во время артподготовки было страшное напряжение: встанет или не встанет пехота? Все дивизии разом, в 11.00, встали, с безупречной храбростью пошли в атаку. В центре сразу — успех. 125-я дивизия алферовского корпуса и ее сосед, 64-я дивизия корпуса Симоняка, прорвали немецкую оборону и устремились в ее глубину. В прорыв, в направлении на Константиновку, немедленно были брошены другие дивизии. На флангах же (Пушкин и Урицк) огневое сопротивление немцев не было сломлено до конца. Здесь произошла задержка и были большие жертвы. Под Урицком, например, запоздали с вступлением в бой танки и не сумел выполнить боевой приказ

командир одного из стрелковых полков, чем подвел и свой полк, и соседей. По приказу командования этот командир был расстрелян.

Сегодня, 17 января, под Урицком положение выправлено, там, в частности, хорошо действуют лыжники. Успех сегодня и под Пушкином, взята с участием танков Александровка.

Приказ: в ночь на 17 января взять Красное Село и штурмовать Воронью гору. Сегодня к вечеру пехота и танки прорвались к окраине Красного Села. Идет ожесточенный бой.

БОЙ ЗА КРАСНОЕ СЕЛО

18 января

Красное Село и Воронья гора еще не взяты; это, пожалуй, наиболее мощный укрепленный район немцев. Воронья гора — господствующая над всей местностью высота, с которой немцам удобнее всего просматривать Ленинград и наши позиции от Финского залива до Пулкова и обстреливать город из тяжелых дальнобойных орудий. Поэтому за два с половиной года немцы и укрепили ее особенно сильно, превратив вместе с прилегающими к ней высотами и городом Красное Село в важнейшую крепость на левом фланге своего фронта.

Как и все корреспонденты, мечусь по городу, ищу транспорт, добиваюсь пропуска, стремясь уехать на фронт...

19 января

Работал, потом передавал в ТАСС материалы. В час дня узнаю: войска генерал-лейтенанта Федюнинского и войска генерал-полковника Масленникова (корпус генерал-майора Симоняка) должны вот-вот соединиться. Разговор по телефону экивоками о «любимых сестрах» и их «свидании».

С Прокофьевым и Авраменко еду на Охту, в редакцию «Удара по врагу».

Приятная для меня случайность: грузовик-фургон редакции отправляется на фронт к Красному Селу, еще не взятому. Оглядываю себя: на мне валенки, полушубок, я готов. «Разрешите с вами?» — «Садитесь!» Еду! Спутники: капитан Васильев и старший лейтенант Кондрашев — сотрудники газеты. Шофер — Вася Андреев.

По пути заехали к дому, к котором живет Васильев. Ждем его. Он бегом — к сыну, родившемуся в день Нового года...

Ночь на 21 января. Ленинград

Великие дни нашей победы настали. Радость!

Утром я вернулся из Красного Села после суток блужданий. В комнате три градуса. Занялся телефонными звонками, печкой,

варкой пищи. Еще до рассвета отправлюсь в Лигово и Петергоф, взятые у немцев вчера ночью. Поэтому спешу записать впечатления.

День 19-го

Четыре дня варварских обстрелов города. В ответ стрельба с кораблей Невы и с кронштадтских фортов тяжелыми. Слухи, догадки, у многих, не знающих обстановки на фронте, сомнения. Я знаю всё главное.

В середине дня 19-го выехал в фургоне-грузовике редакции «Удара по врагу». Рыхлый, разжиженный снег. По Международному проспекту множество грузовиков — на фронт. Застава. Путь в Пулково. Темнеет быстро. Взлеты осветительных ракет в районе Пушкина. Слева — сполохи, сзади, над Ленинградом, — тоже. Впереди зарево вспышек.

Пулковская гора. Сплошные воронки и ямины. Траншеи, надолбы, развалины обсерватории. До Пулково заторов на пути нет. Линия светляков сзади — прикрытые и полные фары непрерывного потока машин в обе стороны. Немецкий передний край — бывший, прорванный 15-го. Угадываемые в ночи очертания траншей, снежные поля, кое-где изглоданные осколками деревья. Нигде никаких домов. Только землянки, блиндажи, воронки. Витолово, перекресток, резкий скачок, выбитая на обломанном мостике рессора. Стоянка — час, починка рессоры. Таскаю зарядные ящики, что-то опасно вынимаю из них, но, кажется, — дымовые пашки. Ящики — под машину. Кругом (осторожно!) минировано.

Мы едем в Красное. Взято или нет? Никто не знает. Красноармеец, ждущий каких-то машин из Ленинграда, неопределенно роняет: «Кажется, взято!»

Путь дальше. Грузовики с солдатами, боеприпасами, продовольствием, амуницией, цистерны, тягачи с пушками, длинные стволы дальнобойных орудий, зенитки, противотанковые пушки, танки — большие и малые, броневики, санитарные машины, сани с лошадьми, розвальни, «эмки» и штабные «жучки»-машины, фуругоны на колесах и фуругоны на полозьях за тягачами, пешеходы с волокушами, кое-кто прицепился к пушкам. Мигание фар, вспыхивающих и гаснущих. Ощущение колоссальной технической мощи.

Ближе к фронту — всё больше машин. Пять метров пути — полчаса стоянки, черепаший ход. Свалившиеся в канаву тягач, танк, несколько грузовиков. Беганье шоферов, солдат, офицеров, беспорядок, ругательства — а в общем, терпеливое ожидание у гигантских пробок, запирающих движение в обе стороны.

Дорога в воронках. Огромные воронки от наших авиационных бомб. Немецкой авиации нет. Днем появлялись два немецких самолета, низко, чуть не касаясь автомашин, выныривали сбоку от

Пушкина, били по колонне из пулеметов. И это все. Нет и обстрела, странная тишина впереди.

С удивлением видим: дома. Их только четыре на всем пути до Николаевки. Вновь начинают попадаться деревья, одиночные, изуродованные. Дальше — больше. До войны здесь, вокруг деревень, шумели живописные рощи. А где же теперь эти «освобожденные от гитлеровцев населенные пункты» — Кокколево, Новый Суян, Виттолово, Рехолово?.. Их нет — только темная снежная пустыня. Тревожная ночь, пожары, дорога, и где-то в стороне от нее — фашисты. Никто не знает точно, где именно. И потому — ощущение враждебной таинственности этой бескрайней ночи.

Вот наконец здания на взгорке. Это — Николаевка. Уцелевшие силосные башни и какой-то дворец. Крутом бивуаки: костры в снежных ямах, траншеях, канавах. В примаскированном, а то и в откровенном свете автомобильных фар, костров, чадающих горелым автолом факелов очертания людей фантастичны. Эти люди, пристроившись в снегу кто как смог, варят еду, сушат портянки, дремлют, ждут, хлопочут...

Первое впечатление от Николаевки: когда подъезжали, слева огромный взрыв — взлетел минированный дом. В Николаевке столпотворение. Глаза болят от света автомобильных фар, уши — от звуков, весь мир — машины. Пробираюсь между ними. Люди на пушках, на грузе, на капотах и кабинах машин. Валенки, сапоги, ботинки... Опять затор.

Впереди разгорается огромное, вполгоризонта, зарево, освещающая рощу Большого Лагера, что перед Красным. Горит Красное Село. Горит Дудергоф. Артстрельбы по-прежнему нет. Основной поток машин сворачивает к Большому Лагерю. Меньший — вперед, на Красное. О Красном Селе говорят: «Взяли и уже дальше прошли». Едем. Здесь рощи в сохранности, а в деревне Николаевке — кое-где даже плетни. Немецким плетнем с одной, северной, стороны отмаскирована вся дорога перед Николаевкой. Убитые по обочинам, вдоль дороги. Черные пятна разрывов на снегу. Едем на свет пожаров.

Окраина Красного Села. Дальше не проедешь. Подводим машину к двухэтажному разбитому дому, внутри — светляки костров, помещение набито бойцами.

Входим в дом. Едкий дым ест глаза. Разговоры с усталыми, но возбужденными успешным наступлением солдатами и офицерами. Это саперы 47-го отдельного саперного батальона 224-й стрелковой дивизии. Заместитель командира батальона по политической части капитан Г. И. Кривенко и начальник штаба батальона старший лейтенант Н. С. Черненко, замещающий раненого комбата, рассказывают коротко, но охотно, мы делаем записи при кострах.

Красное Село взято. В 8.30 утра сегодня, 19-го, батальон получил задачу обеспечить продвижение танков через противотанковые рвы юго-западнее Красного Села. Там два таких рва. Через

час вошли в предместье Красного Села, обеспечили переправу танкам, ждали, когда немца выбьют из Красного. В 18 часов пятнадцать человек с командиром роты старшим лейтенантом Кадыровым пошли сопровождать танки. Переправилось около двухсот танков. Затем в восемь вечера взрывчаткой уничтожили переправу. Из-под моста вытащили прикинувшегося убитым немца. Сдали через связного в штаб дивизии...

Красное Село горит со вчерашнего дня — от артиллерийского огня, мин, поджогов. В церкви на колокольне были немецкие пулеметы и мелкокалиберное орудие. По приказанию командира полка Зарубы дали артогонь по церкви. Прямым попаданием разрушили и зажгли колокольню, но стрельба продолжалась из церкви снизу. Немцев выбили оттуда, когда подошли наши части.

Сегодня появлялся только один немецкий самолет. Наша авиация действовала: бомбила и штурмовала.

Укрепления Красного Села? Еще не проходили. На пути к Роппе есть два разведанных дзота.

Вчера разрыв между наступающими отсюда и 2-й ударной армией был одиннадцать километров. Сейчас? «Не знаем».

Оставляем возле саперов машину, идем через Красное Село. Оно обстреливается минометами. Разрывы то далеко, то близко. Местами возникает ружейно-автоматная перестрелка. Солдаты вылавливают последних немецких автоматчиков из подвалов и блиндажей. Кое-где взлетают на воздух дома, напичканные минами замедленного действия. Пламя взвивается, разлетаясь.

Везде работают группы саперов — извлекают мины, рассчитают проходы, чинят разбитые мостики. Мост через привокзальный ров взорван, три пролета встали торчком. Нагромождение бревен, досок, лома, проволоки. Спуститься в ров невозможно иначе, как катаясь по обледенелым скатам.

Группа саперов, путаясь в проволоке, весело съезжает на собственных ягодицах. Тем же способом и я — вниз к рельсам. Пути залиты водой из взорванной водонапорной башни. Разбиты вагоны и паровоз. Вокзал сгорел. Расспрашивая людей, делая записи, ходим, остерегаясь мин. Но не слишком остерегаясь, иначе вообще не пройти: тропы еще не протоптаны.

Почерневшие, с пустыми глазницами окон корпуса бумажной фабрики. В корпусах, на волокушах, — раненые. И тут же, в грудах завалов, работают саперы.

Языки яркого пламени возносятся на фоне каменных руин, а на руинах, будто на немыслимой сцене, как призраки, расположились группы бойцы. Ниже, на талом шипящем снегу, вокруг гигантского торфяного костра — сотни две настроенно-неприятных ко всем приближающимся автоматчиков. Они только что из боя, в обводящей их тьме им еще чудится враг. Стоя, лежа и сидя, они греются, сушатся, от них идет пар, они что-то варят, перевязывают раны. Им явно не до разговоров с посторонними...

Знаменитая Троицкая церковь, построенная в первой трети XVIII века архитектором Бланки, ощерилась черными головешками. Дымится сожженный красносельский театр, созданный почти сто лет назад Сарычевым. Дальше!.. Город мертв. В нем ни одного жителя..

Проходим город насквозь. Минуем уцелевшие на другой окраине дома. По какой-то дороге входим в безлюдный поселок. Дома пробиты танками, пронизаны снарядами; один из домов, заминированный, взлетает при нас.

Вереница пушек на прицепах, остановившийся на дороге артиллерийский полк. Ведем разговор с артиллеристами. При свете фар передней машины они неторопливо обсуждают над развернутой картой новое задание: занять оборону на левом фланге. Дорога только что разведана, можно ехать, поведет разведчик.

Самые передовые, ведущие наступление части должны быть где-то в стороне Ропши. И мы втроем идем дальше. Какая-то деревня. Стоим, всматриваемся во тьму, не знаем, куда зашли, — не угодить бы к немцам! В деревне — ни души, таинственно чернеют избы, плетни, ветки. Край деревни буйно горит. Сбоку — патруль. Выясняем: тут близко КП 194-го полка. Указывают направление: в ста пятидесяти метрах — поваленное дерево, за ним искат блиндаж, там начштаба полка.

Проходим всю пустую деревню, погрузившись в едкий дым пожара. Горят дома и, судя по запаху, трупы. Свет в одном доме. Выходит группа бойцов: инженерная разведка. Нагружены пачками немецких галет. Мы голодны, берем у разведчиков по одной. Это — кнекеброд, добытый «вопреки минам».

Наконец разыскали блиндаж. Часовой, доложив, пропускает. В блиндаже полно офицеров — здесь штаб полка. Офицеры обедают. Нас встречают приветливо, угощают щами и картошкой с мясом. Полк брал Красное Село. В этом блиндаже часа два назад старший сержант Утусиков захватил одного немца в плен, другого убил на койке. То были радист и наблюдатель, корректировавшие огонь. А вокруг блиндажа взято двенадцать пленных.

Мы находимся в деревне Кирпуны, в четырех с половиной километрах к западу от города.

Полк через два часа выходит дальше — новое задание. Никто не знает, сомкнулись ли войска Федюнинского с 42-й армией. Рассуждают: «Нет! Это произойдет часов в двенадцать дня».

Делаю подробные записи о боевых действиях полка, о штурме Красного Села.

Последним удерживал Красное Село 422-й полк 126-й немецкой пехотной дивизии. Полк получил приказ любой ценой устоять на своих позициях — если сдадут город, семь офицеров будут казнены.

Красное Село взяли без артподготовки. Штурмовали его стрелковые полки 64-й гвардейской стрелковой дивизии (194, 197 и

191-й), 1025-й полк 291-й стрелковой дивизии и 205-й танковый полк. На центральном направлении двигался и первым ворвался в город 194-й полк под командованием гвардии подполковника В. М. Шарапова. 1025-й шел в стыке с ним, другие — сзади. Танкисты действовали, когда пехота была на гребне красносельских высот.

Действия 194-го полка начались 15 января (артподготовка — в 9 часов 20 минут, атака — в 11 часов утра). На первом оборонительном рубеже противник дал жестокий бой. Полоса наступления — Генгозе и Винорязе. На первых двух километрах глубины вражеской обороны насчитывалось семь опорных пунктов. Исходное положение у полка было невыгодным, открытая до переднего края немцев местность простреливалась множеством снайперов, автоматчиков, разветвленной системой артогня.

Первым поднял свою роту в атаку старший лейтенант Василий Жигарев. Он сразу погиб, но воодушевленные им бойцы пошли вперед. Командир батальона Колосов был ранен еще до начала атаки, солдат повел его заместитель старший лейтенант Алексей Кириллович Дорофеев. Был убит. Тогда бойцов повел парторг батальона гвардии старшина Петр Ильич Рыбаков. Был тяжело ранен, но бойцы не остановились. Роты шли в атаку развернутыми цепями под командой своих командиров.

4-ю роту вел Николай Иванович Перепелов. Умело довел ее до переднего края немцев. Был убит.

3-ю роту — старший лейтенант Харитонов. Убит.

6-ю роту — старший лейтенант Алексей Кузьмич Гусев. Убит.

Первую линию обороны противника роты заняли в 12 часов, через час после начала атаки.

Дрались бесподобно.

3-й батальон капитана Андрея Архиповича Кравченко организованно и решительно выбил противника из двух траншей. Кравченко быстро повел батальон дальше, за противотанковый ров, в район речки Черной. Немцы побежали. Кравченко погиб за пулеметом. Его начальник штаба старший лейтенант Александр Николаевич Татаркин сразу организовал управление, указывал цели, быстро подтягивал огневые средства. Убит.

Презирая пули, разрывы мин и снарядов, ползти, окапываться, вскакивать, пригибаясь или в рост перебегать вперед, только вперед, преодолевая мокрый, местами красный снег, бурую жижу воронок, комья мерзлой земли, путаницу естественных и искусственных препятствий, не оглядываясь на тех, с кем дружил месяцы и годы, оставивших на всклокоченной земле свою кровь и свою жизнь, — какой тяжелый, какой самозабвенный труд!

Скоротечны атаки, но неуклонное, хорошо организованное наступление длится день, два, три и дольше. Они смешиваются и перепутываются в сознании людей, эти дни и ночи.

И все-таки есть впечатления, которые запоминаются всем.

За Черной речкой, на холме, немцы засели в каком-то укрытом кустарником опорном пункте — то ли бетонном, то ли сложенном из гранитных глыб убежище. Оттуда веером сыпал пули станковый пулемет. Наступавшая на левом фронте рота автоматчиков, потеряв немало людей, вынуждена была залечь. Комсомолец гвардии рядовой Чижиков, укрываясь за изгибом склона холма, пробрался в тыл к немцам, прополз в немецкую траншею и с тыла автоматом уничтожил пулеметный расчет, а потом гранатой убил в блиндаже двух снайперов и одного обезоружил. При этом сам был ранен в левое бедро. Но он должен был объяснить своим, что молчание вражеского пулемета — не хитрость гитлеровцев. И, рискуя попасть под огонь своей роты, не знавшей, почему вражеский пулемет умолк, Чижиков выбрался ей навстречу, доложил командиру роты о том, что сделал. Рота без новых потерь заняла опорный пункт на холме. А Чижиков после перевязки отказался эвакуироваться. Он и до сих пор в строю.

Там же, у речки Черной, перед высотой 112.0, девятьсот немцев бежали от семидесяти поднявшихся в атаку наших бойцов. Но при подъеме на высоту бойцов нашей 6-й роты стал косить ручной пулемет из землянки, врытой в склоне. Молодой парень, гвардии старший сержант Николай Оськин, сумел подобраться к этой землянке, проник внутрь, уничтожил ударом приклада пулемет, одного гитлеровца убил штыком, второго взял в плен. Рота сразу поднялась и вместе с другими ротами, развернутыми в цепь, под командой парторга полка, стреляя на бегу, пробежала полтора километра, штурмуя высоту. В жестоком бою из оставшихся на высоте ста восьмидесяти немцев были перебиты почти все, спаслось бегством лишь несколько человек. Николай Оськин, невредимый, сразу после боя был принят в партию.

К этому времени 194-й полк потерял больше половины своего состава. В час ночи на 18 января остатки полка колонной двинулись вниз с высоты 112.0, пустив вперед разведку. Чтобы создать колонну, пришлось расформировать несколько минометных взводов. Всего активных штыков, вместе с артиллеристами, было около четырехсот. Шли с поддержкой арtdивизиона гвардии капитана Шепелева.

Пришли к Большому Лагерю. Он был свободен. Что делается дальше, разведка разузнать не успела. Спускались с холма колонной. Но противник встретил полк минометным огнем. Тогда развернулись в боевой порядок и в три часа ночи начали наступать на район железнодорожной станции Красное Село. Здесь противник открыл очень сильный, хорошо организованный минометно-автоматный огонь и сравнительно слабый артиллерийский.

В 6 часов утра станция была занята. Позже рядовой Иван Киреев укрепил на ней красный флаг, а фотограф Хандогин в са-

мый разгар боя сделал фото. Отступая от станции, немцы взорвали водонапорную башню и мост, сожгли вокзал, затем жгли дома. В этот день, 18 января, они предали огню и знаменитый красносельский театр.

С восточной стороны вокзала пришлось преодолевать упорную оборону немцев. Вместе с пехотинцами тут дрались артиллеристы майора Василия Сергеевича Амелюха.

Бумажную фабрику заняли в 15 часов 18 января. Группой, занимавшей фабрику, командовали гвардии майор Алаев и командир роты автоматчиков лейтенант Зинкевич. С высоты северо-восточней вокзала противник вел отсечный огонь из минометов и энергично бил из автоматов и пулеметов.

Преодолев сопротивление противника, полк поднялся на скаты высоты, кое-где прорвался к центру города. Была уже ночь, а на склонах высоты продолжался бой. Шла артиллерийская дуэль, немцы беспокойно сыпали из пулеметов трассирующими. С нашей стороны действовали «катюши». Немцы плохо ведут ночной бой, и нашим удалось занять на высоте три дома.

Сегодня, 19-го, в первой половине дня полк активно оборонялся. Были организованы штурмовые группы по четыре-пять человек. Они захватывали огневые точки немцев в отдельных домах.

В 16 часов при поддержке двенадцати танков полк вышел на северную окраину Красного Села. Танки, по суждению офицеров 194-го полка, разворачивались плохо, но успеху способствовали. Присутствие танков и особенно огонь артиллерии парализовали противника. Наиболее действенную помощь оказали «катюши» и артиллеристы капитана Шепелева.

В 18 часов наши прорвали вражескую оборону и заняли Красное Село. Западную часть города немцы защищали особенно упорно, бились до последнего патрона. Но наши продвигались быстро, штурмуя опорные пункты врага. Танки, стреляя в упор по домам, выбивали из них противника.

В 19 часов 30 минут пехота полностью овладела Красным Селом. В городе остались только мертники. Выделив группы для их уничтожения, полк продолжал действовать, двигаясь дальше. В 21 час на расстоянии четырех с половиной километров от Красного Села он занял населенный пункт Кирпуны, где мы сейчас находимся.

Местных жителей ни в Большом Лагере, ни в Красном Селе не встретилось ни одного. Первые трофеи в Красном Селе: четыре исправные «берты» 406- и 410-миллиметровые, четыре крупнокалиберных (88-миллиметровых) зенитных орудия, продсклад, вещевые склады. Подорваны немцами два тяжелых орудия. Захвачены полком паровоз, мотоцикл, рация. Автомобилей не оказалось. Но о трофеях еще рано говорить, их пока никто не искал, не подсчитывал.

В половине четвертого утра я кончил писать и вместе с двумя моими спутниками — капитаном Васильевым и старшим лейтенантом Кондрашевым — покинул блиндаж 194-го полка.

Возвращаемся в Красное Село. Огромный пожар за церковью. В городе от пожара светло как днем.

Мне надо спешить в Ленинград, сделать и отправить корреспонденцию в ТАСС. Васильев хочет дожидаться встречи двух фронтов.

Расстаюсь с Васильевым и Кондрашевым, шагаю один.

Время близится к рассвету. Шоссе. В сторону Ленинграда машин нет. В сторону фронта — движение все тем же неиссякаемым потоком. Бреду до Большого Лагера и дальше — до Николаевки. Все время огромный пожар за красносельской церковью, как гигантский факел; он освещает, кажется, весь мир. Немцы бьют по Красному Селу, недалеко от меня несколько снарядов ложатся на шоссе. Убит красноармеец. Еще три резких разрыва — черными пятнами на снегу. Участок шоссе пуст.

Перекресток у Николаевки. Тылы полков. Везде костры, везде фары, стойбища машин. Жду на перекрестке с полчаса, устал смертельно. Иду дальше. Пропускаю несколько не желающих меня брать или не останавливающихся машин. Наконец грузовик, едущий в Рехолово за снарядами. Забираюсь в кузов, еду, блаженствуя на ветру. Грозная техника все течет навстречу. Какая гигантская сила!

Схожу с машины на перекрестке Рехолово — Пушкин. Под Пушкином идет бой. Осветительные ракеты чертят небо. Прошусь в остановленный мною на перекрестке штабной «виллис».

В нем генерал с адъютантом. «Садитесь!» Очень любезен.

Катим полным ходом, дорога почти очистилась от машин. Подскакиваем на мелких воронках, круто объезжаем крупные, обгоняем грузовики, редких теперь встречных. Генерал-майор (его фамилия, я узнал у адъютанта, Мжаванадзе) расспрашивает меня, где я был, что видел, что делал. Сообщает: встреча 42-й армии со 2-й ударной уже произошла¹, взяты Петергоф, Стрельна, Урицк; вся эта группировка немцев окружена, и войска 42-й армии добивают ее². Взято триста пленных, в их чис-

¹ «...Наши подвижные танковые части устремились на запад, от Красного Села по дороге к Ропше. Навстречу им двигались части, наступавшие с приморского направления.

В 23 часа 19 января 1944 г. наши танкисты с автоматчиками-десантниками, вырвавшись вперед, достигли Русско-Высоцкого и соединились с частями, которые начали наступление южнее Ораниенбаума. В ночь на 20 января произошла встреча и нашей пехоты...» (Генерал-лейтенант Д. И. Холостов, начальник Политуправления Ленинградского фронта. «Великая победа под Ленинградом». «Пропаганда и агитация», 1945, № 1; Сб. «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза», т. 2, Ленинград, 1947, стр. 294).

² «Петергофско-Стрельнинская группировка противника была окружена и в течение 20 января ударом с нескольких направлений полностью истреблена». (Там же.)

ле сто артиллеристов из обстреливавших Ленинград. Уже были сообщения Информбюро и приказ Верховного главнокомандующего о Ропше и Красном Селе. Сегодня открывается Приморское шоссе на Петергоф — Ораниенбаум, через пять дней — железная дорога на Ораниенбаум. На Волховском фронте тоже победы. В общем, дела великолепны!

Генерал доводит меня до какого-то поворота:

— Я сюда. — И тоном сожаления: — А как же вы дальше? Пешком?

— Как придется!

Благодарю, вылезая. Оказывается, мы уже в Ленинграде, у трамвайной петли на Московском шоссе. Половина седьмого утра. Первый вагон «тройки». Расспрашиваю пассажиров о сообщении Информбюро. Не знают частности. Застава, все выходят из трамвая. У пропускной будки, проверяя документы, пограничник весело и точно, пока стоит трамвай, передает мне сообщения Информбюро.

Еду в трамвае, привалясь к стенке, скованный желанием спать, но не засыпая. Болят глаза, веки, голова — усталость предельная. Около улицы Дзержинского решаю: сначала в ЛенТАСС, может быть, удастся передать корреспонденцию по телефону в Москву.

ЛенТАСС, любезная дежурная Дагмара. Пишу очерк о Красном Селе и информацию о его взятии. Томительно долго, с перерывами связи, при плохой слышимости передаю сам в Москву.

10 часов утра. Редакция «Ленинградской правды». Дал материал. Потом путь пешком. Невский проспект, телеграф — радостные телеграммы родным. По мокряatine, в тумане, в мокрых валенках иду в штаб. Читаю здесь номер «На страже Родины», в нем мой очерк о прорыве первой линии вражеской обороны.

Иду домой. Сквозь муть усталости — мысль, что Ленинград никогда больше не будет обстреливаться. В сознании это еще не укладывается. Изжить привычную готовность услышать разрыв трудно. Но это так!

Прохожие обыкновенны, будничны. Радио повторяет приказ Верховного главнокомандующего генералу армии Говорову. Из районов Пулковы и южнее Ораниенбаума за пять дней боев пройдено от двенадцати до двадцати километров, прорыв на каждом участке наступления расширен до тридцати пяти — сорока километров по фронту. Наиболее отличившимся соединениям и частям присвоены наименования «Красносельских» и «Ропшинских». В девять вечера — салют Москвы войскам Ленинградского фронта двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

Наконец я дома. Сразу не лечь, еще переполнен впечатлениями. В час дня ложусь спать.

Просыпаюсь — не понять когда. Часы стоят. Звоню Лихареву. Отвечает его жена: он уехал вчера в освобожденный Дудергоф. Звоню Прокофьеву. Он уехал сегодня в Красное Село. Время —

одиннадцать вечера. Пока я спал, по радио были сообщения о соединении армий, о взятии Стрельны, Лигова (Урицка), поселка Володарского, многих других деревень и сел. Был приказ Мерецкову по поводу взятия Новгорода, Москва салютовала волховчанам.

А во вчерашней сводке кроме Красного Села и Ропши перечислены Петергоф, Константиновка, Финское Койрово, Большое Витолово, Александровка, Волосово, Горская, Гостилицы и много других освобожденных пунктов.

Затапливаю печку, сажусь за письменный стол...

НЕМЕЦКИЕ ПУШКИ НА ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ

21 января

К семи утра я в редакции «На страже Родины», чтобы ехать в Петергоф. Но транспорта нет. Мне сообщают неожиданную новость, которая заставляет меня сразу же поспешить к Дворцовой площади.

Зимнее туманное утро. На изъезженной обстрелами площади, как на шершавой ладони, — вещественное доказательство обвинения: те самые пушки, которые еще день-два назад несли смерть детям и женщинам Ленинграда и которые никогда больше не выпустят ни одного снаряда... На том месте, где недавно разорвался немецкий снаряд, стоят, будто пойманные и окаменевшие звери, два огромных мрачных орудия. Их привезли из-под Красного Села и выставили на обозрение ленинградцам.

Это первые экспонаты необыкновенной выставки трофейных дальнобойных орудий. Их встанет здесь много, когда будут разминированы поля, по которым нужно перевезти подбитые в бою гитлеровские «берты». Их будет еще больше, когда исправные, повернутые сейчас против немцев мортиры и гаубицы выпустят на головы своих бывших хозяев весь запас трофейных снарядов.

Пока их здесь две, и между ними на снегу лежит массивной тушей снаряд, над которым склонились стодпившиеся прохожие.

Разговоры:

— Ну, хорошо! Из каких же это? Пушечки!..

— Снаряд, самое главное — снаряд!..

— Ну как? Нравится? Теперь-то легче стало!..

— Гаубица. Эт-то пушка! Вот он угощал Ленинград-то чем...

Веселая девушка в ватнике читает вслух надпись, выгравированную на алюминиевой привинченной к снаряду табличке:

— «Неразорвавшийся снаряд 406-мм гаубичной батареи на железнодорожной установке в районе Пязелево X-20190. У-54415. Батарея обстреливала огневые позиции 3-го Ленинградского контрбатареинного артиллерийского корпуса в районе Пулковских высот».

— Ну, теперь наши его угощают, паразит! — радостно добавляет старушка в платке. — Такими обстреливал нас! Сумасшедшее дело!

— А вот посмотрите на гаубицу! — кричит голубоглазый парнишка в стеганке и кепке. — Здорово наши артиллеристы ее подбили! Прямое попадание в ствол! Это ж надо попасть! Ведь она километров за двадцать стояла! Такие на тридцать четыре километра бьют!

— Откуда ты знаешь? — улыбаясь спрашивает парнишку лейтенант-артиллерист, разглядывая вместе с женщинами и детьми зияющую, ощеренную стальными лоскутьями пробойну в стволе орудия.

— А как же не знать? — горделиво отвечает юноша. — Я ведь слесарь на оборонном заводе, у меня медаль, такая же, как у вас... — И обернувшись к гаубице: — Вот надпись: «Шкода, 1936». Это немцы у чехословаков забрали. Сто пять миллиметров! Я все системы знаю.

— Как тебя звать?

— Быстров Евгений Николаевич!

— А сколько тебе лет?

Тут знак артиллерийского дела чуть-чуть смущается.

— Четырнадцать! — тихо отвечает он. И как бы оправдываясь: — Ничего, я из такой и сам бы по немцам дал!

— А я, — пробиваясь к орудью сквозь толпу, выкрикивает утирающая платочком слезы пожилая женщина, — если бы у меня были силы, я эту пушку на спине сама бы приволокла сюда. Изуверы проклятые!

На второй пушке выставлен огромный, на деревянной подошве, валяный немецкий полусапог. В таких сапогах у немцев стоят в мороз часовые. Мальчик разглядывает сапог, смеется:

— Сапог-то фрицев! Модельный! — Берет его в руки, потряхивает, ставит на место: — Килограммов шесть будет! Это — артиллеристы. Они далеко не бегают, вот такие и носят...

— Теперь без сапог побежали! — смеется кто-то.

Вторая пушка — 220-миллиметровая мортира с маркой «Шнейдер Крез», кургузая, темно-оливковая.

— Какими конфетками угощал! — восклицает молчавшая до сих пор женщина. — Это — шоколадинка! Ну, теперь наши его угощают, ах ты...

Она ругается.

К мортире подходит ватага детей. Они из соседнего деточага № 20 Октябрьского района. Разглядывают то орудие, которым, может быть, убиты на ленинградских улицах их сестры и матери.

— Значит, теперь немец не будет по нас из него стрелять?

— Не будет, Танечка!

— А его самого тоже приволокут сюда? — не унимается семилетняя Таня.

И девушка в меховой шубке взволнованно отвечает не ей, а всем окружающим:

— Самого бы фашиста сюда! Единственное, чего я хочу, — тут его на площади судить и повесить!..

Таня Петрова, Юра Киселев, Марик Коган... Каждому по семь лет. Половина жизни каждого из них прошла в блокаде!

Народу вокруг фашистских пушек топчется все больше. На несколько минут возле пушек останавливается автомобиль. Из него выходит генерал-лейтенант, дает указания офицерам, где и как поставить следующие пушки, которые привезут сюда завтра. Всего, говорит, будет выставлено полтораста — двести орудий.

Уже половина десятого утра. Весть о пушках на площади быстро разносится по городу. Ленинградцы выскакивают из трамваев, чтобы поглядеть на необыкновенные эти трофеи, чтобы насытиться радостным зрелищем.

...Возвращаюсь в здание штаба. Узнаю: великолепный Константиновский дворец в Стрельне, построенный архитектором Микетти в 1720 году и перестроенный Воронихиным в 1803 году, разрушен, от него остались голые стены. Старинный собор превращен гитлеровцами в конюшню. Историческая Мальтийская капелла разграблена — не осталось ни одного украшения на алтаре и на стенах. Поселок Володарского фашисты приспособили под артиллерийские огневые позиции, с которых обстреливали Ленинград из дальнобойных пушек. Эти пушки были скрыты в капонирах, уподобленных бревенчатым срубам дачных домов и поставленных впритык к дачам. Значительную часть поселка гитлеровцы в последние часы своего владычества сожгли. Крупный железнодорожный узел Лигово (Урицк) разрушен, в нем нет ни одного целого дома, все станционные постройки превращены в груды мусора и кирпичей, полотно железной дороги взорвано, шпалы сняты... Немецкий гарнизон Урицка был изолирован и в жестоких уличных боях уничтожен полностью. Могилой для немцев стали и поселок Володарского, и Стрельна...

Вечер. Сегодня салют Ленинградскому и Волховскому фронтам за Мгу — двенадцать залпов из ста двадцати четырех орудий. Ленинград ликует!

Еду в Стрельну и Петергоф. Посмотрю на все своими глазами!

В СТРЕЛЬНЕ И ПЕТЕРГОФЕ

22 января. Петергоф

Вчера тщетно хлопотал о транспорте. Сегодня удалось вместе с А. Прокофьевым выехать на машине радиокомитета, оборудованной специальной аппаратурой для звукозаписи...

Петергоф!.. Сидим в машине. Черноглазый корреспондент Маграчев чуть не в десятый раз заставляет капитана Максимова повторять выступление перед микрофоном. Анатолий Никифорович Максимов — первый встреченный нами в беалюдном Петер-

гофе офицер, командир инженерной роты. Лента рвется, звук пропадает, весь в испарине от усилий, но покорный Максимов вновь и вновь повторяет свой прерванный на полуслове рассказ. В машине — трофеи: финские выбеленные лыжи (они разбросаны по городу всюду), каски, немецкие полусапоги на толстой деревянной подошве, какие-то фляги, патроны. Их насобирали радиорепортеры.

От дороги — ни на шаг, все минировано, мины рвутся весь день. В мертвом, испепеленном, страшном городе, плохо укрытом продырявленным саваном снега, — только саперы и дорожники. При вступлении наших войск здесь не оказалось ни одного местного жителя.

Мы ехали сюда долго, искали путь. Приморское шоссе минировано — проезда нет. Саперы перед Стрельной нас не пускали. Они работали с собаками и миноуловителями, взрывали мины. Машина, однако, пробралась — осторожно, по желтым, продавленным в снегу колеям; свернуть хоть на метр — значило нарваться на мину.

С петровских времен славилась Петергофская дорога расположенными вдоль нее величественной архитектуры дворцами, извилистыми прудами, живописными рошицами посреди полей, украшенными цветниками. В старину Петергофскую дорогу сравнивали с прелестным переездом от Парижа до Версаля. Уже при Петре вдоль этой дороги выстроилось около сотни нарядных дач...

Мы ехали сейчас, видя только развалины.

Останавливались в мертвенно безлюдной Стрельне. Вся она — хаос древесного, кирпичного и железного лома. Не насчитать и десятка домов. Везде — изорванные металлом и спиленные деревья, печные трубы среди руин, листы искореженного, пережженного кровельного железа...

Нет больше знаменитого Стрельнинского парка, только его черная печальная тень, вздымающая изломанные, оголенные ветви, как поднятые в проклятии руки. На пути к Константиновскому дворцу — немецкие надписи-указатели: «К Ленинграду», «К Красному Селу». В разоренном дворце мы старательно обходили оставленные гитлеровцами вшивые тюфяки. Дворец превращен был в склад снарядов. И среди хлама, порнографических открыток, любовных романов валялись здесь таблички стрельб, в которых целями были обозначены улицы Ленинграда.

Из Стрельны мы смотрели на Ленинград, залитый слабыми солнечными лучами, смотрели с тех немецких огневых позиций, с которых еще несколько дней назад немцы обстреливали город, так ясно видимый отсюда простым глазом!

При въезде в Петергоф первыми попались нам на глаза два синих царских вагона, сохранившихся в парке до войны как музейные экспонаты. Они подтащены к самому шоссе и прострелены. Павильон за ними побит, парк изрежен, везде пни, пни...

Против разбитого дома на Красной улице — немецкое кладбище. Кресты, надписи. Такая, например:

19.120
Obgefr loh. Mander Scheidt
5.10.41

И такая:

4.320
Uffz Alfred Bartel
5.10.41

И много других, с той же датой и с другими датами...

Не ходили бы сюда эти шейдты и бартели зверствовать и насильничать!

Саперы говорят: только одного живого немца и обнаружили наши части, вступив в Петергоф: пьяный, он спал под роялем в землянке, проспал весь бой.

Впереди, над центром города, высится массивный собор. Удивительная случайность: он уцелел. Его всегда было видно из Ленинграда, из Кронштадта, даже с северного берега Финского залива. Осенью 1941 года на канонерской лодке «Красное знамя» у села Рыбацкого я подробно записал рассказ балтийского моряка-корректировщика. В разгар уличных боев он, сидя под куполом собора, трое суток подряд направлял по радио огонь корабельных пушек на ворвавшихся в Петергоф гитлеровцев. Как много их было!.. Теперь — только кресты. Но и этих крестов — ни одного — мы не оставим здесь!

А пробоины в стенах собора мы заделаем. Завалы из срубленных, лежащих на своих пнях вековых деревьев расчистим, выростим в центре города новый парк!

...Мы стоим против улицы Аврова, у красных зубчатых стен разрушенного дома отдыха. Только что Прокофьев и я обошли почти весь Петергоф и вернулись сюда, к машине.

Так вот он каков сейчас — город, о котором мы тосковали два с половиной года!

Ни одного целого дома. Красная улица — только окаймленные заминированным снегом да изломанным хламом развалины домов. Взорванный мост. Разбитая гостиница. Ограда Верхнего парка — лишь каменные столбы. Большой дворец — руины, у руин — разбитая бронемашинка... Прудов нет — одни котлованы. В Верхнем парке нет ни Нептуна, ни других скульптур. Ворота к Красной улице взорваны и развалены.

Знают ли прежний Петергоф, что думают о нем девушки-регулировщицы, стоящие сейчас с красными флажками на пустынных улицах?

В западном флигеле — склад амуниции и продовольствия. В комнатах нижнего этажа — огромные груды хлама, в комнатах верхнего — остатки испорченных продуктов продсклада, невыносимая вонь. На стене огромная надпись по-немецки: «Шус-

тер» — груды соломенных лаптей, открытки, листовки. Перед зданием навалом — прессованный фураж, агитбомбы с геббельсовскими листовками.

Обходим Большой дворец слева. Я фотографирую. К фасаду тянется узкая тропинка, красный шнур: мины. Огромная яма от бомбы. Следов пожара на остатках стен нет. Ни крыш, ни комнат, ни перекрытий, ни стропил — ничего нет. Засыпанные снегом груды камня и кирпича...

Перспектива Самсоновского канала внизу, подобная противотанковому рву, заменяла немцам его. Нижний парк похож на запущенный лес, часть его срублена. Перед провалами окон западного флигеля — бревенчатые укрытия блиндажного типа из вековых лип. Перспективы расходящихся аллей, а вдоль них — новые «просеки». Нигде ни одной статуи, от Самсона — только заснеженный каменный пьедестал.

Пока я с Прокофьевым стоял над Самсоновским каналом перед фасадом дворца, подошли по тропинке генералы, члены Военного совета: А. А. Кузнецов, А. Н. Кузнецов, Н. В. Соловьев, П. Н. Кубаткин, в шубе — П. С. Попков; за ним майор — порученец А. А. Жданова. Узнав Прокофьева («А, тут и писатели!»), здороваются с нами, пожимают руки. Стоят, смотрят.

— Нет, не восстановит! Придется снести всё! — говорит Попков.

Но я не могу не высказать свое мнение:

— Нет, Петр Сергеевич! Сохранить надо! На вечные времена! Продолжают смотреть. Соловьев спрашивает меня:

— А что это у вас за книжка?

— Путеводитель, только очень плохой.

Перелистывает молча... Уходят к Нижнему парку, спускаясь по тропке в ямину от бомбы, скользя и помогая друг другу. Мы обходим дворец сзади...

Идем к улице Аврова, где мы, въехав в город, оставили машину. Огибаем разбитые и обезображенные корпуса дома отдыха. Группа моряков на саночках тянет трофейное имущество. Сворачиваем вправо, в парк. Католический костел цел, но запоганен. За ним маленький дворец, нуст, полуразбит, тут были казармы, кухня, склад. Мои трофеи: обрывок немецкой подробнейшей карты района Петергофа да треугольный выпуклый осколок прекрасной вазы, на осколке — синяя птица. Он лежал среди прелых курток, ошметок кованой обуви и концентратов ржаной каши, рассыпанных гитлеровцами при бегстве.

Немецкий указатель «К финскому лагерю». Шесть крестов — еще одно немецкое кладбище. Справа и слева — блиндажи, землянки...

Шофер Терентий Иванович включает мотор, сейчас поедem к другой окраине Петергофа.

Ночь на 26 января. 2 часа 30 минут

Взят Пушкин!

В 10 часов 30 минут утра с корреспондентами Вороновым, Сожиным и фоторепортером «Правды» выезжаю на «эмке» в Пушкин.

Пулковское шоссе. Надолбы, укрепления, сети камуфляжа вдоль шоссе, уже порванные, ненужные. Огневые позиции. Пушки увезены вперед. Дворец Советов, издали видны десять огромных дыр от снарядов. Застава на новом месте, километрах в пяти от города. Вокруг видны изрытые поля. Снежный покров почти стаял. Впереди — зубцы остатков Пулковской обсерватории на облысевшей, голой горе, так грустно знакомой защитникам Ленинграда. Под горой уцелел, хоть и изувечен, только портик, превращенный в блиндаж.

Изрытая Пулковская гора похожа на гигантские, покинутые сейчас соты: землянки, огромные блиндажи, траншеи, зигзаги ходов сообщения. Ни следа аллей, дорог, редкие огрызки мертвых деревьев. Руины домов на гребне словно тысячелетние: иззубренные куски стен, причудливые нагромождения кирпичной кладки.

Сразу за Пулковской горой — надолбы, рвы, траншеи, витки спирали Бруно, нагромождения изорванной колючей проволоки. Широко открывается даль — равнина, опустошенная, мертвая. Это недавний немецкий передний край. На несколько километров в глубину вражеской обороны поле распахано нашей артподготовкой первого дня наступления: сплошь воронки и между ними — черные комья выброшенной земли. В этой дикой «вспашке» поле — до горизонта. Кое-где разбитые немецкие пушки, танки, ручное оружие. Всё исковеркано.

Так до Рехколова. Дальше устрашающий потусторонний пейзаж кончается. Уже нет впечатления, что по равнине прошелся исполинский плуг. Поле белеет, но всё еще словно в конвульсиях, в ряби прошедшего по нему боя: те же воронки, те же комья, однако не сплошь, а перемежаясь со снежным покровом, являющим взору немецкие рвы и траншеи, дзоты, землянки и блиндажи. В них сейчас много немцев, но ни одного живого: земля еще не приняла эти оледеневшие трупы гитлеровцев.

От Рехколова к Александровке — много оборонительных сооружений, огневые позиции на буграх, разбитые немецкие танки, искореженные пулеметы и минометы.

Движение по дорогам сегодня уже не густое.

Справа вдаль чернеет Воронья гора, впереди виднеется туманная стена парков Пушкина. День пасмурен.

Везжаем в Александровку, разбитую и разоренную. За эту неделю она дважды переходила из рук в руки. Остатки деревьев торчат из причудливых нагромождений железа. Позади немногих

уцелевших домов чернеет «городок» немецких землянок и блиндажей.

Броневые щитки вдоль дороги — бывшие огневые точки. Взорванный мостик. Волокуши. Грузовики со всяческими трофеями.

Сразу за мостиком и уже до самого Пушкина на дороге, вдоль нее и по всему полю — бесчисленные трупы гитлеровцев, в позах, в каких их застала смерть; в куртках, плащах, валенках и сапогах, выбеленных касках. Кровь на снегу, кровь на дороге.

Трупы наших воинов везде уже убраны...

Машина с трудом пробирается по бревнам, которыми саперы перекрыли взорванные мосты.

Левее дороги снова броневые щитки с отверстиями для автоматов. Далеко в поле — несколько разбитых немецких орудий. Впереди, справа, — разбитый аэродром, металлические скелеты — остовы ангаров. Их осматривают группы наших летчиков.

Слева надвинулись на нас деревья парка. При въезде в Пушкин на воткнутом в землю шесте крашенный белой краской щит, на нем черными буквами объявление:

Внимание!

Запретная зона.

Тот, кто перейдет эту линию
по направлению Ленинграда,
буде Расстреля без оклика.

Под чертой написано то же мелкими буквами по-немецки. А левее надписи — череп с костями. Фотографирую.

Раскрошенный рваным металлом парк. Черный снег, усыпанный ветками деревьев. Зияющие казармы авиагородка.

Пушкин!.. Город русской поэзии!

От побитых осколками стали и пулями Орловских ворот берем вправо, минуем уцелевшие Руины, мчимся вдоль озера по аллее к воротам Любезных сослуживцев; с трепетом всматриваюсь вдаль, сквозь чащу бурелома, в который превращен парк. Оскалена ломаными стропилами потемневшая крыша Турецкой бани; Чесменская колонна — слава богу! — цела.

Справа ряд домов — одни полуразбиты, другие сожжены или разрушены до основания.

Через озеро видны Камеронова галерея, Екатерининский дворец. Сердце сжимается: что мы увидим, когда приблизимся вплотную к нему?

Противотанковые пушки стоят в аллее. Отряд красноармейцев на волокушах везет трофейное оружие, боеприпасы, немецкую амуницию.

Мы останавливаемся. Ведем накоротке разговор с бойцами и старшим лейтенантом. Этот старший лейтенант, Николай Архипович Прохоров, худой, длинный, — командир роты батальона укрепрайона. Батальон под командой майора Мельникова вошел в Пушкин первым. Он был сформирован 4 июля 1941 года из

ополчения Куйбышевского района Ленинграда. Прохоров тоже ленинградец, вступил в ополчение добровольно.

— Два с половиной года сидели мы против Пушкина!

В 6 часов 30 минут утра 24 января штурмовая группа батальона под командой старшего сержанта Иванова Александра Александровича первой вошла в Пушкин. В составе группы кроме Иванова были старшина Петренко и восемь бойцов.

— Наши вели огонь из орудий и минометов, — рассказывает Прохоров. — Немцы — автоматный и, слабо, минометный. Зная, что окружены, немцы стали отходить между Павловским парком и дорогой Ленинград — Пушкин...

Фотографирую саперов, и мы едем дальше. В маскировочных белых куртках и брюках идут автоматчики. Впереди рвется фугас — саперы машут красным флажком. На перекрестке у Третьего озера остаиваемся. Дальше нельзя: мост взорван, плотина взорвана, рыжая земля разъята на сотню метров вокруг.

Здесь скопилось несколько машин с другими корреспондентами. Увязая в глине, шагаем вдоль канала, спешим к Екатерининскому дворцу, освещенному пробившими тучи солнечными лучами. Еще не подойдя к нему, видим, что от казавшегося из-за озера целым дворца сохранился только остов. Синее небо, но ее купола оголены, листы позолоты с них содраны, торчат стропила.

Арка к Лицею цела. Слева — Кухня-руина. Со стороны парка выломаны окна. Внутри разгром. Здесь гитлеровцами был устроен гараж. Валяются пустые канистры, ошметки одежды, обрывки фашистских газет.

Парк сплошь завален сучьями, насыпанными обстрелом. Эрмитаж просвечивает насквозь. Вековые деревья в прославленном парке спилены, минированные завалы расположены вокруг Эрмитажа так, что можно понять намерение гитлеровцев: они хотели устроить гигантский костер, в котором запылал бы весь Эрмитаж. Пули наших автоматчиков помешали им сделать это.

Фигуры, украшавшие прекрасное здание, разбиты, оконные рамы вырваны, здание словно побывало в когтях исполинского чудовища; стены его испарананы, изорваны, изглоданы.

Вхожу внутрь, остаиваюсь: крыша пробита, подъемные механизмы испорчены, оголены; валяются куски позолоты, обломки дворцовой мебели. Запустение, грязь, но, кроме внутренней отделки, здание реставрировать возможно.

Как в петергофской Александрии, так и здесь, в Екатерининском парке, огромные лысины со множеством пней стали могильными памятниками широкошумным дубравам. В создание этих парков свой творческий гений вложили известнейшие художники, многие поколения трудолюбивых садовников холили и оберегали их. В этих парках двести лет подряд гремела музыка, фейерверками и смехом рассыпались веселые празднества. В тени этих лип, серебристых ив, могучих дубов сосредоточенный, задумчивый

Александр Пушкин слагал стихи... Ни одной скульптуры, ни одной статуи. Даже ни одной узорчатой скамьи не увидел я здесь сейчас. Только зеленые зловещие коробки мин торчат из-под таючего в аллеях снега.

Выходим обратно, и — к Большому дворцу, под арку. Лицей сохранился, в нем, очевидно, жили немцы. Стекла, однако, выбиты, внутри всё разорено. Направляемся к главному зданию.

Оконные проемы похожи на пустые глазницы, рамы поломаны или исчезли совсем, под стенами наваль кирпичей. Внутри дворца — хаос провалившихся, пустых залов, ободранные до кирпича стены. Всё разбито! Видны кое-где только поблескивающие куски золоченых фриз, раздробленные остатки медальонов, орнамента, барельефов. Эти остатки усугубляют впечатление, производимое разрушениями. Ни Янтарной комнаты, ни Большого зала, ни других прославленных на весь мир залов. Куда девались янтарь, паркетные полы, сделанные из амаранта, розового и черного дерева, мозаика, шелка старинных русских мануфактур? Где великое множество находившихся здесь сокровищ? Уничтожены? Или вывезены в Германию?

Знакомый с юности дворец предстает в прахе, в пепелище, в удручающем разорении.

Мы идем дальше. В залах, примыкающих к Зубовскому флигелю, — вонь и смрад, в них гитлеровцы устроили себе казарму. Окна прикрыты неокоренными бревнами, напиленными из тех же парковых вековых деревьев. Снаружи к флигелю примыкают блиндажи...

Мы выходим из дворца молчаливые, удрученные.

Длинный флигель Циркумференции завален навозом, двери из комнат в коридор вырваны, в каждой из комнат — стойло для лошадей. Это сюда указывала стрелка у Третьего пруда, на которой написано по-испански: «Caballos alraso» — и намалевано изображение лошади. Бродяги из испанской эсэсовской «голубой дивизии» устроили здесь конюшни!

Череп и скрещенные кости на камне под кружевными воротами, у въезда на Дворцовый плац со стороны Зубовского флигеля. Это, по-видимому, «памятник» лошади какого-нибудь из именитых испанских фашистов. А рядом — шест и объявление по-немецки: «Место свалки». Среди лома, тряпья, мусора — выброшенный на снег беломраморный, лежащий навзничь, амур.

Спиной к окну первого этажа в Зубовском флигеле — мраморная Венера. Ее оплетает зеленый шнур. Он тянется дальше, в подвал. В подвале — огромная авиабомба. Под сводами Камероновой галереи — две другие 250-килограммовые бомбы, соединенные тем же шнуром. Арки под галереями заделаны блиндажными перекрытиями. Шнур тянется дальше, в парк, под снегом до самого Грога. Здесь часовой механизм адской машины должен был включить ток. Не успел! Наши саперы только что, перед моим появлением здесь, проследив направление шнура, извлек-

ли его из-под снега у лестницы Камеронова галереи, перерезали, предупредили чудовищный взрыв. Я сфотографировал флажок, поставленный на месте, где разъединен шнур. И другой черный гитлеровский флажок с надписью: «Sammerplatz Möller»...

Камеронова галерея осталась цела, хоть в ней нет ни бронзового бюста Ломоносова, ни других фигур. К лестнице сбоку привалены груды ящиков с боеприпасами, такие же груды — в Гроте.

Обойдя Большой дворец, поглядев на голое место у Лицея, где был памятник Пушкину, мы возвращаемся к нашей машине.

У машины немногословно совещаемся: куда ехать теперь? В Павловск!

ПАВЛОВСКИЙ ДВОРЕЦ ГОРИТ

...И по милой с юности сердцу заветной дороге выезжаем из Пушкина в Павловск. Мы не узнаем ее: все то же разорение, что и везде! Изрублены на топливо, растасканы на блиндажи, взорваны дома. Посечены немецкими топорами кедры, лиственницы, горные сосны в парке. Спилены, подорваны аллеи лип. Весь Советский бульвар минирован. Гитлеровцы не успели убрать остерегающие надписи: там и здесь, среди опутавшей бульвар колючей проволоки, читаем немецкие и испанские обозначения: «Minnen!», «Attention minas!».

На одном из уцелевших каменных домов на Слуцком шоссе черными буквами размашисто намалевано: «Villa Asturias».

Здесь происходили оргии фашистских молодчиков господина Франко, который напрасно старается уверить цивилизованный мир в том, что Испания не имеет никакого отношения к Восточному фронту.

Машина тяжело пробирается в разрыхленном, мокром снегу. Сейчас мы увидим прекрасный дворец, созданный творческим гением столько знаменитых архитекторов: Камерона, Бренна, Кваренги, Росси, и Тома де Томона, и Воронихина, и Козловского, и Гонзаго. Мы волнуемся: что стало с пышным и романтическим Павловским дворцом после гитлеровского нашествия?

Вот станция Павловск II. Деревянный вокзал разбит, мост перед ним взорван, у моста — желтый с черными буквами указатель, надписи на немецком и русском языках: на одной стороне — «Пушкин», на другой — «Петергоф». Возле указателя вместо рогатки, преграждавшей дорогу к мосту, — груда железных кроватей. Здесь, конечно, стоял гитлеровский часовой, требуя у направлявшихся в Павловск русских пропуска. Железнодорожных путей и шпал у вокзала нет, они сняты и увезены гитлеровцами.

Под изуверченными деревьями парка стелется туча дыма. И шофер вдруг резко останавливает машину: сквозь ветви, с пригорка, мы видим дворец. Он горит! Чудовищное злодеяние происходит на наших глазах.

Сжимаемая противотанковое ружье, на дороге стоит красноармеец, смотрит на дворец, и губы простого русского парня дрожат.

Мы только что видели авиабомбы, задоженные фашистами под своды Камероновой галереи. Три подошедших к нам красноармейца рассказывают: группа саперов вынула адские сюрпризы и из подвалов Павловского дворца, но гитлеровцы замуровали другие механизмы в стены, и вот...

Подоженный немцами, отступившими из Павловска несколько часов назад, дворец горит! Пламя бьет из окон Итальянского и Греческого залов. Черный дым заволакивает колонны. Глухие взрывы внутри дворца выбрасывают ввысь сквозь разъятую крышу, над которой колоннада уже занялась огнем, тяжелые снопы зловещих искр.

На это невозможно смотреть!

Шофер рывком спускает машину к мосту перед дворцом, но... моста нет. Он разнесен силой исполинского взрыва — огромная яма, как от бомбы весом в тонну, преграждает машине путь. Только извитые перила валяются в чистых водах речки, огибающей холм, на котором стоит дворец. Черен снег на сотни метров перед дворцом.

Оставив машину, мы перебираемся через речку, карабкаемся по рыжей земле завала, перепрыгиваем через обрубки ветвей вековых деревьев, рассыпанные на этом черном снегу; почти бегом приближаемся к дворцу.

Слышим свист бурлящего пламени, видим, как рушатся, обугливаясь, неповторимые фрески работы Гонзаго. Оттаскиваем подальше от огня мраморную скульптуру, вышвырнутую немцами из дворца. Она лежит в груды мусора среди кофейных мельниц, мышеловок, плевательниц, всякого отребья, оставшегося после немецких солдат, которые жили здесь, устроив себе нары из золоченых багетов и рам...

Что можно сделать, чтобы спасти дворец? Беспомощно оглядываясь, ища людей, мы замечаем какого-то офицера. Он говорит нам:

— О пожаре сообщено в Ленинград, и сюда уже мчатся автомобили пожарных команд, они вот-вот будут здесь!

Я тщательно фотографирую этот пожар.

Бой еще идет неподалеку от Павловска, наши воины бьют гитлеровцев с вдохновением ненависти, которой предела нет. Но Павловский дворец, драгоценный памятник русского зодчества, на наших глазах горит!

Я слышу чей-то негромкий, негодующий голос:

— Гляди, русский человек! Гляди! Можно ли забыть это?..

...Мы возвращаемся к нашей машине. Молчаливые, едем обратно в Пушкин. Насмотревшись на пепелища, на разрушенный вокзал с выжженным деревянным перроном, убедившись, что город уничтожен больше чем наполовину, мы, не встретив ни одного местного жителя, устремляемся в обратный путь — в Ленинград.

Я раздумываю о том предвоенном месяце в 1941 году, который я провел в Доме творчества писателей, в доме Алексея Николаевича Толстого, где раньше, бывало, встречался и с самим его хозяином. Как был тих, спокоен, великолепен город Пушкин тогда! А сейчас! От сожженного дома Толстого остались только искореженные листы кровельного железа да обрушенные печные трубы.

А десятки тысяч жителей города? Где они?

Надпись химическим карандашом на выломанной двери одного из разрушенных домов в Тайцах: «Здравствуйте, дорогие друзья! Здесь жили девушки, подневольные немецких бандитов, забранные насильно. Очень хотелось остаться здесь, но нас угоняют под винтовкой, как стадо баранов. Просьба сообщить в Ленинград, Лиговская улица, дом 56, кв. 556. Костина Ал. Николаевна... Да здравствует русская победоносная Армия!..»

Подобных надписей в темных закоулках подвалов, на стенах, на дверях найдено много...

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГАТЧИНЫ

Ночь на 26 января

Каждый день, каждый час наступают наши войска на Ленинградском фронте, освобождая от гитлеровцев город за городом, за деревней деревню. Какова же общая картина наступления в последние дни?

После Красного Села первым узлом сопротивления немцев было село Александровка. Я уже сказал, что оно дважды переходило из рук в руки. Наши части неоднократно штурмовали его и наконец взяли. Я видел сегодня, как выглядело оно. Александровка была ключом и к большому поселку Тайцы. Этот поселок взят штурмом с северо-запада, в момент падения Александровки. Одни наши дивизии в дружном взаимодействии с танками, артиллерией, авиацией двинулись прямо на Гатчину, другие, при такой же поддержке, — в обход с двух сторон.

Группа, наступавшая с северо-востока, особенно трудные бои вела на рубеже реки Ижоры. Два дня подряд не удавалось достичь успеха. В это время войска, наступавшие северо-западнее Гатчины, форсировали реку Ижору в другом месте, взяли Большую Пудость, Большое и Малое Резино, Салези и подошли вплотную к озеру Белое, расположенному на северо-западной окраине Гатчины. С боями заняли почти половину парка. Передовые части стали обтекать Гатчину по большой дуге с северо-запада и перерезали железную дорогу Гатчина—Волосово, чрезвычайно важную для немцев. Войска, наступавшие с северо-восточной стороны, вчера также форсировали реку Ижору и перед железной дорогой Гатчина—Пушкин взяли Большое и Малое Замостье. Отдельные отряды, совершая обход Гатчины с юго-востока, сегодня подходили к Пижме. Это значит, что единственные еще удерживаемые

немцами шоссе и железная дорога на Лугу вот-вот будут перерезаны. Они уже и сейчас под нашим артиллерийским контролем.

Сегодня к вечеру немецкая группировка должна быть полностью окружена. В результате всей операции, основанной на хорошо продуманном маневре, предполагается захватить большое количество техники и живой силы противника.

Время близится к утру. Вернувшись вечером из поездки в Пушкин и Павловск, я написал (и передал в Москву по телефону) две корреспонденции, а затем взялся за эту запись.

26 января

После упорных боев взята Гатчина.

Русское «урал», перекатившись через освобожденный город, звучит уже на другой его окраине, вступает в просторы снежных полей, настигает последних расползающихся по воронкам и рвам гитлеровцев. Откатываются вдаль рев минометов и треск автоматов и грохот продолжающих наступление неутомимых танков. Красная черта бушующих пожаров подводит итог черному гитлеровскому нашествию. В городе воцаряется тишина. Смерти, злодеяниям, разрушениям — конец. Вступающие сюда люди оглядываются: что же здесь уцелело для новой жизни?

Красное Село, Стрельна, Петергоф, Пушкин, Павловск, Гатчина... Больше двух лет не знали мы, что случилось с ними, нашими сокровищницами искусства, вдавленными в землю пятою варваров. Смутно надеялись: может быть, не все там истреблено?

Сегодня мы видим: все. Мы смотрим тоскующими глазами. Скорбь и боль перекипают в жгучее негодование.

В огромной взорванной комнате Гатчинского дворца, на куске уцелевшей стены, освещенная багрянцем пожаров, висит большая картина: спокойный, парадный портрет Анны Павловны. Только этот портрет и сохранился случайно в руинах разграбленного дворца.

А у меня на столе лежит маленький осколок китайской вазы — я сохраняю его на память об этом дворце!

Уничтожена ценнейшая библиотека Павла Первого, часть книг увезена в Германию, груды книг выброшены в прилегающий ко дворцу ров. Мраморные скульптуры разбиты, чугунная ограда парка снята, снят и увезен художественный паркет, а сам дворец немцами при отступлении сожжен. Памятники старинной архитектуры — дома, расположенные в парке, разобраны на дрова и сожжены; крутые, красивые мостики в парке взорваны, тысячи деревьев в этом и в других парках города вырублены на дрова.

Разрушены, преданы огню Зоотехнический институт, Педагогический техникум, средние школы, оба театра, Дом культуры, кинотеатр. Из тысячи четырехсот жилых домов Гатчины уцелело не больше половины. Полностью разрушены промышленные пред-

приятия и железнодорожный узел, водонасосная и водонапорная станции, канализация, электростанция...

Гатчина — первый пригород Ленинграда, в котором нашим войскам удалось освободить от гитлеровцев русских людей — местных жителей.

Их осталось немного, примерно три тысячи, — голодных, в отряпых людей, старых и молодых, женщин и детей. До немецкой оккупации в Гатчине жило пятьдесят пять тысяч человек. Немцы расстреляли, повесили, сожгли живьем много тысяч ни в чем не повинных людей. Других угнали на каторжные работы в Германию...

Там и здесь в городе надписи: «Вход русским воспрещен», «Вход только для немцев»...

Жители плачут, обнимают русских солдат, радуются... Из первых рассказов гатчинцев мы узнаем о массовых расстрелах и казнях, о виселицах на базарной площади, на проспекте 25 Октября и в других местах города. Казни происходили систематически, ежедневно. Узнаем о том, как в телеги впрягали людей и возили на них лес, кирпич, воду, а гитлеровцы, сидевшие на телегах, кнутами избивали их, еле передвигающих ноги, истощенных голодом... Об этом рассказывают очевидцы — гатчинские женщины Анна Назарова, Анастасия Лисенкова, Ирина Демченко и многие другие... Пытки, публичные порки женщин плетьюми, планомерное истребление людей голодом, сожжение заживо в концлагере, устроенном в торфяном поселке... Об этом рассказывают уцелевшие в лагере заключенные, у которых на груди еще намалевано клеймо «К». Малолетних девочек насиловали на глазах матерей, стреляли в детей для потехи. Так ранен в голову из револьвера пятилетний Коля Бондарчик. В группу, состоявшую из восьми детей, фашист стрелял из автомата; шестилетнего мальчика Колю Сиканова летом 1943 года фашист бросил в люк со смолой.

Об этом свидетельствуют изнуренные, плачущие Андрей Каретников, Валентина Савельева, Игорь Лисов, Александр Грунин.

Ради забавы около городской бойни фашисты бросали в глубокую грязную лужу гнилое мясо, а после загоняли женщин по горло в грязь, чтобы они доставали мясо. Глумясь над захлебывающимися женщинами, фашисты фотографировали их. Об этом рассказывает жительница Гатчины Комынина.

В другом лагере, расположенном на территории граммофонной фабрики, в деревянном бараке сожжено двести военнопленных. В столовую той же фабрики гитлеровцы загнали тысячу человек — гражданских лиц и раненых военнопленных, заперли столовую, облили ее стены керосином и подожгли — вся тысяча людей сгорела. Это своими глазами видели гатчинцы Михайлов и Николаев...

Русскому человеку трудно поверить в самую возможность подобных зверств. В других пригородах Ленинграда мы не слыша-

ли о таких ужасах, не слышали только потому, что стены и камни — немые, а живых людей в этих пригородах не нашли...

Все, все в подробностях узнаем мы позже, ни одно преступление не укроется от всевидящего ока истории. Но и то, что уже узнали мы о Гатчине, леденит сердца наши. И мой разум противится даже самому восприятию рассказов очевидцев об этих ужасах... Но я должен все записать!

Бои за Гатчину шли тяжелые и кровопролитные. Для противника Гатчина была основным узлом рокадных дорог, позволяющим маневрировать войсками, перебрасывать вооружение и боеприпасы. Немцы постарались сделать подступы к городу непреступными, создали множество опорных пунктов, связанных между собой траншеями полного профиля, подкрепленными системой дзотов и дотов. Сегодня картина боев за Гатчину для меня значительно полнее, чем вчера.

Особенно ожесточенно дрались наши войска у деревень Большое и Малое Пеггелево и Большое Верево. Здесь каждый дом превращен был немцами в дзот. Сломив их сопротивление, форсировав затем речку Веревку, наши части вышли к шоссе Гатчина — Пушкин, овладели ею, выбили врага из укреплений в деревнях Новая и Бугры и стали обходить Гатчину с востока. Другие части, наступавшие северо-западнее, сломив сопротивление врага у деревни Оровка, вышли к реке Ижоре. Здесь, у деревни Вайялово, немцы взорвали плотину и мост через реку. По грудь в ледяной воде наши воины форсировали Ижору...

Первыми ворвались на окраину Гатчины батальоны Лебеденко и Миронова. Они стали методически выбивать немцев из домов, приспособленных к продолжительной обороне, и из улиц, на которых были установлены противотанковые орудия.

Бой на окраинах города длился до ночи.

Тем временем немцы по последней удерживаемой ими железной дороге и по шоссе старались эвакуировать в Лугу свою технику и боеприпасы. Несмотря на облачность и снегопад, наши «илы» бреющим полетом проходили над городом и атаковали врага, а наша артиллерия накрывала огнем пути отступления, круша вытянувшийся в линию немецкий транспорт — автомашины и железнодорожные эшелоны...

Думая уже только о собственном спасении, немцы не успели увести с собой последних оставшихся в городе мирных жителей — свидетелей их изуверств...

САЛЮТ ПОБЕДЫ

27 января. Рыбацкое

Сию в редакции армейской газеты. Радио полчаса подряд передает:

«Внимание, товарищи! Сегодня в семь часов сорок пять минут вечера из Ленинграда будет передано важное сообщение!»

В редакцию собрались работники политотдела — у них нет радио. Напряженно ждем. Это должен быть приказ о снятии блокады. Взято Тосно, расположенное на фланге Ленинградского фронта. Может быть, сегодня взята и Любань?

Я добирался до Рыбацкого трамвая, пешком и на попутном грузовике, чтобы собрать материал о Тосно, требуемый ТАСС. Жаль, пропущу такой салют!..

Немцы были абсолютно уверены, что Тосно — неприступный плацдарм. После падения Мги, Пушкина, Павловска они стали лихорадочно подбрасывать подкрепления в район Тосно. Там завязались ожесточенные бои. Подступы к Тосно были обведены несколькими рядами проволочных заграждений, укреплены артиллерийскими и минометными точками; через каждые пятьдесят — шестьдесят метров располагались пулеметные гнезда. Опоясано Тосно было и противотанковым рвом.

Когда начала трещать оборона, немцы ввели в бой штрафные подразделения. За два дня до этого немцы стали жечь Тосно и взрывать шашками железнодорожное полотно через каждые двадцать — тридцать метров. Потеряв Саблино, Ульяновку, Большое и Малое Лисино, немцы дрались в Тосно с упорством отчаяния, им благоприятствовала распутица, которая в здешних лесах и болотах затрудняла нашим войскам, действовавшим на широком фронте, управление боем. Но дружными, энергичными действиями частей Ленинградского и Волховского фронтов Тосно взято, и бои сейчас ведутся у самой Любани.

...Радио передает текст приказа Военного совета Ленинградского фронта. Успеваю записать только самое главное: «...в итоге двенадцатидневных напряженных боев прорвали и преодолели... сильно укрепленную, глубоко эшелонированную долговременную оборону немцев, штурмом овладели (перечисляются города)... успешно развивая наступление, освободили более семисот населенных пунктов и отбросили противника от Ленинграда по всему фронту на шестьдесят пять — сто километров. Наступление наших войск продолжается...»

...Решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника...

...Сегодня, двадцать седьмого января; в двадцать часов город Ленина салюует доблестным войскам Ленинградского фронта двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий...»

Такого мощного салюта еще, кажется, не было; я слышу чьето восхищенное восклицание:

— Вот это да! Всех переплюнули!

Приказ кончается поздравлением граждан Ленинграда и подписан командующим войсками Ленинградского фронта генера-

лом армии Говоровым, членами Военного совета Ждановым, Кузнецовым, Соловьевым и начальником штаба фронта генерал-лейтенантом Гусевым...

Вечер

Продолжаю запись мою в Ленинграде. Прослушав в Рыбацком приказ, я сразу же выбежал на дорогу: хотелось успеть в Ленинград к салюту. Случайная попутная машина санчасти. В кузове — бойцы в овчинных полушубках. Крик: «Стой! Стой!» Едва отъехав от села, машина резко останавливается: мгlistую тьму далеко впереди рассекли огни начавшегося салюта. Все выскакивают на снег. Здесь темная фронтовая дорога, на которой остановились все машины двух встречных потоков. Напряженная тишина. А там, над Ленинградом, далекая россыпь взлетевших маленьких огоньков... Залпы трехсот двадцати четырех орудий катятся из города к нам через темные поля, под низким туманным небом, по извилинам заледенелой Невы. Сотни разноцветных ракет, поднявшись в темной дали над громадами городских зданий, как экзотические цветы на тонких стеблях, изгибаются и медленно опадают. Мы, незнакомые друг другу солдаты и офицеры, чувствуя себя родными и близкими людьми, несказанно взволнованы этим зрелищем. Стоим, смотрим, молчим, и грудь моя стеснена, кажется, впервые за всю войну мне хочется плакать... Когда салют кончился, мы прокричали «ура!», жали друг другу руки, обнимались.

Полезли обратно в кузов грузовика, машина помчалась дальше. И я явственно ощутил себя уже в какой-то иной эпохе, за той гранью, которой был только что увиденный салют.

Лишь мы, ленинградцы, привыкшие к грохоту артиллерии и к разноцветию трассирующих пуль, можем понять всю огромную разницу между только что прокатившимися залпами и всем, что слышали до сих пор. Небо было словно приподнято красными, зелеными, белыми огнями, вспыхивающими над городом; от окраин Ленинграда в небо били лучи прожекторов, освещаая густые тучи. На десятки километров вокруг виднелись сполохи прекрасного фейерверка. Снова и снова раскатывались громы залпов...

А сейчас, подготовив для передачи в ТАСС по телефону корреспонденцию, я слушаю радио у себя в квартире. Заслуженный хирург республики Иван Петрович Виноградов произносит речь: «...Я счастлив, что отныне и вовеки наш город будет избавлен от варварских обстрелов всякими «фердинандами».¹ Я счастлив, что

---

¹ «...22 января противнику в последний раз удалось обстрелять Ленинград восемью 406-миллиметровыми снарядами из района города Пушкина. С этого дня надписи на стенах сотен ленинградских домов — белые буквы на синем квадрате: «Граждане, при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна» — стали постоянным историей». (В. И. Дмитриев. Салют Ленинграда. Воениздат, 1959, стр. 94.)

моя коллекция осколков, извлеченных из нежных тканей детей, из тел наших женщин и стариков, не будет более пополняться. А сама коллекция пусть останется как свидетельство дикарских дел немецких захватчиков. Слава бойцам и офицерам фронта! Слава ленинградцам!..»

О боевых делах своего подразделения, участвующего в наступлении, рассказывают по радио старший сержант Муликов, офицеры и рядовые фронта...

Радость, счастье, ликование сегодня в нашем чудесном городе. Великое торжество победителей!

ЛЕНИНГРАД В РАДОСТИ

29 января

Высшее чувство удовлетворения и гордость владеют каждым ленинградцем, который в первый же день блокады сказал себе: «Буду с родным городом до конца, что ни случилось бы с ним, буду служить ему, буду его защитником». Жесточайшие испытания выпали на долю каждого ленинградца. Бывали минуты, когда празднующему сегодня свое торжество человеку казалось, что сил у него больше нет. Но он призывал на помощь волю, которую воспитывал в себе каждый день. Призывал на помощь веру в победу, никогда, ни на час за все эти два с половиной года не покидавшую его. И находил в себе силы переступить через очередные испытания. Голод, бомбежки, обстрелы, одиночество, труднейший быт — ничто не сломило его, и он дождался светлой радости. Блокады нет. Блокада снята. Немцы под Ленинградом разгромлены, уничтожены, жалкие их остатки отброшены в глухие болота и бегут в панике, в страхе, унынии. А в Ленинграде моем, победившем, гордом и счастливом, — великая торжественная тишина!

Сознание говорит каждому: дом стал домом, можно с уверенностью сказать, что он будет стоять невредимым и дальше, что в любую следующую минуту не ворвется с треском, грохотом, пламенем в твою квартиру снаряд. Можно ходить по улицам, не выбирая маршрутов, не прислушиваясь, не намечая глазом укрытие, которое может тебе понадобиться в следующую минуту. Погода стала просто погодой, а не «обстановкой», благоприятствующей или неблагоприятствующей обстрелу. Синие квадраты на северных сторонах улиц с белыми надписями: «Граждане, при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна» — уже могут быть предметом исторического изучения. Трамваи останавливаются уже не в наиболее безопасных местах, а на прежних своих остановках. Тикающий метроном — просто пауза отдыха между двумя передачами, а не напряженная дистанция между возгласами: «Внимание, внимание! Район подвергается артиллерийскому обстрелу.

Движение по улицам прекратить, населению немедленно укрыться!» — или: «Внимание, внимание! Артиллерийский обстрел района продолжается!» Не будет больше свиста, треска, грохота, встающих над горами кирпичей столбов желто-бурого дыма; отныне только в памяти могут возникнуть бегущие с носилками сандружинницы, дети с оторванными руками, лужи крови, через которые нужно переступить...

Все это кончилось! Навсегда, навеки!..

Сознанием понимаешь эту истину, этот непреложный, свершившийся факт. Но условные рефлексы блокадного периода еще не изжиты. Счастье безопасности и покоя еще не вошло в плоть и кровь. Раздастся ли резкий звук, затикает ли метроном, вступишь ли на ту площадь, которую обходил всегда по краю, озарит ли тебя внезапной яркой вспышкой от трамвайной дуги, условный рефлекс (внутренняя собранность и напряженность) приходит раньше, чем мысль: «Ах, ведь это не то, не то, того уже не может быть, ведь немцы отогнаны и разбиты...» И много еще мелких особенностей в сознании и в быту, которые интересно наблюдать нынче как пережиток преодоленной блокады...

В каждом ленинградце — великая гордость: он оказался стойким и мужественным до конца, выдержка помогла ему дожить до часа наступления справедливости. Справедливость восторжествовала! Как это прекрасно, как радостно, как хорошо — может понять только переживший все ленинградец!

Эти дни не забудутся никогда. Впоследствии их затянет дыма воспоминаний, может быть, они романтизируются, но на всю жизнь останется чувство удовлетворенности от сознания, что ты сделал все от тебя зависевшее, чтобы приблизить эти дни, дожил до них ничего не испугавшимся свидетелем и участником больших, необыкновенных событий.

Война еще не кончена. Не время еще отдыхать. Впереди и Луга, и Псков, и Нарва, и Выборг, томящиеся под пятой Гитлера. Впереди сотни городов до Берлина, которые нашей армии надо взять, чтобы полной и навеки неотъемлемой стала наша победа. А военному корреспонденту их надо увидеть, чтобы рассказать всем, какие барьеры сломлены на пути к достижению этой победы, чтобы самую эту победу описать как вершину человеческого духа и мужества.

Наступление продолжается!

В ОСВОБОЖДЕННОЙ ЛУГЕ

(21—25 февраля 1944 г.)

После напряженных дней наступления я побывал в еще нескольких освобожденных от немцев пригородах Ленинграда, потом, пролежав десять дней в госпитале, снова выехал на фронт.

23 февраля. 8 часов утра. Луга

Позавчера, 21-го, в Ленинграде, Борис Лихарев по телефону предложил мне поездку от «Красной звезды» в первой «Красной стреле», отправляющейся в Москву, с тем чтобы через день вернуться в Ленинград. Но я предпочел ехать на фронт — в войска, уже прошедшие Лугу.

Собирался недолго: полевая сумка, набитая до отказа, рюкзак с сапогами (сам я — в валенках) и продуктами, ибо аттестата у меня опять нет. Полушубок, валенки, теплое белье, рукавицы, пистолет — тяжелое снаряжение!

В 7 часов вечера, позавчера, на попутном трехтонном грузовике Высшего инженерно-технического училища ВМФ, вместе со знакомым майором А. А. Рядовым, выехал.

В кузове — бидоны с бензином и «хозяйственно-вещевое довольствие».

Перегруженный, несущийся как тяжелый снаряд, грузовик помчал нас по Пулковскому шоссе на Гатчину.

Прекрасное шоссе лилось как широкий гладкий поток. КПП больше нас не останавливали, их не было. Гитлеровцы бежали отсюда, видимо, очень поспешно: не успевали жечь деревни. Следов войны в темноте было не различить; только вместо некоторых домов виднелись среди развалин печные трубы.

Промчались по главной улице Гатчины. Каменные дома справа и слева были почти сплошь прогоревшими, с черными языками копоти над окнами. Только в редких домах кое-где виднелся свет. Много машин стояло вдоль улицы. Мы проскочили железную дорогу, я слышал веселые гудки паровозов, красным огоньком мигнул поднятый шлагбаум.

За Гатчиной началась мирная, по внешнему облику, местность. Снежная гладь полей кончилась. Деревни, полностью уцелевшие, с плетнями вокруг домов, тихие, заснеженные, спали. Вскоре начался густой лес и пошли сплошные леса, — высокие сосны и высокие ели, и низколесье, и перелески, и кустарник. Деревья, выбеленные снегом и инеем, были фантастически декоративны.

На повороте, в какой-то прелестной деревне, мы остановились: в радиаторе кипела вода. Шофер пошел на поиски колодца. К нам приблизилась регулировщица — веселая, звонкоголосая...

— Какая деревня?

— Кривое Колено!

— А фрицы тут есть еще? — спросил шофер.

— Попадаются... Вчера двое попались! — со смехом сказала девушка. — Сами прищли... Хлеба, говорят, нет!

Конечно, в лесах, в землянках, еще немало одиночных немцев. Они постепенно вымерзают или, голодая, выходят, сдаются в плен. Или, быть может, стреляются, отчаявшись выйти к своим...

Шофер принес воды, ругаясь:

— Наискался! Тут лазать-то не особенно!.. Того и гляди нарвешься в темноте!

Мины!..

Дальше... Местность живописна, из леса выскакивают то одна, то другая деревни — уже частично побитые, сожженные. Вдоль дороги — воронки, черные от разрывов мин круги на снегу. Чем ближе к Луге, тем все больше следов войны; теперь шоссе — широкое и прямое — все чаще обрывается гигантскими развалинами от взрывов: здесь были мосты. И огромные, диаметром во всю ширину шоссе, воронки от наших авиабомб. Они обведены березняковыми оградками, на которые насажены елки, чтоб заметить их издали, — круглые ямы в квадрате оград. Сделаны объезды — настильные мосты из бревен, узенькие, не слишком надежные. Через самые большие воронки, когда две-три из них смыкаются, и через некоторые пропасти от исполинских взрывов проложен путь посередочке: спуск — въезд. Машина, прощупав путь фарами, ныряет; гудя, вылезает между хаотически вздыбленными стенами замороженной разъятой земли. У многих таких «переправ» — сигнальщики с флажками и фонарями, работающие дорожники.

Издали вижу впереди пожар, столпотворенье машин на взгорке, возле разметенной взрывом одной из этих «переправ». Кажется, горит на шоссе бензин? Подбираемся ближе: нет. Эффектно зрелище: глубокая круглая воронка, по краям ее, вдоль всей окружности — большие костры из бревен. Группами вокруг каждого костра греются красноармейцы. Справа и слева — избы деревни, изгороди, множество стоящих машин: грузовиков, санитарных автобусов, тягачей...

Я выстыл, промерз до костей, все тело избито об углы ящиков. Приближаемся к Луге. Стала попадаться боевая техника: орудия, танки. Деревни с высокой церковью на горе. Вдоль шоссе все чаще — подковообразные ложементы из снега, выпуклостью дуги обращенные к оборонявшимся здесь немцам. По обочине, и на самом шоссе, с краю, и вдоль лесной опушки таких укрытий то сразу много, то почти нет. И виден по ним весь «процесс» наступления: где немцы оборонялись, наши залегали; строили эти снежные «фортеции», били систематически, вырывались в атаку, и... вот, шоссе чистое, — тут немцы драпали. И вот им вновь удавалось зацепиться: опять белые сугробистые подковы; наши минометы, пулеметы и автоматчики били отсюда. И вновь — чисто...

Так «спазматически» шел бой.

Река Луга. Большой, на десяток километров, объезд. Отсюда с объездом до города — двадцать два километра. Широкие пространства переправы по льду. Вешки. Много машин. Пробки. Впереди — гористый, лесной берег.

Наконец въезжаем в Лугу. В лесу вырастают дачные домики, потом — городские дома. Останавливаемся на перекрестке. Приехали! 7 часов утра. Ехали ровно двенадцать часов на трескучем морозе.

...Этаж дома, в котором находимся мы, занят трофейной ротой 42-й армии. Расспрашиваем красноармейцев. Девушка-дружинница приносит мне кружку чаю.

Трофейщики рассказывают: трофеев в Луге никаких не досталось, кроме склада муки, да нескольких автомашин (уже сданных начальству), да мелкой чепухи. Немцы увезли все, а то, что увезти не успели, досталось частям, занимавшим город. В окно видны проходящие по улице дети, женщины. Видны также партизаны и красноармейцы.

Сегодня — день годовщины Красной Армии. Вестей пока никаких.

24 февраля. Полдень

Ослепительный солнечный день. Блещущий снегом сосновый лес.

Весь день, как и вчера, доносятся взрывы. Это — мины.

Одинокий офицер, капитан из 367-го артиллерийского полка РКК (152-миллиметровок), пришедшего с Волховского фронта, рассказывает, как не повезло полку.

Еще задолго до Луги, обнаружив в лесу трофейный спирт, перемерзшие артиллеристы выпили его по полкружки. Шестьдесят человек умерли. Семьдесят — отравились, но выжили. Спирт был отравлен отступавшими немцами.

Ни в одном бою за все время войны полк не нес таких потерь. В самых тяжелых боях выбывало не больше десятка: система — тяжелая, бьет с пятнадцати—восемнадцати километров, блинда-

жи — отличные, и, хотя враг выпускал порой до полутора тысяч снарядов на батарею, никогда, кроме единичных, потерь не было.

Два артиллерийских дивизиона полка остались далеко от Луги. Один (командир его — Андриевский) вступил в Лугу на следующий день после ее взятия. Весь личный состав разместился в четырехэтажном кирпичном доме. Орудия, всю технику ввели во двор. В этом же доме ночевали еще два других подразделения, люди набились во все комнаты.

В 6 часов утра 14 февраля произошел гигантский взрыв от мощной мины замедленного действия. Дом поднялся на воздух. Уцелела только малая часть корпуса, все остальное — в развалинах. Весь артдивизион — сто шестьдесят человек — погиб, кроме двух, случайно оказавшихся в уцелевшей части. Капитан, рассказавший мне это, и еще трое были в соседнем доме. Большую часть погибших даже не удалось откопать. Человек двадцать собрали по кускам; бесформенные обрывки человеческих тел в пыли и в грязи. Сложили все в кучу, похоронили. До остальных дорыться не удалось.

Командир дивизиона сделал ошибку, сосредоточив всех в одном месте. Но люди, просидевшие всю войну в болотах, не видевшие даже населенных пунктов, так стремились поспать на полу!

Подхожу к руинам этого четырехэтажного дома. От него осталась огромная груда кирпичей, окруженных высокими соснами, с ветвей свисают разлетевшиеся на сто—двести метров клочья одежды, одеял, обрывки окровавленного тряпья. Трупы давно убраны, но кое-где еще виднеются вмержшие в землю куски человеческих тел. Перед развалинами — братская могила с фанерным памятником. Надпись на доске — перечислены шесть фамилий офицеров (два капитана, старшие лейтенанты и лейтенанты) и двадцать шесть фамилий сержантов и красноармейцев. Первый в надписи — «капитан Андриевский». Фамилии остальных погибших, очевидно, установить не удалось. Вокруг руин следы гусеничных тракторов, увозивших искалеченные орудия. Местный житель роется в кирпичах, собирает и складывает на санки щепу, обломки досок. Везде валяются бесформенные куски имущества, амуниции, клочья одежды. От здания уцелел только угол...

25 февраля

Взяты Струги Красные. Бои — на окраине Дно.

Полдня бродил по улицам Луги, наблюдал, делал беглые записи.

Первым в Лугу входил 245-й полк 123-й (ныне Лужской) стрелковой дивизии. Немцы, отступая из города, оставляли только заслоны автоматчиков и минометчиков. Эвакуация техники и запасов производилась немцами заблаговременно. Луга горела и в 11 часов вечера 12 февраля, когда наши части вступали в нее, и утром 13-го. Повсюду взрывались не только каменные, но и

маленькие бревенчатые дома. В том, четырехэтажном, в котором перед рассветом 14-го погиб при взрыве артиллерийский дивизион, погибла также санчасть 120-й стрелковой дивизии; а неподалеку, в другом взорвавшемся доме, — около ста саперов. Грохот сработавших мин замедленного действия мы слышим и сегодня.

Город разрушен и сожжен наполовину. Везде на домах написано: «Мин нет», и под каждой такой надписью — цифровое обозначение той саперной части, которая несет ответственность за разминирование. Но у взорванного моста на некоторых каменных домах есть и такие надписи: «Опасно! Мины!», «Здание не занимать до 5 марта».

Взорванный деревянный мост через реку Лугу. От него осталась только изуродованная половина; сделан объезд, и машины движутся по новому, временному мосту. Копошатся мальчишки, взрывают патроны, слышу смех и восторженный голос: «Моя техника действует!» По льду жители волокут на саночках обломки досок. Проволочные ограждения у моста порваны.

Комсомольская улица. Бойцы чистят зенитные орудия. Везде у домов — полевые кухни, грузовики и фуруны. Разглядываю руины взорванного завода, против него уничтоженный миной замедленного действия каменный дом, — даже не определить размеров: гигантская воронка в груди разметанного кирпича, перебитых железных балок, изломанных печей.

Вся Луга на минах!

С уверенностью селиться можно, конечно, только в маленьких деревянных домах, где осталось русское население.

При уходе немцев жители прятались. Родители, в одном из домов, спрятали взрослую дочь на чердаке, под сеном. Немцы уже бежали. «Прошли все!» — решила мать. Дочь вылезла, села завтракать. Тут — цепь немецких автоматчиков. В руках — гранаты. Увидели в окно: «Ком, ком!» — и увели дочь. Мать плачет.

Против собора на шоссе автобус-лавка Военторга. Торговля бельем, мелочью. Толпятся военные и местные жители. Дальше, на фанерном щите, разложена военторговская галантерея — жестяные портсигары, звездочки, бумажные домино, открытки.

Собор сохранился, но изгажен. Пуст. У собора — три обсаженные елочками, обложенные кирпичами могилы с цветами из крашенной синей и красной марли и с надписями:

«Старший лейтенант Воропов Михаил Семенович. Погиб героически за освобождение г. Луги, похоронен 13.02.44».

«Полковник Царев Фома Юрьевич, 1906 г. р., погиб в боях за освобождение Родины от немецкой оккупации, в борьбе за город Лугу, 13 февраля 1944».

«Вечная слава погибшим героям! Командир 996 стр. полка 286 сд майор Козырев. Погиб 18 февраля 1944»...

Святые могилы!

Дом горисполкома. Женщины моют полы, убирают двор.

Захожу к председателю горисполкома Кустову,

Он еще несколько дней тому назад был командиром одного из отрядов 9-й партизанской бригады, а перед оккупацией Луги немцами работал здесь в исполкоме, эвакуировал большую часть населения. Кустов рассказывает: до войны в Луге было тридцать тысяч жителей. Ныне, по приблизительным данным, осталось восемь — десять тысяч. Около пяти тысяч гитлеровцы арестовали в разное время, заключенных отправляли в неизвестном направлении. Многих расстреляли, повесили на улицах, замучили в тюрьмах и концлагерях; массовый угон населения эшелонами, под угрозой расстрела, происходил за пять—десять дней до отступления гитлеровцев из Луги. Некоторой части угоняемых удалось бежать в леса Лужского района, — пока таких зарегистрировано около четырех тысяч.

Немцы полностью разрушили и сожгли при отступлении здания заводов всесоюзного значения — абразивного и «Красного тигеля», все здания больничного комбината, городской поликлиники, разрушили кирпичный завод, больницы имени Михайлова и детскую; Дом культуры, типографию, краеведческий музей, педучилище, Дом отдыха работников связи, дома детского лагеря Литфонда, 1, 2, 3, 7 и 10-ю школы; из двенадцати детских садов сохранилось здание одного; все дома четырех детских яслей уничтожены; взорваны помещения электростанции, городская библиотека, многие другие общественные и административные здания.

Узнав у Кустова адрес штаба партизан, направляюсь дальше. Улица (шоссе) сплошь в развалинах: кирпичные трубы, пожарища, заваленные обломками фундаменты. Уцелели только отдельные, главным образом деревянные, дома.

Иду к вокзалу. Квартал, обнесенный двойной, загнутой внутрь, высокой сеткой колючей проволоки. Здесь был лагерь военнопленных. Внутри — развалины взорванного каменного здания. Вхожу через ворота (угол улицы Урицкого и Транспортного переулка) в эту обитель смерти и пыток. Ряд блиндажей — пустых, глубоких, мрачных. Остатки «столовой» — деревянных в три-четыре ряда столов и скамей на дворе. Длинные бараки. Внутри одного — огромный деревянный чан и кирпичные разрушенные «нары». Отдельно, за воротами, оплетенные сеткой колючей проволоки казармы.

Встречающиеся мне партизаны рассказывают, что заключенных в этом концлагере, падавших от истощения военнопленных, немцы выгоняли на работу в лес, многие страдальцы вели друг друга под руки, умирали по дороге. Грузовики с трупами выезжали из лагеря каждый день. Только в последнее время немцы чуть смягчили террористический режим лагеря, вынуждали обессиленных людей вступать в РОА — фашистскую армейскую организацию.

Сюда, в Лугу, приезжал и, окруженный немецкими офицерами, держал речь у собора перед «роавцами» изменник Родины Власов. Кое-кто из местных жителей надеялся, что, может быть,

Власов и не изменник, а «тайно прислан советской властью, чтоб собрать «роавцев», пробудить в них патриотические чувства и увести их в лес». Но вскоре все убедились в том, что это не так, что Власов, казнивший многих русских людей, действительно гнусный предатель...

При немцах в городе магазинов для русского населения не было, торговали только хлебные ларьки. Открыт был — для демонстрации фашистских фильмов — один из кинотеатров.

Немцы начали эвакуироваться из города за три недели до вступления наших войск; в последний день они в панике так спешили, что покидая вокзал, взорвали его вместе со своими тяжело ранеными солдатами, которых не успели вывезти.

Я прихожу в Заречье, — дачный поселок, в отличие от города — сохранившийся. Почти все дачи в нем, например дачи детского лагеря Литфонда (который был здесь до войны), разорены и загажены. В них жили немцы. После них остались мусор, грязь, бутылки, консервные банки — всё это убирают сейчас бойцы размещившегося здесь подразделения железнодорожных войск. В иных домиках живут их прежние жители, а большая часть раскинутого в сосновом лесу поселка занята кончившими походы партизанами 9-й бригады, вошедшей в Лугу 18 февраля.

В ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЕ

Комиссар 9-й бригады. Ира Игнатьева. Вступление
в мирную жизнь

(Заречье. 9-я партизанская бригада. 26—27 февраля
1944 г.)

«...Разрастаясь, народное восстание охватывало все больше районов области и к моменту наступления частей Ленинградского и Волховского фронтов превратилось во всенародное восстание против немецких захватчиков. Его опорой была 35-тысячная армия

партизан — 13 хорошо вооруженных бригад, имеющих опытных и закаленных в боях командиров, комиссаров и бойцов...

За 32 месяца партизанской борьбы народные мстители уничтожили 104 242 гитлеровца, вывели из строя 1050 паровозов и 18 643 вагона, платформы и цистерны. Партизаны разрушили 175 километров железнодорожного полотна, взорвали 201 железнодорожный и 1180 шоссежных мостов, разгромили 48 железнодорожных узлов и станций. Партизаны совершали неоднократные налеты на аэродромы противника. 105 вражеских самолетов уничтожены на земле и в воздухе... За 32 месяца уничтожено 593 узла связи, разрушено 2153 километра телефонно-телеграфной линии. Десятки немецких гарнизонов не могли восстановить проволочную связь по 2—3 месяца...»¹

КОМИССАР 9-Й БРИГАДЫ

26 февраля. Заречье

Средняя Заречная улица была переименована немцами в Полицейскую, на других также не стерты еще немецкие названия. Прохожу по 9-й улице, мимо мраморного немецкого могильного памятника, к дому № 11 — веселой зеленой дачке с застекленными верандой и мезонином. Перед ней — палисадник, вокруг — сосны и сверкающий в лучах солнца снег. Здесь живет член

¹ Из рапорта начальника Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитина, опубликованного в газете «Ленинградский партизан» 15 апреля 1944 г.

Военного совета партизанских бригад Ленинградской области комиссар 9-й партизанской бригады Иван Дмитриевич Дмитриев, вернувшийся 18 февраля к своей прежней довоенной должности — первого секретаря Лужского райкома и горкома партии. В прошлые годы войны он был командиром восемнадцати партизанских отрядов, потом комиссаром 1-й партизанской бригады.

И. Д. Дмитриев — худощавый, высокий, немного сутулый человек с умным, усталым, спокойным лицом — принял меня тепло и радушно.

Наверху в мезонине живет партизанская связистка и разведчица Клава Юрьева. В доме весь день толпятся партизаны, из тех сорока — пятидесяти человек, что составляли ядро бригады, а неделю назад заняли руководящие посты в райкоме партии, в учреждениях и организациях Луги. Клава для всех готовит обеды, ведет в доме «штабное хозяйство».

Дмитриев весь день в райкоме, приходит только обедать да после работы; скидывает свой черный дубленый полушубок, свою шапку-ушанку с красной, наискось, ленточкой. Садится, усталый, есть, по душам беседует с партизанами.

Я сразу почувствовал особенную искренность и простоту во взаимоотношениях партизан — чистых душою и сердцем, гордых своей непреклонностью и своими делами людей, сдружившихся за долгих два с половиной года тяжелейшей жизни в лесных походах. Все эти люди сейчас стараются привыкнуть к удивительной для них обстановке покоя и безопасности, но отдыхать им некогда, у всех много непривычной для них работы, новых, сложных для решения дел, которыми они связаны теперь с людьми самыми разнообразными — и с воинами Красной Армии, и с местными жителями.

Командиров бригады — недавно назначенного Шумилина и того, который полгода был до него — Светлова, — здесь уже нет: они уехали в Ленинград к руководителю штаба всех партизан Ленинградской области М. Н. Никитину.

Партизаны в необычной для них обстановке — в теплых квартирах, в сытости — явно скучают. Не представляют себе новой, мирной жизни. И выполняя свои нынешние обязанности, томятся, не знают, «куда себя девать»... Жалуются: вот, мол, за годы партизанской жизни ничем не болели, а теперь быстро утомляются, чихают, кашляют.

— Я — женщина, — сказала мне Клава Юрьева, — а терпеть не могу всех этих хозяйственных дел!

И глядя в окно, воскликнула:

— В лес хочу!..

Все с удовольствием, с увлечением рассказывают о своих тяжелых и опасных, но явно уже окутанных дымкой романтики лесных боях и походах.

Называя свою бригаду «ядром партизанского движения в области», И. Д. Дмитриев, сидя за столом, у окна, говорит:

— Когда бригада стала многолюдной, мы взяли на себя задачу защитить от угона в Германию население четырех районов: Гдовского, Сланцевского, Осьминского и Лядского. С этой территории мы выгнали немцев. Их гарнизоны остались только в самих четырех административных центрах этих районов. А на остальной территории мы были господами положения. Территория эта — тридцать две тысячи квадратных километров, то есть чуть меньше Бельгии. Немцев сюда не пускали, хотя они и предпринимали немало карательных экспедиций.

В дни с четвертого по шестое ноября тысяча девятьсот сорок третьего года немцы бросили на нас пять тысяч человек с танками и артиллерией. Наступали с двух сторон: от Веймарна — на Осьминский район и от Сланцев — на Сланцевский и Гдовский районы.

Мы занимали оборону. И сумели не только удержаться, но и, подбив четыре танка, заставили немцев убраться обратно. Немцы пытались бросить на нас свои силы еще много раз, натиск последней экспедиции со стороны Сланцев мы выдерживали с восемнадцатого по двадцать первое января этого года. У немцев были танки и пушки, у нас же не хватало патронов. Гитлеровцам удалось потеснить нас, занять деревни Рыжиково, Новинки, Пантелейково, Рудно и сжечь их. Мы подтянули все отряды, сняв их с других участков, и прогнали немцев. Два немецких танка подорвалось на наших минах.

Мы блокировали районные центры Ляды и Осьмино. Засевший там противник (около шестисот человек) держал оборону, создав укрепления. В частности, обнес поселки деревянной стеной в полтора метра высотой и метр толщиной. Мы отрезали подступы к этим поселкам, заставили немцев почти месяц голодать; они вынуждены были размалывать зерно на ручных жерновах.

Отряд Круглова с боем занял Ляды, немцы, потеряв полтора человека, бежали в панике, бросая винтовки. Затем этот же отряд штурмом занял Осьмино. Здесь потери противника превышали сто человек.

В это время уже вел наступление Ленинградский фронт. Мы получили приказ от Никитина взорвать в районе Кингисепп — Нарва Балтийскую железную дорогу, а также взорвать дорогу Гдов — Сланцы — Веймарн. Направили мы в эти места несколько отрядов.

Красная Армия приближалась. Мы получили новый приказ: занять Сланцы и Гдов. За два дня до прихода Красной Армии мы взяли оба города, потом вышли на старую государственную границу, организовали оборону и здесь встретили подошедшую Красную Армию, передали ей всю занятую нами территорию.

И. Д. Дмитриев родился в здешнем Осьминском районе, в двадцатых годах боролся с кулачеством, занимался землеустройством, потом учился в Ленинграде, стал агитатором-пропагандистом, опять же в здешних лесах, в Луге и близких к ней районах.

Потому знает каждый колхоз; каждый двор, каждая лесная сторожка ему хорошо знакомы. Перед войной он окончил комвуз, поступил на исторический факультет Педагогического института...

По моей просьбе, И. Д. Дмитриев подробно рассказывает свою биографию и историю обороны Луги, в которой участвовал до того самого дня 24 августа 1941 года, когда немцы заняли Лугу.

ИРА ИГНАТЬЕВА

26 февраля. Вечер

— Я из храбрых! — попросту говорит Ира Игнатъева, одна из первых «старейших» партизанок бригады (а сама — молодая девушка, ей нет и двадцати одного года). — Когда первый раз уходила в разведку, мне предложили: «Возьми пистолет». Не взяла. Ходила так месяца три...

Лицо у Иры русское, деревенское, зубы отличные, белые; волосы светлые, говор тоже крестьянский. Разговаривает весело, смех у нее — от души, легкий.

Ира — опытная разведчица, ходила в тыл к немцам — в Порхов, Псков, Лугу, Сиверскую. Потом стала рядовым бойцом, а в последний год — медсестрой.

Ира Игнатъева делит действия партизан на три периода.

Первый период закончился 10 сентября 1942 года, когда после ликвидации немцами в Дедовичском, Поревическом и соседних районах Партизанского края разбитые партизаны вывели раненых в деревню Студеновка, через Волховский фронт, в районе Поддорье.

— Вышло нас, здоровых, одиннадцать человек — шесть женщин и пять мужчин. Вывели мы шестьдесят три раненых. В советском тылу — в Валдае и Мореве — прожили полтора месяца, затем после октябрьских праздников отрядом в семьдесят пять человек (под командованием капитана Тимофеева) вышли у деревни Хлебоедово обратно, через линию фронта, в тыл к немцам...

Второй период — действия в том же районе прежнего Партизанского края, где все было уничтожено немцами, где отряду пришлось голодать, выискивать под снегом рожь, парить ее, выбирать мороженую картошку, есть ее без соли.

— Немец опять наслал на нас карательную экспедицию...

Ира рассказывает об этой экспедиции и о том, как в марте 1943 года дрались против танков и пушек новой карательной экспедиции, оборонялись, выходили из окружения, создавали возле Витебска Партизанский край, вели бои.

Третий период — после приказа идти «в районы, сюда под Акатьево». Перешли железную дорогу, попали в окружение, пять суток, голодая, вели бои.

— Крепко досталось. Раненых было очень много. Я вытащила на себе восемнадцать тяжелораненых; было это в конце апреля.

Лед растаял, как бултыхнешься по грудь, кричишь: «Нет, ребята, вы сюда не ходите!..» Всех выволакивала...

Эпизоды, эпизоды непрерывных партизанских боев. За три года их набралось много!

— ...И потом приказ: занять Сланцы! — заканчивает свой рассказ Ира. — И уже когда пошли от Сланцев, нам стали попадаться машины. «Ребята, — кричу, — да это наши!..» А ребятам так и хочется обстрелять машины, всё не верят, что это не немецкие!

«Катюш» нам показывали бойцы, угощали каждого из нас папиросами, и мы пошли в свой партизанский штаб, в Заозерье.

Вот так партизанила я. В бою я — дурная какая-то, все в рост... всегда только думала, чтоб не ранили тяжело, лучше, чтобы убило в бою... Я веселая, а всё-таки нервы расстроены из-за переживаний по раненым... Чтоб всё достать им!.. Просишь для раненого кусок хлеба, психуешь, думаешь иной раз: «Пристрелюсь, к черту!..» Ну, конечно, потом успокаиваешься!.. Я всего вынесла семьдесят — восемьдесят человек!..

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРНУЮ ЖИЗНЬ

27 февраля. Залужье

Утром к И. Д. Дмитриеву приходил подполковник, командир саперного подразделения. Рассматривали карту и план города. Подполковник предупреждал, что в здании, которое занял райком партии, лучше до 10 марта не находиться:

— Гарантии не даю!

— Не верю, — сказал Дмитриев, — чтоб судьба меня после таких двух лет подвела! Не допускаю такой возможности! И ведь может взорваться, когда нас там не будет — ночью или когда ходим обедать... Рискнем, а?..

...Пришла партизанка Мария Никитина:

— Хочется очень в ту бригаду, где любимый. Она идет в Ленинград. Можно?

— Ох, молодость, молодость! — усмехается И. Д. Дмитриев. — Можно!

Пишет ей записку и говорит:

— Сегодня идет отряд Шерстнева. Примкни к нему. Как встретишь людей своей бригады, так иди к своему милому.

— Больше никаких документов не нужно?

— Не нужно!.. Скажешь!..

Был утром и сам Шерстнев, который раньше всех командовал партизанами в Лужском, Лядском и Оредежском районах, — маленький, худощавый, загорелый, с выразительными умными глазами, очень спокойный («Война научила!»), занимавшийся последнее время агентурной разведкой в немецком тылу. Этого человека любило население тех деревень, в которых он появлялся, любят его и партизаны. О его храбрости и дерзости ходят легенды

даже среди самих партизан. Немцы знали его, давали в объявлениях описание его внешности, сулили за его голову большие деньги. Направляя Шерстнева в тыл к немцам, Никитин говорил: «Мы знаем всё, что делается везде — в Новгороде, Пскове, Гатчине.. А о Луге — ничего не знаем...» Шерстнев сумел заполнить этот пробел.

Сегодня он уезжает в Ленинград с сорока партизанами, работавшими с ним вместе...

После обеда я слушал рассказы редактора партизанской газеты В. Я. Никандрова о чехе Кура Ольдрихе и о группе голландцев, служивших в немецкой армии, перешедших в декабре прошлого года к партизанам.

Первыми добровольно перешли двое: голландец Генрих Коуненг и чех Кура Ольдрих. Сказали, что в гарнизоне районного центра Сланцы много голландцев, которые ненавидят немцев, но не знают, как перейти на сторону партизан.

При налете партизан на Сланцы немецкий гарнизон был разгромлен, двадцать два голландца взяты в плен.

— Когда их пригнали в бригаду, мы спросили, чего хотят? «По винтовке и пойдем бить немцев!»

Одеты были все в лохмотья, кто в чем, без военной формы, обувь на деревянных подошвах, один был в дамских полусапожках; голодные, исхудалые, больные, повторявшие о себе: «Кранк, кранк!» Мы дали им партизанское питание, они набросились на еду; опасаясь за свои желудки, просили только хоть раз в сутки давать им нежирное. За неделю отъелись, стали петь песни, а потом, получив винтовки, пошли бить немцев.

Голландцы Герт Лямардинк, Генрих Коуненг, Джон Ван де Пас под руководством чеха Кура Ольдриха спустились под откос немецкий эшелон на железной дороге Кингисепп — Нарва.

Все эти голландцы были завербованы немцами на работу «во Францию», но, угнанные насильно на Восточный фронт, попали сюда, были у немцев в рабочем батальоне. Одни оказались в Сланцах, на руднике («Slantsi Werk III, Feldpost 57620»); Другие со своей воинской частью и поныне находятся в Эстонии.

Кура Ольдрих служил у немцев штабс-фельдфебелем в карательных отрядах, бывал в Луге, в Осьмино, в Сяберо, в Гдове. Из Гдова, переправившись через реку Плюссу, пробрался к партизанам.

«Чехам немцы на фронте не доверяют, — рассказывал он. — Я попал на фронт, как «особо выдающийся» специалист».

Он долго, хитро готовился к переходу, научился читать, писать по-русски. Придя к партизанам, написал от имени всех перешедших письмо в Лугу лейтенанту карательного отряда — русскому, изменившему своей Родине:

«...Немцы лишили меня родины, карьеры. Вспомни наши с тобой беседы, подумай о презрении коменданта ко мне, к тебе, к нашим камадам! Я долго думал о судьбе не только русских, но и

своего, чешского, народа, о том, что чешский народ без русского не в состоянии справиться с фашизмом. Теперь я — партизан. Кто хочет убить меня? Не бойся, приходи ко мне, забирай своих людей».

Тот письмо получил, но какой был ответ, партизанам неизвестно.

Сейчас после освобождения Луги и Ольдрих, и все голландцы отправлены в советский тыл...

Никандров сообщил мне итоги действий 9-й партизанской бригады за последние четыре месяца — с октября по январь.

На железных дорогах Гдов — Сланцы, Сланцы — Веймарн и Нарва — Кингисепп подорвано более четырех тысяч рельсов, шесть железнодорожных мостов, спущено под откос больше двадцати эшелонов, в боях уничтожено гранатами шесть танков, около семидесяти автомашин, до шестидесяти повозок, два снегоочистителя; испорчены в большом количестве железнодорожные насыпи, линии связи.

Никандров перечисляет все трофеи бригады: две пушки, и танк, и тридцать один захваченный в деревне Стай пулемет, и многое другое..

...Разговоры о «власовцах», «добровольцах», «контрпартизанах» («департизанах»), «естаповцах»; местном населении — русских, эстонцах, финнах. «Добровольцы — хуже немцев!» Старосты — очень разные, есть явные мерзавцы, предатели; есть и такие, за которых всё население стоит горой — хвалит их: «Сберегали нас от немецких насилий, помогали партизанам».

Деревни нетронутые, имеющие скот и овощи, варенье и мед, сохранились только в глубинах леса, куда немцы ходить боялись. Поставки возлагались главным образом на ближайšie к дорогам деревни. Множество из них уничтожено, сожжено дотла, некоторые — вместе с населением. Уходя, немцы стали начисто грабить деревни, угонять или резать скот... Всякое выражение недовольства каралось массовыми расстрелами, пытками, сожжением людей — как мужчин, так женщин и детей.

По мере усиления насилий и издевательств население все чаще бросало свои деревни и уходило в лес, к партизанам... Поэтому партизанское движение становилось всё более массовым. Под влиянием наступления Красной Армии на юге, сознавая, что приближается крах оккупантов, к партизанам начали переходить и те, кто первое время сотрудничал с немцами, даже многие каратели, полицаи, «добровольцы»; в числе последних бывали люди, не выдержавшие пыток, варварского режима концлагерей для военнопленных, проявившие перед лицом смерти слабость духа, но в глубине души сохранившие чувство патриотизма.

Вот характерные цифры. В сентябре 1943 года 9-я партизанская бригада насчитывала в своем составе сорок человек. В октябре — шестьсот, в ноябре — полторы тысячи, а в декабре — две тысячи, в январе 1944 года — две тысячи шестьсот человек. На

базе этой бригады создавалась новая — 12-я приморская, куда было передано шестьсот человек (с задачей дислоцироваться в Кингисеппско-Волосовском районе).

Примерно так же разрастались все партизанские части.

Весь день сегодня партизаны рассказывают мне свои «истории». Другие — слушают, уточняют, поправляют в какой-нибудь мелочи. И записал я этих историй множество, любой из них хватит на целую повесть. Особенно понравился мне изложенный народным крестьянским языком рассказ разведчицы Клавы Юрьевой, несколько раз ходившей к немцам в Псков и всегда приносившей ценнейшие сведения.¹

Сегодня Клава горюет: ей только что пришлось сдать свой автомат, а с оружием своим партизанам никак не хочется расставаться!

Молодой партизан зашел за запиской к И. Д. Дмитриеву: едет в Лугу за столами и стульями.

— Только плохих не бери! — говорит Дмитриев.

— Тогда мне, наверно, придется поругаться с Кустовым! Он не захочет давать хорошие!

— А ты не бери! Скажи: не велено!..

Тот молчит. Потом, уходя:

— Автомат возьму с собой, вот!..

А ведь хорошо знает: оружие для него теперь имеет только символическое значение! Но как же идти «не в форме» к Кустову, — ведь всего десять дней назад тот был командиром его 3-го партизанского отряда!

Вот также и Клава Юрьева, которая уже получила должность телефонистки в Лужском отделении связи и с завтрашнего дня выйдет на работу.

Тридцатилетняя Клавдия Михайловна Юрьева, а попросту Клава, простая, не слишком грамотная женщина, — одна из самых смелых партизанок бригады. На нее приятно смотреть: ее русые волосы, гладко зачесанные назад, русые брови, свежее розовое лицо, нос с маленькой горбинкой, гибкая худощавая фигура делают ее похожей на эстонку, но она — чисто русская, родилась в деревне Катышкове Славковического района Ленинградской области. Она кажется гораздо моложе своих лет, вероятно потому, что никогда ничем не болела и потому, что она — улыбчивая, легкая в движениях, грациозная. Смотрит она прямо в глаза собеседнику с искренностью, с доверчивостью, разговаривает с удивительной прямоотой.

Сегодня, получив от И. Д. Дмитриева приказ сдать оружие, она едва не расплакалась. Вышла с автоматом на улицу, прошлась по ней, внезапно подняла автомат и выпустила по осине один за другим три диска — только сучья летят!

---

¹ К сожалению, объем книги не позволяет мне привести здесь этот большой рассказ.

Сбежались красноармейцы:

— Кто стреляет?

— Я стреляю!

— Нельзя стрелять!

— Я последний раз стреляю, салют даю! Автоматы-то отбирают от нас!

Смотрят:

— Ну, молодец!

Несколько красноармейцев пустились в пляс с лужскими девицами. А на тех — немецкие кофточки. И произошел скандал; вмешались партизаны: «Не танцевать с ними! Партизанки и красноармейки пусть танцуют, а этих немецких куколок выгнать!»

Красноармейцы попытались уговорить: «Неудобно, барышни приглашенные!»

Но скандал только усилился, и лужским девицам пришлось оставить своих партнеров: одни ушли, другие сидели молча, сконфуженные, не поднимая на мужчин глаз...

Партизаны — чудесные, нравственные, выработавшие в себе строгие принципы люди, резкие и прямодушные. Все они воспитаны так партийными организациями своих бригад и отрядов. Их сознание очищено войной в лесах от всего мелкого, наносного, ложного. Да, они беспощадны к врагам, потому что больше жизни любят Родину, потому что варварская жестокость гитлеровцев пробудила в них неумолимую жажду мести. Но они остались и будут всегда человечными в самом высоком значении этого слова.

...Только что какой-то старик принес свежую рыбу, — выловил ее в озере Сясеро, привез И. Д. Дмитриеву.

— Это мой подпольщик, — сказал мне Дмитриев. — Я оставлял его на самой трудной подпольной работе...

И, принимая рыбу, сказал пришедшему:

— Пиши отчет! В письменной форме!

У старика — хорошие глаза. Сын его — в партизанах...

В дома к партизанам то и дело заходят крестьяне и крестьянки из окрестных деревень. Приносят незамысловатые подарки: кто — молока, кто — яиц, кто — ватрушки. Все хотят выразить партизанам свою любовь и признательность.

НА ПЕПЕЛИЩАХ ЗАЛУЖЬЯ И ПСКОВЩИНЫ

Дорога на Псков. Гордая совесть. Как они жили?
Горькая доля. Разбойничье гнездо в Быстрон-
кольской

(Март 1944 г.)

Три недели, участвуя в наступлении частей 42-й и 67-й армий, скитался я по заваленным снегами полям и лесам лужских районов и Псковщины. Двигаясь то в кузовах грузовиков, то на лафетах пушек, на танках и самоходных орудиях, а больше всего — пешком, ночуя на снегу среди тесно прижавшихся друг к другу в своих промороженных валенках и полушубках бойцов, изредка проводя ночи в набитых людьми шалашах, в подвалах засугробленных, исчезнувших изб или в фургонах застрявших в пути машин, я, как великое чудо в снежной пустыне, встречал иногда уцелевшие отдельные избы или даже деревни, сохраненные кое-где в глубине лесов партизанами. Март был морозным, дни — яркими, солнечными, ночи — ветренными и звездными. Какая-нибудь разысканная под снегом траншея служила в такие ночи убежищем для рот и для батальонов, — предельно усталые и промерзшие люди наваливались в нее друг на друга, чтобы хоть чуть обогреться в невероятной давке. Было трудно. Но я стремился увидеть, услышать, запечатлеть в своих полевых тетрадах то, что представлялось мне нужным, важным, необходимым для грядущих времен истории.

Как великая милость судьбы, выпадали мне иной раз ночевки на полу в переполненных людьми избах или на грудях хвороста у армейских костров... Из всего того многого, что мне удалось записать в этом месяце, я публикую сейчас только малую часть, но и она достаточно характеризует черные преступления, совершенные гитлеровцами на здешней русской земле. Я закончил движение вперед в танковом бою за деревню Уткино-Городец у реки Великой, но этот бой — лишь малый эпизод великой битвы за полное очищение границ Ленинградской области от полчищ фашистско-немецких захватчиков, и потому описывать его здесь не стану. Из-под самого Пскова я вернулся в Ленинград, в холодной квартире моей сжег все белье; отдал валенки, полушубок и шапку в санобработку и привел себя наконец в порядок.

Дни моих скитаний по сожженной, уничтоженной немцами Псковщине мне не забыть всю мою жизнь, никогда...

После войны, в декабре 1945 года, мне пришлось как спецкору «Правды» быть на процессе фашистских карателей в Выборгском доме культуры и в начале января присутствовать вместе с тысячами ленинградцев на публичной казни этих карателей у театра «Гигант», — это были именно те палачи русского народа, которые совершили в Залужье и на Псковщине все, о чем только кое-что рассказано в данной главе. Это были комендант Пскова генерал Ремлингер, командир карательного отряда капитан Зоненфельд, бандиты-каратели Груббе, Скотки и еще три палача, из числа многих, с которыми вместе совершали они свои преступления, но кому в тот раз удалось ускользнуть от суда советского народа...

ДОРОГА НА ПСКОВ

Дорога на Псков — прямое, широкое, асфальтированное шоссе. Как принимает притоки большая река, так это шоссе принимает в себя множество узких проселочных дорог и тропинок, выходящих из глубы дремучих лесов. Там, в лесных деревнях и селах, хозяевами давно чувствовали себя партизаны. Немцы не везде осмеливались ставить свои гарнизоны, подлинной властью там была советская власть. Подпольные партийные организации сплачивали вокруг себя крепкий актив, помогающий партизанам. Принимая решительные бои с карательными отрядами, партизаны разбивали их, не допуская в эти деревни. Немцы чувствовали себя уверенно только на «большаке» — на шоссе-шоссе. Но и здесь население было крепко связано с партизанами. По ночам они тайком приходили сюда, приносили газеты, листовки, запасались утаенным от немцев продовольствием.

С осени 1943 года немцы стали реквизируют у населения скот, гнали его по шоссе. По шоссе угоняли они и местное население, обреченное на рабское существование в Германии. Смелыми налетами партизаны освобождали гонимых, отбирали у немцев скот. Сила лесных жителей с каждым днем росла. И когда Красная Армия, сняв с Ленинграда блокаду, неудержимым потоком двинулась в наступление на Кингисепп и Нарву, на Лугу и Псков, немцы, истребляемые жителями лесных деревень, побежали к шоссе, потекли по нему вспять, к Пскову, сплошным разношерстным потоком. Их бомбила с воздуха советская авиация, их настигали наши танки и артиллерия, их уничтожали с флангов соединяющиеся в лесах с партизанами наши армейские лыжники и пехотинцы.

Обреченные на погибель фашисты огрызались отчаянно. Они жгли дотла деревни, сжигали в избах не успевших укрыться в лесу крестьян. Взрывали мосты, закладывали под полотно шоссе фугасы, уничтожали линии связи, насыщали минами каждый

метр оставляемого ими пространства. Почти все деревни и села, стоявшие на самом шоссе, исчезли. Цветущим было большое село Милютино. Издали кажется: цело оно и сейчас. На высоких березах покачиваются скворешни. Сквозистые плетни делят село на ровные прямоугольники. Тонкие журавли поднимаются над колодцами. По задам села стоят бани. Но въезжаешь в село — ужасаешься: в нем нет основного, в нем нет ни одного дома. На их месте — квадратные пепелища, груды рассыпанных кирпичей. Жить негде. Зона пустыни.

Спасенные партизанами жители выходят из леса, бредут по шоссе гуськом разутые, полураздетые — в чем бежали. Роятся на пепелищах своих домов, ладят шалаши, толпятся у полевых кухонь, там, где биваками расположились на ночь красноармейцы.

Вернувшиеся к своим прежним обязанностям партизаны — председатели сельсоветов и колхозов, руководители местных партийных организаций — повсюду налаживают мирную жизнь, принимаются за восстановление разрушенного хозяйства. Вслед за танками и тягачами, влекущими по шоссе к Пскову тяжелые пушки, идут тракторы: скоро весна, люди и сама земля истосковались по мирному сельскохозяйственному труду.

Красная Армия вплотную подходит к Пскову. Шоссе Луга — Псков, ставшее дорогой победы, скоро обстроится новыми домами восстановленных деревень. А пока вдоль обочин его еще чернеют обломки машин и закостенелые, замерзшие трупы гитлеровцев...

ГОРДАЯ СОВЕСТЬ

Пустынна разоренная Псковщина. Редко-редко среди пепелищ и заметенных снегом развалин найдется уцелевшая изба. В такой избе всегда много народу. Кроме вернувшихся в нее из лесов хозяев в ней ютятся обездоленные погорельцы-соседи; беженцы из других, сметенных немцами с лица земли деревень; дети-сироты, вынесенные добрыми людьми из пожара, подобранные в сугробах на лесных дорогах; одиночки, бежавшие с фашистских каторжных работ куда глаза глядят: в лес...

У кого-либо под погорелой избой сохранились не найденные немцами зарытые в землю картошка или капуста. Владелец выроет их сейчас, вынесет для всех: «Кормитесь, родимые, всем миром!»

Через деревню, которая осталась только на карте, проходит, грохоча тягачами, влекущими тяжелые пушки, Красная Армия. В единственной здесь избе уже ступить некуда — десятки усталых людей вповалку спят на полу. Но жители зазывают всех: «Зайдите, родненькие, обогрейтесь хоть малость, тесно у нас, да ведь все свои, уж съютимся как-нибудь!..»

Среди бойцов, единственное желание которых — поспать под крышей хоть час, всегда найдутся такие, кто, пренебрегая необо-

римою усталостью, захочет потолковать с хозяевами о том, как они пережили немца. На жаркой русской печи, уместившей в тот час две-три семьи, или в каком-нибудь дощатом закуточке, приспособленном под жилье, заводится большая беседа. Вот рассказывает старуха, а внимающие рассказу дети и бородастые старики сопровождают ее слова кивками головы, поправками или подтверждающими примерами, чтоб все было точно, чтоб ни на шаг не отклонилась от строгой правды старая. Потом заводит разговор молодца, укрывавшая партизан, потом паренек, что бежал из немецкого вагона, когда молодежь угоняли в Германию... Нет, рассказчику не дадут ошибиться, запомнить — здесь правду о русском народе выкладывает слово за словом сам народ... Говорят спокойно, сосредоточенно. Только иногда в беседу внезапно ворвутся горькие слезы какой-нибудь женщины, не сдержавшей душевную боль; зарыдает она, прижимая к глазам подол, скажет: «Мою невестку, Тамару Дмитриевну Румянцеву, сожгли живьем немцы... С тремя малыми детьми... Одному — девять лет, Олегу; второму, Славику, шесть лет; третьему, Геннадию, и трех лет не было... Живьем ведь, преступники!»

«А ваша как фамилия? — спросит красноармеец. — Из какой вы деревни?»

«Железкина я, Антонина Васильевна, — сдержав рыдания, утирая слезы, скажет женщина, — отсюда, из деревни Рыбиха. А сожгли моих — вот неподалечку отсюда, в деревне Бурмашево...»

Так во многих районах Залужья и Псковщины беседовали мы с местными жителями. Но сквозь горе, и слезы, и сдержанный гнев, и беспредельную, сжигающую всю душу ненависть к гитлеровцам проступало в глазах у всех освобожденных от немецкого ига людей одно замечательное, прекрасное чувство — чувство гордой и чистой совести. Немцы делали все, чтоб превратить псковитян в рабов, чтобы забить, заглушить в них всякие признаки собственного достоинства, патриотизма, взаимоподдержки, чтоб лишить советских людей веры в непобедимость русского народа, надежды на освобождение. Ярой пропагандой, угрозами, насилиями, пытками, казнями стремились гитлеровцы терроризовать местное население, держа его в вечном страхе за жизнь. Но народ, воспитанный советской властью, оказался крепче железа в своей неподкупной стойкости. Ныне каждый, вспоминая ужасы пережитого, вдруг да озарится светлой улыбкой, осознав: совесть его — чиста, не покорился он, не стал ни рабом, ни предателем, с гордостью может теперь смотреть в глаза тем, кого наконец дождался!

— Много дочей не спала я! — говорит крестьянка Ксения Семеновна Дмитриева из деревни Заболотье. — Видишь, деревни кругом горят, думаешь, и нам погибель. Кричали немцы повсюду, каждый день в газетах своих печатали: «Советского войска нету, все перебиты, а кто остался, те раздемши и разумши, голодные, и танки у них фанерные», — нечего, мол, надеяться! У кажин-

ного человека наболело сердце от этих слов. А все-таки не верили мы, не верили, журчались меж собой: не может того быть! Пришли вы, дорогие, и видим мы: сытые вы, краснощекие, в валенках и полушубках одетые, пушкам у вас числа нет, — силища! Хорошо теперь на душе, что мы немцам не верили!

И гордостью блещут улыбчивые глаза седой спокойной крестьянки. Была она прежде бригадиром в колхозе, и счастлива она тем, что совесть ее чиста, что теперь опять бригадиром ее поставят!

— А целы мы почему? — добавляет Маня, худенькая дочь Ксении Семеновны. — Не могли немцы нас угнать на работу, никто из деревни не угнан. А не могли потому: чуть немец приблизится — всей деревней в лесу укрывались. Не от кого было немцу узнать о нас: не нашлось в нашей деревне предателей, так и прожили без полицаев мы... Дружно противились немцам!

Гордость в глазах девичьих — гордость за всю деревню!

Тысячу дней противились немцам сплоченный, дружный, непокоримый народ Псковщины. Тысячу дней, презирая и ненавидя захватчиков, не сдавался и, живя по совести, перенес все ужасы оккупации. Непоколебленный в своей стойкости, он возродит теперь будничную трудовую жизнь на своей испепеленной земле. Уже строятся новые избы среди чернеющих пустырей. Уже радость врачует изболевшиеся сердца. Гордая совесть псковитянок светла как солнце!

КАК ОНИ ЖИЛИ?

Среди пепелищ сотен сожженных немцами деревень, в глуши лесов, на взгорье, обведенном болотами и полями, стоит сохранившаяся деревня Заболотье. В ней шестьдесят три двора. Великое счастье выпало этой деревне — ее отстояли партизаны. Боясь партизан, немцы осмеливались навещать ее только наездами. Приедут, вооруженные до зубов, на машинах, настреляют, паловят кур, схватят не успевших скрыться в лесу девушек и парней, увезут их с собой и опять долго не появляются. Днем и ночью выставляли вокруг своей деревни дозоры, каждую минуту были готовы укрыться в лесу. Там были у них нарыты землянки — в лес немцы не рисковали сунуться.

26 февраля в Заболотье вступила Красная Армия. В других деревнях мы часами выслушивали наводящие жуть рассказы о зверских расправах немцев, о сожженных заживо людях, о расстрелах и пытках. Здесь, в деревне Заболотье, нас заинтересовало другое: что же испытано и пережито жителями тех редких деревень, где волей счастливого случая, а точнее, действий партизан, все обошлось благополучно?

Большая изба, широкая русская печь а у печи сидит, прядет шерстяную нитку Ксения Семеновна Дмитриева — старая русская женщина с ясными добрыми глазами, с чистым сердцем и прямой душой. Две ее шустрые босоногие дочки Настя и Маня

вяжут себе шерстяные передники. Черноглазый вихрастый шестнадцатилетний сын Коля рассказывает, как он бежал из немецкой тюрьмы, когда приехала немчур, забрала восемнадцать девушек и парней на каторжные работы.

— В Порхове, в тюрьме, под замком четыре дня мы сидели. Кормили нас баландой да двести граммов хлеба давали. И один взрослый был с нами, Николаев Коля. Его ударили, он размахнулся да начальнику тюрьмы кулаком в нос, в зубы... Били Николаева плетками и сапогами, посадили в холодную, а мы свой замок сломали, освободили Николаева, к себе в камеру спрятали, и немцы не узнали его среди нас. А потом на станции бежал я с ним из вагона, обошел город и — на дорогу, в лес. Документы у меня в воротнике были зашиты. И пришел домой, неделю за печкой прятался, да и вышел.

Тихонько смеются девочки: Коля ловко обманул немцев!

И возникает из рассказов детей и их матери летопись тяжелого военного быта этой деревни. Прежде здесь был полеводческий совхоз «Промзаболотье». Ксения Семеновна была бригадиром. Хорошо жили. Но уже в июле 1941 года война охватила Псковщину. Немцы заняли соседнее село. Обложили деревню поборами: хлеба двадцать пудов с гектара, с каждой коровы в год пять пудов мяса да шестьсот литров молока; с каждой курицы тридцать яиц. Не вытянешь этой нормы, не сдашь немцу вовремя или покажется им, что в деревне людей поубавилось и что, следовательно, кто-то ушел в партизаны, — являются на машинах каратели, жгут деревню. Так сожгли они большинство деревень окрест. Сгорели дотла Дубровка, Родилово, Губышкино, Летоголово, Болотня, Заходы, Овинец, Романовичи и много других.

— В один круг, куда ни глянь, все горело, колыхалось все небо от заревищ!

И бежали погорельцы в лес, рыли там землянки, ютились в них, голодные и холодные.

— Такую и мы себе ожидали судьбу, — рассказывает Ксения Семеновна. — Заранее выкопали землянки в лесу, вокруг деревни стар и млад дежурили круглосуточно. Чуть покажется вдали немец, и все мы гурьбою в лес. Так и жили всегда в готовности. Затопишь печь да раз семь, пока топится, выглянешь: не подходит ли немец к деревне? Разве хоть одну ночь мы спали спокойно? А жили дружно.

Две зимы всех нас, от четырнадцати до шестидесяти лет, ставляли расчищать дорогу, и так, чтоб с дороги снег счистить, из канавы вырыть да за канаву на метр. Гоняли дрова резать и зимой и летом, а у кого лошадь была — наряжали на каторжные работы под Старую Руссу, бревна возить. Ну да наши бросали лошадей, а сами бежали обратно да к нам прибегали, так и осталась деревня без единой лошади. До войны были у нас тракторы, а при немцах землю бороновали — сами в борону впрягались. В телегу впрягались — сено и дрова на себе возили.

Из всего своего хозяйства Ксения Семеновна спасла только трех кур — в солому прятала их. А когда сама в лес пряталась, с собою их уносила. Раз, когда Ксения Семеновна скрывалась в лесу, немцы разрыли во дворе избы яму, вывезли все припрятанное ею зерно.

Мыла в деревне все два с половиной года не было, извлекали из золы щелок. Соли не было — делились той, что кое-кому удалось припрятать. Освещались лучиной. И все же при всей своей нищете деревня умудрилась посылать партизанам и хлеб, и мясо, и птицу, и картофель, и капусту. Сами сидели голодными, а партизанам с радостью отдавали последнее. И порой укрывали их у себя, лечили раненых, обували разутых.

— Только и радость бывала в деревне, когда приносили партизаны хорошие вести о наступлении советских войск. И вот пришли вы, родимые, и посветлело у нас на душе. И спим мы теперь спокойно, и снами не мучаемся — страху нашему принесли вы конец, кончается лютое горе всей нашей Псковщины. И такое нашему Заболотью великое счастье выпало, потому что врасплох вы немца застигли здесь, не успел спалить нас, проклятый!

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Когда возле деревни Залазы, на Псковщине, организовался первый партизанский отряд, эта история уже не могла бы случиться.

Но 17 мая 1942 года, когда волостной старшина Федор Быстрыков прислал в Залазы свой черный список, жители маленькой деревни не нашли способа отвести от себя беду.

Староста созвал всех на собрание и объявил, что по повелению коменданта шестнадцать девушек и парней деревни к полудню следующего дня должны явиться в Струги Красные, в комендатуру, откуда будут отправлены на работу в Германию.

«Тюрина Нина, Сурикова Мария, Михайлова Зинаида, — начал читать староста список, и его голос звучал, как поминовение усопших, — Шиткина Мария, Филиппова Екатерина, Харитонова Екатерина — одна, Харитонова Екатерина — другая, обе пойдут... Лишина Антонина, Никифорова Мария, Морошина Зинаида...»

По мере чтения списка среди собравшихся усиливались рыдания, возгласы возмущения, отчаяния и мольбы, но безучастный староста продолжал читать:

«Тимофеев Василий, Туницын Василий, Цапкина Анна, Амосов Александр, Кежова Александра, Секизын Михаил... Все! Шестнадцать человек! — удовлетворенно закончил староста. — Каждому взять котелок, ложку, две пары белья, подушку, одеяло, продуктов на три дня. Предупреждаю: если кто вздумает уклониться или бежать, пеняйте на себя, придут немцы, расстреляют ваши семьи, а деревню сожгут. Вопрос ясен? Собрание объявляю закрытым. Расходишь по домам!..»

Всю ночь не спала деревня. Всю ночь разносились стенания матерей, негодующие голоса мужчин. Несколько стариков, не дожидаясь рассвета, отправились в волость, таща за собой коз и овец, чтоб умолить волостного не продавать их дорогих детей немцам.

Волостной взял приношения, обещал обмануть коменданта, сказал:

«Только пусть придут в Струги Красные, а там уж сговорюсь с немцами, сделаю!»

Волостной лгал. Но ему не хотелось отказываться от овец и коз.

Утром 18 мая, нагрузив жалкий скерб на подводу, обреченные на каторгу юноши и девушки, провожаемые населением деревни, двинулись по узкой лесной дороге. В деревне Хредино народ простился с ними. Дальше идти всем было опасно. Пошли только ближайšie родственники.

К двенадцати часам дня печальная процессия подошла к станции Струги Красные. Огромная площадь была заполнена людьми, пришедшими из других деревень. На путях стоял длинный эшелон — телячьи вагоны. Вооруженные автоматами немцы ровно в полдень стали загонять отправляемых в эти вагоны, отрывали цеплявшихся за своих детей стариков и старух, отгоняя их плетью и прикладами. Задвинулись двери вагонов, защелкнулись тысячи замки. Гудок паровоза был заглушен рыданиями сотен людей. Поезд тронулся...

Деревня сложила печальную песню об этом дне, Она поплыла над лесами Псковщины:

...Сошью платице себе я в талию,
Был весной набор, набор в Германию,
Был весной набор, — уж снега таяли,
Тогда девочек наших отправили...
..Все знакомые с ими прощались,
Слезами горькими обливались.
Поезд тронулся, колеса забрякали,
Тут по дочкам матери плакали...

Вскоре в лесах района организовался первый партизанский отряд. Вся оставшаяся в деревне Залазы и в других деревнях молодежь пошла в партизаны. Ни один немецкий карательный отряд не мог с тех пор пробиться к восставшим против ига насильников деревням. Партизаны вели жестокие бои и сохранили свои деревни до прихода частей Красной Армии. Волостной старшина Федор Быстряков был пойман партизанами, судим и повешен в деревне Лежно.

Со дня ухода того печального поезда прошло двадцать месяцев. Несколько дней назад в деревню Залазы вступили усталые от преследования бегущего врага красноармейцы. А сейчас я беседую в избе со старой колхозницей Ольгой Ефимовной Тюриной. На столе лежит десяток открыток с марками, изображающими

ненавистного Гитлера. На каждой открытке стоит штемпель: «Густров. Мекленбург», и штамп германской цензуры. Открытки написаны карандашом, беглым неровным почерком. И в каждой открытке неизменно повторяется все одна фраза: «Живу хорошо, кормят хорошо, хозяева хорошие». Эта фраза стандартна, как печатный штамп. Больше ни слова не говорится в открытках о жизни несчастной девушки Нины Тюриной. И только раз сумела девушка намекнуть, какова ее жизнь. «Я жива...» — написала она, и зачеркнула написанное, и написала дальше: «Я пока еще жива... Я живу хорошо, но опухли ноги...»

А неизбежная тоска пленницы так и льется из других присланных ею строчек:

«Дорогая мамушка, я очень рада, что вы еще все там живы и здоровы. Получишь письмо, что с того свету, и рад и не знаешь, что сделать. И с радости или с горя поплачешь, — вы-то хотя на своей стороне, а я-то где-то далеко залетевши от вас, и не вижу, и не слышу вашего голоса уже пятнадцать месяцев. Поглядела бы на вас, хоть с высокой бы крыши...»

Ольга Ефимовна плачет. И, все рассказав о дочери, сквозь слезы заводит рассказ о своем сыне Коле, который вместе с партизанами бил немцев, не допустил их к деревне Залазы и сейчас, раненный, лежит в госпитале.

И сквозь слезы старая колхозница улыбается:

— Сынок у меня герой... Да и Нинка моя не покорится немцам, в неволе умрет, а не покорится. Уж я-то знаю, — не видать мне моей любимой доченьки!

Плачет старая колхозница, и не найти таких слов, чтоб обнадежить и утешить ее...

РАЗБОЙНИЧЬЕ ГНЕЗДО В БЫСТРОНИКОЛЬСКОЙ

В тридцати километрах от Пскова, на берегу извилистой глубоководной многорыбной реки Черехи, между леспромхозом и веселой деревушкой Белая Гора стояли три нарядных дома, окруженных многолетним тенистым парком. Осыпались желуди с могучих дубов, пьянящий аромат распространяли цветущие липы. От реки и до опушки хвойного леса ширился парк, а вдоль реки до деревни Рыбиха, что в километре от этих трех домиков, тянулись яблони и акации яблоневого питомника. За рекой по склонам горы разбегались строения совхоза Симанское, а на десяток километров в окружности дружно жили колхозники многочисленных деревень. Были коровы и овцы у каждого, были поросята, и куры, и пчельники, были приусадебные участки, возделанные тщательно и любовно. Кленовые и ясеневые аллеи укрывали густой тенью шоссе, ведущее к Пскову, и проселочные дороги, по которым колхозники в свободные дни выезжали к реке Черехе, чтоб закинуть невода в спокойную воду, чтобы с песнями, на лодках навестить закадычных приятелей из соседней деревни...

В тех трех домах, ярко белевших сквозь зелень листвы, выка- зывавших сквозь нее свои красные железные кровли, помещалась отлично оборудованная Быстроеникольская сельская больница. Был в ней опытный врач, она славилась по всей округе, в нее приезжали лечиться даже из районных центров Славковичи и Карамышево.

У совхозных рабочих заработки были отличные, закрома и амбары у колхозников ломились от запасов, от всякой снеди, — мирный, благополучный край был полной чашей добра и доволь- ства...

На военном грузовике подъезжаем мы к этому краю сейчас. От леса до леса, что тянется, обводя горизонт, мы видим пустыню в белом саване снега. Если не знать, что здесь было, не поймешь ничего. Мало ли на свете безжизненных, пустынных пространств? Но вот на берегу реки Черехи, возле шоссе, сразу за сожжен- ным мостом, мы видим странную крепость, злобно глядящую на все четыре стороны света.

Центр этой — с круговой обороной — крепости составляют два — белый и серый — дома, словно камуфлирующие себя под цвет туманов и снежной пустыни. На полтора километра вокруг бесчисленными черными точками торчат из-под снега пни. Внеш- ний, шириной в три метра, пояс проволочных заграждений обво- дит всю крепость, размыкаясь только против шоссе воротами, составленными из двух башнеобразных могучих дзотов с амбра- зурами для орудий.

Внутри этого пояса, словно щупальца гигантского спрута, протянулись к проволоке радиальные извилистые ходы сообще- ния, каждый из которых оканчивается башней дзота; приопустив- шего бревенчатое забрало над полукружием черных своих амбра- зур. Ходы сообщения тянутся изнутри, от зигзагообразного коль- ца глубокой траншеи, укрытой снаружи валом высокого бруст- вера, изрезанного бойницами. Каждый перекресток траншеи и ра- диальных ходов сообщения скреплен маленьким пулеметным дзо- том. Внутри кольца, ближе к крепости, тянется по насыпанному валу второе кольцо траншей, а от него к центру, к белому и се- рому домам, прорезаны другие ходы сообщения. Они ведут в узкий и высокий коридор между рядом окон и закрывающими их снаружи, засыпанными землей бревенчатыми застенками.

Кто может подумать, что в этих двух домах и в третьем, от которого остались только пепел да печные трубы, прежде была тихая и мирная сельская больница? Кто может представить себе, глядя из этого адского осинового гнезда на унылый — до леса — пустырь, что здесь был веселый тенистый парк? Куда ни глянь — ни единого дерева. Кто жил в этой крепости? Что делал здесь? Кого так смертельно боялся?

* В октябре 1943 года из деревни Крякуша, что в семнадцати километрах от Пскова, явилась сюда карательная рота гитлеров- цев во главе с капитаном. Многие о нем знают уцелевшие в

округе местные жители, одного не знает никто: его фамилии. Каратели хранили его фамилию в тайне, никто никогда не слышал ее. Был он выше среднего роста, в очках, глаза черные, голос писклявый, ходил в форменной куртке на вате, выворачиваемой на любую сторону — белым или зеленым цветом наверх. На фуражке и на рукаве блестели серебряные эмблемы фашистского воинства. Привел он сюда свою роту и разделил ее на четыре части. Основное ядро разместил здесь, в больнице, три форпостных отряда расставил окрест: в деревне Хвоенка — к западу, на шоссе; в деревне Зряковская Гора — к северо-востоку, на другом ответвляющемся на Псков шоссе; в совхозе Симанское — за рекою, к югу. Первым приказанием капитана был вызов старост тринадцати ближайших деревень — Белой Горы, Волково, Старины, Рыбихи, Осиновичи и других. Потребовал от них списки жителей. Взял на учет их всех, до малых детей, потребовал опись скота, и птицы, и утвари, и имущества. Приказал всему населению от тринадцатилетнего до шестидесятилетнего возраста являться каждый день на работу по списку; предупредил, ежели кто не явится, то будет расстрелян вместе со всей семьей, дом его сожжен, вся деревня выселена. Сказал, что кормежка его не касается, что все будут работать от зари до ночи, и добавил, что в этом краю партизаны будут им выведены, как моль...

Перво-наперво, под охраной солдат, под плетью и побоями, бывшие колхозники начали строить эту страшную крепость. Старосты пригоняли народ к мосту через Череху, — этот мост немцы строили до прихода карательного отряда, строили долго — семь месяцев.

Согнанных невольников распределял на работы фельдфебель, в руках у которого всегда была плеть. В первый раз, когда староста деревни Перетворы Макаров привел на одного человека меньше, потому что тот заболел, фельдфебель избил старосту при всем народе прикладом автомата, отвел на двадцать шагов в сторону и расстрелял в назидание всем. В другой раз, когда заболел староста деревни Товарицы, его, чтоб не ставить народ под угрозу тяжелой кары, согласился заменить молодой колхозник Иван Каштанов. Привел народ на работу, назвался фельдфебелем старостой, но фельдфебель тут же приказал отвести Ивана Каштанова к опушке леса, что в километре от больницы, и немедленно расстрелять.

Так эта опушка леса, носящая название «Песчаник», приняла кровь первой расстрелянной здесь карателями жертвы. Вскоре Песчаник стал весь пропитан кровью расстрелянных. Староста деревни Товарицы, узнав об участии Вани Каштанова, бежал в лес, исчез навсегда. Гитлеровцы назначили другого старосту, но и его расстреляли за то, что при облове обнаружили в деревне двух не прописанных им мужчин, хотя те и были местными деревенскими жителями. И эти двое несчастных, случайно пропущенные в списках, тоже были расстреляны.

Выстроив крепость, каратели заставили население рубить под корень парк, и яблоневый питомник, и аллеи ясеня и клена, и все до единого кусты и деревья в радиусе полутора километров от их разбойничьего гнезда. Так было вырублено больше двенадцати гектаров многолетних деревьев.

То же происходило и на трех форпостах карательной роты.

Затем было приказано колоть и возить в крепость дрова, и жители возили дрова до тех пор, пока каратели не отобрали у них всех лошадей до единой. Шла зима, гитлеровцы заставили обозначать заносимые теперь снегом дороги вешками. Из деревни Быстерской не пришел на работу один человек. Каратели явились в деревню, сожгли дом, но непокорного не разыскали, — он успел бежать вместе с семьей в лес, к партизанам.

Бегством в лес вместе с семьей рассчитывал спастись и староста деревни Белая Гора Дмитрий Андреев. Здесь, в глубине леса, уже жили в потайных землянках шестнадцать беглецов из деревень Горбово, Селихново и Гор-Бобыли. Но гитлеровцы разыскали их, окружили, погнали в деревню Мочево, заперли в избу, подожгли и эту избу и все другие избы деревни. Тех, кто пытался выскочить в окна, каратели расстреляли из автоматов.

Тяжело раненный Дмитрий Андреев сумел сползти в подвал избы в момент, когда потолок рухнул, давя горящих живьем людей. Андреев выволок в подвал своего обожженного и раненого друга — пятидесятилетнего Никандра Семенова, выполз, таща его на себе в снежный сугроб, хотел тащить дальше, но Никандр Семенов умер тут же, и Андреев пополз один, таясь от беснующихся в пылающей деревне гитлеровцев. Кровавый снег, Дмитрий Андреев прополз пять километров до другого лесного лагеря беглецов из деревни Корсаково и рассказал им все. Приемный сын Андреева партизан Анатолий Ларионов увез старика к партизанам, те лечили его, но через месяц Андреев все же умер от ран. Среди сожженных живьем в деревне Мочево были двенадцатилетняя Антонина Розова и ее сестра двадцатилетняя Александра, что с детства была горбатенькой. Были крестьяне — Михаил Копейкин, Василий Розов, Николай Сяшонков, Михаил Гаврилов, Василий Петров, братья Григорий и Петр Дементьевы... Этот зверский акт сожжения людей живьем был совершен 5 декабря 1943 года.

В начале января 1944 года каратели явились к жившему в леспромхозе дорожному мастеру Ивану Ивановичу Пикалеву, сказали: «Выходи со своими дочерьми, паспорта ваши нужно проверить!» Вывели Пикалева и двух его дочерей — шестнадцатилетнюю Олимпиаду и девятнадцатилетнюю Людмилу — к соснам Печаника и под яркими лучами солнца расстреляли на сверкающем снегу. Жена Пикалева, оставшаяся с двумя малолетними детьми, только несколько дней назад, после освобождения района Красной Армией смогла похоронить расстрелянных. В конце декабря в домике на окраине совхоза Симанское взорвавшимся примусом

обожглись женщина и кормившийся на ее руках ребенок. Оказать им помощь пришла акушерка Анна Михайловна Богомолова. Едва она вошла в дом, занялась перевязкой обожженных, в дверь ворвались каратели: «Ты Кукушкина? Давай документы!» Она предъявила паспорт. «А почему тебя зовут Кукушкина, а в паспорте ты Богомолова?» — «Потому что я по первому мужу значусь, который умер». — «А второй муж где?» — «Умер тоже!» — ответила Богомолова. Гитлеровцы вывели акушерку за дверь и расстреляли. В деревне Перетворы остались годовалая и пятилетняя дочери Богомоловой и ее шестидесятипятилетняя тетка. До прихода Красной Армии они умирали с голоду и спасли их только соседи.

В январе расстрелы проводились уже по всем деревням, ежедневно. В Песчанике были расстреляны совхозные рабочие братья Жуковы, Иван Егоров и две девушки из деревни Рыбиха — Лида Павлова и Мария Кирпичникова, а затем брат Марии — Николай Кирпичников... Из сожженной фашистами деревни Старина к капитану-карателю пришла крестьянка Мария Семенова с двумя малолетними детьми просить, чтоб ей разрешили жить в другой деревне. Семенова была тут же расстреляна. Ее мальчик умер от голода. Другого подобрили в снегу и спасли крестьяне. За связь с партизанами — действительную ли, мнимую ли — в Песчанике в январе и феврале было расстреляно больше ста человек. Каратели сжигали за деревней деревню, а бегущих в леса людей ловили, расстреливали, убивали кинжалами.

Начались массовые расправы. В маленькой деревне Волково жило восемьдесят четыре человека. Каратели сожгли деревню дотла и ушли. Сорок два человека бежали в лес, стали таиться в землянках. Сорок два других остались жить на пепелище деревни, вырыв себе землянки на месте сгоревших изб. В январе сюда снова явились пять гитлеровцев и, выгоняя поочередно из землянок семью за семьей, расстреляли всех поголовно из пулемета. Спаслась только одна женщина — Пелагея Семенова, которая, будучи ранена, притворилась мертвой и, когда ушли гитлеровцы, выползла из груды расстрелянных, добралась до лесного лагеря и рассказала все партизанам. Среди расстрелянных было одиннадцать малолетних детей и семнадцать женщин, в их числе беременная Тамара Николаева.

Список преступлений карательного отряда слишком длинен, чтоб все перечислить здесь. Около шестисот деревень до войны было в районе. Осталось их не больше десятка. Только из числа жителей тринадцати ближайших к гнезду разбойников деревень убито карателями больше трехсот человек. Карательный отряд постоянно высылал экспедиции и в другие деревни, трудно сказать, сколько злодеяний было совершено там!

Зловещий капитан постоянно объявлял жителям, что уничтожит всех до единого партизан. Но партизаны, которым, не боясь пыток и смерти, помогало все население, действовали непрерыв-

но, смело, решительно, и силы их умножались с каждым днем. В ста метрах от пояса укреплений, обводящего бывшую больницу, партизаны после многочасового боя сожгли шоссе́нный мост через Череху. Крепость карателей была по ним из пушек, минометов и пулеметов. Но мост был сожжен дотла на глазах у беснующегося капитана.

Против филиала карателей в деревне Хвоенка проходит железная дорога Псков — Порхов. Не было дня, чтоб именно здесь не валились под откос взорванные партизанами поезда. Дважды брали партизаны районный центр Карамышево, уничтожали в нем всех немцев, взорвали эшелон с резервистами. Придя после партизан сюда, немцы, оцепив село, три дня убирали трупы, собрали их более семисот. Возле деревни Бурмашево партизаны разгромили обоз с продовольствием и оружием для карателей. Гитлеровцы после ворвались в Бурмашево, кололи ножами, рубили подряд людей целыми семьями, но большинство жителей успело уйти в партизанский отряд. В деревне Черный Вир каратель проломил голову ребенку сапогом. Но ответом на это было увеличение партизанского отряда на несколько десятков человек...

Все кончилось немного дней назад, когда в район стремительно вошла Красная Армия. Разбойничья крепость карателей в Быстро́никольской больнице была брошена застигнутыми врасплох бандитами. Они бежали, выпрыгивая в окна, сбрасывая с себя куртки и сапоги. Они пока скрылись от священной мести гневного, оскорбленного русского народа. Может быть, они сейчас в Пскове, может быть, где-либо в Эстонии. Номер отряда их — тридцать три... Никуда не уйти от ответа изуверу-капитану. Имя его станет известным. Он будет пойман даже на краю света. Не спрячутся нигде палач-фельдфебель, ни один из его злодеев-солдат. Их мрачные преступные лица помнит вся Псковщина, помнят жены, дети и братья расстрелянных.

Мы стоим на сверкающей в лучах мартовского солнца опушке Песчаника. Там, где еще вчера я видел тела невинно казненных людей, сейчас проталины в красном от крови снегу. Возле очищенной от врага мрачной крепости возникло братское кладбище. Да будет священна память лежащих в нем гордых, неподкупных русских людей — псковитян! На деревьях Песчаника зарастет кора, избитая пулями тех, кого местные жители презрительно называли «расстрельщиками». Но мрачные воспоминания о зверствах фашистов не изгладятся в памяти русских людей никогда.

Крепость врагов человечества в Быстро́никольской больнице, в тридцати километрах от Пско́ва, будет вспомянута Гитлеру и его приспешникам в дни последнего суда над фашистскими палачами, три года подряд терзавшими нашу страну.

РАДОСТНАЯ ВЕСНА

Раздумья о близком будущем. На северной стороне. Весна в душе. В Соляном городке. Первомайский салют. В Союзе писателей. По свободной Неве

(Ленинград. 30 марта — 22 мая 1944 г.)

РАЗДУМЬЯ О БЛИЗКОМ БУДУЩЕМ

30 марта

Сегодня взяты Черновицы. Наши войска на границах Венгрии и Румынии. Освобождение Севастополя и Одессы уже определено, и срок ему — ближайший. Помню тогда, в 1942 году, — мечта об этом была как боль, острая душевная боль, потому что осуществление ее было где-то в неведомом будущем, в дальних туманах его. Только вера в победу, никогда не покидавшая, питала ее тогда. Сейчас мечта стала реальностью, наступившим днем, явью, в которой мы все живем. То, что сделано Красной Армией, — величественно и прекрасно. Какие огромные события за эти два года!

Мой Ленинград! Как он изменился сейчас, как он меняется с каждым днем! Во всем сказывается новая эпоха жизни его. Вчера я поехал в хорошо знакомую мне квартиру на Боровой улице, — в дом, наполовину разбитый бомбой в 1941 году. В этом шестиэтажном доме все — еще от блокады: разбитые стекла, частично замененные фанерой; пустые квартиры, в которых вещи свалены в кучу и покрыты двухлетней пылью. Но десятка два женщин и девушек в ватных куртках и брюках хлопотливо работают в доме: энергично производится ремонт. Там, где был глубокий провал, уже отстроены и оштукатурены новые квартиры. От верхнего окна лестницы во двор спускается канат блока, — работницы поднимают доски и бревна, ведра с краской и месивом штукатурки. Весь двор занят секциями парового отопления, оно ремонтируется, оно будет действовать с осени. Такой ремонт идет везде в городе, он не так заметен сразу, когда идешь по улицам, но загляни во дворы, в дома — везде биение новой жизни, везде что-либо чинится, исправляется, восстанавливается. Масштаб предстоящих восстановительных работ необъятен, и то, все еще очень малое, что делается пока, — только начало. Но как оно характерно для наших дней!

Сегодня с моей давней вернувшейся в Ленинград знакомой я шел к Неве вдоль Марсова поля.

Асфальт улиц давно уже очищен от снега. На каждом шагу, замечая в асфальте круглые заплатки — следы воронок, заделанных гудроном или щебенкой (а около них — россыпь царепин и выбоин от осколков), я объяснял моей спутнице, что это — только от зимних снарядов...

— А почему именно зимних? — лениво спросила она.

— Потому что следы обстрелов лета и осени прошлого года давно исчезли: те воронки залиты асфальтом еще до снега.

Моя спутница два года была в эвакуации.

— Да-да! — отвечала она. — Все говорят, что тут было не слишком уютно. — Но так холодно, так непонимающе говорила это, так бесчувственно смотрела на показываемые мною следы обстрелов, что меня в душе брала злость: никак не объяснишь человеку, что же такое были эти варварские артиллерийские налеты на город и что именно тут происходило...

Скоро все сгладится, забудется, уже и сейчас многое вольно или невольно уходит в забвение. Но все-таки и через десять лет два переживших блокаду ленинградца без слов поймут друг друга — подумав, что есть нечто связующее их тайными нитями. Пусть встретятся они где-нибудь за тридевять земель от Ленинграда — поймут. Между ними возникнет на миг та душевная близость, какую словами не объяснишь.

...Сегодня, присматриваясь к новым чертам в облике Ленинграда, я обратил внимание: на улицах города опять много военных, а ведь их почти не было здесь после январского наступления. И сегодня же понял, почему именно по Литейному, — не в ту сторону, как привычно было все эти два года, а в обратную, — от Невского к Неве и дальше, на север, тянулись танки, тягачи с пушками, грузовики с солдатами. Мы поворачиваемся лицом к Карельскому перешейку. Скоро мы услышим гром новых боевых дел — будет сломлен хребет упрямым и неразумным фашистским правителям Финляндии, отказавшимся отречься от Гитлера.

А как прекрасны наши победы на юге! Мне представляется, что после полного очищения от врага Украины и Молдавии, после выхода из войны Румынии основной удар наших армий будет направлен на Белосток, на Варшаву, на Кенигсберг, чтобы мощным наступлением этим загнать в мешок всю белорусскую группировку немцев (пусть вязнет в Пинских болотах!) и всю прибалтийскую. Мы устроим немцам самый грандиозный из котлов, в какие они когда-либо попадали!

Мы пойдем дальше, мы будем крушить фашизм в самом его логове! За нынешнюю нашу прекрасную мощь мы заплатили большой кровью. Наши победы рождены непревзойденным мужеством и героизмом нашего страдающего народа. И будущий мир

мы должны завоевать накрепко, так, чтоб это был покой и отдых на долгие времена, а не кратковременная передышка перед новыми войнами.

НА СЕВЕРНОЙ СТОРОНЕ

1 апреля

Вчера я ездил на финский фронт.

К северу от города финский фронт — все тот же, что был и в период блокады, ничто там не изменилось, обстановка та же, был — фронтовой и прифронтовой — тот же. Люди те же и на тех же местах и делают то же самое, что делали и тогда. В тех же траншеях и дзотах сидят войска. Те же снайперы так же вглядываются из своих ячеек в знакомые до деталей позиции врага. Методы войны — позиционной, сидячей — там не изменились.

Как странно кажется это теперь: оказаться на фронте через час-два после выезда из Ленинграда. Вернуться в Ленинград с фронта в тот же день, когда поехал туда. Раскрыть армейскую газету и прочитать в ней датированный сегодняшним числом, распечатанный на полстраницы эпизод о действиях единичного снайпера или о взятии «языка».

Уверен: в армейских газетах украинских фронтов освобождению городов Николаева, Очакова, Черновиц, взятию многих сотен пленных и обильных трофеев уделено меньше места, чем здесь, в 23-й, «бедной событиями», армии этому маленькому боевому эпизоду.

23-я армия томится, ждет наступления...

Вчерашняя моя поездка была словно поездкой на уэллсовской машине времени в прошлое, в глубь отошедшего в историю периода блокады Ленинграда.

ВЕСНА В ДУШЕ

Ночь на 12 апреля

Часто бывает теперь: иду по солнечной стороне улицы и почти физически наслаждаюсь самой возможностью идти вот так, спокойно прогуливаясь, с сознанием полной своей безопасности. Размышляешь: «Моя улица, мой город! Я тоже что-то сделал, чтоб иметь право в нем — свободном, спокойном — идти по этой чистой, солнечной улице так уверенно, таким прогулочным шагом!»

Рабочие люди, эвакуированные в свое время в Сибирь или на Урал, возвращаются к своим станкам и трудятся с привычным напряжением. Ученые, инженеры, вернувшись, работают не покладая рук, так же, как работали в эвакуации. Они — тоже участники общей победы.

Но город наш велик, многолюден. И среди десятков тысяч людей, вернувшихся из эвакуации, есть и такие, кто только «устраивает здесь свои дела», как «устраивал» их там — в тылу. К таким дельцам, к счастью немногочисленным, ленинградцы неблагоприятны!..

Вчера была премьера «У стен Ленинграда» Всеволода Вишневского в Выборгском доме культуры. Я в этом Доме культуры — впервые за войну, да, кажется, до вчерашнего дня он и не работал. Премьера закрытая, точнее — общественный просмотр. Полный зал, масса знакомых, — все люди, к которым привык за время войны и блокады. Они — чуть ли не вся «передовая часть интеллигенции» Ленинграда. Мало ее! Но в зале уже много и тех, кто недавно вернулся в город из Сибири, с Урала, из Средней Азии...

Театр отремонтирован, подкрашен, в нем тепло, только несколько женщин в шубах.

После первого акта, в антракте, кто-то из администрации со сцены объявляет: только что был приказ Малиновскому о взятии Одессы. Оглушительные рукоплескания.

Все ждали этого события со дня на день, никто не сомневался, что оно произойдет вот-вот...

Вчера взята Одесса. Сегодня — Джанкой и Керчь. Наши войска очистили всю Южную Украину, вступили в Крым, и немного дней пройдет — освободят его весь. Наши войска вступили в Румынию. Завтра-послезавтра будут взяты Яссы. На очереди Львов, на очереди — освобождение Карельского перешейка... Снилось это мучительными ночами в 1941 году. Верилось в это сквозь все черные беды той зимы; мечталось в сырых и промозглых болотах Приладожья; говорилось об этом с друзьями, с товарищами в блиндажах, в грузовиках, заметаемых дикой пургой на ладожском льду, на бесконечных дорогах фронта...

Всё сбылось, все оправдалось. Хорошо, что вера в победу была всегда, в каждый час моего существования, за все три года войны!.. Наша взяла! Наш праздник!..

В СОЛЯНОМ ГОРОДКЕ

30 апреля

Сегодня в Ленинграде произошло большое событие: в Соляном городке состоялось торжественное открытие выставки, посвященной обороне Ленинграда. Я пришел на выставку к моменту открытия — к 6 часам вечера. Топча снежную жижу, сюда собирались сотни людей. На Соляном переулке возле разоренного за время блокады скверика, где прежде были оранжереи и ботанические раритеты и где ныне — только следы изрытых огородных грядок да мусор от бомбежек и от обстрелов, — стояли немецкие бронеколпаки, привезенные сюда с полей сражения. Огромное, на

многоколесном ходу орудие, из которого вынут (и помещен внутри здания выставки) ствол, стояло среди этих колпаков. Громадины танков и многих других орудий загромоздили всю Рыночную улицу, где у подъезда выставки теснилась толпа. Одна из гигантских длинноствольных гаубиц протянула свой ствол, как хобот, к окнам здания.

На углу Соляного и Рыночной, будто тоже участвуя в экспозиции, высился насквозь прогорелый остов дома. Но и он, как и все другие дома вокруг, был украшен красными флагами. Гремел оркестр. Подъезжали сплошной чередой легковые автомобили, из них выходили представители власти, генералы, их жены. Сновали фотографы. Чины милиции проверяли входные билеты. В фойе какой-то лейтенант энергично рассовывал входящим экземпляры «На страже Родины». Густой поток посетителей вливался в помещение выставки.

Я бродил по выставке четыре часа, с огромным интересом и вниманием разглядывая все экспонаты. Каждый из них будил во мне воспоминания, вызывал ассоциации. Все, о чем рассказывала выставка, было известно мне, все испытано, изведено, измерено — собственными шагами, лишениями, невзгодами, надеждами: город и передний край фронта, Нева и Ладога...

Конечно, мы, ленинградцы, знаем гораздо больше, чем рассказывает выставка, — например, о лишениях и ужасах блокады. Голод очень бедно и стыдливо показан на выставке. Многообразно представлены Ладога и «дорога жизни». Артиллерийские обстрелы и бомбежки показаны хорошо. На бомбах — этикетки с фамилиями тех, кто разрядил их. Огромная тонкостенная фугасная бомба весом в тонну, упавшая на территорию больницы Эрисмана в тот день, когда я находился рядом, в квартире отца, пробудила во мне живые воспоминания о тех днях. Странное, приятное чувство овладело мною: все то, что еще вчера было нашим бытом, будничным и обыденным, — сегодня, отойдя в историю, уже предстает перед нами в виде экспонатов выставки. Явно ощущается, что мы, ленинградцы, ныне живем уже в другой эпохе. Конечно, многое, особенно картины художников, панно, панорамы, романтизируя и, если можно так выразиться, героизируя это недавнее прошлое, представляют его нам не так просто и буднично, как это было в действительности. Но не потому, что художники старались все приукрасить; причина в другом: реальная действительность всегда бесконечно богаче, многообразней, глубже, чем попытки иных, не очень искусных художников изобразить ее. У большинства из них все — более плоско, бедно, игрушечно, макетно... Да и вся выставка, конечно, только слабая тень того, что знаем мы, пережившие блокаду сами.

Обиделся за литературу. Ей не уделено никакого внимания на выставке. Все, что касается литературы, изображено лишь десятком книг, — полочка, на которой стоят: «Ленинградский год» и «Ленинград принимает бой» Тихонова, пухлая книжка Саянова,

книжечки стихов Инбер, Берггольц, Азарова, Лифшица... Все!..

Центральный зал выставки, где гремел оркестр, производит большое впечатление. Здесь в натуре самолеты, танки, орудия, даже целый торпедный катер, на которых прославленные герои фронта били врага. Хорошо сделана панорама, изображающая передний край, — реалистично, похоже на действительность. Все другие панорамы — не убедительны.

ПЕРВОМАЙСКИЙ САЛЮТ

2 мая

День за днем по Неве проносило лед. Последний раз я видел его — сдавленные, круглые, с обтертыми краями льдины — в гортле Большой Невки, между Гагаринским Пеньковым буяном и Пировским музеем. Одинокий торпедный катер выбивался из этого вялого льда. Корабли у набережной Жореса — транспорт, прижавшиеся к нему подводные лодки — очищались от зимней окраски. Свисая вдоль борта транспорта на таях, матросы соскребали с него белую краску; транспорт в эти дни был пегим, некрасивым, будто облупленным и постаревшим.

Всю зиму здесь простояла шаланда, засыпанная землей и превращенная в форт: в землю был вправлен дзот, и одни амбразуры его глядели вдоль набережной, на Литейный проспект, а другие — выше, поверх крыш домов, в небо. Ныне эта полузатопленная шаланда, вылезшая носом к самой набережной, засыпанная землей, оплескивается водой. Прележит здесь шаланда долго: оттянуть ее невозможно, нужно прежде вывезти с нее землю. На корме этой руины команды ближайших судов оставляют свои велосипеды, так же, как оставляли их на обломках других барж, что стояли, например, против Летнего сада, являя собою некие мостки от набережной к подводным лодкам, буксирам и другим зимовавшим здесь судам. Громоздились на баржах и бухты с кабелем, и бочки, и всякая другая тара.

Теперь голые шпангоуты этих взломанных барж оплескиваются невской водой. Она смыла, отнесла от бережных и гигантские груды грязного, насыщенного мусором снега, — того, который всю зиму сваливали сюда дворники, свозя его с аккуратно расчищавшихся улиц.

Цилиндрические, в метр высотой, питательные батареи для корабельных радиостанций зимой стояли на набережной, группируясь штук по десять в полукружиях, образованных гранитными скамьями, там, где эти скамьи обводятся лестничными спусками к Неве. Некоторые из этих зеленых цилиндров стояли на самых скамьях. В ночной час издали они кажутся какими-то молчаливо сидящими на скамьях людьми, стерегущими покой кораблей.

Все чаще по Неве снуют катера и буксирные пароходики, то уводя на другое место зимовавший корабль, то приводя на его место новый.

На Дворцовой площади уже недели три тому назад начались восстановительные работы. Трубчатый, металлический каркас, на котором зиждились леса, обводившие Александровскую колонну, кажется, все два с половиной года блокады, медленно, сверху вниз, разбирался. Недавно, проходя через площадь, я увидел, что колонна уже вовсе освобождена от лесов: последние металлические трубки каркаса грудями лежали с двух сторон ее.

Разбитые, полуразобранные, полуразваленные трибуны, прилегающие к Зимнему, отстраивались заново, обшивались фанерой. Их красили серой, стального оттенка краской.

Ремонтные грузовики трамвайного парка подъезжали к высоким фонарным столбам, выдвигали вверх свои круглые площадки, и тогда на фонарях устанавливались новые, белые, привезенные на других грузовиках, стеклянные шары.

За несколько дней перед Первым мая приведенная в полный порядок площадь уже ничем не отличалась от той, какой она была и до войны, а гроздь белых фонарных шаров поблескивали на солнце. Только вместо стекол во всех окнах Зимнего дворца и сегодня — фанера. Как и везде в городе, окна еще не прозрели, солнечным лучам еще не пробиться внутрь помещений.

Приведение Дворцовой площади в полный порядок казалось не случайным. В городе поговаривали, что, должно быть, в день Первого мая будет военный парад, а то, пожалуй, и демонстрация. Никаких официальных указаний, намекающих на такую возможность, не было, — я, например, спрашивался в редакциях газет и в ЛенТАСС, но никто ничего не знал. И все-таки думалось, что такое молчание объясняется военной тайной: ведь важно, чтобы враг не узнал заранее о параде и демонстрации, если они должны быть, и что вот, накануне Первого мая, объявят о том внезапно и парад все-таки будет. Но все эти предположения оказались ошибочными — никаких парадов и народных шествий в день Первого мая не было, ибо подвергать риску воздушного нападения громады людей конечно же нецелесообразно.

30 апреля, проснувшись, все горожане с удивлением увидели плотный, сверкающий покров снега, выпавшего за ночь. Город вновь неожиданно приобрел зимний вид. Днем, хоть и было холодно, но снег стал таять, грязища на улицах весь день была страшная. Только сегодня, 2-го числа, уже нигде не заметить снега, а вчера утром, выглянув в окно, я еще увидел на крышах снег. К полудню его уже не было, а улицы высохли под солнечными лучами.

День Первого мая... Всем хотелось как-то ознаменовать этот день. Люди вышли на улицы, одетые наряднее, чем всегда, женщины — в новых туфельках, даже если и очень дешевых, то все же новых. Небритых мужчин я не видел.

Многие огорчались, что салют будет засветло, а не ночью, — ночью он был бы красивее, эффектнее. Вероятно, кое у кого мель-

кнула мысль: «А не может ли быть сегодня налета на город?» Но ленинградцы уже привыкли к тому, что враг не в силах прорваться к городу: «Нет! Куда там теперь фрицу бомбить нас... Если и попробует, то крепко получит по носу!»

С презрением и пренебрежением каждый ленинградец думает нынче о гитлеровцах. Ибо мы — победители, ибо до конца войны уже не долг срок...

Солнце ярко светило в половине восьмого вечера, когда я вышел из дому. По набережной канала Грибоедова (на которую для ее ремонта на днях навалили груды булыжника), как и по другим улицам, к Марсову полю, к Неве густо валил народ. Больше всего было детворы.

На Марсовом поле, как и везде, алели флаги. Против Павловских казарм, на второй дорожке Марсова поля, стояли в ряд так и не убиравшиеся после двух прошлых салютов пушки: тридцать семь противотанковых пушек. В первой половине дня к этим пушкам, всегда стоящим одиноко и без охраны, привели солдат — расчеты подготавливались к стрельбе. Сейчас, перед восьмью часами вечера, расчеты вновь были здесь, на своих местах, у орудий.

Зрители вытянулись вдоль первой дорожки, против казарм. Зрители были и на другой стороне Марсова поля, и на панелях улицы Халтурина, и на площади, вдоль Мраморного дворца, и на набережной Невы, и на Кировском мосту.

Я встал на углу набережной и Кировского моста, в гуще ждущих салюта людей, любуясь кораблями на Неве, украшенными с утра флагами расцвечивания. Обновленный свежей коричневой краской, стоящий против Летнего сада вспомогательный военный корабль готовился салютовать сам, и палубы его были полны людей.

На крышах Мраморного дворца и Павловских казарм расположились солдаты с ракетными пистолетами в руках. По набережной, полным ходом проносясь мимо, в сторону моста Лейтенанта Шмидта, торопились автомашины, в которых я замечал офицеров флота с их семьями. Эти, видимо, рассчитывали смотреть на салют не здесь, а там, ниже по Неве, где стоит больше военных кораблей, где, вероятно, откроют огонь из своих орудий линкоры. Но мне было хорошо и здесь.

Ровно в восемь вечера раздался первый залп салюта. Орудия, стоящие на Марсовом поле, блеснули пламенем, набережная содрогнулась. Блеснул бортовым залпом стоящий против Летнего сада корабль, рокочущий грохот прокатился и навстречу, — с той стороны Невы, где рванули залпом стоящие против Дома политкампаржан зенитки. Оттуда же, и одновременно со всех сторон, взвились в голубое небо разноцветные ракеты, я увидел на крыше Мраморного дворца десятки устремленных к небесам рук с ракетными пистолетами.

Ракеты полились в солнечное небо сплошной чередой. Солнце, стоявшее над Петропавловской, слепило глаза, но змейки распол-

зающихся от блеснувших точек дымов все же были видны. Залп за залпом повторялся. Берега Невы покрывались густыми клубами дыма. Медленно оседая, распадаясь, тая, дым стлался по водам Невы, но все новые и новые его клубы вырывались от стреляющих залпами орудий, от ракетниц, которых было великое множество. Стремительно бегали мальчишки, подбирая пыжи и недогоревшие или догорающие на земле части ракет. Длинными, крутыми, плавными дугами, самыми различными траекториями полета, всецветные ракеты летали по небу. Многие вонзались, еще горя, прямо в толпу: люди отскакивали, а на шипящую огненную точку набрасывались вездесущие мальчишки.

Трамваи, переполненные пассажирами, остановились на мосту. Ни один автомобиль не двигался, пока длился салют. Дохнув пламенем, ряд орудий, бивших на Марсовом поле, разносил по всему городу раскатистый гром. Мост, на котором стоял я, вздрагивал и еще долго после каждого залпа дрожал.

Когда после одного из залпов загремели музыкой громкоговорители радио, все сразу поняли, что салют окончился. Одинокие ракеты еще несколько минут взлетали в воздух, — ракетчики достреливали последние запасы свои, и единичные красные, фиолетовые, желтые звездочки, словно не желая расставаться с небом, медленно опадали, заканчивая собой парадное зрелище. Сразу в нейстовое движение пришли стоявшие повсюду толпы, трамваи и автомобили.

Перед мостом, механически быстро члени свои движения, преисполненный гордости и чувства собственного достоинства регулировщик-милиционер орудовал магической палочкой так залихватски, что к нему подбежали фотографы, а случившийся тут же со своей женой Александр Прокофьев стал восхищенно за ним наблюдать, повторяя: «О... О!.. Русак, вот это русак!»

Автомобильный разъезд был так густ, что нельзя было перебежать улицу. С давних времен я не помню в Ленинграде такого момента, такого местечка, где автомобили сновали бы со всех сторон сплошным потоком, едва не налезая один на другой.

Люди растекались неторопливо, явно жалея, что все уже кончилось. Ватаги мальчишек носились по Марсову полю, подбирая остатки ракет.

Я побрел вдоль Лебяжьей канавки и услышал позади себя отдаленный грохот. Я оглянулся. Над Петроградской и Выборгской сторонами высоко в небе набухали черные клубочки разрывов зенитных снарядов. Это фашистские самолеты прорвались к городу, — может быть, один какой-нибудь, может, несколько. Зенитки били минут пять, но почти никто не желал замечать ни этих клубочков, ни отдаленного гула стрельбы.

«Поздно!» — усмехнувшись, подумал я.

Перешел Марсово поле поперек, подошел к пушкам. Артиллеристы хлопотали возле них — чистили и смазывали стволы и затворы, переносили в штабеля ящики с гильзами и неиспользован-

ными снарядами. «Пять у меня!» — считая, кричал один. «И гляди, у меня совершенно чистый!» — сообщал молодой солдат другому, тыча пальцем в густо смазанный затвор своего орудия.

А огромная ватага мальчишек, бегая под стеной Павловских казарм, подбирала на асфальте швыряемые ей с крыши казарм полудюжиной инициативных парнишек стреляные гильзы ракет. Издали это зрелище было похоже на бой: сверху градом летели гильзы, внизу чуть не сотня ребятешек носилась, набивая ими до отказа свои карманы.

— Дай одну! — сказал я подвернувшемуся мне парнишке, проходя мимо.

— На! — он щедро сунул мне несколько гильз.

Буду хранить их на память об этом дне!

В ночь на 1 мая я слушал приказ Верховного Главнокомандующего. В нем есть слова: «Но наши задачи не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей Родины...»

Эта строка приказа определяет для нас весь дальнейший ход войны...

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

4 мая

Вчера был «большой день» Ленинградского Союза писателей — просмотр впервые за войну организованной выставки работ ленинградских писателей. Выставка организована наспех, недостаточно продумана и представляет далеко не все, сделанное за время войны писателями. В витринах — сто шестьдесят девять книг и брошюр. На стендах — газетные вырезки, журналы, цифровые данные. Все — очень случайно подобранное. Фотографии — портреты писателей. И все-таки по этой выставке можно судить, что писатели потрудились немало, хотя, как правило, их труд и не был работой именно в художественной литературе.

Писатели были агитаторами, журналистами, корреспондентами, пропагандистами. Заниматься художественным творчеством времени не оставалось, и то немногое, что сделано в этом отношении, за редким исключением, не представляет собой подлинной художественной ценности. Но писатели выполняли свой воинский долг, честно и достойно выполнили его. В том, что Ленинград победил, — заслуга писателей несомненна и велика. И то, что написано ими, будет уважительно изучаться во все времена истории.

После просмотра выставки начался «Устный литературный альманах» — впервые за время войны, в Большом зале Дома имени Маяковского. До этого в Большом зале бывали только просмотры кинофильмов. Собравшиеся ежились от холода, но примечательно уже то, что этот прекрасный зал был ярко освещен, чист, устлан коврами. После альманаха прошел концерт, — выступали

приглашенные артисты, певцы, балерина. На этой эстраде — тоже впервые за время войны.

Слушая пианистку, я думал: вот в каких деталях нашего быта мы видим победу. Она возвращает нам все, к чему мы привыкли в мирное время, что лелеялось нашими надеждами в дни блокады, что даже невозможно было себе представить как реальность в страшную зиму 1941/42 года. Естественно, просто, буднично приходят к нам прежние формы жизни. И это потому, что победили в войне мы! На миг только представить себе, какими были бы эти дни, если бы мы не отстояли города, если б народ наш не добился победы в войне...

ПО СВОБОДНОЙ НЕВЕ

22 мая

Тот, последний, пароход, который поднялся по Неве от Ленинграда до Шлиссельбурга, шел в августе 1941 года — тридцать три месяца назад. Враг занял Мгу. Немецкие пушки и танки выкатились в Ивановском, в Пелле, в Дубровке к невоскому берегу. В живую водную артерию влилась немецкая сталь. Минометы завесили реку сплошным огнем. У Островков, у Малых Порогов посыпались с неба на правый берег фашистские парашютисты. Они были уничтожены еще в воздухе. Дальше левого берега враг не прошел. Началось двухлетнее стояние гитлеровских дивизий на берегу не преодоленной ими реки. Но жизнь на Неве застыла. Замер на камнях у Островков пассажирский пароход номер пять, застигнутый вражескими снарядами в последнем своем рейсе. Труп капитана, убитого в рубке у штурвального колеса, долго висел между армиями двух схватившихся не на жизнь, а на смерть государств. Рискуя собой, наши разведчики все-таки пробрались на пароход, вынесли тело погибшего на посту коммуниста, похоронили его.

Другие разбитые в речном бою баржи, землечерпалки, буксирные пароходы остались поныне немymi свидетелями огненных дней того августа.

Два года с берега на берег Невы летели миллионы пуль, десятки тысяч мин и снарядов. Рыба и та не плавала в ее оглушаемых разрывами водах.

Все это кончилось в славные дни января 1944 года. Накануне мая вниз прошли льды с чернеющими на них останками врага. Ленинградцы смотрели на эти останки, перегнувшись через перила мостов. В мае невоские воды вновь потекли свободно от Ладоги к Ленинграду, отражая в себе изуродованные, изрытые войной берега. Но дно могочей реки оказалось усеяно магнитными минами. В поход вышла ватага маленьких деревянных тральщиков. Вот уже три недели, как снуют они по Неве, словно жучки-плавунцы, волоча за собой на длинных тросах поплавки тралов.

Есть, однако, на речном транспорте работники, которым нельзя ждать полной безопасности плавания. Это работники службы, называемой «обстановкой речного района». Ведь не осталось в среднем течении Невы ни одного путевого знака: ни вешек, ни бакенов, ни прочих сигнальных обозначений, предупреждающих капитанов о мелях и подводных камнях, о рискованных поворотах, обо всяких капризах фарватера. К началу навигации все эти знаки должны быть восстановлены.

Вчера, в теплый вечер 21 мая 1944 года, от Смольнинской пристани отваливает рейдовый буксирный пароход «Зотов». Это первый пароход, который решился пройти снизу доверху всю Неву, несмотря на свое металлическое естество, могущее привлечь магнитную мину.

На борту парохода я беседую с начальником обстановки Ленинградского района Дмитрием Алексеевичем Смирновым. Он — старый моряк. Сорок девять лет назад даже родиться он умудрился в каюте колесного парохода «Русь», во время перехода из Петербурга в Кронштадт. На борту «Зотова» представитель одного из райжилуправлений — Васильев. Ему нужно прикинуть глазом: много ли бревен, годных для строительства, за три года наворотила Нева у опустошенных своих берегов? На корме парохода — свежесрубленные красные бакены, вешки, камни, перевязанные накрест веревками. В рубке у штурвала помощник капитана Аржанцев. Когда-то он был главным боцманом в дивизионе тральщиков, и кое-что из практики кораблевождения по минным полям ему известно.

Невская вода белой пеной бежит за кормой. Белая ночь зыблет над городом волнуящее свое покрывало. Пройдены все мосты, пройдены трубы вновь задымивших заводов. Громадный город за кормой растворяется в белесой мгле.

До Ижоры, до Овцыно берега Невы полны жизнью. Здесь Александр Невский когда-то победил шведов. Сюда Красная Армия не допустила немцев. Деревни, палисадники, огороды, окруженные сочной зеленой чащей садов и лесов. Заводы и фабрики, на которых круглые сутки кипит восстановительная работа. Плоты, дрова, кирпич, суперфосфат. Весла рыбаков, ленточки спящих по своим корабельным делам краснофлотцев, песни молодежи на травянистом берегу красавицы реки.

Приблизившись к бывшему переднему краю, «Зотов» ошвартовывается до утра у разбитой еще в сорок первом году землечерпалки «Нева». Ее недавно обследовали эпроновцы. В ней больше пятисот мелких пробоин, но, восстановленная, она все-таки будет работать в этом году.

Утро. Набрав десять атмосфер пару, маленький «Зотов» вновь трудолюбиво режет встречное течение. Резко меняется облик берегов. Знакомые с детства каждому ленинградцу, они нынче неузнаваемы. Гляжу налево — на правый берег. Сюда тридцать месяцев подряд рушили металл немцы. Здесь были сотни домов се-

ла Большие Пороги. Только один уцелевший домик глядит на нас тремя окнами. Направо — устье реки Тосны, село Ивановское. Нет ни села, ни труб, ни развалин, ни леса. Здесь были немцы. Пустынное, перерытое взрывами побережье. 19 августа 1942 года в устье Тосны внезапно ворвались наши военные бронекатера. Балтийцы дрались ночь, дрались день. Трижды переходило из рук в руки Ивановское. Половина его до конца блокады осталась за нами. Траншеи наши и траншеи немцев сплелись. И те и другие раздавлены сотнями глубоких воронок. Земля не зеленеет травой, она мертва. Белая кора умерщвленных, срезанных до половины берез, черные обрубки голых ветвей. Груда кирпича, облом арки ворот — единственное напоминание о высокой, стоявшей здесь церкви. Да голубой, изломанный ларек. На ста квадратных метрах земли наши саперы недавно собрали две тысячи четыреста мин. Так впереди — по всему невскому берегу.

Слева приближается бывший кирпичный завод — семь скелетов обрушенных зданий. Справа в Неву выдается мысок. Здесь был мощный мачтопропиточный завод. От него остался только разваленный, оплетенный колючей проволокой забор: как и везде, немцы весь битый кирпич разнесли по своим траншеям.

За Ивановским справа — Пелла. На Пелльских порогах Нева быстра и извилиста, но фарватер глубок, мы не замечаем порогов. Названная Екатериной Второй по имени родины Александра Македонского, Пелла сейчас безлюдна, безжизненна. А ведь был здесь великолепный парк! Десятка два мертвых деревьев, остатки дворца, ржавая проволока спирали Бруно вдоль берега, — и глазу больше не на чем задержаться...

За Пеллой — бесследно уничтоженные рощи Отрадного и Петрушино, груда развалин на месте каменной дачи Сергея Мироновича Кирова, а напротив, там, где непрорубной стеной тянулся сосновый лес Островков, — редкие обломки иссеченных деревьев. Здесь стоял фантастический замок Потемкина, увенчанный такой высокой башней, что с нее в ясную погоду был виден Кронштадт. Здесь томилась в заточении выкраденная царедворцем Орловым из Англии таинственная пленница — княжна Тараканова. Сейчас здесь после немецких снарядов только красная груда развалин да бургорки покинутых дзотов.

А впереди, поперек Невы, уже виднеются крутые дуги высоких взорванных ферм. Этот Кузьминский железнодорожный мост был выстроен ленинградцами летом 1940 года в невиданный срок — в полтора месяца. Легкий, ажурный, он вонзается обрубками острого железа в Неву, и наш «Зотов» осторожно проходит под аркой разрушенной фермы.

Сразу за мостом навстречу нам строем пеленга бегут тральщики. Морской офицер поднимает рупор, что-то кричит, но на «Зотове» и без слов понимают, что водная эта зона для металлических пароходов запретна. Да мало ли мирных правил безопас-

ности за время блокады нарушено ленинградцами во имя долга! И, поняв назначение «Зотова», офицер только недовольно отмахнулся рукой.

А «Зотов» уже приближается к прославленному на все века «пяточку» — к Дубровке, где с сентября 1941 года, форсировав Неву, наши части держали в своих руках знаменитый плацдарм. Унылая тундра по сравнению с этой землей показалась бы цветущим краем. Каждый квадратный метр «пяточка» много раз перепахан бомбами и снарядами. Даже природный естественный рельеф берегового среза исчез, перерытый в бесчисленные норы блиндажей и землянок, ходов сообщений, траншей. Сама земля превращена в хаос, на котором вот уже две весны не выросла ни одна травинка! А ведь до войны здесь было большое, в садах, село. Об этом «пяточке» легенды сотни лет будут ходить по свету. непонятно, как могли здесь держаться, как могли этот клочок земли не отдать врагу люди? Но именно он помог ленинградцам прорвать блокаду. Слава и вечная память героям, погибшим здесь!

За «пяточком» справа высится громада разрушенной 8-й ГЭС — последнего очага отчаянного немецкого сопротивления на берегу Невы. Железобетонный корпус ГЭС стал могилой гитлеровских смертников-головорезов, пытавшихся удержать в своих руках тяжелый ключ к берегам Невы. Свились в клубок металлические каркасы, обрушены железные фермы эстакад, изрыта воронками высокая железнодорожная насыпь. Отсюда до Петрокрепости (недавнего Шлиссельбурга), до Ладоги двенадцать километров пространства, освобожденного еще в 1943 году. Впереди виднеется роща Преображенская, за ней возникает колокольня церкви, высящаяся против Орешка.

Опасная водная зона кончилась. Нева пройдена «Зотовым» вся. «Зотов» припартовывается к торчащим из воды бревнам и через сорок минут, набрав пары, выходит в обратный рейс, чтобы по всей Неве расставить припасенные на корме красные бакены и длинные вешки.

Через несколько дней по пути, проложенному «Зотовым», пойдут пароходы, баржи, катера восстановленного невского судоходства. Путь из Ленинграда в Ладогу будет свободен для кораблей!

ВПЕРЕД, НА ВЫБОРГ!

Скорее в бой! Взятие Кутерселькя. Вдоль побережья. Сокрушение Северной крепости. Сквозь линию Маннергейма. В час штурма. Выборг, 20 июня. Солнце всходит над Выборгом

(Карельский перешеек. 14—21 июня 1944 г.)

СКОРЕЕ В БОЙ!

14 июня

Наступление 23-й армии началось 10-го. Я был в командировке, вернулся в Ленинград на четвертый день наступления, и сразу же, сегодня, — на фронт вместе с Ильей Авраменко.

Давно знакомая Каменка — «город нор», трехлетний передний край. Несуществующий Белоостров: из руин его домов и фундаментов давно сделаны дзоты, доты, блиндажи, целые форты, теперь совершенно обезформленные. Только от вокзала остались куски, по которым можно представить себе прежние формы здания.

Северный берег реки Сестры — финский передний край — истолчен бомбежкой и снарядами. Бревна, доски — в щепе, укрепления превращены в труху. Траншеи завалены, многих не определить. Лес иссечен, остались голые, мертвые, изорванные осколками стволы без ветвей. Сплошь — сомкнутые, входящие одна в другую воронки. Трупов уже нет — убраны. Лоскутьев, опшметок, обломков — много.

Несколько девушек в платьях яркоцветных и легких бредут по этому полю боя, бесстрастно освещенному летним утренним солнцем.

До разбитого, пожженного, разбомбленного Оллила преодолеем глубокие ухабы, ехать трудно: воронки плохо засыпаны, земля оседает.

За передним краем — природа берет свои права. Начинается финский тыл. Разбитые снарядами, но необесформленные и необесцвеченные дачные домики перемежаются с уцелевшими. Буйная зелень, полевые цветы. Яркие сады, лес. Приморское шоссе становится ровным и гладким, редкие ямы от снарядов тщательно заровнены. Мирный пейзаж прерывают только погорелые и разбитые дома, доты, дзоты, колючая проволока, надолбы. Слева — голубые воды Финского залива, просвечивающие сквозь ветви. Колючая проволока тянется вдоль всего берега.

Куоккала.¹ Пепелище репинской дачи, на досках перебитых ворот крупные отдельные буквы слова «Пенаты». Фотографирую их.

Быстро доехали до Терйока.

С утра (и весь день) голубое небо затемнено тучами наших самолетов, помогающих артиллерии, пехоте, танкам громить мощные укрепления врага. Бомбардировщики налетают волнами, один за другим. Грохот бомбежки непрерывен, кажется, будто впереди выколачивают сотни исполинских ковров. Словно опоясанная цепью бесчисленных действующих вулканов, линия фронта обозначена клубами извергающегося над лесом дыма. Идет бой за прорыв второй линии обороны.

Сходим с машины, стоим на перекрестке дорог. Высоко в небе — аэростат наблюдения. Три «мессершмитта» внезапно атакуют его. Грохот зениток. Вокруг аэростата белые и черные клубки разрывов зенитных снарядов. Завывание моторов «мессеров». В первом заходе они отбиты зенитками, доносится стрекот их пулеметов. «А все-таки собьют его, ведь собьют, сволочи!» — восклицает какой-то командир. Смотрим: «мессеры» кружатся. Аэростат вспыхивает огромным красным языком пламени, валится вниз, сгорает весь в воздухе. Зенитки грохочут, «мессеры» завывают, туча черного дыма растягивается в голубизне солнечного неба. Из тучи и пламени вываливается вниз что-то маленькое, девственно белое. Это раскрывается парашют, чудом не загорается и медленно, обидно медленно, — потому что «мессеры» новым заходом бьют по нему из пулеметов, — спускается с наблюдателем, не знаем — живым или мертвым?

Подбитый зенитками, один из «мессершмиттов» падает в лес.

Вот, война! Всё — просто. Было, и будто не было. А ведь это происходил бой!

Оставив чужую машину, выходим к морю, на самый берег, сквозь примятую колючую проволоку заграждений, по перекинутым через них доскам. Пляж. Валуны. Гладь воды. Гул самолетов, непрерывно летящих над нами, неподалеку пикирующих и сбрасывающих свой груз. Нам видно: бомбят Мятсякюля и всю полосу леса от него в глубь берега и дальше. Извержения взрывов, черные, серые, рыжие. Извержения воды, от бомб, попавших в залив, — белые. Частота разрывов такова, что пауз нет. Эшелон за

---

¹ Для ориентировки читателя перечисляю нынешние названия некоторых встречающихся в этой главе географических пунктов: Солнечное (Оллила), Репино (Куоккала), Комарово (Келломяки), Зеленогорск (Териоки), Роцино (Райвола), Ушково (Тюрисевя), Молодежное (Мятсякюля), Лебяжье и птицеводческий совхоз «Ударник» (Кутерселькя), Песочное (Инониemi), Пески (Ино), Зеленая Роща (Юккола), Яковлево и ст. Горьковское (Мустамяки), Марченково (Лийкола), Приморск (Койвисто), Кирилловское (Перкярви). Реки: Гладышевка и Черная (Ваммелсун-Йоки), Широкая, Роцинка (Патрикин-Йоки). Озеро Волочаевское (Вуот-Ярви).

Сахакюля — железнодорожная станция между станциями Роцино и Горьковское.

эшелоном — по девять, по восемнадцать, по двадцать семь и больше самолетов зараз. Отбомбившиеся возвращаются, проходя и морем, и лесом, и прямо над головой. Морская авиация уходит за Кронштадт, прочая — на все другие аэродромы.

Мы вышли на шоссе. Круто тормозит мчащаяся «эмка». Из нее выпрыгивает спецкор «Правды» Л. С. Ганичев. В машине — М. Ланской из «Ленинградской правды».

Берет меня и Авраменко в свою «эмку».

Дорога к Райволе. Масса машин. Наконец — пробка. Тяжелая, огромная пробка. В ней — танки, самоходные орудия, грузовики «студбеккер», полевые кухни, телеги обоза... Справа и слева — стены соснового леса. Податься некуда. Стоим час и больше. Не рассортироваться никак.

Вокруг нас повсюду в лесу идет стукотня: это из орудий бесчисленных батарей вырываются снаряды, летящие на врага. Ломая стволы деревьев, сквозь лесную чащу в бой идут полчища тяжелых и средних танков и самоходные установки, похожие на гневных слонов, устремивших вперед свои хоботы. За танками остаются просеки, такие гладкие и широкие, что по ним можно беспрепятственно ехать на легковой машине.

Становится все интересней. Вот в чаще леса появляется танковый генерал — это командующий бронетанковыми силами фронта. Он делит ватагу танков на несколько потоков. Тут же на дороге ставит танкистам задачу. Танки идут в бой, сейчас же. На машинах сидят автоматчики в зеленой маскировочной робе. Вместе с танками идут саперы, весь лес наполнен движущейся пехотой.

Танки сворачивают с шоссе, и первый проламывает себе обход пробки в лесу, за ним с потрясающим грохотом идут другие.

За танками в пролом, по вматым в землю соснам, — мы на своей «эмке». Так обогнули пробку.

Обнаруживаем здесь тылы 72-й стрелковой дивизии, ведущей сейчас бой. Где штаб корпуса, никто не знает, он — в движении, должен прийти сюда. Домики. Люди. Трофеи. Ящики. Машины. Бой происходит где-то рядом. Орудия наши бьют по врагу отовсюду вокруг — из лесу, из Райволы, из-за кустов. Бомбежка, гул авиации не прерываются. Мчатся танки. Проскакивают отдельные машины. Выясняем, наконец, где штаб дивизии. «Это за Патрикин-Йоки, за лесопильней, — в гору, налево, белый домик. Километра полтора-два отсюда». Едем до сохранившейся лесопильни. Мост через реку взорван, переправа по плотине только пешком. Чудесное озеро. Мы на взгорке у окраины превращенной в крепость деревни, которую наши сейчас штурмуют. Срабатывает разок-другой «катюша», работают авиация, артиллерия, тучи дыма вскипают рядом над лесом.

Авраменко с нами уже нет, он пересел в попавшуюся на пути «эмку» «Комсомольской правды», в которой оказались корреспонденты Кудояров и капитан Андреев.

ВЗЯТИЕ КУТЕРСЕЛЬКЯ

14 июня. День

Деревня и урочище, в котором она расположена, называются Кутерселькя, ожесточенный бой за обладание ими ведется с утра.

Оставив легковую машину на берегу реки, мы втроем пробираемся лесом в расположение сражающихся с врагом полков. Здесь, среди танкистов подполковника Юнацкого, оказываемся в самой гуще событий.

Пешком — в гору, в лес. Белый домик, — никого нет. Дальше — в лесу, перед Кутерселькя, — бараки. У бараков машины, люди. Нашли КП 72-й стрелковой дивизии (командует ею генерал-майор Ястребов). Часовые. В дверях — седой, взъерошенный, небритый, с воспаленными от бессонницы глазами, предельно утомленный полковник. Просим дать обстановку.

— Мы — корреспонденты «Правды», ТАСС, «Ленинградской правды»!..

Здоровается вежливо, доброжелательно, устало жмет руки всем:

— Не могу, горячка сейчас... И трое суток не спал.

— Нам только десять минут...

— Хорошо, немного позже. И то если согласны, чтоб эти десять минут — с перерывами...

Из-за спины полковника вываливается рыжий, веснушчатый, высокий подполковник:

— А вы пойдите сначала ко мне!

— А вы кто такой? — спрашивает спецкор «Ленинградской правды» Ланской.

— Я — подполковник Сибирцев. Начальник штаба танкового полка. Полк сейчас ведет бой. Вам интересно будет.

Обрадовались, идем за ним, ведет в лес. Несколько ячеек, плащ-палатка под соснами, тут же — дачка, возле — работающая на земле походная рация, несколько командиров — танкистов. Это — КП 186-го отдельного танкового полка, которым командует подполковник Юнацкий.

С исключительной толковостью, умно, ясно понимая суть того, что нам нужно, спокойно и обстоятельно, по крупномасштабной боевой карте с нанесенной на ней обстановкой, начальник штаба полка Серафим Михайлович Сибирцев рассказывает нам о бое за Кутерселькя, происходящем с утра, и о действиях его полка, состоящего из танков Т-34.

Бой в полном разгаре. Наши войска взламывают мощный пояс вражеской обороны. Этот пояс начинается от Финского залива, пересекает Карельский перешеек, протягиваясь на северо-восток. Левое крыло его — важный опорный пункт Мятсякюля — упирается в залив.

Один из наиболее сильных следующих опорных пунктов этой линии — урочище и деревня Кутерселькя, в глубине перешейка.

Укрепления Кутерселькя падают одно за другим. Усилия танкистов, взаимодействующих с пехотой, обозначаются тут же перед нами; на карте, что лежит посреди плащ-палатки, растянутой под сосной. Ежеминутно принимая от радиста донесения действующих танковых взводов, С. М. Сибирцев штрихами красного карандаша врезается все глубже в квадрат, обозначающий район деревни Кутерселькя, на окраине которой находимся и мы сами. Над нами воеют, пикируя, бомбардировщики, происходят воздушные бои, все виды орудий грохочут вокруг в лесу, стрекотня пулеметов, гул взрывов так забивают уши, что приходится делать паузы и кричать, чтобы расслышать друг друга.

Рассказ Сибирцева прерывается поступающими донесениями, радистом, офицерами, распоряжениями, — бой кипит!

Танки полка прорвали линию финнов без потерь, это — поразительная удача. И настроение в полку отличное. Лежим животами на плащ-палатке вокруг карты, записываем, отрываемся моментами, чтобы взглянуть на какой-нибудь маневр воздушного боя.

Сделав записи, мы прощаемся с Сибирцевым и спешим на КП 72-й дивизии.

Полковник Хакимов Хикмат Зайнутдинович, татарин, добрый и мягкий, душевный человек, совершенно измотанный непрерывной — несколько суток — работой в бою, все же находит возможным разговаривать. Но это не десять минут, а часа полтора, потому что между двумя сказанными нам фразами Хакимов принимает и отдает по телефону приказания: поступило донесение о том, что на дивизию брошена — и приближается к Кутерселькя от Лийколы — фашистская танковая дивизия «Лагус». Немецкие танки появились восточнее Онки-Ярви...

Входит подполковник Сибирцев и уточняет:

— То есть фашисты прошли с километр от Лийколы... Ну, во всяком случае, мы обеспечены?

— У Мустаяк сосед наш — обороняется!

В штабе обычная боевая горячка...

Идем в Майнилу, ищем оперативный отдел. Падают финские снаряды... Черные тучи боя встают по-прежнему в двух километрах от нас. А здесь — саперы трудолюбиво наводят переправу через реку.

К 17 часам положение таково. 182-й полк 72-й стрелковой дивизии продолжает бой в Кутерселькя. На правом фланге сражается 30-й гвардейский корпус генерала Н. П. Симоняка. 109-й корпус генерала Н. И. Алферова бьется за Кутерселькя, Лийколу, рокадную дорогу на Перкярви, форсировал реку Райволан-Йоки, прорвал вторую оборонительную полосу на участке Терикола — Волкала, движется на Лийколу.

994-й полк 286-й сд, преодолев восемь линий траншей, овладел Кутерселькя-Ярви, вышел на два километра северо-западной Ку-

терселья. 109-я дивизия с танками атаковала Сахаюля, овладела ею и отбивает контратаки противника со стороны Мустамяк.

В Мятсяюля противник оказывает упорное сопротивление 108-му стрелковому корпусу...

Бой за Кутерселья подходит к концу, финны в ней окружены...

...Солнце над лесом начинает клониться к западу; к 18 часам Кутерселья взята и очищена от врага. Шум отдаляющегося сражения становится меньше. Со взятием Кутерселья на этом участке вторая мощная полоса оборонительных укреплений финнов прорвана, успех — отличный, и события развиваются стремительно.

Картина сегодняшнего успеха постепенно обрисовывается во всех деталях.

Вчера наши части вышли к озеру Райволан. Танки подполковника Юнацкого и пехота генерал-майора Ястребова получили новую задачу. Перед ними простиралась полоса укреплений финской оборонительной линии, и эту полосу требовалось вскрыть во всю глубину, прорвать и выйти дальше за Кутерселья.

Накануне же, с 16 часов 30 минут до половины третьего ночи, когда к району предстоящего боя подошли танки, разведчики производили рекогносцировку. В 4 часа 30 минут танки сосредоточились на исходных позициях. Преодолев болота, распахав лесные тропинки, они встали в одном километре от переднего края. В восемь утра на позиции врага обрушился огонь артподготовки, такой огонь, какого, по показанию пленных, они не видели за всю войну. Артподготовка длилась полтора часа, и за двадцать минут до ее окончания танки Юнацкого пошли на рубеж развертывания, то есть на линию 133-го полка 72-й стрелковой дивизии, с которым танки взаимодействовали.

Передний край врага обрабатывала налетающая эшелонами бомбардировочная и штурмовая авиация. В 9 часов 30 минут утра артподготовка оборвалась и вся громада наступающих частей начала бой, устремившись вперед по сигналу «в атаку».

Первыми двинулись танки. Рота саперов 52-й Краснознаменной Гатчинской инженерно-саперной бригады под командованием старшего лейтенанта Обухова шла возле танков и впереди их. Автоматчики 14-го стрелкового полка подполковника Королева расположились на танках. Позади танков в бой пошли, гремя гусеницами, две батареи самоходных пушек гвардии майора И. Б. Слуцкого. За 14-м полком двинулся 133-й стрелковый полк майора Колиуха.

Пройдя примерно двести — триста метров, танки приблизились к сплошной стене конусообразных надолб высотой в рост человека. Эти гранитные и железобетонные надолбы, стоявшие в четыре ряда и даже в шесть рядов, не оставляли прохода для танков. Вся земля между надолбами была минирована.

За надолбами тянулись противотанковые рвы глубиной в шесть

метров, их дно было также усеяно надолбами, для того чтобы не пропустить танки даже в том случае, если стены рва будут разрушены и разровнены артиллерийским огнем. Дальше тянулись проволочные заграждения, шесть—восемь колев в ряду, за ними траншея полного профиля в сто восемьдесят — двести сантиметров с нишами, в каждой из которых по шесть — восемь человек могли укрываться во время артиллерийских налетов и бомбежки с воздуха.

Следующие траншеи перемежались с бронеколпаками для пулеметных гнезд, дзотами и дотами. Стены железобетонных дотов были толщиной в полтора метра, — такую стену не пробивает при прямом попадании 152-миллиметровый снаряд, и стрельба прямой наводкой из 76-миллиметровых орудий также не может разрушить такие доты.

Вражеские минометы и пулеметы были расставлены так, чтобы простреливать пояс надолб на всем его протяжении. Эта оборонительная линия создавалась с 1942 года, закончено ее строительство было только в 1944 году. Враг был полон уверенности, что его рубеж абсолютно неприступен.

Танки подполковника Юнацкого остановились перед этой стеной, чтобы проделать в ней проходы. Под огнем тяжелых минометов, пулеметов и автоматов саперы начали разминирование минных полей. Пехота вела прицельный огонь по вражеским амбразурам. Танки и самоходные пушки с места начали ломать надолбы артиллерийским огнем. Командир танковой роты, герой пятисуточных непрерывных боев, старший лейтенант Васильев дал по радио первое донесение: «Подошел к надолбам, но прохода нет». Второе его донесение, через две-три минуты, гласило: «Ищу проход».

Не давая вражеским противотанковым пушкам прицельно, все танки лавировали и вели огонь. Одно за другим вражеские орудия умолкали. Но прохода всё не было, и танки, кроша надолбы непрерывным огнем, медленно прокладывали себе среди них дорогу. Каждая минута промедления несла опасность для всего наступления, каждая минута работы под сплошным огнем врага несла смерть воинам. Саперы трудились с беззаветной самоотверженностью, но проходов всё не было.

Вдруг все увидели одинокий, ворвавшийся в гущу надолб танк. Лавируя, переваливаясь, ныряя, он проползал между надолбами. Это был танк № 958 старшего лейтенанта Васильева, воспользовавшегося разрушением нескольких надолб, чтобы отыскать себе узкий, извилистый, одному ему видимый проход.

В тот же миг рация принесла его третье донесение: «Проход найден, иду в проход, следуйте за мной, поднимайте в атаку пехоту».

Здесь я сделаю маленькое отступление. Старший лейтенант Василий Терентьевич Васильев, молодой туляк, перед тем почти пять суток не выходил из танка, непрерывно, с первого дня на-

ступления корпуса генерала Алфёрова, участвуя в боях. Его танк первым форсировал Ржавую Канаву, при прорыве за Сестрорецком, и уничтожил тогда до роты финнов.

11 июня, на рассвете, когда полк овладел Келломяками, танк Васильева шел головным. По приказу комкора генерала Алфёрова полк должен был с ходу ворваться в Териоки в 8.00 того же дня. Васильев на своем танке вошел в Териоки одним из первых. К 8 часам 30 минутам утра Териоки были очищены от врага, а вся операция закончилась к 13 часам 30 минутам. (Во взятии этого города кроме 185-го танкового полка участвовали 1-й батальон 456-го сп 109-й стрелковой дивизии и две батареи самоходок гвардии майора Слуцкого.) После ранения командира 1-й танковой роты Васильев принял командование ротой. За Териоками рота продвигалась, ведя непрерывный бой.

Мне кажется, это краткое отступление достаточно характеризует качества Васильева и всего экипажа его танка Т-34...

...Получив третье донесение Васильева, весь танковый полк устремился за его танком. Пехота рванулась следом, и сразу, за стеной надолб, наступающие растеклись в стороны, расширяя прорыв. С восьмидесяти — стометровой дистанции танки разрушали огнем противотанковый ров, надолбы на его дне были быстро подорваны и разрушены. Пехота кинулась штурмовать проволочные заграждения, накидывая на них доски, шинели, плащ-палатки — всё, что попадалось под руку.

Волна наступления от центра быстро растекалась по всему фронту штурмуемого участка. Умолкали минометы и пулеметные точки противника, вражеские солдаты и офицеры, захлестываемые штурмом, падали убитыми на дно траншей и сплошных воронок. Взлетел на воздух первый железобетонный дот, один за другим под гранатами и снарядами разваливались дзоты. Время не ощущалось. Линия укреплений сминалась и разрушалась во многих местах. По трупам врагов танки ворвались на окраину Кутерселькя. Пехота майора Колиуха поспешила в обход Кутерселькя с севера и северо-запада, атаковала укрепленную школу и дома поселка.

К середине дня Кутерселькя была полностью окружена, солдаты майора Колиуха уничтожали финнов во всех опорных пунктах окруженного участка, а сквозь него вперед устремились свежие стрелковые подразделения подполковника Королева, примкнувшие к продолжавшим сражение танкам. Со взятием Кутерселькя мощная, казавшаяся противнику неприступной, линия обороны прорвана. Только в самой Кутерселькя было взято двадцать три железобетонных дота. Захвачено много трофейных орудий, минометов и пулеметов. Части составивших гарнизон Кутерселькя 53, 57 и 58-го финских полков и 200-го «добровольческого» полка эстонских фашистов разгромлены. Взяты пленные.

Надо сказать, что Гитлер, дав приказ этим частям держаться любой ценой, одновременно приказал командиру фашистской бро-

недिवизии Лагусу (танки и самоходные орудия) бить по финнам, если они дрогнут под напором советских войск. Наши части не дали Лагусу, двинувшемуся от Лийколы, выполнить этот изуверский и предательский приказ Гитлера.

Слева от Кутерселькя вторая оборонительная линия противника была взломана сегодня же, 14 июня, и в нескольких местах прорвана другими нашими частями, взявшими опорные пункты Ярви, Мустолово, Револомяки и Кортиколя.

Наступающие войска двинулись дальше, к третьей оборонительной линии врага — к линии Маннергейма...

До 10 часов вечера мы — Ганичев, Ланской и я, — забыв об утомлении и опасности, переходим от подразделения к подразделению, наблюдаем происходящее, расспрашиваем об обстановке, делаем записи...

Наша задача сейчас — домчаться до узла связи, написать и передать в редакцию сегодня же ночью наши корреспонденции.

Завтра они должны быть опубликованы: Ланского — в «Ленинградской правде», Ганичева — в «Правде», а моя — через ТАСС — во всех газетах страны.

ВДОЛЬ ПОБЕРЕЖЬЯ

17 июня

Я опять с Ганичевым. Спутник он превосходный — спокойный, уравновешенный, дружески вежливый, отличный товарищ.

Горизонт чист. За горизонтом — Балтика, подступающая к Карельскому перешейку мелким прибоем голубого Финского залива. Угловатый песчаный берег усеян гранитными валунами. Кое-где из воды черными точками выступают отдельные рифы. До войны купальщикам долго нужно было идти от берега, чтоб погрузиться в ласковую воду по пояс. Нынче на тоненькой бесконечной ленте пляжа нет никого, — берег залива минирован, окаймлен на всем своем протяжении рядами колючей проволоки.

Каждые сто — двести метров рогатки колючей проволоки выстраиваются в каре. Внутри каждого каре виднеется дзот; он похож на паука, вытянувшего во все стороны длинные ножки, похож потому, что от него в стороны и в глубь лесистого берега тянутся узкие ходы сообщения. В каждом дзоте три года подряд сидели настороженные наблюдатели. Они видели на горизонте серые полосы русских фортов, они разглядывали в бинокли купол Кронштадтского собора, они боялись морского десанта и губительного огня советских морских батарей. Теперь здесь безлюдно.

Вдоль самого берега, сразу за колючей проволокой и строем деревьев, бежит, извиваясь, гладкое Приморское шоссе. С обеих сторон стоят веселые разноцветные дачи. Они то вытягиваются в линию, прерываемую садами и рощами, то группируются в маленькие поселки. За ними направо — сплошной стеной тянется лес: ели, березы, осины и ольхи с рябиной, жимолостью, калиной,

крушиной и всем многообразием других кустарников. По ветвям деревьев не прыгают белки, не видно птиц, — животные и пернатые удалились в самую глушь лесов.

Многие дачи вдоль шоссе сожжены и разбиты. Сегодня в них располагаются наши командные пункты, штабы, столовые, госпитали, базы снабжения. Вокруг них на несколько часов становятся лагерем наступающие подразделения. Сквозь ветви деревьев повсюду видны бесчисленные танки, орудия, автомашины.

Им некогда задерживаться надолго: заправятся, перегруппируются, вновь вытягиваются на шоссе в линию, чтобы двигаться дальше. Всё Приморское шоссе, на десятки километров, — непрерывно движущийся поток боевой техники. На борту пятитонного, переполненного солдатами грузовика мелом выведена аккуратная надпись: «Станция назначения — Выборг». «Вперед, на Выборг!» — написано на гигантских стволах самоходных орудий. Навстречу нескончаемому потоку машин идет группа пленных в серых каскетках и куртках. Они не могут оторвать испуганных глаз от нашей боевой техники. Они воочию убеждаются, как обманывало их начальство, неизменно твердя, что у русских ничего нет и что потому, мол, продолжение войны с русскими дело далеко не безнадежное... Зато теперь они до конца понимают всю беспредельную глупость и подлость своего незадачливого правительства.

Еще три дня назад, выйдя на берег в местечке Тюрисевя, за Териоками, мы наблюдали, как эшелоны наших самолетов непрерывно бомбили опорный пункт второй вражеской оборонительной линии — прибрежный поселок Мятсякюля. Взрывы поднимались над берегом сплошным каскадом огня и дыма. На шоссе впереди рушились высокие мосты через рассекающие берег реки Патрик-Йоки и Ваммелсун-Йоки.

Сегодня, включенные в движущуюся колонну, мы проносимся в автомашине по новым мостам через эти реки, и Мятсякюля остается далеко позади, в тылу, со всеми его разбитыми железобетонными дотами, с трупами вражеских солдат, которые еще не успели убрать. Позавчера были взяты Лаутаранта, Инониemi и богатый военной историей форт Ино. Только что к нему с моря подходили три наши канонерские лодки и четыре бронекатера; балтийцы разминировали берег и, получив новое задание, отправились дальше, вдоль побережья, поддерживая своим огнем стремительно наступающую пехоту.

В блиндажах и в домиках Ино мы видим следы паники, обуревавшей гарнизон форта. Ему грозило полное окружение, — по лесистым холмам к берегу приближались подразделения 108-го стрелкового корпуса, в море вырастали силуэты приближавшихся боевых кораблей. Солдаты и офицеры гарнизона бежали, оставив на столах недоеденную бобовую кашу, не успев подобрать разбросанные повсюду боеприпасы и оперативные документы.

Еще только два-три часа назад был взят форт Ино, а грохот удаляющегося боя слабеет с каждой минутой. Л. С. Ганичев, фо-

токорреспондент Рюмкин, я и подхваченный нами в Мятсякюля спецкор «Комсомольской правды» Кудояров мчимся в «эмке» по шоссе дальше.

На перекрестках лесных дорог еще нет указателей со стрелками, что ставятся едва успевающими идти по пятам передовых наступающих войск дорожниками. Здесь из леса выходят одетые в маскировочные пятнистые халаты группы штурмовиков, только что очистившие лес от разбежавшихся вражеских автоматчиков. Здесь, за деревней, взятой меньше часа назад, мы натываемся на группу домиков, из которых бойцы трофейной команды выносят, деловито пересчитывая, кипы белья, ящики с сапогами, тюки с новым серосуконным обмундированием. Большой склад снабжения достался в полной сохранности, — отступавшие не успели даже поджечь его.

Грохот сражения слышен всё явственней. Отходя к третьей оборонительной линии, к пресловутой, давно знакомой нам линии Маннергейма, враг ведет арьергардные бои, стараясь хоть немного задержать наши передовые части. Нет, в этом районе сегодня никак не ждали русских гостей. Ведь нас должна была остановить вторая оборонительная линия, строившаяся два года подряд послушными вассалами Гитлера. Разве кто-нибудь из них мог думать, что для прорыва и сокрушения этой линии советским войскам понадобится только два дня?

Неподалеку от взятого за сорок минут местечка Юккола, за которым сейчас кипит бой, в прибрежном лесу виднеется обведенный с четырех сторон рвом и валом квадратный холм. Мы видим уходящий под землю ход и аккуратные двери. Что может быть там, внутри? Еще один дот? Нет, это сооружение имеет назначение совсем иное. Это — большой офицерский клуб, некое подземное кабаре. В нем несколько залов и отдельных кабинетов, тщательно отделанных мореным, с выжженными узорами, деревом. Удобные кресла, стойки, буфеты, диваны, шкафы подобраны в типичном шантанном стиле. На столах — флажтоки с поднятыми на них шелковыми флажками «Великой Финляндии». На потолках — разрисованные на картоне огромные разноцветные гербы. По стенам — фривольные изображения разудало пьянствующих кабатчиков с дудками, мандолинами, кружками пива в руках.

А на буфетных стойках — недопитое вино, посуда с недоеденными бутербродами, только что откупоренные бутылки. Даже электрический свет с ночи еще не выключен...

Слева от шоссе, по которому движутся русские батальоны, плещется Финский залив, в нем видны дымки кораблей Краснознаменного Балтийского флота, огибающие мыс Моли-Ниemi и бухту Тамикко. Справа во всю глубину перешейка наступают наши дивизии. А позади по всем ведущим из Ленинграда дорогам уже движутся к освобожденным селениям строители мирной жизни, какая украсит весь этот обожженный войною край,

18 июня

Еще недавно, в зимнем наступлении к югу от Ленинграда, мы изучали характер поверженных нашими войсками укреплений врага. Тонкие болота, торфяники, гладкие как скатерть поля не позволяли немцам ни маскироваться самой местностью, ни использовать ее особенности для своих укреплений. Главную надежду возлагали немцы на тщательно продуманную и разработанную систему всех видов огневого воздействия, насыщения огнем каждого квадратного метра оборонявшейся ими площади, изрезанной бесчисленными траншеями. Вся местность порой просматривалась на десятки километров вокруг, каждый дом любого населенного пункта, каждый бугорок, каждый ползущий по земле танк, даже отдельный солдат представляли собой далеко видимую мишень.

К северу от Ленинграда, на Карельском перешейке, природная обстановка совсем иная. Врезанные в глубокие каньоны речки и озера; холмы и густые леса, перепутанные в бесконечном многообразии рельефа, представляют собой созданную самой природой крепость, идеально замаскированную складками местности и густым покровом лиственных и хвойных лесов. Наступать в такой местности трудно, даже если бы она не была укреплена никакими инженерными сооружениями и не защищена огневыми точками. Один стрелок может оборонять здесь какое-нибудь узкое дефиле от целой роты противника.

Фашистское командование по приказу Гитлера сделало все, чтобы удесятерить непроходимость и обороноспособность этой природной крепости. Противотанковые рвы с вертикальными стенами были облицованы бревенчатым частоколом. Надолбы гранитные и железобетонные и стальные доты, покрытые дерном, засаженные деревцами, даже на близком расстоянии сливались с естественными буграми местности. Огневые позиции батарей зарывались в гранитную толщу на обратных скатах холмов. Все идущие к фронту дороги на протяжении нескольких километров были пересечены во многих местах высокими бревенчатыми заборами, проходы в которых можно было мгновенно закрыть. На каждом повороте дороги высился очередной дот, простреливающий продольно весь видимый из него участок. На несколько километров в глубину, параллельно линии фронта, тянулись ряды колючей проволоки. У дорог эта проволока была накатана во всю ширину заграждения на огромные деревянные барабаны, — стоило их только перекатить через дорогу, чтоб готовое проволочное заграждение, смотавшись с барабана, закрыло ее. Множество других барьеров закрывало доступ к захваченной противником территории Карельского перешейка.

Мудрено ли, что Гитлер и его приспешники рассчитывали на абсолютную неприступность созданной ими крепости?

10 июня первая оборонительная линия противника была про-

рвана нашим непреодолимым ударом за два-три часа. Земля и все укрепления превратились в бескрайнее сито из смыкающихся краями воронок. Ни леса, ни блиндажей, ни рядов проволоки здесь не стало. Единственное, что сейчас ласкает здесь глаз, — это новые, построенные нашими дорожниками мосты через реку Сестру, новая железная ферма, по рельсам которой уже на третий день после прорыва катятся на север составы пассажирских и товарных вагонов, да прогуливающиеся по обезвреженным минным полям девушки дорожно-восстановительных отрядов, в летних цветистых платьях.

К северу, вглубь, за первой линией обороны, все свидетельствует о смятении получивших внезапный и страшный удар сателлитов Гитлера и о спешке, с которой бежали отсюда те, коим посчастливилось уцелеть. Мы видим несожженные дома деревень и многие невзорванные мосты. Мы видим среди воронок случайно несокрушенные пустые доты, гарнизоны которых могли бы сопротивляться, не будь они уstraщены тем, что совершилось впереди них. Мы видим барабаны с колючей проволокой не сдвинутыми со своих мест, хотя выкатить их на дорогу можно было за какую-нибудь одну минуту. Мы видим у обочин сохранившихся в полном порядке шоссе извлеченные нашими саперами из-под полотна фугасы. В первые два дня и две ночи паника гнала отсюда вражеские войска, только в некоторых искусно укрепленных населенных пунктах отдельные части оказывали отчаянное сопротивление. Но оно тотчас же бывало сломлено нами. Териоки, например, были взяты за полтора часа.

Но, отступая, противник хорошо знал: его укроет вторая, еще более мощная, пересекающая перешеек линия оборонительных укреплений, проходившая от приморского опорного пункта Мятсякюля к Сахакюля, Кутерселькя и дальше через весь Карельский перешеек до Ладожского озера. Она была вмурована в естественные препятствия — в гранитные скалы, холмы, в ущелья, в крутые лесные берега бесчисленных рек и озер. Сталь, бетон, гранит, железо, дерево, тол и земля и болотные топи были сдавлены, сомкнуты, слиты здесь в один сплошной пояс.

На пятый день нашего общего наступления — 14 июня — этот пояс был прорван штурмом во многих местах и разлетелся на мелкие разрушенные нами звенья. Арьергардными боями противник пытался задержать на пути к третьей линии укреплений — к линии Маннергейма — неумолимую лавину наших танков, самоходной артиллерии и пехоты.

Во взятых нами форте Ино, в Перкярви, в Вуотте и сотнях других населенных пунктов мы находим следы этой безнадежной борьбы. На пути к Выборгу нам предстоит еще немало усилий, чтобы довершить сокрушение крепости, созданной фашистами на Карельском перешейке. Но с каждым часом боев эта крепость, пронизываемая вдоль и поперек змеистыми трещинами, все быстрее разрушается.

19 июня

Слева все то же море, пенные волны которого сегодня спешат рядом с наступающими по суше войсками на север. По морю, окутанные дымовой завесой, кильватерным строем идут многочисленные десантные суда, эскортируемые быстроходными боевыми кораблями. Их курс — на север, туда, где сегодня будет высажен десант балтийцев. Они обгибают взятое вчера Койвисто. Понадеявшись на несокрушимость линии Маннергейма, противник не успел подготовиться в Койвисто к длительной обороне. Под угрозой полного окружения нашей армией, стремительно прорвавшей линию Маннергейма, враги бежали из Койвисто с поспешностью. Но не все успели: по дороге на юг бредут под конвоем пленные.

Живописный городок сохранился полностью. На южном мысу, образующем его бухту, сложены в штабеля, погружены на вагонетки узкоколейки свежие доски, заготовленные на лесопильном заводе. Сам завод остался невредим, — стоит только мастерам стать у рабочих мест, чтоб лесопилка заработала полным ходом, снабжая инженерные части нашей наступающей армии. Против высокой кирки, в которой какой-то музыкант-сержант вдумчиво играет на широкозвучном органе, полуциркульными рядами белеют кресты: множество гитлеровских захватчиков, сраженных пулями советских воинов, нашли здесь свою могилу. С другой стороны кирки, у самого моря, тянутся беспорядочно набросанные холмы свежих могил, — нужно было бы много времени, чтобы поставить над ними кресты, а времени не нашлось.

Буйно разросшиеся кусты персидской сирени обступают яркие цветные дома городка. В них — хаос, все то же свидетельство торопливости бегства захватчиков, живших здесь вместе с семьями. В комнатах домов — груды разбросанного имущества, перевернутая мебель, письма, журналы и документы. Дома городка, баркасы на берегу, груды брошенного оружия, оперативные документы финских штабов, все — наше, и много работы в Койвисто сегодня трофейным командам, инвентаризирующим даже каждую найденную здесь мелочь.

Чтобы оказаться здесь — так неожиданно для противника, — наши войска должны были пройти сквозь приморские укрепления линии Маннергейма. С сорокового года всему миру известно, что она собой представляла.

Но за три года нынешней войны она была вновь насыщена инженерными сооружениями, множеством огневых точек. Прежние противотанковые рвы были углублены, леса, холмы и перешейки между озерами оплетены новыми рядами колючей проволоки, а бреши в бесчисленных рядах надолб закрыты новыми надолбами. Десятки новых дотов, минные поля и многие другие препятствия

встали перед нашими войсками в эти дни барьером, казавшимся противнику непреодолимым.

Наши войска с ходу прорвали обновленную и усиленную линию Маннергейма. Только тот, кто воочию видит гигантскую мощь нашей техники, непрерывным потоком движущейся вперед по всем дорогам, идущим к Выборгу, кто вместе с войсками проходит сам сквозь все укрепления третьей оборонительной полосы врага, может получить ясное представление о силе, сокрушившей эти укрепления.

Перед нами укрепленный район Сейвясте. Это — предполье. На Приморском шоссе — раздавленные нашими танками немецкие пушки. Среди полевых цветов, между деревьями девственного леса тянутся ряды колючей проволоки. Гранитные надолбы встают рядами то здесь, то там. Дальше, за Мустаоя, перед рокадной дорогой, отходящей от берега в глубь перешейка (и там пересекающей обе железные дороги на Выборг), тянутся глубокие траншеи. За ними — снова надолбы в четыре ряда, за надолбами противотанковый ров. Широкой полосой дальше темнеют минные поля — взорванные, перепаханные, обезвреженные.

Вот, над самой дорогой, вывороченные стены железобетонного дота, за ним опять (уже на перешейке между Финским заливом и озером Кипинолан-Ярви) ряды проволочных заграждений, от которых остались только вывороченные колья да разметанная проволока. Дальше — бесчисленные бугры свеженарытой земли. Это очищенные нами ячейки автоматчиков, пулеметные гнезда, дзоты.

В северном конце перешейка, — там, где сегодня, на месте взорванного вчера, возник новый мост, где сегодня козыряет проезжающим офицерам белокурая регулировщица, — снова россыпь новых ячеек, сплошь усеявших лес. Еще дальше, в трех километрах за Муриллой, опять надолбы, и противотанковый ров, и обезвреженные минные поля, и траншея. Вдоль всей береговой гряды — бесчисленные дзоты, опустелые, разбитые, никому больше не угрожающие.

Вот немецкое орудие, брошенное за бруствером вместе с передком, полным неиспользованных снарядов. Вот огромный ствол другого, уже извлеченный из разрушенного дзота и поставленный на бревенчатые полозья, чтоб его можно было увезти гусеничным тягачом. Вот две противотанковые пушки...

И всюду в лесу видны взятые нами в бою богатые трофеи. В начале линии Маннергейма техника врага уничтожена, искромсана нашим огнем и танками, разбита. В тылу этой линии, как свидетельство растерянности врага, — неповрежденные пушки, брошенные застигнутой врасплох и побежавшей прислугой. Здесь наши части ворвались в Койвисто.

В глубь Карельского перешейка — в Сумме и в Лейпясуо, взятых сегодня частями, расширяющимися прорыв, — та же картина.

Линия Маннергейма не задержала наступления наших войск ни на один день. Вся западная ее часть сокрушена и пройдена.

Сегодня войска рвут и крушат опорные пункты ее восточной части. Южное побережье Суванта-Ярви и Вуокси-Ярви уже очищено.

Ходит волнами зеленая рожь на полях за линией Маннергейма. Эту рожь будем жать и убирать мы, печь хлеб будут русские хлебопеки в Выборге...

В ЧАС ШТУРМА

20 июня

В ночь на сегодня при бомбежке четырьмя самолетами бухты Кивикомьяки Л. С. Ганичев ранен. «Эмка» разбита. Я нахожусь в передовом стрелковом полку майора С. Ф. Семенова, штурмующем левую окраину Выборга. Только что к нам приезжал командир наступающей с левого фланга 46-й стрелковой дивизии подполковник Борщев, и мы втроем с ним и с белокурым голубоглазым Семеновым (представленным к званию Героя Советского Союза) под кустом сирени изучали крупномасштабную карту. Борщев расчерчивал красным карандашом квадраты, ставил батальонам полка новые задачи.

108-й стрелковый корпус генерал-майора Тихонова подступил с южной стороны к городу. 314-я и 90-я стрелковые дивизии ведут бой на его окраине. На той же южной окраине дерутся самоходки подполковника Котова и танки полковника Соколова, а правее — танки подполковника Ковалевского и танковая бригада полковника Проценко. Многие другие дивизии охватывают город полукольцом. С моря к городу приблизились корабли Балтфлота, высаживают десанты на острова. Тяжелая работа достается саперам: все подступы и дороги минированы, все многочисленные переправы взорваны.

Полк майора С. Ф. Семенова и 1078-й полк Яненко (314-й сд) поддерживаются минометным полком гвардии майора Ф. Е. Шабля и, конечно, всяческой артиллерией. Выйдя с Приморского шоссе на косу, вклинившуюся в залив, минометчики бьют своими стодвадцатимиллиметровками по Выборгу.

...Выборг ясно виден и без бинокля. Тяжелый миномет Степана Ключкова стоит между двумя гранитными валунами на овальной, поросшей строгими соснами высоте. Эта высота венчает собою оконечность узкой и длинной косы, примыкающей с юго-запада вплотную к окраине Выборга. Город и косу разделяет только узкий пролив. Приморское шоссе перекидывается через него мостом, воздвигнутым на трех гранитных быках. Наступающим частям стоит только перейти мост, чтоб оказаться в городе. И возле моста уже два часа подряд шумит бой, хотя основное направление удара штурмующих войск совсем не здесь, а отсюда далеко вправо, — с той юго-восточной окраины Выборга, где не нужно форсировать водных преград, где свободно вступают

в город магистральное Выборгское шоссе и три, слившиеся в одну, железные дороги: от Кексгольма, от Ленинграда и от Койвисто. Там, давя сопротивляющегося врага, к городу все ближе приливает громада наших вышедших на штурм войск — танки, самоходные орудия и пехота.

А здесь, у моста через пролив, нужно только способствовать главному удару. Город отсюда ближе, каждый дом и каждая улица с высоты виднеются отчетливо, огонь отсюда жжет противника с фланга, все боевые порядки обороняющихся просматриваются как сквозь увеличительное стекло. И важно также заградить огнем подходы к этому мосту, чтобы противник не мог ни устремить сюда свой контрудар, ни подпалить шнуры к взрывчатке, заблаговременно заложенной в мост.

Завесу непрерывных разрывов, ограждающую мост, держат другие минометы, а Степан Ключков из своего посылает пудовые мины точно по тем перекресткам улиц, на которые вражеских солдат выдавливают наши наступающие справа части. Точность нужна исключительная. Ясно видны наши танки, внезапно выкатывающиеся из переулков, видны пехотинцы, прыгающие с брони на асфальт, видно, как они рассыпаются и, стреляя из автоматов, бегут вперед, а одновременно видны и группы солдат противника, которые, таясь за углами домов, выжидают, не стреляя, подпуская атакующих ближе.

Нужно не прозевать! Посланная Степаном Ключковым мина, выгнув с воем километровую дугу, плюхается в самую середочку такой готовой открыть стрельбу группы, — и уже некому встретить огнем подскочивших к углу дома наших десантников-автоматчиков.

Малейшая ошибка во времени или в прицеле грозит ударом по своим, потому что свои оказываются на том месте, где была группа вражеских солдат через какие-нибудь две-три секунды после разрыва очередной мины.

...И все-таки мост, по которому перекидывается в Выборг Приморское шоссе, внезапно рушится, — нам ясно: он рушится от детонации, вызванной исключительной мощью обстрела. Но штурм города с этой стороны продолжается вброд, силы штурмующих увеличиваются с каждой минутой, силы сдающего квартал за кварталом противника постепенно слабеют.

Время близится к семи часам вечера. Розовые лучи снижающегося солнца подсвечивают темную тучу, что образовалась над городом от дыма многих пожаров. Пикируя из этой тучи, наши самолеты-штурмовики носятся низко, над самыми улицами. Танки и самоходки катятся по городу уже во всех направлениях, стреляя в те окна домов, откуда вырываются пулеметные очереди.

Разгоряченного, обливающегося потом Степана Ключкова сзади хватает за плечо лейтенант:

— Ты что же, не слышишь?.. Всё.. Всё.. Прекрати огонь! Выборг наш!..

20 июня. Ночь

Мы в Выборге. Белая ночь. Светло как днем. Город горит. Голубое небо и розовые полосы зари заволакиваются клубами черного дыма. Пламя пожаров и взрывов вздымается здесь и там. С острова Линносаари по северной части города бьют тяжелые батареи, но их все меньше, скоро, подавленные и уничтоженные нашим огнем, они замолкают совсем, и сам остров, взятый прошедшими город и форсировавшими пролив подразделениями, очищен от врага.

К середине ночи в городе воцаряется тишина, нарушаемая только взрывами заложенных врагом мин и фугасов, обнаруживаемых нашими саперами. Всюду расставлены наши зенитки, гитлеровским самолетам уже не подступиться к городу. Наши летчики барражируют в воздухе, и всякий осмелившийся приблизиться к Выборгу вражеский самолет либо немедленно спасается от множества наших истребителей, либо пылающим факелом низвергается на приморский гранит.

Квартал за кварталом обходим мы город, вглядываясь в следы хозяйничанья врага. В южной части, на так называемой рабочей окраине, домов почти нет. Большая часть их сожжена и взорвана финнами еще при их отступлении в 1940 году. Заросшие травой фундаменты и подвалы служили нынче врагу очагами сопротивления. Здесь наши танки, самоходные орудия и штурмовые группы пехоты несколько часов назад уничтожали вражеские огневые точки.

Широкое асфальтированное шоссе, становясь главной улицей, ведет в центральную часть города. Узкоколейные трамвайные рельсы заржавлены, — в период оккупации города трамвай здесь, видимо, не ходил. По обочинам и посреди мостовой в лунках, вскрытых нашими саперами, видны хвостовые оперения еще не извлеченных минометных мин и авиабомб, — их закладывали в мостовую стоймя, торчком, выводя наружу только чуть заметные проволочки, соединенные со взрывателями.

На гранитных обрамляющих улицу скалах высятся чередой сосны, а под ними валяются трупы солдат, — тех, что пытались держать под огнем эту улицу. Слева, в примыкающей к заливу низине, протянулось гигантское кладбище автомашин. Здесь были ремонтные мастерские, и враг, отступая, не успел уничтожить их. Оттуда уже доносится методический стук по металлу, а над узкой трубой вздымается мирный дымок. Это водители наших машин заменяют изношенные в наступлении детали запасными частями.

Минуем несколько дотов, сооруженных в гранитных массивах. Они взорваны, и кровь врага еще не застыла на развалинах. Зда-

ние стадиона, к восстановлению которого приступили перед войной, стоит все в тех же потемневших лесах. Вскоре мы убеждаемся в том, что в городе за период оккупации не построено решительно ничего, что созидательный труд в городе отсутствовал вовсе. К старым разрушениям только прибавились новые, и на наших глазах догорают дома, подожженные оставленными врагом в городе поджигателями.

В центре города горит огромный семиэтажный дом, горит ресторан в том же квартале, а выйдя к центральному городскому скверу, мы видим против бронзовой фигуры дикого лося догорающее крыло здания Выборгской библиотеки. У самого входа лежит труп не успевшего бежать и пытавшегося отстреливаться поджигателя.

На наших глазах из подвала жилого дома начинает клубами вздыматься дым. Бойцы спешат сюда затушить возникающий пожар и вдруг выводят из закоулков двора молодого парня в финской солдатской форме. Он попался с поличным, его отводят в только что учрежденное Управление военного коменданта города.

Комендантом Выборга назначен генерал-майор И. Г. Лященко, чья 90-я стрелковая дивизия, вместе с дивизией полковника Елшинова, первой вступила в город.

Северная, основная часть Выборга сохранилась. Выбитые отсюда стремительным штурмом фашисты не успели сделать свое черное дело. Целы примыкающие к порту кварталы, целы пристани и все сооружения; целы многие объекты городского хозяйства... Но разорить город, распотрошить наспех квартиры и магазины фашисты, отступая, успели. С возмущением рассказывает командир вступившего сюда первым полка о том, как, выбивая из домов последних фашистов, бойцы полка везде наталкивались на хаос полного опустошения. Враг ломал, рушил, портил все, что попадалось под руку. Даже горшки с цветами из цветочных магазинов выброшены на улицу. Разбитая мебель, посуда, кипы бумаги, обломки различных товаров и предметов домашнего обихода валяются грудями и внутри домов, и на улицах.

Населения в городе нет. Пленные неохотно признаются: фашистские власти насильственно эвакуировали из Выборга все гражданское население, гнали мирных жителей из города, не позволяя им брать никаких вещей. Тех, кто противился угону, убивали тут же. Так, войдя в один из домов, наши передовые бойцы увидели труп молодой женщины, застывшей в кресле. Большая часть городских квартир еще не осмотрена, — бой только что откисел; из подвалов и темных углов наши бойцы еще вылавливают одного за другим прячущихся вражеских солдат. Полная картина совершенных в городе преступлений обрисовуется позже.

Но и при первом взгляде на разоренный, опустошенный Выборг можно определить, что нет в городе дома, в котором фашистами не совершались бы насилия над людьми,

21 июня

Передовые подразделения штурмовавших Выборг войск ворвались в его юго-восточную часть вчера в 2 часа дня. К 6 часам дня наши войска приблизились к центру города. К вечеру в наших руках оказалась и северная, портовая часть. Почти до полуночи город очищался от последних вражеских автоматчиков, подрывников, поджигателей.

Сейчас, ровно в 0 часов 30 минут, радисты наших расположившихся в городе войск слушают приказ Верховного Главнокомандующего о взятии Выборга.

Воины, взявшие Выборг, не спали по трое, по четверо суток, не знали отдыха, не имели передышки, но в эту минуту никто не задумывается о сне. Радость солдат и офицеров необычайна. Все поздравляют друг друга, все говорят о стремительности, о темпе, о воодушевлении, об умении, благодаря которым только и можно было пройти за десять суток весь огромный путь от Сестрорецка и Белоострова до Выборга и на одиннадцатые великолепным штурмом взять этот славный в истории России город.

...А вот уже и солнце всходит над освобожденным Выборгом. Звенят пилы и стучат молотки саперов, восстанавливающих взорванные мосты. С первого же часа после победы советские люди начинают созидательную работу. Действующие части, пройдя сквозь город, уже ведут бой за несколько километров от него, продолжая в том же стремительном темпе наступление. В город входят воинские тылы, размещаются в очищенных от мин домах и приводят их в элементарный порядок.

Выборг — наш! Там и здесь над самыми высокими зданиями реют красные флаги...

ЧЕТВЕРТОЕ ЛЕТО

(Июнь — июль 1944 г.)

23 июня. Ленинград

А в Ленинграде — совсем уже мирная жизнь. Довоенный быт восстанавливается. В одиночку, семьями и целыми коллективами возвращаются в Ленинград — пока еще по специальным вызовам и разрешениям — эвакуированные в сорок первом и сорок втором годах жители. Рабочие заводов и фабрик, инженеры и техники, коллективы театров и многих учреждений прибывают в Ленинград каждый день. И все хлопочут, устраиваются в своих квартирах и ремонтируют их. Другие, чьи квартиры разбиты или заселены по ордерам переселенцами (из разобранных на дрова или разрушенных домов), добиваются новых комнат и квартир. Есть среди вернувшихся и такие клязуньи, недостойные люди, которые обращают свое нелепое негодование на жильцов их прежней квартиры, хотя те ни в чем и никак не виноваты, потому что в условиях блокады Ленггорсоветом, райжилотделами были вынесены вполне справедливые решения: всех, чье жилье приведено в негодность, сожжено, разбомблено, разбито вражескими снарядами, переселять в пустующие, брошенные квартиры.

Всех, кто вернулся в Ленинград по вызову, кто получил пропуск, дающий право вернуться из эвакуации, городские власти обеспечивают новым жильем. Но многие приезжают самовольно, и, конечно, обеспечить их жильем сразу невозможно. Вот среди этих-то людей и попадаются «буйствующие».

Все, однако, постепенно уладится, жизнь войдет в нормальную колею.

Сегодня я навел на А. А. Ахматову, недавно вернувшуюся в Ленинград из эвакуации. Видел ее впервые после сентября 1941 года, когда попрощался с нею перед ее отлетом в Ташкент, в подвале бомбоубежища, в момент ожесточенной бомбежки.

За свои патриотические стихи А. А. Ахматова награждена медалью «За оборону Ленинграда». Она выглядит бодрой и спокойной, была приветлива, читала стихи.

Завтра — день ее рождения, и она шутливо спросила меня:

— Что подарят мне завтра — Шербур?

— Наверно, Медвежьегорск! — ответил я: в Карелии идет наступление наших войск по всему фронту.

В Ленинград вернулись из Ярославля Наталья Ивановна, мой отец, чье Высшее инженерно-техническое училище Военно-Морского Флота в полном составе переведено из Ярославля сюда, на свое постоянное местопребывание. Поселились, конечно, в моей квартире на канале Грибоедова, — той, которая мне дана была в 1943 году вместо прежней, разбитой снарядами. Квартира отца на проспекте Щорса ремонтируется, как и тысячи других квартир в городе.

Я привез моих близких сам, заехав в Ярославль по пути из Москвы, куда меня вызывало на несколько дней ТАСС.

А в Москву ехал в «Красной стреле», — впервые с довоенных времен, и стоит рассказать об этом пути. Это было 1 июня, и вот что записано тогда в моей полевой тетради...

1 июня. Колпино

Следы разрушений, бомбежек, обстрелов. Одна из заводских труб сбита до половины, ниже — большая дыра. На одной из этих труб, служившей наблюдательным пунктом артиллеристам, я полтора года назад провел день...

А Ижорский завод весь искалечен, весь в руинах!

Вдоль железной дороги мелькают везде только пни. Деревья до самого Красного Бора срублены. Красный Бор — место самых кровопролитных боев. Обе насыпи сплошь изрыты блиндажами, землянками, тесно смыкающимися. Между насыпями — зеленеющая трава водянистой низины. Вся низина — в наполненных водой воронках всех размеров. Дальше, там, где возвышенность, виден «город нор» в сколах железнодорожной выемки. Все изрыто и здесь, и кругом. Видна какая-то одинокая, живущая в одной из нор женщина. Пусто и мертво. Бесчисленные ямы — следы прямых попаданий в землянки.

Дальше — пейзаж переднего края. Противотанковый ров, печально знаменитый огромным количеством погибших здесь в боях воинов. Справа, к югу, — полностью уничтоженный до горизонта мертвый лес — обглодыши голых, избитых стволов. И все-таки отдельные веточки кое-где зеленеют. Страшная «нейтральная» зона — зона пустыни. За ней сразу зеленый, не пострадавший — как кажется издали — лес.

Саблино, поселок Ульяновский — почти целы. Здесь были тылы немецкой армии. Большая часть деревянных домов уцелела. Дальше в пути пейзаж почти без следов войны, лес густ, девствен.

Только редкие воронки вдоль насыпей. На второй насыпи нет ни рельсов, ни шпал, — сняты немцами, увезены. Телеграфные столбы спилены, лежат там, где стояли.

Западная окраина Тосно разрушена вся, здесь шел бой. Видны следы его, чернеют пепелища домов, торчат печные трубы. В восточной части домики Тосно целы.

Также уничтожена станция Ушаки, но поселок частично уцелел. Все без исключения станционные здания и будки путевых обездочиков уничтожены, а дачные домики и избы деревень, как правило, сохранились.

...Любань. Стоим уже двадцать пять минут. Холодно.

Выехали мы из Ленинграда в 17 часов, сейчас — 20 часов 45 минут.

Перезжая перед Любанью речку Болотницу, видел к северу церковь деревни Новинка, думал о тяжелейших боях сорок второго года, боях за Веняголово и Кондюю, о так называемой Любаньской операции армий Федюнинского и Мерецкова.

При подъезде к Любани видны распаханная земля, огороды, даже парники. Женщины с мешками, кошелками идут по своим делам, но людей вокруг мало, — после немецкого нашествия Любань была пуста и мертва.

Середины вокзала в Любани нет — снесена авиабомбой. Руины депо и станционных зданий. В остатках вокзала, — в правом и левом крыле его, — станционная служба. По исковерканному перрону проложены рельсы. По ним в вагонетках везут кирпич, складывают его в штабеля. Вдоль вагонов расхаживают девочки, торгуют букетами черемухи.

На месте станционного здания, примыкавшего к вокзалу, только груды спемментированного кирпича, куски в один-два кубических метра, да ржавое железо, да несколько изломанных железных кроватей.

На торцовой стене вокзала сохранилась надпись: «Любань», но часть черных ее букв замазана зеленой краской камуфляжа. От навесов, что были над перроном, осталось только несколько столбов...

На запасных путях стоят сборные вагоны. Между путями и руинами навален уголь, его грузят в тендеры паровозов прямо с земли.

А в купе вагона «Красной стрелы» — тепло, уютно, разноцветные шелковые абажуры настольных ламп, пиво (по две бутылки, по талонам, на каждого пассажира), — бутылка пива сорок рублей да залог за посуду тридцать.

Состав «Стрелы» роскошен: синие, свежеевыкрашенные вагоны с крупными надписями «Express». Отлично сшитые форменные шинели железнодорожников, на плечах погоны, внешность железнодорожников прямо-таки элегантна. Чистота, опрятность, элегантность самой «Стрелы» явно дисгармонируют с диким хаосом разрушения этой большой станции. Впрочем, скверик, примыкаю-

щий к вокзалу между путями, также чист и опрятен, цветочные клумбы выложены выбеленным кирпичом. А от скверика в здание вокзала нисходит лестница. Я спустился туда, — там вода, остатки нар, рухлядь, немецкая каска. Бетонированный мост над путями разрушен. Водопроводный кран для паровозов действует, но вокруг него руины: кирпич, извитое железо, мусор.

Возле путей сложены бревна, кирпич, валяются бочки. Чуть дальше — скопище мертвых танков, штук восемь, собранных вместе. И опять штабеля: ящики с боеприпасами.

Вокруг зеленеют кварталы городка, они разрушены до основания, торчат лишь трубы печей. Только отдельные разъединенные пустырями деревянные домики не разрушены да устояла белая каменная церковь возле вокзала, побитая осколками, исчербленная.

Вся территория Любани обведена узким окопом с отростками для пулеметных гнезд. За Любанью — зеленые поля, яркая трава, желтые цветочки россыпями.

Через реку Тигоду мы переехали по новому деревянному мосту, а фермы старого лежат в воде разбитые. Вокруг моста несколько заросших травой фортеций — открытых позиций для зенитных батарей. Они очень аккуратны, выложены посередке квадратными площадками для орудий. Кое-где насыпь возле мостов взорвана рядами фугасов. Здесь хозяйничали немцы.

Выехали из Любани мы ровно в 21 час, — еще совершенно светло. А холод такой, что, кажется, выпадет снег.

21 час 10 минут

Березовый молодой лесок на болоте, почти кустарник, свежий, веселый, и — никаких следов войны, даже воронок нет. Дальше — крупный лес, стройные, высокие тонкие березы. Но стоит попасться железнодорожной постройке — только голый фундамент да груда кирпичей, а до и после нее — обязательно воронки от авиабомб, полные воды. Слева одна постройка сохранилась: красное кирпичное здание, на нем цифры «88» (километров), а вокруг него — огороды, серые пока грядки.

Вдали, налево, деревенька в березовых кустах, а ближе — остатки сгоревшего военного склада какой-то базы и часть уцелевшего имущества: бочки, ящики, проволока кругами, — сложены в стороне.

Вдоль насыпей — рельсы узкоколейки, и они же, кругами, на эстакадах, выведенных над болотом, — это поворотные петли, с ажурным дощатым перронцем вдоль всего круга. И опять — лес, лес, не тронутый войною, зеленеющий травой, сочный, свежий. В бескрайности берез — купы сосен.

Пасмурное небо почти очистилось. Остатки туч, перья их чуть подсвечены багрянцем. Где-то далеко на западе садится солнце.

Новые телеграфные столбы тянутся вдоль поверженных немцами столбов прежней линии.

А вторая колея — только шпалы, шпалы, черные, вынутые из насыпи, но лежащие как надо, со следами накладок и костылей. Рельсов и в помине нет.

Поезд идет медленно. Снова целое красно-кирпичное здание справа («93»), клочки огородов возле него и три землянки да несколько старых грядок. Одинокий старик в картузе, копающий землю на огороде. Безлюдье, безлюдье вокруг. Поселившихся здесь, в этом очищенном от немцев краю, так мало, что какой-нибудь человек, увиденный мною, только подчеркивает своей одинокой фигурой бескрайнюю пустынную этих мест.

Перед Чудовом большая часть будок путевых сторожей сохранилась, но все насыпи, кроме одной, по которой медленно идет «Красная стрела», оголены, рельсы и шпалы увезены.

Темнеет. Кое-где воронки от авиабомб. Есть старые, заросшие травой, есть «молодые», с землей по краям.

— Разрешите маскировку сделать! — говорит молоденькая проводница.

— Шелковые занавески даже! — говорю я.

— Бедно живем, что ли?

— Небось!.. В сорок втором, наверное, и не мечтали?

И проводница отвечает гордо:

— Сейчас «Стрела» оборудована лучше, чем в мирное время!

...По расписанию «Красная стрела» теперь (из-за того, что движение однопутно) идет до Москвы девятнадцать часов вместо девяти с половиной, как ходила до войны. Но идет! Идет! Время блокады Ленинграда осталось уже только в воспоминаниях.

Я вернулся в Ленинград вместе с отцом моим и Натальей Ивановной 13 июня. Рано утром на следующий день выехал в части наступающих на Карельском перешейке наших войск и затем прошел с ними весь путь до Выборга...

28 июня

Сегодня по Невскому прошли троллейбусы.

30 июня. Ленинград

Вчера освобожден Петрозаводск. Еще 21 июня было сообщение о форсировании реки Свири, и вот уже большая часть Карелии очищена от врага!

Сегодня — день жаркий. Впервые за войну я оделся в штатское, прогуливался по городу с ощущением, что Ленинград становится совсем мирным городом,

6 июля

Наблюдаю разборку руин на Невском, у площади Восстания. Работают сотни полторы девушек — служащих телефонной станции, треста столовых и других городских учреждений. Ходят с носилками, носят кирпич, грузят его на платформы трамвайных вагонов, которые увозят свой груз к Охтинскому мосту, — там возводится насыпь. Наблюдает за работами девушка-инженер. На полторы сотни работающих женщин и девушек всего два-три юноши. Жарко. Девушки — в коротких юбках, в майках, почти полураздеты, но ничуть не стесняются, им весело, одна, поднимая носилки, поет: «Та-тарарамта, таратина-там-там!», другая, заметив, что я обратил внимание на ее калоши, надетые на босу ногу, смеется: «Модельные порвала!..»

По Невскому и Лиговке, вокруг — обычное городское движение.

А вечером сижу в саду «Буфф», на Фонтанке, пью пиво. Все будто как прежде, как до войны. Тихо. Мало народу. Сад почти пуст. Против меня на скамейке две интеллигентные девушки воркуют с курсантом военно-морского училища. Обсуждают, когда поехать в парк культуры, чтоб потанцевать, покататься на лодке.

Все ленинградские женщины участвуют в общественной работе по приведению города в порядок. Например, бригада жен писателей работает в ЦПКиО.

7 июля

Сегодня встречал Людмилу Федоровну и ее сына, вернувшихся с Урала, помог им устроиться в ее квартире, на Боровой. Она всем довольна, хотя в уцелевших после падения авиабомбы комнатах развал и запустение, и требуется много усилий, чтобы привести все в порядок.

8 июля

Вместе с Александром Прокофьевым, Павлом Журбой, Михаилом Дудиным и Ильей Авраменко я выехал на грузовике под Выборг, в 30-й гвардейский корпус генерала Н. П. Симоняка. По заданию Политуправления фронта мы будем писать книгу о действиях этого корпуса. Составляющие его дивизии прошли замечательный боевой путь, участвовали в обороне Ханко, и в обороне Пулкова, и в прорыве блокады, и в снятии ее полностью, в наступлении на Кингисепп и на Нарвский плацдарм, и в освобождении Карельского перешейка. Им предстоит еще многое, — война и наше наступление продолжаются, Ленинградскому фронту еще идти и идти, освобождать Эстонию, всю Прибалтику, путь многих частей его — до Берлина!

Путь этот не короток, но наступление Красной Армии на всех фронтах Великой Отечественной войны развивается так стремительно, так успешно, что уже никакая сила приостановить, задержать его не может. Это понимает, это знает весь мир. Видя воочию близящуюся, несомненную, полную нашу победу над разгромленной, трепещущей фашистской Германией, уже не могут больше «тянуть волюнку» и наши медлительные союзники — Англия и США. В первых числах июня (только теперь!) им пришлось наконец открыть второй фронт, высадив свои войска на севере Франции. 8 июня мы узнали о взятии Рима.

Что ж! Как говорится, лучше поздно, чем никогда!

НАРВА

(26—27 июля 1944 г.)

13 февраля 1944 года по директиве Ставки Верховного главнокомандования был ликвидирован выполнивший свои задачи Волховский фронт. Через два дня его армии — 8, 54, 59-я — были переданы в состав Ленинградского фронта. Ленинградский фронт во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и при содействии 2-го Прибалтийского фронта (который сковал силы 16-й немецкой армии и перешел 17 февраля в наступление на рубеж Опочка — Идрица) шел вперед.

Еще раньше, к концу января, части правого фланга Ленинградского фронта, и прежде всего 2-я ударная армия, приблизились к реке Нарове.

Тот самый 1074-й стрелковый полк подполковника Н. Г. Арсеньева, который в 1943 году прекрасно дрался у Круглой рожи, совершил новый подвиг. После взятия Веймарна, пройдя за сутки семьдесят три километра, полк захватил деревню Кривые Луки, форсировал реку Нлюссу, в 2 часа ночи 2 февраля взял деревню Низы, в десять утра овладел деревнями Сур-Жердянка и Усть-Жердянка, а затем в тот же день, в 15 часов 30 минут, первым из всех частей Ленинградского фронта форсировал реку Нарова, захватил в деревне Вязки план всех «Годтовских инженерных сооружений» нарвского узла вражеской обороны и создал, пройдя шесть километров за рекой, так называемый нарвский плацдарм. Первым из батальонов, вступивших на вражеский берег, был 2-й батальон полка. Им командовал старший лейтенант Павел Гурьев. Во главе батальона под развернутым, за три минуты простреленным в восемнадцати местах, полковым Знаменем шли по льду его командиры вместе с командиром полка. Вслед за 1074-м полком, в тот же день, в 20 часов на левый берег Наровы вступили другие полки 314-й, получившей название Кингисеппской, стрелковой дивизии генерал-майора И. М. Алиева (1076-й и 1078-й).

3 февраля, когда по всему фронту наступления река Нарова была форсирована во многих местах, 1074-й полк на плацдарме

отразил двадцать пять контратак. 4 февраля немцы бросили на 314-ю дивизию свои новые танковую и стрелковую дивизии, но безуспешно. В этот день Н. Г. Арсеньев был тяжело ранен.

Севернее города Нарвы реку Нарову в те же февральские дни форсировали 30-й гвардейский корпус генерал-майора Н. П. Симоныка и другие соединения.

Так, с действий 314-й стрелковой дивизии 109-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Н. И. Алферова начались бои на знаменитом нарвском плацдарме. Вскоре соединениями 2-й ударной армии генерала И. И. Федюнинского плацдарм был расширен до восемнадцати километров по фронту и пятнадцати в глубину. В этот раз Нарву, однако, взять не удалось, потому что здесь, на границе Эстонии, немцы имели одну из сильнейших крепостей своей обороны. Бои на расширенном плацдарме с перерывами продолжались до июля.

25 июля, хорошо подготовившись, наши войска после восьмидесятиминутной артподготовки, произведенной тысячью орудий, начали наступление на город Нарву. 26 июля решительным штурмом 109-го стрелкового корпуса 2-й ударной армии генерала И. И. Федюнинского и наступавшими с юго-запада соединениями 8-й армии генерал-лейтенанта Ф. Н. Старикова город и крепость Нарва были взяты. Это был последний бой на Ленинградском фронте, в котором мне пришлось участвовать... Я подоспел к Нарве на грузовичке-фургоне газеты «На страже Родины» вместе с ее спецкором В. Василевским и фотографом И. Фетисовым...

...Мы приблизились к Нарве часов около шести, при ярком свете еще жаркого дня. Остановились на перекрестке шоссе, не доезжая Ивангорода, там, где был прежде собор, и увидели холм из битого кирпича, окруженный остатками сгоревших, взорванных домов, машин, танков, обозов.

Впереди не было переправы. Все, кто подъезжал сюда, опасались бомбежки с воздуха, но деваться все равно было некуда, и тысячи машин, стеснившись правее (куда поехали вдоль реки и мы), стояли по многу часов.

Мы пробрались туда, где наводили в это время понтонный мост. То и дело взрывались мины, вспыхивали новые пожары, хотя, казалось, гореть уже было нечему. Мы спустились к воде и решили переправиться через реку в лодке. Несколько полуразбитых, простреленных лодок и плотов курсировало от берега к берегу, перевозя на ту сторону боеприпасы и тех, кто умудрялся грести кусками досок. На одной из таких лодок двинулись и мы...

Солнце садилось в дыму пожаров. Мы направились к городу и только теперь хорошо увидели: города Нарвы не существовало. За три последующих часа, что мы бродили по его дымным развалинам, я не нашел ни одного уцелевшего дома. Узкие улицы завалены обломками так, что местами пройти невозможно. И даже

эти завалы немцами минированы. Характерно: ни в пустых коробках домов, ни в обломках снаружи не видно никаких следов имущества жителей. Все вывезено немцами заблаговременно или сожжено. Останки города производили бы впечатление древних руин, если бы не продолжающиеся пожары и не трупный, идущий из-под развалин запах. Только наблюдательность и осторожность помогают замечать скрытые проволочки насованных повсюду мин.

И еще увидел я немецкие блиндажи, вдвинутые в каменные подвалы, — немцы жили как кроты, как черви, не решаясь высунуть носа на поверхность земли.

В центре города алели мрачные клубки пожаров, из них мгновениями вырывались и рассыпались яркие хвосты пламени, и тогда слышался треск.

...Ища тот поток танков и машин, который должен был устремиться сюда, едва наведут переправу, и в котором должен был двигаться и наш грузовичок, мы обогнули город с севера. По мостовой, обрамленной кустарником и травой, вышли к Таможенной улице. Прежде здесь, очевидно, стояли деревянные дачки. Теперь же не было ничего, кроме кустов, сторевших деревьев да обломков брусчатых заборчиков.

Мы увидели молчаливо стоящий посреди улицы огромный танк. Возле него на камнях тротуара кружком расположились танкисты — ужинали. На гусеницах, на броне танка сидели, переговариваясь, потягивая из кружек чай, и лежали, похрапывая, другие танкисты. За этим танком, истаявая в лунной мгле, гуськом стояло еще четыре-пять таких же громадин. Танкисты угостили нас малиной и красной смородиной, высыпав несколько горстей прямо на облепленный землей металл гусеницы. Это были танки бригады Проценко. Понтонный мост, оказывается, уже навели, но после прохода КВ несколько понтонов разошлись, и теперь, пока мост налаживали, эти головные танки ждали переправы прорих.

Наладив радиоприемник, прильнув к открытому люку, танкисты принимали приказы Верховного Главнокомандующего из Москвы. Во внешнем мире творились великие дела, эфир был полон вестей о них, и здесь, в разоренной Нарве, на фронте особенно волнующими были эти московские известия, из которых мы поняли, что взято несколько городов: было уже четыре приказа — о Белостоке, о Станиславе, о Львове, о Режице... Радость жила в каждом из нас, праздничное чувство владело всеми. Спящий, пробуждаясь, спрашивал: «Что? Какие города?» Узнав, коротко отвечал: «Здорово!», или «Вот это хорошо!», или «Дают им жизни!» И сразу же вновь ронял голову на броню и засыпал опять, но на губах его, уже во сне, продолжала блуждать улыбка.

Через полчаса-час танки должны были двинуться дальше, танкисты шли в бой, и в эти минуты случайной стоянки сон был дороже всего...

Едва танки двинулись, мы трѐе спустились к мосту, где стояли маленькими группами понтонеры, распорядители движения. Мы хотели перейти по мосту на тот берег, нас остановил часовой: приказано никого не пропускать, пока не пройдут все танки и самоходки. Они снова пошли — поодиночке. Мы узнали, что их должно переправиться около пятисот!

Наконец мы упростили часового пропустить нас по мосту, — где не пролезет корреспондент! «Только бегом!» — предупредил он нас. И когда один танк, занимающий всю ширину моста, вылез на берег и полез, выворачивая глину из полуметровой колеи, на крутой подъем, а следующий, на другом берегу, включил мотор, чтоб спуститься к мосту, мы втроем перебежали на правый берег. Разыскали здесь свою машину, добились от коменданта переправы разрешения воткнуть ее в колонну танков и прошмыгнуть на другую сторону реки... Наш фургон чуть не сшибло развернутое вбок орудие самоходки. Наш шофер Галченков рванул вперед, и ствол орудия вовремя повернулся как надо, чтоб не снести наш кузов, а заодно и нас. Потом мы чуть не свалились под откос, потом едва не были расплющены двумя танками... На какие-то пять минут я, вопреки ухабам и тряске, заснул, а проснувшись от толчка, увидел за открытой дверцей фургона быстро разматывающуюся позади ленту пустынной дороги, уцелевшие фольварки, купы деревьев. Мы ехали по Эстонии, от деревни к деревне — пустым, разоренным, и никаких людей на пути нам не попадалось.

Уже рассветало. Позади заревым багрянцем и дымом таяла Нарва...

...Со взятием Нарвы войска Ленинградского фронта, грома остатки 18-й немецкой армии, освободили всю территорию Ленинградской области и двинулись дальше, на запад, на освобождение Прибалтики.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В это время шел разгром гитлеровских полчищ на всех фронтах Отечественной войны. Вскоре вышли из вражеской коалиции и объявили фашистской Германии войну освобождаемые нашей армией Румыния и Болгария. 19 сентября и Финляндия, полностью приняв советские условия перемирия, объявила войну Германии. Советская Армия шла на освобождение Польши, Чехословакии, Югославии, смыкаясь с партизанами этих стран.

За время, прошедшее с начала войны, войсками Ленинградского фронта было уничтожено, ранено и взято в плен больше миллиона гитлеровских солдат и офицеров, захвачено и уничтожено больше четырнадцать тысяч орудий и минометов, двух тысяч танков, девять тысяч самолетов и около двухсот тысяч пулеметов, автоматов, винтовок. Только за август и сентябрь 1944 года на Балтике было потоплено тридцать шесть вражеских кораблей, а с октября 1944 по апрель 1945 года силами КБФ и авиации — еще сто двадцать кораблей...

Расстояние до Берлина сокращалось для нас с каждым днем. А весной 1945 года среди войск нашей армии, вступивших в Берлин и праздновавших в нем нашу победу, были и многие, упомянутые в книге защитники Ленинграда!

...На ленинградских, освобожденных от врага землях войны больше не было. 17 сентября, на следующий день после торжественного вступления наших войск в столицу Болгарии Софию, я вылетел в Бухарест. В начале октября с отрядом югославских партизан дошел до Дуная. Затем с войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов прошел весь дальнейший путь наступления: был при штурме и освобождении Белграда, Будапешта, Вены и закончил войну в майской ликующей Праге. Повсюду там, в войсках, сражавшихся за эти и многие другие города, я встречал знакомых мне воинов-ленинградцев.

В июле 1945 года с одним из эшелонов радостных победителей я вернулся в родной Ленинград.

...26 января 1945 года, к годовщине полного снятия блокады Ленинграда, был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР:

«За выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в трудных условиях вражеской блокады, наградить город Ленинград орденом Ленина».

Как и каждый ленинградец, участвовавший в защите родного города, я счастлив, что кроме медали «За оборону Ленинграда» мне принадлежит и одна миллионная часть этого высокого ордена!

1941—1963

Ленинград — Москва

СОКРАЩЕННЫЕ ТЕРМИНЫ, ПРИНЯТЫЕ В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

- ВПУ — выносной пункт управления
КП — командный пункт
НП — наблюдательный пункт
ПНП — передовой наблюдательный пункт
Савбат — санитарный батальон
МПВО — местная противовоздушная оборона
ПВХО — пункт противовоздушной и химической обороны
Дот — долговременная огневая точка
Дзот — древесно-земляная огневая точка
ПТР — противотанковое ружье
ДНО — дивизия народного ополчения
Морбригада — бригада морской пехоты
ОТБ — отдельный танковый батальон
УР или укрепрайон — укрепленный оборонительный район
ВМФ — Военно-Морской Флот
КБФ — Краснознаменный Балтийский флот
Ленфронт — Ленинградский фронт
ап — артиллерийский полк
КАП — конноартиллерийский полк
Эрсы (РС) — минометная реактивная артиллерия («маруси», или «катюши»)
РГК — резерв главного командования
АРГКА — артиллерийский резерв главного командования армии
БЧ-2 — боевая часть 2
сд — стрелковая дивизия
сп — стрелковый полк
сб — стрелковый батальон
тб или тбр — танковая бригада
тд — танковая дивизия
МИГ, ЛАГГ, ПЕ-2, У-2, И-16 — системы советских самолетов
«Кеттихавк», «томахавк», «харрикейн» — системы американских самолетов
Ю-87, Ю-88, или «юнкерсы»; «хейнкели», «мессершмитты», «фокке-вульфы» — системы немецких самолетов
АХО — административно-хозяйственная часть
Артпулбат — артиллерийско-пулеметный батальон
КПП — контрольно-пропускной пункт
А — армия

2уд. А, или 2УА, — 2-я ударная армия
сбр — стрелковая бригада
осб — отдельная стрелковая бригада
олсб — отдельная лыжно-стрелковая бригада
иптап — истребительный противотанковый артиллерийский полк
НОГ — Невская оперативная группа
ПОГ — Приморская оперативная группа
ВНОС — служба воздушного наблюдения, оповещения и связи
ак — армейский корпус (немецкий)
пд — пехотная дивизия (немецкая)
ип — пехотный полк (немецкий)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Чудо, поразившее мир	5
1941	
Глава первая. Начало. (Ленинград. 22—27 июня 1941 г.) . . .	11
Глава вторая. Удар с северной стороны. Полковой орден Ленина. Полковник В. А. Трубачев и его люди. (Ристалаhti — Киркконпуоле. 29 июня — 4 августа 1941 г.)	18
Глава третья. Враг приближается. (Ленинград. 14—25 августа 1941 г.)	26
Глава четвертая. Удар с южной стороны. На Пулковском направлении. Последние числа августа. (Конец августа 1941 г.)	34
Глава пятая. Крайнее напряжение. За последние дни. Танки под Сестрорецком. Подходит морская пехота. От Териок до Каменки. Еще восемь дней в городе. (4—12 сентября 1941 г.)	42
Глава шестая. Отражаем врага контрударами. Неожиданная поездка. Взятие Симолова. Опять в Ленинграде. Штурм Белоострова. (13—22 сентября 1941 г.)	58
Глава седьмая. Линия фронта стабилизирована. Ленинград в конце сентября. В Агалатове. Село Рыбацкое и канонерка «Красное знамя». На Невском «пятакке». (Ленинград. 23-я, 55-я армии и Невская оперативная группа. 27 сентября — 7 октября 1941 г.)	75
Глава восьмая. Дни в Ленинграде. (8—12 октября 1941 г.) . .	89
Глава девятая. Ленинград в конце октября. (19—31 октября 1941 г.)	95
Глава десятая. В батальоне морской пехоты. В кают-компании подземного корабля. Они явились домой... В час, когда начинается бой... Что же случилось под Александровкой? Белоостров и Каменка под угрозой. Концерт, вопреки обстановке... Что происходит на левом фланге? В пулеметном гнезде. В канун праздника. На обратном	

- пути. (Каменка. 291-я сд, отдельный батальон морской пехоты. 3—7 ноября 1941 г.) . . . . .
- Глава одиннадцатая. **Снабжение иссякает.** (Ленинград. 8—22 ноября 1941 г.) . . . . .
- Глава двенадцатая. **Тьма, холод, голод.** (Ленинград. Декабрь 1941 г.) . . . . .

1942

- Глава тринадцатая. **Преодолеем смерть!** (Ленинград. Январь 1942 г.) . . . . .
- Глава четырнадцатая. **На ледовой трассе.** (Ладога, Влоя. 1—4 февраля 1942 г.) . . . . .
- Глава пятнадцатая. **В армии Федюнинского. Домик в Оломне. Над картой боевых действий. Опять на передовых. Перед наступлением.** (Район Оломны—Погостья. 54-я армия, 883-й гаубичный полк. 6—15 февраля 1942 г.) . . . . .
- Глава шестнадцатая. **В бою за Погостье. Последние приготовления. Минуты перед атакой. В наступление! Положение в Веняголове. На второй день. Люди думают, спорят.** (54-я армия. Лес у Погостья. Оломна. 16—22 февраля 1942 г.) . . . . .
- Глава семнадцатая. **Волхов.** (22—28 февраля 1942 г.) . . . . .
- Глава восемнадцатая. **Петр Пилютов и его товарищи.** (Дер. Плеханово. 27—28 февраля 1942 г.) . . . . .
- Глава девятнадцатая. **Дома, в кольце блокады.** (Волхов, Ленинград. 3—7 марта 1942 г.) . . . . .
- Глава двадцатая. **Первое мая в Ленинграде. День Первого мая. В полнолуние. Второй майский день.** (1—2 мая 1942 г.) . . . . .
- Глава двадцать первая. **Ради одной пули.** (128-я сд 8-й армии. Перед Липками. 14 июня 1942 г.) . . . . .
- Глава двадцать вторая. **В середине лета. Коротко о последних днях. На Ладожском озере. На передовых под Лиговом. Первые впечатления. К отражению штурма. На ленинградских улицах.** (Июль 1942 г.) . . . . .
- Глава двадцать третья. **Перед второй зимой. Общая обстановка. Собрание районного актива. Во Всеволожский район. В деревне Сельцы. Хозяйство треста № 40.** (Ленинград и Всеволожский район. Октябрь 1942 г.) . . . . .

1943

- Глава двадцать четвертая. **Прорыв блокады. Подготовка Начало. Через Неву. Дивизия Н. П. Симоныка. Высота Преображенская. Взятие Шлиссельбурга. Прорыв удался! Встреча. В Шлиссельбурге. Крепость Орешек.** (67-я армия. 12—18 января 1943 г.) . . . . .
- Глава двадцать пятая. **Первый прямой.** (Ленинград—Шлиссельбург—Ленинград. 4—7 февраля 1943 г.) . . . . .
- Глава двадцать шестая. **У Круглой рощи. Путь через «коридор смерти». Блиндаж Арсеньева. Напряжение ожидания. Осмотр переднего края. Полковой быт. Бои за**

	Круглую рошу. Бой 10 мая 1943 года. Последние сутки в полку. (Черная речка у Гонтовой Липки. 1074-й полк 314-й сд. 2-я ударная армия. 23—29 мая 1943 г.)	310
Глава	двадцать седьмая. Снова Синявинские бои. (Морозовка, Арбузово, Ленинград. Начало августа 1943 г.)	335
Глава	двадцать восьмая. Летние дни. Гремят обстрелы. Городской быт. Будничные дела. Во внешнем мире. Крепость духа. Взят Харьков! Хронометраж обстрела. (Ленинград. Август—начало сентября 1943 г.)	341
Глава	двадцать девятая. Дом на Счастливой улице. (42-я армия. Ноябрь 1943 г.)	351

1944

Глава	тридцатая. Блокада снята! В строжайшей тайне. Первые сведения. Бой за Красное Село. День 20 января. Немецкие пушки на Дворцовой площади. В Стрельне и Петергофе. В Пушкине. Павловский дворец горит. Освобождение Гатчины. Салют Победы. Ленинград в радости. (14—29 января 1944 г.)	359
Глава	тридцать первая. В освобожденной Луге. (21—25 февраля 1944 г.)	396
Глава	тридцать вторая. В партизанской бригаде. Комиссар 9-й бригады. Ира Игнатьева. Вступление в мирную жизнь. (Заречье. 9-я партизанская бригада. 26—27 февраля 1944 г.)	403
Глава	тридцать третья. На пепелищах Залужья и Псковщины. Дорога на Псков. Гордая совесть. Как они жили? Горькая доля. Разбойничье гнездо в Быстроныкольской. (Март 1944 г.)	412
Глава	тридцать четвертая. Радостная весна. Раздумья о близком будущем. На северной стороне. Весна в душе. В Соляном городке. Первомайский салют. В Союзе писателей. По свободной Неве. (Ленинград. 30 марта—22 мая 1944 г.)	426
Глава	тридцать пятая. Вперед, на Выборг! Скорее в бой! Взятие Кутерселькя. Вдоль побережья. Сокрушение северной крепости. Сквозь линию Маннергейма. В час штурма. Выборг, 20 июня. Солнце всходит над Выборгом. (Карельский перешеек. 14—21 июня 1944 г.)	440
Глава	тридцать шестая. Четвертое лето. (Июнь—июль 1944 г.)	460
Глава	тридцать седьмая. Нарва. (26—27 июля 1944 г.)	467
	Послесловие	471
	Сокращенные термины, принятые в дни Великой Отечественной войны	473

Лукницкий П. Н.

Л84 Сквозь всю блокаду. Дневник военного корреспондента. М., Воениздат, 1975.

477 с.

Павел Николаевич Лукницкий — автор многих книг, высоко оцененных читателями.

«Сквозь всю блокаду» — дневник военного корреспондента — повествует о мужестве и героизме защитников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. В основу книги положены подлинные события и факты гигантской битвы за город на Неве.

Л 70302-064 171-75
068(02)-75

Р2

Павел Николаевич Лукницкий

СКВОЗЬ ВСЮ БЛОКАДУ

Редактор *К. А. Князев*
Художник *Н. А. Абакумов*
Художественный редактор *Г. В. Гречиго*
Технический редактор *Г. Г. Митрофанова*
Корректор *М. Л. Лебедева*

Г-52825

Сдано в набор 20.6.74 г.

Подписано к печати 1.11.74 г.

Формат 60×90/16

Печ. л. 30, усл. печ. л. 30, уч.-изд. л. 31,418

Типографская бумага № 2

Тираж 65 000 экз.

Изд. № 4/880

Цена 1 руб. 13 коп. Зак. 100

Воениздат, 103160

Москва, К-160

2-я типография Воениздата

191065, Ленинград, Дворцовая пл., 10